

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы
IX Международной научно-практической
конференции памяти М.Ю. Кондратьева

15 – 16 мая 2024 г.

Москва, МГППУ

УДК 316.6
ББК 88.5
С69

С69 Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (15–16 мая 2024 г.). — М.: Издательство МГППУ, 2024. — 777 с. — Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-94051-325-4

Рецензент:

Волкова Е.Н., доктор психологических наук, профессор.

Материалы сборника представляют результаты исследований и практических разработок в сфере социально-психологических проблем современного общества.

Отечественные и зарубежные специалисты обсуждают на страницах сборника актуальные проблемы социальной психологии личности, психологии групп, этнопсихологии, киберпсихологии, возрастной социальной психологии, психологии дорожного движения. Рассматриваются вопросы развития организационной психологии. Большое внимание уделено социально-психологическим аспектам образования. Описаны психологические и психолого-педагогические технологии работы с дошкольниками, школьниками, студентами колледжей и вузов. Сборник адресован психологам, педагогам и другим специалистам, профессиональная деятельность которых связана с решением задач оптимизации и повышения эффективности межличностного и межгруппового взаимодействия.

ББК 88.5

© ФГБОУ ВО «Московский государственный
ISBN 978-5-94051-325-4 психолого-педагогический университет», 2024

ПРЕДИСЛОВИЕ	24
Абалмасова А.Д. Созависимость в детско-родительских отношениях и формирование аддиктивного поведения в подростковом возрасте	25
Абдулина Ю.А., Алдашева А.А. Личностные особенности специалистов с разным уровнем удовлетворенности трудом	28
Авдеева Н.Н., Титова И.С. Особенности родительского отношения к детям дошкольного возраста в зависимости от пола ребенка	31
Авраменко В.Г. Поддержка субъективного благополучия студентов: дифференцированный подход	34
Агишева А.А., Киселева Е.Н. Роль викарной травмы в формировании отчуждения от труда у представителей помогающих профессий.....	38
Агниязова Д.Н., Кожухарь Г.С. Личностные особенности и ошибки вождения у автолюбителей с разным стажем	41
Адучиева В.Д. Эмоционально-личностные особенности подростков, вовлеченных в южнокорейские субкультуры	44
Айбушев Я.К., Толстых Н.Н. Стратегии проактивного копинга как индикаторы субъектности личности	48
Аймаганбетова О.Х. Основные детерминанты толерантности и ее основные виды	51
Алигаева Н.Н. Актуальные проблемы социального самоопределения личности после освобождения из мест лишения свободы	54

Андони А.И. Социально-психологические аспекты изучения дружбы	57
Анисимова Е.В. Особенности проявления эмпатических способностей у студентов и старшеклассников	60
Апасова Е.В., Кулагина И.Ю. Повышение толерантности к неопределенности в процессе социализации	63
Арчакова А.Е., Дудкина В.В., Кучина А.Б., Николаева Н.О. Стили чувства юмора в зависимости от эмоционального интеллекта, перфекционизма и уровня агрессивности.....	66
Афанасьев А.Н., Фокина М.В. Отражение социально-психологических проблем в переживаниях субъектов инклюзии	69
Бабикина М.Р., Трясунова Е.С. Дефициты мотивации молодых ученых образовательных и научных организаций к осуществлению научной деятельности.....	73
Баранова Е.Л., Кочетков Н.В. Социальные представления о причинах дорожно-транспортных происшествий	76
Баранова М.Д., Крушельницкая О.Б. Личностные особенности девушек, вовлеченных в игры жанра романтических визуальных новелл.....	79
Барсуков А.С., Литвинова Е.Ю. Трудности изучения межличностных отношений между инструкторами по вождению и выпускниками автошкол и пути их преодоления	82
Башева А.С., Пашкова Я.А. Успешность профессиональной деятельности сотрудников экстремальных служб	85
Баясева Э.К., Литвинова Е.Ю. Проблема представлений взрослых о детях как участниках дорожно-транспортной среды	88

Белинская Е.П. Параметры адаптации личности к рискам цифровизации.....	92
Берилова Е.И. Особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта, уровня развития группы и копинг-стратегий у спортсменов, занимающихся командными видами спорта	95
Богатеева Л.И. Понимание экстремальной ситуации у курсантов Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского	98
Богатырев К.А. Некоторые этические вопросы использование нейросетей в образовании	101
Богодяж Е.Н., Черчес Т.Е. Взаимосвязь субъективного благополучия и уровня толерантности студентов-психологов....	104
Болотова О.В., Сухарева Л.А. Феномен социальной лояльности и его роль в формировании и укреплении групповых связей.....	107
Бородин А.С., Погодина А.В. К вопросу о трансформации профессий	110
Босенко Ю.М. Взаимосвязь отношений спортсменов-подростков с ближайшим окружением и мотивационного климата в команде	113
Васильева И.Е., Кочетков Н.В. Половые различия образа сексуальных мужчины и женщины	115
Васькина М.А., Кожухарь Г.С. Иррациональные установки старшеклассников и их взаимосвязь с типами эмоциональных переживаний и уровнем эмпатии	118
Веричева Я.И., Крюкова Т.Л. Совладание с негативной эмоциональностью у студентов университета	121

Власова А.Д., Делибалт В.В. Проблемное использование интернета: современный взгляд на феномен	124
Волков Р.С. Психологическое благополучие и социальная поддержка спортсменов в условиях международной изоляции ..	127
Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А. Социальный капитал поколений в организациях: тематическое моделирование предметного поля	130
Войтко О.К. Мотивы удовлетворенности работой сотрудников IT-сферы	133
Воробьева И.В., Матвеева А.И., Шевалдина Д.Д. Проблема эмоционального выгорания педагогов: признаки и возможные последствия	136
Воронко Е.В. Психологический климат в студенческих группах медицинского университета	139
Выродова А.В., Делибалт В.В. Думскроллинг как один из новых видов аддиктивного поведения: факторы риска, подходы к профилактике	142
Гайворонская А.А. Виды чувствительности к справедливости со склонностью к физической и косвенной физической агрессией (на примере подростков 11-12 лет)	145
Галиуллин Э.Э., Кочетков Н.В. К вопросу о проблемном использовании интернета	149
Галоян М.С. Социально-психологические факторы адаптации иностранных студентов в российских вузах	151
Гаранина К.Н., Мухина Т.К. Особенности агрессивного поведения подростков в конфликтных ситуациях	154

Гильманова А.А., Шорохова В.А. Социальные представления о татарах у татар-эмигрантов.....	157
Горелова Д.В., Александрова Е.А. Формирование профессионального самосознания молодежи в условиях деятельностной образовательной среды	160
Горская Г.Б., Витер А.А. Психологические предпосылки коллективной эффективности спортивных команд	162
Гревцев И.А., Кожухарь Г.С. К проблеме влияния субкультур и фэндомов на социализацию молодежи	166
Грекова Е.А., Трофимова Ю.В. Копинг-стратегии педагогов с разной выраженностью тревожно-депрессивной симптоматики	169
Григорьева Л.Д., Кривцова А.С. Представления о внешней красоте и удовлетворенностью жизнью	172
Гришель П.В., Евсюкова О.А. Субъективная незащищенность в сфере труда и профессиональное выгорание у педагогов, работающих с детьми с ОВЗ	175
Гумницкий М.Е., Гумницкая А.С. Особенности оценки личности собственных и групповых ценностно-смысловых установок	178
Гуреева А.О., Крушельницкая О.Б. Особенности профессионального самоопределения студентов на разных этапах обучения в колледже	181
Дамьянович С. Жизнеспособность и ресурсы семьи: оценка кризиса (внешний и внутренний контексты).....	185
Даниленко О.В. Семья как ресурс адаптации пятиклассников к обучению в школе	188

Даниленко О.И., Шуст Ю.В. О мотивах дружбы у людей с разным социальным и культурным опытом	193
Денисенкова Н.С., Колоскова О.В. Взаимосвязь использования цифровых устройств старшими дошкольниками с их социометрическим статусом в группе	196
Денисенкова Н.С., Прокушева М.И. Связь детско-родительских отношений с параметрами медиаактивности старших дошкольников	199
Денисов А.А., Харченко М.А. К вопросу индивидуальных стилей принятия решений работниками с различными формами трудовой деятельности	202
Диденко Г.А. Структурная организация жизненного стиля личности с травматическим опытом	206
Донская А.С., Кочетков Н.В. Баланс жизненных сфер у учителей и учеников образовательной школы	209
Дорофеев А.Ю. Взаимосвязь интрагруппового статуса и индивидуальных ценностей у старшеклассников	212
Евланов Р.А., Кочетков Н.В. Динамика мотивации к обучению в автошколах и отношение к академической нечестности	215
Елесичева Н.И., Ковалева Т.В. К вопросу о взаимосвязи приверженности и удовлетворенности работой сотрудников организации	218
Ершов С.В. К вопросу изучения психологических предикторов профессионального самоопределения будущих сотрудников транспортной сферы	222
Ефимов Е.Н., Павлова О.С. Значение духовных практик для психологического благополучия молодежи	225

Ефремов С.Б., Кочетова Т.В. Использование инновационных технологий в формировании безопасного поведения водителей: проблемы и перспективы исследования	228
Зайцева В.Э., Савельева Т.И. Коррекция негативных эмоциональных состояний сотрудников УИС с помощью технологий арт-терапии	232
Зайтова А.В., Леонов И.Н. Связь гендерных норм с направленностью личности в общении (на примере студентов вуза)	235
Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б. Мотивация учения у студентов колледжа с разным уровнем сформированности профессиональной идентичности	239
Зенчик С.С., Сечко Н.Ф. Проявление эскапизма в киберпространстве	242
Золотарева А.А. Саногенные эффекты добровольчества в отношении соматического и психологического здоровья.....	245
Зотов А.Н., Ткаченко Н.В. Доверие как предиктор гражданской идентичности россиян: к постановке проблемы	248
Зудилова К.В., Крушельницкая О.Б. Временная перспектива и мотивация личности в эпоху цифровизации	251
Иванов М.А. К вопросу об особенностях бизнес-образования	254
Иванова А.В., Клементьева М.В. Особенности Я-реального и Я-виртуального у молодых людей с разными статусами виртуальной идентичности.....	257
Иванова П.С., Кузьмичева Н.А. Тревожность как фактор регуляции деятельности курсантов образовательных организаций	260

Игнатенко И.Н., Литвинова Е.Ю. К вопросу привлечения и удержания молодых специалистов на крупном промышленном предприятии.....	263
Ильин К.С., Шацков П.А. Взаимосвязь копинг-стратегий личности и агрессивности у подростков	266
Исаева С.А. Проблемы социально-психологической адаптации комбатантов с ПТСР	268
Каракаш А.А., Кочетков Н.В. Базовые психологические потребности сотрудников организации и их представления об организационной культуре	272
Карманова А.В., Толстых Н.Н. Особенности идентичности взрослых людей разного пола и возраста.....	275
Карунин И.В, Коркина М.А, Шкиндер Т.А., Иванова Е.М. Влияние утраты родителя в подростковом возрасте на уровень экзистенциальной исполненности жизни молодых людей	278
Кауненко И.И., Хорозова Л.Ф. Восприятие настоящего и будущего времени молодежью гагаузов	282
Кириянова Е.В., Козлова А.А. Психологические технологии противостояния гендерным стереотипам в правоохранительной деятельности	285
Киселев К.А. Особенности эмоционального реагирования жертв сексуального онлайн груминга на ситуации домогательств в сети Интернет	288
Ковалева П.В., Орлов В.А. Связь личностной зрелости и особенностей профессионального самоопределения у старшеклассников	292

Коваленко О.О. Навигация по «социальному Я»: понимание подросткового возраста	295
Ковыльникова Е.А., Кузьмичев Л.В. Формирование культуры здорового образа жизни у молодежи.....	298
Когай И.А., Эйфир М.М., Шукшина Л.В. Исследование агрессивного поведения студентов, занимающихся киберспортом	301
Когалова Д.С., Сачкова М.Е. Особенности личностной и социальной идентичности разностатусных студентов вуза.....	303
Козлова А.Э., Шорохова В.А. К вопросу о ролевых ожиданиях и ценностях женщин – жительниц мегаполиса	306
Колесникова У.С., Сиворонова М.С. Семейный уклад как социально-психологический феномен	309
Колесникович С.С., Гормоза Т.В. Психологическое сопровождение семьи в учреждении образования XXI века.....	311
Кольнер А.Е., Шорохова В.А. Взаимосвязь мотивации достижения успеха и ценностных ориентаций старшеклассников	314
Колтакова А.О., Доронина Н.Н. Особенности самоотношения студентов, воспитывающихся в семьях с разным психологическим климатом	318
Колыванова Э.В., Петракова А.В. Психологическое самочувствие актера как одна из проблем социальной психологии личности ..	321
Комарова Т.К. Межличностное поведение студентов с разным уровнем социальной тревоги.....	324
Кононыхина В.Б. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и психологических ресурсов у студентов.....	327

Коржик А.С., Светлова А.А. Цифровая личность и цифровая социализация: социальные медиа в образовательном процессе – риски и ресурсы	331
Косенкова Н.М., Кожухарь Г.С. Присвоение социальных норм поведения и социальные аксиомы в молодости	334
Косьмина Д.Г., Бусарова О.Р. Связь удовлетворенности жизнью и выраженности сексизма у студентов мужского пола	338
Кочетков Д.М., Кочетков Н.В. К вопросу о методологических проблемах киберпсихологии	341
Кочетков Н.В. Субъектность, киноляпы и провокативная терапия	345
Кочеткова Т.Н. Последствия объектного восприятия собственного тела	347
Красмик Ю.Н., Аймаганбетова О.Х., Рогалёва Л.Н., Рахмалин Б.Р. Современные зарубежные теории мотивации спортивной деятельности	350
Крисько Н.Ю., Хаймовская Н.А. Жизнестойкость, переживание аффекта и удовлетворенности жизнью у молодежи	353
Кружкова О.В. Обесценивание как социально-психологический механизм вандализма	357
Кудряшов Д.П., Кочетков Н.В. Невоплощенность в сети как следствие киберсоциализации	359
Кулага А.А., Гормоза Т.В. Взаимосвязь вектора индивидуально-типологических особенностей и стратегий поведения в конфликте у старших подростков	362

Кухтеня Е.А., Кожухарь Г.С. Воздействие социальной фобии на межличностные отношения в рамках сложных социальных ситуаций	363
Кучерова Е.Ю., Фёдоров В.В., Маринова Т.Ю. Факторы формирования пищевого поведения у молодежи	366
Лаврентьева Е.В., Расходчикова М.Н. Взаимосвязь самоактуализации, мотивации профессиональной деятельности и психологической готовности к профессиональному самоопределению у старшеклассников	369
Ларионов И.В., Тарасов С.В., Дробышева Т.В. Ожидаемая удовлетворенность жизнью на пенсии в группе российских предпенсионеров: результаты первичного анализа.....	373
Лавринович Е.В., Мазаева Е.С. Профессиональное мышление тренеров и ведущих групп как основа управления группой.....	376
Латышева М.А., Еременко Ю.А. Становление психологического здоровья обучающейся молодежи в условиях транзитивности ...	379
Леви Т.С. Методика «Психологическая граница личности»: возможности диагностики и коррекции межличностных отношений	382
Левин Л.М. Психологические особенности детско-родительских отношений несовершеннолетних как фактор их криминализации	385
Лето Л.А., Кривцова А.С. Особенности копинг-стратегий у студентов вуза.....	388
Лобза О.В. Психологическое состояние граждан в условиях политической нестабильности	390

Логачева М.А., Погодина А.В. Сравнительный анализ социально-психологических факторов профессиональной деятельности работников в зависимости от специфики их деятельности	394
Лукьяненко А.Е. Инициативность как черта вовлеченного горожанина.....	397
Лупуляк П.В. Взаимосвязь перспективы продолжения миграции с психологическим благополучием мигрантов	400
Мазнева О.А., Волобуев А.А., Ефремов М.А. Использование искусственного интеллекта в образовании.....	402
Макарова И.В., Кочетова Т.В. Страхи начинающих водителей с различным уровнем личностной тревожности	406
Максутова А.И., Васильева И.В. Специфика копинг-стратегий у алко- и наркозависимых участников программы «12 шагов», находящихся в устойчивой ремиссии и подверженных рецидиву	409
Мангасаров А.В. Особенности организации образовательного процесса в психолого-педагогическом классе	412
Марьин К.А., Крушельницкая О.Б., Шипша А.А. Особенности выбора референтных лиц у студентов (на примере Российской Федерации и Королевства Швеции).....	415
Матвеева С.В. Влияние уверенности в себе на поведение в конфликте в подростковом возрасте.....	419
Маштакова С.В., Рынгач Е.В. Развитие навыков стрессоустойчивости у женщин г. Мариуполя	422
Мельничук А.С. Городкова Э.А. Взаимосвязь выраженности стресса руководителей и предпочитаемых ими форм власти в организации	426

Мещерская-Робустова Е.В., Галич А.В. Психологические трудности преподавателя при обучении заключенных в исправительной колонии	428
Минеев Г.А., Погодина А.В. К вопросу о прокрастинации у сотрудников организации	431
Михайлова И.В., Кудашов Г.А. Взаимосвязь уровня конформности и ценностных ориентаций личности	435
Михайлова О.Б., Корж А.И. Нарциссизм как психологическая проблема: норма или патология?	438
Моголеева Л.В., Мадоян М.А. Технологии оптимизации социально-психологического климата в коллективе сотрудников пенитенциарной системы.....	442
Молчанова А.Ю., Шорохова В.А. Структура социальной идентичности подростков из православных и международных школ	445
Мороз С.С., Бобченко Т.Г. Особенности межличностных отношений с одноклассниками подростков с гаджетозависимостью	448
Мошнина Д.В., Гаврилова Т.П. Родительские установки и удовлетворенность родительство матерей младших школьников	452
Мунгалов В.Н., Блохина М.А. Взаимосвязь временной перспективы студентов-психологов с суверенностью психологического пространства	455
Мястковская Е.Ю., Рябкова И.А. Связь социокультурной и психологической адаптации мигрантов с их личностными характеристиками	458

Назаров Н.А., Демарева В.А. Пилотное исследование эффекта зрителя при просмотре фильма жанра триллер	461
Наубетжанова А.А. Развитие этнокультурной компетентности подростка посредством социально-психологического тренинга	464
Наумова И.И., Кочетова Т.В. Проблема изучения особенностей ПТСР у пострадавших в авариях и дорожно-транспортных происшествиях	467
Нестерова А.А. Особенности проявления вины и стыда у клиентов из восточных и западных культур.....	470
Нестерова А.А., Смолякова Е.В. Исследования партнерского фаббинга в романтических и супружеских отношениях	474
Никулина М.Ю., Клементьева М.В. Самоотношение и выбор стратегий конфликтного поведения в офлайн и онлайн-средах	478
Нимец А.Р., Толстых Н.Н. Внешняя мотивация как позитивный фактор учения у студентов колледжа	481
Новохатская Е.В., Рынгач Е.В. Изучение динамики агрессивности поведения учащихся старших классов	483
Ополовникова А.С., Крюкова Т.Л. Конфликты и способы совладания с ними на начальных этапах развития близких (романтических) отношений.....	486
Орлов В.А. Социально-психологические факторы гармонизации семейных отношений	489
Орлова В.П., Черноярлова Т.Ю., Яковлева Е.К., Николаева Н.О. Взаимосвязь риска нарушений пищевого поведения с индивидуально-психологическими особенностями личности	492
Павлов А.О. Анализ структуры эмоционального интеллекта	496

Павлова О.С. К вопросу о типах проявленности культуры в консультировании	499
Парфёнова Е.С., Кочетова Ю.А. Психологическое благополучие младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам.....	502
Петракова А.В., Лыкова Т.А. Опыт применения методологии теории социальных ролей в изучении киносьемочной команды	505
Петрушихина Е.Б. К вопросу о неэтичном про-организационном поведении	508
Пинтелина Н.В., Хаймовская Н.А. Созависимость и социально-психологические особенности личности православных верующих: есть ли взаимосвязь?	512
Писаренко А.П. О социально-психологическом подходе к исследованию поведения личности преступника-коррупционера	515
Питерский М.Ю., Крушельницкая О.Б. Особенности нравственной сферы личности младших школьников, занимающихся бальными танцами.....	519
Погодина Е.К. Буллинг в учреждениях общего среднего образования: результаты исследования.....	522
Поликарпова Е.С. Лингвокультурологический проект «Мир языков» для посетителей «серебряного» возраста как новая технология социальной работы	525
Полина А.В., Балина А.Д. Депривация доверия у подростков, воспитывающихся в трудной жизненной ситуации.....	528

Полякова О.А., Овсяник О.А. Влияние социальных сетей на формирование ожиданий взрослых в отношении программ электронного обучения	532
Помуран Н.Н. Возможности использования метода анализа перевода с иностранного на родной язык в этнопсихологических исследованиях личности.....	535
Попова Т.А., Дическул О.М. Взаимосвязь самоконтроля и эмоциональной устойчивости подростков, их отношения к родителям и родительских установок на семейные роли	539
Пышнова А.И., Кочетков Н.В. К вопросу об экономических аттитюдах, мотивации профессиональной деятельности и отчуждении сотрудников сферы образования.....	542
Радван С.И., Иванова Е.М. Влияние отсутствия сексуального опыта на психосоциальную адаптацию у студенток.....	545
Радина Н.К. Повествовательная идентичность в мультимодальных текстах цифровых социальных сетей и медиа	549
Распопова А.С. Особенности конфликтности юных спортсменов	552
Рыбина О.В., Токарев А.Г., Вильковская О.Д. О возможностях применения коуч-технологии для повышения эффективности коммуникации ученик-учитель	555
Рязанцева Д.А., Нефедова А.В. Поведение в конфликтных ситуациях разностатусных младших школьников	559
Савостьянов И.В., Самигуллин Р.Р. Психологическое благополучие в эпоху информационной доступности и нестабильного мира.....	562

Саенко А.Ю. Отношение к беспилотному легковому такси у людей с разным стажем вождения.....	565
Самко П.И., Поздняков Я.И. К проблеме изучения зарубежного опыта развития профильного обучения и организации профориентационной работы с подростками.....	568
Самохвалова А.А. Отношение родителей и детей к лидерству в семье	571
Сачкова М.Е., Семенова Л.Э. Решение социальных проблем и вера в паранормальное студентов разных курсов.....	574
Семичев Д.М. Особенности социальной ситуации развития в условиях цифрового детства.....	578
Сергеева А.В. Личностная готовность к переменам студенческой молодежи в условиях киберобучения	581
Серeda Е.В., Кривцова А.С. Представления молодежи о современной семье.....	585
Светлова А.А. Современные подходы к определению востребованных гибких навыков	588
Сибкина А.С., Погодина А.В. Профессиональное выгорание и семейное положение сотрудников организации.....	591
Симакова В.Д., Шумакова Н.Б. Интеллектуальные соревнования старшеклассников и жизнестойкость студентов вузов	594
Синякова А.И., Воронкова И.В. Успешность адаптации к школе у первоклассников в зависимости от стиля детско-родительских отношений.....	597
Скалябина И.Н., Кочетова Т.В. Психологический портрет водителя современного мегаполиса	599

Смильгин Д.А., Погодина Е.К. Интернет-зависимость в подростковой среде.....	603
Собкин В.С., Калашникова Е.А. Влияние социально-стратификационных факторов на представления родителей о целях образования своего ребенка.....	605
Совмиз З.Р. Феномен групповой мотивации: систематизация данных, постановка проблемы.....	610
Суднищикова А.В. Этническая идентичность в детерминации прощения в межэтническом взаимодействии	614
Тарасов С.В. Суверенность психологического пространства личности как показатель соотношения индивидуального и группового.....	619
Терехова Е.А., Безменова И.К. Профессиональная временная перспектива и психологическое благополучие людей среднего и старшего возраста.....	622
Терехова Е.С., Орлов В.А. Ролевые ожидания учителей и родителей как фактор адаптации первоклассников к школе.....	627
Терещенко А.А., Кочетков Н.В. Экономические аттитюды и отчуждение сотрудников организации	630
Титова О.И. Личностные предикторы отношения к социальному взаимодействию с учетом гендерного типа.....	633
Титовец Т.Е. Модернизация содержания профессиональной подготовки специалиста: принципы и критерии эффективности	636
Толчков Г.И., Кулагина И.Ю. Характеристики ценностно-смысловой сферы юношей из неполных материнских семей	639

Трушкова С.В. Роль жизнестойкости в преодолении профессионального выгорания педагогов	643
Туйчиева М.Д., Делибалт В.В. Связь особенностей привязанности и суверенности личности у молодых взрослых.....	645
Тычкова Я.В., Кочетков Н.В. Взаимосвязь между увлеченностью видеоиграми и переживанием стресса	648
Тюкиль О.В. Интерактивные технологии развития межкультурной компетентности педагогов.....	650
Фивейская Е.Ю. К вопросу о прогнозировании развития профессий гуманитарного направления с учетом изменения требований к компетенциям современного специалиста	653
Филина Н.А., Филиппова О.А. Ценностные ориентации и направленность личности старшеклассников с разной готовностью к саморазвитию	656
Филиппова О. С., Сачкова М.Е. Взаимосвязь самовосприятия и социально-психологической адаптации у подростков-сирот и оставшихся без попечения родителей	660
Фоке-Алехин Ф. Окулография как средство для доступа к тонким деталям формирования навыков в цифровой этнографии	663
Фокина А.В. Опыт использования гештальт-терапевтической игры «Королевство» как инструмента развития ролевой структуры класса в школе-интернате	666
Фролова М.А., Клементьева М.В. Соотношение типов привязанности и базовых ценностей у молодежи в реальной и виртуальной среде	669
Хавыло А.В., Панова С.И. Психологические предпосылки толерантного отношения к гендерному насилию у мужчин	672

Харченко М.А., Заболоцкая С.В. Сравнительный анализ отношения к бытовым рискам и рискам дорожно-транспортной среды	675
Цигеман Э.С., Марарица Л.В. Сравнение психологических аспектов качества коммуникации в офлайн и онлайн коммуникации: обзор исследований	679
Чалышев А.М., Кожухарь Г.С. Феномен мотивации в организационной психологии: комплексный подход	682
Черчес Т.Е., Маркович В.А. Особенности гармоничности личности студентов-психологов.....	686
Черчес Т.Е. Особенности стрессоустойчивости представителей различных профессиональных групп	689
Чеснова Ю.В., Сачкова М.Е. Особенности представлений разностатусных учащихся колледжа о лидере	692
Шавкин И.В., Куприянов Р.В. Формирование корпоративной культуры в организациях индустрии гостеприимства (опыт ООО ЦКР «Персонал Профи»).....	695
Шарапов Н.А. Информационное интервью в арсенале диагностики профориентолога.....	698
Шебанова В.И., Шебанова С.Г. Онлайн-самопрезентация как дискурс существования-бытия пользователей веб-форумов с разными типами проблемного пищевого поведения	702
Шейнов В.П., Девицын А.С. Короткая версия опросника прокрастинации: надежность, валидность, факторная структура	705

Шейнов В.П., Девицын А.С. Сокращенная версия опросника самоконтроля в общении: валидность, надежность, факторная модель	708
Шляховая Е.В. Принятие самостоятельных решений и цифровизация	711
Шмелева О.В., Ковалева Т.В. К вопросу об организации процесса адаптации в условиях организационных изменений	715
Шнейдер Л.Б. Изменения в окружающем мире – трансформации в образовании	718
Шупак А., Кочетков Н.В. Животные как фактор, опосредующий субъективные свойства домашней среды	722
Щукина О.Г. Специфика психологического консультирования по проблемам ревности в романтических отношениях	725
Щурова А.Л., Калинин И.В. Проблема подчинения в контексте исследований социальной психологии	729
Юмкина Е.А., Гуриева С.Д. Технологии джоб-крафтинга: новый ракурс в повышении социальной компетентности будущих специалистов помогающих профессий	732
Юмкина Е.А., Медведева А.А. Взаимоотношения сиблингов как предиктор формирования ценностной сферы личности	735
Юрчук О.Л., Дмитриева Н.Н. Особенности адаптации детей, возвращенных из зон боевых действий	737
Яковлева Л.Е., Климова К.К. Исследование связи между эмпатией руководителей и эффективностью их деятельности	742

Январева А.А., Ерохина В.А. Эмоционально-личностные особенности детей младшего школьного возраста, воспитывающихся в неполных семьях.....	745
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	749

ПРЕДИСЛОВИЕ

IX Международная научно-практическая конференция памяти профессора М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» объединила отечественных и зарубежных психологов, педагогов, специалистов, работающих на стыке различных сфер науки и практики, связанных с общением людей в различных ситуациях социального взаимодействия. Каждый год конференция становится площадкой для обсуждения оригинальных идей и результатов новейших исследований, демонстрирует продуктивные подходы к научно обоснованному решению актуальных общественно значимых проблем.

На страницах сборника опубликованы результаты научно-практических исследований, посвященных актуальным проблемам социальной психологии личности и группы, социальной психологии образования, этнопсихологии, киберпсихологии, организационной психологии, социальной психологии дорожного трафика. Многие из них достигнуты в рамках совместной работы дипломированных специалистов с молодыми учеными, в том числе – студентами вузов.

14 мая нынешнего года исполнилось сто лет со дня рождения Артура Владимировича Петровского – профессора, академика Российской академии образования, исследователя, который внес большой вклад в развитие отечественной социальной психологии. М.Ю. Кондратьев с гордостью называл себя учеником Артура Владимировича. На факультете социальной психологии МГППУ в течение многих лет действует научная психологическая школа А.В. Петровского, которая способствует развитию научных идей Артура Владимировича, его учеников и учеников Михаила Юрьевича Кондратьева.

Созависимость в детско-родительских отношениях и формирование аддиктивного поведения в подростковом возрасте

Абалмасова А.Д.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

abalmasovaad@mgppul.ru

Родительское воспитание имеет важное значение для формирования личности ребенка, привязанность к взрослому человеку является биологической необходимостью и изначальным психологическим условием для развития, нарушение же взаимоотношений между родителями неизбежно оказывает отрицательное влияние на формирование детской психики.

Последние десятилетия двадцатого столетия были отмечены возрастающим интересом и всесторонним анализом феномена созависимости, хотя осмысление его экзистенциальных аспектов, таких как потеря смысла существования, отторжение личной свободы, потребительская направленность личности, ощущение отчужденности и стремление идентифицировать себя через других, было инициировано значительно ранее.

Созависимость проявляется через активное участие лица в семейных отношениях, где он выступает как источник и приемник взаимодействий, символически выраженных в заботе и ежедневном попечении. В данном контексте обнаруживаются трудности, связанные с переменой и конкуренцией в привязанностях, а также с неотложной потребностью в эмоциональном отделении от семейного круга, в котором исчерпана потребность в близости [1; 2; 3].

Ключевой проблемой в этом случае является неизбежное противостояние между индивидуальной самореализацией подростков и обязательствами по сплочению и развитию семейных и родовых уз. Подобное рассмотрение позволяет глубже понять сущность семейных взаимоотношений, где наблюдается постоянное напряжение между стремлением к личностному росту и преданностью родовым традициям. Эта проблематика наглядно демонстрирует потенциальные конфликты внутри семейных структур, где ключевые

отношения могут подвергаться переосмыслению в контексте созависимых стремлений.

Поведение подростков, отличающееся зависимостью, рассматривается как результат отсутствия контроля и внимания со стороны лиц, осуществляющих воспитание (чаще всего это родители), в ситуации дестабилизации семейного уюта. Допустимая свобода действий, возникающая в результате недостатка родительского надзора, в контексте дисфункциональных семейных отношений создает условия для проявления и развития неконтролируемых форм поведения у подростков.

В анализе семейных отношений обнаруживается тенденция, когда интенсивное взаимодействие между родителями и детьми, порой принимающее форму гиперопеки, становится причиной развития аддиктивного поведения у подростков. Существует множество факторов, способствующих возникновению подобного типа родительского поведения, среди которых особое место занимают психологические дисфункции взрослых. Интересно, что такие проявления чаще всего наблюдаются в семьях, имеющих определенный уровень благосостояния и придерживающихся авторитарного стиля в воспитании. В таких условиях превалирует явная тенденция к доминированию усиленной заботы о детях, которая, несмотря на кажущуюся благоприятность, содержит в себе потенциальные риски для психоэмоционального развития детей подросткового возраста.

Эмпирические исследования выделяют важность понимания того, как проявляется контроль и повышенная опека в семейных отношениях, с учетом их влияния на формирование поведенческих патологий. Родительская забота, охватывающая крайние точки спектра от гиперопеки до гипоопеки, порождает значительные проблемы в личностном развитии подростков. Гиперопека ведет к формированию личности с искаженной самооценкой и эгоцентричными чертами. Гипоопека – к развитию комплекса неполноценности и агрессивности. Исследования показывают, что в благополучных семьях, несмотря на проявление любви и внимания к ребенку, часто отсутствует должное внимание к воспитанию из-за высокой занятости родителей. Это, по мере взросления, не позволяет

ребенку развить саморегуляцию, привычку к организованности и умение контролировать свое поведение.

В отношениях, характеризующихся острой нехваткой эмоционального тепла и взаимопонимания, возникает образец эмоциональной холодности, сопоставимый с явным отторжением ребенка. Исследования подчеркивают необходимость осознанного родительского участия в воспитании детей, направленного не только на выражение любви и заботы, но и на формирование у подрастающего поколения навыков саморегуляции, а также на установление искренних и теплых отношений в семье [4].

В заключение необходимо констатировать, что созависимое поведение может затрагивать все сферы человеческой жизни, влиять на всю совокупность отношений человека с окружающим миром и с самим собой. Влияние созависимых детско-родительских отношений на развитие аддикций у детей указывает на необходимость квалифицированной психологической помощи и целенаправленной профилактической работы с родителями по осознанию ими истоков своей созависимости и ее роли как в построении детско-родительских отношений в целом, так и в формировании аддикций у детей.

Литература

1. *Злова Т.П., Ахметова В.В.* Влияние семейного воспитания на формирование аддиктивного поведения подростков // Дальневосточный медицинский журнал. 2023. № 4. С. 49-51.
2. *Кузнецова А.Д., Расходчикова М.Н.* Взаимосвязь компьютерной зависимости и социальной адаптации в подростковом возрасте // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2022. С. 209-212.
3. *Кузнецова А.Д., Расходчикова М.Н.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и гейм-аддикции в подростковом возрасте // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Международной научно-

практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2023. С. 444-447.

4. Кушка М.Г. Девиантное поведение подростков как искажение семейного воспитания // Кант. 2022. № 2.

Личностные особенности специалистов с разным уровнем удовлетворенности трудом

*Абдулина Ю.А., Алдашева А.А.
ИП РАН, Москва, Россия
abdulina-youlia-27@yandex.ru*

Под удовлетворенностью трудом (УТ) в психологии труда и организационной психологии подразумевают общую, интегральную оценку профессионально-трудовой ситуации человеком [1]. Эта оценка учитывает различные аспекты его отношения к работе, удовлетворенность профессиональными взаимоотношениями и условиями труда. УТ тесно взаимосвязана с идентичностью профессионала, профессиональным развитием, а также вовлеченностью в деятельность организации и приверженностью ей человека как субъекта профессиональной деятельности [2; 3]. Технологизация рабочих процессов существенно влияет на рынок труда, появляются новые профессии, карьерные возможности, типы занятости, в связи с этим вопрос о необходимости удержания профессиональных кадров на рабочих местах актуализирует исследования УТ.

Удовлетворенность трудом детерминирована внешними (организационными, экономическими и пр.) и внутренними (психологическими) условиями. Последние в контексте УТ рассматривают как личностные особенности, обеспечивающие профессиональную пригодность и эффективность труда человека. В то же время их можно рассматривать как отношение человека к себе и миру, его направленность в целом. Анализ научной литературы выявил недостаточную изученность вопроса соотношения УТ и личностных особенностей человека как субъекта труда.

Цель настоящего исследования – описать личностные особенности специалистов с разным уровнем УТ. Гипотеза исследования – личностная сфера специалистов с разным уровнем УТ отличается их отношением к себе и миру.

Исследование провели в феврале 2023 года в ГБУ «Система 112» г. Москвы. Оно охватило 239 специалистов-операторов: 181 женщина и 58 мужчин в возрасте от 19 до 65 лет (средний возраст – 30,8 лет) с разным стажем работы.

Оценку уровня УТ операторов проводили по методике «Интегральная удовлетворенность трудом». Личностные характеристики изучали с помощью методик: МИС Пантилеева, опросник терминальных ценностей Сенина (ОТеЦ-2).

По результатам оценки общего уровня УТ выборку разделили на три группы: с низким (57 человек), средним (123 человека) и высоким уровнем (59 человек) УТ. Статистическое сравнение выделенных групп не выявило значимых различий между ними по полу, возрасту и стажу работы оператором, но эти группы различались по отдельным шкалам УТ ($p < 0,01$): интерес к работе, профессиональная ответственность, удовлетворенность взаимоотношениями с коллегами и руководством, удовлетворенность достижениями и условиями труда, предпочтение содержания труда заработку (значения по этим шкалам увеличиваются с ростом общего уровня УТ).

В отношении методик изучения особенностей личностной сферы испытуемых применение критерия Н Краскала-Уоллиса выявило ряд различий у операторов с разным уровнем УТ. Для МИС различия обнаружены по шкалам: самоуверенность, саморуководство, зеркальное Я, самооценność, самопривязанность, самоуважение, аутосимпатия (с ростом УТ растут и показатели этих шкал) и самоконфликтность (наблюдается обратная зависимость) ($p < 0,01$). По методике ОТеЦ-2 различия обнаружены в значимости сфер профессиональной жизни, обучения и образования и таких терминальных ценностей, как активные социальные контакты, развитие себя, достижения и духовное удовлетворение (по мере роста УТ наблюдается увеличение показателей по этим шкалам) ($p < 0,01$).

Анализ полученных результатов позволяет делать вывод о том, что различия операторов по общему уровню УТ не связаны с их социодемографическими данными и определяются личностными

особенностями и ценностно-смысловой направленностью операторов. У операторов с низким уровнем УТ обнаруживаются относительно низкие значения по большинству параметров самоотношения, указывающих на их общее негативное отношение к себе и психологическое неблагополучие личности в сравнении со специалистами со средним и высоким уровнем УТ. Кроме того, операторы с низким уровнем УТ имеют относительно низкий уровень значимости профессиональной и учебной сфер жизни, активных социальных контактов, стремления к развитию себя и достижениям, которые важны для профессионального развития и выступают требованиями любой профессиональной деятельности. Отсутствие направленности на профессиональное развитие, интенции к приложению специальных усилий в этой сфере и, как следствие, достижению высоких результатов, низкая мотивация к профессиональным целям являются предпосылками низкого уровня УТ. Специалисты с высоким уровнем УТ, напротив, имеют высокие показатели субъективной значимости этих сфер жизни и терминальных ценностей в сочетании с более позитивным отношением к себе (в сравнении со специалистами со средним и низким уровнем УТ), что благоприятствует эффективному выполнению профессиональной деятельности и достижению чувства удовлетворенности от нее. Таким образом, полученные результаты позволяют сделать заключение о том, что специалисты с разным уровнем УТ обладают различными личностными особенностями, выраженными в их отношении к себе и окружающему миру.

Далее планируется рассмотрение предикторов успешности профессионального труда специалистов с разным уровнем УТ, выделение их ценностно-смысловых маркеров, способствующих росту УТ.

Результаты данного исследования могут быть полезны для разработки программ профотбора и сопровождения специалистов по организации оказания помощи.

Литература

1. Ядов В.А., Киссель А.А. Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического

- истолкования // Социологическое исследование. 1974. №1. С. 78-87.
2. *Галимова Э.Э.* Взаимосвязь эмоциональных составляющих в системе оценки удовлетворенности трудом и эффективности деятельности персонала. Дис. канд. психол. н. Ярославль, 2012.
 3. *Емелин В.А., Рассказова Е.И., Иванова Т.Ю.* Профессиональная идентичность и удовлетворенность профессиональной деятельностью как факторы благополучия на рабочем месте // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2022. №4. С. 115-135.

Особенности родительского отношения к детям дошкольного возраста в зависимости от пола ребенка

Авдеева Н.Н., Титова И.С.

ФГБОУ ВО МГППУ

nnavdeeva@mail.ru, titiova88@mail.ru

Проблема детско-родительских отношений и их влияния на развитие ребенка неоднократно рассматривалась в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей. (Л.С. Выготский, Л.И. Божович, В.С. Мухина, Д.Б. Эльконин, К. Роджерс, Д. Винникотт, М. Кляйн, А.С. Спиваковская, А.И. Захаров, В.В. Столин, А.Е. Личко и др.). Психологами практически всех направлений подчеркивается тот факт, что главным и необходимым условием развития ребенка как человеческого существа, формирования его психологического развития являются окружающие его близкие люди, прежде всего родители. Взаимоотношения ребенка с родителями – основной фактор социализации, его значение невозможно переоценить. Человек становится человеком только в условиях общения с людьми. Однако само наличие живого общения ребенка со взрослым еще недостаточно для его гармоничного психического развития, для полноценного созревания его личности. Большое значение имеют количество и качество общения со взрослыми [5, с. 9].

Семья – это особого рода коллектив, играющий в воспитании личности ребенка основную, долговременную и важнейшую роль. Важнейшая социальная функция семьи – воспитание подрастающего поколения. Традиционно главным институтом воспитания личности ребенка является семья. То, что ребенок в детские годы приобретает в семье, он сохраняет в течение всей последующей жизни. В ней закладываются основы личности ребенка, и к поступлению в школу он уже более чем наполовину сформировался как личность. Именно в семье ребенок получает первый жизненный опыт, делает первые наблюдения и учится, как себя вести в различных ситуациях. Очень важно, чтобы то, чему в семье учат ребенка, подкреплялось конкретными примерами, чтобы он видел, что у взрослых теория не расходится с практикой. В выполнении воспитательной функции по отношению к детям главную роль играет супружеская пара – отец и мать [1, с. 117].

Воспитательная модель родительского поведения отцов и матерей варьируется в зависимости от пола ребенка. Дифференцированный подход матери и отца к дочери и сыну является важным условием формирования полоролевой идентичности ребенка. Принято считать, что отцы играют значительную роль в развитии маскулинных качеств у мальчиков и фемининных у девочек, причем к маскулинным качествам относят автономность, самостоятельность, конкурентность, направленность на достижения, инициативу, а к фемининным – высокий уровень эмпатии, заботливость, способность к сопереживанию, коммуникативность. Соответственно, и отношения с каждым из родителей ребенок строит по-разному. К матери дети чаще обращаются за проявлениями близости и эмоциональной поддержки, а отец обычно выступает как партнер в совместных делах и источник авторитетного мнения. Отцы характеризуют себя как строгих и использующих физические наказания с сыновьями, но не с дочерьми. Матери считают себя более снисходительными в отношениях с мальчиками, а в отношениях с девочками требуют большего послушания. Для формирования гармоничной личности необходима материнская и отцовская любовь. Лишь наличие той и другой обеспечивает формирование духовно здоровой, гармоничной, зрелой личности ребенка [1, с. 136].

Предметом нашего исследования стали особенности родительского отношения к детям дошкольного возраста в зависимости от пола. Гипотеза исследования: существуют особенности в отношении родителей к детям дошкольного возраста в зависимости от пола.

Исследование было проведено на базе МАОУ СОШ №10 (корпус № 4 «Рябинка») г. Долгопрудный. Участники – дети младшей группы (возраст – 3-4 года), из них 10 девочек и 10 мальчиков, дети подготовительной группы (6-7 лет), из них 10 девочек и 10 мальчиков, а также их родители. Всего 40 детей и 80 родителей (отцов, матерей). Средний возраст матерей – от 24 до 40 лет, средний возраст отцов – от 28 до 45 лет. Все участвовавшие в исследовании семьи полные.

Использовались: «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» Е.И. Захаровой (ОДРЭВ), опросник И.М. Марковской «Взаимодействие родителя с ребенком» (ВРР), «Кинетический рисунок семьи», «Семья животных» А.Л. Венгер.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о существовании особенности родительского отношения к детям дошкольного возраста в зависимости от пола ребенка.

Литература

1. *Карбанова О.А.* Психология семейных отношений и основа семейного консультирования / О.А. Карбанова. – М.: Гардарики, 2005. 320 с.
2. *Пирлик Г.П.* Возрастная психология: развитие ребенка в деятельности: учебное пособие для магистратуры / Пирлик Г.П., Федосеева А.М. – М.: МПГУ, 2022. 384 с.
3. *Петрановская Л.В.* Большая книга про вас и вашего ребенка. – М.: АСТ, 2021. 432 с.
4. *Смирнова Е.О.* Особенности общения с дошкольниками: Учебное пособие / Е.О. Смирнова – М.: Академия, 2015. 160 с.
5. *Шимановская Я.В., Козловская С.Н., Старовойтова Л.И.* Психологические различия интеллектуальной и эмоциональной сфер девочек и мальчиков старшего дошкольного возраста // Экология человека. 2016. № 1. С. 32-37.

6. *Реева О.Ю.* Эмоциональное отношение родителей к детям старшего дошкольного возраста / Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 2(42). С. 156-165.
7. Gender 'nonconformity' takes mental toll on teens <https://medicalxpress.com/news/2018-09-gender-nonconformity-mental-toll-teens.html>

**Поддержка субъективного благополучия студентов:
дифференцированный подход**

Авраменко В.Г.

ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия

Avramenko_vg@mail.ru

В научном дискурсе подчеркивается ведущая роль субъективного благополучия как ресурса личностного и профессионального становления. (Л.А. Головей, О.А. Идобаева, И.О. Даниленко, Я.И. Павлоцкая, Е.Б. Лактионова Е.Ю. Григоренко, Е.Е. Федотова и др.).

Поддержка субъективного благополучия студентов особенно актуальна в условиях возросших социальных вызовов, которые накладываются на возрастные изменения личности студента. В юношеском возрасте формируется доминирующая жизненная стратегия личности, определяющая смысл и способ поведения. Среди типичных психологических проблем студенческого возраста – трудности в учебе и адаптации, неуверенность в выборе профессии, тревога о будущем, стрессы во время сессии, слабое владение копинг-ресурсами и др.

На сегодняшний день нет единого понимания феномена субъективного благополучия, недостаточно изучены предикаторы, условия и механизмы его формирования у студентов, и, как следствие, отсутствует действенная система профилактики [1]. Субъективное благополучие описывается как через эмоциональное самочувствие, счастье и удовлетворенность жизнью (гедонистический подход), так и через восприятие личностью своих жизненных целей, смыслов,

ценностей, самореализации (эвдемонический подход). Говорится о двух уровнях субъективного благополучия: баланс положительных и отрицательных эмоций и уровень когнитивных оценок [3].

Субъективное благополучие переживается как удовлетворенность и смысловая наполненность жизни, принятие себя и окружающего мира, стремление к самореализации. И как результат – позитивное эмоциональное состояние и успешное функционирование.

Значимые факторы субъективного благополучия студента: реализация собственного потенциала, гармоничность отношений с окружающими, ценности, самосознание, физическое и психическое здоровье, условия обучения и профессиональной самореализации, способности и востребованные навыки, академическая успешность и профессиональное становление. Важно, чтобы студент осознавал себя субъектом собственной жизни, раскрывая и переживая свой внутренний потенциал и свою включенность в значимые для него отношения [2].

Анализ опыта поддержки субъективного благополучия студентов в зарубежных и российских вузах [4] позволил выделить наиболее актуальные задачи по обеспечению системной и адресной помощи: регулярное проведение мониторингов, использование различных форматов информационной поддержки, доступность разных видов адресной психологической помощи, индивидуальный подход, кадровое и ресурсное обеспечение практик психологической поддержки, формирование корпоративной культуры и системы многоуровневой поддержки благополучия личности в вузе.

Для студентов актуальным является запрос на профессионализм, конфиденциальность и доступность информации о возможностях получения психологической поддержки в вузе [4].

Исследование запросов студентов на психологическую поддержку на примере МГПУ¹ показало выраженную дифференциацию

¹ Исследование проводилось в рамках НИР «Исследование моделей содействия психическому здоровью и психологическому благополучию в системе учреждений ДОНМ. Этап “Высшая школа”. МГПУ - Студенты». в 2023-2024 г.

студентов по уровню осведомленности, понимания возможностей и принятия психологической помощи. Не все студенты способны сформулировать запрос на психологическую помощь, часть из них слабо ориентируются в поле возможностей вуза в оказании помощи.

Были выделены целевые группы студентов с разными особенностями и специфическими запросами на психологическую помощь:

- первокурсники, для которых психологическая поддержка становится важнейшим условием их адаптации, социализации и профессионального становления;
- студенты, испытывающие состояние тревоги и стресса во время сессии и нуждающиеся в своевременной помощи;
- студенты, переживающие так называемый «синдром третьекурсника», связанный с разочарованием в выбранной профессии или направлении подготовки;
- студенты, пребывающие в трудной жизненной ситуации (иногородние, социально незащищенные, студенты с ОВЗ и т.д.), переживающие эмоциональное напряжение, фрустрации, страхи и т.д.;
- студенты старших курсов, испытывающие трудности профессионального самоопределения, тревожность, потерю смысла своей будущей профессиональной деятельности;
- студенты-кураторы, волонтеры и активисты, с проблемами эмоционального выгорания, неудовлетворенности собой, тревоги, психосоматическими нарушениями.

У каждой группы свои факторы риска и свои запросы на психологическую помощь, а, следовательно, необходимы и свои форматы профилактической и коррекционной работы. Кроме того, психологическими основами дифференциации студентов могут быть: содержание и уровень осознанности запросов, уровень самосознания, характер учебной и профессиональной мотивации, гендерные и личностные особенности, уровень саморегуляции и копинга.

Сочетание дифференцированного и системного подходов предполагает скоординированное и целенаправленное «ведение»

студента по разным уровням и направлениям профилактической и коррекционной помощи на основе обратной связи. А это требует формирования культуры поддержки субъективного благополучия в вузе.

Литература

1. *Бохан Т.Г., Терехина О.В., Шабаловская М.В.* Особенности структуры и содержания субъективного благополучия у российских и зарубежных студентов, обучающихся в едином образовательном пространстве // Человеческий капитал. 2022. № 12-1 (168). С. 264-276. DOI: 10.25629/НС.2022.12.30.
2. *Авраменко В.Г.* Готовность педагогов к формированию персональной позиции в отношении собственного здоровья и здоровья обучающихся / В.Г. Авраменко, Е.В. Нехорошева, Д.А. Касаткина // Проблемы современного образования. – 2022. – № 4. – С. 174-189. – DOI 10.31862/2218-8711-2022-4-174-189. – EDN JHCKUU
3. *Леонтьев Д.А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля / Д.А. Леонтьев // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1(155). – С. 14-37. – DOI 10.14515/monitoring.2020.1.02.
4. *Нехорошева Е.В., Касаткина Д.А., Миронова А.В.* Содействие психологическому благополучию студентов в зарубежных университетах. В книге: Большая конференция МГПУ. Сборник тезисов. Т.3. Москва. 2023. С. 47-50. https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54328226_34511544.pdf.

Роль викарной травмы в формировании отчуждения от труда у представителей помогающих профессий

Агишева А.А.

ИП РАН, Москва, Россия

Киселева Е.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anastasya_ozornina@mail.ru, kiseleva.kateri@yandex.ru

Высокострессогенная среда, внутри которой пребывает современный человек, характеризуется постоянной фоновой угрозой безопасности, жизни, здоровью и психологическому благополучию. Представители социономических профессий сегодня чаще других работников сталкиваются с проявлениями острого, травматического и посттравматического стресса у получателей их услуг, на помогающих специалистах приходится наибольшая психологическая нагрузка. При этом данные современных исследований указывают на то, что эмпатическое взаимодействие с людьми, переживающими психотравматизирующий опыт, является предиктором развития специфического контртрансфера у помогающих специалистов, в некоторых случаях ведущего к формированию викарной травмы [4]. В результате викарной, опосредованной травматизации психика специалиста претерпевает ряд трансформаций: происходит «заражение» симптомами, характерными для непосредственной травмы, редукция профессионализма, утрата смыслов, возникают «вина выжившего» и чувство беспомощности. К факторам повышенной уязвимости в отношении викарной травматизации могут быть отнесены: наличие в анамнезе специалиста некомпенсированной травмы, выполнение обязанностей в экстремальных условиях, недостаточная компетентность, длительность контакта с носителями травмы, игнорирование психогигиенических и профилактических мероприятий.

Викарную травматизацию изучают в tandem с профессиональным выгоранием – часто коморбидным, но не тождественным состоянием. Травма помогающего специалиста является реактивным новообразованием, формирующимся в ответ на работу с травмированным субъектом или группой лиц, и не обязательно имеет

кумулятивную динамику, в то время как профессиональное выгорание может поэтапно развиваться в ходе трудовой деятельности любого типа. Ряд авторов рассматривает проблему профессионального выгорания как одну из масок отчуждения от труда в современном обществе, допуская и другой вариант, при котором отчуждение идентично одной из фаз синдрома профессионального выгорания [3].

Некоторые виды деятельности, например, оказание кризисной психологической, экстренной медико-социальной помощи подразумевают взаимодействие специалиста с субъектом, находящимся в состоянии психологического регресса. Профессиональные отношения в рамках такого контакта могут терять свою субъект-субъектную форму, уплощая личность помогающего субъекта до социальной, профессиональной функции. Регулярное исполнение работником обязанностей такого рода потенциально индуцирует отчуждение от труда – диссоциативное явление, в ходе которого производимые человеком материальные, духовные ценности, оказываемые им услуги и сам процесс их создания экстерииорируются, отделяясь от актора трудовой деятельности [1].

В силу того, что социально-психологическая поддержка осуществляется при задействовании собственной личности специалиста, можно говорить о наличии «орудия труда», находящемся внутри субъекта деятельности. При этом вероятное отчуждение от труда будет носить более фатальный характер и сопровождаться отчуждением работника от самого себя. Дополнительную динамику может задавать триангуляция, обусловленная реализацией деятельности в трехстороннем порядке: работодатель, помогающий специалист и получатель услуги, в результате чего нарушается герметичность субъект-субъектных отношений. Несмотря на то, что профессиональное взаимодействие, построенное на истинной (не когнитивной) эмпатии, несет потенциальные риски викарной травматизации с последующим отчуждением в случае недостаточной рефлексивности и ассертивности специалиста, современные исследования указывают и на позитивные аспекты подобного эмоционального труда, выделяя возможность переживания близкого духовного контакта с другим, получение искренней благодарности и чувство сопричастности [2].

Отчуждение от труда охватывает эмоциональный, когнитивный и поведенческий уровни, соответственно, профилактика, диагностика и коррекция должны осуществляться на каждом из них. К превентивным мерам следует отнести поддержание мотивации на оптимальном уровне, регулярную ревизию ценностно-смысловых аспектов трудовой деятельности, культивирование чувства принадлежности к профессиональному сообществу, соблюдение режима труда и отдыха, доступ к информации о викарной травме, развитие навыков саморегуляции и своевременное обращение за помощью. Также отметим, что в ряде исследований приводятся данные, указывающие на опосредованный посттравматический рост и укрепление профессиональной идентичности помогающих специалистов, успешно переживших викарную травму, что может быть обусловлено как эффективным совладанием с экзистенциальной тревогой в процессе обработки травматичного опыта, так и с обогащением арсенала адекватных копинг-стратегий при прохождении ненормативных кризисов [5].

Дальнейшее эмпирическое исследование взаимосвязи викарной травмы и отчуждения от труда у представителей помогающих профессий находится в зоне высокой актуальности. Поиск эффективных механизмов профилактики и коррекции обсуждаемых состояний обусловлен необходимостью минимизации текучести персонала и качественной поддержки квалифицированных кадров в условиях серьезных вызовов современности.

Литература

1. *Зубарев Е.В.* Отчуждение труда: понятие, экономическая категория и основные факторы // Челябинский гуманитарий. 2010. 1 (10).
2. *Симонова О.А.* «Светлые» и «темные» стороны эмоционального труда: концепция отчуждения в теории А.Р. Хокшильд и современные исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2023. 26 (1).

3. *Чаплинская Я.И.* Профессиональное выгорание как форма отчуждения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2017. 4 (27).
4. *Cummings C., Singer J., Hisaka R., Benuto L.T.* Compassion Satisfaction to Combat Work-Related Burnout, Vicarious Trauma, and Secondary Traumatic Stress // *Journal of Interpersonal Violence*. 2021. 36 (9–10).
5. *Hernandez-Wolfe P., Killian K., Engstrom D., Gangsei D.* Vicarious Resilience, Vicarious Trauma, and Awareness of Equity in Trauma Work // *Journal of Humanistic Psychology*. 2015. 55 (2).

Личностные особенности и ошибки вождения у автолюбителей с разным стажем

Агниязова Д.Н., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
di240385@mail.ru

Повышение безопасности дорожного движения является одной из приоритетных задач общества. Автомобильные аварии и несчастные случаи на дорогах часто происходят из-за ошибок вождения, которые могут быть в определенной степени соотносимы с личностными особенностями водителя [3].

Обращение к проблеме личностных особенностей автолюбителей, в связи с ошибками вождения, позволяет понять, какие факторы оказывают влияние на поведение человека на дороге. Определенные черты личности, например, агрессивность, склонность к риску, личностная тревожность, недисциплинированность или неуравновешенность, существенным образом сказываются на межличностном взаимодействии. В связи с этим, исследование взаимосвязи между личностными чертами и ошибками при вождении может помочь разработать более эффективные программы обучения и психологической подготовки водителей [2].

Также существует необходимость в снижении общего уровня аварийности на дорогах, чему может способствовать повышение

водительской компетентности с учетом личностных особенностей и компенсация возможных неблагоприятных тенденций посредством дополнительной подготовки. В целом понимание того, какие черты личности могут привести к опасным ситуациям на дороге, позволит нам разработать меры по предотвращению подобных ситуаций и повышению безопасности дорожного движения [1].

Для определения личностных особенностей и ошибок вождения у автолюбителей было осуществлено эмпирическое исследование.

В качестве респондентов выступили 80 водителей, разделенных на две группы по критерию стажа вождения: 40 любителей и 40 опытных водителей. Группу автолюбителей составили мужчины в возрасте от 20 до 30 лет, со стажем водительства менее двух лет ($M = 24,58$), тогда как группу опытных водителей – мужчины в возрасте от 28 до 41 года, со стажем вождения более пяти лет ($M = 32,98$).

Исследование носило констатирующий характер и предполагало определение личностных особенностей и ошибок вождения у участников двух групп. Диагностические средства включали: «Лист самооценки вождения автомобиля» (В.В. Молев), методику психологической диагностики надежности водителя по управлению транспортным средством В.Е. Петрова, методику диагностики степени готовности к риску Г. Шуберта, а также тест В.Ф. Ряховского «Самооценка конфликтности».

Процедура диагностики оценки особенностей вождения автомобиля позволила заключить, что для автолюбителей (стаж менее двух лет) характерными являются достоверно более высокие значения ориентации на соблюдение установленного скоростного режима ($p = 0,03$). Также автолюбители (стаж менее двух лет) характеризуются тем, что при вождении они держат руль двумя руками ($p < 0,01$), в целом чаще, чем опытные водители (стаж более пяти лет) включают сигналы поворота перед началом маневра ($p < 0,01$). С другой стороны, для опытных водителей характерен более высокий уровень оценок плавного начала движения ($p < 0,01$), они стараются проверять пространство вокруг себя, перед тем как сдать назад ($p < 0,01$), им свойственна большая предусмотрительность при перестроении ($p = 0,04$), а также они чаще переключают свет при встрече с другим автомобилем ($p < 0,01$).

Результаты диагностики психологической надежности водителя по управлению транспортным средством позволили говорить о том, что для автолюбителей характерен достоверно более высокий уровень тревожности ($p = 0,03$) по сравнению с опытными автомобилистами. Кроме того, можно говорить о том, что опытные водители характеризуются достоверно более высоким уровнем дисциплинированности ($p = 0,01$), а также самоконтролем ($p = 0,02$) в сравнении с автолюбителями, имеющими стаж активного управления автомобилем менее двух лет.

Исследование готовности к риску позволило заключить, что опытным водителям присущ более низкий уровень готовности к риску ($p = 0,01$), по сравнению с автолюбителями.

В свою очередь, результаты диагностики самооценки конфликтности показали, что ее уровень у автолюбителей достоверно выше ($p = 0,01$) по сравнению опытными водителями. Практически половина автолюбителей имеют выраженную и высокую конфликтность.

В ходе исследования было определено, что лица со стажем вождения менее двух лет отличаются от опытных водителей тем, что они более внимательно относятся к соблюдению скоростного режима. Они держат руль двумя руками и чаще используют сигналы поворота перед маневрированием. В то время как для опытных водителей более значимо осуществлять плавный старт, проверить пространство перед задним ходом, быть осторожными при смене полосы движения, а также более часто включать фары при столкновении с другими автомобилями. Также можно отметить, что автомобилисты имеют более высокий уровень тревожности по сравнению с опытными водителями. Опытные водители также характеризуются более высокой дисциплиной и самоконтролем по сравнению с автомобилистами, которые находятся за рулем менее двух лет. Результаты исследования готовности к риску показывают, что опытные водители имеют более низкий уровень риска, чем автомобилисты. Также можно отметить, что у автолюбителей диагностируется в целом более высокий уровень самооценки конфликтности, чем у опытных водителей.

Перспективами дальнейших исследований может считаться работа, направленная на изучение других факторов, влияющих на совершение

ошибок вождения, а также деятельность по разработке программ психологического обучения и сопровождения процесса вождения как специфического вида деятельности.

Литература

1. *Бебинов С.Е.* Особенности формирования профессиональных водительских навыков: монография / С.Е. Бебинов, В.А. Сальников. Омск: СибАДИ, 2016. 168 с.
2. *Волкова А.О.* Усталость водителя и безопасность движения / А.О. Волкова, Е.А. Козырева. // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Динамика взаимоотношений различных областей науки в современных условиях». Казань. 2017. ч. 2. С. 9-12.
3. *Панченко О.А.* Психологические критерии надежности профессиональной деятельности водителей автомобильного транспорта / О.А. Панченко, М.В. Гаража, В.В. Плохих. // Актуальные проблемы транспортной медицины. 2012. Т. 29. № 3. С. 60–63.

Эмоционально-личностные особенности подростков, вовлеченных в южнокорейские субкультуры

Адучиева В.Д.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
valeriya8aduchieva@gmail.com

В настоящее время субкультура является одним из наиболее сильных инструментов социализации подростков и молодежи. Субкультуры развивались долгое время, претерпевали изменения, носили как положительный, так и отрицательный характер, и до сих пор не имеется однозначного мнения, являются ли субкультуры полезным течением социализации общества, или все же вовлечение в них приносит больше вреда, чем пользы. В данном случае южнокорейские субкультуры не стали исключением этих споров.

Южнокорейские субкультуры зародились еще в 1990-2000-х годах, ввиду узкой направленности и отсутствия возможности широкого распространения они не являлись глобальными, нося больше узконаправленный характер. Но, с развитием интернета и социальных сетей, получили более широкое распространение среди публики. В настоящее время южнокорейские субкультуры, а именно k-поп и coverdance, являются одними из самых известных и многочисленных субкультур в современном обществе [1; 2]. Для того, чтобы выявить степень распространения влияния k-поп на современную молодежь, проводились социальные исследования об узнаваемости исполнителей или песен в жанре k-поп. Полученные результаты показали, что 85% опрошенных увлекаются или слышали этот жанр, а среди не знающих – 52% ответили заинтересованностью в музыке и желанием с ней познакомиться [3].

С ростом влияния k-поп зародилась и вышедшая из этого увлечения субкультура coverdance. Каверденс зародился в России ближе к 2012-2013 годам, широкое распространение среди населения получил ближе к 2020 году. Отчасти это связано с повышением популярности самого жанра k-поп, отчасти с появлением танцевальных конкурсов и мероприятий, связанных с кей-поп культурой. Участники этой субкультуры занимаются тем, что подготавливают перформансы, основанные на оригинальном исполнении их кумиров [4].

Нельзя отрицать, что вовлечение в субкультуры накладывает отпечаток на эмоционально-личностные особенности молодежи. Эмоциональный интеллект у молодых людей, увлекающихся кей-поп, преимущественно невысокого уровня, также снижен и уровень эмпатии, в сравнении с невовлеченными [5].

Цель данного исследования – выяснить, имеется ли схожесть эмоционально-личностных особенностей у подростков, вовлеченных в данные субкультуры.

Использовались: «Личностный опросник» Г. Айзенка, 16-факторный тест Кеттелла и опросник «Форма по изучению личности», предназначенный для анализа личности по 14 факторам с точки зрения теории потребностей Г. Мюррея.

В исследовании участвовали подростки 13-17 лет, разделенные на две группы. Первая группа включала в себя вовлеченных в южнокорейские субкультуры, вторая – подростков, не заинтересованных в данном направлении.

Из полученных данных видно, что среди подростков, вовлеченных в кей-поп, большинство холериков – около 58% всех опрошенных, на втором месте находились сангвиники – 25%. В то время как в контрольной группе не наблюдается таких сильных различий в темпераменте, и преобладающее большинство было среди меланхоликов – 31%. Анализируя полученные результаты, мы выявили, что подростки с типом темперамента «холерик» при заинтересованности в кей-поп культуре ищут пути выхода своей нерастраченной энергии и вступают в каверденс как способ самовыражения и самореализации. Их привлекает общность идеи, физическая активность, коллективная заинтересованность, желание проявиться как в составе группы, так и индивидуально.

Полученные результаты показывают, что, несмотря на различие темперамента, практически у всех участников уровень экстравертности довольно высок – показатель выше 10 у 89% испытуемых (по шкале экстраверсии Айзенка). Однако по шкале замкнутости Кеттелла преобладают низкие показатели: практически у 60% опрошенных показатель ниже 5. После анализа данных это не является удивительным: хотя кей-поп и каверденс – открытые субкультуры с близким живым общением, также в них отмечается высокая конкуренция среди участников, с повышенной критикой и лидерскими позициями.

Данные по уровню тревожности и напряженности (тест Кеттелла), показывают, что 73% участников первой группы проявляют повышенную тревожность, причем среди них максимальный показатель тревожности имеют около 20% испытуемых. В то же время, в контрольной группе высокий уровень тревожности наблюдается лишь у 40% опрошенных. Анализируя полученные данные, можно предположить, что данные параметры связаны с кризисом подросткового периода и влиянием субкультуры на него. Беспокойство, неуверенность в себе, излишняя тревожность и озабоченность лишь подкрепляются в оживленной, вечно движущейся

и изменяющейся среде с присущей ей конкурентностью между участниками.

Таким образом, мы выявили, что подростки, вовлеченные в южнокорейские субкультуры, имеют более высокий уровень тревожности, и при довольно высоких показателях экстравертности отмечается довольно высокий показатель замкнутости.

Однако проведенное исследование не позволяет полноценно определить личностные особенности подростков, вовлеченных в южнокорейскую субкультуру, исключить возможность влияния на испытуемых их актуального эмоционального состояния. Поэтому необходимы дальнейшие исследования.

Литература

1. *Савина Н.Ю.* Влияние К-POP на российскую молодежь и подростков // Петрозаводск: сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции, 2022. – С. 170-174.
2. *Жданова Л.Г., Шрейбер О.Д.* Эмоциональные особенности молодежи, увлекающейся корейской волной // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии.* – 2014. – № 43. – С. 94-100.
3. *Миляева К.О., Сорокина Р.Н.* Влияние музыкального течения К-зпз на развитие личности современной молодежи // *Молодежь XXI века: шаг в будущее. Материалы XXIII региональной научно-практической конференции, 2022.* – 327-328.
4. *Лиджиева А.М.* «Are you Koreans?» – «No, we are Kalmyks!»: развитие танцев «K-pop cover dance» среди молодежи Калмыкии // *Вестник КИГИ РАН.* 2021. №2. С. 337-346.
5. *Жданова Л.Г.* Эмоциональные особенности молодежи, увлекающейся корейской волной. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnye-osobennosti-molodezhi-uvlekayusheysya-koreyskoy-volnoy> (дата обращения 31.03.2024)

Стратегии проактивного копинга как индикаторы субъектности личности

*Айбушев Я.К., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aibushev@mail.ru, nnvt@list.ru*

С.Л. Рубинштейн в своих рассуждениях об определении субъекта рассматривал два способа существования человека, где первый связан с непосредственным проживанием жизни и формированием отношения к ней через отдельные ее явления. Второй способ связан с проявлением рефлексии, нададаптивного поведения (термин Э. Фромма), другими словами, взгляда на жизнь со стороны с целью выработки определенного отношения к ней [3].

К.А. Абульханова-Славская, продолжая развитие идей С.Л. Рубинштейна относительно субъекта, утверждала, что человек, будучи субъектом, в состоянии изменять объективное положение вещей как в собственной, так и в социальной жизни, вырабатывая особый способ их организации. Личность как субъект деятельности выполняет особую функцию по оценке условий и требований этой деятельности, актуализируя, мобилизируя и перестраивая доступные внутренние ресурсы [1].

Объектом нашего исследования является субъектность как личностное свойство, а предметом – взаимосвязь копинга и субъектности. Понятие копинга на разных этапах развития представления о нем обозначалось как стиль поведения, а позже, в более широком смысле – как стратегия поведения. Стратегии проактивного копинга позволяют субъекту собрать воедино основные усилия для достижения поставленных целей [5].

E.R. Greenglass выделил несколько характеристик проактивного копинга: непосредственно проактивный копинг как оценка степени восприятия человеком трудной ситуации в виде позитивного опыта; рефлексивный копинг описывает когнитивное восприятие доступных ресурсов; стратегическое планирование заключается не только в способности ставить перед собой цели в будущем, но и в умении планировать свои действия на пути к их достижению; превентивный копинг оценивает возможности по предвосхищению возможных

трудностей; а поиск инструментальной и эмоциональной поддержки определяют степень готовности к поиску решения проблем в социальном окружении [5].

Целью нашей работы является определение связей субъектности со стратегиями проактивного копинга. Для поиска и доказательства их наличия было проведено исследование среди 133 юношей и девушек в возрасте 16-17 лет, обучающихся в общеобразовательной школе, колледже и в вузе. Для сбора данных были использованы методики М.А. Щукиной «Опросник «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)» [4] и Е.П. Белинской «Опросник проактивного копинга» [2].

Результаты исследования показали наличие ряда связей общего уровня субъектности личности со стратегиями проактивного совладания, а именно: умеренная по силе прямая взаимосвязь со шкалой «Проактивное совладание» ($r = 0,477$; $p < 0,001$), умеренная по силе прямая взаимосвязь со шкалой «Рефлексивное совладание» ($r = 0,404$; $p < 0,001$), умеренная по силе прямая взаимосвязь со шкалой «Превентивное совладание» ($r = 0,344$; $p < 0,001$), умеренная по силе прямая взаимосвязь со шкалой «Поиск эмоциональной поддержки» ($r = 0,310$; $p < 0,001$), очень слабая по силе прямая взаимосвязь со шкалой «Поиск инструментальной поддержки» ($r = 0,176$; $p = 0,042$).

В ходе анализа связей отдельных шкал субъектности со стратегиями проактивного совладания было обнаружено, что почти все из них имеют значимые взаимосвязи по силе от слабой до умеренной. Однако, были выявлены несколько исключений: шкала «Стратегическое планирование» имеет одну единственную взаимосвязь: с показателем «Опосредствованность-непосредственность» ($r = 0,382$; $p < 0,001$), а шкала «Поиск инструментальной поддержки» имеет взаимосвязи только с показателями «Целостность-неинтегративность» ($r = 0,185$; $p = 0,033$), «Опосредствованность-непосредственность» ($r = 0,202$; $p = 0,020$) и «Креативность-репродуктивность» ($r = 0,175$; $p = 0,044$).

Результаты проведенного факторного анализа показали наличие фактора, объединяющего в себе все без исключения шкалы проактивного копинга и общий уровень субъектности личности.

Для проверки гипотезы о влиянии стратегий проактивного совладания на общий уровень субъектности личности был проведен регрессионный анализ. Полученные данные свидетельствуют о том,

что стратегии копинга «Проактивное совладание», «Стратегическое планирование» и «Поиск эмоциональной поддержки» являются значимыми предикторами субъектности личности. Регрессионный анализ, где в качестве зависимых переменных выступали шкалы субъектности, показал, что основным предиктором для 4 из 6 шкал выступает «Проактивное совладание».

Для выявления типологии субъектности личности был выполнен кластерный анализ. Полученные данные позволили выделить 6 отдельных групп юношей и девушек, имеющих характерные особенности субъектности в сочетании со стратегиями проактивного совладания. У групп респондентов с высоким уровнем субъектности преобладали стратегии проактивного совладания высокого и умеренного уровней. Низкий уровень субъектности, в свою очередь, характеризуются либо незначительным уровнем отдельных проактивных стратегий, либо вовсе преобладанием стратегий избегания.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Проблема определения субъекта в психологии // *Субъект действия, взаимодействия, познания (Психологические, философские, социокультурные аспекты)* / Под ред. Э.В. Сайко. М.: НПО «МОДЭК». 2001. С. 36 – 52.
2. *Белинская Е.П.* Опросник проактивного копинга: адаптация на неклинической выборке и прогностические возможности // *Клиническая и специальная психология*. 2018, Т. 7. № 3. С. 192 – 211.
3. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003.
4. *Щукина М.А.* Опросник «Уровень развития субъектности личности (УРСЛ)»: руководство по применению. Методическое пособие. Тюмень, 2005.
5. *Greenglass E.R.* Proactive coping // *Beyond coping: Meeting goals, vision, and challenges* / E. Frydenberg (ed.). London: Oxford University Press, 2002. P. 37–62. doi: 0.1093/med:psych/9780198508144.001.0001.

Основные детерминанты толерантности и ее основные виды

Аймаганбетова О.Х.

*КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
alnara25@mail.ru*

В современной психологической литературе диапазон дефиниций термина «толерантность» представлен достаточно широко.

Толерантность рассматривают как характеристику межкультурного взаимодействия в социальном аспекте (Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко, Л.А. Шайгерова); формирующиеся нормы поведения (Л.А. Волович, И.А. Колесникова, Г.В. Мухаметзянова); совокупность характеристик и установок личности в психологическом аспекте (А.Г. Асмолов, В.В. Глебкин, Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова); результат преломления личностных свойств и качеств в системе отношений субъекта в условиях микро- и макросоциума в социально-психологическом аспекте (Г.Л. Бардиер, А.В. Перцев) [2, с. 106-109].

Среди зарубежных ученых проблемой толерантности занимаются S. Waldzus [5, с. 31–47], рассматривающий толерантность как ценность и внутригрупповой процесс, взаимосвязанный с идентификацией себя относительно малой группы; M. Hjerm – описывает толерантность как трехкомпонентную модель, включающие следующие аспекты: признание разницы между людьми, ее принятие и уважение к наличию этого различия [4, с. 897–919]. R.T. Witenberg представляет толерантность как концепт, с которым тесно взаимосвязаны логика, эмпатия и чувство справедливости [6, с. 55–71].

Экстраполяция представленных точек зрения позволяет рассматривать толерантность как систему установок, определяющих позитивное отношение к представителям других этнических, культурных, религиозных и др. групп.

Согласно модели Р.В. Габдреева, имеется семь уровней развития толерантности личности, на каждом из которых толерантность проявляется по-своему:

1) уровень, характеризующий культуру осознанного отражения. Опирается на индивидуальные особенности человека, тип нервной системы;

2) уровень культуры переживания – развитость эмоционально-волевых навыков; умение выдерживать сильные эмоциональные нагрузки;

3) уровень культуры деятельности – проявляется в учебной, трудовой, общественно-полезной деятельности, в общении;

4) уровень культуры поведения – внешнее отражение внутренних личностных образований человека, к которым принято относить направленность, Я-концепцию, самооценку, уровень притязаний [3];

5) уровень, характеризующий культуру общения, коммуникативные навыки личности;

6) уровень управления культурой активности, основанный на мотивационной сфере (переживания, деятельность, общение, поведение);

7) уровень социально-политической культуры – высший уровень психологической активности (позиции, убеждения, идеалы личности).

Выделением видов толерантности занимались исследователи (В.А. Лекторский, Н.Я. Маркова, И.В. Крутова, А.В. Зимбули, В.А. Петрицкий) [3], предложившие следующую классификацию толерантности.

I. По проявлению толерантности как общественного сознания.

В.А. Лекторский выделяет такие виды толерантности:

- толерантность как безразличие – безразличие к существованию различных взглядов;

- невозможность взаимопонимания – уважение к другому, которого я не могу понимать;

- снисхождение к слабости других; уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций

II. По предмету, на который направлено действие толерантности.

В психологии принято выделяет профессиональную, политическую, социальную, культурную и этническую толерантность.

III. По уровню, на котором проявляется толерантность.

Выделяются: индивидуальная, межгрупповая, межличностная толерантность.

Индивидуальная толерантность является добродетелью.

Межгрупповая толерантность проявляется и возникает в процессе восприятия одной группой другой.

Межличностная толерантность – отношения между отдельными индивидами, принятие, уважение индивидуальности другой личности без утраты чувства сохранности собственного Я.

IV. По внутренней мотивированности и ценностному содержанию.

А.В. Зимбули, В.А. Петрицкий выделяют такие виды толерантности: квазитерпимость, псевдотерпимость, негативная терпимость, позитивная терпимость.

Под квазитолерантностью понимаются виды сдержанности в контактах, когнитивных, аффективных, мотивационно-ценностных и поведенческих реакциях и оценках.

Под псевдотолерантностью – случаи проявления сдержанности в эмоциональных ситуациях с целью сознательного введения кого-либо в заблуждение.

Негативная толерантность определяет мотивы равнодушия, пассивности, безразличия.

Позитивную толерантность обуславливают мотивы внимания, понимания [1].

V. По результатам толерантного (сдержанного) поведения.

В.А. Петрицкий различает нравственно-деструктивную и нравственно-конструктивную толерантность.

Таким образом, толерантность, представляя собой систему установок, определяющих позитивное отношение к представителям других этнических, культурных, религиозных, социальных и др. групп, имеет несколько видов, определяющих ее особенности.

Литература

1. *Капустина Н.Г.* Психологические особенности формирования толерантности в структуре мировоззрения на ранних этапах онтогенеза: монография. Шадринск, 2008.
2. *Рубцова М.О.* Толерантность личности как условие ее профессиональной активности // Сибирский педагогический журнал. 2013. №5.
3. *Чебыкина О.А.* Системный анализ подходов к понятию «толерантность» // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2012. № 2. URL:

https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2012/n2/53615.shtml (дата обращения: 14.05.2021)

4. *Hjerm M., Eger M.A., Bohman A., Fors Connolly F.* A new approach to the study of tolerance: conceptualizing and measuring acceptance, respect, and appreciation of difference // *Social Indicators Research*. 2020. № 3.
5. *Waldzus S., Mummendey A., Wenzel M., Weber U.* Towards tolerance: Representations of superordinate categories and perceived ingroup prototypicality // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2003. № 1.
6. *Witenberg R.T.* More about tolerance justifications // *The psychology of tolerance: conception and development*. Springer, 2019.

Актуальные проблемы социального самоопределения личности после освобождения из мест лишения свободы

Алигаева Н.Н.

*Академия ФСИН России, Рязань, Россия
nigar-0520@mail.ru*

Несмотря на значительный объем научных публикаций по теме социальной адаптации и реабилитации осужденных после освобождения из мест лишения свободы, с каждым годом возникают новые проблемы, являющиеся недостаточно изученными. Для оказания помощи лицам, в отношении которых применяется пробация, был принят Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», в котором освещены вопросы восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получения медицинской, психологической и юридической помощи в соответствии с законодательством Российской Федерации, обеспечения гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина.

Правовое регулирование способствует созданию условий, способствующих коррекции социального поведения, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется probation, направленных на предупреждение совершения ими новых преступлений.

Согласно психологическому словарю, самоопределение – это «выбор человеком системы ценностей, норм морали, форм поведения, образа жизни и многого другого для себя самого» (речь идет о выборе человеком таких вещей, которые делают его развитой, вполне самостоятельной личностью) [1, с. 384]. Социальное самоопределение подразумевает осознание человеком своего места и роли в обществе, что является затруднительным для осужденных, определенное количество времени находящихся в изоляции.

Кроме основных проблем социального самоопределения, связанных с адаптацией к условиям жизни за пределами исправительного учреждения (поиск жилья, трудоустройство, установление контакта с другими), освободившиеся испытывают и дополнительные, не менее актуальные проблемы – осознание собственной роли, смысла жизни, возможностей для развития и раскрытия потенциала, которые затрудняются в связи с наличием ярлыка «ранее осужденный».

Развитие информационных технологий и средств массовой информации (СМИ) приводят к формированию определенных ценностных установок и культуры населения. СМИ способствуют развитию у человека потребительского отношения к жизни и другим людям, желания роскошного образа жизни и достижения большого заработка легкими способами, что укореняет позицию человека к проявлению обмана, шантажа, грабежа и других форм деструктивного поведения для приобретения материальных благ и статуса в обществе. Большинство осужденных после освобождения для быстрого приобретения статуса за счет материальных и денежных благ стремятся получить их с помощью ранее известных способов, однако именно это и указывает на сложность перестроения его поведения, на трудности в благоприятной социальной адаптации и самоопределении. Человек в поисках признания обществом стремится, чтобы на него обратили внимание из-за его достатка, а не игнорировали как человека, совершившего преступление. Однако

достижение карьерного успеха зачастую не совершается честным и порядочным путем: одной из причин данному явлению, согласно А.В. Серебrenниковой, является приобретение осужденными в период отбывания наказания специальностей, не являющихся актуальными, в силу чего осужденные и не могут быть конкурентоспособными на рынке труда [2].

Выстраивание законопослушного образа жизни требует психологической готовности к жизни после освобождения, наличия стратегий преодоления трудных жизненных обстоятельств, переосмысления собственных личностных особенностей [3]. Это требует определенных усилий и внутренней работы, с которой человек не всегда способен справиться самостоятельно. Однако даже в условиях отбывания наказания мероприятия психологического и воспитательного характера не всегда эффективны в связи с отсутствием доверия к осуществляющим их службам. Действия сотрудников психологических служб уголовно-исполнительной системы не всегда соответствуют этическим принципам, в частности, возникают сложности с сохранением конфиденциальности полученной информации в связи с необходимостью ее передачи в оперативный отдел для предотвращения возможных экстремальных и превенции конфликтных ситуаций [2]. Именно поэтому большинство освободившихся лиц испытывают недоверие к работникам психологических служб.

Таким образом, социальное самоопределение личности осужденного после освобождения из мест лишения свободы является сложным и долгим процессом и сопровождается различными проблемами как социального, бытового характера, так и психологического. Проведение внутренней работы над особенностями своей личности требует больших временных и энергетических затрат и затрудняется отсутствием необходимой информации, что ведет к адаптации к жизни «прошлыми» методами и повышению риска рецидива. Именно поэтому так важно разрабатывать комплексные программы ресоциализации, способствующие благоприятному прогнозу адаптации осужденного после освобождения путем опоры на свои внутренние ресурсы.

Литература

1. *Немов Р.С.* Психологический словарь. М., 2007.
2. *Серебrenникова А.В.* Пробация: за и против // Человек: преступление и наказание. 2023. Т. 31(1–4). № 2.
3. *Хаишова Д.З.* Социально-личностная жизнеспособность как фактор снижения рецидива у лиц, освободившихся из мест лишения свободы // В сборнике: Научные достижения высшей школы. Петрозаводск, 2020.

Социально-психологические аспекты изучения дружбы

Андони А.И.

ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия

andoni.alexandra@mail.ru

С точки зрения социально-психологического подхода дружба изучается в контексте межличностных отношений, с учетом влияния дружеских отношений на социализацию, самореализацию и развитие личности, процесс взаимного обогащения в эмоциональном и информационном плане. Также дружба рассматривается как одна из наиболее важных форм межличностных отношений в контексте социальной поддержки. Степень удовлетворенности дружбой и качеством дружеских отношений напрямую взаимосвязаны со способностью человека преодолевать стресс и способствуют удовлетворению важных потребностей личности, в частности, потребности в принадлежности [3, с. 67].

Систематическое изучение дружеских отношений и «языка дружбы» было положено приверженцами когнитивной психологии (С. Дак, Д. Келли). Исследователи трактовали дружеский язык как термины, которыми друзья описывают, осознают представления друг о друге и взаимоотношениях. Также был выделен термин «личностные конструкторы», подразумевающий под собой особые противоположные представления, которые используются субъектами взаимодействия для классификации самой личности и окружающих людей. Из представленных понятий складывается теория личности

человека, которая определяется особенностью личного опыта и содержит представления о таких характеристиках, как эмоциональность, антагонизм, целенаправленность [2, с. 117].

В символическом интеракционизме (Д. Мак-Колл, Д. Мид) выдвигаются на передний план следующие аспекты личных взаимоотношений: социально-структурный (ролевой) и культурно-символический (значение). Исходя из формирования личности исключительно в формате взаимодействия с окружающими людьми, цель исследования дружеских отношений – анализ психологических детерминант процесса межличностной аттракции [5, с. 141], которая в свою очередь является одновременно процессом формирования привлекательности личности и продуктом данного процесса [1, с. 131]. Последователи символического интеракционизма отмечали, что главным отличием межличностной аттракции от формальных взаимоотношений является наличие желания личности установить индивидуальные «взаимно активные» отношения с окружающими людьми.

В дальнейшем, в ходе развития исследований аттракции было отмечено отсутствие факторов, определяющих точный уровень межличностной аттракции. Критерии ее возникновения обусловлены наличием определенного комплекса условий и переменных. В то же время человеческое общение является объективно обусловленным, а дружеские отношения характеризуются различными непредсказуемыми компонентами, такими как волеизъявление, заинтересованность, желание, форма поведения участников взаимодействия [2, с. 130].

Важную роль в отечественных исследованиях дружбы занимают труды советского и российского ученого И.С. Кона. Дружба им определяется как самая «чистая» и идеальная форма общения, вызывающая к себе одновременно трепетное и скептическое отношение. И.С. Кон предложил следующую классификацию дружеских отношений.

1. «Друг – товарищ». Предполагает существование общих интересов и объединение деятельностью.
2. «Друг – зеркало». Выполняет функцию самопознания и отражения в другом.

3. «Друг – сострадальник». Осуществляет функцию эмоциональной поддержки и сопереживания.

4. «Друг – собеседник». Предполагает наличие в дружбе открытого общения, самораскрытия, понимания друг друга.

5. «Друг – «альтер эго»». Выполняет функции уподобления себя другому и другого себе, ассимиляции и идентификации.

И.С. Кон также отмечает существенное отличие дружбы от других межличностных отношений. Дружбу характеризует взаимная симпатия, внутренняя близость, избирательная индивидуальность в выборе друзей, бескорытность и самоценное отношение в рамках дружеских отношений [2, с. 141-142].

Схожие идеи о дружбе мы можем увидеть в трудах Р.С. Немова, который дает дружеским отношениям положительную оценку, называя их интимными, основанными на близости интересов, самопожертвовании и всестороннем доверии. Р.С. Немовым выделяются определенные правила и требования к дружеским отношениям, невыполнение которых ведет к разрушению данных отношений. Среди них мы можем выделить уважение, наличие равных прав, умение понимать, доверие, преданность, решимость прийти на помощь при такой необходимости [4, с. 601].

Таким образом, мы отмечаем важность продолжения изучения дружбы и социально-психологических аспектов данного феномена в силу большой значимости дружеских отношений в жизни общества, в особенности, в современном мире, который характеризуется нестабильностью, влиянием социальных сетей и быстрым развитием технологий.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: «Аспект Пресс», 2016. 363 с.
2. *Кон И.С.* Дружба. Этико-психологический очерк. – М.: Политиздат, 1980. 255 с.
3. *Майерс Д.* Социальная психология. – СПб.: Питер, 1997. 688 с.
4. *Немов Р.С.* Психология: Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений: В 3 кн. – 4-е изд. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 687 с.

5. *Никитина Д.В.* Дружба: парадигмы исследования // Вестник ЧитГУ №12(79) 2011. 133-143 с.

Особенности проявления эмпатических способностей у студентов и старшеклассников

Анисимова Е.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anisimovaev@mgppu.ru

Согласно опыту современных исследований, посвященных социально-психологическим аспектам развития личности, изучение возможностей эмпатии и ее роли в социализации школьников и студентов является актуальным [1; 3; 4; 5]. С точки зрения отечественных и зарубежных исследователей, фактором, влияющим на процесс межличностного общения, поддерживающим его эффективность и помогающим людям устанавливать и развивать психологический контакт, является эмпатия [1; 4]. Она способствует эффективности межличностного общения и психологическому благополучию личности, что подтверждается результатами отечественных и зарубежных исследований. В частности, М.Дж. Кава, П. Мико и С. Буэльга [5], изучая специфику психологически благополучных и безопасных межличностных отношений, особое внимание уделяли пониманию и познанию ситуации и опыта Другого. С точки зрения авторов, эмпатия для обучающихся является значимым конструктом в процессе выстраивания межличностных отношений, а также для сотрудничества между сверстниками.

Для изучения особенностей проявления эмпатических способностей у студентов и старшеклассников нами было проведено эмпирическое исследование. Выборка составила 376 респондентов (184 (49%) десятиклассников общеобразовательных школ и 192 (51%) студента первых курсов психологических факультетов вузов г. Москвы). Использовались: опросник «Индекс межличностной реактивности» (Interpersonal Reactivity Index – IRI), разработанный М. Davis в адаптации Т.Д. Карягиной, Н.А. Будаговской, С.В. Дубровской; методика «Стратегии утешения» Ф.Е. Василюка и Е.В. Шерягиной; методический алгоритм определения интегрального

внутригруппового статуса (М.Ю. Кондратьев); методика «Q - сортировка» (В. Стефансон).

Согласно результатам сравнения, с помощью критерия Манна-Уитни, показателей эмпатических способностей, у старшеклассников в среднем больше, чем у студентов, выражены «Антиподдержка» ($p = 0,010$) и «Общее отсутствие истинной эмпатической поддержки» ($p = 0,052$). У студентов больше, чем у старшеклассников, выражены показатели «Эмоциональная поддержка» ($p = 0,020$) и «Общая истинная эмпатическая поддержка» ($p = 0,052$).

С помощью критерия Спирмена подтверждено, что у старшеклассников и студентов с высокими показателями интегрального статуса в их академических группах чаще встречаются высокие показатели эмпатии. Так, у старшеклассников выявлена положительная корреляция между статусным положением в группе и показателями эмпатической децентрации ($r = 0,358, p = 0,002$), а также эмпатической заботы ($r = 0,470, p = 0,000$). У студентов – положительная корреляция между статусом и эмпатической децентрацией ($r = 0,290, p = 0,037$), эмпатическим сопереживанием ($r = 0,274, p = 0,049$), эмпатической заботой ($r = 0,488, p = 0,000$). Отрицательная корреляция наблюдается у студентов между показателями интегрального статуса и эмпатического личностного дистресса ($r = -0,298, p = 0,032$).

Согласно данным, полученным с помощью методики «Q-сортировка», у старшеклассников и студентов с минимальным расхождением в образах «Я-реальное» и «Я-идеальное» выявлены более высокие показатели по шкале эмпатической децентрации (критерий Манна-Уитни, $p = 0,058$), по сравнению с их сверстниками, характеризующимися существенным расхождением идеального и реального «Я». Также у второй категории обучающихся отмечается большая выраженность показателей «Антиподдержка» ($p = 0,013$), «Формальная поддержка» ($p = 0,008$) и «Общий показатель отсутствия истинной эмпатической поддержки» ($p = 0,002$). Значимо ниже становятся показатели «Инструментальная поддержка» ($p = 0,012$), «Эмоциональная поддержка» ($p = 0,030$) и «Общая истинная эмпатическая поддержка» ($p = 0,002$). Напомним, что высокое расхождение в образах «Я-реальное» и «Я-идеальное», по мнению

К.Р. Роджерса, соответствует общей рассогласованности внутриличностных психоэмоциональных и когнитивных процессов.

Также было выявлено, что студенты, проживающие совместно с родителями, в большей мере, чем проживающие отдельно, проявляют истинную эмпатическую поддержку и меньше – формальную поддержку (критерий Манна-Уитни, $p = 0,088$).

Таким образом, выраженные эмпатические способности к эмоциональной и инструментальной поддержке, а также децентрации, эмпатической заботе и сопереживанию у старшеклассников и студентов сопряжены с минимальным расхождением в образах «Я-реальное» и «Я-идеальное», т.е. соответствуют общей конгруэнтности личности. В своем исследовании составляющих процесса межличностного взаимодействия К.Р. Роджерс описывал конгруэнтность как важный аспект коммуникации, способствующий формированию доверительной и психологически безопасной среды взаимодействия [2]. Следовательно, согласованность поведения, эмоциональных и когнитивных процессов делают индивида более понятным, открытым для собеседника в межличностном контакте.

Результаты нашего исследования показали, что высокие показатели эмпатии связаны с конгруэнтностью личности у старшеклассников и студентов, следовательно, способны оказывать положительное воздействие на процесс выстраивания межличностных отношений.

Литература

1. Анисимова Е.В., Крушельницкая О.Б. Взаимосвязь способности к эмпатии и ценностно-смысловых ориентаций у школьников и студентов // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 3. С. 64–84. DOI: 10.17759/sps.2023140305
2. Роджерс К. Эмпатия / К. Роджерс // Психология мотивации и эмоций; под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. – М.: ЧеРо, 2002. С. 428–430.
3. Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Цацулин Т.О. Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за

- последние десять лет: когортное исследование // Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 3. С. 41–50. DOI:17759/chp.2019150305
4. *Konrath, O'Brien E., Hsing C.* Changes in dispositional empathy in American college students over time: A meta-analysis // *Personality and Social Psychology Review*. 2022. Vol. 15. P. 180–198. DOI:10.1177/1088868310377395
 5. *Mico P., Cava M. J., Buelga S.* Sensibilidad intercultural y satisfaccion con la vida en alumnado autoctono e inmigrante // *Educar*. 2019. Vol. 55. № 1. P. 39–57. DOI:10.5565/rev/educar.965

Повышение толерантности к неопределенности в процессе социализации

Апасова Е.В., Кулагина И.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aev3aev@mail.ru, kulaginaiu@mgppu.ru

Современное общество, часто называемое транзитивным, характеризуется быстрой изменчивостью окружающей действительности, множественностью социокультурных контекстов и неопределенностью. Неопределенность в современном обществе связывают с социальными изменениями, перешедшими точку бифуркации, с дестабилизацией, глобализацией, высокой мобильностью и креолизацией населения, с множественной реальностью. Дестабилизация усиливается из-за полярности картин мира, которые складываются в разных социальных группах, трансформации ценностей и ценностных диссонансов [2; 5].

Современная ситуация воспринимается личностью как ситуация неопределенности, прежде всего, из-за быстрых социальных изменений. С другой стороны, результатом происходящих социальных изменений становятся личностные трансформации [1]. Одной из значимых личностных диспозиций, в таких условиях, становится толерантность к неопределенности.

Описывая «изменяющуюся личность в изменяющемся мире» (А.Г. Асмолов), первоначально дифференцировали людей – готовых осваивать неопределенный, сложный и изменчивый мир, и склонных к избеганию неопределенности и упрощению реальности. В настоящее время часто рассматривают континуум «толерантность к неопределенности» (принятие неопределенности) – «интолерантность к неопределенности» (нетерпимость к неопределенности), присущий отдельному человеку, или две взаимосвязанные, но отдельно сосуществующие тенденции.

С понятием «неопределенность» связано понятие «возможность». Неопределенность предполагает наличие различных альтернативных возможностей. Возможность становится реальностью при осознанном выборе и соответствующих действиях человека. Осуществление цикла «возможное – ценное – должное – цель – действие» позволяет рассматривать пространство возможного как пространство свободы и ответственности [4, с. 118]. Выбор любой возможности сопровождается неопределенностью и риском. Страх перед неопределенностью связан с «бегством от свободы» (Э. Фромм).

Переживание неопределенности представляет собой спектр разнообразных эмоций, но, в основном, отрицательных. Из пяти наблюдаемых видов переживания только один является позитивной эмоциональной реакцией, отражающей надситуативную активность (В.А. Петровский), любопытство или азарт, порождение новых смысловых структур. Остальные эмоциональные реакции – это разной степени тревога, выход за сдерживающие правила и границы. Положительная эмоциональная окрашенность неопределенных ситуаций не только способствует сохранению субъективного благополучия, но и оказывается полезной с точки зрения сопротивляемости стрессу. Поэтому толерантность к неопределенности, дающая позитивный эмоциональный эффект, входит в качестве компонента в «личностный потенциал» (Д.А. Леонтьев).

Толерантность к неопределенности обусловлена социокультурно (Г. Хофстеде). В связи с этим возникает проблема социализации личности. Процессы социализации, включающие, в частности, расширение социальных связей и возможностей получения обратной связи, способствующей эмоциональной и личностной стабилизации в

ситуации неопределенности, интенсивно протекают в периоды, переходные от детства к зрелости – в подростковом возрасте и юности. Так, подростковый возраст считается «периодом наиболее эксплицитно стоящей задачи преодоления множественных неопределенностей» [1, с. 243].

В проведенном нами исследовании ставилась цель определить выраженность толерантности и интолерантности к неопределенности у подростков и юношей в современном транзитивном обществе.

В исследовании приняли участие 80 подростков, обучающихся в 8 классах СОШ 13-15 лет (57% мальчиков-подростков, средний возраст – 14,13 лет), 77 юношей – студентов гуманитарного вуза 18-21 года (13% юношей, средний возраст – 20,23 лет). Использовались шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности (опросник С. Баднера, модификация Т.В. Корниловой, М.А. Чумаковой) [3].

Установлено, что для подростков характерен уровень толерантности к неопределенности «немного ниже среднего», для юношей – «средний уровень», уровень интолерантности к неопределенности в обеих группах «средний» (при сравнении с нормативными показателями, установленными Т.В. Корниловой).

Отсутствуют статистически значимые различия между двумя группами (критерий Манна-Уитни) по уровню интолерантности к неопределенности: у подростков и юношей проявляется выраженное в средней степени стремление к ясности и стабильности. На фоне среднего уровня интолерантности к неопределенности проявляется толерантность к неопределенности – тоже средне выраженная у юношей и менее выраженная у подростков. Подчеркнем, в связи с этим, два обстоятельства. Во-первых, низкая толерантность к неопределенности не характерна для современных подростков и юношей, живущих в транзитивном обществе. Во-вторых, толерантность к неопределенности у юношей значимо выше, чем у подростков ($p = 0,003$), что можно объяснить преодолением кризиса самоопределения, возникающего после окончания школы и «выхода» во взрослую жизнь с ее свободой выбора и ответственностью за последствия своего решения. У подростков переломный кризисный момент еще не наступил, ожидания заменяют им опыт, и неопределенность с ее спектром возможностей оказывается для них менее привлекательной и в большей степени тревожной.

Таким образом, процесс социализации в переходные от детства к зрелости периоды сопровождается в настоящее время повышением толерантности к неопределенности.

Литература

1. *Белинская Е.П., Тихомандрицкая О.А.* Социальная психология личности. М., 2009.
2. *Гусельцева М.С.* Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2022. № 1.
3. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С.Баднера // Экспериментальная психология. 2014. № 1.
4. *Леонтьев Д.А.* К психологии возможного: антропологический, детерминистский, аксиологический и экзистенциальный контексты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 2.
5. *Марцинковская Т.Д.* Новая методология исследования транзитивности жизненного пространства изменяющейся личности // Новые психологические исследования. 2021. № 2.

Стили чувства юмора в зависимости от эмоционального интеллекта, перфекционизма и уровня агрессивности

Арчакова А.Е., Дудкина В.В., Кучина А.Б., Николаева Н.О.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

alya.archakova.04@bk.ru, a.b.kuchina@gmail.com, sp_natalia@mail.ru

Цель работы – выявить, с какими личностными особенностями связано использование различных стилей юмора: аффилиативного, самоподдерживающего, самоуничижительного или агрессивного. В качестве личностных характеристик были выбраны: эмоциональный интеллект, перфекционизм и агрессивность. Выборка включала студентов психологического вуза $N = 67$ (62 женщины и 5 мужчин) средний возраст 19,7 лет.

В социальной среде важная роль отводится юмору. Человек, который использует в своей речи и поведении юмористические компоненты, более привлекателен для окружающих. Используя юмор, люди могут управлять беседой, влиять на восприятие своего образа социумом, устанавливать дружеские отношения и создавать благоприятную обстановку в коллективе. А. Маслоу включал чувство юмора в список черт самоактуализирующейся личности. Юмор включает в себя, помимо эмоциональной сферы, интеллектуальную. Исследованием этой психологической особенности занимался Р. Мартин, который дал определение: «юмор – это такое качество действия, речи или литературного произведения, которое вызывает веселье; причуда, комизм, шутка». Р. Мартин выделяет четыре стиля юмора: аффилиативный, самоподдерживающий, самоуничижительный и агрессивный [7].

Аффилиативный юмор направлен на окружающих, поддерживающий – связывается с экстраверсией, открытостью новому опыту, оптимизмом, жизнерадостностью, преобладанием положительных эмоций. Это мягкий, доброжелательный и толерантный стиль юмора, который способствует укреплению межличностных связей. Самоподдерживающий юмор направлен на себя. Подразумевает оптимистичный взгляд на жизнь, умение сохранять чувство юмора перед лицом трудностей и проблем, является регулятором эмоций и способствует совладанию со стрессом. В первую очередь выполняет интрапсихическую функцию. Самоуничижительный юмор – направленный на себя, деструктивный стиль юмора. Люди с таким стилем юмора склонны шутить над собой, чтобы добиться хорошего отношения от окружающих. Заискивая перед окружающими, они готовы посмеяться над собой и стать объектом для шуток. Зачастую в основе такого поведения лежит низкая самооценка и потребность в принятии. Они испытывают трудности в отстаивании своих прав. Агрессивный юмор подразумевает деструктивный стиль, направленный на других. Включает в себя сарказм, насмешку, может быть использован в целях манипуляции другим. Люди с агрессивным стилем юмора часто не могут воздержаться от шутки даже в том случае, если это может кого-то обидеть.

Роль самоподдерживающего юмора была описана для выраженности таких психологических характеристик, как жизнестойкость, осмысленность жизни, эмоциональный интеллект [6]. Но другие стили юмора в данной работе рассмотрены не были. В нашей работе охватываются все стили юмора, выделенные Р. Мартином, в связи с характеристиками эмоционального интеллекта [5], невротического перфекционизма [1] и агрессивности [3].

В результате нашего исследования обнаружена прямая связь аффилиативного юмора с межличностным эмоциональным интеллектом (0,25 при $p < 0,05$) и самоподдерживающим юмором (0,44 при $p < 0,05$).

Обнаружена прямая связь самоподдерживающего юмора с общим эмоциональным интеллектом (0,36 при $p < 0,05$), внутриличностным эмоциональным интеллектом (0,37 при $p < 0,05$), внутриличностным управлением (0,58 при $p < 0,05$), управлением своими и чужими эмоциями (0,49 при $p < 0,05$), межличностным управлением (0,37 при $p < 0,05$), а также прямая связь с агрессивным юмором (0,39 при $p < 0,05$).

Обнаружена обратная связь самоподдерживающего юмора с показателями перфекционизма «Озабоченность оценками со стороны других людей» (-0,27 при $p < 0,05$) и «Селектирование информации о неудачах и ошибках» (-0,41 при $p < 0,05$).

Обнаружена прямая связь самоуничижительного юмора с перфекционизмом («Озабоченность оценками со стороны других людей», $r = 0,33$ при $p < 0,05$; «Селектирование информации о неудачах и ошибках», $r = 0,31$ при $p < 0,05$) и агрессивным юмором (0,29 при $p < 0,05$).

Обнаружена прямая связь агрессивного юмора с агрессией: с физической агрессией (0,30 при $p < 0,05$) и с гневом (0,28 при $p < 0,05$).

Л.С. Выготский, указывая на роль и важность юмора в человеческой жизни, в личности и общении, утверждал, что «юмор не дан человеку с рождения, а возникает в процессе интеллектуального, эмоционального, эстетического, коммуникативного и культурного воспитания. Он возникает как психическое новообразование» [2].

Литература

1. *Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю.* Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. З. С. 8-32.
2. *Домбровская И.С.* Юмор в контексте развития, 2012. – 280 с.
3. *Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П.* Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 115-124.
4. *Иванова Е.М.* Русскоязычная адаптация опросника стилей юмора Р. Мартина / Е.М. Иванова, О.В. Митина, А.С. Зайцева, Е.А. Стефаненко, С.Н. Ениколопов // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6, № 2.
5. Социальный и эмоциональный интеллект. От процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина и Д.В. Ушакова. 2009. С. 264–277.
6. *Тимофеева Е.А., Родина Е.С., Николаева Н.О., Гришель П.В.* Чувство юмора, осмысленность жизни, жизнестойкость и эмоциональный интеллект / XXII Международная научно-практическая конференция молодых исследователей образования. Наставничество в педагогической и научной деятельности: исследования и практики: тезисы конференции. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. – 886 с. – С. 269–274.
7. *Устинова А.А., Качина А.А.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и предпочитаемого стиля юмора в контексте профессионального общения // Организационная психология. 2019. №4. URL: <https://orgpsyjournal.hse.ru/2019-9-4/327939936.html> (дата обращения 20.03.2024).

Отражение социально-психологических проблем в переживаниях субъектов инклюзии

Афанасьев А.Н., Фокина М.В.
ФГБОУ ИВО МГТЭУ, Москва, Россия
maria_fokina@mail.ru

Инклюзивное обучение стремится обеспечить равный доступ к образовательному пространству всем учащимся вне зависимости от

особенностей их физического, психического и социального развития. Предполагается содействие включению «каждого «разного» в полноценную жизнь общества» [1, с. 30], в живые многообразные взаимоотношения для преодоления переживаний ненужности, изолированности, изгнанности, непричастности. Инклюзивное образование в некоторой степени сравнило формальные возможности обучения и трудоустройства условно здоровых лиц и лиц с инвалидностью/ОВЗ, но вклад социально-психологических трудностей, характерных для лиц с особыми образовательными потребностями, в психологические проблемы инклюзивного обучения остается высоким.

Представляем результаты анализа переживаний субъектов инклюзивного образования по поводу социально-психологических затруднений. Участники исследования – студенты учреждений среднего и высшего профессионального образования 15-22 лет: 1 группа – 34 человека с инвалидностью/ОВЗ (ДЦП разной степени, другие нарушения ОДА, общие соматические заболевания, психозы в стадии стойкой ремиссии, дварфизм), 2 группа – 50 условно здоровых. Использованы материалы индивидуальной психологической работы, стандартизованной личностной психодиагностики, наблюдения, бесед, групповых занятий.

1. Для обучающихся с инвалидностью/ОВЗ характерна большая интенсивность, по сравнению с условно здоровыми, отрицательных переживаний по поводу социально-психологических трудностей.

2. Специфика переживания социально-психологических трудностей у лиц с инвалидностью/ОВЗ во многом обусловлена психологическими задачами возраста, требующими решения, но осложнена ярко выраженными чертами личностного эгоцентризма [2], психологического травмирования и дефицита позитивной социальной связи.

3. Общим содержанием социально-психологических трудностей оказалось: сфокусированность на субъективно отвергаемых особенностях собственной внешности и оценке внешности со стороны других; страх повторного переживания социального отвержения, причины которого преимущественно отождествляются с предубеждениями против болезни и отсутствием адекватной

регуляции неформальных отношений в ученических коллективах педагогами и/или родителями; недостаток неформального общения с ровесниками в позиции «на равных»; депривация потребностей половой и сексуальной социализации [5, с. 100].

4. Аффективная сторона переживаний учащихся с инвалидностью/ОВЗ по поводу социально-психологических трудностей включает переживания незаслуженных обиды, несправедливости, негодования, одиночества, грусти, нередко – безнадежности («так будет и дальше»). Когнитивная сторона переживаний [3] отражает пережитый опыт с тенденцией к фокусировке на заболевании и социальных предубеждениях против него; нередко включает ряд эгоцентрических феноменов и иррациональных убеждений: сфокусированность на заболевании как основном факторе социально-психологических трудностей, отрицание возможности сходного социально-психологического опыта и переживаний у условно здоровых ровесников, убежденность в низкой способности управлять неформальными взаимоотношениями, долженствования в отношении к себе и потенциальным партнерам по общению [2; 6]. Выявленные тенденции станут, с одной стороны, мишенью психологической помощи, с другой – предметом дальнейших исследований.

5. Отреагирование отрицательно окрашенных переживаний нередко заменяется действием патологического «замкнутого круга»: социальная неудача – обида, тревога – проекция причин проблемы вовне – нарастание обиды и агрессии – усиление дистанцирования и ожидание негатива – усугубление дефицита благополучных неформальных отношений.

Психокоррекционный подход, который в нашей практике доказал эффективность по работе с такими проблемами, базируется на воплощении идей отечественной психологии развития [4]. Исцеляет опыт реального профессионального обучения и полноценного неформального общения с ровесниками, в котором в позиции на равных осуществляется самопознание и сепарация, формируется и совершенствуется мировоззрение, происходит проработка болезненных переживаний, когнитивная реструктуризация, снижение личностного эгоцентризма, развитие ценностной вертикали личности.

Литература

1. *Айсмонтас Б.Б., Одинцова М.А.* Инклюзивная образовательная среда вуза как ресурс для развития жизнестойкости и самоактивации студентов с инвалидностью // Психологическая наука и образование. - 2018. Т. 23. № 2. С. 29- 41.
2. *Обухова Л.Ф., Рябова Т.В., Гуслова М.Н., Стуре Т.К.* Феномен эгоцентризма у подростков-инвалидов. URL: <http://hrportal.ru/article/fenomen-egocentrizma-u-podrostkovinvalidov>.
3. *Тихомирова С.В.* Индивидуальное переживание как психологический феномен: структура, типы, функции, методы исследования // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnoe-perezhivanie-kak-psihologicheskij-fenomen-struktura-tipy-funktsii-metody-issledovaniya>.
4. *Фокина А.В.* Как работать с детьми с ОВЗ: пять рекомендаций психолога // Справочник классного руководителя. - 2022. № 2.
5. *Холодный В.* Детерминанты психосексуального развития // Развитие личности. 2013. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-psihoseksualnogo-razvitiya> (дата обращения: 19.03.2024).
6. *Шаповал И.А., Рзиев А.Б.* Иррациональные установки инвалидов как фактор субъективной оценки качества жизни // Концепт. 2015. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/irratsionalnye-ustanovki-invalidov-kak-faktor-subektivnoy-otsenki-kachestva-zhizni>.
7. *Ярская-Смирнова Е.Р.* Стигма «инвалидной» сексуальности / В поисках сексуальности. Сборник статей. - СПб: «Дмитрий Буланин», 2002.

Дефициты мотивации молодых ученых образовательных и научных организаций к осуществлению научной деятельности

*Бабикина М.Р., Трясунова Е.С.
ФГБОУ ВО УрГПУ, Екатеринбург, Россия
mrbabikova@uspu.ru, tryasunova.e.s@uspu.ru*

Исследование выполнено при поддержке Научно-методического центра сопровождения педагогических работников ФГБОУ ВО «УрГПУ» в рамках реализации университетского гранта «Мотивация молодых ученых к научной деятельности»

Изучением мотивации научно-исследовательской деятельности занимается ряд исследователей на протяжении многих лет, при этом отмечается приоритетность и стратегическое значение работы с молодыми учеными, необходимость «омоложения» состава научных и научно-педагогических работников.

Проблема мотивации молодых ученых к научной деятельности занимает ключевую позицию в решении многих социальных вопросов в научно-образовательной сфере: личностном и профессиональном росте педагогов-исследователей и преемственности научно-педагогических кадров [3, с. 98]. Так, например, согласно исследованию [4 с. 43] по выявлению современных подходов к изучению мотивации и применению их в научной деятельности, выделяют несколько теорий: ожидаемой ценности, атрибуции, целевых ориентаций и самоопределения. Исследователи [1, с. 168], изучая потребности и мотивации студентов к научно-исследовательской работе, отмечают необходимость раннего вовлечения молодежи в науку (на 1-2 курсах бакалавриата) для формирования профессиональных академических траекторий и поддержки будущих молодых ученых.

Один из исследователей рассматривает средства мотивации молодых ученых в Российской Федерации, среди которых выделяет, во-первых, нормативно-правовые акты с обоснованием поддержки молодых ученых и перечислением основных мер, например, «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», во-вторых, финансовую, грантовую поддержку научных исследований; кроме

того, создание внутренних условий в вузе, способствующих формированию и развитию научного потенциала [5]. Другой автор отмечает, что, несмотря на меры поддержки ученых, доступ к ним, особенно у исследователей гуманитарного направления, ограничен. Обеспечить более широкий охват молодых ученых в перечисленных средствах поддержки могут позволить консультативные пункты при научных учреждениях. Мотивация исследователя растет благодаря успешному удовлетворению познавательных потребностей и интересов. Но отмечается недостаток эмоционально-ценностной составляющей в мотивации к научной деятельности молодых ученых, которая имеет тенденцию к постепенному угасанию по мере достижения целей исследований, например, мотивация к научно-исследовательской деятельности снижается после защиты кандидатской диссертации [2, с. 68–69].

Таким образом, решение проблемы мотивации молодых ученых нуждается в системном подходе, поддержке на различных уровнях. Определить траекторию такой работы можно благодаря выявлению мотивационных дефицитов, причин, по которым «научная молодежь» либо теряет интерес к научной деятельности, либо совсем уходит из данной сферы.

В настоящем исследовании представлен фрагмент результатов, полученных в ходе проведения онлайн-анкетирования, включающего сбор данных по мотивационному потенциалу с помощью методики для диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Потемкиной и авторской методики, направленной на выявление заинтересованности молодых ученых в получении степени кандидата, доктора наук, основных препятствий, снижающих уровень мотивации к научной деятельности. Выборка составила 200 молодых ученых, аспирантов и представителей студенческого научного общества. Представленные результаты затрагивают анализ ответов на авторскую анкету.

1. По мнению молодых людей, наиболее весомые причины низкой заинтересованности (и вовлеченности) молодежи в научно-исследовательской деятельности обусловлены, во-первых, отсутствием достаточного количества времени, так как молодые люди вынуждены брать подработку или тратить много времени на подготовку к занятиям. Так считает 65 % опрошенных молодых

ученых. Во-вторых, отсутствием материальной выгоды, некоторые из респондентов связывают это с периодом «старта в карьере» и не многие готовы ждать, когда смогут получить нужный результат. Данное мнение характерно для 62,5 % респондентов. В-третьих, по мнению 51 % опрошенных, наука – сложная деятельность и не так просто в ней разобраться, а для того, чтобы иметь доход от этой деятельности, нужно получить значительный опыт от старших коллег, чтобы уровень собственных исследований был высоким. В-четвертых, немаловажную роль играет наличие опытного наставника, так считает 20,5 % опрошенных.

2. Достаточно высокий процент опрошенных – 75 % отмечают наличие широкого перечня мер поддержки молодых ученых со стороны государства: предоставление грантов, жилищных сертификатов, научных стажировок и пр. При этом не менее высокий процент респондентов – 53 % отмечают низкий уровень доступности перечисленных программ, связывая это с повышенным спросом на технические науки, на развитие и поддержку молодых ученых, занимающихся технологическими разработками и низкой заинтересованностью в исследованиях социально-гуманитарного направления.

3. Среди опрошенных отдельное внимание уделялось тем, кто уже имеет степень кандидата наук, с целью выявления потенциала «омоложения» состава докторов наук. Так, среди респондентов, имеющих степень кандидата наук, в выборке это – 110 человек, лишь 13,6% работают над докторской диссертацией. Остальные сомневаются в данном направлении саморазвития.

Согласно представленным результатам, факторы, влияющие на дефициты мотивационно-потребностной сферы молодых ученых, сложны и во многом противоречивы.

Литература

1. Андрюшина Е.В., Андрюшков С.А., Григорьева Н.С. Потребности и мотивации студентов к научно-исследовательской работе в условиях современного инновационного образования // Власть. 2023. Том 31. № 4.

2. *Калашиников А.А.* Повышение мотивации научно-исследовательской деятельности молодых ученых // Проблемы социально-гуманитарного образования на современном этапе модернизации российской школы. Материалы девятой всероссийской с международным участием научно-практической конференции. под науч. ред. И.И. Макаровой. 2021.
3. *Скрауч О.Н.* Молодые ученые как социальная группа: к вопросу мотивации научной деятельности // Человеческий и профессиональный потенциал молодежи региона. Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов, студентов. 2014.
4. *Трушков Д.И.* Мотивация научной деятельности в сфере высшего образования: современные парадигмы исследования // ЭГО: Экономика. Государство. Общество. 2023. № 3.
5. *Ходыкина О.И.* Средства мотивации молодых ученых к научной деятельности // Ratio et Natura. 2021. № 2 (4).

Социальные представления о причинах дорожно-транспортных происшествий

Баранова Е.Л., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
baranova.elena.72@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

Изучение структуры социальных представлений о причинах ДТП, систематизация и анализ полученных в ходе данного исследования данных позволит подойти к решению вопроса снижения аварийности на дорогах с другой, ранее не исследованной стороны. На сегодняшний день большинство исследований темы безопасности на дороге и причин ДТП проводится на основе изучения личности водителя, его индивидуально-психологических особенностей [1; 3]. В ходе подобных исследований выявляется то, как индивидуум, участвующий в дорожном движении, в зависимости от особенностей его личности, субъективно воспринимает дорожную обстановку, как

переживает возникающие в процессе движения стрессовые ситуации и реагирует на дорожно-транспортное происшествие в том числе [2].

В то же время социальные представления о ДТП не принимаются в расчет факторов, влияющих на аварийность на дорогах, тогда как сформированные социальные представления каждого водителя, как и всех участников дорожного движения, формируют общую культуру поведения на дороге. Изучение социальных представлений о причинах ДТП помогает понять, какие социокультурные факторы влияют на формирование этих представлений. Различные группы людей могут иметь разные представления о причинах аварий, основанные на своих уникальных социокультурных контекстах.

Для упорядочивания нашего понимания объекта социальных представлений «причины ДТП» рассмотрим следующие характеристики.

1. Когнитивность – объект должен быть связан с пониманием мира и формированием социальных представлений. То есть в нашем случае мы полагаем, что ДТП представляет собой воспринимаемое и понимаемое обществом событие, связанное с аварией или инцидентом на дороге. Когнитивная характеристика ДТП может быть различной в разных культурах и обществах. Например, в одном обществе могут преобладать представления о том, что основной причиной ДТП является несоблюдение правил дорожного движения, а в другом – плохие дорожные условия или недостаточное освещение.

2. Взаимодействие с другими людьми и культурой – объект должен быть связан с социальными взаимодействиями и опытом взаимодействия с другими людьми и культурой. В данном случае ДТП и его причины могут рассматриваться как характеристики объекта социальных представлений, связанные с тем, как общество и индивидуумы взаимодействуют друг с другом в рамках произошедшего. Взаимодействие с другими людьми и культурой может оказывать значительное влияние на то, как мы воспринимаем и оцениваем ДТП. Например, в некоторых культурах может существовать представление о том, что водители несут основную ответственность за ДТП, независимо от обстоятельств. В других культурах может быть больше акцента на факторы окружающей среды или на технические проблемы автомобилей. Эти различия в представлениях могут отражать различия в правовых системах,

социальных структурах и культурных ценностях. Культурные нормы и ожидания могут также влиять на то, как люди взаимодействуют после ДТП, например, в отношении виновности, компенсации или прощения.

3. Важность для общества – объект должен быть важным для общества и иметь большое значение для понимания мира и формирования социальных представлений. В отношении ДТП и, в частности, причин ДТП, вопрос о важности данного объекта вполне очевиден. На первое место выходит безопасность: ДТП являются одной из основных причин смертности и травматизма во многих странах. Они могут приводить к серьезным травмам, инвалидности и потере жизней. Поэтому безопасность на дорогах становится приоритетом для общества. Далее необходимо отметить экономические последствия: ДТП вызывают огромные экономические потери в виде медицинских расходов, потери рабочего времени, ремонтных работ и других затрат. Безусловно, важен и психологический эффект: ДТП могут вызывать серьезные психологические последствия у пострадавших, свидетелей и близких людей. Травматические события на дороге могут вызывать посттравматический стрессовый синдром, тревожность, депрессию и другие психологические проблемы. Закончим на правовых и социальных последствиях ДТП. Юридические последствия, связанные с установлением виновности, компенсацией пострадавшим и наказанием нарушителей также потребляют большой общественный ресурс.

4. Изменчивость – объект должен быть подвержен изменениям и эволюции в зависимости от социальных изменений и развития общества.

Являются ли объект и причины ДТП изменчивыми? Рассматривая этот объект со стороны культурных особенностей, отметим, что различные культуры имеют свои уникальные представления о ДТП, причинах, ответственности и мерах безопасности. Например, в одной культуре может существовать более высокая степень индивидуальной ответственности, в то время как в другой – больший акцент может быть сделан на коллективной ответственности или на влиянии окружающей среды.

Также нельзя не отметить, что данный объект подвергается историческим изменениям. С развитием технологий и появлением

новых видов транспорта возникают новые риски и проблемы, которые отражаются в общественных представлениях о ДТП.

На изменчивость социальных представлений о причинах ДТП оказывают сильное влияние медиа и другие информационные источники. Отчеты о ДТП, комментарии экспертов и общественное мнение могут и формируют представления и восприятие общества о причинах, последствиях и ответственности за ДТП.

Социальные представления о причинах ДТП являются важным аспектом изучения безопасности дорожного движения, так как отражают восприятие обществом факторов, влияющих на возникновение аварий, и выявляют культурные и общественные различия в понимании этих факторов.

Литература

1. *Александров Е.В.* Анализ причин ДТП // Журнал «Автобизнес». 2017. №1.
2. *Греков А.П.* Влияние личностных характеристик на безопасность дорожного движения // Вестник Томского государственного университета. 2016.
3. *Исаев Ю.В. и др.* Психологические факторы нарушения ПДД // Психологический журнал. 2018. №4.

Личностные особенности девушек, вовлеченных в игры жанра романтических визуальных новелл

Баранова М.Д., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
trinityzhiva@yandex.ru, social2003@mail.ru

Романтические визуальные новеллы (РВН), или отомэ-игры, ориентированные на женскую аудиторию, пользуются большой популярностью у девушек-геймеров разных стран, в том числе, и России. В современных психологических исследованиях рассматривается проблема погруженности геймеров в игровое пространство как симуляции реальной жизни, а также особенности метаперсонализации в виртуальной среде [4]. Однако личностные

особенности девушек-геймеров, предпочитающих жанр РВН, практически не изучены.

В нашем исследовании проверялась гипотеза о том, что у девушек, вовлеченных в игры жанра РВН, больше, чем у других девушек, выражены личностные особенности, свидетельствующие о социальной дезадаптивности в построении реальных романтических отношений.

Использовались: опросник «Уровень выраженности инфантилизма» (А.А. Серегина) [3]; «Опросник межличностной чувствительности» Ф. Бойса, Г. Паркера, в адаптации А.Ю. Развальяевой и Н.А. Польской [2]; «Шкала взаимной адаптации в паре» G. Spanier в адаптации Ю.М. Поляковой, М.Г. Сороковой, Н.Г. Гаранян [1]. Опрос проводился в социальных сетях в тематических фан-сообществах, посвященных РВН, и на сайте 2ch.hk. Выборка исследования составила 1594 девушек в возрасте от 16 до 35 лет. Из них 1079 (67,69%) погружены в РВН, 515 (32,31%) в настоящее время не играют, но увлекались играми этого жанра раньше.

В целом по выборке у играющих девушек были выявлены, с помощью критерия Манна-Уитни, более высокие уровни инфантилизма по шкалам «Эмоционально-волевая сфера» ($p = 0,010$), «Развлечения, гедонизм» ($p = 0,019$) и «Позиция иждивенчества» ($p = 0,045$). Это значит, что вовлеченные в РВН девушки испытывают больше проблем с эмоциональной саморегуляцией и менее способны к самообладанию, они больше склонны к развлечениям и проявлению гедонизма, больше рассчитывают на помощь извне. Девушки, вовлеченные в игры жанра РВН, имеют более высокие показатели межличностной чувствительности и дезадаптации в паре ($p < 0,05$).

Среди девушек, не состоящих в данный момент в романтических отношениях, беспокойство по поводу возможного разрыва партнерских отношений (страх отвержения) выражено больше у вовлеченных в игры жанра РВН ($p = 0,045$). Среди играющих девушек показатели инфантилизма выше у тех, кто не состоит в браке или романтических партнерских отношениях ($p < 0,05$). У респондентов, связанных супружескими или романтическими отношениями, различий в показателях инфантилизма не выявлено.

Далее мы проверили показатели респондентов разных возрастных категорий. У вовлеченных в игры жанра РВН девушек 16-22 лет больше, чем у их не играющих сверстниц, выражены показатели инфантилизма ($p < 0,05$), свидетельствующие о личностной

незрелости, задержке нравственного и социального созревания, слабой потребности в достижениях, несамостоятельности решений и действий, повышенной зависимости от других, хаотичности поведения, сниженной способности к рефлексии и несформированности преодолевающего поведения. Также у них обнаружены более низкие значения сплоченности в супружеской или романтической паре, чем у не играющих сверстниц ($p = 0,011$). У геймеров 23-30 лет значения сплоченности в супружеской или романтической паре также оказались ниже, чем у их не играющих сверстниц ($p = 0,018$).

В возрастной группе 31-35 лет у играющих ниже, чем у не играющих ($p < 0,05$), показатели «Зависимость от оценок», «Беспокойство в отношениях» и «Общая шкала межличностной чувствительности», что свидетельствует о меньшей выраженности тревоги по поводу ожидаемой внешней оценки и возможных проблем в межличностных отношениях у лиц этого возраста, вовлеченных в РВН. На наш взгляд, этот результат можно объяснить тем, что погруженность в мир РВН и регулярное проигрывание в виртуальной среде желательных для себя сюжетов романтических отношений помогает геймерам снизить социальную тревожность и затем более успешно адаптироваться к условиям реального межличностного взаимодействия с партнерами.

Таким образом, девушки, вовлеченные в игры жанра РВН, преимущественно обладают личностными особенностями, свидетельствующими об их сниженной готовности к построению реальных межличностных романтических отношений. Однако зафиксированные в нашем исследовании более благоприятные показатели необходимых для построения гармоничных межличностных отношений личностных качеств у старшей категории респондентов позволяют предположить возможность и позитивного влияния на геймеров их вовлеченности в РВН. Как правило, становление личностной зрелости происходит в процессе возрастного развития человека и делает его менее подверженным игровой зависимости. При неглубокой вовлеченности в РВН, свойственной зрелой личности, игровое моделирование романтических отношений, по-видимому, способствует развитию социально-психологических качеств, необходимых для повышения адаптированности к условиям реального межличностного взаимодействия.

Дальнейшим направлением исследования данной темы, на наш взгляд, может быть изучение закономерностей поведения женщин с разной степенью вовлеченности в игры жанра РВН в реальных брачных и романтических отношениях.

Литература

1. *Полякова Ю.М., Сорокова М.Г., Гаранян Н.Г.* Факторная структура и надежность шкалы взаимной адаптации в паре (DAS) в российской выборке // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 105–126.
2. *Разваляева А.Ю., Польская Н.А.* Психометрические свойства русскоязычной трехфакторной версии Опросника межличностной чувствительности// Консультативная психология и психотерапия. 2021. Том 29. № 4. С. 73–94.
3. *Серегина А.А.* Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодежи: автореф. дис. канд. псих. наук: 19.00.05 // Российский государственный социальный университет. Москва, 2006. 204 с.
4. *Черемискина И.И., Холупова К.А.* Взаимосвязь защитных механизмов и переживания одиночества у молодых людей, предпочитающих виртуальные отношения с вымышленными персонажами // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2022. Т. 14, № 4. С. 245–255.

Трудности изучения межличностных отношений между инструкторами по вождению и выпускниками автошкол и пути их преодоления

Барсуков А.С., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
avto.inster@yandex.ru, elen-litvinova@yandex.ru

В современном постоянно меняющемся мире с каждым годом повышается потребность человека в транспортной мобильности. В связи с этим возрастает актуальность повышения безопасности

дорожного движения. Тем более, что в России, по данным сайта ГИБДД <http://stat.gibdd.ru/> [3], за 2023 год произошло 132,5 тысяч ДТП, в которых погибло 14,5 тысяч человек и было ранено 166,5 тысяч человек, что больше, чем в 2022 году. И одним из факторов повышения дорожной безопасности, без сомнения, является качественная подготовка начинающих водителей в автошколах, которая в первую очередь зависит от квалификации инструктора и его успешного взаимодействия с обучаемым вождению [1; 2].

Проблема изучения межличностных отношений между инструкторами по вождению и обучающимися в автошколах, на наш взгляд, не получила достаточного внимания и практически не освещалась в научной литературе. Поэтому в качестве цели исследования нами было заявлено определение параметров межличностного взаимодействия инструкторов с выпускниками автошкол и выявление их взаимосвязи с результатами обучения вождению. Мы предположили, что результаты обучения вождению в автошколах связаны, в том числе, с особенностями межличностного взаимодействия инструкторов с их учениками.

Однако, организуя и проводя исследование, мы столкнулись с целым рядом трудностей как на его теоретическом, так и на эмпирическом уровнях.

В качестве изучаемых параметров в деятельности инструкторов были выбраны: эмоциональный интеллект и эмпатия, психическая устойчивость инструкторов в межличностных отношениях, их коммуникативные навыки, а также уровень компетентности социального взаимодействия. Подбирая указанные характеристики, мы не могли опираться на соответствующие исследования в области дорожной психологии в виду их отсутствия. Обоснование строилось на исследованиях руководства и лидерства, межличностных отношений и эффективных коммуникаций. Значительную роль также сыграл имеющийся собственный многолетний опыт работы инструктором по вождению, преподавателем автошколы, а также длительное наблюдение за взаимодействием инструкторов и учеников автошкол.

При составлении программы исследования мы столкнулись с проблемой, связанной с адекватной оценкой достоверности результатов обучения вождению у выпускников автошкол. Например,

согласно экспертным оценкам профессионального сообщества, для реальной оценки качества обучения вождению не всегда подходит показатель сдачи экзаменов в ГИБДД. Исходя из этого, проведя глубокий анализ ситуации и обсуждения с экспертами, в качестве главного критерия эффективности взаимодействия конкретного инструктора с его учениками был выбран показатель – *«средний процент сдачи обучаемыми внутренних экзаменов по вождению в автошколе с первого раза»*.

Трудности возникли и на этапе определения эмпирической базы исследования, так как оказалось, что подавляющее большинство автошкол не удовлетворяет критериям репрезентативности. В соответствии с поставленными задачами, нами были выбраны следующие критерии: 1) в автошколе имеется утвержденная система объективного контроля качества обучения, предусматривающая приемку внутреннего экзамена по вождению, которая осуществляется специально назначенными наиболее опытными инструкторами (экзаменатор или старший инструктор); 2) приемка внутреннего экзамена по вождению у выпускников предусматривает «перекрестный контроль», то есть экзаменатор и инструктор ученика должны быть разные люди (в противном случае ученик исключается из выборки); 3) ученик полностью завершил теоретическую программу обучения в автошколе и успешно сдал внутренний экзамен (тест) по Правилам дорожного движения; 4) ученик полностью завершил программу практического обучения вождению в автошколе; 5) случаи, когда у ученика в процессе обучения менялся инструктор (то есть было более одного инструктора) исключаются из выборки; 6) кроме того, из выборки исключаются ученики, уже имеющие права либо другой категории, либо другой страны, а также ученики, которые ранее были лишены права управления транспортными средствами; 7) в автошколе имеются достоверные статистические данные по сдаче учениками внутреннего экзамена: с первого или не с первого раза. В результате были отобраны две автошколы, которые соответствовали выдвинутым критериям и более ста учеников, проходивших в них обучение. Выборка исследуемых инструкторов составила менее 20 человек, что представляется нам достаточным для получения первичных результатов.

Считаем, что возникшие трудности теоретического обоснования и организации исследования, связанные прежде всего с отсутствием научно-практической традиции в этой области, были достаточно успешно преодолены. Мы надеемся получить интересные и обоснованные результаты, которые будут способствовать дальнейшим научным разработкам в этой области.

Литература

1. *Виноградов Е.С.* Совершенствование подготовки водителей автомобильного транспорта с целью повышения безопасности дорожного движения; диссертация кандидата наук; 44.03.04 / Виноградов Евгений Сергеевич. Курск. – 2022. – 168 с.
2. *Кравченко Л.А.* Система обучения водителей в автошколе с учетом личностных качеств / Л.А. Кравченко, Ж.В. Дубинина, И.А. Берека. – Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). – 2019. – вып. 1 (56). - С. 42-48.
3. Официальный сайт Госавтоинспекции МВД РФ <http://stat.gibdd.ru/>.

Успешность профессиональной деятельности сотрудников экстремальных служб

Бащева А.С., Паикова Я.А.
ФГБОУ ВО ВГУ, Воронеж, Россия
anastasiabashcheva@gmail.com, matvienkoa@yandex.ru

Эффективность служебной деятельности работников экстремальных служб определяется последовательностью управленческих решений, направленных на формирование кадрового потенциала сотрудников и успешность их деятельности, представленной совокупностью профессиональных возможностей, индивидуальных характеристик личного состава и показателей морально-психологического состояния. Повышение качества профессиональной деятельности сотрудников экстремальных служб, в

том числе повышение уровня ее успешности, считается одной из основных задач в развитии службы спасения.

Внутренние и внешние параметры труда составляют основу содержания профессии спасателя, к ним относятся: мотивация достижения, направленность на профессию, ее идеалы и ценности, стремление к самореализации и самосовершенствованию, удовлетворенность работой, готовность к гибкой переориентации внутри профессии, стабильность и гармония на всех этапах профессионального развития, социально-психологический климат коллектива, условия службы и др.

Феномен успешности служебной деятельности изучался рядом авторов с разных сторон. Так, Е.А. Климов определяет успешность как характеристику профессиональной деятельности, полагаясь на внешнюю оценку [2], И.В. Арндачук обозначает профессиональную успешность как критерий удовлетворенности личности профессиональной самореализацией [1], А.В. Кокурин рассматривает успешность в контексте достижения установленных планов и желаемых результатов субъекта деятельности [3]. Под успешностью служебной деятельности мы понимаем интегративное понятие, которое включает в себя объективные и субъективные критерии, отражающие достижение поставленных целей и задач служебной деятельности, реализуемые при помощи развития и роста профессиональных навыков и компетенций сотрудников экстремальных служб. Полагаясь на критерий объективности в определении успешности деятельности субъекта экстремального труда, мы выделяем достоверные (объективные) и малодостоверные (субъективные) критерии, которые позволяют оценить и спрогнозировать успех профессиональной активности, тем самым обеспечить повышение общей психологической готовности сотрудников службы спасения и предотвратить профессиональные деформации, возникающие в экстремальной деятельности.

Под объективными критериями успешности служебной деятельности мы понимаем внешние, определенные отличительные особенности труда, которые могут быть использованы для оценки достижений результативности служебной деятельности. К ним относятся:

- 1) рабочая среда (наличие необходимых ресурсов (экономических, эргономических, технологических и др.);

- 2) объем труда (адекватно распределенные должностные задачи, планирование деятельности, эффективное управление временем и ресурсами);
- 3) безопасность выполняемых действий (минимизация рисков, связанных с выполнением профессиональных задач в экстремальных ситуациях, создание соответствующих мер предосторожности и их соблюдение);
- 4) соответствие стандартам, положениям и нормативным актам (наличие свода правил и стандартов служебной деятельности, руководство ими);
- 5) профессиональное развитие (возможность профессионального обучения и повышения квалификации);
- 6) скорость выполнения задач (высокая производительность, оптимизация процессов работы и грамотная организация рабочего времени).

Под субъективными критериями успешности служебной деятельности мы понимаем характеристики, которые формируются на основе личностных качеств сотрудников экстремальных служб, их умений и навыков, а также оказывают влияние на оценку и восприятие ими служебной деятельности в целом. Таковыми являются:

- 1) достижение поставленных задач и целей (целенаправленное достижение профессиональных задач, исполнение желаемых результатов, наличие высокого уровня притязаний);
- 2) качество работы (выполнение служебной деятельности на высоком профессиональном уровне, безошибочность и отсутствие просчетов в выполнении задач);
- 3) адаптация к изменениям (своевременная и быстрая реакция на изменчивые условия экстремальной ситуации, с последующей своевременной реконструкцией поведения);
- 4) профессиональная компетентность и навыки (знания о служебной деятельности, опыт и возможность их применения в реальных экстремальных условиях);
- 5) коммуникативность (способность к выстраиванию диалога в условиях чрезвычайной ситуации, формулирование конкретной команды и/или инструкции в целях избегания непонимания со стороны пострадавших);

- б) удовлетворенность трудом, которая служит показателем мотивации и внутреннего энтузиазма работника, связана с заработной платой, балансом работы и личной жизни, эмоциональной устойчивостью и готовностью каждого сотрудника к выполнению действий, возможностями карьерного роста, положительной рабочей атмосферой и т.д.

Подводя итог, важно отметить, что успешность служебной деятельности сотрудников экстремальных служб определяется исходя из представленных выше объективных (достоверных) и субъективных (малодостоверных) ее критериев. В случае изменения хотя бы одного из них успешность труда сотрудников экстремальных служб подвергается модификации (способна повысить/снизить свой уровень). Интегративный подход в понимании критериев успешности служебной деятельности позволяет оценить эффективность и результативность работы сотрудников службы спасения, определить их результаты и достижения на каждом этапе профессионального развития.

Литература

1. *Арендачук И.В.* Структурно-функциональная организация профессионализма личности в научно-педагогической деятельности: Дис. ... канд. психол. н. – Ярославль, 2008.
2. *Климов Е.А.* Пути в профессионализм: психологический взгляд / Е.А. Климов. – М., 2003.
3. *Кокурин А.В.* Психология служебной деятельности: учебник и практикум для вузов / А.В. Кокурин. – М., 2020.

Проблема представлений взрослых о детях как участниках дорожно-транспортной среды

Баясева Э.К., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nuvoletto@yandex.ru, elen-litvinova@yandex.ru

Несмотря на существующие исследования, посвященные проблеме дорожно-транспортного травматизма детей, некоторые важные аспекты зачастую оказываются в тени. Нам представляется, что
88

особое внимание следует сосредоточить на изучении представлений взрослых о детях как участниках дорожно-транспортной среды (ДТС). Именно на основе этих представлений взрослые воспринимают детей в условиях ДТС, оценивают их поведение и возможные риски, обучают детей безопасному поведению на дороге и т.д. Исследовательский интерес к представлениям взрослых о детях как участниках ДТС актуален в связи с необходимостью снижения количества дорожно-транспортных происшествий с участием детей, а также снижения детского дорожно-транспортного травматизма, который нередко сопровождается тяжелыми последствиями, включая смертельные случаи. Выявление взаимосвязи представлений взрослых и особенностей поведения детей на дороге позволит выбрать более эффективные методы и приемы взаимодействия взрослых и детей в рамках ДТС и совершенствовать обучение безопасному поведению, как детей, так и взрослых.

По мнению исследователей, взрослые часто считают, что дорожно-транспортные происшествия являются в основном следствием неправильного поведения детей на дороге. Однако, как показывают исследования, зачастую причина заключается в том, что не соблюдается баланс между возможностями ребенка, определяемыми его возрастными психофизиологическими, когнитивными и индивидуально-психологическими особенностями, с одной стороны, и требованиями, предъявляемыми дорожной обстановкой и поведением других участников движения, с другой.

В ряде случаев водители плохо представляют себе восприятие дорожной ситуации ребенком, и не уделяют этому специального внимания. Например, многие привычные способы реагирования, выработанные ребенком в безопасной среде (во дворе, дома, в другом защищенном пространстве), срываются и на дороге. Такие выработанные и привычные паттерны поведения, как отпрыгнуть, отступить, спрятаться, побежать или наоборот замереть от страха, закрыв глаза руками, срываются и на дороге. В силу возрастных особенностей дети не могут предвидеть скрытые опасности, им трудно одновременно совершать действие (например, переходить проезжую часть) и анализировать ситуацию на дороге, у них недостаточно сформирована координация движений, не развито боковое зрение. Дети не умеют адекватно оценивать взаимосвязь

скорости автомобиля и расстояния, на котором он находится. Навыки ориентации в пространстве также недостаточно развиты. В силу этого, поведение ребенка на дороге не основывается на сформированных навыках принятия решения в сложной многокомпонентной ситуации. Кроме того, дети часто носят одежду, мешающую получению полной информации об окружающей среде: капюшон, тугой шарф, шапка. Подростки используют наушники [2].

Однако для нашего исследования важен тот факт, что несчастные случаи с участием детей неизбежно происходят при участии взрослых, представления которых о детях, как участниках ДТС несовершенно, а иногда и ошибочны. Так, водитель при виде бегущих детей, не снижает скорость, считая, что они успеют перебежать дорогу. Некоторые водители сигналият, увидев ребенка, вышедшего на проезжую часть, не отдавая себе отчета в том, что он может растеряться от резкого звука, «заметаться», подвергая себя дополнительному риску. Приписывая ребенку характеристики зрелого человека, взрослые не проявляют осторожности в отношении поведения детей и на парковках. Практика показывает, что водители воспринимают детей как уменьшенных взрослых, не понимая психологических и психофизиологических особенностей их поведения на дороге.

По данным социологических исследований, половина опрошенных матерей считают, что их дети младшего школьного возраста могут самостоятельно переходить улицу с достаточно интенсивным движением. Вместе с тем, наибольшее беспокойство у родителей вызывают: безопасность на велосипеде и самокате (95%), поведение школьников возле дороги (94%) и на пешеходном переходе (88%). Взрослые считают, что именно эти темы стоит изучать подробнее. В то же время исследования показывают, что есть существенные расхождения между представлениями взрослых и реальной статистикой попадания детей в дорожно-транспортные происшествия. Так, половина несчастных случаев с детьми происходит во время перехода ими проезжей части, дети-пассажиры становятся жертвами ДТП в 36% случаев, 65% несчастных случаев происходит около дома [3].

Во время бесед с родителями детей, пострадавших в автоавариях, было установлено, что взрослые обучали несовершеннолетних

правилам личной безопасности на дороге, исходя из собственных неверных представлений. Так был выявлен целый ряд ошибочных представлений и искажений взрослыми информации о правилах поведения на дороге, которые они транслировали своим детям. Например, большинство взрослых уверены, что при пересечении проезжей части необходимо сначала посмотреть направо, а затем, дойдя до середины, посмотреть налево. Правильное же поведение предполагает, что нужно сразу смотреть в обе стороны. Есть и другие заблуждения: обходить автобус нужно сзади (правильно будет дождаться, когда автобус уедет и только тогда переходить дорогу); на дворовой территории пешеход всегда прав (такая подача информации формирует ошибочное мнение у ребенка о безопасности на дворовом проезде). Вероятно, это не полный перечень ошибочных представлений о поведении детей в условиях ДТС, которые взрослые транслируют детям.

Родители влияют на безопасность детей в ряде важных аспектов: они являются образцом для поведения ребенка на дороге и в транспорте, они принимают решения о безопасности ребенка, они обучают ребенка безопасному поведению. Именно взрослые решают, использовать ли специальные детские кресла и ремни безопасности в машине, сажать ли ребенка на переднее сидение, в каком возрасте отпускать одного в школу и как учить безопасному поведению [1]. Одним из важнейших условий эффективности профилактических мероприятий аварийности является формирование у взрослых реалистичных представлений о возможностях детей, связанных с их поведением на дорогах, которые позволят с одной стороны, сформировать адекватные способы собственного реагирования в ДТС, а с другой – эффективно обучать детей безопасному поведению.

Литература

1. *Арчакова Т.О.* Безопасность дорожного движения: исследования с позиций возрастной психологии. Электронный журнал «Современная зарубежная психология» 2017.
2. *Вашкевич А.В., Толочко Е.И., Иванова Н.Л., Позднякова О.В.* Методические рекомендации для педагогов образовательных

организаций по обучению детей основам безопасного поведения на дорогах: СПб.: ИП Веснин Евгений Юрьевич, 2015.

3. Официальный сайт Госавтоинспекции МВД РФ <http://stat.gibdd.ru/>.

Параметры адаптации личности к рискам цифровизации

Белинская Е.П.

*ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова», Москва, Россия
elena_belinskaya@list.ru*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, в рамках проекта «Предикторы психологической адаптации личности в ситуации глобальных рисков цифрового мира: межпоколенный и гендерный анализ»

К трендам современной динамики социального пространства относят ускорение нелинейного развития, выраженность процессов социальной атомизации, увеличение количества рискованных решений и вариантов социального поведения индивидуальных и групповых субъектов, а к их следствиям – ограниченную возможность социальных прогнозов, затрудненность процессов социальной идентификации и повышенные требования к процессам социальной преадаптации [3; 4]. На эти процессы в значительной степени влияет цифровизация всех сфер жизнедеятельности человека.

В качестве следствий цифровизации повседневности можно выделить ряд явлений социального и социально-психологического уровня: амбивалентное отношение к информации и кризис доверия к ней, неограниченные возможности манипуляций общественным сознанием со стороны властных субъектов, новые основания для межпоколенных «разрывов» в ценностно-нормативной сфере. Неудивительно, что психологические риски цифровизации затрагивают личность человека цифрового мира. Среди них наиболее часто выделяют возможные проблемы идентификации и связанные с ними трудности совладания с жизненными ситуациями. В ряде

случаев это приводит к тому, что личностные риски рассматриваются в рамках идеи «человека достроенного» в силу его цифрового «расширения», при котором существование в смешанной реальности не позволяет говорить о традиционных вариантах построения «Я» как центральной образующей личности [2].

Думается, что адаптация к цифровизации может быть понята тройко: 1) как способность человека регулировать свое поведение в цифровом пространстве (ответственно подходить к приватности своих персональных данных, находить и анализировать цифровую информацию); 2) как умение выстраивать отношения с другими людьми и добиваться своих коммуникативных целей в цифровом пространстве (адекватность самопредъявления и самораскрытия в социальных сетях); 3) знание морально-этических нормативов поведения в цифровом пространстве, готовность опираться на них в своем поведении (осуждение прямой и скрытой агрессии, отказ от потребления запрещенного контента, отсутствие склонности к антисоциальному поведению в сетевой коммуникации).

В силу вышесказанного, созданный опросник для определения уровня адаптации к повседневной цифровизации включал в себя 5 шкал: 1) шкалу поведенческой адаптации (умение обеспечить собственную безопасность в цифровом мире); 2) шкалу поведенческой адаптации (грамотность информационного поиска); 3) шкалу коммуникативной адаптации (повседневная включенность в виртуальную коммуникацию и адекватность взаимопонимания в ней); 4) шкалу нормативной адаптации (отсутствие склонности к обману, мошенничеству в виртуальной коммуникации); 5) шкалу цифровой тревожности (ощущение потери человеком своей субъектности, переживание невозможности на что-либо повлиять). Предполагалось, что высокий уровень психологической адаптации к цифровой повседневности складывается из высоких показателей по первым четырем шкалам и низким – по пятой [см. 1]. В качестве личностных предикторов адаптации к рискам цифровизации рассматривались характеристики идентичности, а также реактивный и проактивный копинг. Исследование проходило на выборке в 500 человек, включавшей две возрастные когорты – «молодое поколение» (*медиана возраста* = 20 лет, 200 человек) и «старшее поколение» (*медиана возраста* = 45 лет, 300 человек).

Оказалось, что: 1) информационная идентичность является предиктором коммуникативной адаптации (для старшей когорты) и отрицательно связана для обеих когорт с нормативной адаптацией; 2) диффузная идентичность отрицательно связана с нормативной адаптацией и поведенческой адаптацией как грамотным поиском информации (для обеих возрастных когорт); 3) нормативная идентичность является предиктором поведенческой адаптации как обеспечением собственной адаптации в цифровой среде (но только для старшего поколения). Иными словами, специфика идентичности выступала предиктором адаптации к цифровизации преимущественно для старшего поколения, что представляется вполне закономерным.

Что касается характера совладания, то оказалось, что в реактивном копинге: 1) стратегия планирования решения проблемы связана с поведенческой адаптацией как обеспечением собственной безопасности (для молодежи); 2) стратегия самоконтроля связана с коммуникативной адаптацией (для старшего поколения). Для проактивного совладания были обнаружены более выраженные взаимосвязи, а именно: 1) для обеих возрастных когорт наблюдались значимые взаимосвязи всех стратегий с поведенческой и коммуникативной адаптацией; 2) максимально выраженными оказались связи рефлексивных стратегий проактивности с поведенческой адаптацией и стратегии поиска социальной поддержки с нормативной адаптацией. Иными словами, проактивное совладание в целом может быть оценено как более выраженный предиктор адаптации к рискам цифровизации повседневности, нежели реактивное совладание с трудностями.

Литература

1. *Белинская Е.П., Шаехов З.Д.* Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 239 - 260
2. *Войскупский А.Е., Солдатова Г.У.* Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431 – 450

3. *Марцинковская Т.Д.* Информационное пространство транзитивного общества: проблемы и перспективы развития // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27, № 3 (105). С. 77–96
4. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 1. С. 127 – 138

Особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта, уровня развития группы и копинг-стратегий у спортсменов, занимающихся командными видами спорта

Берилова Е.И.

*ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия
berilovanew@mail.ru*

Эффективность совместной деятельности определяется многими факторами, в основе которых, в том числе, лежат межличностные взаимоотношения, на которых основывается межгрупповое взаимодействие. Межличностные отношения определяются эмоциями, испытываемыми членами группы, а также психологическими свойствами личности, что определяет значимость учета данных характеристик при формировании команд в различных сферах деятельности. Проблема эффективности деятельности спортивных команд является актуальной на данный момент, несмотря на достаточно длительную историю исследований. Достижение победы спортивной команды определяется не только высоким уровнем технической и тактической подготовки игроков. Важную роль в эффективном командном взаимодействии играет уровень сплоченности группы, социально-психологический и мотивационный климат, психологическая совместимость игроков [1; 3; 5]. Для достижения победы командой в спорте высокое значение имеет точность распознавания и понимания эмоций других игроков, изменение стратегий действия в случае изменения тактики соперников, разделение ответственности за полученные результаты деятельности, снижение уровня соревновательного стресса [2; 4; 6].

Цель исследования – установить особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта, уровня развития группы и копинг-стратегий у спортсменов.

В исследовании участвовали 50 спортсменов, входящих в студенческие команды КГУФКСТ и занимающихся командными видами спорта (возраст 18-22 года). Для исследования использовались опросник Н. Холла, опросник диагностики уровня развития малой группы, опросник Р. Лазаруса. На наш взгляд, высокий уровень эмоционального интеллекта спортсменов, конструктивное реагирование на трудности и высокий уровень развития группы являются факторами эффективного командного взаимодействия в спортивной деятельности.

Первой задачей исследования было изучение особенностей эмоционального интеллекта и копинг-стратегий спортсменов, а также уровня развития группы. Данные, полученные нами, говорят о низком уровне развития эмоционального интеллекта у атлетов. Это говорит о том, что они испытывают сложности с идентификацией эмоций, как собственных, так и других людей. Они не умеют управлять своим эмоциональным состоянием, эмоции не мотивируют их на выполнение задачи, они не стремятся проявлять эмпатию к окружающим. При разрешении трудной ситуации спортсмены стремятся принять на себя ответственность за случившееся, обращаются за помощью к другим людям или стараются на некоторое время уйти от решения проблемы. Данные копинг-стратегии у большинства спортсменов имеют высокую степень выраженности. Уровень развития группы, согласно диагностике, соответствует уровню кооперации («мерцающий маяк»). Это говорит о том, что спортсмены оценивают достаточно высоко сплоченность своей команды, готовы перед собой ставить общую цель, считают, что могут обратиться друг к другу за помощью.

Далее было проведено корреляционное исследование. Рассмотрим полученные данные.

Были выявлены достоверные взаимосвязи между параметрами эмоционального интеллекта и копинг-стратегиями в общей выборке. Так, чем лучше спортсмены понимают испытываемые другими людьми эмоции, тем выше вероятность обращения за поддержкой к другим людям в сложной ситуации ($r = 0,37$ при $p \leq 0,05$). А чем выше

способность к управлению эмоциональными проявлениями, тем чаще спортсмены обращаются к положительной переоценке ($r = 0,41$ при $p \leq 0,05$). В исследовании были выявлены также и обратные корреляции. Так, чем лучше спортсмены управляют своими эмоциями, тем ниже вероятность дистанцирования их от проблемы ($r = -0,38$ при $p \leq 0,05$), а чем выше самомотивация, тем меньше риск выбора ими агрессивных способов разрешения трудных ситуаций ($r = -0,44$ при $p \leq 0,05$). Также чем выше развита эмпатия, тем в меньшей степени спортсмены стараются планировать решение проблемы ($r = -0,41$ при $p \leq 0,05$). Была выявлена обратная взаимосвязь между уровнем развития группы и стратегией поиска социальной поддержки ($r = -0,42$ при $p \leq 0,05$), что может говорить о том, что спортсмены получают помощь и поддержку в команде, поэтому у них нет необходимости обращаться за поддержкой к социальному окружению. Значимых корреляционных взаимосвязей между уровнем развития группы и эмоциональным интеллектом обнаружено не было.

Результаты нашего исследования говорят о высоком значении эмоциональной компетентности в рамках психологического сопровождения команд в спортивной деятельности. Развитие компонентов эмоционального интеллекта, формирование конструктивных способов реагирования на стресс и разрешения трудностей, а также высокий уровень развития группы позволит улучшить эффективность деятельности спортивных команд.

Литература

1. *Бабушкин Г.Д., Кулагина Е.В.* Психологическая совместимость и срабатываемость в спортивной деятельности: монография. Омск, 2001.
2. *Белоконь В.О., Горская Г.Б.* Роль эмоционального и социального интеллекта в поддержании психической устойчивости субъектов командной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 4(49).
3. *Захаренко А.О., Босенко Ю.М., Гакаме Р.З.* Мотивационный климат как фактор повышения конкурентоспособности футболистов на примере студенческой команды // Ресурсы

- конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2021. № 11.
4. *Миронкова В.И., Распопова А.С.* Особенности мотивации занятий спортом и межличностных отношений в командных видах спорта // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2022. № 12.
 5. *Распопова А.С., Берилова Е.И., Босенко Ю.М.* Предпосылки психологической надежности подростков, занимающихся греблей на байдарках и каноэ // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2022. № 7(209).
 6. *Совмиз З.Р.* Социально-психологические ресурсы преодоления трудностей в командных видах спорта // Психолого-педагогические и медико-биологические проблемы физической подготовки, физической культуры и спорта: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения академика В.Л. Марищука. Санкт-Петербург, 21–22 сентября 2016 года. Часть 1. СПб., 2016.

Понимание экстремальной ситуации у курсантов Военно-космической академии им. А.Ф. Можайского

Богатеева Л.И.

*ГБУ «Мой семейный центр «Палитра», Москва, Россия
ФГАОУ ВО ГУП, Мытищи, Россия
Lyubov.bogateeva@yandex.ru*

Важным фактором подверженности экстремальным ситуациям является представление о ней. Специфика профессиональной деятельности и отнесение к определенному социальному институту в общей сложности способствуют формированию у индивидуума понимания «экстремальной ситуации» [1; 3]. Попадая в стрессовую ситуацию, человек принимает решения, исходя из уже сформированных установок. Для определенных социальных групп, а именно категорий военных, понимание «экстремальной ситуации» может оказать существенное влияние на жизнь самого служащего и

его окружения [6]. Поэтому немаловажным является конкретизация социально-психологических особенностей представлений об экстремальной ситуации.

Изучение установок в отечественной психологии берет начало с исследований Д.Н. Узнадзе. Его теория объясняет установку как состояние человека к активной деятельности [4]. В.А. Ядов продолжил и расширил изучения установок. Он разработал иерархическую схему диспозиционной регуляции социального поведения личности. Согласно диспозиционной концепции В.А. Ядова, представление включает нескольких уровней. К первому уровню относятся низшие установки человека, ко второму – аттитюды, к третьему – направленность личности, к четвертому – ценностно-личностные установки [1; 2; 5].

В данном исследовании рассматривается один из компонентов высшего уровня диспозиционной концепции В.А. Ядова с помощью ассоциативной методики «Экстремальные ситуации» (адаптация М.И. Розеновой, Л.И. Богатеевой). Изучение понимания экстремальной ситуации проводилось на социальной группе курсантов военно-космической академии им. А.Ф. Можайского. В исследовании приняли участие 20 курсантов мужского пола, 20-21 года.

По результатам авторского опросника, в варианте ассоциативного ряда «Экстремальные ситуации» респонденты написали 185 слов. Выявлено, что наиболее часто возникающие ассоциации на экстремальные ситуации определялись такими словами, как: «страх (страшная)» (12 выборов, что соответствует 60% респондентов); «тяжелая» (9 выборов – 45%); «острая» (8 выборов – 40%); «смерть» (8 выборов – 40%); «твердая» (7 выборов – 35%); «сложная (не простая)» (7 выборов – 35%); «устойчивая» (7 выборов – 35% респондентов). Выбор остальных слов был меньше 35%.

С помощью контент-анализа было выделено восемь категорий в представлениях об экстремальных ситуациях:

- 1) «Преодоление» (к которым мы отнесли такие ассоциации, как «устойчивая», «быстрая»), в группу вошло 12 слов;
- 2) «Возбуждение» (к которым мы отнесли такие ассоциации, как «адреналин», «волнение»), в группу вошло 6 слов;

- 3) «Стрессовые реакции» (к которым мы отнесли такие ассоциации, как «страх (страшная)», «стресс», «тревога») в группу вошло 27 слов;
- 4) «Увлечение» (к которым мы отнесли такие ассоциации, как «экстрим», «не раскрытый парашют»), в группу вошло 9 слов;
- 5) «Предмет или ситуация» (к которым мы отнесли такие ассоциации, как «машина без тормозов», «прогулка по крыше», «война»), в группу вошло 25 слов;
- 6) «Определения экстремальной ситуации» (к которым мы отнесли такие ассоциации, как «тяжелая», «острая», «сложная»), в группу вошло 72 слова;
- 7) «Бедствия» (к которым мы отнесли такие ассоциации, как «пожар», «наводнение», «землетрясение»), в группу вошло 15 слов;
- 8) «Последствия» (к которым мы отнесли такие ассоциации, как «смерть», «боль», «угроза жизни», «травма»), в группу вошло 19 слов.

Анализ полученных данных позволил описать понимание экстремальной ситуации у курсантов и, основываясь на диспозиционной концепции В.А. Ядова, выявить один из компонентов высшего уровня представлений. Курсанты военно-космической академии им. А.Ф. Можайского понимают экстремальную ситуацию через такие ассоциации, как: «страх (страшная)»; «тяжелая»; «острая»; «смерть»; «твердая»; «сложная (не простая)»; «устойчивая». В основном курсанты описывают экстремальную ситуацию используя прилагательные.

Данное исследование является перспективным для изучения представлений об экстремальной ситуации у курсантов, а также изучения социально-психологических особенностей представлений у других социальных групп с более обширной выборкой.

Литература

1. *Богатеева Л.И.* Представления об экстремальной ситуации у военнослужащих космических войск // Актуальные проблемы теории и практики психологических, педагогических и лингводидактических исследований: материалы

- международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 235-239.
2. *Ланцев В.Л.* Прогнозирование поведения педагогов в условиях трансформации системы образования на основе диспозиционной концепции личности В.А. Ядова // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 14 (4). С. 242-261.
 3. *Лапкина Е.В.* Паттерны защитно-совладающего поведения курсантов // Психология образования в поликультурном пространстве. 2020. № 2 (50). С. 40-49.
 4. *Ткаченко Н.И., Ивлиев П.В.* Теория установки Д.Н. Узнадзе как система познания закономерностей психической активности человека, его сознания и действий // Прикладная юридическая психология. 2022. № 2 (59). С. 121-126.
 5. *Ядов А.В.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М. 2013.
 6. *O'Keefe D., Urban S., Darr W.* Psychology in the military //The Canadian handbook for careers in psychological science. 2019.

Некоторые этические вопросы использование нейросетей в образовании

Богатырев К.А.
ОАО ВО «МПСУ», Москва, Россия
kirill.bogatirev2011@yandex.ru

За последние годы использование технологий искусственного интеллекта (ИИ) стало неотъемлемой частью научного прогресса, так или иначе они проникают в современную жизнь независимо от желаний общества или конкретных групп людей. Одни исследователи считают, что развитие нейросетей способно расширить границы человеческого сознания, упростить процессы и операции, предугадать предстоящие события, выявить закономерности и пр. Другие говорят о том, что ИИ может навредить когнитивным способностями, привести к безработице, помешать научно-техническому прогрессу в связи с недостоверностью информации и фальсификацией знаний.

Ученые сходятся в одном: нейросети и их влияние необходимо изучать и оценивать [3]. В рамках психологии важно углубиться в тему взаимодействия образовательных субъектов с искусственным интеллектом и оценить последствия такого взаимодействия.

Нейросети — это математические модели, имитирующие работу человеческого мозга, где информация обрабатывается через множество связанных искусственных нейронов [2]. Они обучаются на примерах, регулярно корректируют свое поведение, чтобы минимизировать ошибки прогнозов. ИИ способен обобщать полученные знания относительно существующих или заданных заранее данных. При этом нейросети не обладают эмоциями, не могут творчески подходить к процессам, самостоятельно принимать решения, создавать новую информацию.

Несмотря на некоторые спорные моменты, нейросети могут применяться в исследованиях как способ быстрой обработки массивов данных [3]. В научном плане нейросети способны анализировать результаты количественных и качественных исследований, проводить корреляционные анализы, строить математические модели, обобщать выводы. Это несомненно может ускорить исследовательский поиск при условии, что ученые перепроверят полученные данные, осмыслят полученные результаты и пр.

Важно отметить, что применение нейросетей в образовании вызывает ряд этических вопросов, требующих внимательного рассмотрения. Одним из ключевых является конфиденциальность данных, поскольку ИИ может обрабатывать большие объемы персональной информации об обучающихся и преподавателях. Необходимо обеспечить безопасное хранение и передачу этих данных, соблюдение приватности и согласованности их использования. Еще одним этическим вопросом является прозрачность алгоритмов и процессов принятия решений, поскольку сложность нейросетей может делать их работу недоступной для людей. Это может создавать проблемы в понимании и оценке результатов, порождать возможность для скрытого внедрения предвзятости или ошибок. Кроме того, возникают вопросы о справедливости и необходимости тотального использования нейросетей в образовательных процессах.

Особенно остро стоит проблема недобросовестного использования технологий искусственного интеллекта при написании научных и

исследовательских работ. Некоторые авторы считают, что нейросети способны самостоятельно определять цель исследования, предмет и объект, ставить научные гипотезы и подбирать факты, но практика доказывает, что нейросети лишь компилируют ранее опубликованные данные.

В 2023 году нами было проведено исследование «Отношение обучающихся и педагогов к применению нейросетей в образовании». В качестве основного метода использован синквейн-метод [1]. Выборка: 30 преподавателей МПГУ и 60 обучающихся магистратуры РУДН. Для анализа обезличенных результатов использовались технологии ChatGPT и ручная проверка. В ходе исследования были сформулированы следующие выводы:

1) обучающиеся ассоциируют нейросети с технологичностью и инновационностью (наиболее частый ответ у 65% респондентов);

2) преподаватели стараются избегать нейросети в работе и исследованиях, использование данных технологий вызывает страх и опасения (более 45% ответов);

3) обучающиеся считают, что с помощью нейросетей можно писать учебные работы, при этом они переживают за качество материалов и оценки (30% ответов);

4) преподаватели считают, что использование нейросетей необходимо осознанно ограничивать, так как активное использование ИИ может привести к снижению когнитивных способностей студентов и повлиять на качество знаний (40% ответов);

5) обе группы респондентов отметили, что нейросети являются неизбежным будущим, но без четкого понимания, куда движется их развитие (70% ответов).

При ручной проверке выяснилось, что нейросеть добавила дополнительные результаты, которые не были указаны респондентами. Например, в качестве одного из результатов исследования ChatGPT указал, что родители обеспокоены использованием нейросетей. При этом респондентами ни разу не были упомянуты слова, связанные с родительством. Также нейросеть изначально некорректно посчитала сводные проценты ответов, скорее всего, это случилось из-за отсутствия у ИИ данных по синквейн-методу.

Таким образом, использование нейросетей представляет собой важное направление современных исследований, однако оно сопряжено с рядом этических вопросов, которые требуют серьезного внимания и решения, так как ИИ может бездумно обрабатывать и демонстрировать конфиденциальную информацию, искажать результаты и приводить к заблуждениям. Необходимо разработать строгие меры безопасности данных и правила работы с ними. Кроме того, следует разработать стандарты и нормативные акты, регулирующие использование ИИ в образовательных практиках. Принятие этически обоснованных подходов к использованию нейросетей в образовании позволит максимизировать их потенциал для улучшения качества обучения, при соблюдении прав и защите интересов всех участников образовательного процесса.

Литература

1. *Богатырев К.А.* Взаимосвязь посещаемости синхронных занятий и успеваемости студентов в условиях реализации обучения с применением дистанционных технологий // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. № 3(64). – С. 192–204.
2. *Долженкова М.А.* Использование чат-ботов в образовательной деятельности // Вестник науки. 2023. №12 (69).
3. *Курбанова З.С., Исмаилова Н.П.* Нейросети в контексте цифровизации образования и науки // МНКО. 2023. №3 (100).

Взаимосвязь субъективного благополучия и уровня толерантности студентов-психологов

Богодяж Е.Н., Черчес Т.Е.

*БГПУ им. М.Танка, Минск, Республика Беларусь
liza.bogodyazh@gmail.com, tankor65@mail.ru*

Субъективное благополучие и толерантность играют важнейшую роль в становлении студента как профессионального психолога. Высокий уровень субъективного благополучия определяет степень удовлетворенности жизнью и самооценку человека, а также помогает

в поиске ресурсов для роста и развития любого человека. Толерантность же определяет возможности человека к коммуникации и совместной работе с другими людьми, умение работать в команде, заводить необходимые профессиональные и личные связи. Однако для психолога субъективное благополучие и толерантность становятся не просто желаемыми, но необходимыми профессионально важными качествами. Причиной тому является специфика работы. Психолог – профессия группы «человек-человек», в которой сам рабочий процесс основан на эффективном взаимодействии с другими, совершенно разными людьми. Более того, специалисты данной профессии подвержены постоянным эмоциональным перегрузкам, влекущим раннее профессиональное выгорание. Таким образом, субъективное благополучие и толерантность становятся инструментами и важной опорой в работе с клиентами.

«Субъективное благополучие является синтетическим социально-психологическим образованием, включающим ряд компонентов, отражающих благополучность различных сторон бытия человека, среди которых главными являются он сам, его переживания, деятельность и ее смыслы, созерцание, включенность в общность и общество» [3]. Так термин «субъективное благополучие» определяет доктор психологических наук, внесший огромный вклад в изучение социализации и профилизации личности, Р.М. Шамионов. Через субъективное восприятие человек осмысливает этот мир и других людей, выстраивая свое отношение к ним.

Г.Л. Бардиер дает следующее определение толерантности: «способность человека позитивно реагировать на окружающие его социальные различия» [1]. Она утверждает, что субъектность человека, которая включает и свободу воли и выбора, является основой толерантности как свойства личности. Субъективное благополучие помогает человеку сформировать и поддержать уверенность в себе и своей жизни, независимость в суждениях и решениях, а также помогает планировать свою деятельность и действовать самостоятельно. Таким образом, субъективное благополучие индивида можно рассматривать как один из основных факторов, формирующих толерантность личности.

Исходя из этого можно предположить существование взаимосвязи субъективного благополучия и уровня толерантности у студентов-

психологов. Для проверки данной гипотезы было проведено исследование среди 110 студентов института психологии БГПУ, выборка гетерогенная.

Использованные методики:

- методика диагностики субъективного благополучия личности Р.М. Шамионова и Т.В. Бесковой [4];
- методика на определения уровня толерантности (опросник ВИКТИ), Г. Бардиер [2].

Проведенное исследование показало, что ровно половина (50%) студентов-психологов имеют высокое субъективное благополучие. При этом низкое субъективное благополучие замечено у незначительного количества респондентов (4%). Так, можно говорить о том, что студенты-психологи испытывают удовлетворение и эмоциональный подъем от собственной деятельности и ее смысла, склонны к созерцанию, включены в общность и общество.

Анализ результатов исследования уровня толерантности показал, что абсолютное большинство респондентов имеют высокий (92%) уровень толерантности. Это может объясняться особенностями личности людей, избравших для себя карьеру психолога.

Исходя из вышеописанных результатов исследования, можно заметить, что как уровень толерантности, так и уровень субъективного благополучия высок у большинства студентов-психологов.

Для проверки гипотезы были проведены статистические расчеты. Поскольку выборки прошли проверку на нормальность распределения, а также принимая во внимание большой объем выборки (>100), было принято решение о выборе коэффициента линейной корреляции r -Пирсона.

Статистическое исследование показало, что коэффициент корреляции $r = 0,311$, следовательно, можно говорить о наличии линейной связи между двумя переменными. Таким образом, статистически доказана взаимосвязь субъективного благополучия и уровня толерантности студентов-психологов.

Опираясь на результаты данного исследования, можно утверждать, что чем выше уровень толерантности студента-психолога, тем выше его субъективное благополучие, и – наоборот: чем выше его оценка собственного благополучия, тем более толерантным к другим людям он склонен быть. Данную взаимозависимость можно использовать для

улучшения качества подготовки, переподготовки или повышения квалификации психологов.

Литература

1. *Бардиер Г.Л.* Социальная психология толерантности: Дис. ... докт. психол. н. СПб., 2007. <https://www.dissercat.com/content/sotsialnaya-psikhologiya-tolerantnosti/read>
2. *Корнилова Т.В., Чумакова М.А.* Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология, 2014. №1. https://psyjournals.ru/journals/exppsy/archive/2014_n1/68181
3. *Шамионов Р.М.* Психология субъективного благополучия личности. Саратов, 2004.
4. *Шамионов Р.М., Бескова Т.В.* Методика диагностики субъективного благополучия личности // Психологические исследования, 2018. №60. <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/277>

Феномен социальной лояльности и его роль в формировании и укреплении групповых связей

Болотова О.В., Сухарева Л.А.

*БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова, Санкт-Петербург, Россия
suharewalida@yandex.ru*

Интерес психологов-исследователей к проблеме социальной лояльности достаточно незначителен и, как следствие, объем научных публикаций по этой теме мал, поэтому нами будет рассмотрен феномен социальной лояльности и его роль в формировании групповых связей.

Социальная лояльность – это позитивное выражение в интегральном виде системы индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами объективной действительности, направленное на обеспечение позитивного

взаимодействия в социуме [1, с. 3]. Данный феномен играет важную роль в формировании и укреплении групповых связей, так как позволяет участникам группы чувствовать себя частью единой целого и отождествляться с общими ценностями и целями.

Цель настоящего исследования заключается в анализе феномена социальной лояльности и его влияния на формирование и укрепление групповых связей. Будут рассмотрены основные теории, объясняющие механизмы социальной лояльности, а также проведен анализ практических примеров из различных областей социальных наук.

Согласно теории социальной идентичности (Tajfel & Turner, 1979), люди стремятся установить позитивное отношение к себе через идентификацию с определенной группой и отождествление с ее целями и ценностями. Этот процесс приводит к формированию групповой идентичности, сотрудничеству и взаимопомощи внутри группы.

Ключевые компоненты социальной лояльности:

- 1) Идентичность – это ощущение принадлежности к определенной группе или сообществу. Это может быть основано на общих ценностях, культуре, языке, религии или других общих характеристиках.
- 2) Эмоциональная привязанность – чем сильнее эти эмоциональные связи, тем выше вероятность лояльного поведения.
- 3) Доверие – формируется на основе предыдущего опыта взаимодействия и убеждения в надежности и честности других членов группы.

Механизмы воздействия социальной лояльности:

- 1) Социальное влияние – лояльность может быть усилена через социальное влияние, когда индивиды принимают поведение или убеждения своей группы в результате социального давления или конформизма.
- 2) Взаимодействие – регулярное взаимодействие с членами группы способствует формированию эмоциональных связей и доверия, что укрепляет социальную лояльность.
- 3) Общие цели и ценности – служат мощными катализаторами для социальной лояльности, поскольку они подтверждают ощущение принадлежности и направленности к общим целям.

Социальная лояльность способствует формированию доверия между членами группы, так как она укрепляет убеждение в том, что другие члены группы будут поддерживать и защищать их интересы. Это в свою очередь способствует развитию более тесных и долгосрочных отношений внутри группы. Кроме того, социальная лояльность укрепляет общие ценности, нормы и идеалы группы, что способствует ее единству и стабильности. Члены группы более преданны и верны групповым целям и задачам, что способствует их совместным усилиям и достижению общих целей.

Экспериментальные исследования также подтверждают важность социальной лояльности в формировании групповых связей. Например, эксперимент Шерифа (1954) на основе работы с детьми в лагере показал, что совместные активности и общие цели способствуют укреплению групповых связей и уменьшению конфликтов между участниками. Также примером может служить работа команды профессиональных спортсменов. Спортсмены, выступая за одну и ту же команду, испытывают глубокую привязанность друг к другу и выступают вместе ради общей победы. Их социальная лояльность к команде позволяет им преодолевать трудности и соперничать с другими командами на высшем уровне.

Для руководителей важно знать и уметь использовать следующие стратегии для укрепления социальной лояльности.

1. Стимулирование эмоциональной связи - организации и группы могут активно усиливать эмоциональные связи между членами группы через совместные мероприятия, общение и поддержку.

2. Создание общих целей - формулирование общих целей и ценностей помогает объединить группу и укрепить ее социальную лояльность.

3. Развитие доверия – прозрачность, открытость и честность в отношениях между членами группы способствуют развитию доверия и укреплению социальной лояльности.

4. Признание достижений – публичное признание достижений членов группы стимулирует чувство принадлежности и ценности. Благодарность за вклад в общее дело укрепляет социальную лояльность и мотивирует к дальнейшим усилиям.

5. Проведение обучающих мероприятий и тренингов – обучение коммуникативным и конфликтным навыкам, а также развитие

лидерских качеств способствует формированию более эффективной и гармоничной групповой динамики.

Эти способы позволяют стимулировать социальную лояльность и укреплять групповые связи, создавая основу для успешного сотрудничества и достижения общих целей.

Итак, социальная лояльность играет важную роль в формировании и укреплении групповых связей в обществе. Понимание ключевых компонентов и механизмов воздействия на социальную лояльность позволяет организациям и группам эффективно управлять этим феноменом и создавать более прочные и устойчивые сообщества. Дальнейшие исследования в этой области могут способствовать более глубокому пониманию социальной динамики и развитию эффективных стратегий управления групповой динамикой.

Литература

1. *Серкова Н.В.* Социально-психологические особенности лояльности и факторы, определяющие ее формирование // Вестник ТГПУ. 2004. №5.

К вопросу о трансформации профессий

Бородин А.С., Погодина А.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aborodin@mail.ru*

В современной организационной среде существуют как устоявшиеся, так и новые, стремительно меняющиеся во времени профессии. Особенно динамичной в Российской Федерации выглядит сфера информационных технологий, которая, с одной стороны, идет по следам ИТ индустрии передовых стран (Япония, США и др.), а с другой стороны – проходит аналогичные фазы развития несравнимо быстрее, вбирая в себя передовой опыт и лучшие практики. Так, к примеру, за последние 15 лет устоявшиеся методы управления разработкой программного обеспечения претерпели серьезную трансформацию, которая не только дала импульс к появлению новых

профессий и ролей для специалистов, но и оказала серьезное влияние на уже существовавшие в то время профессии, вынудив специалистов экстренно осваивать новые методы и подходы к работе.

В частности, методы гибкой (инкрементальной) разработки программного обеспечения вытеснили привычный «Waterfall»; вместо привычных объектов управления (проект, корпоративная информационная система, приложение) появились новые – «Продукт»; менеджеры проектов стали менее востребованы, зато вырос спрос на менеджеров продуктов и продуктовых команд, которых пришлось «выращивать с нуля»; произошло смешение ролей – некоторые бизнес-функции были разделены между разными специалистами и, наоборот, один специалист стал выполнять несколько бизнес-функций в одном лице.

Одним из последствий перечисленных изменений стал возросший переход кадров из бизнес-среды, когда специалист не связанной с ИТ сферы деятельности по каким-то причинам решил сделать поворот в своей карьере и перейти в сферу информационных технологий. К такого рода профессии, в частности, относится профессия «бизнес-аналитик». Изучению карьерных треков в эту профессию посвящено проведенное автором исследование.

В исследовании, на основе теоретического анализа истории развития профессии и требований к компетенции этих специалистов, проводится сравнение между группами специалистов, следовавших в эту профессию различным карьерным путем, выделяются особенности, присущие каждой группе, включая особенности трудовой мотивации этих специалистов. Согласно предварительным результатам исследования, бизнес-аналитики, начинавшие свой карьерный путь в бизнес-среде организации, значительно лучше знают особенности бизнес-среды и обладают в среднем по группе лучшими коммуникативными навыками, чем те специалисты, которые стали бизнес-аналитиками, получив ИТ образование. Однако спектр применения этих специалистов фактически ограничен той предметной областью, в которой они работали до перехода в бизнес-анализ. В свою очередь, бизнес-аналитики с высшим образованием в области информационных технологий демонстрируют знание методов и техник бизнес-анализа на более высоком уровне, могут выступать в

роли универсального специалиста с широкой областью применения его практических навыков. Отдельный интерес представляет исследование мотивационного профиля специалистов. На момент подготовки данного материала специалисты, пришедшие в профессию из бизнес-среды, в большинстве своем относятся к «инструментальному» типу (по Герчикову), что соответствует мнению о сфере информационных технологий как более привлекательной сфере для заработка и самореализации [2]. В свою очередь, группа бизнес-аналитиков, пришедших из ИТ, разделилась на преимущественно два типа – «хозяйский» и «профессиональный» [1; 3].

Результаты исследования представляют как теоретическую, так и непосредственную практическую значимость для руководителей отделов бизнес-анализа, руководителей центров компетенции бизнес-анализа и сотрудников службы управления персоналом, деятельность которых связана с поиском и наймом бизнес-аналитиков на рынке труда. Например, руководителю при поиске сотрудников в проектную команду будут полезны результаты данного исследования для принятия решения в пользу конкретного кандидата с учетом его планов на утилизацию специалиста в долгосрочной перспективе. Для сотрудников отдела по работе с персоналом результаты исследования представляют ценность при разработке системы мотивации ИТ персонала в организации.

Литература

1. *Вигерс К., Битти Дж.* Разработка требований к программному обеспечению. 3-е изд., дополненное / Пер. с англ. М.: «Русская редакция»; СПб.: БХВ-Петербург, 2014.
2. *Герчиков В.И.* Мотивация, стимулирование и оплата труда. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2004.
3. *ВАВоК 3.0.* Руководство к своду знаний по бизнес-анализу. Версия 3.0. ПВА. ISBN-13: 978-1-927584-17-0 / Пер. с англ. М.: Белин Александр, 2015.

Взаимосвязь отношений спортсменов-подростков с ближайшим окружением и мотивационного климата в команде

Босенко Ю.М.

ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия

Lavina32@mail.ru

Характер отношений в спортивной команде может существенно влиять на мотивацию каждого спортсмена, а также на общий успех команды. Благоприятный мотивационный климат в спортивной команде способствует повышению уровня удовлетворенности спортсменов, что может привести к улучшению их результатов и повышению эффективности и росту результативности команды [1, с. 415; 2].

Под мотивационным климатом следует понимать систему ожиданий, ценностей, поощрений и наказаний, которая создается в социальной среде вокруг спортсменов и влияет на формирование их внутренней мотивации. В основном в исследованиях сравнивают два типа мотивационных климатов. Это климат, который направляет спортсменов к самосовершенствованию и достижению поставленных целей и обозначается как ориентация на цель, и климат, который направлен на самоутверждение и называется ориентацией на эго [3].

Эта мотивационная система особо восприимчива к воздействиям со стороны непосредственного социального окружения спортсмена, включающего тренеров, партнеров по команде и родителей. С учетом этого, цель нашего исследования заключается в определении специфики взаимосвязи между параметрами социального окружения и мотивационными условиями в команде юных баскетболистов.

На первом этапе мы изучали различные аспекты взаимоотношений с ближайшим социальным окружением: 1) особенности восприятия спортсменами отношения родителей к их занятиям спортом – шкала «Восприятие родителей» в адаптации Э.З. Феодоровой; 2) особенности отношений с тренером – тест «Тренер-спортсмен-1» Ю. Ханина, А. Стамбулова; 3) уровень групповой сплоченности – «Психометрический тест К.Э. Сишора». Исследование восприятия спортсменами мотивационного климата проводилось с использованием опросника диагностики мотивационного климата

«Perceived Motivational Climate in Sport Questionnaire» в адаптации Н.О. Звездецкой [4].

Результаты исследования по шкале «Восприятие родителей» показали, что подростки-баскетболисты имеют более тесные отношения с матерями. По их мнению, матери оказывают им значительную эмоциональную поддержку и проявляют любовь и принятие. Матери также поощряют самостоятельность и автономию исследуемых спортсменов, уважают их решения и дают им свободу выбора. Они прислушиваются к их мнению и готовы помочь им в случае возникновения проблем. Спортсмены могут свободно поделиться с ними своими планами на будущее и получить поддержку в случае возникновения трудностей.

Результаты по шкале «Тренер-спортсмен-1» свидетельствуют о позитивном восприятии спортсменами своего тренера. Они высоко оценивают его личностные качества и то, как он выстраивает взаимодействие со своими учениками. Однако, прежде всего, они обращают внимание на его профессиональную компетентность.

Уровень сплоченности спортивной команды, измеренный с помощью психометрического теста К.Э. Сишора, показал, что данный компонент у спортсменов развит достаточно высоко.

Анализ полученных данных по опроснику мотивационного климата показал, что у баскетболистов преобладает «ориентация на задачу». Этот тип мотивационного климата наиболее благоприятен для успешной спортивной деятельности и способствует глубокой и устойчивой вовлеченности спортсменов в выбранное занятие. Ориентированные на задачу спортсмены направляют свои усилия на совершенствование и поддержание своих навыков, готовы прилагать значительные усилия для приобретения новых знаний и умений.

Анализ корреляционных связей между показателями мотивационного климата и параметрами социального окружения выявил следующие закономерности: показатель мотивационного климата «ориентация на задачу» положительно коррелирует с уровнем групповой сплоченности ($r = 0,35$), поддержкой матерью автономии ($r = 0,52$) и гностической составляющей отношения спортсмена к тренеру ($r = 0,48$). В то же время, показатель «ориентация на самоутверждение» отрицательно связан с познавательной ($r = -0,51$) и поведенческой ($r = -0,47$) составляющими отношения спортсмена к тренеру, а также с вовлеченностью отца ($r = -0,49$).

Мотивационный климат, направленный на решение поставленной задачи, способствует установлению благоприятных межличностных отношений и позитивному взаимодействию с тренером. Такой климат стимулирует сотрудничество и взаимопомощь в команде, а также способствует развитию профессиональных навыков.

Мотивационный климат, ориентированный на самоутверждение, может привести к внутригрупповой конкуренции и стремлению к превосходству над другими. В этом случае развитие профессиональных навыков может отойти на второй план, что может негативно сказаться на спортивных результатах.

Литература

1. Берилова Е.И., Босенко Ю.М., Распопова А.С. Мотивация спортивной деятельности как регулятор копинг-стратегий у спортсменов // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 8 (198).
2. Босенко Ю.М., Распопова А.С., Берилова Е.И. Ресурсы преодоления сложностей на пути профессионального развития спортсмена // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2020. № 7 (185).
3. Горская Г.Б. Мотивационный климат как психологический регулятор деятельности спортсменов // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2016. № 4.
4. Звездецкая Н.О. Предварительная адаптация опросника диагностики мотивационного климата «Perceived Motivational Climate In Sport Questionnaire» // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2017. № 7. С. 92-97.

Половые различия образа сексуальных мужчины и женщины

Васильева И.Е., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ie.vasileva@mail.ru, nkochetkov@mail.ru*

Одной из интересных тематик в психологии может считаться сексуальность. Это можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, данная тематика хоть и не является де-юре табуированной,

но, тем не менее, крайне редко становится предметом исследования ученых [1]. Во-вторых, феномен сексуальности является полиаспектным, а, следовательно, требует разносторонних исследований. В-третьих, если говорить о социальной психологии, то интерес составляет соподчинение терминов аттракции и сексуальности. В рамках научной школы А.В. Петровского аттракцию определяют как эмоциональную составляющую идеальной представленности одного человека в другом [2], тогда как одна из моделей сексуальности включает в себя в качестве одного из структурного компонента эмоциональный [1], что, с одной стороны, делает аттракцию видовым понятием по отношению к сексуальности, которая включает еще когнитивный, телесный, поведенческий, экзистенциальный компоненты. С другой стороны, телесный, поведенческий компоненты сексуальности могут выступать факторами, опосредующими аттракцию.

Наша работа делает акцент на выделении и оценке характеристик сексуальных мужчины и женщины. Выборку составили 42 человека в возрасте от 18 до 27 лет ($M = 20,6$; $SD = 2,1$), учащиеся вузов Москвы и Санкт-Петербурга. Представителей мужского пола 59,5%, женского – 40,5%. Контролировались такие параметры, как пол, возраст, образование, сексуальная ориентация, наличие сексуального опыта, материальное положение.

В ходе эмпирического исследования испытуемые перечисляли характеристики сексуальных женщины и мужчины, а затем оценивали значимость каждой из них. Далее с помощью экспертной оценки мы классифицировали ответы об образе сексуального человека, в результате были выделены следующие категории: личностные, социально-психологические, социальные, телесные и физические.

К личностной категории мы отнесли специфику характера (например, «нравственность и мораль», «эмоциональная стабильность»), ум (например, «критическое мышление», «эрудированность»), харизму, увлеченность и т.п.

К социально-психологической категории мы отнесли характеристики, связанные с особенностями межличностного общения и взаимодействия (например, «коммуникабельность», «ненавязчивость», «инициативность», «уважение к личным границам»), эмпатию и т.п.

К социальной категории относятся социальное положение («финансы», «образование»), зрелость («жизненный опыт») и т.п.

К телесной категории относятся особенности тела и физической формы (например, «сильные жилистые руки», «развитые мышцы», «высокий рост»), лица («длинный прямой нос», «густые волосы»), уход за внешностью («забота о своей внешности», «опрятность») и т.п.

К физической категории мы причислили специфику стиля в одежде («вкус в одежде»), использование аксессуаров, голос («красивый голос»), запах («хороший запах»), навыки («знание иностранных языков»), движения («манера прикасаться») и т.п.

Полученные данные демонстрируют, что все респонденты дают большее количество характеристик представителям противоположного пола, при этом женщины делают это значимо больше в отношении обоих полов. В среднем они приписывают мужчинам 12,3 характеристики, а женщинам – 10,3, тогда как мужчины – 6,2 и 7,0 характеристик соответственно. Достоверность различий проверялась с помощью критерия Манна-Уитни ($U = 66,0$; $U = 103,5$; $p \leq 0,01$). Далее мы будем анализировать только оценки, которые были даны представителям противоположного пола: среди всех категорий достоверные различия наблюдаются среди личностных и социально-психологических характеристик, которые больше значимы для представителей женского пола ($U = 301,5$; $p \leq 0,01$ и $U = 102,0$; $p \leq 0,05$ соответственно). Если же смотреть на их составляющие, то можно увидеть, что для мужчин более значимы характеристики, связанные с телом ($U = 301,5$; $p \leq 0,05$), тогда как для женщин – ум ($U = 120,5$; $p \leq 0,01$) и характер ($U = 114,0$; $p \leq 0,01$). Интересно отметить, что такие характеристики, как лицо, одежда и аксессуары, уход за внешностью, запах, голос, харизма, социальное положение, общие интересы – мужчины и женщины оценивают одинаково.

Контролируемые нами параметры – город проживания, наличие сексуального опыта, материальное положение – оказались незначимыми при оценке различий.

Наши данные отчасти согласовываются с результатами других исследований, которые говорят о том, что для мужчин выбор партнерш обусловлен физическими чертами, тогда как женщины выбирают партнеров, опираясь, в основном на нефизические

характеристики, такие как статус, доминирование и амбиции [3]. Интерпретация такой закономерности может лежать в русле эволюционной психологии и сводиться к различным путям реализации смысла жизни с точки зрения человека как биологического вида.

Ограничениями исследования могут быть небольшая по размеру выборка, отсутствие контроля факторов этнокультурной принадлежности, а также сужение возраста респондентов только до молодежи. Соответственно, перспективами данной работы в эмпирическом ключе может выступать учет вышеперечисленных переменных, а в теоретическом – социально-психологическая рефлексия понятий «сексуальность» и «аттракция».

Литература

1. *Айзман Н.И.* Структурно-функциональный анализ сексуальности // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 9. С. 275-285.
2. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М., 2007. 464 с.
3. *Townsend J.M., Wasserman T.* Sexual Attractiveness: Sex Differences in Assessment and Criteria // *Evolution and Human Behavior*. 1998. Vol.19. №3. P. 171-191.

Иррациональные установки старшеклассников и их взаимосвязь с типами эмоциональных переживаний и уровнем эмпатии

Васькина М.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
mariia.vaskinahr@gmail.com

В нашей работе мы решили рассмотреть такую важную тему, как взаимосвязь рациональности и иррациональности мышления с эмоциональной сферой старшеклассников.

Данную проблему мы анализируем в разрезе подросткового возраста (согласно Э. Эриксону [2]), что позволит нам выявить какие-либо взаимосвязи именно в кризисный период становления и

формирования личности, ее эмоционального интеллекта, мировоззрения и формирования базовых установок. Изучение таких аспектов, как мышление, эмоциональное развитие, процесс рефлексии, позволит нам выявить влияние этих составляющих на особенности поведения подростка, его специфику принятия решений и эмоциональное здоровье, а в будущем послужит основой для построения эффективных психолого-педагогических методов работы со старшеклассниками для их успешной адаптации к внешнему миру.

При возникновении экстремальных ситуаций, например, стрессе, тревожности, экзаменах и т.д., подростки способны демонстрировать рациональное или иррациональное мышление, которое и будет оказывать влияние на их эмоциональные реакции, эмоциональное состояние. Согласно А. Эллису, иррациональное мышление имеет отличие от рационального в том, что «Во-первых, они обычно абсолютизированы (или догматизированы) и выражаются в форме жестких «должен», «обязан», «надо» и т.д. Во-вторых, они ведут к негативным эмоциям, которые серьезно препятствуют осуществлению целей (например, к депрессии, тревоге, вине, гневу)» [1, с. 4].

Целью нашего пилотажного исследования являлось выявление взаимосвязи между иррациональными установками, проявлениями эмоций и компонентов эмпатии.

В нашем пилотажном исследовании приняли участие 33 старшеклассника, являющиеся учащимися в МАОУ СОШ, в возрасте от 16 до 18 лет. Для проведения пилотажного исследования мы использовали методику А. Эллиса «Методика диагностики наличия и выраженности иррациональных установок», которая позволяет определить степень выраженности установок и определить соотношение рациональности и иррациональности мышления у респондентов.

При интерпретации результатов по такому показателю, как самооценка и рациональность мышления, мы определили у наших респондентов три уровня выраженности данной установки:

- у 21 % учащихся иррациональные установки отсутствуют (средний балл 24,6;
- 73% учащихся имеют средний уровень выраженности иррациональных установок, со средним баллом 18,1;

- яркая выраженность иррациональной установки у 6% старшекласников, со средним баллом 14.

Внутри каждой группы мы также изучили результаты, полученные с помощью методики К. Изарда «Шкала дифференциальных эмоций», которая нам позволяет увидеть проявление основных типов эмоциональных переживаний человека: индекс позитивных эмоций, острых негативных и тревожно-депрессивных эмоций.

У учащихся с отсутствием иррациональной установки преобладает умеренная выраженность устойчивых индивидуальных переживаний тревожно-депрессивного комплекса эмоций (57%) и умеренный уровень проявления острых негативных эмоций (57%). У учащихся со средним уровнем рационального мышления преобладает выраженная степень устойчивых индивидуальных переживаний тревожно-депрессивного комплекса эмоций (67%) и более 50% острых негативных эмоций (54%).

Также мы провели статистическую обработку результатов. Для поиска взаимосвязи между переменными мы выбрали критерий коэффициента ранговой корреляции Спирмена, в результате чего были найдены и выявлены высокая значимая взаимосвязь между самооценкой и рациональностью мышления и тревожно-депрессивными эмоциями ($r = -0,548$; $p \leq 0,001$). Чем выше уровень самооценки и рациональности человека, тем ниже его уровень выраженности тревожно-депрессивных эмоций, и наоборот.

В дизайн нашего пилотажного исследования мы добавили методику И.М. Юсупова «Тест на определение уровня эмпатии», который нам помогает определить уровень эмпатии человека. Нами была обнаружена и выявлена высокая значимая взаимосвязь между уровнем острых негативных эмоций и общим уровнем эмпатийного потенциала респондента ($r = -0,396$; $p \leq 0,001$). Таким образом, нам удалось получить предварительные результаты, согласно которым видно, что при повышении уровня эмпатии происходит пропорциональное понижение уровня острых негативных эмоций, и наоборот.

Полученные данные пилотажного исследования свидетельствуют о наличии взаимосвязей между рациональными и иррациональными установками и эмоциональной сферой старшекласников. В перспективе работы мы планируем рассмотреть результаты

исследования, проведенного на более объемной выборке испытуемых, подвергнуть детальному анализу компоненты эмоциональной сферы, их изменения в зависимости от проявления рационального или иррационального мышления, а также выявить степень выраженности рефлексивности старшеклассников.

Литература

1. Эллис А., Драйден У. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии 2-е изд., СПб, 2002. 352 с.
2. Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: Питер, 2019.

Совладание с негативной эмоциональностью у студентов университета

Веричева Я.И., Крюкова Т.Л.

ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия

yaravericheva1official@gmail.com, tat.krukova44@gmail.com

Исследование совладания с негативной эмоциональностью студентов актуально, так как во время обучения в вузе они сталкиваются с учебным стрессом, изменением мотивации, информационными перегрузками и недостатком времени.

Негативная эмоциональность – это группа психических состояний [3, с. 40], вид эмоций, основанный на неприятных субъективных переживаниях. Негативные эмоции влияют на деятельность человека, мотивируя избегать раздражителя, вызывающего их [4, с. 146-147]. Переживание негативных эмоций является маркером стресса. Негативные эмоции могут мотивировать студентов избегать контакта с учебными стрессорами, что влияет на качество обучения.

Группа негативных эмоций включает в себя печаль, тревогу, страх, отвращение, гнев, стыд, презрение, вину, горе [1, с. 196-394].

Совладание с негативной эмоциональностью связано с силой учебного стрессора, параметрами стрессовой ситуации, опытом совладания с подобными стрессовыми ситуациями, качеством и силой эмоций как маркеров изменения психического состояния студента,

личностными чертами: эмоциональной устойчивостью, уровнем саморегуляции. Успешная адаптация в вузе, развитие и благополучие зависят от способности студентов продуктивно справляться с трудностями [2, с. 184-185].

По результатам 1 этапа исследования определены учебные стрессоры. В исследовании добровольно приняли участие 18 человек, 16 девушек (88,9%), 2 юношей (11,1%). $M = 19,44$ г., $SD = 0,51$. Анкета состояла из 18 вопросов, биографического (4 вопросов) и феноменологического (14 вопросов) блоков. Ответы респондентов обработаны с помощью контент-анализа. Выделены 145 индикаторов, 8 групп категорий учебных стрессоров, характерных для образовательного процесса в высшей школе.

1 группа категорий «Учебная деятельность»: 40 инд. (27,59%), 12 кат.: домашняя работа (11), дедлайны (6), курсовая работа (4), академическая задолженность (4), контрольная работа (3), публичное выступление (3), «ненужные» предметы (2), практические занятия (2), творческая деятельность (2), сложная терминология (1), плохая оценка (1), пропуск занятий по объективным причинам (1).

2 группа категорий «Временные затраты»: 23 инд. (15,86%), 6 кат.: количество пар (9), недостаток свободного времени (6), учеба в субботу (3), учебное время (3), опоздания (2).

3 группа категорий «Отношения с субъектами образовательного процесса»: 19 инд. (13,10%), 2 кат.: межличностные отношения студентов (14), отношения с преподавателями (5).

4 группа категорий «Индивидуальные особенности студента»: 19 инд. (11,12%), 7 кат.: неуверенность в успешной дальнейшей учебной или профессиональной деятельности (4), недостаток сна (8), пустая трата личностных ресурсов (2), низкий уровень выполнения заданий (2), сниженное представление об уровне обучения (1), мысли об отчислении (1), отношение значимых людей к обучению (1).

5 группа категорий «Состояние образовательной среды»: 16 инд. (11,03%), 6 кат.: далекое расположение учебного корпуса (9), занятия в разных корпусах (3), стипендия (2), низкая температура в корпусе (1), мало времени на обед (1), оплата обучения (1).

6 группа категорий «Информационная перегрузка»: 15 инд. (10,34%), 3 кат.: учебная нагрузка (13), недостаток нужной информации/материала (2), непонимание информации (1).

7 группа категорий «Экзаменационная сессия»: 8 инд. (5,52%), 3 кат.: сессия (4), экзамены (4), зачеты (2).

8 группа категорий «Индивидуальные особенности преподавателя»: 5 инд. (3,45%), 3 кат.: требования преподавателя (2), стиль преподавания (2), настроение преподавателя (1).

Как показатели учебного стресса были выделены 55 инд., 9 кат.: учебная нагрузка 28 (25,45%), нехватка психологических ресурсов для обеспечения эффективной учебы 9 (16,36%), трудности в коммуникации с преподавателями 5 (9,09%), неудовлетворенность результатами обучения 4 (7,27%), неудовлетворенность качеством обучения 4 (7,27%), трудности в коммуникации со студентами 2 (3,64%), несоответствие представлений об обучении в вузе реальности 2 (3,64%), количество внеучебных мероприятий 2 (3,64%), несоответствие образа выбранной профессии будущим профессиональным обязанностям 1 (1,82%).

Выявлены 9 категорий негативных эмоций студентов в связи с учебным стрессом: гнев низкой степени (раздражение) 14 (27,45%), печаль (грусть, печаль, огорчение, расстройство) 9 (17,65%), отсутствие эмоций (апатия, «выгорание», подавленность) 9 (17,65%), тревога 8 (15,69%), гнев как быстрая интенсивная аффективная реакция 3 (5,89%), гнев средней степени интенсивности (злость) 3 (5,89%), страх 2 (3,92%), горе (отчаяние, разочарование) 2 (3,92%), отвращение (неприязнь) 1 (1,96%).

По результатам контент-анализа учебная деятельность для студентов является стрессовой ситуацией среднего уровня. Стрессорами учебной деятельности студентов являются временные затраты, состояние образовательной среды, информационная перегрузка, нехватка психологических ресурсов для обеспечения более эффективной учебы, трудности в коммуникации с преподавателями. Они чаще вызывают у студентов раздражение, печаль, приводят к апатии.

Результаты пилотажного исследования будут использованы для эмпирического исследования совладания с негативной

эмоциональностью и гневом у студентов младших курсов университета с помощью психодиагностических методик «Кросскультурная копинг-шкала» Б. Куо и др. (CCCS, адаптация Т.Л. Крюковой, Т.В. Гущиной, О.А. Екимчик, 2015) в ситуациях учебы, Многомерная шкала (школьного) гнева (MSAI, Р. Воман и др., 2003) и др.

Литература

1. *Изард К.Э.* Психология эмоций. М.: Питер, 2006. – 460 с.
2. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: современное состояние и психологические, социокультурные перспективы. // Вестник КГУ. – 2013. – №5 (19). – С. 184-188.
3. *Прохоров А.О.* Психология состояний: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Когито-центр, 2023. – 551 с.
4. *Рейковский Я.* Экспериментальная психология эмоций. М.: Прогресс, 1979. – 392 с.

Проблемное использование интернета: современный взгляд на феномен

Власова А.Д., Делибалт В.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
uhcfugzcx@gmail.com*

Феномен чрезмерной увлеченностью интернет-пространством вызывает большой интерес и споры в научном сообществе, который обуславливается размытостью критериев диагностики данного феномена. В современном информационном мире жизнь человека пронизана интернетом, и деятельность человека просто уже и немыслима вне его пределов. Не стоит забывать и о пандемии COVID-19, которая внесла свои коррективы в использование людьми интернет-ресурсов: многие страны были вынуждены частично или полностью осуществлять свою деятельность онлайн, что отразилось на времени пребывания в онлайн-пространстве. Но можно ли говорить в данном случае об интернет-зависимости? Стоит упомянуть, что в

МКБ-11 не включена зависимость от интернета, в то же время в нее вошло игровое расстройство [3]. На наш взгляд, в настоящее время стоит говорить о проблемном использовании интернета и его влиянии на юношей и молодых взрослых, так как именно эта возрастная группа является наиболее активным пользователем виртуального пространства.

Впервые понятие «интернет-зависимость» прозвучало в психиатрии и было упомянуто клиническим психологом К. Янг и психиатром А. Голдбергом [6]. Важно заметить, что авторы понимали этот феномен с клинической точки зрения, говоря о химической зависимости.

Известный ученый Р.А. Дэвис в своих работах говорит о когнитивно-бихевиоральной модели проблемного использования интернета [5]. Опираясь на данную теорию, можно выделить специфическое и неспецифическое использование виртуальной среды. Специфическое использование автор связывает с адаптацией индивида к какой-либо деятельности в сети, а неспецифическое характеризуется потерей цели пребывания в интернете. Механизмом развития зависимости выступает сочетание определенных жизненных условий и стресса, который может быть вызван информационными и коммуникативными особенностями онлайн-среды. Таким образом, проблемное использование интернета связано с искаженными когнитивными процессами и дисфункциональным поведением, следствием которого выступают негативные последствия в реальной жизни.

Другой исследователь – С. Каплан, опираясь на когнитивно-бихевиоральную модель, разработал шкалу Generalized Problematic Internet Use Scale [4]. Первая версия опросника вышла в 2002 году и включала в себя 7 факторов проблемного использования сети (изменение настроения, получение социальных выгод, негативные последствия, компульсивное использование, чрезмерное время онлайн, симптомы отмены и ощущение социального контроля в среде интернет). В 2018 году А.Б. Холмогоровой и А.А. Герасимовой были учтены недостающие моменты существующей версии, которые возникли ввиду масштабного и быстрого развития онлайн-пространства. Ученые разрабатывают третью версию опросника, в

котором заменяются понятия на более употребляемые, также используется гендерно-нейтральная форма утверждений.

В.Н. Колесников, Ю.И. Мельник и Л.И. Теплова рассматривают проблемное использование интернета в градации от не проблемного к проблемному [1]. Здесь можно разграничить понятия «интернет-зависимость» и «проблемное использование сети», исследователи говорят о том, что при определенных обстоятельствах и факторах проблемное использование интернета может перерасти в зависимость от сети. Проблемное использование интернета авторы соотносят с различными видами деятельности в сети, первоначально с теми, которые связаны с общением с другими людьми.

Интернет-зависимость не является психическим расстройством по МКБ-11 и DSM-5, однако в МКБ-11 в 2018 году было включено игровое расстройство, что породило дискуссии в научном сообществе, вопрос о действительном вреде здоровью остается по-прежнему открытым ввиду размытой диагностики.

Были выделены критерии зависимости от видеоигр: потеря интереса к реальному общению с близкими, проблемы с работой и/или учебой, проблемы со здоровьем, одержимость игрой, безуспешные попытки контроля своего поведения, раздражительность вне игры [2].

Таким образом, стоит разделять понятия «проблемное использование интернета» и «интернет-зависимость», при определенных факторах первое может перерасти во второе. В современном мире интернет занимает важное место в жизни человека, привнося в нее положительное и негативное влияние. В этой связи стоит говорить не о зависимости от интернета как такового, а скорее от определенной деятельности в сети. Процесс цифровизации и глобальная пандемия COVID-19 внесли свои коррективы в процесс взаимодействия индивида с виртуальной реальностью, поэтому следует говорить о проблемном использовании сети.

Литература

1. Колесников В.Н. Интернет-активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте / В.Н. Колесников, Ю.И. Мельник, Л.И. Теплова // Национальный психологический журнал. – 2019. – № 1(33). – С. 34–46.

2. *Лукьянов Н.Е.* Компьютерное игровое расстройство: вопросов больше, чем ответов? // Социальная и клиническая психиатрия. – 2021. – №1. – С. 90-95.
3. *Холмогорова А.Б.* Психологические факторы проблемного использования Интернета у девушек подросткового и юношеского возраста / А.Б. Холмогорова, А.А. Герасимова // Консультативная психология и психотерапия. – 2019. – Т. 27, № 3(105). – С. 138-155.
4. *Aydm B.* Internet addiction among adolescents: The role of self-esteem, Procedia / B. Aydm, S. Volkan San // Social and Behavioral Sciences. – 2011. – Vol. 15. – p. 3500-3505.
5. *Casale S., Fioravanti G, Flett G.L., Hewit P.L.* Self-presentation styles and Problematic use of Internet communicative services: The role of the concerns over behavioral displays of imperfection. / S. Casale, G. Fioravanti, G.L. Flett, P.L. Hewit // Personality and Individual Differences. – 2015. - Vol. 76. - P. 187–192.
6. *Snyder M.* Self-monitoring of expressive behavior // Journal of Personality and Social Psychology. - 1974. - 30(4). – P. 526–537. – URL: <https://psycnet.apa.org/record/1975-03047-001> (дата обращения: 10.02.2023).

Психологическое благополучие и социальная поддержка спортсменов в условиях международной изоляции

Волков Р.С.

*Психолог-исследователь, г. Москва, Россия
volkov.roman@inbox.ru*

Международная изоляция российских атлетов, несомненно, является одной из самых острых проблем для отечественного и мирового спортивного сообщества. Во-первых, нарушается принцип честной борьбы и конкуренции; во-вторых, лишение права выступать на международной арене негативно влияет на мотивацию поддержки профессиональной карьеры большинства спортсменов, в-третьих – снижается их благополучие.

Концепт благополучия принято рассматривать в трехмерном пространстве: субъективном, психологическом и социальном. Субъективное благополучие отражает чувство удовлетворенности индивида в рамках той или иной деятельности, например, в спорте это связано с возможностью самореализации и с достижением высоких спортивных результатов. Психологическое благополучие относится к личностному росту: в спорте это чувство уверенности и способность справляться с трудностями в процессе тренировок или на соревнованиях. Социальное благополучие отражает чувство принадлежности индивида в отношении ин-группы (например, спортивному сообществу или команды), в том числе – возможность внести позитивный вклад в ее развитие. Для измерения благополучия в спорте используется опросник «Психическое благополучие в спорте» (Sport MHC-SF) [3].

Помимо международной изоляции, есть еще ряд факторов, которые являются важными предикторами снижения благополучия спортсменов. К таким факторам относятся травмы, чрезмерная усталость (апатия), проблемы с психическим здоровьем (включая депрессивные расстройства), нарушение пищевого поведения, употребление запрещенных веществ (например, допинг), негативные отношения между тренером и спортсменом, напряженность между членами команды и др. [2].

Социальная поддержка – один из важных организационных факторов, который может повышать уровень благополучия спортсменов. Выделяют две функциональные перспективы социальной поддержки: воспринимаемая и получаемая социальная поддержка. Воспринимаемая социальная поддержка относится к субъективному суждению индивида о своем потенциальном доступе к поддержке; полученная поддержка – это поддержка, оказываемая получателю в определенное время [1]. Для оценки социальной поддержки используют 4-х факторный опросник «Воспринимаемая социальная поддержка в спорте» (PASS-Q): первый фактор измеряет эмоциональную поддержку, второй – степень уважения, третий – информационную поддержку, четвертый – ощущаемую поддержку [4].

Недавнее исследование М. Салливана, проведенное на примере 238 спортсменов, показало существование связи между социальной

поддержкой и симптомами депрессии [6]. Так, было обнаружено, что осязаемая спортивная поддержка, исходящая от тренера и товарищей по команде, является самым сильным предиктором снижения депрессивных симптомов; более низкие уровни этой поддержки были связаны с более высокими уровнями зарегистрированных симптомов. При этом есть исследование, где установлено, что спортсмены, занимающиеся индивидуальными видами спорта, гораздо чаще сталкиваются с психологическими проблемами, чем спортсмены из командных видов спорта [5], что, безусловно, требует особого внимания в процессе работы с данной социальной категорией.

Поскольку занятие спортом является важной частью жизни профессиональных атлетов, внешние негативные факторы (международная изоляция, травмы и др.) напрямую связаны с их общим благополучием. Таким образом, оказание своевременной социальной поддержки поможет снизить воздействие стресс-факторов на общее благополучие спортсменов, а также повысить их веру в способность справляться с настоящими и будущими трудностями.

Литература

1. *Cohen S.* Psychosocial models of the role of social support in the etiology of physical disease // *Health Psychology*, 1988, №7 (3), P. 269–297.
2. *Egan K.P.* Supporting mental health and well-being among student-athletes // *Clinics in Sports Medicine*, 2019, № 38(4), P. 537–544.
3. *Foster B.J., Chow G.M.* Development of the sport mental health continuum sport form (Sport MHC-SF) // *Journal of Clinical Sport Psychology*, 2019, № 13(4), P. 593–608.
4. *Freeman P., Coffee P., Rees T.* The PASS-Q: The perceived available support in sport questionnaire // *Journal of Sport & Exercise Psychology*, 2011, № 33(1), P. 54–74.
5. *Pluhar E.* Team sport athletes may be less likely to suffer anxiety or depression than individual sport athletes // *Journal of Sports Science and Medicine*, 2019, № 18(3), P. 490–496.

6. *Sullivan M.* Relationship between social support and depressive symptoms in collegiate student athletes // Journal for the Study of Sports and Athletes in Education, 2020, № 14(3), P. 192–209.

Социальный капитал поколений в организациях: тематическое моделирование предметного поля

Волкова Н.В.

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

Бордунос А.К., Чикер В.А.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Nv.volkova@hse.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–28–00209, <https://rscf.ru/project/24-28-00209/>.

В современном быстро меняющемся мире, где наблюдается тенденция по старению населения и увеличению продолжительности трудовой деятельности, возрастает роль непрерывной социализации сотрудников всех возрастов. Соответственно, работодателям нужны социально-психологические инструменты, которые способствуют эффективному взаимодействию между представителями различных поколений.

Понятие социального капитала, имеющее свои истоки в социологии, акцентирует внимание на том, что как физический капитал (например, технологии) и человеческий капитал (например, образование), этот феномен может повышать производительность [4] и ускорять социализацию сотрудников посредством мобилизации социальных связей, основанных на межличностном доверии.

Поколение как большая группа, идентифицируемая по общим годам рождения, значимым культурно-историческим событиям на критических этапах развития и имеющая схожие ценности и установки [5], формирует определенную социальную среду, которую можно определить как организационный социальный капитал поколений. Этот феномен отражает «совокупность коммуникативных связей и ресурсов, которые создают основу для коллективных

действий в организации и формируются группой людей, родившихся в определенный период времени, общая социализация которых проходила под влиянием одинаковых исторических, политических и экономических событий» [1, с. 208]. Понимание тенденций в накоплении и реализации социального капитала различными поколенческими группами, которые можно установить путем обзора предметного поля (scoping review) в литературе, раскрывает работодателям перспективы по формированию инструментов социализации сотрудников всех возрастов.

Цель работы – провести обзор содержания и направленности предметного поля изучения социального капитала в связи с поколенческими различиями в организациях для определения ключевых тем исследований посредством алгоритма тематического моделирования (topic modeling).

Обзор предметного поля состоит из: 1) планирования исследования, путем постановки цели; 2) поиска и отбора литературных источников; 3) извлечения данных; 4) их обобщения, и 5) предоставления результатов [2].

Поиск источников осуществлялся из базы данных Scopus и электронной библиотеки e-Library ($k = 926$ на 25.12.23г.). На *стадии отбора* были удалены публикации, которые не соответствовали формату статьи ($k = 243$), слово «generation» использовалось в значении «формирование» ($k = 163$), исключались дублирующие публикации ($k = 3$), и с несоответствующей тематикой, например, без организационного контекста ($k = 403$). Затем, в анализ были добавлены источники из e-Library ($k = 15$), отобранные по тем же ключевым словам, что и стало итоговой выборкой исследования ($k = 129$).

Извлечение данных проводилось с использованием алгоритма тематического моделирования библиотек языка программирования Питон. Анализировались англоязычные аннотации, из которых были удалены ненужные элементы (цифры, знаки препинания и др.) и проведена токенизация по словам. Обработанные тексты лемматизировались и из них удалялись стоп-слова, не несущие смысловой нагрузки, и слова, содержащие менее трех букв. Список стоп-слов из библиотеки NLTK (Natural Language Toolkit) был дополнен авторами с учетом особенностей аннотаций (например:

«findings», «methodology»). Подготовленные данные преобразовали в матричную структуру, в которой строки – аннотации статей, а столбцы – n-граммы. Для получения более точных результатов [3], и сохранения словосочетания «социальный капитал», размер каждого n-грамма был два слова (биграммы). В результате кодирования было извлечено 45 биграмм, которые объединились в 6 тем посредством алгоритма тематического моделирования с использованием пакета scikit-Learn.

Выделенные шесть тем затрагивали изучение влияния социальных сетей на накопление и реализацию социального капитала различных возрастных когорт, мигрантов в первом поколении и тех, кто получал образование определенного уровня впервые в семье. Мобилизация и накопление организационного социального капитала также показали особенности поколенческих различий в построении карьеры и привлечении ресурсов, в том числе и у мигрантов и их детей. Особое внимание уделяется социализации молодежи, а именно развитию внешних социальных связей при выходе на рынок труда. Социальный капитал рассматривается как основа устойчивости семейных фирм и формирования транспоколончского предпринимательства. В процессе внутрисемейной поколенческой преемственности анализируется социальное взаимодействие, которое или становится угрозой для устойчивости бизнеса, или, наоборот, укрепляет его. Благодаря преемственности усиливается инновационность, особенно в фирмах со смешанным составом, где работают члены семьи и наемные работники.

Таким образом, социальный капитал по-разному связан с социализацией и поколенческой преемственностью сотрудников, мигрантов, их детей, и молодежи, которая получает образование в первом поколении.

Литература

1. *Волкова Н.В.* Модель изучения организационного социального капитала поколений // *Организационная психология*. 2023. № 3 (13). С. 201–226.
2. *Кулакова Е.Н., Настаушева Т.Л., Кондратьева И.В.* Систематическое обзорное исследование литературы по

- методологии scoring review // Вопросы современной педиатрии. 2021. № 3 (20). С. 210–222.
3. *Chauhan U., Shah A.* Topic Modeling Using Latent Dirichlet allocation: A Survey // ACM Computing Surveys. 2022. № 7 (54). С. 1–35.
 4. *Dodd M.D.* Intangible resource management: social capital theory development for public relations // Journal of Communication Management. 2016. № 4 (20). С. 289–311.
 5. *Williams M.* Being trusted: How team generational age diversity promotes and undermines trust in cross-boundary relationships // Journal of organizational behavior. 2016. № 3 (37). С. 346–373.

Мотивы удовлетворенности работой сотрудников IT-сферы

Войтко О.К.

*ИП БГПУ, Минск, Республика Беларусь
Voitko25@mail.ru*

Удовлетворенность работой сотрудников рассматривается как один из важных параметров эффективности организации, так как именно в этом случае сотрудники стремятся к профессиональному росту, повышению уровня квалификации, саморазвитию личности.

В организационной психологии существуют различные подходы к рассмотрению категории «удовлетворенность работой». Так, в первом подходе удовлетворенность характеризуется отношением к деятельности в зависимости от личностных потребностей, вкусов, оценок, склонностей, принципов и убеждений самого человека. В рамках концепции отношений В.Н. Мясищев рассматривает отношение личности к делу как связующее звено социальных и психологических факторов, обеспечивающих успешность выполняемой деятельности [3].

Второй подход направлен на изучение удовлетворенности работой как эмоционального состояния личности, состоящего из ряда показателей в конкретный момент времени. Так, удовлетворенность определяется как «...отражение личностью ситуации в виде устойчивого целостного синдрома в динамике психической

деятельности, выражающегося в единстве поведения и переживаний в континууме времени» [2, с. 491].

Удовлетворенность трудом с позиции оценки человеком трудовой ситуации рассматривается Ф. Герцбергом в рамках двухфакторной теории удовлетворенности [5]. Автор определяет факторы-мотиваторы и факторы-гигиенты, определяющие удовлетворенность или неудовлетворенность работой. К мотиваторам исследователь относит содержание труда, личные и коллективные достижения, успех, признание в обществе, престиж должности, которую занимает человек, ответственность, возможность карьерного роста. К факторам гигиены относятся трудовые условия, взаимоотношения в коллективе, оплата труда, методы контроля работников. Было выявлено, что зачастую неудовлетворенность работой зависит от факторов-гигиентов, а удовлетворенность – от факторов-мотиваторов [4, с.53].

Таким образом, удовлетворенность работой следует рассматривать как совокупность социальных установок, основанных на когнитивном, эмоциональном и поведенческом аспекте. Положительная установка определяет эффективность деятельности человека на работе, проявляющаяся в отношении достигнутого и желаемого, планируемого результата [1, с. 398]. Для нее характерны: высокий уровень профессиональных компетенций, знание о возможностях развития в профессиональной сфере (когнитивный компонент); мотивированность на достижение высоких результатов, высокая оценка условий и деятельности, достаточный уровень заработка (мотивационный); вовлеченность в работу, ответственное отношение к выполняемым задачам, заинтересованность в постоянном месте работы (поведенческий). Отрицательная установка выражается в незнании вектора развития организации, некомпетентности; недовольстве должностью, условиями, заработной платой и нежелании изменить что-либо, незаинтересованности в личностном развитии; невыполнении поставленных задач, опозданиях и др.

Целью проведенного исследования было выявление мотивов удовлетворенности работой сотрудников ИТ-сферы.

Методы исследования: теоретические (анализ, обобщение), эмпирические – методика «Что наиболее важно для ощущения успеха на работе?» А. Фернама (в адаптации А.А. Максименко), методика «Что наиболее важно, чтобы «делать» деньги?» К. Рубинштейн (в адаптации А. Фернама), методы математической обработки данных.

Выборка: 60 сотрудников ИТ-сферы разных специальностей. Возраст испытуемых от 24 до 36 лет.

В результате ранжирования ведущих мотивов профессиональной деятельности наиболее значимыми оказались мотивы, связанные с достижением высшего профессионального уровня, мастерства (1,34). Второй ранг занимает мотив большого заработка и высоких доходов (1,61). Мотив занять высокий пост и иметь власть над другими людьми определен у сотрудников ИТ-сферы как самый незначимый (6,04).

Изучая главные субъективные качества и объективные условия для зарабатывания денег, было выявлено, что в исследуемой выборке первый ранг занимают качества, связанные с интеллектуальными способностями и талантом (1,04), трудолюбие и усердие (2,77) наряду с образованием (2,59) занимают вторую позицию, средние ранги занимают такие качества, как везение и удача (6,15), нужные связи и друзья (6,4). Качествами, которые препятствуют зарабатыванию денег, по мнению сотрудников ИТ-сферы, являются такие, как жадность и скудость (9,22), нечестность и непорядочность (9,6).

Удовлетворенность трудом является важным показателем, характеризующим трудовую деятельность с позиции ее социальной эффективности. Проблема удовлетворенности трудом довольно сильно связана с отношением к труду, повышением эффективности труда, а также развитием социального планирования в организации.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М., 2007. 464 с.
2. *Лысова Е.А.* Анализ подходов к понятию удовлетворенности трудом // Бюллетень науки и практики. 2017. № 12.
3. *Мясищев В.Н.* Психология отношений: избранные психологические труды. М., Воронеж, 2011. 362 с.
4. *Тарасенко Е.В.* К вопросу теоретического анализа удовлетворенности сотрудниками условиями труда в организации // Sciences of Europe. 2021. № 71.
5. *Херцберг Ф.* Мотивация к работе. – М., 2007.

Проблема эмоционального выгорания педагогов: признаки и возможные последствия

Воробьева И.В., Матвеева А.И., Шевалдина Д.Д.

ФГБОУ ВО УрГПУ, Екатеринбург, Россия

lorisha@mail.ru, lyonchik_7777@list.ru, diana.gilmutdinova@mail.ru

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства просвещения РФ по теме «Научно-методическое обеспечение комплексной модели профилактики эмоционального выгорания педагогов в условиях образовательной среды»

Проблему профессионального выгорания активно начали обсуждать со второй половины XX века, установив, что именно этот феномен является вероятной причиной снижения работоспособности человека и его эмоциональной включенности в трудовую деятельность. Г. Фрейденбергер описал его как характеристику психологического состояния здорового человека, проявляющуюся нарастающим эмоциональным истощением в результате работы в социальной сфере, которому присуще такие симптомы, как состояние изнеможения, истощения с ощущением собственной бесполезности [4]. Дальнейшие исследования уточнили, что эмоциональное выгорание является своеобразной долговременной стрессовой реакцией, возникающей вследствие воздействия на человека продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности [1].

На сегодняшний день эмоциональное выгорание является серьезной проблемой в различных сферах профессиональной деятельности, включая образование. В современном обществе это понятие привлекло значительное внимание исследователей и практиков из-за его негативных последствий для личности и общества в целом. Основными факторами, способствующими развитию эмоционального выгорания, являются высокий объем работы, недостаток контроля над рабочим процессом, недостаток поддержки со стороны руководства и коллег, а также несоответствие ожиданий и реальности в профессиональной деятельности. Развитие эмоционального выгорания у педагогов также может быть

обусловлено множеством факторов, например, они часто сталкиваются с высоким объемом работы, который включает подготовку к урокам, оценивание работ учеников, проведение внеклассной деятельности и взаимодействие с родителями [2]. При этом педагоги часто сталкиваются с высокими ожиданиями со стороны общества относительно результатов образовательного процесса. Стремление удовлетворить эти ожидания также способствуют возникновению негативной симптоматики. Таким образом, специалисты утверждают, что эмоциональное выгорание имеет серьезные последствия как для здоровья и благополучия педагогов, так и для качества образовательных услуг [3], что делает этот феномен востребованным объектом для глубокого научного анализа. Кроме того, расширение научных представлений о механизмах формирования данного синдрома, его проявлениях и признаках будет способствовать разработке мер по его предупреждению, а также минимизации возможных последствий.

С этой целью было организовано и проведено пилотажное исследование, в рамках которого использовалась психодиагностическая методика В.В. Бойко «Диагностика уровня эмоционального выгорания» и анкета, направленная на самооценку поведенческих проявлений эмоционального выгорания. Сбор данных осуществлялся посредством Яндекс-форм, в диагностике принял участие 51 педагог, средний возраст составил 42,5 года, средний стаж педагогической деятельности респондентов – 17,3 года.

Анализ результатов по используемой методике позволяет оценить степень выраженности у каждого педагога трех фаз синдрома эмоционального выгорания: напряжение, резистенция и истощение. Для каждой из них предусматривается индивидуальная оценка представленности в трех градациях – несформированная фаза, фаза в стадии формирования и сформированная фаза. Последний уровень (сформированная фаза) указывает на наличие признаков эмоционального выгорания. Математико-статистическая обработка данных (использовались методы дескриптивной статистики) показала, что выраженные проявления эмоционального напряжения характерны для 19% опрошенных (сформированная фаза напряжения). У 43% педагогов наблюдаются признаки сформировавшейся фазы резистенции, для них свойственно избыточное эмоциональное

напряжение, эмоциональная закрытость и замкнутость, десантирование от профессиональной деятельности и коммуникаций. Фаза истощения выявлена у 24% педагогов, ее признаками являются психофизическое переутомление, отрицание своих заслуг, циничное отношение к ситуации.

Анализ анонимного анкетирования педагогов показал, что половина опрошенных работают с превышением продолжительности рабочего времени (более 40 часов в неделю), у 20% опрошенных есть проблемы со сном, 40% указали на преобладание работы и отсутствию времени на личную жизнь. Также респонденты отметили, что испытывают усталость (54,5% педагогов), трудности в сосредоточении внимания (38,2% опрошенных) и раздражительность (38% педагогов).

Таким образом, можно констатировать, что достаточно большой процент педагогов, участвовавших в пилотажном исследовании, имеют выраженные признаки психологического и эмоционального истощения, вызванные длительным стрессом и перегрузкой на рабочем месте. Эти результаты могут указывать на необходимость проведения дальнейших исследований для более полного понимания динамики эмоционального выгорания среди педагогов. Также они подчеркивают важность принятия мер по профилактике и управлению эмоциональным выгоранием в образовательной среде для сохранения психологического благополучия педагогов и качества образовательного процесса.

Литература

1. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания. СПб.: «Питер», 2007, 338 с.
2. *Зинина А.Ю.* Диагностика эмоционального выгорания педагога и способы его преодоления // Технологии образования. 2020. № 2(8). С. 229-231.
3. *Самойлова И.В.* Синдром эмоционального выгорания как форма профессиональной деформации педагогов // Ямальский вестник. 2020. № 1(19). С. 46-48.
4. *Freudenberger, H.J.* Staff Burn-Out // Journal of Social Issues, 1974. №30(1), 159–165.

Психологический климат в студенческих группах медицинского университета

Воронко Е.В.

*УО «ГрГМУ», Гродно, Республика Беларусь
psiholped@gmail.com*

Психологический климат – качественная сторона межличностных отношений, проявляющаяся в виде совокупности психологических условий, способствующих или препятствующих совместной деятельности, всестороннему развитию личности в группе, продуктивной адаптации в группе и университете.

Чаще всего социально-психологический климат оценивают с точки зрения благоприятности-неблагоприятности влияния на члена группы. В условиях благоприятного психологического климата человек может полностью реализовывать как свой потенциал, так и групповой потенциал, так как в группе складывается атмосфера сотрудничества, взаимоподдержки и помощи. Групповая деятельность строится с учетом норм уважения и справедливости. Члены группы активны, энергичны, быстро реагируют для достижения групповой цели. При неблагоприятном психологическом климате воплощение возможностей человека и группы будет затруднено: в группе доминирует пессимизм, конфликтность, агрессивность. Члены группы инертны, закрыты, присутствуют обвинения, зависть, ненависть к успехам других или равнодушие [1].

Изучение особенностей психологического климата в студенческих группах медицинского университета особенно актуально, поскольку вся будущая деятельность врача – это командная, групповая работа, от которой зависит здоровье пациентов.

Цель эмпирического исследования: изучение особенностей социально-психологического климата в студенческих группах 2 и 4 курса медицинского университета.

В исследовании приняли участие 51 студент медико-психологического факультета Гродненского государственного медицинского университета, обучающиеся в 5 группах: 3 группы 2 курса и 2 группы 4 курса.

Для изучения социально-психологического климата в группе использовалась методика оценки микроклимата студенческой группы В.М. Завьяловой [2]. Методика предполагает заполнение карты с показателями, характеризующими микроклимат студенческой группы, и позволяет оценить уровень благоприятности и неблагоприятности климата группы.

Согласно полученным данным, у студентов 1 группы (2 курс) наблюдается средневысокая (27%) и средняя (46%) степени благоприятности психологического микроклимата, что свидетельствует об удовлетворительном уровне работы, открытости и доверительности. У студентов 2 группы (2 курс) отмечается как средневысокая и высокая (всего 50%) степень благоприятности отношений, так и средне-низкая и незначительная степени благоприятности (всего 50%). Средневысокая и высокая степени благоприятности психологического микроклимата говорят о возможности одногруппников открыто выражать свои мысли и идеи, а также получать конструктивную обратную связь, о равноправии и сотрудничестве. Обнаруженный у половины студентов группы неблагоприятный психологический климат может быть связан с недостаточной коммуникацией или неправильным взаимодействием между студентами, отсутствием сотрудничества, поддержки, наличием конфликтов, недружелюбных отношений между некоторыми одногруппниками и может свидетельствовать о конфликтных отношениях в группе, что требует внимания к внутригрупповым отношениям со стороны психолога и куратора. Анализируя полученные данные о психологическом климате 3 группы 2 курса, следует отметить средний и средневысокий уровни (55% и 18%, соответственно), в данной группе удовлетворительный уровень деятельности и отношений между студентами, присутствует открытость, доверие и коллективная поддержка.

Согласно полученным данным, у студентов 1 группы 4 курса констатирована средняя (45%), средне-низкая (22%) и незначительная (33%) степени благоприятности психологического микроклимата, что свидетельствует о наличии некоторых конфликтных отношений в группе. Результаты диагностики 2 группы 4 курса демонстрируют примерно такие же степени благоприятности, как и в 1 группе 4 курса: средняя степень (50%), средне-низкая степень (30%) и незначительная

(20%) степень благоприятности психологического климата. Половина учащихся 4 курса ощущают положительный и поддерживающий климат в группе, что помогает им эффективно взаимодействовать и достигать своих целей, однако в этих группах может быть некоторая напряженность в отношениях, недостаточный уровень коммуникации и открытости.

Анализируя полученные данные в целом, необходимо отметить, что в группах 2 и 4 курсов наблюдается средняя степень благоприятности психологического микроклимата, что характеризует достаточно доверительные отношения между студентами. У студентов трех групп 2 курса наблюдается тенденция к оценке социально-психологического климата средневысокой (37,5%) и средней (25%) степени благоприятности, что свидетельствует о контактности и совместимости в группах 2 курса. У студентов двух групп 4 курса констатируется тенденция к оценке благоприятности психологического микроклимата средней (47,4%) и средне-низкой (26,3%) степени. Такие различия могут быть связаны со спецификой обучения в медицинском университете. На 2 курсе расписание учебных занятий линейное, занятия проводятся на учебных базах разных учреждений здравоохранения. Для того, чтобы подготовиться к занятиям по разным дисциплинам и доехать до места учебы, необходимо контактировать со своими одногруппниками, и такая «вынужденность» контактов приводит к формированию умений конструктивного взаимодействия у части студентов. Неумение наладить контакты с одногруппниками может приводить к неблагоприятному психологическому климату. На 4 курсе – занятия цикловые, студенты начинают свою трудовую деятельность в учреждениях здравоохранения, появляется все большая разобщенность одногруппников.

Результаты проведенной диагностики показали проблемные вопросы студенческих групп. Для формирования благоприятного психологического климата, атмосферы поддержки, диалога, конструктивного решения конфликтных ситуаций в студенческих группах необходима совместная работа кураторов, психологов и преподавателей университета, начиная с 1 курса.

Литература

1. Коломинский Я.Л. Психология взаимоотношений в малой группе. Минск, 2000.
2. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002.

Думскроллинг как один из новых видов аддиктивного поведения: факторы риска, подходы к профилактике

Выродова А.В., Делибالت В.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

alya.vyrodova@mail.ru , delibaltvv@mgppu.ru

В XXI веке мир меняется с безумной скоростью. Гаджеты и интернет стали предметами обихода, без которого современный человек не может представить своей жизни. В цифровом мире увеличение количества и качества взаимодействия с гаджетами привело к появлению большого количества новых психологических феноменов, которые в настоящее время не изучены. Одним из таких феноменов является думскроллинг. Думскроллинг как явление впервые был описан в 2021 и связан с эпохой цифровизации, связанной, с одной стороны, с увеличением количества пользователей интернета, а, с другой стороны, облегчением доступа к разнообразному контенту. Состояние общественной напряженности также служит фактором риска развития думскроллинга. Феномен думскроллинга и его патологические формы показывают, что грань между заботой о пользователях и информационным психологическим насилием над ними порой практически неразличима. Необходимо изучать это явление в поисках возможностей и методов стабилизации психологического состояния общества и улучшения индивидуальной психологической помощи тем, кто подвергается «думскроллингу».

Явление думскроллинга привлекло внимание специалистов в области психологии в связи с пандемией COVID-19, сопряженной с самоизоляцией населения и ростом социальной напряженности.

Наряду с увеличением времени, проводимого дома, также отмечалось более интенсивное использование Интернета [3], причем в фокусе внимания многих людей находился эмоционально негативный или тревожный контент.

Исследователи говорят о думскроллинге как о комбинации трех основных компонентов:

- мрачных новостей, вызывающих беспокойство;
- паттернов отслеживания новостей, как правило, с помощью смартфона;
- новостных потоков, создающих эмоциональное истощение, от которого пользователям сложно избавиться [6].

Привлекательные новости на различных платформах вызывают ощущение включенности в жизнь, текучести, однако в кризисных ситуациях, например, ситуации пандемии – приводят к учащению смены настроений. Пользователь пытается количественно выразить собственную оценку возможных потерь и близости катастрофы [1]. L. Lupinacci указывает на то, что широко используемые социальные медиа по большей части являются иной, чем телевидение, коммуникативной структурой. В данной структуре неопределенность заключается не только в вероятности наступления чего-либо важного, но и в возложении на пользователей ответственности за отслеживание новостей режиме реального времени. Также именно социальные сети вызывают у пользователя ощущение виртуальной жизни: «чувство, как будто вы были там, видели это воочию, как будто были вместе, как будто, что бы ни происходило, это случается здесь и сейчас» [5]. Таким образом, можно предположить, что ощущение ответственности за происходящие события, сокращение дистанции между получателем и источником тревожной новости может выступать как один из факторов, predisposing к думскроллингу.

Также думскроллинг можно определить, как «феномен траты чрезмерного количества экранного времени, посвященного поглощению негативных новостей». При этом чувство неопределенности, возникающее у конкретного человека в ожидании неприятных новостей, становится невыносимым, вызывая навязчивое желание подтверждения данной идеи. Постоянное обновление новостной ленты в ожидании неприятных новостей и попытка справиться таким образом с чувством неопределенности приводят к

информационной перегрузке [2], под которой понимается неспособность или только частичная способность данного человека воспринимать, анализировать, оценивать, обрабатывать и использовать поступающую избыточную информацию, что провоцирует возникновение негативных эмоций, чувства неопределенности и несостоятельности.

Поскольку проблема влияния думскроллинга на психологическое благополучие личности была поставлена относительно недавно, четких подходов к профилактике и коррекции данной проблемы еще не сформировано. Можно заметить тенденцию к медицинскому рассмотрению данной проблемы в контексте влияния думскроллинга на качество сна. Пока происходит изучение факторов риска возникновения думскроллинга, как социальных, так и психологических.

В контексте коррекционного воздействия в зарубежных источниках приводятся следующие рекомендации:

- 1) воздержание от использования интернета в течение 2 часов до сна;
- 2) поддержание круга социальных контактов и их качество [4];
- 3) обучение навыкам цифровой гигиены, в особенности, среди подростков и молодых взрослых;
- 4) отслеживание собственных ощущений и мыслей как отклика на плохие новости;
- 5) обучение когнитивно-бихевиоральной технике остановки мысли и избегание катастрофизации;
- 6) фокусировка на «здесь и сейчас», аутогенные тренировки, снижение скорости просмотра новостей в интернете;
- 7) самостоятельное определение цели просмотра новостей.

Литература

1. *Максименко А.А.* Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян / А.А. Максименко, О.С. Дайнека, И.А. Мортикова // *Общество: социология, психология, педагогика.* - 2022. - № 12. - С. 129–136.
2. *Пчелина П.В.* Информационная перегрузка и нарушения сна / П.В. Пчелина, В.А. Сурсаев, М.Г. Полуэктов // *МС.* - 2022. -

№11.

3. *Ускова Е.В.* Думскроллинг, или бесконтрольное изучение «плохих новостей» в подростковой среде // Общество: социология, психология, педагогика. - 2022. - №10 (102).
4. *Goldman, S.* Comprehensive Sleep care center. URL: <https://comprehensivesleepcare.com/tag/children-and-sleep/>
5. *Lupinacci L.* Absentmindedly scrolling through nothing': liveness and compulsory continuous connectedness / L. Lupinacci // Social media, Media, Culture & Society. - 43(2). - 273-290.
6. *Ytre-Arne B., Moe H.* Doomscrolling, Monitoring and Avoiding: News Use in COVID-19 Pandemic Lockdown // Journalism Studies 22(4) :1-17.

Виды чувствительности к справедливости со склонностью к физической и косвенной физической агрессией (на примере подростков 11-12 лет)

Гайворонская А.А.

*ГУК (КЦ) СК РФ, Москва, Россия,
agajvoronskaya@yandex.ru*

Подростковый возраст входит в группу риска формирования девиантного поведения, так как к психологическим характеристикам этого возраста относят эмоциональную неустойчивость на фоне психогормональных перестроек. Выражение физической и косвенной физической агрессии отражает развитие коммуникационных навыков, связанных с принятием норм и ценностей окружающих.

Мы полагаем, что проявления физической и косвенной физической агрессии отражают переживания ситуаций несправедливого характера. Для тех, у кого есть ведущая потребность в установлении справедливости, есть и сильная мотивация к ее поиску защите. Формирование справедливого общества связано с идеалами, ценностями, что может выражаться в повышенной чувствительности к справедливости или несправедливости.

В зарубежной психологии исследования «чувствительности к справедливости» связаны с именем М. Шмитта, который ввел это

понятие в психологическую науку и проводил исследования с А. Барнет, М. Голвицер и др. [6]. М. Шмитт чувствительностью к справедливости интерпретировал как черту личности, которая проявляется, как готовность воспринимать и эмоционально сильно реагировать на случаи несправедливости. Показателями чувствительности к справедливости являются: частота переживаемых несправедливых ситуаций; интенсивность эмоциональных реакций на несправедливость (гнев, вина, стыд); устойчивость мыслей о несправедливых событиях; мотивация к восстановлению справедливости. Автор концепции выделяет четыре вида чувствительности к справедливости: с позиции жертвы, свидетеля, бенефициара и нарушителя [7]. Каждый вид чувствительности к справедливости выражает поведенческие паттерны решения критических ситуаций.

Цель исследования: изучить связь чувствительности к справедливости со склонностью к физической и косвенной физической агрессией. Выборка исследования: 121 человек в возрасте 11-12 лет, обучающиеся в учебных заведениях г. Смоленска.

Использовались: методика «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева для выявления склонности к вербальной и физической агрессии [2], а также опросник «Чувствительность к справедливости» М. Шмитта (адаптированный С.К. Нартовой-Бочавер, Н.Б. Астаниной и А.А. Адамян) для изучения видов чувствительности к справедливости [1; 3; 4; 5].

По результатам применения методики «Агрессивное поведение» подростки были разделены на две подгруппы: со склонностью к физической агрессии (56 человек) и со склонностью к косвенной физической агрессии (65 человек). С помощью методики «Чувствительность к справедливости» получены следующие результаты.

В группе со склонностью к *физической агрессии*, преобладающий вид чувствительности – чувствительность «*нарушителя*» (19 чел.), за ним следует вид чувствительности к справедливости «*наблюдателя*» (16 чел.), далее чувствительность к справедливости «*бенефициара*» (12 чел.), затем – чувствительность к справедливости «*жертвы*» (9 чел.). В группе со склонностью к *косвенной физической агрессии* преобладающий вид чувствительности – это чувствительность «*нарушителя*» (25 чел.), за ним следует вид чувствительности к

справедливости «жертвы» (16 чел.), далее чувствительность к справедливости «бенефициара» (13 чел.) и включает вид чувствительности к справедливости «наблюдатель» (11 чел.). Для подтверждения различий в показателях выраженности видов чувствительности к справедливости и группах с разной склонностью к агрессивному поведению был использован критерий Колмогорова-Смирнова. Уровень значимости $p = 0,000$, что свидетельствует о наличии достоверных различий в эмпирических распределениях.

Таким образом, в группе со склонностью к физической агрессии преобладающий вид чувствительности к справедливости – это чувствительность «нарушителя». Для подростков этой группы характерно враждебное отношение, которое может быть обращено к конкретному лицу (учитель, одноклассник и др.). Вторую позицию занимает вид чувствительности к справедливости «наблюдателя». Для этой группы подростков характерна нейтральная позиция (сочувствуя жертве, они поддерживают агрессора). Для испытуемых с чувствительностью к справедливости «бенефициара» выражена физическая агрессия в тех случаях, когда кто-то нарушает условия при получении вознаграждения или наказания. Для испытуемых с чувствительностью к справедливости «жертвы» характерно отсутствие друзей, поддержки от взрослых.

В группе со склонностью к *косвенной физической* агрессии преобладающий вид чувствительности к справедливости также чувствительность «нарушителя». Подростки из этой группы тревожны, мнительны, демонстративны. Для этих подростков загрязнение стен, нанесение «граффити» являются привычными формами поведения. Вторую позицию занимает вид чувствительности к справедливости «жертвы». У этих подростков мало друзей и отсутствует поддержка от взрослых. Попадание в цикл насилия способствует совершению другого насилия (например, бросание камней в окна проезжающих поездов). Для подростков с чувствительностью «бенефициара» выражена демонстративная нейтральная позиция. При этом, если происходит срыв (в результате несправедливой оценки, замечания, критики), то ответом является неадекватное поведение (разорение и вытаптывание клумб, битье стекол на остановках и др.). Вид чувствительности к справедливости «наблюдателя» выражает индифферентную позицию. Для этих

подростков выражена инфантильность, отсутствие целей и желаний, выражено равнодушие к любым событиям.

Таким образом, для личности с конкретным видом чувствительности к справедливости есть своя стратегия выхода из травматичного опыта переживания несправедливой ситуации. Среда проживания подростка имеет особое воздействие на формирование особенностей поведения в этом возрасте. Использование накопленного опыта способствует подготовке к дальнейшей жизнедеятельности.

Литература

1. *Адамян А.А., Нартова-Бочавер С.К., Шмитт М.* Опросник «Чувствительность к справедливости»: валидизация опросника на российской выборке // Психологический журнал, 2018. 39(4), с. 105–116.
2. *Ильин Е.П.* Психология агрессивного поведения. СПб.: Питер, 2014. С. 334 - 337.
3. *Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б.* Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования // Психологический журнал. 2014. № 1. С. 16–32.
4. *Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б.* «Униженность и оскорбленность» как черта личности: феноменологический анализ позиции жертвы // Социальная психология и общество. 2014. Том 5. № 2. С. 13–26.
5. *Нартова-Бочавер С.К., Астанина Н.Б.* Чувствительность к справедливости как свойство субъекта: личностный ресурс или бремя // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Т. 3. М., 2013. С. 574–577.
6. *Schmitt M., Baumert A., Gollwitzer M., Maes J.* The Justice Sensitivity Inventory: Factorial validity, location in the personality facet space, demographic pattern, and normative data // Social Justice Research. 2010. V. 23. P. 211–238.

7. *Schmitt M., Neumann R., Montada L.* Dispositional sensitivity to befallen injustice // *Social Justice Research*. 1995. V. 8. P. 385–407.

К вопросу о проблемном использовании интернета

Галиуллин Э.Э., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
emil-galiullin@mail.ru , nkochetkov@mail.ru

На сегодняшний день активными пользователями интернета являются около 85,3% жителей России [2]. За все время существования Всемирной Сети непрерывно обсуждалась проблема ее чрезмерного использования – данному явлению присваивались различные названия – такие, как «интернет-зависимость», «компульсивное использование интернета», «проблемное использование интернета» и т.д. Несмотря на то, что интернет-зависимость не включена в МКБ-10 и DSM-5, а в МКБ-11 рассматривается лишь в контексте зависимости от видеоигр, многие люди все чаще сталкиваются с теми или иными трудностями в реальной жизни, возникающими у них из-за избыточного пользования всемирной паутиной.

Цель нашего исследования – выявить наиболее часто встречающиеся трудности, с которыми столкнулись респонденты в результате компульсивного использования интернета.

Для достижения поставленных целей использовался опросник «Общая шкала проблемного использования интернета-3» [1]. Всего в исследовании приняли участие 104 человека в возрасте от 15 до 45 лет. Анкета, представленная респондентам, включала 15 вопросов открытого и закрытого типа. Вопросы касались частоты и сложности контроля пребывания людей в Сети, различных проявлений у них социального эскапизма, сложности взаимодействия их с реальным миром и людьми. Обработка результатов проводилась с помощью подсчета процента положительных и отрицательных ответов закрытого типа, а также выявления наиболее часто указываемой трудности, возникшей из-за проблемного использования интернета.

Результаты эмпирического исследования показали, что социальные сети 58,7% респондентов используют для того, чтобы почувствовать себя лучше. Подобная функция соцсетей лишней раз подтверждает природу их использования, которая ближе к компульсивной, чем к осознанной. Кроме этого, большинство респондентов сталкивались с негативными последствиями проблемного использования интернета – 71,92%.

Наиболее частыми проблемами, с которыми столкнулись респонденты из-за компульсивного использования интернета, является прокрастинация и нехватка времени на более важные дела в реальной жизни. Однако достойным внимания является тот факт, что большинство людей предпочитает общение лицом к лицу, а не онлайн (84,6%).

Столь высокий процент респондентов, столкнувшихся с отрицательными последствиями компульсивного использования интернета, можно связать с тем, что практически вся деятельность в современном мире осуществляется в виртуальном пространстве. Анализируя другие ответы на открытый вопрос о проблемах, возникающих при чрезмерном использовании интернета, многие респонденты ответили, что сталкивались с мошенническими действиями и травлей со стороны третьих лиц. Данные виды деятельности намного проще реализовывать в Сети, поскольку любой человек в ней может выдать себя за кого угодно, подделать стиль письма, а также с недавнего времени голос и внешность с помощью нейросети. Понятно, что само по себе мошенничество не связано с проблемным использованием интернета, но в семантическом поле респондентов эти понятия взаимосвязаны.

Очень часто блогеры и знаменитости создают себе в интернете образ «идеальной жизни», наблюдая за которой обычный пользователь теряет желание менять собственную жизнь к лучшему, оставаясь при этом «заложником» жизни другого. Чем больше времени обыватель проводит за просмотром или чтением блогов «идеальных» людей, тем более недостижимые амбиции выстраиваются у него на подсознательном уровне. Если человек не снижает потребление такого рода контента, то вскоре его мотивационная сфера личности сильно меняется.

Большинство респондентов предпочитают «живое» общение, поскольку, исходя из ответов на открытый вопрос, им важна вербальная и невербальная коммуникация с собеседником, а также тактильный контакт. При реальном общении люди чувствуют весь спектр эмоций друг друга, осознают степень искренности сказанных в моменте слов.

Можно сделать вывод о том, что большинство современных людей, проживающих в мегаполисах, подвержены негативным последствиям проблемного использования интернета. Чаще всего они сталкиваются с прокрастинацией и нехваткой времени на дела, находящиеся за пределами Глобальной Сети.

Литература

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Том 26. № 3. С. 56–79. DOI: 10.17759/cpp.2018260304
2. Internet World Stats [Электронный ресурс]. URL.: <https://www.internetworldstats.com> (дата обращения: 26.03.2024)

Социально-психологические факторы адаптации иностранных студентов в российских вузах

Галоян М.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
meth.a@yandex.ru*

С каждым годом количество иностранных студентов, приезжающих в Россию для обучения, увеличивается. Иностранные студенты приезжают из стран с разными культурными ценностями, обычаями и языком. Это может привести к возникновению трудностей во время обучения, к повышению у них уровня стресса и, в итоге, к дезадаптации.

В связи с этим, вопросы адаптации и принятия иностранными студентами российской учебной среды становятся важными и требуют детального изучения [1; 3]. Изучение процессов адаптации помогает выявить эти проблемы и предложить методы и подходы, способствующие как психологической адаптации в новой культурной среде, так и повышению качества их образования [4].

Несмотря на то, что существует немало исследований адаптации иностранных студентов в российских вузах [1; 2; 4; 5], существуют факторы адаптации, которые еще не были достаточно изучены, но которые могут оказывать значительное влияние на социально-психологическую адаптацию иностранных студентов. Перечислим некоторые из них.

Язык как фактор, влияющий на языковую адаптацию: исследования показывают, что языковая адаптация является одним из главных вызовов для иностранных студентов (Е.В. Соколова, Е.В. Виттенберг, Н.А. Жерлицына). Однако остаются некоторые аспекты изучения языка принимающей страны, такие как использование различных диалектов и сленга, которые не были полностью исследованы и могут оказывать влияние на успешную интеграцию студентов [4].

Культура как фактор, влияющий на культурную адаптацию: адаптация к новой культуре также может быть сложной для иностранных студентов [2]. Некоторые исследования (Г. Шмитц, Д. Берри, С. Бочнер, М. Винкельман, Р. Вичерт, Я. Ким, М. Аргайл, А. Кендон), сосредотачиваются на основных аспектах культуры, таких как праздники и традиции, но недостаточно изучены более специфические аспекты, такие как социальные нормы и ожидания, которые могут варьироваться в различных регионах России [4].

Академическая адаптация: академическая адаптация также играет важную роль в успешности иностранных студентов. Некоторые исследования (С.В. Акимова, Ю.В. Виноградова, С.Л. Рябкова, Ю.И. Скопина, Т.Д. Дубовицкая, А.В. Крылова) концентрируются на адаптации к учебному процессу и поддержке преподавателей [1], но еще не изучены аспекты, такие как использование учебных материалов, оценочные методы и предоставление индивидуальной помощи при необходимости.

Эмоциональный интеллект: позволяет студентам лучше понимать свои эмоции и эмоции окружающих людей, что способствует их адаптации к новой социокультурной среде [1]. Студенты с высоким

уровнем эмоционального интеллекта (ЭИ) способны распознавать и интерпретировать эмоциональные сигналы, что помогает им лучше адаптироваться к новым условиям жизни и учебы. Высокий уровень ЭИ позволяет иностранным студентам управлять своими эмоциями и эмоциями окружающих, что также способствует их успешной адаптации [2]. Умение контролировать свои эмоции, адекватно реагировать на различные ситуации, а также способность управлять эмоциями своих друзей и коллег по учебе, облегчает процесс адаптации и интеграции в новую среду.

На наш взгляд, ЭИ выступает одним из ведущих и стержневых факторов адаптации мигрантов в учебной среде, который тесно связан с вышеперечисленными факторами, усиливая их воздействие на процесс адаптации. Так, наличие высокого уровня ЭИ помогает иностранным студентам устанавливать и поддерживать социальные связи с российскими студентами и преподавателями [1], что позволяет им быстрее интегрироваться в новую языковую среду (*языковая адаптация*), и тем самым более комфортно чувствовать себя в образовательной среде российского вуза. Высокий уровень ЭИ способствует развитию межкультурной компетентности иностранных студентов [2]. Они способны понимать и принимать различия в культуре, традициях и ценностях между своей родной страной и Россией (*культурная адаптация*), что в свою очередь, способствует успешности адаптации иностранных студентов в российских вузах.

Таким образом ЭИ играет важную роль в процессе языковой, академической и этнокультурной адаптации иностранных студентов. Однако в какой степени ЭИ способен оказывать прямое, непосредственное и опосредованное (через языковую, культурную и академическую адаптацию) влияние на процесс социально-психологической адаптации иностранных студентов предстоит выяснить нам в ходе предстоящего эмпирического исследования.

Литература

1. Ван Ю. Взаимосвязь социально-психологической адаптации и эмоционального интеллекта у иностранных студентов // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. №1.
2. Гордиенко В.Н., Гордиенко Т.И. Уровень эмоционального интеллекта как психологический фактор адаптированности студентов к вузу // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. №2.

3. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020г.: утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // Собрание Законодательства РФ, 2008. № 47
4. Михайлова О.Б., Косталес А.И. Проблемы межкультурной адаптации иностранных студентов и их проявления в стратегиях адаптивности // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2011. № 3.
5. Хухлаев О.Е., Гриценко В.В., Дагбаева Б.С., Константинов В.В., Корниенко Т.В., Кулеш Е.В., Тудупова Т.Ц. Межкультурная компетентность и эффективность межкультурного взаимодействия // Экспериментальная психология. 2022. Т. 15. № 1.

Особенности агрессивного поведения подростков в конфликтных ситуациях

Гаранина К.Н., Мухина Т.К.

ФГБОУ ВО ВлГУ, Владимир, Россия

kristina.garanina.02@inbox.ru, tanea.muhina@mail.ru

Развитие личности как представителя определенной социальной группы обусловлено спецификой социальной среды, в которой происходит ее становление. Подростковый возраст рассматривается как кризисный период в формировании личности, так как он обуславливает значительные физические и психологические преобразования. Эти сложности могут привести к нарушению индивидуального развития, что является предпосылкой для возникновения различных отклонений, в том числе, агрессивного поведения.

Актуальность проблемы состоит в том, что агрессивное поведение предполагает не только проблему личности, но и всего общества, так как подростки, используя агрессию как способ взаимодействия, нарушают общепринятые нормы поведения.

Объект исследования – агрессивное поведение. Предмет – особенности агрессивного поведения в подростковом возрасте.

Подростковый период – период окончания детства, переходный от детства к взрослости. Границы возраста 12-17 лет. В этом возрасте появляются чувство взрослости, внутренняя позиция, стойкие эмоции. Однако подростки еще не могут выстраивать плодотворные взаимоотношения со сверстниками и осуществлять контроль над собственными эмоциями [1, с. 199].

По мнению И.А. Фурманова, агрессивное поведение определяется как модель реагирования на неблагоприятные условия жизни, которые вызывают чувство стресса, фрустрации и другие негативные состояния. Оно подразумевает демонстрацию преимущества в силе во взаимодействии с другими людьми и стремление причинить вред окружающим [3, с. 12].

Агрессия – это форма поведения, направленная на причинение физического или психологического ущерба. К причинам проявления агрессивности относят перестройку отношений к миру и себе, самоутверждение, агрессию в подростковых группах, форму защиты [3, с. 8].

Агрессивность, по мнению И.А. Фурманова, представляет собой готовность человека проявлять агрессивное поведение. Ее мотивацией является желание завоевать авторитет. В некоторых случаях агрессивность может выступать в качестве защитного механизма, позволяющего человеку избавиться от чувства будущей угрозы [3, с. 12].

Несовершеннолетние, стараясь занять нужную им позицию в системе социальных отношений, но не владея конструктивными навыками взаимодействия, часто демонстрируют конфликтное поведение. Конфликтность может быть обусловлена, как и агрессия, желанием удовлетворить свои потребности.

Подростковая конфликтность объясняется комбинацией различных факторов, связанных с социальными, возрастными и индивидуальными особенностями. Эти факторы способствуют возникновению острых противоречий и конфликтных ситуаций во время взаимодействия подростков [2, с. 2].

Конфликт представляет собой способ решения разногласий, которые возникают в ходе взаимодействия и сопровождаются отрицательными эмоциями. Если имеется противодействие, но отсутствуют негативные эмоции и, наоборот – эмоции присутствуют,

но нет противодействия, то мы имеем дело с предконфликтной ситуацией. Таким образом, неотъемлемыми компонентами конфликта являются эмоциональная составляющая и наличие противодействия.

Практическое исследование проводилось в МБОУ г. Владимира «Средняя общеобразовательная школа №16» с участием 25 учащихся 8 класса.

С помощью опросника исследования уровня агрессивности (А. Басс и А. Дарки) мы выявили следующие проявления враждебности у подростков. Наиболее выражена вербальная агрессия (20% - 5 человек) и негативизм (24% - 6 человек). Подростки часто используют нецензурные выражения, устраивают скандалы и оскорбляют друг друга, таким образом выражая свою агрессию. Негативизм свидетельствует о резкости и готовности вступить в конфликт.

Низкую степень выраженности имеют физическая агрессия (8% испытуемых – 2 человека), подозрительность (4% – 1 человек) и чувство вины. Подростки, сталкиваясь с физической агрессией, вынуждены прибегать к применению своей физической силы. Они чаще всего испытывают раздражение, выражающееся в грубости и негативных эмоциях. Подозрительность как осмотрительность к окружающим приводит к тому, что подростки ждут, что другие люди могут нанести им вред.

Таким образом, у подростков преобладает вербальная агрессия и негативизм. В наименьшей степени представлено чувство вины, но также есть готовность применить физическую силу против другого лица.

С целью выявления ведущего типа поведения в конфликтной ситуации применялась методика К. Томаса.

Конфронтация, выраженная в наибольшей степени (40% – 10 человек), означает, что испытуемые стремятся удовлетворить свои собственные желания, не обращая внимания на интересы окружающих. Такая позиция подразумевает отсутствие намерения сотрудничать с оппонентом в будущем.

Уклонение, выраженное в наименьшей степени, характерно для 8% испытуемых (2 человек). Эти подростки предпочитают откладывать принятие решений, не стоят за свои интересы и не проявляют интереса к увлечениям других людей.

Таким образом, большинство подростков выбирают стратегию конфронтации. В наименьшей степени представлены уклонение и компромисс. Для уклонения характерно отказ от споров с другими людьми.

Мы выявили, что у подростков преобладает вербальная агрессия, негативизм и соперничество. Это означает, что они не обладают конструктивными методами решения конфликтов. Подростки выражают агрессию в словесной форме, используя ее как защиту, либо как нападение.

Одной из задач деятельности педагога-психолога является обучение навыкам конструктивного общения, конструктивным способам выхода из конфликта и выражения гнева.

Литература

1. *Батюта М.Б.* Возрастная психология: учебное пособие / М.Б. Батюта, Т.Н. Князева. – М.: Логос, 2011. – 306 с. – ISBN 978-5-98704-606-7. – Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART: [сайт]. – URL: <https://www.iprbookshop.ru/9057.html>
2. *Каневская Ж.О.* Подростковая агрессия как социально-психологическая проблема современности / Ж.О. Каневская, Л.С. Кириллова// Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. - 2015. - №42. - С. 7 -12.
3. *Фурманов И.А.* Социальная психология агрессии и насилия: учебн. пособие / И.А. Фурманов. – Минск: БГУ, 2016. – 392 с.

Социальные представления о татарах у татар-эмигрантов

Гильманова А.А., Шорохова В.А.
ФБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aza_gilman@mail.ru, shorohovava@mgppu.ru

Миграция может стать важным фактором, актуализирующим проблематику этнической идентичности. В современном мире, где процессы глобализации и миграции играют ключевую роль социокультурного взаимодействия, изучение социальных

представлений о своей этнической общности у эмигрантов становится более актуальным и может позволить понять динамику сохранения культурного наследия.

По словам Т.Г. Стефаненко, этническая идентичность представляет собой результат «когнитивно-эмоционального процесса самоопределения индивида в социальном пространстве относительно многих этносов» [5, с. 119]. Этническая идентичность может трансформироваться при эмиграции вследствие пересмотра своих убеждений в попытках индивида приспособиться к новой культуре и при этом сохранить прежнюю идентичность [6].

Как пишет Г.М. Андреева, социальные представления, как и социальная идентичность, составной частью которой является этническая идентичность, играют важную роль в построении образов окружающего мира [1]. Социальные представления представляют собой совокупность идей, образов, знаний и убеждений, разделяемых социальной группой, об объектах окружающей действительности.

Для изучения социальных представлений о татарах у татар, проживающих в США, мы использовали структурный метод, который позволил выявить устойчивые категории, образующие ядро, и периферическую систему, включающую категории, наиболее подверженных влиянию. Также мы определили выраженность этнической идентичности с помощью методики Дж. Финни. Целью нашего исследования было определить структуру и содержание социальных представлений о татарах у татар-эмигрантов. Гипотеза исследования: содержание социальных представлений может быть соотнесено с выраженностью этнической идентичности. Выборку составили 115 человек, из которых 63 женщины и 52 мужчин, проживающие в США в среднем 7 лет.

На первом этапе мы измерили выраженность этнической идентичности, общий показатель которого равен 3,27, что говорит о ее высокой выраженности. На втором этапе каждому респонденту предлагалось написать 5 ассоциаций к слову «татары», а затем оценить каждое из них от наименее значимого до наиболее значимого.

В зону ядра социальных представлений вошли следующие понятия: «татарский язык» (46; 2,8), «семья» (34; 2,1), «доброта» (26; 2,6). Данные ассоциации имеют наибольшую частоту встречаемости и наибольший уровень значимости. «Татарский язык» является

наиболее встречаемым и занимает первое место в структуре ядра, что сходится с результатами исследования Г.Ф. Габдрахмановой и Э.А. Сагдиевой, изучавших татар – эмигрантов Ташкента. Авторы отмечают, что для татар самым важным критерием татарской идентичности является родной язык и, главным образом, имеет для них символический смысл [2]. Понятие «семья», включающее в себя ассоциации «родители», «родные», «родственники» является самым значимым. В данном случае это понятие выступает скорее не как традиционная ценность, а именно как связующее звено со своим этническим происхождением и культурой. Также наличие в ядре ассоциации «доброта» говорит о том, что татары считают себя добрыми и доброжелательными, что находит отражение и в других работах [4].

В периферическую систему входят 3 области. В первую периферическую систему вошли понятия с высокой частотой, но с более низкой значимостью: «национальная кухня (64; 3,3), «хитрые» (35; 3,3), «национальные праздники» (27; 3,1). Особенно большое внимание из этого списка привлекает автостереотип «хитрые». В работе Р.Р. Додиной 32% студентов татар приписывают данное качество представителям своей национальности [3].

В зону контрастирующих элементов вошли такие понятия, как «традиции» (22; 2,4), «родина» (20; 2,2), «дружелюбные» (20; 2,6), «ислам» (18; 2,9), «нация» (17; 2,5), «нравственность» (16; 2,2), «Татарстан» (16; 2,2), «гостеприимные» (15; 2,7), имеющие низкую частоту, но высокую значимость. И, наконец, ко второй периферической системе относятся «татарская музыка» (21; 3,4), «традиционная одежда» (20; 3,3), «трудолюбивые» (18; 3,1), «красивые» (14; 3,8), «сплоченные» (12; 3,5), «история» (12; 3,9) с наименьшими частотой и значимостью. Стоит отметить, что данные две области, включая в себя большое количество понятий, являются нечеткими и легко поддающимися изменениям. Обратим внимание, что в данные зоны вошло большое количество понятий, демонстрирующих положительные качества при описании представителей своей этнической группы.

Таким образом, структура и содержание социальных представлений о татарах о своей этнической группе характеризуются высоким уровнем согласованности и положительной эмоциональной

направленностью. Содержание социальных представлений соотносится с высокой выраженностью этнической идентичности татар. Так, в представлениях отсутствуют негативные характеристики.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005.
2. *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А.* Татары современного Ташкента: этническая идентичность в контексте социальных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2019. № 1.
3. *Додина Р.Р.* Этнопсихологическое взаимодействие русских, татар и чувашей Татарстана: Дисс. канд. психол. н. Казань, 2008.
4. *Макарова Г.И.* Семейные ценности и практики в дискурсе татар и русских Татарстана // Регионология. 2021. №1 (114).
5. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Академический проект. 1999.
6. *Phinney J.S.* Stages of Ethnic Identity Development in Minority Group Adolescents // The Journal of Early Adolescence. 1989. №9.

Формирование профессионального самосознания молодежи в условиях деятельностной образовательной среды

Горелова Д.В., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dashafomina2030@gmail.com

Согласно принятому в отечественной психологии принципу единства сознания и деятельности, особенности личности человека напрямую связаны со спецификой его деятельности. Сюда относятся личностные качества, ценности, мировоззрение в целом. Теоретический анализ литературы показал, что на формирование профессионального самосознания оказывают влияние не только условия образовательной среды, но и качественное содержание часов обучения молодого человека.

Самосознание формируется за счет столкновения субъективного восприятия с объективными сторонами среды. Взаимодействуя с ценностной и мотивационной сферами субъекта, полученная информация и чувственный опыт превращаются в ряд уникальных представлений о профессии и о себе в ее рамках. «Личностный смысл характеризует само содержание образа. Трансформации, вносимые в образ, так модифицируют его, чтобы его личностный смысл в максимальной степени соответствовал направленности актуальных смысловых установок» (Д.А. Леонтьев).

Дееспособный студент, поступивший в вуз, по умолчанию имеет систему ценностей, взглядов, установок, собственную мотивационную схему и способности к рефлексии. Мы предположили, что активное пребывание в деятельности образовательной среде способствует формированию профессионального самосознания. В пилотажном исследовании приняли участие 57 респондентов в возрасте от 18 до 24 лет. Обязательной характеристикой респондента служит наличие официальной учебы в вузе или стажировки в компании, направленной на получение новой специальности, при этом студент может как работать, так и не работать по выбранной специальности.

Для определения уровня сформированности профессионального самосознания были использованы и адаптированы для более широкого круга молодежи опросник А.А. Озеринной «Профессиональная идентичность студентов» [3] и опросник И.С. Кона «Я через 5 лет» [2]. Для определения уровня включенности в процесс обучения была использована русскоязычная адаптация (Карпов, Скитяева, 2005) опросника Г. Шроу и Р. Деннисона «Метакогнитивная включенность в деятельность» [1].

Анализ результатов исследования показал, что существует прямая взаимосвязь между уровнем сформированности профессиональной идентичности и уровнем метакогнитивной включенности в деятельность ($r = 0,671$; $p \leq 0,01$). Сравнение выборок, обучающихся в деятельности образовательной среде и в традиционной образовательной среде, показало, что имеются статистически значимые различия в распределении сформированности профессиональной идентичности. Существуют значимые корреляции уровня сформированности представлений о своем профессиональном пути со следующими параметрами: сформированность профессиональной идентичности ($r = 0,382$; $p \leq 0,01$), включенность в деятельность ($r = 0,286$; $p \leq 0,05$).

Сравнительный анализ проводился с помощью *U*-критерия Манна-Уитни, корреляционный – с применением непараметрического критерия Спирмена.

Подводя итоги проведенной работы, можно сделать следующий вывод. Процесс формирования профессионального самосознания прямо взаимосвязан с высоким уровнем включенности молодого человека в возможности для развития, предоставляемые деятельностной образовательной средой.

Литература

1. Карпов А.В., Скитяева И.М. Психология метакогнитивных процессов личности // М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
2. Кон И.С., В поисках себя: личность и её самосознание», М.: «Политиздат», 1984.
3. Озерина А.А. Профессиональная идентичность студентов бакалавриата: дис. ... канд. психол. н. Волгоград, 2012.

Психологические предпосылки коллективной эффективности спортивных команд

*Горская Г.Б., Витер А.А.
ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия
gorskayagalina@mail.ru*

Спортивная деятельность в силу высоких требований к мастерству спортсменов, выраженного уровня конкуренции, растущей по мере повышения квалификации спортсменов, представляет значительный интерес для психологических исследований. Он обусловлен как необходимостью выявления психологических ресурсов и барьеров достижения спортсменами высоких результатов, так и тем, что в спорте многие психологические закономерности проявляются гораздо ярче, чем в других видах деятельности.

Ориентация исследований в области спортивной психологии на раскрытие психологических ресурсов и профилактику барьеров для

раскрытия способностей спортсменов вызывает потребность в научном обосновании решения этой задачи. Важными с этой точки зрения оказались исследования М.Ю. Кондратьева, посвященные психологическим аспектам обучения одаренных детей в профессионально специализированных учебных заведениях [5]. В них выявлены психологические последствия нахождения учащихся этих заведений в ситуации монодеятельности, ради которой эти заведения созданы. Такая ситуация характерна и для детских спортивных школ, и для команд высококвалифицированных спортсменов. Они не являются закрытыми как школы-интернаты, но, в силу занятости большим объемом тренировок, участия в соревнованиях, совмещения подготовки с получением образования, основным кругом общения спортсменов оказываются товарищи по спортивной подготовке. Включение в значимую для спортсменов монодеятельность вызывает появление моно-критерия межличностного сравнения, которым являются успехи в спорте. Жесткая конкуренция, различия в успешности деятельности неизбежно порождают сомнения значительной части спортсменов в своих возможностях, зависть и иные осложнения в межличностных отношениях. Одним из последствий описанной ситуации оказывается сужение Я-концепции спортсменов, являющееся фактором риска кризисов завершения спортивной карьеры [4]. Наличие в спортивных группах явных лидеров с устойчивым высоким социальным статусом и значительного числа спортсменов с менее высокой успешностью в спортивных командах является фактором снижения надежности командных действий в условиях стресса. На это указывают разные детерминанты предпочтения индивидуальных и командных копинг-стратегий [6], обусловленность риска эмоционального выгорания уровнем развития команд как социальных групп [7].

Изложенное выше обусловило проведение исследования психологических предпосылок командной эффективности в условиях соревнований, в котором особое внимание уделялось значимости для спортсменов индивидуальных и командных приоритетов.

В исследовании приняли участие 120 (40 мужчин и 80 женщин) спортсменов, которые являются членами команд по регби всероссийского уровня. Применялись: опросник коллективной эффективности [1], опросник групповой сплоченности [3],

позволяющий установить показатели индивидуальной и командной удовлетворенности общением и совместной деятельностью, а также опросник командных копинг-стратегий [8], адаптированный в КГУФКСТ.

Коллективная эффективность, понимаемая как убежденность команды в наличии у нее ресурсов, необходимых для достижения поставленных целей, определялась по показателям убежденности спортсменов в наличии у команды способностей, необходимых для достижения цели, готовности прилагать усилия, проявлять настойчивость, выкладываться на тренировках, демонстрировать единство. Командные копинг-стратегии характеризовались показателями ориентации на совместную деятельность, на общение, на командную регуляцию эмоций, на уход от достижения командной цели.

Данные корреляционного анализа показали, что все показатели командной эффективности, за исключением показателя «единство», оказались связанными отрицательными корреляционными связями с показателями индивидуальной удовлетворенности общением и деятельностью в команде. Это значит, что выраженная ориентация на индивидуальные интересы и самодостаточность спортсменов снижает их уверенность в силах команды. Исследования, проведенные ранее, показали, что в условиях стресса при усилении напряженности у спортсменов усиливается ориентация на поддержание стабильности своего состояния в ущерб командным интересам [2]. А данные о том, что большинство высококлассных спортивных команд являются группами-кооперациями с несовпадением индивидуальных и командных интересов [6; 7], указывают на вероятность снижения командной эффективности в условиях стресса.

Заслуживает внимания факт, что лишь один показатель командных копинг-стратегий «мотивационная поддержка», характеризующий стратегию ориентации на отношения, оказался положительно связанным с показателями коллективной эффективности. В то же время, показатель деструктивной копинг-стратегии ухода от достижения командной цели связан отрицательно с четырьмя показателями коллективной эффективности из пяти. Это указывает на недостаточное внимание к формированию командных стратегий преодоления стресса.

Результаты исследования подтвердили значимость установления соотношения индивидуальных и командных приоритетов для членов спортивных команд, а также формирования в спортивных командах ценностно-ориентационного единства как залога стабильности действий в стрессовых ситуациях.

Литература

1. *Витер А.А., Горская Г.Б.* Адаптация опросника коллективной эффективности для российских спортивных команд // Актуальные вопросы спортивной психологии и педагогики. 2022. Т.2, № 2, с.18-26.
2. *Горская Г.Б., Дыдарь В.Г.* Динамика регуляции психической устойчивости команды на протяжении соревновательного сезона. // Общество: социология, психология, педагогика. 2017, № 8.
3. *Девшишвили В.М., Мдивани М.О., Корнеев И.С.* Опросник сплоченности спортивной команды. // Спортивный психолог. 2014. № 4. С. 60-64.
4. *Зернова Т.И.* Влияние ранней профессионализации на личностное и интеллектуальное развитие подростков. Автореф. дисс. ... канд. психол. н. Краснодар: 2004. 24 с.
5. *Кондратьев М.Ю.* Особенности межличностных отношений в профессионально специализированных интернатах // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 33-42.
6. *Совмиз З.Р.* Психологические ресурсы личности как субъекта преодоления стресса в условиях командной деятельности. Автореф. дисс. ... канд. психол. н. Краснодар: 2017.
7. *Штефаненко И.И.* Психологические регуляторы эмоционального выгорания у спортсменов, специализирующихся в гандболе. Автореф. дисс. ... канд. психол. н. Краснодар, 2013.
8. *Leprince C., d'Arripe-Longueville F., Chanal J., Doron J.* Development and preliminary validation of the Communal Coping Strategies Inventory for competitive team sports. // Psychology of Sport and Exercise. 2019. V. 45. 101569.

К проблеме влияния субкультур и фэндомов на социализацию молодежи

*Гревцев И.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
beliywolk013@mail.ru*

В современной отечественной и зарубежной психологической практике тема социализации индивида и социальных институтов напрямую связана с исследованием социальных конструкторов, порождаемых ожиданиями со стороны общества в контексте культурно-исторической реальности [4; 5; 6; 7]. Социализация включает в себя множество процессов, механизмов, феноменов, в том числе, она подразумевает реализацию разных видов деятельности социальными группами, которые связаны с формальными или неформальными «институтами» и имеют определенные средства для саморегуляции [1].

В частности, тема социализации молодежи является крайне востребованной и популярной, во многом из-за специфичного ее статуса в современном социуме как некоего переходного звена. «Уже не дети, еще не взрослые», они оказываются в некоем социальном пространстве, наделенные обязанностями и ожиданиями взрослого мира, но лишённые привилегий данного статуса [3].

В такой ситуации понятно желание молодежи получить эти самые привилегии, возможно, в иной форме или же в рамках иной структуры, нежели большая культура, тогда-то и происходит обращение к иным социальным институтам. Во времена индустриального общества, когда подобный статус пограничного состояния молодежи с обязанностями, но без прав взрослого стал формироваться, произошел бум развития молодежных субкультур. В их рамках она могла обрести привилегии, коими их «обделяло» общество, попутно проходя дополнительные процессы социализации и усваивая нормы взаимодействия в социуме в рамках более эмоционально приятной и менее жесткой среды. В современном информационном обществе мы стали заметно реже замечать молодежные субкультуры, так как постепенно их место в структуре социализации молодежи стали постепенно вытеснять фэндомы [1].

Данный институт социализации сам по себе вырастает из субкультуры и схож с ним по функционалу, но каждый из них также является специфическим продуктом своей исторической эпохи, что не дает нам отождествлять данные феномены.

Появление как субкультур, так и фэндомов связано с возникновением в дальнейшем общественного волнения, соединенного с увлечениями молодежи и их досугом: игровая и компьютерная зависимость, сатанинские увлечения, молодежные преступные группировки, проблема «Отаку» и излишний уход от реальности.

Культура упрощает наше поведение, позволяет идти по пути наименьшего сопротивления путем социокультурных норм. Означает ли это, что фэндомы и субкультуры, основанные на культурном продукте, содержащем темы насилия, жестокости, эгоизма, создают условия для формирования бессердечной и эгоистичной личности? В работах Р. Линтона была показана достаточно интересная связь между неким культурным образцом и социализацией. Культурным образцом в данном случае является какая-либо референтная модель, которая обучает ребенка нахождению в социуме, обычно этой моделью в первую очередь являются родители. Ребенок имеет потребности, они их удовлетворяют, а в процессе демонстрируют нормы поведения в социуме. Как итог, ребенок, стремясь за удовлетворением потребностей, параллельно усваивает нормы общества. Он «глочет приманку непосредственного личного удовлетворения и попадает на крючок социализации» [2]. Этот механизм можно перенести и на молодежь, которая также будет цепляться за удовлетворение личных потребностей в рамках фэндомов и субкультур и параллельно этому займется усвоением асоциальных или криминальных норм.

Правда, несмотря на этот, казалось бы, достаточно четкий базис, в большинстве исследований утверждения о тлетворном влиянии содержания медиа на социализацию не нашли подтверждения. Тут следует вспомнить А. Халлоуэла, в чьих работах по связи культуры и социализации указывалось, что главным вопросом в этой связи будет не «Что?», а «Как?». Каким образом будет проходить процесс усвоения информации, а не какая информация изначально закладывалась. Под этим «Как?» нам следует понимать не только сам процесс взаимодействия личности и культуры, но и ее прошлый опыт. В случае с фэндомами и субкультурами следует также помнить о том,

что они по сути своей являются надстройками, удовлетворяющими потребности, которые не смогли удовлетворить социальные институты семьи, школы и государства. Кроме того, надо понимать, что на определенном этапе развития индивида его контакт с культурой и социальными институтами перестает быть пассивным. При должном уровне воспитания и взаимодействия с ним семьи он будет способен самостоятельно отфильтровывать поступающую информацию и определять, что из нее ему необходимо [4].

В противовес неподтвержденным и зачастую достаточно противоречивым исследованиям о негативном влиянии продукции медиа на молодежь мы имеем определенное количество исследований, подтверждающих положительное воздействие подобных институтов социализации, а также работы, углубляющиеся в вопросы причин обращения к, казалось бы, негативно влияющим источникам медиа и социализации [7 и др.].

Таким образом, вопрос позитивного или негативного влияния субкультур и фэндомов на социализацию молодежи является достаточно сложным, неоднозначным и глубоким, затрагивающим проблему социализации индивида на ранних и более поздних этапах развития, а также необходимость изучения социальной среды отдельно взятых личностей и социальных групп.

Литература

1. *Гревцев И.А., Кожухарь Г.С.* К вопросу о месте фэндомов в современном обществе // Социальная психология: вопросы теории и практики. 2023. С. 228-231.
2. *Линтон Р.* Личность, культура и общество // Личность. Культура. Общество, 2001. Т. 3. № 1.
3. *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. 2000.
4. *Халлоуэл А.И.* Культура, личность и общество // Культурология. 2004. № 1.
5. *Ferguson C.J., Copenhaver A., Markey P.* Reexamining the findings of the American Psychological Association's 2015 task force on violent media: A meta-analysis // Perspectives on Psychological Science. 2020. Т. 15. №. 6. С. 1423-1443.

6. *Galbraith P.W.* Otaku and the Struggle for Imagination in Japan. – Duke University Press, 2019.
7. *Halbrook Y.J., O'Donnell A.T., Msetfi R.M.* When and how video games can be good: A review of the positive effects of video games on well-being // *Perspectives on Psychological Science*. 2019. Т. 14. №. 6. С. 1096-1104.

Копинг-стратегии педагогов с разной выраженностью тревожно-депрессивной симптоматики

Грекова Е.А., Трофимова Ю.В.

ФГБОУ ВО АлтГУ, Барнаул, Россия

grekova_ekaterina26@mail.ru, trofimova_yu@mail.ru

Современная социальная психология все более внимательна к изучению социально-психологических факторов, влияющих на психологическое здоровье личности, и к психологическим последствиям нахождения человека в разных социальных группах, в связи с чем актуальным остается изучение личности педагога.

Внимание к данной проблеме обусловлено, с одной стороны, выраженной динамикой требований современного общества к профессиональной подготовке и деятельности педагога, с другой – высокой распространенностью тревожности, невротических и депрессивных состояний и заболеваний среди педагогов [2; 3; 4] как результата профессиональной нагрузки, высокой интенсивности их социальных контактов с субъектами образовательного пространства.

Стрессоустойчивость педагога – один из главных маркеров профессиональной деятельности, который обеспечивает эффективность и стабильность учебного процесса [1]. В качестве одного из факторов стрессоустойчивости можно рассматривать характер используемых педагогами копинг-стратегий (адаптивные / неадаптивные).

Нами было выдвинуто предположение, что педагогам с высоким уровнем тревожно-депрессивной симптоматики в большей мере будут присущи неадаптивные копинг-стратегии, чем педагогам с низким уровнем тревожно-депрессивной симптоматики.

В эмпирическом исследовании приняли участие 80 педагогов средних школ Алтайского края (51% педагогов сельских школ, 49% педагогов городских школ). Для исследования были использованы: госпитальная шкала тревоги и депрессии, методика измерения уровня тревожности Дж. Тейлора, опросник «Копинг-стратегии» Р. Лазаруса.

На первом этапе анализа результатов эмпирического исследования с помощью кластерного анализа педагоги были разделены на две группы по степени выраженности у них тревожно-депрессивной симптоматики. Первый кластер составили 47% педагогов с высокими показателями и тенденцией к высоким значениям тревожно-депрессивной симптоматики, второй кластер был образован 53% педагогами с низкими значениями и тенденцией к низким значениям по шкалам тревоги и депрессии.

На втором этапе анализа полученных данных с помощью непараметрического U -критерия Манна-Уитни сравнивались средние значения выраженности копинг-стратегий у двух групп педагогов с высокими и низкими значениями по показателю тревожно-депрессивной симптоматики.

Сравнение выраженности копинг-стратегий в исследовательских группах позволяет отметить, что для педагогов с высокими показателями тревожно-депрессивной симптоматики характерны более высокие значения по таким стратегиям поведения, как «Дистанцирование» ($U = 458,000$ при $p < 0,001$), «Бегство-избегание» ($U = 525,500$ при $p < 0,008$), «Конфронтационный копинг» ($U = 539,500$ при $p < 0,012$).

Копинговый профиль педагогов с низкими показателями тревожно-депрессивной симптоматики позволяет говорить о том, что для них характерны более высокие значения по таким стратегиям поведения, как «Планирование решения проблемы» ($U = 439,500$ при $p < 0,001$), «Положительная переоценка» ($U = 513,000$ при $p < 0,006$), «Поиск социальной поддержки» ($U = 593,500$ при $p < 0,048$).

По показателям «Самоконтроль» и «Принятие ответственности» статистически значимых различий между группами не выявлено.

Проведенный анализ позволяет говорить, что для педагогов первой группы (с высокими показателями тревожно-депрессивной симптоматики) в большей мере для преодоления проблем и негативных переживаний характерны: импульсивность,

конфликтность, отсутствие планомерности в разрешении трудной ситуации; стремление дистанцироваться от проблем или полностью их игнорировать, намеренно снижать значимость проблемы, обесценивая и отстраняясь от нее, тем самым пытаясь преодолеть негативные переживания; склонность уклоняться от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей, предпочитая пассивное или пассивно-агрессивное поведение; склонность погружаться в фантазии, переживание, употребление алкоголя, с целью снижения эмоционального напряжения.

Для педагогов второй группы (с низкими показателями тревожно-депрессивной симптоматики) в большей мере для преодоления проблем и негативных переживаний характерны: планомерная деятельность за счет глубокого анализа ситуации и имеющихся внешних и внутренних ресурсов, и выработки на основе проведенного анализа адекватной стратегии ее преодоления; способность вырабатывать личностный смысл сложившейся ситуации, обеспечивающий личностное или профессиональное развитие по мере разрешения ситуации; привлечение для преодоления ситуации разнообразных внешних ресурсов, в том числе, и эмоциональной поддержки.

На третьем этапе анализа полученных данных с помощью непараметрического U -критерия Манна-Уитни сравнивались средние значения выраженности копинг-стратегий у педагогов городских и сельских школ.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что сельские педагоги имеют более высокие значения по стратегии «Бегство-избегание» ($U = 525,500$ при $p = 0,008$), чем городские педагоги, то есть сельским педагогам в большей степени свойственно игнорировать свои проблемы. По другим показателям копинг-стратегий статистически значимых различий между двумя группами не выявлено.

Сравнительный анализ показал, что у педагогов с низкими показателями тревожно-депрессивной симптоматики значения по адаптивным копинг-стратегиям выше, чем у педагогов с высокими показателями тревожно-депрессивной симптоматики.

Литература

1. Баранов А.А. Типы личности педагога в контексте стресс толерантности. Толерантность и проблема идентичности // Ежегодник Российского психологического общества. 2002. Т. 9. №5.
2. Кураксина Е.В. Проблема эмоционального выгорания педагога // Академический журнал Западной Сибири. 2010. № 5-6.
3. Митина Л.М. Психология труда и профессионального развития учителя. М., 2004.
4. Agyarong B., Obuobi-Donkor G., Burbach L., Wei Y. Stress, Burnout, Anxiety and Depression among Teachers: A Scoping Review. Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022. 19.

Представления о внешней красоте и удовлетворенностью жизнью

*Григорьева Л.Д., Кривцова А.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
loloviolin2003@gmail.com, krivcovaAS@mgppu.ru*

В современном обществе, где технологии массовой коммуникации и индустрия красоты развиваются очень быстро, все больше людей считают, что внешний облик влияет на различные аспекты жизни, и уделяют внешнему облику большую часть своего времени. Люди стремятся выглядеть лучше, чтобы улучшить качество своей жизни, быть счастливее. Наибольшая обеспокоенность своей внешностью наблюдается в период 15-25 лет и, в связи с этим, происходит смещение акцентов личности с дружбы, семьи, работы и т.д. на эталоны красоты и стремление им соответствовать. Эта ситуация усугубляется активным навязыванием средствами массовой информации нереалистичных стандартов красоты, которые заставляют людей требовать от себя все больше и больше. В результате процент людей, неудовлетворенных своей внешностью, растет.

Изучение феномена отношения к внешности является актуальной темой для отечественных и зарубежных специалистов. В целом большинство ученых в этой области признают, что восприятие своей внешности и отношение к ней оказывают значительное влияние на эмоциональную и межличностную сферы жизни человека и, в целом, задают динамику протекания объективных жизненных процессов.

В отечественной психологии исследования взаимосвязи между представлением о внешней красоте и удовлетворенностью жизнью представлены в работах В.А. Лабунской, Е.В. Белугиной, В.Н. Панферова и др., в зарубежной – в работах Д. Ланглуа, Н. Рамси, А. Фейнголда и т.д. [1].

В зарубежной психологии исследуется проблема влияния привлекательного/непривлекательного внешнего облика на качество жизни человека. Так, например, Л.Д. Качмарек, Ж. Енко (L.D. Kaszmarek, J. Enko) и др. в своих работах подчеркивают, что удовлетворенность внешним обликом является важным аспектом благополучия человека и более сильным предиктором удовлетворенности жизнью, чем многие другие факторы [3].

Н. Гупта, Н. Экофф, М. Джэгер (N. Gupta, N. Etcoff, M. Jaeger), проведя исследование, пришли к выводу о том, что привлекательный внешний облик напрямую влияет на состояния людей и посредством этого воздействия обуславливает иные жизненные показатели, в том числе, ощущение счастья [4].

Отношение к внешности является сложным психологическим феноменом, который может сильно влиять на самооценку и самопринятие человека. Для некоторых людей внешность может стать источником уверенности и положительного самочувствия. Они могут чувствовать себя привлекательными, принимая свою внешность и получая подтверждение от окружающих. В таких случаях отношение к внешности может быть положительным и способствовать развитию здоровой самооценки.

Однако для других людей внешность может стать источником стресса и негативных эмоций. Они могут не удовлетворяться своим внешним видом, сравнивать себя с идеалами красоты и чувствовать себя непривлекательными. Отрицательное отношение к своей внешности может приводить к низкой самооценке, депрессии и тревожности.

Благополучие, как и внешность, имеет свои субъективные и объективные критерии. Внутренний мир молодых людей и отношение к нему, к миру в целом и его аспектам в большей степени определяют их переживания. Внешние факторы благополучия, независимо от их реальных характеристик, влияют на ощущение благополучия лишь опосредованно, через субъективное восприятие и оценку, которая зависит от индивидуальных особенностей каждой сферы личности молодежи [2].

Самые сильные эмоциональные проблемы обусловлены факторами, находящимися внутри юношей и девушек, в то время как влияние внешнего мира менее значительно. Другими словами, благосостояние личности является в первую очередь субъективным понятием [2].

Ученые предлагают различные подходы к определению структуры субъективного благополучия человека. Э. Диннер и Р. Брэдберн выделяют два основных компонента психологического благополучия: когнитивный (удовлетворенность различными сферами жизни) и эмоциональный (настроение).

Позже были предложены и другие модели субъективного благополучия. Например, К. Рифф выделяет шесть компонентов: самопринятие, позитивные отношения с окружающими, автономия, наличие жизненных целей и личностное развитие. Она считает, что психологическое благополучие является интегральным показателем, отражающим все эти аспекты [4].

Рассмотрев определение и структуру понятий «внешняя красота» и «удовлетворенность жизнью», можно заключить, что общепринятого взгляда, описывающего их соотношение, пока не существует. Это позволяет нам исследовать вопрос взаимосвязи внешней красоты и удовлетворенностью жизни.

Литература

1. *Лабунская В.А.* «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. № 1. С. 26-36.
2. *Попова Л.В.* Анализ взаимосвязи уровня удовлетворенности жизнью и представлений о внешнем

- облике у студентов // Интернет-журнал «Мир науки», 2018 №6, <https://mir-nauki.com/PDF/148PSMN618.pdf>
3. *Рамси Н., Харкорт Д.* Психология внешности. Питер, 2009.
 4. *Gupta N., Etcoff N.L., Jaeger M.* Beauty in Mind: The Effects of Physical Attractiveness on Psychological Well-Being and Distress // *J. of Happiness Studies*. 2016. Vol. 17. № 3. P. 1313-1325. doi:10.1007/s10902-015-9644-6

Субъективная незащищенность в сфере труда и профессиональное выгорание у педагогов, работающих с детьми с ОВЗ

Гришель П.В., Евсюкова О.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pgrishel@gmail.com

Педагоги, работающие с детьми с ограниченными возможностями здоровья, сталкиваются с особыми трудностями, приводящими к стрессу и профессиональному выгоранию. Работа педагогов предполагает необходимость работать с учениками с трудностями в обучении и поведении, разработку учебных программ для детей с особыми образовательными потребностями, взаимодействие с коллегами, родителями и опекунами детей [1].

Цель нашей работы состояла в выявлении связи между профессиональным выгоранием и субъективной незащищенностью в сфере труда у педагогов, работающих с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Под субъективной незащищенностью в сфере труда понимается эмоциональное состояние работника, вызванное сочетанием интерпретации рабочей ситуации как угрожающей сохранению занятости в определенной должности или утратой важных аспектов работы. Когнитивный элемент субъективной незащищенности в сфере труда отражает уверенность работника в сохранении занятости и наличии карьерных перспектив. Эмоциональный компонент отражает напряжение, связанное с вероятностью потери работы [2].

Под профессиональным выгоранием понимается синдром в ответ на хронические рабочие стрессы [5]. Одним из ключевых компонентов выгорания является эмоциональное, когнитивное и физическое истощение, противоположное ему – энергичность, т.е. состояние, характеризующее высоким уровнем психической и физической энергии, эмоциональной устойчивостью [4; 5]. Другой компонент – эмоциональная отстраненность, или утрата идентификации с организацией, нежелание работать в данной должности и в организации, противоположность отстраненности – идентификация, т.е. личная заинтересованность в положительной оценке результата и процесса труда, идентификация себя с организацией и удовлетворенность от работы в конкретной должности [4]. Соответственно, увлеченность работой может рассматриваться как состояние, противоположное профессиональному выгоранию и характеризующееся энергичностью, идентификацией, включенностью в дела организации.

В исследовании использовались следующие методики:

- 1) «Ольденбургский опросник профессионального выгорания» (в переводе и адаптации А. Смирновой) [3];
- 2) «Методика диагностики субъективной незащищенности в сфере труда» (Д. Хелгрен, в переводе и адаптации А. Смирновой) [2].

Для оценки связи между переменными использовался коэффициент корреляции Спирмена. Статистическая обработка полученных данных проводилась в программе Jamovi v. 2.3.

Базой исследования являлись центры психолого-педагогического сопровождения и средние общеобразовательные школы города Москвы.

В исследовании приняли участие 32 педагога – 31 женщина и 1 мужчина, в возрасте от 25 до 57 лет. Средний стаж педагогической работы – 21 год.

Гипотеза исследования заключалась в предположении, что состояние педагогов с низким уровнем энергичности и низким уровнем идентификации с организацией будет сопровождаться переживанием угрозы потери работы.

Анализ полученных с помощью «Ольденбургского опросника профессионального выгорания» данных выявил, что большинство

участников исследования переживают на среднем и низком уровне отстраненность от организации ($M = 7$; $SD = 2,83$) и испытывают средний уровень истощения ($M = 6,88$; $SD = 2,84$).

Дальнейший анализ данных выявил, что выраженность когнитивной незащищенности в сфере труда находится на среднем уровне ($M = 10$; $SD = 3,72$), то же можно сказать и об аффективной незащищенности ($M = 14$; $SD = 5,99$).

В результате корреляционного анализа были выявлены значимые связи между шкалой «Когнитивная субъективная незащищенность в сфере труда» и шкалой «Идентификация - Отстраненность» ($r = 0,45$, $p < 0,01$) и шкалой «Энергичность-Истощенность» ($r = 0,40$, $p < 0,05$). Также значимая связь выявлена между шкалой «Аффективная субъективная незащищенность в сфере труда» и шкалой «Энергичность-Истощенность» ($r = 0,52$, $p < 0,01$).

Полученные нами результаты согласуются с результатами, полученными на выборках испытуемых из других профессиональных групп [2].

Таким образом, субъективное восприятие вероятной потери работы или ухудшения условий труда приводит к меньшей идентификации работника с организацией, эмоциональному перенапряжению, истощению эмоциональных ресурсов. При этом, по-видимому, сам процесс имеет циклический характер. Ощущение несоответствия собственных возможностей требованиям работы и чувство «отчуждения» от организации приводит к восприятию рабочей ситуации как угрожающей, что повышает уровень стресса, а стресс, в свою очередь, приводит к выгоранию.

Литература

1. Гришель П.В., Литвинова Е.Ю. Связь эмоционального выгорания педагогов и когнитивного стиля «аналитичность-холистичность» // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IV Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (13–14 мая 2019 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2019.– 296с. С. 205-208.
2. Смирнова А.Ю. Двухкомпонентная модель субъективной незащищенности в сфере труда в зарубежных исследованиях:

- психологическое содержание и диагностика феномена. – Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика, 2015, № 4, 99-106.
3. *Смирнова А.Ю.* Ольденбургский опросник профессионального выгорания: диагностика изменения психического состояния субъекта труда по континууму: увлеченность работой – профессиональное выгорание // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2017. №2.
 4. *Demerouti E., Nachreiner F., Bakker A.B., Schaufeli W.B.* The job demands-resources model of burnout. *Journal of Applied Psychology*, 2001, vol. 86, no. 3, pp. 499–512.
 5. *Maslach C., Leiter M.P.* Understanding the burnout experience: recent research and its implications for psychiatry // *World Psychiatry*. 2016. Vol. 15. № 2. P. 103–111. DOI:10.1002/wps.20311

Особенности оценки личности собственных и групповых ценностно-смысловых установок

Гумницкий М.Е., Гумницкая А.С.
Челябинск, Россия
gumm@mail.ru, ledi-ann87@rambler.ru

Проектная деятельность административных и педагогических команд является важным источником, обеспечивающим внедрение инноваций в деятельность образовательных организаций. В свою очередь, любая инновация приводит к значительным положительным изменениям в результатах деятельности организации, а также несет изменение ценностей и принципов работы в организации в целом и трудовом коллективе, в частности [2]. Успешность подобной инновационной деятельности зависит от эффективности работы проектной команды. Возникает вопрос о том, каковы особенности ценностно-смысловых установок личности, активно включающейся в проектную деятельность образовательной организации, а также каково ее представление о ценностно-смысловых установках той проектной

группы, в которой она работает (ценностно-смысловые установки группового субъекта) [1].

Для диагностики ценностно-смысловых установок, а также типа активности (адаптивного и неадаптивного) использована методика «Выбор пословиц» Н.В. Маркиной [3]. Методика представляет собой перечень пословиц и поговорок, несущих в себе разные ценностно-смысловые установки, характерные для деятельности личности. В результате диагностики выявляются предпочтения разных ценностно-смысловых установок (ценность времени, труда, дружбы, учебы, осторожного поведения, смелого и поискового поведения, а также ценность рискованного поведения) в поведении личности. Сами же ценностно-смысловые установки объединяются в итоге в два типа активности: адаптивный и неадаптивный.

В исследовании приняли участие 39 человек – представителей образовательных организаций, активно включавшихся в деятельность муниципальных проектных групп. Среди них 17 учителей, 17 директоров и заместителей директоров образовательных организаций, 5 представителей комитета образования и муниципальных методических служб. Психологическая диагностика проходила после защиты группами разработанных проектов для образовательных организаций муниципальных районов. При этом участникам предлагалось сперва выполнить методику для диагностики особенностей своих ценностно-смысловых установок (выбрать высказывания, характерные для деятельности самого участника), после чего – выбрать пословицы, которые в наибольшей степени характерны для деятельности той проектной группы, членом которой он являлся.

Проведено сравнение частот выборов ответов, несущих в себе различные ценностно-смысловые установки и типы активности, по отношению к своему поведению и поведению проектной группы в целом с помощью критерия χ^2 -Пирсона. Значимых различий между частотами выборов типов активности, ценностно-смысловых установок личности и ее представлениями о типах активности и ценностно-смысловых установках проектной группы, в которой она работала на момент защиты разработанного проекта, выявлено не было. Можно сделать ряд предположений о причинах отсутствия данных различий частотных распределений: 1) участникам

исследования сложно дифференцировать личные ценностно-смысловые установки и типы активности от групповых, поэтому их оценки самих себя значимо влияют на представления о группе; 2) оценки ценностно-смысловых установок и типов активности личности и группы близки в силу того, что в ходе работы участник в большей степени ассоциирует себя с группой, давая ответы с позиции участника данной группы. Таким образом, можно предположить, что в результате совместной проектной деятельности ценностно-смысловые установки и типы активности личности и группы приобретают общие характеристики.

В дальнейшем проведен более детальный анализ различий в оценке собственных и групповых ценностно-смысловых установок и типов активности по *T*-критерию Вилкоксона и *G*-критерию знаков во всей группе испытуемых и в двух группах в зависимости от уровня должности (руководители, педагогические).

По *T*-критерию Вилкоксона выявлены значимые различия в изменении оценки ценности рискованного поведения ($p < 0,05$). Средняя оценка личной ценностно-смысловой установки рискованного поведения равна 0,41, а групповой – 0,74. Следовательно, чаще всего при работе в группе участники в большей степени открыты новому и проявляют большую готовность к задачам с неизвестным, непредрежденным исходом, чем при индивидуальной деятельности.

При сравнении исследуемых показателей испытуемых в зависимости от уровня должности по *G*-критерию знаков выявлены значимые различия по ценности осторожного поведения для руководителей ($p < 0,05$). Руководители менее склонны проявлять осторожность при групповой деятельности (1,68), по сравнению со своей индивидуальной (2,13) деятельностью.

Исходя из полученных результатов исследования, можно сделать вывод, что участники проектной группы на этапе защиты разработанных проектов воспринимают ценностно-смысловые установки и типы активности группы близко к своим собственным. Это может указывать на сработанность, сплоченность группы. Участвуя в групповой проектной деятельности члены группы более готовы к решению новых задач и менее склонны проявлять осторожность. Групповая деятельность выступает ресурсом для ее

участников, делая их более открытыми новому опыту. При это требуется более глубокое исследование особенностей оценки собственных и групповых ценностно-смысловых установок.

Литература

1. *Гайдар К.М.* Связь субъектных свойств группы при принятии и исполнении совместных решений с типами групповой субъектности / К.М. Гайдар, В.Э. Третьякова // Пензенский психологический вестник. – 2019. – № 1(12). – С. 3-15.
2. *Гумницкая А.С.* Критерии отнесения деятельности организации к инновационной: междисциплинарный подход / А.С. Гумницкая // Методист. – 2023. – № 6. – С. 5-8.
3. *Маркина Н.В.* Методика диагностики адаптивности и активной неадаптивности // Социальная психология творчества. – 2007. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2007. С. 153-163.

Особенности профессионального самоопределения студентов на разных этапах обучения в колледже

Гуреева А.О., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nastiagureeva@mail.ru, social2003@mail.ru

Профессиональное самоопределение – сложный психологический феномен, являющийся важным компонентом профессионального становления личности. Также это часть личностного самоопределения, приобретающая особую актуальность в процессе профессионального обучения. Профессиональное самоопределение студента включает систему личностных представлений о себе как о будущем профессионале в выбранной сфере, а также содержит учебно-профессиональные цели и пути их реализации. В процессе обучения в колледже происходит формирование профессиональных намерений и психологических новообразований у обучающихся [3; 4; 5; 6].

Исследователи выделяют следующие этапы профессионального самоопределения: 1) подготовительный (учащиеся школ, выпускники), в процессе которого формируются представления о различных специальностях, определяются профессиональные интересы, желания и профессиональные качества; 2) период адаптации (1 курс) – освоение социальной роли студента, адаптация к новому учебному процессу, преподавателям, группе сокурсников; 3) погружение в специальность (2-3 курсы) – происходит в условиях практико-ориентированной деятельности; 4) становление специалиста (4 курс) – осознание себя субъектом общественно значимой трудовой деятельности; 5) адаптация на производстве (выпускники) – заключительный этап формирования профессионального самоопределения [1]. На разных этапах обучения в колледже увеличивается степень интеграции компонентов профессионального самоопределения, уменьшается значимость сферы образования и увеличивается значимость профессиональной сферы личности, постепенно повышаются внутренние мотивы и осознанность профессионально-жизненных планов [2].

В нашем исследовании приняли участие 127 студентов колледжа. Использовались: методика «Профессиональная готовность» А.П. Чернявской, тест учебно-профессиональной мотивации студентов колледжа Г.В. Резапкиной, методика исследования профессиональной идентичности (МИПИ) Л.Б. Шнейдер.

С помощью таблиц сопряженности выявлено (критерий Пирсона $\chi^2 = 11,425$, $p = 0,048$), что статус диффузной идентичности (методика МИПИ) наиболее часто встречается у первокурсников, находящихся на этапе адаптации к обучению в колледже, а также у третькурсников, возможно, переживающих «кризис третьего курса», обнаруженный ранее исследователями у студентов вузов [4; 6]. Достигнутая позитивная идентичность свойственна преимущественно первокурсникам, что, на наш взгляд, соотносится с их ощущением завершения профессионального выбора. На втором курсе наблюдается наибольшее количество студентов со статусом идентичности «мораторий», а псевдопозитивная идентичность реже всего встречается у студентов 4 курса.

По критерию «автономности» (методика А.П. Чернявской) наибольшие значения были получены у второкурсников, что

показывает их инициативность в овладении навыками профессиональной деятельности (критерий Краскала Уоллиса, $p = 0,036$).

Ощущение достаточной информированности в профессиональной сфере наиболее свойственно студентам первого и третьего курсов ($p = 0,027$). По-видимому, у первокурсников данный результат можно объяснить выраженным эмоциональным отношением к профессии при недостаточной реальной осведомленности о ее особенностях, а у третьекурсников – более взвешенным, рациональным восприятием реальности.

Выявлен более высокий уровень субъективной готовности к планированию у студентов 2 и 3 курсов, по сравнению с первокурсниками и четверокурсниками. Если начинающие студенты ощущают неготовность к планированию будущего из-за недостатка знаний и умений, то студенты выпускного курса, располагая гораздо большими ресурсами, по-видимому, реалистично воспринимают сложность профессионального мира и потому не спешат выбирать в нем конкретные цели и пути их достижения.

Согласно результатам диагностики по методике Г.В. Резапкиной, мотивация достижений в учебе выше на двух младших курсах, по сравнению со старшими (критерий Мана-Уитни, $p = 0,049$). Также у них больше выражена интернальность в структуре мотивации учения ($p = 0,011$). Преимущественно внешняя мотивация учебно-профессиональной деятельности у студентов младших курсов становится менее значимой, а внутренняя повышается у студентов старших курсов ($p = 0,048$).

Свойственная адаптационному периоду, переживаемому первокурсниками, высокая тревожность относительно учебно-профессиональной деятельности снижается на 2-3 курсах, но возрастает у четверокурсников, готовящихся к завершению обучения (критерий Краскала-Уоллиса, $p = 0,03$).

Таким образом, на каждом этапе обучения в колледже у студентов существуют особенности профессионального самоопределения, характеризующие переход от преимущественно эмоционального восприятия учебно-профессиональной деятельности к более глубокому пониманию своего профессионального развития.

Литература

1. *Бабанова И.А.* Моделирование профессионального самоопределения студентов технического профиля в учреждениях среднего профессионального образования // Научные исследования в образовании. 2011. №2.
2. *Богданова В.В., Краснова И.В.* Профессиональное самоопределение студентов колледжа в условиях социальных преобразований // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания: сборник статей (с международным участием). – М.: Изд. «Перо», 2021. – С. 6-13.
3. *Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б.* Взаимосвязь мотивации учения и профессиональной идентичности у студентов колледжа // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. – 637 с. С. 169-172.
4. *Исаев Е.И., Слободчиков В.И.* Психология образования человека: Становление субъектности в образовательных процессах: Учебное пособие – М.: Изд-во ПСТГУ, 2013. – 432 с.
5. *Павлов А.В., Крушельницкая О.Б.* Особенности профессиональной идентичности студентов колледжа при разных типах учебно-практической подготовки / А.В. Павлов, О.Б. Крушельницкая // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2022 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022 – С. 330-334.
6. *Родыгина У.С.* Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12. № 4. С. 39-51.

Жизнеспособность и ресурсы семьи: оценка кризиса (внешний и внутренний контексты)

*Дамьянович С.
ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия
stefdamnjanovic@gmail.com*

В настоящее время для социальной психологии как науки в соответствии с практическим запросом общества актуальным является исследование факторов жизнеспособности, ресурсов и потенциала человека.

Периоды социальных кризисов оказывают дезинтегрирующее воздействие на семьи, при этом они справляются с рядом проблем в зависимости от имеющихся внутренних и внешних ресурсов. Одним из ресурсов, помогающих в кризисных ситуациях, является правильная оценка кризиса семьей. Кризисная оценка – решающий процесс жизнеспособности семьи, определяющий способ и степень участия семьи в решении задач, вызванных этим кризисом. Разные семьи по-разному воспринимают одни и те же причины стрессовых событий. Одна и та же причина стресса может быть для кого-то несущественной, для другого положительной и легкопреодолимой, а для кого-то она может быть трагической и угрожающей. Известно, что у разных народов и культур религиозные оценки кризисов существенно различаются. В каких-то культурах в ситуации кризиса семьи принято оглядываться на судьбу, карму, невезение, в каких-то важно полагаться на волю Бога, в каких-то принимать как наказание за грехи и неправильное поведение [6].

Французский антрополог Л. Леви-Брюль полагал, что людям различных этнических общностей свойствен специфический тип мышления. Он утверждал, что над мышлением отдельных людей довлеют коллективистские представления, отражающиеся в обычаях, обрядах, языке, культуре, социальных институтах и т.д. [1]. Неудачный опыт в прошлом может привести к тому, что одно и то же событие будет восприниматься более трагично, чем оно есть на самом деле, но также и многое другое. Эта концепция учитывает каждую из этих возможностей и на основе этого инициирует определенное поведение и вмешательство [4].

Нельзя не упомянуть базовую теорию семейного стресса – модель ABC-X. Рубен Хилл разработал модель семейного стресса ABC-X (буква С в модели относится к оценке стрессового события в семье), которая до сих пор используется в качестве базовой теории стресса. Отмечая, что стрессовые события могут привести или не привести к кризису, Р. Хилл предположил, что семьи могут смягчить негативное воздействие стрессоров на семейное благополучие и функционировать с надлежащими доступными ресурсами и особенностями определения ситуации [7].

Внешний контекст события-стрессора или ситуации состоит из шести показателей: исторического, экономического, контекста развития, конституционального, религиозного и культурального [2; 5]. Внутренний контекст семьи, находящейся в стрессе, имеет три составляющие: социологическую, психологическую и философскую. Показатели внешнего семейного контекста тесно связаны и влияют на внутренний контекст семьи, но в той мере, в какой внутренние контексты хорошо развиты, внешние будут оказывать на них меньшее влияние.

Перечислим некоторые из внешних контекстов кризисов семьи.

- 1) Р. Конгер с коллегами сравнили супружеские пары, живущие в трудных экономических условиях (экономический стресс) с экономически и материально благополучными парами. В обеих группах они измеряли оценки семейных конфликтов, определяемые как критика, скандалы и семейные переживания, негативная оценка супружеских отношений и мысли о разводе. Они обнаружили, что пары, у которых более сильные навыки совместного решения проблем, независимо от того, находятся ли они в состоянии экономического стресса или нет, более эффективно реагируют на семейные конфликты, что, в свою очередь, снижает вероятность семейных дистрессов, так как пары позитивно оценивают супружеские отношения и не задумываются о разводе [3].
- 2) Религиозный контекст также влияет на то, как семья воспринимает событие. В данном контексте важным показателем будет то, на кого семья возлагает ответственность за произошедший кризис: на себя, на высшие силы и т.д. Религиозный контекст связан и с особенностями ощущения

контроля над происходящими в семье ситуациями [2]. Религиозная, культурная и семейная история могут быть прекрасными примерами того, как семья преодолевает определенный стресс и продолжает свое существование.

- 3) Контекст развития хорошо просматривается в следующем случае. Школа отказывается сотрудничать с семьей, а ребенок находится в группе высокого риска из-за плохой успеваемости. От внутреннего контекста зависит, будет ли семья смотреть на успехи ребенка как на школьную проблему, перекладывая тем самым всю ответственность на школу, или же они увидят и свою собственную ответственность за то, что у ребенка наблюдаются определенные проблемы в учебе.
- 4) Конституциональный контекст подразумевает искусство смириться с тем, что можно принять и что невозможно изменить. В ситуации кризиса очень важен баланс между способностью преодолеть кризис или принять его. Обращение за помощью во время кризиса в семье может быть признаком понимания своих личных возможностей и ограничений в решении проблемы.

Таким образом, важно понимать все многообразие внешних и внутренних ресурсов семьи, которые у нее имеются в преодолении социально-экономических потрясения и кризисов.

Литература

1. *Верстин И.С.* Проблема первобытного мышления в концепции Л. Леви-Брюля // Вестник университета. 2013. № 11. С. 205-212.
2. *Махнач А.В., Постылякова Ю.В.* Жизнеспособность семьи: психологические ресурсы как защитный фактор семьи // Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. АЛ Журавлев, ЕА Сергиенко. М., 2012. С. 529-550.
3. *Conger R.D., Rueter M.A., Elder J.G.H.* Couple resilience to economic pressure // Journal of personality and social psychology. 1999. Vol. 76. №. 1. P. 54.

4. *Colombo D. et al.* Affect recall bias: Being resilient by distorting reality // *Cognitive Therapy and Research*. 2020. Vol.44. P. 906-918.
5. *Daffin L., Lane C.* Principles of social psychology. 2021.
6. *Ejremova G.I., Nesterova A.A., Suslova T.F., Pavlova O.E.* Constructivist Approach to the Problem of Social Psychological Adaptation of Migrants // *Asian Social Science*. 2015. Vol. 1, 112-118.
7. *Hill R.* Generic features of families under stress // *Social casework*. 1958. Vol. 39. №. 2-3. P. 139-150.

Семья как ресурс адаптации пятиклассников к обучению в школе

Даниленко О.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

olgapositive@yandex.ru

Семьи учащихся являются очень важной частью учебно-воспитательного процесса. Явно или скрыто семья ученика всегда участвует в реакции на все события его школьной жизни. В случае конструктивного взаимодействия семьи и школы повышаются ресурсы обучения, развития и адаптации ребенка. Любой конфликт семьи и школы негативно отражается на ребенке [3].

Центром оценки качества образования ИСРО РАО было проведено мониторинговое исследование с целью получить информацию о различных сторонах готовности пятиклассников к обучению в основной школе, а также о факторах, связанных с учащимися, учебным процессом, семьями учащихся, которые могут позволить сформировать комплексную оценку готовности учащихся к обучению в основной школе и разработать рекомендации по определению индивидуальных траекторий обучения учащихся и оказанию необходимой помощи учащимся, их родителям и учителям.

Для определения готовности и адаптации учащихся к обучению в основной школе использовался комплексный адаптационный ресурсный подход, который основан на оценке адаптационного ресурсного потенциала ребенка (наличие ресурсов адаптации и рисков

дезадаптации) [1; 2; 4]. В проекте предлагался комплексный диагностический материал и технологии. Исследуемые объекты рассматривались одновременно с позиций большинства участников образовательного процесса: детей (через анализ продуктивной деятельности ребенка – результатов выполнения диагностических работ и анкетирования), учителей (через восприятие его взаимодействия с ребенком в школе) и родителей (через их восприятие проявления реакций адаптации ребенка в домашней обстановке).

Рассмотрим один из аспектов адаптационного процесса в момент перехода ребенка в среднюю школу, названный нами «Семья как ресурс адаптации учащегося». Это – группа показателей, описывающих, насколько семья помогает снизить «затратность» для ребенка процесса адаптации к обучению в основной школе, готовность родителей помогать ребенку на новой ступени обучения и сотрудничать со школой. В данную группу входят следующие показатели: «Условия для обучения дома. Образовательные ресурсы дома», «Нагрузки ребенка», «Установки родителей по отношению к школьному обучению» и «Климат в семье».

Данное исследование позволило оценить установки более 35 тысяч пятиклассников и их семей по отношению к обучению в основной школе, изучить социально-педагогический фон, характеризующий особенности начала обучения в основной школе.

Сумма показателей «Семья как ресурс адаптации» отражает интегральную оценку стратегий родительского поведения по отношению к школьным делам ребенка. В этой оценке суммируются данные, связанные с оценкой готовности родителей помогать ребенку на новом этапе школьной жизни, готовность сотрудничать со школой. В ней отражаются социальные установки родителей и материальное обеспечение учебной деятельности ребенка. Полученные данные могут стать опорой учителям для организации эффективного взаимодействия с семьями своих учеников по оказанию поддержки каждому ребенку.

Анализ результатов исследования показывает, что для большинства семей при переходе в среднюю школу учебные успехи ребенка являются ценностью. Родители готовы вкладывать усилия в

обучение ребенка. При этом на деле не у всех это получается эффективно.

Большинство семей склоняется к гиперсоциальной модели воспитания, 25% семей настраивают детей на получение отличных отметок. Это можно рассматривать как формирование установки на перфекционизм и тревожной фиксации на достижении успеха, в противовес развитию социальных навыков, учебного интереса и принятию своей индивидуальности.

Большинство родителей (78%) требуют обязательного выполнения всех уроков, если ребенок не успевает что-либо выполнить, то он будет сидеть за уроками допоздна или доделывать утром перед выходом в школу. 77% родителей считают, что сложные программы сегодняшней школы требуют постоянной помощи ребенку, 86% проверяют выполнение заданий ежедневно. Более половины родителей (55%) согласны с тем, что бывают такие сложные задания, что родителям приходится выполнять их за ребенка.

И, хотя 79% родителей понимают, что при переходе в основную школу ребенку нужно предоставлять больше самостоятельности, на практике родители основную ответственность присваивают себе и не спешат формировать ее у ребенка: 81% родителей считают, что в основной школе их ответственность не уменьшается, 90% считают, что родители несут ответственность за опоздания детей в школу.

Позитивными аспектами семейной поддержки является наличие в большинстве семей достаточных учебных ресурсов дома (рабочее место, планшет или компьютер, доступ к интернету).

Для современных родителей оказывается самым сложным организовать эффективный режим своего ребенка. Более половины опрошенных родителей сообщили, что стараются выполнять режим, но у них это часто не получается. Соблюдение режима дня требует от взрослых членов семьи большой самодисциплины и, прежде чем режим заработает, необходимо потратить время и усилия на его воплощение в жизнь. Часто для этого родителям самим нужно оторваться от компьютера, приглушить, а лучше – выключить телевизор. Младший подростковый возраст – это рубеж, на котором еще возможно сформировать навык организации режима, в более старшем возрасте это сделать очень трудно, а отсутствие привычки к упорядоченности своей жизнедеятельности повышает риск вхождения

во многие проблемные формы организации жизни: позднее сидение в интернете, игры в телефоне или на компьютере и т.д.

Уже в пятом классе 24% семей указывают, что дети проводят за компьютером или планшетом до 2 часов в день, а 10% – более 3 часов; 10% родителей не ограничивают просмотр телевизора.

Проблема организации жизни ребенка оказывается также в том, что значительная часть пятиклассников очень мало гуляют в будние дни (9% детей в будни не гуляют вообще), а 40% учащихся совсем или почти совсем лишены двигательной активности за пределами школы. Обращают на себя внимание данные о том, что 36% детей не вовлечены в занятия творческих кружков и студий.

Уже в начале обучения в пятом классе около 37 % детей, так или иначе работают дополнительно с помощью репетиторов, и семья идет на эти затраты денег и времени, желая повысить шансы ребенка на успех.

Полученные данные не только говорят о скрытых перегрузках детей (совсем не всегда репетитор помогает делать домашнее задание, часто репетитор или педагог в учебном центре дает предмет по другой программе и другому учебнику, что создает для ребенка дополнительные затруднения), но и обозначают важные социальные проблемы. У многих родителей нет доверия к системе образования, они боятся, что чему-то недоучат, стремятся сразу подстраховаться, обеспечить дополнительные занятия.

Многие родители считают, что, перейдя в пятый класс, ребенок должен сосредоточиться на учебе, другие виды деятельности будут его отвлекать. Особенно часто такое отношение у родителей, у которых дети испытывают затруднения в учебе. Однако для детей двигательные занятия чаще всего являются позитивным фактором развития, позволяющим выплеснуть накопившееся напряжение, скорректировать неусидчивость,

У родителей большие амбиции в плане успехов детей, что в значительной степени формирует проблемы с тревожностью, снижением самооценки и доверия у детей: 24% родителей, по словам детей, часто сильно заняты и недоступны для контакта, 34% не помогают детям при выполнении заданий, 33% не обсуждают с ребенком прочитанные книги, просмотренные телепередачи и фильмы, а 47% учащихся сообщили, что им трудно получать такие оценки, которых ждут родители. Треть пятиклассников (34%) не

разговаривают с родителями «по душам», не обсуждают с ними свои личные проблемы, 31% детей не рассказывают о том, что делали с друзьями, 16% не рассказывает о школе, а 16% указывают на то, что родители не всегда знают, где они находятся и что делают.

С точки зрения формирования личности ребенка, его собственной ответственности и самостоятельности, важно последовательно, подстраховывая, передавать ему ответственность. Роль родителя не уменьшается, а изменяется. Но передача ответственности – не простой путь: ребенок, привыкший, что все за него решают и организуют, не спешит брать ответственность, он привык к существующему положению. Такая позиция искажает становление личности детей, но родителей тоже она устраивает, так как позволяет снижать собственную тревогу за счет повышенного контроля.

Помочь может специальная работа с родителями, предоставление информации об особенностях развития подростков, формирование доверия к учителям, обучение навыкам формирования самостоятельности у ребенка. Без этого ситуация может тормозить развитие метапредметных навыков у ребенка и в дальнейшем либо приводить к формированию пассивной, безынициативной позиции, либо, напротив, к выраженным протестным реакциям.

Необходимо совершенствовать систему работы школы с семьей, подстраиваясь под запросы родителей, в то же время формировать ее правовую базу, чтобы повысить ответственность родителей за участие в учебной жизни ребенка.

Литература

1. *Даниленко О.В.* Использование метода проблемно-деловой игры при разработке программы обеспечения психологической безопасности школы // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. С. 133-135.
2. *Даниленко О.В.* Опыт ведения онлайн группы для подростков из трудной жизненной ситуации в условиях самоизоляции // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической

- конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. С. 173-174.
3. *Даниленко О.В.* Экспресс-диагностика эмоционального отношения учащихся 5 класса к разным сторонам своего актуального функционирования в школьной и внешкольной жизни // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 246-251.
 4. *Ермакова И.В., Даниленко О.В.* Цена адаптации и как ее снизить // Народное образование. - 2009. - № 4. - С. 248-256.

О мотивах дружбы у людей с разным социальным и культурным опытом

Даниленко О.И., Шуст Ю.В.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
danilenko.olga@gmail.com, lafayette2300@outlook.com

Дружба как вид межличностных отношений всегда была и остается предметом размышлений философов, однако в последние десятилетия разные аспекты дружбы все чаще оказываются в сфере внимания специалистов в областях как гуманитарного, так и естественнонаучного знания. Получено множество данных о значимости дружеских связей для психологического благополучия и физического здоровья человека, с одной стороны, и дефиците дружеских отношений, которые переживают многие люди, с другой стороны. Это обстоятельство вызывает озабоченность психологов. О важности и, в то же время, недостатке горизонтальных связей как фактора стабилизации и развития общества пишут социологи. Причины, препятствующие установлению и поддержанию дружеских связей, имеют разные истоки – общекультурные, социальные, психологические. Среди факторов, которые оказывают влияние на обретение, развитие и сохранение дружеских отношений, отметим высокую мобильность населения. Можно предполагать, что у людей с разным культурным опытом отличаются и экспектации в отношении

дружбы и реализуемые в процессе общения модели поведения. Но всегда ли это так? Существующие аргументы в пользу «природы человека», наличия универсальных человеческих потребностей и общечеловеческих ценностей, которые сформулированы в трудах философов, антропологов и психологов, позволяют предполагать сходство в мотивах, побуждающих людей завязывать и поддерживать дружеские связи. Проверке этого предположения посвящена данная работа.

Наше исследование стало возможным благодаря разрешению, полученному от М. Апостола, автора ряда статей, посвященных разным аспектам дружеских отношений, использовать его опросник о том, что побуждает людей к дружбе. Пункты опросника и итоги исследования представлены в статье [1]. Его участниками стали более тысячи человек, живущих в Греции и Республике Кипр, носители греческого языка, от 18 лет, примерно поровну мужчин и женщины. Опросник включает 41 пункт, в которых сформулированы причины завязывать дружбу. Степень согласия выражается оценкой по 5-балльной шкале Лайкерта. Процедура факторного анализа позволила Апостола и его коллегам обнаружить пять оснований для дружбы, которые имеют разную значимость для выборки. Факторы получили названия: Support (Поддержка), Mating (Поиск романтических отношений), Desirable traits (Желательные качества [друга]), Socializing (Социализация), Career (Карьера). В дальнейшем мы будем использовать для обозначения факторов, выделенных Апостола, названия на английской языке, чтоб отличать от названий факторов, полученных нами.

В нашем опроснике воспроизведены те же пункты; перевод осуществлен в соответствии с правилами при участии профессионального переводчика с психологическим образованием. Выборка составила 101 человека от 19 до 45 лет, среди которых 73% женщины и 23,7% мужчины, в основном студенты и преподаватели Санкт-Петербургского университета. Опрос проводился посредством google-формы и бланков.

Полученные данные обработаны посредством факторного анализа (метод главных компонент). В качестве оптимальной по принципу качественной интерпретации факторов выбрана шестифакторная модель. Процент объясненной дисперсии первого фактора 11,60%,

второго – 11,35%, третьего – 10,95%, четвертого – 9,12%, пятого – 8,56 %, шестого – 6,42%. Всего факторная модель объясняет 57,99% дисперсии.

Хотя в нашей модели число факторов отличается от модели, полученной в исследовании Апостолоу с коллегами, содержательный анализ факторов выявил весьма значительное сходство в их наполнении. Третий (Желаемые черты), четвертый (Поддержка) и пятый (Поиск романтических отношений) факторы нашей модели включают только те пункты, которые содержатся в факторах Апостолоу Desirable traits, Support и Mating. Первый фактор (Социализация) нашей модели почти полностью совпадает по составу с фактором Socializing. Второй фактор (Поиск романтических отношений-Карьера) почти поровну включает пункты из факторов Mating и Career; шестой (Социализация-Поддержка) – пункты из факторов Socializing и Support.

В исследовании, осуществленном М. Апостолоу с коллегами, проведено сравнение значимости причин, побуждающих к дружбе; на основании данных, полученных для каждого фактора, выстроен их рейтинг. Аналогичная процедура проделана нами. Это позволило определить относительную значимость причин, побуждающих к дружбе, в обеих выборках.

Обнаружено, что и в греческой, и в российской выборках наиболее значимы причины дружбы, входящие в фактор Desirable traits (Желательные качества), среди которых общность интересов, сходство взглядов, нравственные принципы, чувство юмора, позитивные черты характера и др. Второе и третье места занимают причины, входящие в фактор Поддержка («чтоб было на кого положиться в трудную минуту»; «чтоб было, с кем поделиться радостями и печалью»; «чтоб было с кем обсудить мои проблемы» и др.) и Социализация («из-за потребности в контакте с другими людьми»; «из-за потребности в принятии»; «чтобы не чувствовать себя одиноким» и пр.). Существенно менее важными оказываются в обеих группах причины дружбы, входящие в факторы Карьера («чтоб помочь мне продвинуться по карьерной лестнице»; «чтоб лучше сотрудничать в рабочей среде» и др.) и Поиск романтических отношений («чтоб сблизиться с его/ее другом, интересующим меня в романтическом плане», «чтоб был кто-то со мной, когда я ищу партнера» и др.).

Полученные нами результаты свидетельствуют в пользу предположения о сходстве мотивов дружбы у людей, принадлежащих к разным культурным и социальным группам.

Литература

1. *Apostolou M, Keramari D, Kagialis A, Sullman M. Why people make Friends: The nature of friendship // Pers Relationship. 2020; 1-15.*

Взаимосвязь использования цифровых устройств старшими дошкольниками с их социометрическим статусом в группе

*Денисенкова Н.С., Колоскова О.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
koloskoviov@mail.ru, nataliya-denisenkova@yandex.ru*

В научном сообществе растет интерес к цифровой социализации и влиянию цифровых технологий на детство. Проблема последствий влияния использования цифровых устройств на развитие детей остается ключевой в психологических исследованиях. Современные исследования указывают на изменения в социальном взаимодействии и когнитивных характеристиках детей из-за цифровой трансформации. (Г.У. Солдатова, 2017; Л.Ф. Обухова, С.Б. Ткаченко, 2008; О.В. Смирнова и др., 2018; Trick и соавт., 2005; Fikkers и др., 2019; Д.И. Фельдштейн, Б.Д. Эльконин, К.Н. Поливанова) [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Однако вместе с пользой цифровых технологий возникают и новые риски, особенно в контексте разрыва цифровой компетентности между детьми и родителями. Учитывая это, необходимо интегрировать изучение влияния цифровых технологий в педагогические стратегии и методики воспитания.

Целью исследования выступает выявление взаимосвязи между использованием цифровых устройств и социометрическим статусом детей в группе детского сада. Мы предположили, что существует взаимосвязь использования цифровых устройств старшими

дошкольниками с их социометрическим статусом, а также что существует взаимосвязь социометрического статуса старших дошкольников и стратегий родительского посредничества детской медиаактивности.

С целью подтверждения выдвинутых гипотез нами были использованы социометрическая методика «Два домика» [1], «Регламент использования гаджетов» [1], «Цели использования ребенком гаджетов» [1], «Умения ребенка использовать гаджет» [1], а также адаптированный опросник родительского посредничества детской медиаактивности» [11].

В исследовании приняли участие 35 старших дошкольников и 35 родителей. В выборке представлено 15 девочек и 20 мальчиков.

По результатам корреляционного анализа не было выявлено статистически достоверных связей социометрического статуса с стратегией родительского посредничества детской медиаактивности «Совместное использование» ($p = 0,976$).

Было установлено, что количество времени использования гаджетов обратно связано с количеством положительных выборов дошкольника ($r = -0,436$; $p = 0,009$) и общим социометрическим статусом ($r = -0,450$; $p = 0,007$). На уровне тенденции выявлена прямая связь с количеством отрицательных выборов ($r = 0,289$; $p = 0,092$). Следовательно, чем больше времени ребенок проводит за использованием цифровых устройств, тем меньшим социометрическим статусом он обладает.

Была установлена прямая взаимосвязь между ограничительной стратегией родительского посредничества детской медиаактивности и количеством положительных выборов ($r = 0,325$; $p = 0,057$), а также общим показателем социометрического статуса ($r = 0,343$; $p = 0,043$). Соответственно, чем больше родители ограничивают время и содержание использования цифровых устройств ребенком, тем большим социометрическим статусом ребенок обладает внутри своей группы.

Также была установлена прямая связь социометрического статуса ($r = 0,333$; $p = 0,051$) и количества положительных выборов ($r = 0,359$; $p = 0,034$) с инструктивной стратегией родительского посредничества детской медиаактивности. Следовательно, чем чаще родители инструктируют и обучают детей использованию цифровыми устройствами, тем большим социометрическим статусом обладает их

ребенок. Таким образом, время, проведенное за цифровыми устройствами, связано с низким социальным статусом у детей, тогда как ограничение времени и контента, а также инструкции от родителей, связаны с повышением социального статуса в группе.

Литература

1. *Борцова М.В., Некрасов С.Д.* Ребенок и гаджеты: практикум. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020.
2. *Борягина А.Г.* Дошкольник в эпоху цифровизации // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. 2023. № 01 (78).
3. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. М.: Педагогика, 1983.
4. *Детская практическая психология: Учебник/ под ред.проф. Т.Д. Марцинковской.*-М.: Гардарики, 2000.
5. *Поливанова К.Н.* Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. – 2016. – Т. 5. – №2. – С. 5–10.
6. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 71–80.
7. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
8. *Трофимова Е.И.* Влияние цифровизации на развитие личности современных детей / Е. И. Трофимова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 34 (376). – С. 170-172.
9. *Фельдштейн Д.И.* Современное Детство: проблемы и пути их решения // Вестник практической психологии образования. – №2(19), 2009. – С. 28–32.
10. *Эльконин Б.Д.* Кризис детства и основания проектирования форм детского развития [Электронный ресурс] // Вопросы психологии. – 1992. – №3. – С. 7–13.
11. *Elias N., Lemish D., Nimrod, G.* Factors Explaining Grandparental Mediation of Childrens Media Use in Two National Contexts. *Television & New Media*, 2020.

Связь детско-родительских отношений с параметрами медиаактивности старших дошкольников

Денисенкова Н.С., Прокушева М.И.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nataliya-denisenkova@yandex.ru, pavlowam@gmail.com

Становление личности ребенка неразрывно связано с характером его взаимоотношений с родителями. Именно взрослый является посредником культурных норм и правил поведения того общества, в котором он находится [2].

Каждая историческая эпоха содержит новые вызовы и возможности. Сегодня это появление цифровых технологий, которые становятся значимым инструментом социализации детей [7]. Их влияние на ребенка активно изучается, однако до сих пор нет однозначной положительной или отрицательной оценки. В современной семье электронные гаджеты становятся посредником в отношениях между родителями и детьми, что вызывает научный интерес [3].

В связи с этим целью нашего исследования стало изучение взаимосвязи характеристик детско-родительских отношений и параметров детской медиаактивности.

Общая гипотеза нашего исследования: существует взаимосвязь между различными характеристиками детско-родительских отношений и использованием гаджетов старшими дошкольниками.

Для выполнения цели эмпирического исследования нами были использованы следующие методики.

- Для диагностики детско-родительских отношений: опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия («ОДРЭВ») Е.И. Захаровой [4]; опросник «Взаимодействие родителя и ребенка» («ВРР») И.М. Марковской [5]; опросник для диагностики позиции родителей относительно психического развития детей дошкольного возраста Е.Л. Пороцкой, В.Ф. Спиридонова [6].
- Для изучения детской медиаактивности: опросник «Ребенок и гаджеты» М.В. Борцовой, С.Д. Некрасова [1]; опросник родительского посредничества детской медиа-активности Г.

Нимрод, Д. Лемиш, Н. Элиас, адаптированный на российской выборке Н.С. Денисенковой, П.И. Тарунтаевым, В.В. Федоровым [3].

Обработка данных проводилась при помощи программного обеспечения Jamovi версии 2.3.28 с использованием непараметрического коэффициента корреляции Спирмена, *U*-критерия Манна – Уитни и критерия Краскала-Уоллиса.

Выборку составили 60 родителей в возрасте 30-50 лет детей старшего дошкольного возраста 5-7 лет. Опрос проводился в онлайн-формате при помощи распространения *googl-forms* среди детских клубов и садов г. Москвы.

Анализ полученных данных позволил нам сделать следующие выводы.

Получено подтверждение нашей общей гипотезы о существовании взаимосвязи характеристик детско-родительских отношений и использования гаджетов старшими дошкольниками.

Инструктивная стратегия имеет статистически значимые связи с параметрами: принятие себя как родителя, эмоциональная близость ребенка к родителю, сотрудничество, принятие необходимости своего активного участия в развитии ребенка, стремление к телесному контакту, умение воздействовать на состояние ребенка.

Стратегия совместного использования имеет статистически значимые связи с такими параметрами, как: принятие себя как родителя, сотрудничество, принятие необходимости своего активного участия в развитии ребенка, положительные чувства во взаимодействии с ребенком, понимание причин состояния ребенка, удовлетворенность отношениями с ребенком, положительный преобладающий эмоциональный фон взаимодействия.

В группе родителей, дети которых играют в развивающие либо образовательные игры, такие характеристики, как: способность воспринимать эмоциональное состояние ребенка, понимание причин различных эмоциональных состояний ребенка, преобладающий положительный эмоциональный фон взаимодействия, стремление к телесному контакту, умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка, эмоциональная близость, сотрудничество, активное участие в развитии ребенка – значимо выше, чем у родителей, дети которых играют в развлекательные игры.

В группе родителей, дети которых проявляют сосредоточенность во время игры, такие характеристики, как: положительные чувства, возникающие у родителя во взаимодействии с ребенком, принятие себя как родителя, преобладающий положительный эмоциональный фон взаимодействия, умение воздействовать на эмоциональное состояние ребенка, удовлетворенность отношениями с ребенком, активное участие в развитии ребенка – значимо выше, чем у родителей, дети которых не проявляют сосредоточенность во время игры. Также в семьях первой группы воспитательная конфронтация в семье значимо ниже, чем в семьях второй группы.

В группе родителей, которые считают, что гаджет полезен для просмотра мультфильмов, стремление к телесному контакту значимо ниже, чем в группе родителей, которые так не считают.

В группе родителей, которые считают, что гаджет полезен для того, чтобы быть «на ты» с компьютером, удовлетворенность отношениями с ребенком значимо выше, чем в группе родителей, которые так не считают.

Таким образом мы видим, что цифровые устройства используются в семьях как для развлечения ребенка, так и для развивающих занятий. Цели предоставления гаджетов детям, а также контроль и стратегии родительского посредничества находятся во взаимосвязи с эмоциональной стороной детско-родительских взаимоотношений. Взаимодействие на основе уважения и сотрудничества, эмоциональная близость, принятие ответственности в решении воспитательных задач способствуют внимательному подходу родителей к организации взаимодействия детей и электронных технологий. Полученные выводы можно использовать в консультационной работе психологов по вопросам детско-родительских отношений.

Литература

1. Борцова М.В., Некрасов С.Д. Ребенок и гаджеты: практикум. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020. – 30 с.
2. Выготский Л.С. Проблемы возраста // Собр.соч. т.4 – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
3. Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И., Федоров В.В. Адаптация опросника родительского посредничества детской медиа-

- активности Г. Нимрод, Д. Лемиш, Н. Элиас на российской выборке родителей старших дошкольников [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. – 2023. – Том 15. № 3. – С. 96–114. DOI: 10.17759/psyedu.2023150307
4. Захарова Е.И. Диагностика эмоциональных отношений в семье / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов. // Трудные дети / М.: Институт консультирования и системных решений. – 2018. – С. 455-459.
 5. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми: цели, задачи и основные принципы / И.М. Марковская. – СПб.: Речь, 2005. – 150 с.
 6. Пороцкая Е.Л., Спиридонов В.Ф. Выявление представлений родителей о развитии дошкольника // Вопросы психологии. – 2004. – №4. – С. 31-39.
 7. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. №3. – С. 71–80.

К вопросу индивидуальных стилей принятия решений работниками с различными формами трудовой деятельности

*Денисов А.А., Харченко М.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
al.den.msp888@gmail.com, maxquail@gmail.com*

Индивидуальные модели деятельности лидеров организаций являются отражением их уникального глобального подхода к выполнению должностных задач и акцента на внутрикомандном взаимодействии, обеспечивающем влияние на процесс принятия решений в организации. Природа этого стиля влияет на эмоциональные качества, профессиональные навыки, образование, опыт и ценности каждого сотрудника, включая выбор методов общения, интеллектуальные способности, управление временем и навыки решения проблем. Поведенческие модели могут играть положительную и отрицательную роль во многих процессах принятия

решений, от решения проблемы до выбора и реализации, а затем оценки ее эффективности [4; 5].

С одной стороны, это способствует разнообразию творческих и инновационных стилей, одновременно обогащая процесс принятия решений различными точками зрения и подходами. Это может привести к углубленному анализу проблем и поиску творческих и эффективных решений. С другой стороны, несовместимые культурные модели могут усложнить процессы принятия решений из-за конфликтов сложности, окраски методов работы и общения [1, с. 50].

Учет и адаптация индивидуальных стилей работы сотрудников в рамках организационной культуры и процессов позволяет существенно повысить эффективность командной работы. Необходимо стремиться создавать среду открытого общения и взаимопонимания среди сотрудников, а также гибкого подхода к лидерству и принятию решений, позволяющего использовать согласованные конечные модели для достижения общих целей. Это требует навыков управления человеческими ресурсами, включая способность признавать и ценить уникальный вклад каждого сотрудника, а также способность создавать продуктивную и благоприятную рабочую среду. В результате интеграция и синхронизация различных видов деятельности в процессе принятия решений становится залогом повышения общей эффективности организации и достижения ее стратегических целей.

Этот процесс является фундаментальным аспектом лидерства и играет важную роль в достижении организационных целей. Первый шаг включает выявление и анализ проблемы, что требует сбора и анализа данных. Когда рассматриваются различные подходы к решению выявленной проблемы, соблюдается иерархия альтернативных решений. Затем оцениваются альтернативные варианты с учетом ресурсов, рисков и потенциальных выгод для всех заинтересованных сторон, и выбирается наиболее подходящее решение. Выбранное решение затем реализуется посредством соответствующих действий и процессов.

Последний этап включает в себя мониторинг и оценку результатов решения для определения его эффективности и внесение корректировок при необходимости. Хотя процесс принятия решений в организации может зависеть от конкретных обстоятельств, имеющихся ресурсов и стиля управления, он основан на незыблемых

принципах, жизненно важных для управления и роста организации. Одним из ключевых факторов, определяющих этот процесс, является феномен неопределенности, который особенно важен в условиях динамично меняющейся внешней среды и постоянно меняющегося внутреннего контекста компаний [3, с. 30].

Неопределенность возникает в результате информации о возможных результатах будущих действий и вероятности их неполноты или полноты, что ставит под сомнение оценку риска и требует принятия решений на основе неполных данных. Это напрямую влияет на каждый аспект всего: от планирования изменений и оперативного управления до стимулирования инноваций и эффективной адаптации к меняющимся условиям.

В условиях неопределенности основополагающие принципы процессов принятия решений являются особенно инновационными, поскольку они предоставляют соответствующей организации методологическую основу для разработки стратегии, управления изменениями и минимизации рисков. Залогом успешного принятия решений в таких ситуациях является воображение, навыки стратегического планирования, а также умение работать с неполной информацией, используя аналитические и интуитивные методы для оценки ситуации и ее реализуемости. Таким образом, неопределенность выступает как одна из ключевых проблем в процессе принятия решений, одновременно стимулируя развитие управленческих навыков, увеличивая поиск эффективных решений и учитывая адаптивные способности организации, чтобы сделать организацию более устойчивой к ним.

Индивидуальные стили принятия решений различаются в условиях неопределенности у сотрудников организаций с разными формами трудовой деятельности, использующих широкий спектр методов и подходов, соответствующих современному контексту и требованиям своей профессиональной сферы. На эти модели влияют различные факторы, такие, как личность, опыт, уровень дохода и организационная культура [2, с. 209].

Сотрудники, работающие в средах с высоким уровнем неопределенности и динамичных ситуаций, таких, как ИТ-индустрия, маркетинг, стратегическое планирование, часто предпочитают гибкие и адаптивные стили принятия решений. Они склонны к экспериментированию, риску и творческому мышлению, что

позволяет им находить творческие решения и быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам.

С другой стороны, сотрудники организаций, чья работа требует высокой точности и доступа, например, в сфере производства, финансов или права, могут предпочитать более активный стиль принятия решений. Они стремятся тщательно проанализировать имеющуюся информацию и взвесить все возможные риски и выгоды, прежде чем принять окончательное решение.

Какими бы ни были характеристики рабочей мобильности, навыки критического мышления, гибкость – способность работать в ограниченных информационных ситуациях и способность эффективно взаимодействовать в команде имеют решающее значение для успешного принятия решений в условиях неопределенности. Компании, в свою очередь, могут способствовать повышению качества, созданию благоприятной среды, развитию навыков и роста, а также поощрению культурной открытости, когда разнообразные точки зрения и идеи принимаются как ценные источники инноваций и развития в меняющейся бизнес-среде.

Литература

1. *Демин Г.А.* Методы принятия управленческих решений: учеб. пособие. – Пермь, 2019.
2. *Вертакова Ю.В. и др.* Управленческие решения: разработка и выбор: учеб. пособие. М.: КНОРУС, 2005.
3. *Гапоненко Т.В.* Управленческие решения: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2008.
4. *Митрофанов И.С., Харченко М.А.* К вопросу исследования способов совершенствования системы рекрутинга коммерческой организации // Социальная психология: вопросы теории и практики: – Москва. 2020. – С. 386-387.
5. *Харченко М.А.* Организационная диагностика как способ построения алгоритма управления процессами организационного развития компании // Актуальные проблемы организационной психологии и профессионального образования: Сборник научных трудов. Выпуск 2. – Москва: МГППУ, 2012. – С. 52-63.

Структурная организация жизненного стиля личности с травматическим опытом

Диденко Г.А.

ФГБОУ ВО ХГПУ, Херсон, Россия

HalynaDidenkopsy@yandex.ru

Вопрос определения психологических особенностей жизненного стиля личности с травматическим опытом нуждается в очерчивании концептуальных границ последовательного изучения заявленной проблемы [1].

Относительно теоретико-методологического анализа феномена жизненного стиля, нами среди многочисленных интерпретаций выбрано его понимание как особого индивидуального способа осуществления личностью выбранного ею жизненного пути. Главными составляющими жизненного стиля личности определено: образ Я, отражающий представление человека о себе; образ мира, что раскрывается через представления личности о мире, людях, природе, то есть обо всем том, что окружает человека; взаимоотношения с окружающими людьми; актуальное эмоциональное состояние человека; ценностные ориентации личности.

Универсальность выделенных составляющих жизненного стиля приближена к научной позиции Г. Мозака и Б. Шульмана [3], однако считаем необходимым детализировать содержательные характеристики анализируемого концепта для нахождения объективных связей в формате структурно-функциональной методологии. Учитывая наличие в структуре жизненного стиля личности составляющих, считаем целесообразным подвергнуть анализу указанный феномен через призму системного подхода. Заметим, что, в соответствии с принципом системности, явление следует рассматривать с точки зрения целого как такое, которому присущи свойства, которые невозможно отделить от его фрагментов и частей. При этом под системой следует понимать комплекс таких выборочно задействованных компонентов, в которых взаимодействие и взаимоотношения приобретают характер взаимосвязи компонентов для получения сфокусированного полезного результата [2].

Анализ научной литературы позволил установить, что главными принципами системного подхода являются: признак целостности, который свойствен каждой системе, то есть ему присущи качественно новые свойства, не сводимые к свойствам суммы его частей; детерминация системообразующей функцией; информационное и энергетическое взаимодействие системы со средой; развитие, в котором находится любая система [2, с. 22]. Относительно основных требований методологии системного анализа, к ним следует отнести: «выделение системообразующего фактора и изменение линейной схемы «стимул-реакция» на представление о целевой детерминации; учет развития в его единстве с функционированием; анализ исторически детерминированной уровневой организации систем; изучение межсистемных связей или отношений» [3, с. 6].

Итак, исходя из методологии системного подхода, можем предположить, что организацию жизненного стиля личности следует рассматривать как совокупность структурно-функциональных компонентов, представляющих собой целостную систему. В нашем исследовании исходим из того, что целостная структура жизненного стиля личности представлена четырьмя компонентами, а именно: когнитивным, поведенческим, эмоциональным и ценностным. Каждый из указанных компонентов помещен в целостную структуру жизненного стиля и раскрывает указанные его составляющие.

В частности, когнитивный компонент стиля жизни представлен через раскрытие представлений личности о себе (образ Я) и мире (образ мира). Учитывая тот факт, что когнитивный компонент отношения всегда биполярный, этот компонент охватывает частоту актуализации у личности как положительных, так и отрицательных когниций о себе и мире. Отметим, что важным условием репрезентации личностью себя в обществе является конгруэнтность личностных смыслов индивидуума и требований, предъявляемых обществом. Именно наличие у личности четко сформированных представлений и знаний о себе и мире служат основой ее жизнеобеспечения и построения гармоничных отношений с собой, окружением.

Поведенческий компонент жизненного стиля является основой эффективного функционирования личности в условиях социального взаимодействия. Указанный компонент представлен особенностями

взаимоотношений с окружением и определяет особенности степени выразительности характеристик межличностных отношений.

Эмоциональный компонент жизненного стиля личности позволяет установить связь эмоционального отношения со всей системой отношений индивида. Этот компонент представлен актуальным эмоциональным состоянием личности.

Ценностный компонент жизненного стиля представлен доминирующими, лично приемлемыми ценностями личности. Ценности служат основой смысло-жизненных ориентаций личности, представляемых через жизненные цели. Последние, в свою очередь, задают вектор жизни, создают ее полноту и придают ей личностную значимость.

Под влиянием приобретенного жизненного опыта проходит аккомодация компонентов стиле-жизненных компонентов личности – их перестройка, модификация в соответствии со стремительно изменяющимися социокультурными условиями. Именно правильная интерпретация, понимание и модификация жизненного опыта ведут к формированию способности человека к смысловой саморегуляции, одной из характерных особенностей которой является расщепление понимания реальности другого и реальности в целом, с одной стороны, и понимания себя, своей собственной реальности, с другой, – «экстрапонимание» и «интрапонимание». Процесс такой жизненной навигации включает в себя: наблюдение за собой; продумывание собственной жизни, ее смысла и предназначения; стремление организовать намеченный сценарий жизни; отслеживание того, что из этого реально получается; интерпретация и осмысление опыта своей жизни и «собрание» себя снова и снова.

Таким образом, современному человеку, для того, чтобы сохранить себя, собственную идентичность, следует постоянно интерпретировать собственный жизненный опыт, трансформируя его в соответствии с изменяющимися социокультурными обстоятельствами, и отражать его в виде собственной жизненной истории или в другом дискурсивном формате. Интерпретируя и осмысливая свой жизненный опыт, личность должна не просто автоматически накладывать на него типичные культурные, семейные, социальные и другие сюжеты, а выстраивать свой собственный текст

(чаще всего нарратив), который является отражением ее личной истории, идентичности, жизненного стиля.

Литература

1. *Барабанищikov В.А.* Принцип системности в современной психологии // Журнал высшей школы экономики. Психология. 2004. Т. 1. № 3.
2. *Пушкарев Ю.И.* Личность как субъект адаптации и субъект интерпретации: системно-герменевтический подход к изучению личности: монография. Белгород, 2012.
3. *Mosak H.H., Shulman B.H.* Manual for life style assessment. Routledge, 2015.

Баланс жизненных сфер у учителей и учеников образовательной школы

Донская А.С., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anna.donskaya.2000@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

Баланс жизненных сфер у учителей и учеников образовательной школы является ключевым аспектом успешности образовательного процесса. Он определяет не только эффективность обучения, но и общее благополучие всех его участников. Баланс между различными жизненными сферами, такими, как семья, работа или учеба, друзья и хобби, играет решающую роль в общем благополучии и удовлетворенности человека [2].

Для учителей баланс жизненных сфер включает в себя умение эффективно управлять рабочими обязанностями и личным временем. Рабочая нагрузка в образовательной среде может быть интенсивной и требовать больших усилий, поэтому важно иметь хобби, не связанное с работой, и здоровые отношения с семьей, чтобы сохранить эмоциональное равновесие.

Для учеников баланс жизненных сфер означает способность управлять школьными обязанностями и личной жизнью. Равновесие

между учебой, хобби, семейными отношениями и личным развитием помогает ученикам чувствовать себя уверенно, мотивированно и быть способным успешно справляться со своими задачами.

Создание баланса жизненных сфер в образовательной среде также является ключевым для гармоничного развития учеников. Учителя, которые могут обеспечивать ученикам поддержку и вдохновение, сами находясь в хорошем равновесии и имея положительные отношения с коллегами и учениками, способны создать благоприятную образовательную среду, в которой ученики могут иметь большую академическую успешность.

Для достижения баланса жизненных сфер у учителей и учеников в образовательной школе важно уделять внимание различным аспектам их жизни, что требует умения управлять своим временем, находить компромиссы между различными обязанностями и уделять внимание собственным потребностям и интересам.

Цель настоящего исследования – изучение различий выраженности жизненных сфер учителей и учеников. В исследовании приняли участие 90 респондентов – 45 учителей ($M = 31$ год) и 45 учащихся ($M = 16$ лет) Хорошеевской гимназии. В качестве психодиагностического инструментария был использован опросник «Оценка баланса жизненных сфер» Е.И. Рассказовой [1].

Результаты эмпирического исследования показали, что значимость семьи и близких отношений ($U = 627,5; p \leq 0,05$), а также вложений ($U = 609,5; p \leq 0,05$) в эту сферу у учителей достоверно выше, чем у школьников. Мы можем объяснить это тем, что в подростковом возрасте ведущая деятельность – общение со сверстниками, при котором значимость семьи отходит на второй план, т.к. референтным мнением оказывается мнение одноклассников и других людей того же возраста. Подростки, в отличие от детей, уже мало нуждаются в поддержке семьи, они испытывают сильное желание быть независимыми, равными в правах – это одна из причин, из-за которой страдают взаимоотношения между родителями и детьми.

Исходя из этого можно было бы предположить, что значимость друзей и общения будет больше у подростков, но у учителей эта жизненная сфера также оказалась выражена в большей степени ($U = 757; p \leq 0,05$). Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, друзья и общение – те сферы, которые необходимы педагогам, чтобы

избежать выгорания, к чему, возможно, они прибегают, учитывая то, что средний возраст учителей невысок и интенсивность общения у них довольно большая. С другой стороны, динамично развивающиеся процессы, происходящие при цифровизации, могли привести к тому, что ценность живого общения у школьников сильно снижается, что и дало в результате более низкую значимость этой сферы у этой категории испытуемых.

Ценность здоровья и хорошей физической формы также оказалась больше выражена у учителей ($U = 638,5; p \leq 0,05$). Возможно, это связано с тем, что в юном возрасте, когда со здоровьем еще нет особых проблем, молодые люди редко задумываются о состоянии своего здоровья, не ценят его.

Вложения в сферу работы/учебы выше у учителей, чем у учеников ($U = 552; p \leq 0,05$). Работа – важный аспект жизни современного человека, она обеспечивает финансовую безопасность, помогает реализоваться, формируя чувство целеустремленности. В подростковом возрасте появляется множество занятий, которые кажутся ребенку более важными, чем учеба. Тестовые формы контроля приводят к тому, что мотивация к обучению будет «подогреваться» их сдачей, а те дисциплины, по которым сдавать ЕГЭ не предусмотрено, могут остаться без необходимых вложений, необходимых для их освоения.

После рассмотрения различий по значимости и вложений в каждую из сфер, посмотрим на различия в их удовлетворенности. Результаты исследования показали, что они есть только по сфере «друзья», удовлетворенность которой выше у учителей ($U = 747; p \leq 0,05$).

Итак, наше эмпирическое исследование показало, что значимость и вложения в сферу «семьи и близких», значимость друзей и общения, ценность здоровья и хорошей физической формы, вложения в сферу работы/учебы, значимость дружеской сферы выше у респондентов-учителей, чем у учеников, интерпретация чего требует проведения дополнительного исследования.

Литература

1. Моспан А.Н., Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Рассказова Е.И., Бобров В.В. Баланс работы и личной жизни у сотрудников

российского производственного предприятия [Электронный ресурс] // Организационная психология, 2016. Т. 6. № 2. С. 8-29

2. *Guest D.* Perspectives on the study of work-life balance // *Social Science Information*, 2002. N.41. P. 255–279.

Взаимосвязь интрагруппового статуса и индивидуальных ценностей у старшеклассников

Дорофеев А.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alexdoroph@gmail.com*

Исследования, основывающиеся на теории базовых ценностей, проверяли связь индивидуальных ценностей со многими личностными и индивидуальными характеристиками (например, с установками, мнениями, типами поведения, качествами личности и социально-демографическими показателями), измеряли изменение ценностей индивидов во времени [3] и развитие ценностей у детей и подростков [4]. Важной частью теории базовых ценностей также было выявление сочетаемости и конфликтов этих ценностей у отдельных индивидов. Такое интраиндивидуальное рассмотрение, на наш взгляд, следует дополнить рассмотрением сочетания и конфликтов ценностей в межличностных отношениях. Мы видим решение этой проблемы в исследовании связей ценностей на основе неформальной интрагрупповой структуры отношений или, другими словами, изучении характера взаимосвязи индивидуальных ценностей и интрагруппового статуса.

При проведении данного исследования использовались ценностный опросник Шварца [2], социометрия и референтометрия [1]. Выборку ($N = 81$; средний возраст 16 лет; 77,8% – девушки и 22,2% – юноши) составили четыре класса десятиклассников, два класса художественного профиля (далее X1 и X2) и два класса профиля китаеведение (далее K1 и K2) одной из московских школ.

Исследование выявило практически одинаковые степени ориентации на ценности учащихся этих четырех классов: значимые

различия при попарном сравнении классов обнаружены только по 8 ценностям из 19: «универсализм – забота о других», «универсализм – забота о природе», «скромность», «конформизм – правила», «репутация», «власть – доминирование»; при сравнении 10 базовых ценностей – только по двум: «универсализм» и «конформизм» между классами X2 и K2; значимые различия на уровне метаценностей обнаружены между классами X1 и K1 по метаценности «самоутверждение».

Корреляционный анализ на всей выборке показывает отрицательную корреляцию составляющей интрагруппового статуса референтности и ценности «гедонизм» ($r = -0,227$; $p = 0,042$) и отрицательную корреляцию на уровне тенденции с ценностью «власть – ресурсы» ($r = -0,213$; $p = 0,056$) и положительную корреляцию на уровне тенденции составляющей интрагруппового статуса аттракции с ценностью «благожелательность – чувство долга» ($r = 0,209$; $p = 0,061$), но при рассмотрении классов по отдельности обнаруживается, что они не являются общими для всей выборки, а являются следами уникальных наборов корреляций из каждого отдельного класса.

В классе X1 составляющая интрагруппового статуса аттракция имеет значимые прямые взаимосвязи средней силы с ценностями «безопасность – общественная» ($r = 0,558$; $p = 0,011$) и «скромность» ($r = 0,479$; $p = 0,033$); составляющая интрагруппового статуса референтность в этом классе имеет значимую отрицательную корреляцию средней силы с ценностью «гедонизм» ($r = -0,483$; $p = 0,031$).

В классе X2 составляющая интрагруппового статуса аттракция имеет прямые корреляции средней силы с ценностями «стимуляция» ($r = 0,448$; $p = 0,048$), «самостоятельность» ($r = 0,451$; $p = 0,046$), «власть – доминирование» ($r = 0,593$; $p = 0,006$), «благожелательность – чувство долга» ($r = 0,537$; $p = 0,015$) и отрицательную корреляцию средней силы с ценностью «скромность» ($r = -0,469$; $p = 0,037$); составляющая интрагруппового статуса референтность в этом классе имеет прямые корреляции средней силы с ценностями «самостоятельность» ($r = 0,465$; $p = 0,039$) и «власть – доминирование» ($r = 0,582$; $p = 0,007$).

В классе K1 составляющая интрагруппового статуса аттракция не имеет значимых корреляций с какими-либо ценностями, но имеет

корреляции на уровне тенденции с ценностями «безопасность – личная» ($r = 0,438$; $p = 0,053$) и «универсализм – толерантность» ($r = 0,389$; $p = 0,090$); составляющая интрагруппового статуса референтность имеет отрицательную корреляцию средней силы с ценностью «власть – ресурсы» ($r = -0,547$; $p = 0,012$) и положительную корреляцию средней силы с базовой ценностью «универсализм», включающей ценность «скромность» ($r = 0,540$; $p = 0,014$).

В классе K2 составляющая интрагруппового статуса аттракция не имеет значимых корреляций с какими-либо ценностями, но имеет отрицательную корреляцию на уровне тенденции с ценностью «универсализм – толерантность» ($r = -0,416$; $p = 0,061$); составляющая интрагруппового статуса референтность не имеет значимых корреляций с какими-либо ценностями.

Особое внимание привлекает, что у классов одного профиля одни и те же ценности («универсализм – толерантность» у K1 и K2 и «скромность» у X1 и X2) могут иметь как положительную взаимосвязь со статусом, так и отрицательную. Примечательно также, что взаимосвязь статуса с базовой ценностью «власть» может иметь разное направление: в уточненном виде прямая взаимосвязь с ценностью «власть – доминирование» и обратная – с ценностью «власть – ресурсы».

Таким образом, исследование не выявило наличия взаимосвязей интрагруппового статуса и каких-либо ценностей, которые были бы общими для всех учащихся, независимо от того, в каком классе они обучаются; в то же время в каждом классе присутствует уникальный набор взаимосвязей составляющих интрагруппового статуса и ценностей: то есть, в каждом классе может возникнуть свойственный именно ему консенсус о том, какие ценности являются привлекательными.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* Методический алгоритм определения интегрального внутригруппового статуса члена контактного сообщества // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 3.

2. *Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1.
3. *Bardi A., Lee J. A., Towfigh N., Soutar G.* The structure of intra-individual value change // Journal of Personality and Social Psychology. 2009. Vol. 97. № 5.
4. *Knafo A., Schwartz S.H.* Parenting and adolescents' accuracy in perceiving parental values // Child Development. 2003. Vol. 74. № 2.

Динамика мотивации к обучению в автошколах и отношение к академической нечестности

Евланов Р.А., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
er-82@mail.ru, nkochetkov@mail.ru*

Ежедневно на автодорогах Российской Федерации происходит немалое количество дорожно-транспортных происшествий, что связано, в том числе, с нарушениями Правил дорожного движения. Тяжесть ДТП различна: начиная от повреждения элементов инфраструктуры, транспортных средств и прочее, заканчивая вредом здоровью различной тяжести и смертельными исходами [4]. Низкий уровень мотивации к обучению будущих водителей транспортных средств берет свои корни из различных причин: это страхи плохих результатов сдачи квалификационных экзаменов, стереотипы о сотрудниках государственной автоинспекции, слабое понимание необходимости приобретения качественных профессиональных навыков и знаний в данной сфере, попытки извлечения собственной выгоды со стороны мастеров производственного обучения и иных сотрудников образовательных учреждений, большое количество времени между пересдачами аттестаций и многое другое [5]. В результате потенциальные водители ориентируются на получение сертификата об обучении в автошколе, необходимого для регистрации, на экзамен вместо приобретения качественного

образования и навыков управления транспортным средством. Отсутствие внутренней мотивации к обучению является причиной поиска возможностей обхода экзаменов (коррупция, академическая нечестность).

Уровень мотивации к обучению оказывает прямое влияние на стремление обучающихся прикладывать усилия для достижения успехов в учебе. Так, если обучающиеся не осознают важность учения или не уверены в своих силах и возможностях, они не будут прилагать достаточно усилий в процессе получения образования и не достигнут хороших результатов. Также недостаточно высокий уровень мотивации к учению может являться причиной академической нечестности или стремления «обмануть систему» с целью достижения желаемого результата. Отношение обучающегося в автошколе к академической нечестности также может быть взаимосвязано с его мотивацией к получению образования. Ученики, имеющие высокий уровень мотивации к достижению хороших оценок при минимуме трудозатрат, также могут прибегнуть к обману или мошенничеству. Если же рассматривать учеников, имеющих низкий уровень мотивации к обучению, то для них академическая нечестность будет являться приемлемым способом достижения желаемого результата или избегания стресса при сдаче квалификационных экзаменов. Можно с уверенностью сказать, что выявление взаимосвязей между мотивацией к обучению и академической нечестностью и, как следствие, коррупцией в автошколах открывает возможности к использованию стратегий, направленных на повышение мотивации к учению и снижение уровня академической нечестности. Эти стратегии могут включать в себя создание положительного учебного окружения, формирование определенных норм и правил поведения и внутришкольного взаимодействия, предоставление мотивационных инструментов для обучающихся, а также другие методы, основанные на психологических исследованиях [1; 2].

Для изучения мотивации к обучению в автошколах и отношения к академической нечестности мы использовали следующий методический инструментарий: методика для диагностики учебной мотивации (А.А. Реан, В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой) [3] и разработанный специально для цели нашего исследования опросник, диагностирующий отношение к академической нечестности. В

качестве респондентов участвовали 52 обучающихся автошкол. Дизайн исследования предполагал два диагностических среза: в начале обучения и в конце.

Результаты эмпирического исследования показали, что в ходе обучения увеличивается выраженность мотивов престижа и социальных мотивов, при этом эмоциональный компонент отношения к академической мотивации повышается ($U = 1850,0; p \leq 0,01$), а поведенческий, наоборот, понижается ($U = 746,0; p \leq 0,01$). Мы можем объяснить это следующим образом – чем ближе к концу обучения и, соответственно, сдаче экзаменов в ГИБДД, у обучающихся актуализируются желание быть первыми и ответственность перед другими людьми. Интересно, что выраженность учебно-познавательных мотивов не меняется.

Если говорить о взаимосвязях рассматриваемых нами феноменов, то можно сказать, что их нет. Корреляционный анализ показал отсутствие значимых результатов. Однако, если проводить его на разных этапах обучения, то можно заметить, что в самом его начале поведенческий компонент отношения прямо связан с мотивами престижа, тогда как в самом конце эта связь пропадает.

Дальнейшее исследование взаимосвязи мотивации к обучению в автошколах и отношения к академической нечестности может позволить психологам-практикам осуществлять сопровождение образовательного процесса с целью снижения коррупции в рассматриваемой области и увеличения эффективности процесса обучения, что, в свою очередь, приведет к уменьшению аварийности на дорогах.

Литература

1. Агеев Е.В. Совершенствование системы подготовки водителей категории «В», влияющий на безопасность дорожного движения / Е.В. Агеев, Е.С. Виноградов // Мир транспорта и технологических машин. – 2019. – вып. 4(67). С. 104-111.
2. Асеев В.Г. Мотивация поведения и формирования личности. М., «Мысль», 1976. 158 с.
3. Бадмаева Н.Ц. Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей: Монография. Улан-Удэ, 2004.

4. Официальный сайт Госавтоинспекции МВД РФ <http://stat.gibdd.ru/>.
5. Херцберг Ф., Майнер М. У. Побуждение к труду и производственная мотивация / Херцберг Ф., Майнер М. У. // Социологические исследования. М., 1990. Вып. 1. С. 122–131.

К вопросу о взаимосвязи приверженности и удовлетворенности работой сотрудников организации

*Елесичева Н.И., Ковалева Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elesicheva2014@mail.ru, Tkovaleva2007@gmail.com*

Реалии нового времени, стремительно меняющиеся социально-экономические и политические условия, а также демографические показатели оказывают заметное влияние на конкурентоспособность компаний и на организационное поведение сотрудников. Современные исследования указывают на важность поддержания и развития не только традиционных ресурсов – финансовых, физических, технологических, но и человеческих. Повышение качества продукции уже не дает тех конкурентных преимуществ, что раньше. Главный ресурс, благодаря которому компании могут продолжать быть инновационными и выделяться на рынке, – это люди. Сейчас как никогда стала очевидна задача развития у внутреннего персонала таких аттитюдов, как приверженность и удовлетворенность работой [1].

Сотрудники с низким уровнем приверженности менее продуктивны и не готовы разделять с компанией ее «трудные времена». Если работа не удовлетворяет потребности сотрудника, он стремится ее поменять. Все это несет за собой удар по HR-бренду компании, а также по ее эффективности и продуктивности.

Сотрудники, которые чувствуют, что их ценят и уважают, с большей вероятностью испытывают удовлетворенность работой и вовлеченность. Когда сотрудники удовлетворены, они, как правило, позитивно относятся к своей работе, получают удовольствие от

выполнения поставленных задач и испытывают чувство выполненного долга [2].

Удовлетворенность работой – это субъективный показатель, он может сильно варьироваться от человека к человеку. На удовлетворенность работой влияют такие факторы, как характер работы, отношения с коллегами и начальством, вознаграждение, баланс между работой и личной жизнью и возможности для личного и профессионального роста [4].

Еще одним феноменом, влияющим на организационное поведение сотрудников, является приверженность. Она также связана с намерением продолжать работу в организации, следовательно, связь с текучестью персонала отрицательная. Существуют различные определения организационной приверженности. Так, Портер и Лоулер (1965) понимают под приверженностью желание сотрудника приложить максимум усилий на благо учреждения, страстное желание остаться в нем и принять его основные цели и ценности. Другим широко распространенным определением является определение Гринберга и Барона (2008), рассматривающих организационную приверженность как степень, в которой сотрудники идентифицируют себя с организацией, в которой они работают, и степень лояльности, которую они проявляют [3].

Текущая приверженность возникает в связи с осознанием затрат и издержек, которые возникнут, если сотрудник решит покинуть организацию. Эмоциональная приверженность склоняется к психологической перспективе, где акцент делается на связующей силе между человеком и организацией. Она характеризуется желанием сотрудника оставаться членом организации, принимая ее ценности и цели в обмен на определенные психологические вознаграждения, такие, как поддержка или признание. Нормативная приверженность, разработанная Мейером и Алленом, фокусируется на трудовой этике и ответственности, которую сотрудник приобретает, что побуждает его хорошо выполнять свою работу при любых обстоятельствах. Чувство долга не дает сотруднику покинуть организацию, так как он чувствует себя обязанным ей [2].

Существует немало преимуществ исследования вопроса взаимосвязи приверженности и удовлетворенности работой. Одним из ключевых является влияние этих феноменов на продуктивность и

эффективность деятельности сотрудников. Приверженные и удовлетворенные сотрудники обычно более мотивированы, продуктивны, это ведет к повышению качества труда и общей производительности организации.

В ситуации «войны за таланты» большая часть ресурсов должна быть направлена на сохранение уже имеющихся хороших сотрудников, формирование необходимых аттитудов у новых сотрудников и создание привлекательного HR-бренда для поиска необходимых кандидатов. Высокий уровень приверженности и удовлетворенности сотрудников может уменьшить вероятность ухода квалифицированных кадров из организации, способствует сокращению текучести и сохранению ценных специалистов. Кроме того, приверженные и удовлетворенные сотрудники способствуют созданию позитивной и поддерживающей атмосферы на работе. Это влияет на коллективный дух, сотрудничество и общую эффективность команд и отделов. Нельзя не упомянуть и повышение уровня обслуживания клиентов такими сотрудниками. А это, в свою очередь, повышает репутацию компании, способствует удовлетворению клиентов, а значит, влияет и на конкурентоспособность [1].

Немаловажно в настоящее время и то, что приверженность компании и удовлетворенность влияют на желание сотрудников развиваться и на их креативность. Именно эти качества помогают компаниям становиться инновационными и развивать новые идеи для улучшения бизнес-процессов.

Исследуя вопрос взаимосвязи приверженности и удовлетворенности работой сотрудников организации, на первом этапе анализа данных нами было выявлено следующее распределение по уровню приверженности (методика Л. Портера «Опросник организационной приверженности»): 10,5% испытуемых показали очень высокий уровень приверженности, у 15,1% приверженность отсутствует, у 16,3% – низкий уровень приверженности, 18,6% показали высокий уровень и 39,5% - средний уровень.

Используя методику «Шкала организационной лояльности» (Дж. Мейер, Н. Аллен), мы получили данные о распределении испытуемых по уровню трех компонентов приверженности. Так, аффективная приверженность в 9,5% случаев – высокая, в 23,3% – низкая, в 67,1% – средняя, что может быть неплохим показателем для организации.

Продолженная приверженность в 1,4% случаев – высокая, у 39,7% – низкая, у 58,9% – средняя. Нормативная приверженность у 2,7% – высокая, у 45,2% – низкая, у 52,1% – средняя.

Для исследования удовлетворенности использовался «Опросник удовлетворенности работой – JSS». В нем выделяется 10 шкал, здесь мы представим две для демонстрации. Так, уровень удовлетворенности зарплатой среди испытуемых распределяется следующим образом: у 17,8% – очень низкий, у 26% низкий и средний, у 30,1% – высокий уровень. Распределение испытуемых по общему уровню удовлетворенности получилось следующим: очень низкий и низкий уровни удовлетворенности – по 1,4%, 24,7%; 28,8% – высокий, а 43,8% показали средний уровень удовлетворенности работой.

В дальнейшем следует более глубоко изучить поставленный вопрос. Исследование взаимосвязи приверженности и удовлетворенности работой сотрудников в организации поможет лучше понять динамику внутри организации, выявить проблемные области и разработать стратегии для повышения уровня приверженности и удовлетворенности.

Литература

1. *Ковалева Т.В.* К вопросу об авторской позиции в построении собственной карьеры в новых реалиях хрупкого мира / Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (12-13 мая 2022 г.). - М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. С.171-174.
2. *Ćulibrk J., Delić M., Mitrović S. and Ćulibrk D.* (2018) Job Satisfaction, Organizational Commitment and Job Involvement: The Mediating Role of Job Involvement. *Front. Psychol.*
3. *MetLife's 20th Annual U.S. Employee Benefit Trends Study.* – 2022.
4. *Mohamed M.R. & M., Muhammad S.M. & Abdullahi F.* (2023). Effect of employees' job status on job satisfaction and job engagement: A Study of The Federal Polytechnics Bauchi.

К вопросу изучения психологических предикторов профессионального самоопределения будущих сотрудников транспортной сферы

Ершов С.В.

*АНО ВО СГЛА, Москва, Россия
ershovsv.miiit@gmail.com*

Важность раннего профессионального самоопределения в настоящее время следует из необходимости максимально эффективно использовать доступные ресурсы образования и технологического развития, чтобы обеспечить молодежи успешное стартовое положение в карьере и максимизировать шансы молодых людей на профессиональный и личностный успех в будущем. Эффективная подготовка кадров для транспортной отрасли – первоочередная задача многих отраслевых вузов. На передний план выступает не только качественная предметная подготовка студентов, но и акцентирование внимания на осознанном профессиональном самоопределении будущего сотрудника транспортной сферы.

Возникает проблема исследования психологических предпосылок для успешного профессионального самоопределения студентов, в частности, обучающихся в вузах транспортной направленности. Многими исследователями подчеркивается важность периода обучения в образовательных организациях высшего образования для будущего профессионального определения, для формирования ценностных ориентаций, установок, мотивации, профессиональной направленности, (Б.Г. Ананьев, М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович, И.А. Зимняя, Н.В. Кузьмина, В.В. Пейсахов, В.И. Слободчиков, В.А. Якунин).

С позиции психологической науки, самоопределение – это пролонгированный процесс непосредственного осознания индивидом своей сущности, который предполагает его активную включенность в деятельность. В работах Г.П. Щедровицкого указывается на то, что самоопределение можно рассматривать с точки зрения способности человека конструировать себя и создавать траекторию своего индивидуальную развития, а также умения переосмыслить собственную сущность [6]. Проблемы самоопределения заложены в

работах К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Божович, М.Р. Гинзбурга, И.С. Кона, А. Маслоу, С.Л. Рубинштейна, Д.И. Фельдштейна, В. Франкла, Э. Фромма и др. [1; 2; 8].

Индивидуальные психологические предикторы играют важную роль в процессе профессионального самоопределения. Личностные особенности, мотивация, уровень самооценки и самопонимание могут влиять на выбор профессии и профессиональное развитие, а также могут помочь обучающемуся определить подходящую сферу деятельности, которая соответствует индивидуальным потребностям и целям.

Эффективное профессиональное самоопределение требует анализа и понимания психологических предикторов. Личностные предикторы – это характеристики личности человека, которые могут быть использованы для прогнозирования его поведения, реакций и действий в определенных ситуациях [5]. Эти предикторы могут включать в себя такие характеристики, как уровень экстраверсии, нейротизма, сознательности, доброжелательности и открытости к опыту. Личностные предикторы часто используются в психологических исследованиях, а также в практике, например, при подборе персонала или определении направлений профессионального развития.

В процессе взаимодействия личности с системой карьерного выбора студентов на основе познавательной и ценностно-ориентационной деятельности формируется система мотивов [3], определяющих предпочтение определенной сферы профессиональной деятельности. При этом последняя направлена на создание системы ценностей, поиск «профессионального Я» и определение соответствия выбранной профессии. На основе вышесказанного важно выделить мотивационный компонент как отдельный предиктор успешного профессионального самоопределения.

По результатам исследований личностные предикторы предсказывают, какой необходимой компетентностью [4] человек будет обладать в различных ситуациях, какие решения он сможет принимать и какие цели сможет достигать. Необходимо отметить определенный перечень психологических предикторов личности, которые могут быть использованы для оценки индивидуальных

характеристик и поведенческих тенденций будущего профессионала в транспортной сфере [7]. Некоторые из них включают в себя:

- тревожность и стрессоустойчивость;
- экстраверсию и интроверсию;
- эмоциональную устойчивость;
- адаптивность;
- самоконтроль и саморегуляцию;
- эмпатию;
- самооценку и уверенность в себе;
- принятие рисков.

Психологические предикторы профессионального самоопределения студентов представляют собой сложную систему взаимосвязанных факторов, которые формируются в процессе личностного развития и образования. Понимание и учет этих факторов помогают студентам принимать более осознанные и обоснованные решения относительно своей будущей профессиональной деятельности и способствуют дальнейшему достижению карьерных целей.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Психология самоопределения личности в профессиональной деятельности. М., 2004.
2. *Дьяченко М.И.* Психология самоопределения профессионального индивида. М., 2001.
3. *Ершов С.В., Кочетова Т.В., Погодина А.В., Харченко М.А.* Возможности и перспективы модификации курса «Психофизиологические основы деятельности водителя» в системе дополнительного образования [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2021. Том 13. № 2. С. 72–88. DOI: 10.17759/psyedu.2021130205
4. *Ершов С.В.* Компетентностный подход к обучению в автошколах: проблемы, возможности и перспективы // Актуальные проблемы организационной психологии и психологии дорожного движения. МГППУ. 2019. С. 104–107.

5. *Кожевникова О.В.* Психологические предикторы склонности субъекта к академической прокрастинации // Вестник Удмуртского университета. 2017. С. 451–455.
6. *Кузьмина Н.В.* Психология профессионального самоопределения личности. М., 2010.
7. *Семенов Д.С.* Психологические предикторы прогнозирования профессиональной деятельности // Фундаментальные исследования. 2015. № 2. С. 4333–4335.
8. *Щедровицкий Г.П.* Очерки по философии образования. М., 1993.

Значение духовных практик для психологического благополучия молодежи

Ефимов Е.Н., Павлова О.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
os_pavlova@mail.ru, mansarda.75@inbox.ru*

На современном этапе развития общества благополучие молодежи является одной из проблем социальной психологии. Согласно анализу литературы, понятие «благополучие» в современных условиях изучается как феномен, который влияет на окружающую среду, межличностные взаимоотношения, эмоциональное состояние, самореализацию, стрессы.

Важным видом благополучия молодежи является психологическое, которое, по мнению Д.Г. Орловой, является феноменом «целостным и субъективным, имеющим огромное значение для личности и связанным с базовыми человеческими ценностями, понятиями счастья и счастливой жизни» [3, с. 29].

По мнению В.М. Бызова, «...феномен психологического благополучия – баланс между двумя комплексами эмоций, которые накапливаются в течение жизни – позитивными и негативными» [1, с. 119].

Г.Н. Эйдельман утверждает: «Психологическое благополучие – направленность личности на позитивное функционирование» [4, с. 178].

Таким образом, психологическое благополучие характеризует здоровую личность, которая находится в состоянии полного социального, умственного и физического благополучия, умеет совладать со стрессами и формирует стратегию по их преодолению.

Необходимо подчеркнуть, что одним из способов развития стрессоустойчивости и психологического благополучия являются духовные практики, которые представляют собой разнообразные методы, приемы и техники, направленные на развитие и осознание духовной составляющей личности, на поиск глубинных смыслов жизни, на самопознание и самосовершенствование. Духовность рассматривается как важный аспект человеческого бытия, связанный с поиском ценностей, веры, смысла и гармонии.

Духовные практики могут включать в себя различные виды медитаций, молитвы, контемплиции, занятия йогой, ритуалы, обряды и другие способы, направленные на общение с высшим началом, на развитие внутреннего мира, на достижение внутреннего равновесия и гармонии.

По мнению Г.В. Ожигановой, «духовные практики рассматриваются как важный ресурс для обретения психологического благополучия, уравновешенности и гармонии. Они могут помогать современной молодежи находить ответы на важные жизненные вопросы, преодолевать трудности и стрессовые ситуации, развивать эмоциональную стабильность и душевное равновесие» [2].

Чтобы определить значение духовных практик для психологического благополучия молодежи, нами было проведено эмпирическое исследование среди молодых людей возрастом 18-28 лет, в количестве 91 человек. Опрос проходил через распространение анкеты в различных социальных сетях.

В исследовании использовались следующие методики: шкала психологического благополучия (К. Рифф), методика диагностики субъективного благополучия личности (Шамионов Р.М., Бескова Т.В.), опросник «Духовная ориентация личности» (Г.В. Ожиганова).

Согласно общим данным об испытуемых, было выявлено что, из 91 человека 74% имеют высшее образования, 15% – среднее образование; 11% – студенты; 58% респондентов указали вероисповедание христианство, 30% – атеизм, 1% – ислам и 11% – другие вероисповедания. При этом 34% респондентов занимаются двумя и более духовными практиками, 12% занимаются медитацией, 23%

применяют молитвы, 31% респондентов ответили об отсутствии в их жизни духовных практик.

В результате диагностики выявлено, что высокой уровень психологического благополучия выражен у 21,7% респондентов, занимающихся духовными практиками, и у 13% респондентов, не занимающихся духовными практиками. Средний уровень психологического благополучия выражен у 78,3% респондентов, занимающихся духовными практиками, и у 54,8% респондентов, не занимающихся духовными практиками. Низкий уровень психологического благополучия у респондентов, занимающихся духовными практиками, не выявлен, а у респондентов, не занимающихся духовными практиками, выявлен в 32,2% случаев.

При анализе субъективного благополучия у респондентов, не занимающихся духовными практиками, высокой уровень не выявлен, а у респондентов, занимающихся духовными практиками, 1,7%. Средний уровень субъективного благополучия выражен у 98,3% респондентов, занимающихся духовными практиками, и у 74,2% респондентов, не занимающихся духовными практиками. Низкий уровень субъективного благополучия у респондентов, занимающихся духовными практиками, не выявлен, а у респондентов, не занимающихся духовными практиками, – 25,8%.

Анализ духовной ориентации свидетельствует, что высокой уровень у респондентов, занимающихся духовными практиками, выявлен у 51,7%, а у респондентов, не занимающихся духовными практиками, 32,3%. Средний уровень духовной ориентации выражен у 48,3% респондентов, занимающихся духовными практиками, и у 64,5% респондентов, не занимающихся духовными практиками. Низкий уровень духовной ориентации у респондентов, занимающихся духовными практиками, не выявлен, а у респондентов, не занимающихся духовными практиками, – 3,2%.

Подводя итоги исследования, отметим, что у респондентов, занимающихся духовными практиками, наиболее выражены признаки эмоционального благополучия ($4,4 \pm 0,22$) и социально-нормативного благополучия ($4,5 \pm 0,21$). В компонентах духовной ориентации выражены высшие нравственные чувства ($47,2 \pm 2,35$), склонность к добродетельному поведению, действиям и поступкам ($46,4 \pm 2,24$).

Таким образом, мы приходим к выводу, что занятия духовными практиками сказываются на благополучии современной молодежи, способствуя пониманию значения духовного измерения для

психического состояния личности, ее мироощущения, ценностных ориентаций и способов решения жизненных проблем. Духовные практики могут играть значительную роль в процессе самопознания и саморазвития, способствуя глубокому внутреннему преобразованию молодежи и ее психологическому благополучию.

Литература

1. *Бызова В.М.* Представления молодежи о психологическом благополучии и стратегиях его достижения // Сибирский психологический журнал. 2018, № 70. С. 118-130.
2. *Ожиганова Г.В.* Духовная личность. М., 2020. 369 с.
3. *Орлова Д.Г.* Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник ПГГПУ Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2015, №1. С.28-36.
4. *Эйдельман Г.Н.* Образ я при разном уровне психологического благополучия в период самоопределения молодежи // Психологическое благополучие современного человека [Электронный ресурс] : материалы Международной заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т ; отв. ред. С. А. Водяха. Екатеринбург: [б. и.], 2019. С. 176-183.

Использование инновационных технологий в формировании безопасного поведения водителей: проблемы и перспективы исследования

Ефремов С.Б., Кочетова Т.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
0971090@gmail.com, kochetovatv@gmail.com*

В последние годы все больше можно встретить публикации, в которых уделяется внимание использованию инновационных технологий для обеспечения безопасности в условиях дорожно-транспортной среды, обучения водителей и формирования безопасного дорожного поведения [6]. Существенное количество

работ посвящено проблеме оценки психологической эффективности таких технологий с целью внедрения их в психологической практике для снижения уровня аварийности.

Сегодня в качестве самостоятельного исследовательского «тренда» можно выделить работы, посвященные инновационным технологиям виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR), которые уже активно начали использоваться в обучения водителей. Авторы разработок в данной области подчеркивают, что представления о виртуальной реальности и инновационном потенциале данной технологии опираются на четко обоснованные практики обучения, выверенные в когнитивной психологии, психологии развития и других отраслях психологического знания. Как отмечалось в ряде работ, посвященных анализу использования элементов VR в высшем образовании за период 2016-2018 годов, было обнаружено, что примерно треть из имеющихся публикаций имеют ссылки на конкретные показатели психологической эффективности [3; 2; 9].

Опираясь на последние работы Radianti [9], наибольший процент (11%) в опубликованных результатах исследования эффективности использования VR-приложений для высшего образования, в качестве теоретической основы указана теория экспириентального (experiential learning theory – ELT). Пожалуй, одной из наиболее глубоко разработанных и вызывающих интерес теорий иммерсивного обучения является теория Колба, на которую опираются разработчики приложений VR [7]. Обучение, базирующееся на данной теории, носит название «экспериентальное обучение» (от англ. «experiential learning»)» [1, с. 27].

Если обратиться к «предметному полю» психологии дорожного движения [4], то приходится сталкиваться с «парадоксальной ситуацией: с одной стороны, можно констатировать наличие устойчивого интереса к использованию VR- и AR-приложений для обучения водителей, а с другой, – недостаточность данных об эффективности использования подобных технологий существенно затрудняет их разработку и внедрение» [1, с. 27].

Предельно обобщая имеющиеся работы по использованию VR- и AR-приложений для обучения водителей, можно констатировать, что именно теория экспириентального обучения, как никакая другая, в наибольшей степени отвечает возможностям и преимуществам

обучения в виртуальной среде. Так, благодаря применению моделирования в виртуальной среде, обучающиеся получают возможность пережить и отрефлексировать опыт, который можно сравнить с опытом в реальном мире, но в более доступной и менее рискованной форме [2; 1].

Одним из примеров использования иммерсивного обучения водителей стал проект VISTA-Sim [1]. Этот проект был использован логистическими компаниями, чтобы обучить профессиональных водителей маневрам передвижения транспортных средств с прицепами, причем использовались различные сценарии передвижения [1]. В качестве другого примера можно привести разработки дорожных психологов компании ТМУ «Трафити ОУ» [8], в которых посредством пребывания в виртуальной реальности нарушители Правил дорожного движения приобретают опыт переживания аварии, имеют возможность рефлексии и корректировки собственных моделей дорожного поведения [5].

В заключение стоит подчеркнуть, что использование иммерсивного обучения для формирования безопасного дорожного поведения водителей сегодня все больше внедряется в практику работы дорожных психологов. А применение элементов виртуальной и дополненной реальности наряду с другими инновационными инструментами при обучении водителей требует отдельного рассмотрения и изучения в психологических исследованиях.

Литература

1. *Ефремов С.Б.* Инновационные технологии в формировании безопасного дорожного поведения водителей [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 1. С. 26–34. DOI: 10.17759/jmfr.2023120103
2. *Ефремов С.Б.* Обращение к феномену «дополненной реальности» как возможной основе коммуникации между водителем и средой автомобиля // Актуальные проблемы организационной психологии и психологии дорожного движения. М., МГППУ, 2019. С. 107–109.
3. *Ефремов С.Б.* Тип коммуникаций между водителем и автомобилем, основанный на дополненной реальности: новый

- тренд в построении интеллектуальных транспортных систем [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 1. С. 6–14.
4. *Кондратьев М.Ю., Кочетова Т.В.* «Traffic psychology»: от прикладных исследований к методологии комплексного изучения современной дорожно- транспортной среды // Сборник материалов международной научно-практической конференции (28-30 июня 2012 г). 2-е изд. испр. и доп. СПб., 2012. С. 119-122.
 5. *Мейнхард Г.* Программа психологической превенции «Ясное видение», направленная на повышение безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2023. Том 12. № 1. С. 77–79. DOI: 10.17759/jmfp.2023120108
 6. *Efremov S., Kochetova T.* Neural network model for recognition and classification of types of interactions in road traffic // Transactions on Transport Sciences. 2022. Т. 13. № 1. pp. 38-44. DOI: 10.5507/tots.2022.003
 7. *Kolb A.Y., Kolb D.A.* The Kolb Learning Style Inventory 4.0 (A Comprehensive Guide to the Theory, Psychometrics, Research on Validity and Educational Applications). Experience Based Learning Systems. 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/303446688_The_Kolb_Learning_Style_Inventory_40_Guide_to_Theory_Psychometrics_Research_Applications (Дата обращения: 25.03.2024).
 8. *Trafity OÜ* [Электронный ресурс] URL: <http://trafity.eu> (Дата обращения: 03.04.2024).
 9. *Radianti J., Majchrzak T.A., Fromm J., Wohlgenannt I.* A systematic review of immersive virtual reality applications for higher education: Design elements, lessons learned, and research agenda // Computers & Education. 2019. pp. 147. 103778. DOI: [org/10.1016/j.compedu](https://doi.org/10.1016/j.compedu)

Коррекция негативных эмоциональных состояний сотрудников УИС с помощью технологий арт-терапии

Зайцева В.Э., Савельева Т.И.

*Академия ФСИН России, Рязань, Россия
zaytseva.viktoria29@yandex.ru., tanyasav09@mail.ru*

Согласно регулирующему деятельность сотрудников психологической службы УИС приказу Минюста России от 12 декабря 2005 г. № 238 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы», одна из основных функций психологической службы – психокоррекционная [5]. В соответствии с этим, мы рассматриваем одно из популярных и развитых направлений, к которым относится арт-терапия, и ее возможности в работе с негативными эмоциональными состояниями сотрудников УИС.

Арт-терапия – это метод психологической коррекции, основанный на применении искусства и творчества для гармонизации внутреннего психоэмоционального состояния личности через ее самовыражение и самопознание.

Рассмотрим основные технологии арт-терапии и их возможности в работе с сотрудниками УИС.

Изотерапия – форма арт-терапии через изобразительное творчество. Этот метод помогает освободиться от внутренних конфликтов, повышает самооценку, снимает эмоциональное напряжение и позволяет безопасно пережить подавленные эмоции [3, с. 93].

Музыкальная терапия подразумевает контролируемое использование музыки для целей реабилитации и релаксации. Тщательно отобранные музыкальные композиции способствуют установлению связи между арт-терапевтом и клиентом, облегчают эмоциональную реакцию в процессе коррекционной работы. В работе с персоналом УИС музыкотерапия может быть направлена на распознавание эмоций, включать пантомиму и рисование под музыку [6, с. 37].

Песочная терапия помогает изменить установки и представления у человека, используя создание микромира, который символизирует его

собственную жизнь. Этот метод позволяет сотрудникам переживать психологическое напряжение, моделировать события и отношения в настоящем времени, а также разрабатывать шаги для достижения поставленных целей [1, с. 153].

Фототерапия использует фотографии для решения психологических проблем и достижения гармонии с самим собой через создание художественных образов. В фототерапии могут применяться различные техники, такие, как использование автопортретов, снимков из личного и семейного архива, подборок и фотоколлекций, а также фотографирование по заданию для последующего обсуждения с психологом на сессии [3, с. 125].

Библиотерапия предполагает использование чтения или работы с текстовой информацией с целью стабилизации психического состояния, воздействия на мышление и поведение. Путем чтения происходит коррекционное воздействие на человека, где образы и связанные с ними эмоции могут заполнять пробелы в собственных образах, заменяя тревожные мысли и чувства. Таким образом, через чтение можно ослаблять или усиливать воздействие на эмоциональное состояние сотрудника для восстановления его внутреннего равновесия [2, с. 5].

Метафорические карты представляют собой набор изображений, включающих людей, природные явления, животных, эмоции и события. Правильное использование карт в ходе психологических бесед способствует развитию творческих способностей и помогает принимать профессиональные решения. Так, специалисты отделения психологического обеспечения образовательного процесса ВИПЭ ФСИН России отмечают, что за время применения в психологическом консультировании МАК увеличилось количество инициативных обращений со стороны сотрудников как постоянного, так и переменного состава, в том числе с запросом на работу с применением МАК [7, с. 50].

Кинотерапия использует просмотр фильмов как средство для переосмысления важных ценностей и обсуждения их с арт-терапевтом. Кинофильмы позволяют безопасно пережить и актуализировать подавленные эмоции, влияющие на психическое состояние человека, что может быть особенно полезно в современном

обществе, где просмотр кинофильмов стал практически основной формой отдыха [4, с. 40].

Опираясь на исследованный материал, попробуем объяснить, почему арт-терапия является эффективным направлением в работе с сотрудниками УИС:

- любой сотрудник УИС может участвовать в арт-терапевтической работе, для этого не требуются высокие навыки в изобразительном искусстве или художественной деятельности;
- символическая коммуникация позволяет сотруднику выразить свои негативные эмоциональные состояния более точно, а также способствует осознанию личных и профессиональных проблем;
- арт-терапевтическая деятельность является мощным средством сближения людей, что особенно ценно в ситуациях взаимного отчуждения, нередко встречающегося в коллективах сотрудников УИС;
- арт-терапевтическая работа в большинстве случаев вызывает у людей положительные эмоции, что помогает преодолеть негативные эмоциональные состояния;
- проекция разрушительных и саморазрушительных тенденций, негативных эмоциональных состояний на изобразительный материал и образ позволяет дистанцироваться и достичь определенной степени контроля над ними.

Таким образом, мы можем утверждать, что технологии арт-терапии вполне применимы в работе пенитенциарного психолога, прежде всего, с целью коррекции негативных эмоциональных состояний, развития стрессоустойчивости коллектива сотрудников, раскрытия личного потенциала, повышения психологического благополучия сотрудников УИС.

Литература

1. Дзвоник В.П. Песочная терапия как инструмент работы с психическим состоянием клиента // Вестник науки. - 2023. - №4(61). - с. 150-154.

2. *Дрешер Ю.Н.* Библиотерапевтическая деятельность как инструмент реабилитации участников военных операций // Культура: теория и практика. - 2023. - №2(53). - С. 3-8.
3. *Копытин А.И.* Арт-терапия. Теория и практика. - 2-е изд. - СПб: Лань, 2023.
4. *Лаврентьева М.Ю.* Роль кинофильмов в актуализации и проживании эмоций // Вестник науки. - 2020. - №7(28) Т.3. - С. 37-44
5. Об утверждении Инструкции по организации деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 12 декабря 2005 г. № 238.
6. *Овчарова Е.В., Губарева Т.А.* Диагностика и коррекция эмоциональных состояний сотрудников УИС с использованием проективных методов. Психология и педагогика служебной деятельности. - 2019. - С. 36–39.
7. *Ракитская О.Н., Глебова Е.С.* Об опыте применения МАК-метода в психологическом сопровождении сотрудников ведомственных образовательных организаций // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2019. - №8. - С. 47-51.

Связь гендерных норм с направленностью личности в общении (на примере студентов вуза)

Зайтова А.В., Леонов И.Н.

ФГБОУ ВО УдГУ, Ижевск, Россия

nastyia_zaitova@mail.ru, inleonov@mail.ru

В связи со стремительной трансформацией ролевого баланса моделей поведения, системы отношений, а также институтов социализации мужчин и женщин, актуальной проблематикой в области социально-психологических исследований представляется рассмотрение норм поведения, связанных со спецификой содержания и принятия гендерных ролей человеком. Несмотря на то, что нормы, в том числе и гендерные, оказывают довольно существенное влияние на социальное поведение личности, изучению данного феномена

современными исследователями не уделяется достаточного внимания. В отечественной психологии определение понятия гендерных норм приводится И.С. Клециной и Е.В. Иоффе, описывающих их в качестве правил, образов поведения, стандартов деятельности мужчин и женщин как членов общества, способствующих сохранению и передаче социального опыта [3, с. 13]. Кроме того, авторы выделяют такие два типа норм, как традиционалистские и эгалитарные.

Необходимо отметить, что нормы поведения не только предоставляют возможность мужчинам и женщинам как членам разных групп давать оценку своим и чужим действиям, но также позволяют формировать, упорядочивать и направлять собственное общение и взаимодействие. Именно в аспекте общения Л.С. Братченко раскрывает определение направленности личности, трактуемое как совокупность более или менее осознанных личностных смысловых установок и ценностных ориентаций в сфере межличностного общения, включающих представление о смысле общения, его целях, средствах, желательных и допустимых способах поведения в общении [1, с. 11]. Тем самым особый интерес представляет исследование связи гендерных норм с направленностью личности в общении.

Основной целью данной работы является изучение связи гендерных норм с направленностью личности в общении.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что существует связь между гендерными нормами и направленностью личности в общении так, что:

- чем выше у юношей приверженность к традиционалистским нормам, тем более у них преобладает авторитарный и индифферентный вид направленности в общении;
- чем выше у девушек приверженность к эгалитарным нормам, тем более у них преобладает альтероцентристский вид направленности в общении.

В исследовании приняли участие 60 респондентов, среди которых 30 юношей и 30 девушек, в возрасте от 20 до 23 лет, являющихся студентами вузов города Ижевска.

Для определения направленности личности в общении, в работе использовалась методика «Направленность личности в общении Л.С. Братченко», предназначенная для изучения ценностно-смысловых отношений личности в сфере ее общения с другими людьми [2, с. 13].

Приверженность юношей и девушек традиционалистским нормам маскулинности/фемининности или их неразделение и приверженность эгалитарному типу гендерных норм оценивались в работе при помощи методики «Опросник норм мужского/женского поведения Р. Луйто» в адаптации И.С. Клециной и Е.В. Иоффе, направленной на выявление системы убеждений и установок относительно маскулинности/фемининности и мужских/женских ролей [3, с. 102; 115].

На основании данных, полученных в ходе сравнительного анализа с использованием непараметрического U -критерия Манна-Уитни, выявлены статистически значимые различия у юношей и девушек по таким видам направленности в общении, как авторитарная ($Mdn_{юн} = 7,0$, $Mdn_{дев} = 3,0$; $U = 134,0$ при $p < 0,01$), альтероцентристская ($Mdn_{юн} = 2,0$, $Mdn_{дев} = 8,0$; $U = 157,5$ при $p < 0,01$) и индифферентная ($Mdn_{юн} = 5,0$, $Mdn_{дев} = 3,0$; $U = 215,0$ при $p < 0,01$).

Исходя из результатов статистического анализа с применением непараметрического коэффициента корреляции Спирмена, обнаружены достоверные положительные корреляционные связи показателей шкалы авторитарной направленности в общении со стороны всех рассматриваемых ролевых норм мужского поведения: жесткость, твердость ($r = 0,526$ при $p < 0,01$), опора на собственные силы ($r = 0,743$ при $p < 0,01$), ориентация на достижение ($r = 0,751$ при $p < 0,01$), принятие обезличенных сексуальных отношений ($r = 0,720$ при $p < 0,01$), гомосоциализация и гомофобия ($r = 0,376$ при $p < 0,05$), приверженность традиционалистским нормам мужского поведения ($r = 0,490$ при $p < 0,01$).

Аналогичные по направлению и величине эффекта связи с ролевыми нормами мужского поведения определены у показателей шкалы индифферентной направленности в общении: жесткость, твердость ($r = 0,501$ при $p < 0,01$), опора на собственные силы ($r = 0,572$ при $p < 0,01$), ориентация на достижение ($r = 0,585$ при $p < 0,01$), принятие обезличенных сексуальных отношений ($r = 0,408$ при $p < 0,05$), гомосоциализация и гомофобия ($r = 0,593$ при $p < 0,01$), приверженность традиционалистским нормам мужского поведения ($r = 0,740$ при $p < 0,01$).

В соответствии с результатами статистического анализа обнаружены достоверные отрицательные корреляционные связи

показателей шкалы альтероцентристской направленности в общении со стороны всех рассматриваемых ролевых норм женского поведения: установка на замужество и материнство ($r = -0,499$ при $p < 0,05$), стремление быть хорошей хозяйкой ($r = -0,622$ при $p < 0,01$), значимость привлекательной внешности ($r = -0,781$ при $p < 0,01$), мягкость, чувствительность ($r = -0,732$ при $p < 0,01$), зависимость/самодостаточность в отношениях ($r = -0,800$ при $p < 0,01$), приверженность традиционалистской модели фемининности ($r = -0,821$ при $p < 0,01$).

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Юноши и девушки имеют значимые различия между собой по уровню выраженности следующих четырех видов направленности в общении: авторитарная, конформная, альтероцентристская и индифферентная. Следовательно, отмечается, что у юношей преобладают авторитарная и индифферентная виды направленности личности в общении, тогда как у девушек – конформная и альтероцентристская направленность в общении.

2. Большая приверженность юношей традиционалистским гендерным нормам, проявляющаяся в оценке мужской состоятельности через жесткое соблюдение правил демонстрации силы, независимости, достижения высокого социального статуса, способствует более выраженной склонности к авторитарному и индифферентному видам направленности в общении, предполагающим преобладание неравной позиции, при которой один субъект взаимодействия побуждает другого подчиниться себе и принять цели, не имеющие ничего общего с собственными устремлениями, либо игнорирование общения со всеми его проблемами. В свою очередь, имеющиеся результаты выборки девушек позволяют предположить, что большая приверженность их эгалитарным гендерным нормам, выражающаяся в равенстве возможностей развития современной женщины в различных сферах жизни, способствует более выраженной склонности к альтероцентристскому виду направленности в общении, при котором отмечается ориентация на цели и потребности партнера, в том числе, стремление глубже понять запросы другого для наиболее полного их удовлетворения.

Исходя из вышеприведенного, гипотеза о том, что существует связь между гендерными нормами и направленностью личности в общении, нашла свое подтверждение.

Литература

1. *Братченко С.Л.* Диагностика личностно-развивающегося потенциала: метод. пособие для школьных психологов. П., 1997.
2. *Зимина Н.А.* Психологическая диагностика коммуникативного потенциала личности: метод. рекомендации для студентов. Н. Новгород., 2015.
3. *Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография. М., 2017.

Мотивация учения у студентов колледжа с разным уровнем сформированности профессиональной идентичности

Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
yzverovskaya@bk.ru, social2003@mail.ru

Взаимосвязь мотивации учения и профессиональной идентичности студентов – важный аспект понимания особенностей образовательного процесса и карьерного развития личности, а также в целом – успеха профессиональной деятельности [1; 3; 4].

Профессиональная идентичность, формируемая в процессе становления личности, представляет собой комплекс взаимосвязанных отношений [6]. Ю.А. Поваренков определяет профессиональную идентичность через отношение личности к себе как к профессионалу, включая оценку реального или потенциального профессионального успеха, при этом отражая степень принятия ценностей, свойственных определенному профессиональному сообществу [5].

С целью выявления различий в мотивации учения у студентов с разным уровнем сформированности профессиональной идентичности мы провели эмпирическое исследование, участниками которого стали

102 студента технического колледжа г. Москвы в возрасте от 17 до 23 лет; 80% выборки составили мужчины. Использовались: методика «Якоря карьеры» (Э. Шейн, адаптация В.А. Чикер и В.Э. Винокуровой), методика изучения статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель), опросник «Цель – Средство – Результат» (А.А. Карманов), «Опросник профессиональной идентичности студентов» (У.С. Родыгина), тест учебно-профессиональной мотивации (Г.В. Резапкина).

Результаты исследования показали, что студенты, занимающие позицию активного отношения к приобретаемой профессии, в отличие от тех, кто ориентируется преимущественно на эмоции от удовлетворенности потребностей в профессии, имеют более выраженные показатели интернальности (критерий Манна-Уитни, $p = 0,026$), внутренней мотивации учения ($p = 0,045$), более адекватно оценивают результаты своей деятельности ($p = 0,048$), а также меньше ориентированы на стабильность места жительства в процессе профессионального выбора ($p = 0,021$).

Существуют различия в показателях мотивации учения у студентов с разным уровнем сформированности профессиональной идентичности. Так, у студентов, характеризующихся типами профессиональной идентичности «сформированная» и «мораторий», больше выражена мотивация автономности и предпринимательской деятельности, чем у других студентов (критерий Манна-Уитни, $p \leq 0,05$). На наш взгляд, полученные данные можно объяснить тем, что кризисное состояние моратория у студентов, в данный период времени обдумывающих возможные пути дальнейшей профессионализации, располагает их к поиску самостоятельных путей продвижения в карьере. У молодых людей, находящихся в состоянии «моратория», нередко нарушаются взаимоотношения с родителями и сверстниками, о чем свидетельствуют данные психологических исследований [1; 3; 4]. По-видимому, нестабильность взаимоотношений студентов, переживающих «мораторий», с представителями их ближайшего референтного окружения также способствует их интересу к видам профессиональной деятельности, предполагающим самостоятельность и независимость.

Что же касается студентов со сформированной профессиональной идентичностью, уже совершивших или готовых совершить

осознанный профессиональный выбор, то их мотивация самостоятельного продвижения в карьере в качестве фрилансера или предпринимателя может объясняться уверенностью в своем профессиональном будущем.

Также нами были найдены различия в показателях мотивации учения у студентов со сформированным типом профессиональной идентичности, по сравнению с их сверстниками, имеющими статус «навязанной» и «неопределенной» идентичности. Мотивация достижения, ориентация на интеграцию усилий других людей и готовность нести ответственность за конечный результат совместной деятельности, а также служение людям с целью совершенствования условий их жизнедеятельности, больше выражены у студентов со сформированной профессиональной идентичностью. Меньше всего к позиции служения склонны студенты с навязанным типом профессиональной идентичности.

Полученные в нашем исследовании результаты могут быть полезными в работе педагогов и психологов, направленной на оптимизацию профессионального становления студентов колледжа.

Литература

1. *Гордеева Т.О.* Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия развития: Дисс. ... д-ра психол. наук. Москва, 2013. 444 с.
2. *Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б.* Взаимосвязь мотивации учения и профессиональной идентичности у студентов колледжа // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. – 637 с. С. 169–172.
3. *Крушельницкая О.Б.* Социально-психологические факторы мотивации учения // Социальная психология образования. Учебное пособие / ред. О.Б. Крушельницкая, М.Е. Сачкова, Л.Б. Шнейдер. М.: Вузовский учебник: Инфра-М, 2017. С. 230–241.

4. Крушельницкая О.Б., Орлов В.А. Актуальные вопросы социальной психологии образования // Личность и группа в образовательном пространстве. Сборник научных трудов. Вып.4 / Под ред. О.Б.Крушельницкой. М., МГППУ, 2011, с.5 – 14.
5. Поваренков Ю.П. Системогенетический подход к характеристике профессионального самоопределения личности. Системогенез учебной и профессиональной деятельности // Материалы III всероссийской научно-практической конференции под ред. Ю.П. Поваренкова. Ярославль 09–10 октября 2007. – М.: «Канцлер». – С. 13–18.
6. Толстых Н.Н., Уланова И.Л. Отрочество: идентичность и субъектность // Вопросы психологии. 2015. № 1. С. 15–26.

Проявление эскапизма в киберпространстве

Зенчик С.С., Сечко Н.Ф.

*УО БИП, Минск, Республика Беларусь
stefanizencik@gmail.com, Ninelle05@mail.ru*

Несмотря на большой интерес психологов к проблеме эскапизма, а также достаточный объем научных публикаций по данной теме, важнейшие ее аспекты все еще остаются недостаточно изученными. Феномен эскапизма занимает значительное место в исследованиях современной культуры, для которой характерны перенасыщенность информацией и виртуализация реальности, возникшая и распространившаяся на почве развития компьютерных технологий [4, с. 2].

В отечественной литературе темы эскапизма и особенностей проявления эскапистского сознания были начаты в конце 1990-х – начале 2000-х гг. и в наибольшей степени представлены в философии и социологии [1; 2]. Д.Г. Литинская предложила деление эскапизма на инструментальный (служащий адаптации индивида) и экзистенциальный (представляющий собой «не столько бегство из социального мира с его нормами и рутинами в альтернативную реальность (игры), сколько осозанный отказ от встречи с Другим»

[2]. Э. Орлова (2012) отмечает, что «периодическое повторение однообразных действий и событий вызывает у людей негативную реакцию, называемую насыщением, или стрессом монотонии». Отсюда такие явления, как высокий рейтинг самоубийств в экономически благополучных обществах, широкое распространение наркомании и увлечение виртуальной реальностью [3, с. 2].

Е.Н. Шапинская рассматривает эскапизм как новую форму поиска идентичности, которая может привести личность к своеобразной душевной инвалидности в случае ее излишне глубокого погружения в кибернетическое пространство, и указывает на противоречивость эскапизма в киберпространстве. Автор считает, что позитивные стороны эскапизма в киберпространстве связаны с возможностью самовыражения и уменьшением выраженности повседневного стресса, вызванного рутинной и монотонией. Отрицательные стороны эскапизма в киберпространстве связаны с опасностью выпадения из реальной жизни, формированием зависимого поведения. В этом случае угроза состоит в формировании психических нарушений у человека [4, с. 3]. Исследователи Е.В. Беловол, Т.Н. Савченко, О.И. Теславская сходятся в принятии «бегства» в качестве нормативного механизма человеческого сознания, наиболее ярко проявляющегося на фоне жизненных трудностей.

Одна из самых популярных форм эскапизма в настоящее время – бегство в киберпространство. Виртуальное пространство формирует образы массового сознания в контексте глобальной виртуализации жизненных миров [4, с. 8].

Кроме возможностей уйти в миры романтических отношений и искусства, киберпространство имеет еще одну черту, привлекательную не только для убежденного эскаписта, но для человека «посткультуры» в целом. Имеется в виду создание собственной идентичности в виртуальном пространстве, что является одной из наиболее важных причин компьютерных пристрастий не только подростков, но и взрослых, не вполне состоявшихся людей [4, с. 11].

Э. Эванс считал «бегство» естественным механизмом, помогающим личности удовлетворить базовые потребности в безопасности и принятии, а развитие массового эскапизма объяснял стремительным ростом возможностей современной медиакультуры Э.

Эванс, указывает, что эскапизм является неотъемлемой частью современного медиасообщества. В реальной жизни при нехватке впечатлений человек может чувствовать дискомфорт от ощущения дефицита впечатлений в то время, как киберпространство предоставляет человеку неограниченные возможности для получения разнообразных впечатлений, не покидая привычного места пребывания [3].

Э. Эванс акцентирует внимание на отличии здорового от патологического эскапизма в киберпространстве. По его мнению, патологические проявления эскапизма в киберпространстве имеют тесную связь с такими психическими явлениями, как прокрастинация, отказ от принятия реальности и ее проблем, склонность к зависимому поведению, психозы и психотические состояния, когда у человека нарушена грань между реальностью и нереальностью. Положительные проявления эскапизма в киберпространстве рассматриваются в случае, когда они помогают человеку преодолеть стресс и жизненные сложности, но не уйти от них, а также, когда эскапизм в киберпространстве не приводит к нарушениям в реальной жизни [3].

К.С. Шалагиновой, Е.В. Декиной и Д.А. Ключевой эскапизм в киберпространстве рассматривается как уход от реальности в связи со сложной ситуацией в реальном мире, обусловленный страхом и нежеланием решать реальные проблемы. Опасность эскапизма в киберпространстве состоит в искажении когнитивных функций, эмоциональных и поведенческих реакций, что приводит к аддиктивному поведению [3, с. 97].

На негативные последствия эскапизма в киберпространстве указывает также М.П. Челомбицкая, в частности, на тот факт, что в киберпространстве не ограничено использование манипулятивных технологий управления молодым поколением, формированием у них нежелательных социальных установок, что несет угрозу благополучию общества. При уходе в киберпространство имеет место риск потери связи с реальностью. Все эти явления описывают негативные последствия и то, к чему может привести эскапизм в киберпространстве [2, с. 38].

Таким образом, эскапизм в киберпространстве по своим последствиям является неоднозначным явлением. При невыраженных формах авторами указывается на его положительные эффекты,

связанные со снижением стресса и возможностью самовыражения. При фиксации на виртуальной реальности и полном погружении в киберпространство указывается на негативное явление эскапизма, приводящее к развитию зависимости, нарушениям в психической и социальной сфере.

Литература

1. *Белов В.И.* Эскапизм: причины, функции и границы // *Инновационная наука.* – 2017. – № 03-1.
2. *Челомбицкая М.П.* Виртуальная реальность как проявление одной из основных форм эскапизма в молодежной среде // *Научный журнал «Архивариус».* – 2022. – Том.7. – №1 (64).
3. *Шалагинова К.С., Декина Е.В., Ключева Д.А.* Эскапизм и видеоигровая аддикция у подростков // *Психолого-педагогические исследования.* – 2023. – Том 15. – № 4.
4. *Шапинская Е.Н.* Эскапизм в киберпространстве: безграничные возможности и новые опасности // *Культурологический журнал.* – 2013. - №2 (12).

Саногенные эффекты добровольчества в отношении соматического и психологического здоровья

Золотарева А.А.

*НИУ ВШЭ, Москва, Россия
alena.a.zolotareva@gmail.com*

Понятие добровольчества определяет широкий круг деятельности, связанной с бескорыстным участием в решении социальных, культурных, экономических, экологических и психологических проблем в обществе. Специалисты отмечают, что добровольчество имеет саногенные эффекты в отношении психологического благополучия: оно повышает самооценку, развивает чувство принадлежности, увеличивает удовлетворенность отношениями, развивает стратегии совладания при решении повседневных задач, а также снижает интенсивность психологического дистресса и

уменьшает риски развития суицидального поведения и преждевременной смерти [2; 3; 5].

В настоящей работе описываются результаты двух эмпирических исследований, направленных на изучение саногенных эффектов добровольчества в отношении соматического и психологического здоровья и проведенных в рамках проекта «Исследование психологических особенностей людей, занимающихся волонтерской деятельностью».

Исследование 1: результаты опроса 305 волонтеров российских фондов и благотворительных организаций. Участники исследования (88% женщин, средний возраст – $34,07 \pm 13,32$) заполнили шкалу соматических симптомов (Somatic Symptom Scale-8, SSS-8), опросник «Спектр психологического здоровья» (Mental Health Continuum-14, MHS-14), Утрехтскую шкалу увлеченности работой (Utrecht Work Engagement Scale, UWES-9) с модифицированной инструкцией для оценки увлеченности волонтерской деятельностью, а также ответили на вопрос о том, как они оценивают свое физическое здоровье (с вариантами ответов «плохое», «посредственное», «хорошее», «очень хорошее» и «отличное»).

Среди опрошенных волонтеров 89% оценивали свое физическое здоровье положительно, 49% сообщали об оптимальном психологическом функционировании, 39% жаловались на соматические симптомы различной тяжести и интенсивности (например, боль в спине, головную боль, проблемы со сном). С ростом опыта добровольчества снижалась соматизация ($\beta = -0,49, p < 0,001$), а также повышались показатели эмоционального ($\beta = 0,22, p < 0,001$) и психологического благополучия ($\beta = 0,21, p < 0,001$), с ростом увлеченности добровольчеством повышались показатели социального ($\beta = 0,55, p < 0,001$), эмоционального ($\beta = 0,40, p < 0,001$) и психологического благополучия ($\beta = 0,36, p < 0,001$).

Исследование 2: результаты опроса 120 психологов-волонтеров, развивающих метод психотерапии десенсибилизации и переработки с помощью движения глаз и оказывающих бесплатную психологическую помощь нуждающимся. Участники исследования (93% женщины, средний возраст – $41,63 \pm 8,15$) заполнили шкалу соматических симптомов (Somatic Symptom Scale-8, SSS-8), опросник здоровья пациента (Patient Health Questionnaire-9, PHQ-9), шкалу

генерализованного тревожного расстройства (Generalized Anxiety Disorder-7) и Утрехтскую шкалу увлеченности работой (Utrecht Work Engagement Scale, UWES-9) с модифицированной инструкцией для оценки увлеченности волонтерской деятельностью.

Статистика симптомов соматического и психологического неблагополучия у психологов-волонтеров была значительно ниже статистики соматического и психологического дистресса в выборке первого исследования. Так, 3% психологов-волонтеров испытывали тревожные симптомы, 9% переживали депрессивные симптомы и 19% жаловались на соматические симптомы. С ростом увлеченности добровольчеством снижались симптомы тревоги ($\beta = -0,35, p < 0,05$), депрессии ($\beta = -0,34, p < 0,05$) и соматизации ($\beta = -0,28, p < 0,05$). Соматический и психологический дистресс оказался статистически значимо не взаимосвязанным с опытом добровольчества и профессиональной деятельности психологов-волонтеров.

Результаты описанных исследований подтверждают саногенные эффекты добровольчества в отношении соматического и психологического здоровья, при этом саногенными эффектами в большей степени обладает увлеченность добровольчеством, а не опыт волонтерской деятельности. Данные результаты совпадают с выводами зарубежных исследователей, показавших наличие статистически значимых взаимосвязей между добровольчеством и более низкими показателями психологического неблагополучия, а также отсутствие статистически значимых взаимосвязей между положительными эффектами добровольчества, стажем и объемом вовлеченности в волонтерскую деятельность [1; 2; 4].

Таким образом, добровольчество может рассматриваться как разновидность здорового образа жизни населения и инструмент для профилактики эмоционального и профессионального выгорания у специалистов помогающих профессий.

Литература

1. Chan W., Chui C.H.K., Cheung J.C.S., Lum T.Y.S., Lu S. Associations between volunteering and mental health during COVID-19 among Chinese older adults // Journal of

- Gerontological Social Work. 2021. V. 64. № 6. P. 599–612. DOI: 10.1080/01634372.2021.1904079
2. *Gu L., Liu F., Wang J., Li J., Wei J., Xu J.* Stress load and volunteer motivation of patient volunteers in Fangcang shelter hospitals in Shanghai, China during the COVID-19 pandemic: a cross-sectional survey // *BMJ Open*. 2023. V. 13. № 4. e066930. DOI: 10.1136/bmjopen-2022-066930
 3. *Luque-Suárez M., Olmos-Gómez M.d.C., Castán-García M., Portillo-Sánchez R.* Promoting emotional and social well-being and a sense of belonging in adolescents through participation in volunteering // *Healthcare (Basel)*. 2021. V. 9. № 3. P. 359. DOI: 10.3390/healthcare9030359
 4. *Sneed R.S., Cohen S.* A prospective study of volunteerism and hypertension risk in older adults // *Psychology and Aging*. 2013. V. 28. № 2. P. 578–586. DOI: 10.1037/a0032718
 5. *Yeung J.W.K., Zhang Z., Kim T.Y.* Volunteering and health benefits in general adults: Cumulative effects and forms // *BMC Public Health*. 2017. V. 18. № 1. P. 8. DOI: 10.1186/s12889-017-4561-8

Доверие как предиктор гражданской идентичности россиян: к постановке проблемы

Зотов А.Н., Ткаченко Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
a-zot2012@yandex.ru, tkachenkonv@mgppu.ru*

Феномен гражданской идентичности трансформировался в современной России: во времена СССР граждане, проживающие на территории РСФСР, не идентифицировали себя со своей республикой так, как это делали армяне, азербайджанцы, грузины, казахи и другие народы советских республик. Жители РСФСР скорее считали себя «советскими гражданами». Это привело в начале 90-х годов к кризису идентичности: граждане России редко идентифицировали себя с россиянами. Чаще более важной для них становилась этническая принадлежность. Однако за следующие десятилетия гражданская

идентичность россиян начала неуклонно расти, ее сила к 2011 году возросла в сравнении с силой этнической идентичности, стала преобладающей. При этом данная идентичность характеризуется авторами как негативная: она постепенно выстраивается на враждебности к другим государствам, после 2014 года резко возрос уровень гордости и, соответственно, идентификации себя с государством – обладателем Вооруженных сил [3, с. 29]. К тому же преобладает чувство обиды: за счет притока инокультурного населения, изменения этнического состава России в сравнении с СССР, чеченского конфликта и др. Идентичность здесь выполняет защитную функцию [2, с. 45].

При этом имплицитно понятно, что гражданская идентичность взаимосвязана с феноменом доверия. Это же подтверждается рядом отечественных (Акимов М.К., Гулевич О.А., Нестик Т.А., Осин Е.Н., Персиянцев С.В., Татарко А.Н.) и зарубежных (Brown R., Lenard P.T., Miller D., Pehrson, S., Vignoles V., Wright, M., Zagefka H.) авторов, изучающих и описывающих природу этой взаимосвязи. Также некоторые исследователи обращают внимание на взаимосвязь обозначенного феномена с глобальной идентичностью. О.А. Гулевич и Е.Н. Осин отмечают, что такая взаимосвязь более универсальна, а связка «гражданская (национальная) идентичность-доверие к другим» скорее свойственна российской выборке, поэтому больше внимания в нашей работе мы уделим именно российским исследованиям на смежные темы [5]. Предметом настоящего исследования выступает природа взаимосвязи гражданской идентичности россиян с различными видами и компонентами доверия. В фокусе внимания представлены: межличностное, институциональное, генерализованное доверие, а также такие его компоненты как надежность, единство, знание, приязнь, расчет, недостатки [4]. При этом наше исследование отчасти является подтверждающим: подобные исследования в той или иной форме проводились. Например, М.К. Акимовой и С.В. Персиянцевой было проведено сравнение московской, калужской и орехово-зубовской выборок студентов по взаимосвязи доверительных отношений и гражданской идентичности [1]; О.А. Гулевич и Е.Н. Осин в 2022 году провели исследование генерализованного доверия и милитаристских установок россиян и их связи с глобальной и национальной идентичностью [5]. Зарубежные психологи S. Pehrson,

R. Brown, H. Zagefka и V. Vignoles предполагают, что, наоборот, гражданская часть идентичности, в отличие от этнической части, является предиктором доверия; серия экспериментов и исследований, предметом которых стало как личное отношение граждан, так и нации в целом к иммигрантам, лишь отчасти подтверждает эту гипотезу [6]. Здесь стоит отметить, что национальная идентичность – крайне гибкое и подвижное явление, включающее в себя разные структуры, что приводит к дифференциации результатов исследований в зависимости от выборки. Даже на территории одной страны, в зависимости от региона, результаты могут существенно отличаться [1].

Связующим компонентом между исследуемыми нами феноменами является единство. Как доверие [1; 4 с. 126], так и гражданская идентичность [1; 6] среди прочих включают в себя функцию объединения, причем как на межличностном, так и на групповом уровне.

Выборка нашего исследования – студенты российских вузов. На данный момент собрано 85 ответов студентов возрастом от 16 до 38 лет; средний возраст 22 года, медианный – 21 год. Из них 60 женщин и 25 мужчин. Планируется собрать 160 ответов.

Мы предполагаем, что доверие является предиктором гражданской идентичности у российских студентов вузов. Для проверки гипотезы нашего исследования мы опираемся на следующие методики: «Шкала идентификации с человечеством» С. Макфарленда в адаптации Т.А. Нестика; «Шкала генерализованного доверия» Т. Ямагиши, адаптированная Е.А. Власенко; «Шкала межличностного доверия» Дж. Роттера в адаптации С.Г. Доставалова, модификация И.Ю. Леоновой и И.Н. Леонова; «Методика оценки доверия/недоверия личности другим людям» А.Б. Купрейченко. В социодемографический опрос вошли следующие позиции: пол, возраст, уровень образования, место рождения и проживания. Полученные данные будут обработаны в программе Jamovi 2.3.6. с помощью множественного регрессионного анализа.

Мы ожидаем, что генерализованное и институциональное доверие выступят значимыми предикторами доверия; среди компонентов доверия наиболее значимый вклад в гражданскую идентичность окажет единство.

Литература

1. *Акимова М.К., Персиянцева С.В.* Взаимосвязь доверительных отношений с показателями гражданской позиции // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2.
2. *Дробижева Л.М.* Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М., 2013.
3. *Зоркая Н.* Общественное мнение – 2016. М., 2017.
4. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. М., 2008.
5. *Gulevich O.A., Osin E.N.* Generalized trust and military attitudes in Russia: The role of national and global human identification // British Journal of Social Psychology. 2023. Vol. 62. № 3.
6. *Lenard P.T., Miller D.* Trust and National Identity // The Oxford Handbook of Social and Political Trust / ed. Uslaner E.M. NY, USA. 2018.

Временная перспектива и мотивация личности в эпоху цифровизации

Зудилова К.В., Крушельницкая О.Б.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kсениya.zudilova28@gmail.com, social2003@mail.ru

Время является едва ли не самым используемым понятием в жизни человека. Изучением времени с древнейших времен занимались физики и философы, а понимание его особенностей необходимо для управления и упорядочивания жизни. Таким образом, время является социальным инструментом для ориентации в пространстве и взаимодействия людей друг с другом. Именно на этом аспекте акцентируют свое внимание ученые-психологи – на личностном отношении ко времени и на его психологическом восприятии. Большой вклад в изучение временной перспективы личности внесли зарубежные исследователи (Ф. Зимбардо, Ж. Нютген, К. Левин и др.) и отечественные психологи (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, К.А. Абульханова, Т.Н. Березина, В.И. Ковалев и др.). Временная перспектива – это отношение человека ко времени, особенности

ориентации личности на прошлое, настоящее и будущее при организации своей жизни.

Мотивация, безусловно, является одним из фундаментальных феноменов в психологической науке. Мотивация личности изучается через призму различных психологических школ и подходов: А. Маслоу и гуманистическая психология, З. Фрейд и психоанализ, бихевиоризм и Э. Толмен, Б. Skinner и отечественная теория деятельности А.Н. Леонтьева. С точки зрения деятельностного подхода мотивы рассматриваются как опредмеченные потребности, которые формируют целенаправленную деятельность. В свою очередь, деятельность включает в себя три компонента: структурный, сознательный и мотивационный (мотив, цель, условия). Иерархия мотивов, по А.Н. Леонтьеву, составляет ядро личности, ее масштаб и характер определяется мотивационной сферой, а сама личность отражает то, ради чего человек действует [1].

Бельгийский психолог Ж. Нюттен предложил изучать временную перспективу с точки зрения когнитивно переработанной мотивации. Автор мотивационной теории временной перспективы считает, что мотивационное состояние создает общую ориентацию личности на будущее, при этом временная перспектива является пространством для мотивации. Имея в виду, что временная перспектива – это иерархия целей личности, Ж. Нюттен считал, что временная перспектива выполняет важную функцию сопоставления имеющихся возможностей и будущих целей, что позволяет личности функционировать в обществе [3]. Мы можем увидеть, что взгляды А.Н. Леонтьева и Ж. Нюттена на мотивацию сходятся в том, что она выступает неким регулятором деятельности, помогающим выстроить последовательность действий в настоящем для достижения цели в будущем.

Учитывая скорость социокультурных и технологических изменений, процесс цифровизации, тенденцию к повсеместному использованию сети Интернет, современное общество предъявляет к личности огромное количество требований в плане социализации, самоидентификации, самореализации и, в целом, к организации и упорядочиванию своей жизненной траектории. Изменение образа жизни в связи с использованием современных технологий повлияло на восприятие человеком времени. Проведенное в сети Интернет время трансформируется: границы между прошлым, настоящим и будущим

размываются, теряется ощущение времени и пространство реальной жизни [2].

Несмотря на возрастающий интерес психологов-исследователей к проблеме временной перспективы личности в условиях современности, существует относительно небольшое количество научных публикаций, посвященных исследованиям связи временной перспективы и мотивации личности. Ознакомление с этими исследованиями позволяет предположить, что мотивация личности выступает в качестве медиатора, который может способствовать организации своего времени и выстраиванию жизненной траектории.

С целью изучения взаимосвязи особенностей учебной мотивации с характеристиками реального самоопределения у студентов мы провели эмпирическое исследование. Одной из его гипотез выступало предположение о том, что чем больше студенты ориентированы на свое будущее, тем выше их учебно-профессиональная мотивация.

В исследовании приняли участие 85 студентов вузов и колледжей в возрасте от 18 до 23 лет (70,6% женщин и 29,4% мужчин). Использовались: методика «Мотивация обучения в вузе» (Т.И. Ильина), «Методика для диагностики учебной мотивации студентов» (А.А. Реан, В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой), «Опросник реального самоопределения» (Д.А. Красило) и «Опросник временной перспективы» (Ф. Зимбардо).

Результаты проведенного исследования показали, что существует положительная связь между показателями соотношения юношеской мечты с реальностью и выраженностью профессиональных мотивов ($r = 0,570$; $p = 0,01$), а также учебно-познавательных мотивов ($r = 0,477$; $p = 0,01$). Показатели обеспечения предварительного основания для карьеры значимо коррелируют с мотивацией приобретения знаний ($r = 0,225$; $p = 0,05$) и овладения профессией на уровне ($r = 0,402$; $p = 0,01$). Также было обнаружено, что ориентация на будущее значимо коррелирует с мотивацией приобретения знаний ($r = 0,347$; $p = 0,01$), с мотивами престижа ($r = 0,305$; $p = 0,01$) и профессиональными мотивами ($r = 0,466$; $p = 0,01$).

Полученные результаты позволили сделать следующие выводы:

- учебная мотивация студентов связана с их представлениями о себе в будущем;
- чем больше студенты ориентированы на будущее и рассматривают свой прошлый опыт как позитивный, тем больше выражены у них профессиональные мотивы учения;

- чем больше студенты ориентированы на будущее, то есть имеют четкие планы и жизненные цели, а также уверенность в своих силах и ответственность за свою жизнь, тем выше их профессиональная мотивация.

Выводы нашего исследования позволяют говорить о том, что наличие мотивации и ориентации на будущее позволяет организовывать свою деятельность в настоящем.

Выбрав в качестве теоретико-методологической основы нашего будущего исследования теорию деятельности А.Н. Леонтьева и мотивационную теорию временной перспективы Ж. Нюттена, мы предполагаем, что мотивация может выступать в роли регулятора временной ориентации современной личности. Таким образом, планируется дальнейшее изучение временной перспективы и мотивации личности в эпоху цифровизации.

Литература

1. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
2. *Лучистая Р.С.* Социальное время и временная перспектива личности / Р.С. Лучистая // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2023. – № 3(47). – С. 207-219. – EDN OEFUOD.
3. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, – 2004. – 608 с.

К вопросу об особенностях бизнес-образования

Иванов М.А.

*ВШБ НИУ ВШЭ, Москва, Россия
michaelivn@mail.ru*

Программы бизнес-образования постоянно трансформируются. Бизнес-школы вводят новые дисциплины и изменяют существующие, стараясь найти адекватный ответ на требования аудитории.

Первый, казалось бы, мощнейший импульс к изменениям был дан в период пандемии COVID-19. Период вынужденной изоляции мотивировал на перевод программ обучения в формат онлайн.

Тут же встал вопрос: если можно учиться дистанционно, в формате онлайн, то чем такое обучение отличается от существенно менее дорогого формата видеокурсов? Известно, что бизнес-обучение MBA (master of business administration), DBA (doctor of business administration) в ведущих московских школах – это дорогостоящее обучение.

Однако этот тренд быстро прекратился. Как сказал Владимир Сергеевич Копцев, профессор Высшей школы бизнеса НИУ ВШЭ, «оффлайн – это новая роскошь».

Слушатели специально выбирают очные программы обучения.

Следующий этап трансформации – начало СВО. Многие иностранные компании ушли с рынка, в связи с чем руководители и собственники столкнулись с необходимостью перестраивать започки поставок и сбыта, схемы финансирования. Появился запрос на международные модули, в частности, обучение в Китае. Даже краткосрочное погружение в другую культуру, в бизнес-опыт страны, с которой возможно сотрудничество, помогает предпринимателям перестраивать свои бизнесы здесь, в России.

Слушатели хотят разбираться в том, что есть в мире, чтобы расширить свой инструментарий. Отсюда появился запрос на глубокое изучение новых технологий.

Следующая тенденция, которую мы обнаруживаем – это желание интегрировать «hard skills» и «soft skills» (жесткие и мягкие навыки). Например, не просто изучение темы предпринимательства, а связанная с этим переговорная практика и практика управления конфликтными ситуациями. Не просто теория по организационному поведению, а практика коммуникаций руководителя с сотрудником в различных управленческих ситуациях. Таким образом, научные теории сразу находят подтверждение на практике, а практика получает достаточный фундамент, объясняющий эффективность предлагаемых алгоритмов. Зрелая аудитория требует не только ответ на вопрос «Как делать?», но и «Почему это работает, а это – нет?».

Перечислим темы, которые вызывают наибольший интерес слушателей в программе «Деловые коммуникации».

- Эффективные совещания. Почти 100% слушателей отмечают как проблему большое количество совещаний, отнимающих время и не приводящих к результату. Болезнью совещаний страдают многие

компании, как в крупном бизнесе, так и в мелком, среднем. Парадокс – все об этом знают, отмечают наличие проблемы, однако изменений нет.

- «Токсичные» сотрудники. Те, кто меняет микроклимат в коллективе на напряженный. Провоцирует конфликты между сотрудниками и подразделениями. Не учитывает интересы членов проектных команд, преследуя лишь личные цели. Запрос слушателей связан с поиском результативных моделей, алгоритмов коммуникаций с такими сотрудниками. Увольнение рассматривается как крайняя мера, к которой пока либо рано обращаться, либо крайне нежелательно в связи с уникальными компетенциями сложных в общении сотрудников.

- Отсутствие целеполагания у сотрудников. Сотрудники работают под пристальным вниманием руководителя, под его контролем. Без контроля эффективность снижается. Запрос слушателей связан с моделями коммуникаций – как делегировать, ставить задачи, чтобы уменьшить необходимость собственного участия.

- Алгоритмы обратной связи. Важная часть работы каждого руководителя. Если сотрудник выполнил задачу правильно, типовая ошибка – отсутствие обратной связи. К механизму обратной связи прибегают лишь в случаях необходимости корректировки поведения подчиненного. В итоге у сотрудников падает мотивация, пропадают ориентиры, по которым они могли бы отслеживать корректность своей деятельности в организации. Еще одна трудность, с которой сталкиваются руководители, связана со смешением функций в процессе диалога с подчиненным.

- Конфликты между подразделениями. В чем причины конфликтов, можно ли ими управлять и если можно, то как. Аудитория руководителей, как правило, делится на две части. Одна часть старается избегать конфликтов, другая относится к конфликтам как к неизбежному злу, с которым приходится мириться. Взгляд на конфликт как метод организационной диагностики, метод развития – то, с чем знакомим слушателей в ходе обучения.

- Работа со сложным руководителем. У многих слушателей бизнес-программ есть свои руководители. Если вышестоящий руководитель является причиной проблем, то можно ли что-то сделать, чтобы

уменьшить его негативное влияние на себя и подчиненных сотрудников.

Несмотря на существенные изменения в бизнес-среде, с которыми мы столкнулись в последние годы, тема эффективного менеджмента, в первую очередь, в части деловых коммуникаций вертикали «руководитель-подчиненный», остается актуальной. С развитием гибких методов управления проектами по методологиям семейства Agile, увеличением скорости изменения бизнес-процессов в организациях, большую актуальность приобретает навык решения горизонтальных конфликтов и переговоров в стиле «сотрудничество».

Получится ли соединить hard skills и soft skills в интегрированном образовательном потоке? Безусловно, получится. Программы бизнес-образования совершенствуются ежегодно. В ближайшем будущем обязательно появятся новые.

Особенности Я-реального и Я-виртуального у молодых людей с разными статусами виртуальной идентичности

Иванова А.В., Клементьева М.В.

*Финансовый университет, Москва, Россия
iivanova.av@mail.ru, marinaklementyva@yandex.ru*

Особенностью современного мира является тесная связь реальной жизни с виртуальным пространством. Проникновение цифровых технологий в повседневную жизнь человека изменяет его личность, что ставит перед психологами-исследователями задачу изучения соотношения Я и идентичности в реальной и виртуальной среде.

Идентичность изучена в разных аспектах: этническая, гендерная, профессиональная и тд. (Г.У. Солдатова, Е.Ю. Олейникова, Ф. Парсонс). «Я-образ» (физический, социальный, личностный, виртуальный и пр.), рассмотрен во взаимосвязях с психологическими переменным: самооценкой, ценностными ориентациями, межличностными отношениями и др. Вопрос о соотношении Я-образа и идентичности в реальной и виртуальной средах является дискуссионным. В современных исследованиях наметились две точки зрения на соотношение «Я-образа» и идентичности в реальной и

виртуальной среде: о содержательном и функциональном сходстве данных конструктов (И.В. Костерина, Л.В. Косенчук, Р.М. Valkenburg, M. Wängqvist, I. Granic, N. Doering и др.), и их различии (А.Е. Войскунский, Г.У. Солдатова, А.Н. Берестова, Д.Н. Погорелов и др.).

Развивая представление о виртуальной идентичности (ВИ) в русле интеграции неозериксоновской парадигмы (Дж. Марсиа, Д. Маттесон) с положениями культурно-исторической психологии (А.Е. Войскунский, Г.У. Солдатова и др.), рассматриваем, вслед за М.В. Клементьевой ее как «технологически опосредованный образ «Я», моделируемый самим пользователем в виртуальной среде, по отношению к личности носителя» [1]. Виртуальную идентичность психологи связывают с самопрезентацией личности в сети Интернет. Г.У. Солдатова с соавторами отмечает, что Я-социальное становится важным параметром оценки идентичности в онлайн-среде [3]. С точки зрения М.В. Клементьевой, статусы виртуальной идентичности образуются соотношением двух процессов – осмысленности принятия виртуальной идентичности и интенсивности ее поиска [1, с. 141]. Диффузная ВИ характеризуется низкой осмысленностью принятия и интенсивностью поиска, а на достигнутую указывают высокие баллы по этим шкалам. Мораторий виртуальной идентичности связан с высокой интенсивностью поиска и низкой осмысленностью принятия ВИ. Предрешенная ВИ характеризуется высокой осмысленностью принятия и низкой интенсивностью поиска ВИ.

Таким образом, несмотря на значительное количество исследовательских работ, вопросы соотношения Я-реального и Я-виртуального в ассоциации со статусами виртуальной идентичности недостаточно изучены.

Цель настоящего исследования – изучить социально-психологические показатели Я-реального и Я-виртуального в соотношении со статусами виртуальной идентичности.

Методики: тест межличностных отношений Лири [2], модифицированный нами на основе метода множественных идентификаций; опросник «Статус ВИ» М.В. Клементьевой [1]. Методы математической статистики: корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции Спирмена), сравнительный анализ (критерий Вилкоксона). В исследовании приняли участие 60 человек 18-25 лет, из них 41,7% мужчин.

Сравнительный анализ типов межличностных отношений Я-реального и Я-виртуального показал значимые различия между авторитарным, агрессивным, подозрительным, дружелюбным, альтруистическим типами (при $p < 0,01$). Уровень дружелюбия и альтруизма выше для Я-реального, чем для Я-виртуального. Авторитарный, агрессивный и подозрительный типы больше присущи Я-виртуальному (при $p < 0,01$). Более выраженные негативные типы межличностных отношений в виртуальности могут быть связаны с анонимностью самовыражения и небезопасностью Интернет-пространства.

Корреляционный анализ выявил положительные связи между шкалой интенсивности поиска ВИ и зависимым и дружелюбным типами межличностных отношений Я-реального, а также с подчиняемым, дружелюбным и альтруистическим типами межличностных отношений Я-виртуального (при $p < 0,01$). Возможно, стремление к поиску своего места, целей в виртуальной среде сопряжено с интенсивной межличностной коммуникацией человека, усиленными социальными контактами.

Сравнивая типы межличностных отношений у респондентов с разными статусами ВИ, можно сказать, что диффузная ВИ не ассоциирована с дружелюбием, альтруизмом, зависимостью (при $p < 0,01$). По нашему мнению, это связано с тем, что респонденты, не стремящиеся к поиску и принятию виртуальной идентичности, не склонны включаться в позитивную онлайн-коммуникацию.

Вывод. Я-реальное ассоциировано преимущественно с позитивными характеристиками межличностных отношений (дружелюбие, альтруизм), а Я-виртуальное – с негативными (авторитарность, агрессивность). Направленность онлайн-коммуникации определяет статус виртуальной идентичности – диффузная, предрешенная, достигнутая, мораторий.

Литература

1. *Клементьева М.В.* Идентичность: виртуальная или реальная? // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Том 13. №5.

2. *Собчик Л.Н.* Диагностика межличностных отношений : Модифицир. вариант интерперсон. диагностики Т. Лири : Метод. руководство. М., 1990.
3. *Солдатова Г.У., Чигарькова С.В., Илюхина С.Н.* Я-реальное и Я-виртуальное: идентификационные матрицы подростков и взрослых // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 4.

Тревожность как фактор регуляции деятельности курсантов образовательных организаций

Иванова П.С., Кузьмичева Н.А.

*Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя,
Москва, Россия
ivanova.p.s.2073@gmail.com, kuzmicheva30.92@mail.ru*

Периодически каждый человек в своей жизни сталкивается с таким явлением, как тревога или страх. В большинстве случаев возникновение данного явления связано с предстоящим событием, которое имеет большое значение, посредством проживания которого человек перестает переживать и ощущать состояние тревоги. Соответственно, тревога представляет собой естественную реакцию психики человека на изменившиеся условия окружающей среды. Фредерик Перлз в книге «Гештальт-семинары» писал: «Психиатрия создает слишком много шума вокруг симптома тревоги, мы живем в век тревоги, но тревога – это всего лишь напряжение между настоящим и будущим. Очень немногие люди могут выдержать такое напряжение, поэтому они заполняют пустоту репетициями, планированием, они «хотят быть уверенными», они хотят быть уверенными в том, что у них нет будущего. Они пытаются поддерживать стабильность, и это, конечно, блокирует любую возможность роста или спонтанности» [1, с. 218].

Сама по себе тревога – отрицательно окрашенная эмоция, чувство которой связано с осознанием неопределенности предстоящих событий, которые могут нести в себе неблагоприятный исход.

Значительное отличие тревоги от страха заключается в том, что при ощущении тревоги отсутствует полноценное осознание причины возникновения данного состояния, при этом нервная система находится в состоянии готовности, мобилизации, человек предчувствует наступление неблагоприятной ситуации.

Внутренняя структура тревоги характеризуется наличием смутного, длительного и расплывчатого страха по поводу событий, которые могут произойти. Тревога может возникать в нереалистичных ситуациях, представляющих реальную опасность для человека.

Общей чертой для состояния тревоги является чувство растерянности, незнания, что делать, ощущение заглупевания в тупик. В.М. Астапова определяет тревогу как сложное образование, в построении которого участвуют страх, печаль, стыд и чувство вины. Реалистическая тревога по З. Фрейду характеризуется тем, что организм формирует ответную реакцию на внешнюю угрозу, при этом соотношение уровня тревоги и пропорционального способности организма отвечать на нее – чем выше уровень тревожного состояния, тем ниже способность организма сопротивляться ей [2, с. 135].

Помимо негативных факторов, определяющих тревожность, существует ряд положительных характеристик, рассмотрим их на примере деятельности курсантов Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

Условно говоря, курсанты регулярно находятся в состоянии тревоги, потому что довольно часто возникают ситуации неопределенности, подводящие к наступлению тревоги. Однако, чем старше становятся обучающиеся, тем меньше они ощущают на себе тревогу. Это связано с адаптацией и пониманием того, что ситуация неизвестности в данном случае не несет никакой опасности, так как через подобные случаи курсанты проходят регулярно и привыкают к этому. К тому же, привыкание в данном случае порождает положительную динамику продуктивной деятельности: для преодоления неизвестной ситуации затрачивается большое количество ресурсов, что дает возможность успешно преодолеть создавшуюся напряженность. Однако подобные случаи могут приводить к крайним последствиям: в результате использования большого количества ресурсов, их восстановление происходит гораздо дольше и тяжелее,

что по итогу приводит к выгоранию на раннем этапе освоения профессиональной деятельности.

Крайнее проявление тревожности в большинстве случаев все же снижает эффективность деятельности, анализ изученной литературы показывает, что высокий уровень тревожности характерен для тех лиц, деятельность которых менее регламентирована или более опасна, в нашем случае, деятельность курсантов как будущих сотрудников полиции сопряжена с риском для жизни. Тревожность у курсантов имеет свою специфику. Она связана с осознанием риска для жизни в будущей профессиональной деятельности, физическими и психологическими перегрузками, высокой напряженностью и интенсивностью учебного процесса, необходимостью овладения теми способами деятельности, которые так или иначе могут помочь предотвратить наступление чрезвычайной ситуации.

Высокая тревожность негативно сказывается на мотивах и целях деятельности человека. В частности, она может заменить мотив деятельности за счет собственной мотивирующей силы, снизить мотивацию к успеху, привести к потере первоначальной цели, вызвать иррациональный выбор цели, разрушить действия в тревожных ситуациях, замедлить умственные действия, нарушить координацию произвольных движений и контроль над сложными произвольными движениями.

Таким образом, тревожность в большинстве случаев понимается как негативный процесс, протекающий в организме, однако в случае анализа учебной и служебной деятельности курсантов можно сказать, что она порождает адаптационные механизмы, необходимые для будущей профессиональной деятельности.

Литература

1. *Адлер А.* Очерки по индивидуальной психологии: Пер. с нем. / Альфред Адлер. – Москва: Когито-Центр, 2002. – 218 с.
2. *Бухановский А.О., Кутевин Ю.А., Литвак М.Е.* / Общая психопатология. - М., 1998. - С.132-142.

К вопросу привлечения и удержания молодых специалистов на крупном промышленном предприятии

*Игнатенко И.Н., Литвинова Е.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
optimalN11.2@gmail.com*

Проблема привлечения и удержания молодых специалистов непосредственно связана с проблемой создания, сохранения и увеличения человеческого капитала как стратегического ресурса организации. Из обзора Банка России «Мониторинг предприятий» следует что, «обеспеченность кадрами в IV квартале 2023 г. продолжала снижаться и обновила локальный минимум с I квартала 2020 года» [3, с. 3]. Кадровый голод – проблема масштабов не одной конкретной компании, а страны в целом. Он обозначился в начале XXI века, обострился как следствие пандемии, когда в стране резко сократилось количество трудовых мигрантов, и усугубился в связи с обострением внешнеполитической ситуации. Вместе с тем, как свидетельствует Росстат, «в России сохраняются крупные резервы незадействованной рабочей силы – молодежь в возрасте до 25 лет, где уровень безработицы в июле 2023 года составил 28,7%» [2, с. 2]. Молодые специалисты – уникальная часть кадрового состава предприятия. Они призваны, с одной стороны, компенсировать естественную убыль опытных кадров, а с другой, обладая огромным потенциалом, вносить новые, передовые идеи в решение насущных задач.

Объектом нашего исследования стала кадровая политика АО «Выксунский металлургический завод» Нижегородской области, на котором реализуются крупные инвестиционные проекты. Предприятие испытывает острую потребность в кадрах. Мы изучили внешний и внутренний рынок труда, влияние вовлеченности на снижение текучести персонала, рассмотрели актуальные зарубежные и отечественные практики привлечения и удержания молодых специалистов, проанализировали текущие методы кадровой политики предприятия и предположили, что для решения проблемы кадрового голода следует разработать специальную программу по привлечению и удержанию молодых специалистов. Нам показалось, что, используя

эффективные инструменты удержания, предприятие создает условия и для привлечения молодых специалистов, а, чтобы повысить адресность программы, необходимо учитывать социально-психологические причины, оказывающие влияние на вовлеченность и чистую текучесть кадров этой организации. Для проверки гипотез мы прибегли к анализу анкет 154 уволившихся по собственному желанию молодых рабочих в возрасте от 18 до 35 лет (31,8% женщин и 68,2% мужчин), опросу 108 наставников, протоколу фасилитационной сессии с наставниками (9 человек) и результатам исследования вовлеченности 9873 рабочих за 2023 год.

Результаты эмпирического исследования показали, что основными причинами увольнения молодых рабочих являются социально-экономические причины, а именно: поиск более оплачиваемой работы у мужчин (40,95%) и смена места жительства у женщин (32,7%). Опрос наставников и исследование вовлеченности выявили социально-психологические причины. При анализе ответов наставников, как ключевого звена системы адаптации молодых специалистов, мы обнаружили, что 43% респондентов не владеют инструментами качественной передачи производственного опыта, корпоративной культуры, выстраивания коммуникативных процессов с наставляемыми, так как не проходили обучения наставнической деятельности. Качественный анализ протокола фасилитационной сессии с наставниками подтвердил запрос на обучение инструментам работы с молодыми специалистами, а также на проведение психологических тренингов по развитию эмпатии, лидерских качеств, управления вниманием, искусству коммуникации. Интерпретация исследования вовлеченности выявила потребность обучения руководителей взаимодействию с молодыми рабочими, правильной и своевременной обратной связи. Для молодых рабочих оказалось важным, чтобы их слышали, ценили, чтобы они понимали возможные пути карьерного и личного развития.

Опираясь на результаты эмпирических исследований, мы определили основные мероприятия программы: обучение руководителей технологиям работы с молодыми специалистами; развитие каналов обратной связи между молодыми специалистами и линейными руководителями; разработка моделей карты карьерных треков молодых специалистов для горизонтального и вертикального

роста; содействие тиражированию лучших идей, предложений и проектов молодых специалистов; внедрение обучающих программ, направленных на развитие навыков эффективного межкультурного взаимодействия; поддержание и развитие условий для реализации молодежью проектов по решению социальных проблем. В предлагаемых мероприятиях и проектах акцент сделан на социально-психологических условиях, призванных помочь молодым рабочим осознать свои ценности, значимость, возможности и предпосылки для личностного и профессионального развития, социального признания. М. Армстронг отмечал, что «есть великолепный способ удержать людей – просто дать им понять, насколько высоко их ценят» [1, с. 414]. Особое внимание в комплексе мероприятий мы уделили развитию self-skills – навыков самоорганизации и самоактуализации как базовых компетенций и ценностных ориентиров современных молодых специалистов.

Предложенные в рамках программы проекты и мероприятия способствуют снижению затрат на подбор, адаптацию и развитие молодых специалистов, формированию кадрового потенциала и образа предприятия как эффективного работодателя на рынке труда, престижного места трудоустройства. Программа привносит новые формы и методы в существующие практики работы с потенциальными и действующими сотрудниками, создает единую коммуникационную среду для участников реализации мероприятий, устраняя автаркию подразделений, повышает качество управления человеческими ресурсами на предприятии, формирует предпосылки для снижения текучести кадров и роста укомплектованности производств. В последующем программу можно будет масштабировать, скорректировав ее с учетом особенностей конкретного предприятия.

Литература

1. *Армстронг М.* Практика управления человеческими ресурсами. – 14-е изд. – СПб., 2018.
2. *Мануйлова А.* Рынок труда в России // Коммерсантъ. – 2023, 12 сентября - №168 - С.2. [Электронный ресурс]: - Режим доступа: URL:

https://www.kommersant.ru/doc/6210733?from=doc_vrez (дата обращения: 12.09.2023).

3. Мониторинг предприятий. 2024 //Банк России: официальный сайт. – Текст: электронный. – Режим доступа: <https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/48898/0224.pdf> (дата обращения: 22.02.2024).

Взаимосвязь копинг-стратегий личности и агрессивности у подростков

Ильин К.С., Шацков П.А.

Балашовский институт (филиал)

*ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского», Балашов, Россия
shackovpavel@yandex.ru*

Важным условием психофизиологического здоровья и гармоничного развития личности подрастающего поколения выступает способность успешно адаптироваться и противостоять негативному влиянию внешних стрессовых факторов. Данная способность воплощается в копинг-стратегиях личности. Активный целенаправленный и своевременный выбор подростками соответствующей копинг-стратегии в определенной проблемной стрессовой ситуации способствует их успешной адаптивности, развитию позитивной Я-концепции, адекватной самооценки, эмоциональной стабильности и уверенности в себе [1; 2].

В зарубежной и отечественной психологической науке существуют значимые разногласия в трактовке понятия «копинг-стратегии», они определяются: как механизмы защиты личности (А. Фрейд и др.), как факторы адаптивности и самоэффективности поведения человека (А. Бандура и др.), как условия развития самоактуализации личности (А. Маслоу и др.), как факторы сохранения равновесия между требованиями окружающей среды и личностными ресурсами человека (Р. Лазарус и др.), как стрессоустойчивость личности (В. А. Бодров, А. П. Катунин и др.), как способность человека к совладающему поведению (Т.Л. Крюкова, Е.С. Михайлова и др.). В современных психологических исследованиях определяются роль конструктивных

копинг-стратегий в преодолении чрезмерной агрессивности у подростков (А.А. Реан и Е.С. Кошелева), агрессивность подростков может выступать как копинг-стратегия в определенных стрессовых ситуациях [3].

В рамках изучения особенностей означенной проблематики нами была выдвинута гипотеза, что существует взаимосвязь копинг-стратегий и агрессивности в подростковом возрасте. Исследование проводилось на базе МОУ СОШ № 12 Саратовской области г. Балашова. В эмпирическом исследовании принимали участие 35 подростков, учащихся 8-х классов (13-14 лет).

Для проверки гипотезы использовался метод ранговой корреляции Ч.Э. Спирмена. В итоге были получены следующие результаты.

Выявлена значимая отрицательная корреляция ($r = -0,391$, при $p \leq 0,05$) уровней выраженности копинг-стратегии «Поиск разрешение проблем» и уровней проявления агрессивности у подростков. Следовательно, можно утверждать, что чем выше уровень выраженности копинг-стратегии «Поиск разрешение проблем», тем ниже уровень проявления агрессивности у подростков.

Выявлена высокая значимая отрицательная корреляция ($r = -0,503$, при $p \leq 0,01$) уровней выраженности копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» и уровней проявления агрессивности у подростков. То есть, можно утверждать, что чем выше уровень выраженности копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки», тем ниже уровень проявления агрессивности у подростков.

Выявлена значимая положительная корреляция ($r = 0,349$, при $p \leq 0,05$) уровней выраженности копинг-стратегии «Избегание проблем» и уровней проявления агрессивности у подростков. Следовательно, можно утверждать, что чем выше уровень выраженности копинг-стратегии «Избегание проблем», тем выше уровень проявления агрессивности у подростков.

Таким образом, конструктивные копинг-стратегии «Поиск разрешение проблем» и «Поиск социальной поддержки» отрицательно коррелируют с уровнями проявления агрессивности у подростков. Чем выше уровень выраженности данных копинг-стратегий у подростков, тем ниже у них уровень проявления агрессивности. При этом неконструктивная копинг-стратегия «Избегание проблем» способствует проявлению чрезмерной агрессивности у подростков.

Также в ходе исследования определен значительный процент подростков с низким уровнем выраженности конструктивных стратегий «Поиск разрешение проблем» и «Поиск социальной поддержки», а также с высоким уровнем проявления агрессивности. Все это указывает на необходимость разработки психологических рекомендации по развитию конструктивных копинг-стратегий и коррекции высокого уровня агрессивности у подростков.

Литература

1. *Азимова С.Ф.* «Копинг-стратегии» и «Копинг-поведение» подростков / С.Ф. Азимова // АCADEMY. – 2020. - № 12 (63). – С. 113-116.
2. *Горшенкова А.О.* Копинг-стратегии в подростковом возрасте / А.О. Горшенкова, Л.К. Широкова, С.М. Сущева, Е.А. Рыбина, В.В. Разумова // Гуманитарные научные исследования. - 2022. - № 6. - [Электронный ресурс]. – URL : <https://human.snauka.ru/2022/06/50324> (дата обращения: 01.11.2023).
3. *Губарева Г.А.* Агрессивный подросток: особенности копинг-стратегий поведения/ Г.А. Губарева // Социальная психология здоровья и современные информационные технологии : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. семинара, Брест, 15 апр. 2022 г. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: А. В. Северин, С. Л. Ящук. – Брест : БрГУ, 2022. – С. 39-42.

Проблемы социально-психологической адаптации комбатантов с ПТСР

Исаева С.А.

*ГБУ МСПП, ГБУ РГУ им. А.Н. Косыгина (Москва, Россия)
zampsy@mail.ru*

Адаптация к переживанию травмирующих событий у бывших военнослужащих становится в настоящее время особенно актуальной. Участники боевых действий и их ближайшее окружение нуждаются в особенном внимании специалистов в области психического здоровья

сегодня, поскольку последствия событий, связанных с СВО скорее всего будут длительными и негативно скажутся на психическом здоровье многих людей.

Человек, который воевал, должен заново адаптироваться к мирной жизни, поскольку она разделилась на «до и после», он испытывает отчуждение от общества, перед ним встает сложнейшая задача найти смысл в «незнакомом социальном пространстве», переосмыслить опыт, приобретенный в зоне боевых действий, скорректировать систему самовосприятия и восприятия других.

Психологические последствия, возникающие у людей, пришедших из зон боевых действий, подробно описаны в научной психологической и медицинской литературе как посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) [6; 7; 9].

Концепция американского врача-психолога Б. Колодзина в книге «Как жить после психической травмы» заключается в том, чтобы не «втиснуть» ветеранов в общепринятые стандарты в социуме, чтобы помочь им социально адаптироваться и стать «нормальными», а в том, чтобы принять свои переживания и свой опыт как норму. Автор пишет, что посттравматический стресс – это «нормальная реакция на ненормальную ситуацию: если вы болезненно реагируете на болезненные события, это вовсе не означает, что вы сошли с ума» [2, с. 54].

Отечественные авторы (Е.С. Калмыкова, Л.А. Китаев-Смык, М. Магомед-Эминов, Е.Ю. Петрова, Н.В. Тарабрина и др.) считают любые нарушения психического здоровья, вызванные пребыванием человека в экстремальных условиях, именно болезнью или такими изменениями в психике, которые нужно лечить или корректировать [1; 3; 4; 8].

По мнению Е.Ю. Петровой, «чем тяжелее и сложнее была ситуация, тем больше разнонаправленных и сильных импульсов было у человека, который пережил стресс. Чем меньше с человеком разговаривали после ситуации («может, как-то сам забудет, отвлечется»), тем больше эти импульсы создают основу для недифференцированной тревоги. И тревога эта суммируется с событиями актуального времени, но никак не может найти своего разрешения. И, в свою очередь, становится питательной средой для развития ПТСР» [5].

Помимо самих травматических событий, есть другие факторы, способствующие «утяжелению» стрессовых реакций: наличие физических травм, злоупотребление психоактивными веществами, зависимые черты в характере личности, интроверсия, экстернальный локус контроля, одиночество или отсутствие социальной поддержки, травматический анамнез детства, недостаточно развитые коммуникативные навыки и др.

Психологическая работа по устранению последствий ПТСР и адаптации к мирной жизни должна вестись не только с участниками боевых действий (комбатантами), но и с их ближайшим окружением, поскольку они являются частью своих семей, друзей, коллектива, т.е., единого целого - общества. Человек и социум взаимосвязаны, поэтому чем сильнее травмирован один человек, тем сильнее травмировано общество. В военных операциях задействовано много людей, которые, возвращаясь, могут существенно влиять на дальнейшее развитие социума, способствуя формированию военизированного сознания, агрессивных защитных механизмов и пр.

Соответственно, необходимо создавать и проводить специальные образовательные программы, и привлекать в них членов семей и ближайшего окружения людей с ПТСР, где в понятной форме объяснять, что травматические события можно «переваривать» вместе, и лучшая профилактика – это дать возможность выговориться, дать место сложным и противоречивым чувствам и реакциям.

Так же, как температура при болезни, стрессовое расстройство является адаптационной, защитной реакцией организма, но посттравматический стресс – это «избыточная» реакция, с которой можно работать практическим психологам с целью превратить эту реакцию в посттравматический рост и развитие.

Важно использовать наработки исследователей в практической деятельности в помощи людям с ПТСР с целью восстановления и сохранения стабильного эмоционального состояния, критерием эффективности которых должны стать восстановление чувства безопасности и доверия, выработка стратегий совладания со стрессами и обучение навыкам регуляции эмоций, осмысление травмы в контексте жизненного опыта.

Обзор научных подходов и эмпирических исследований посттравматического роста личности позволяет сформулировать несколько выводов.

1) Травматическое событие создает трудности для интеграции и согласованной работы различных личностных структур (когнитивной, аффективной, смысловой, поведенческой, мотивационной), системы социальных отношений и связей (межличностные отношения, социальные статусы и роли, социальная и индивидуальная идентичности), представлений о себе и окружающем мире.

2) К социально-психологическим факторам переживания травматического опыта относятся: изменения в структуре самовосприятия, самокатегоризации и самоотношения личности; влияние травматического события на качество межличностных отношений и систему социальных связей личности; особенности индивидуальной системы представлений о мире и о себе; качества социально-психологической поддержки.

3) Феномен посттравматического роста описывает специфическую форму личностного развития, осуществляемого через реализацию усилий по интеграции травматического опыта и его последствий в согласованный и непрерывный личностный опыт, и важным условием посттравматического роста личности является поиск внешних ресурсов и поддержки.

Литература

1. *Китаев-Смык Л.А.* Стресс войны: Фронтовые наблюдения врача-психолога /М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии. - М., 2001. - 80 с. ISBN 5-93719-018-1.
2. *Колодзин Б.* Как жить после психической травмы. М., 2012.
3. *Маклаков А.Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2011. Т. 22.
4. *Муздыбаев К.* Стратегия совладания с жизненными трудностями / Л. Муздыбаев. // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. - Т.1. - Вып. 2. - С. 3.
5. *Петрова Е.Ю.* ПТСР: практика работы психолога со страхами детей и взрослых // Профессиональное интернет-издание «Психологическая газета» <https://psy.su/feed/7240/>
6. *Селье Г.* Очерки об адаптационном синдроме, М., 1960.
7. *Сьедим С.И., Абдурахманов Р.А.* Психологические последствия воздействия боевой обстановки: краткая история

- изучения психологических последствий участия в боевых действиях // Армия и общество. 2015. № 2.
8. *Тарабрина Н.В.* Психология посттравматического стресса: Теория и практика, М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 304 с.
 9. World Health Organisation. The ICD-10 classification of mental and behavioural disorders: clinical descriptions and diagnostic guidelines [Elektronnyi resurs]. Geneva: WHO, 1992. 377 p. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/37958> (Accessed 15.03.2020).

Базовые психологические потребности сотрудников организации и их представления об организационной культуре

Каракаш А.А., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Alex_Karakash@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

На сегодняшний день имеются данные, подтверждающие взаимосвязь трудовой мотивации и организационной культуры компании. Однако исследований, посвященных изучению потребностей сотрудников в данном контексте, довольно мало. Теории потребностей являются популярными благодаря своей логичности и удобству в использовании. В нашем исследовании мы опираемся на теорию самодетерминации Э. Диси и Р. Райана, которая постулирует наличие трех основных базовых психологических потребностей: в автономии, компетентности и связанности. Потребность в автономии определяется как стремление человека быть субъектом, контролировать ситуацию, ощущать автономию собственного поведения. Потребность в компетентности подразумевает ощущение человеком себя как эффективного и компетентного, способного справляться с задачами разного уровня сложности. Потребность в связанности выражается в желании человека устанавливать надежные доверительные отношения, основанные на поддержке и принятии. Эти потребности являются доминирующими в различных областях жизни человека и

определяются как универсальные и врожденные. Способ и степень их удовлетворения во многом зависят от социокультурного контекста, возможностей и препятствий среды. Постулируется, что только удовлетворение всех трех базовых потребностей способствует психологическому здоровью и благополучию, а фрустрация какой-либо из них приводит к патологии и неблагополучию [2].

Интегрируя подходы различных авторов, организационную культуру можно определить как систему убеждений, норм и ценностей, которые отражают ее индивидуальность и являются неписаными правилами, определяющими нормы работы и поведения сотрудников в данной организации. В исследовании мы опираемся на концепцию организационной культуры Л. Константина, который выделил четыре основные организационные парадигмы, присутствующие в современных компаниях. Каждая из них характеризуется определенным набором свойств. Так, «закрытая» парадигма подразумевает жесткую иерархическую структуру, четко заданные границы ответственности, как правило, авторитарного руководителя, который единолично принимает решения, контролирует, вводит санкции и распределяет информацию по собственному усмотрению. Противоположностью является модель «случайной» организации, которая способна к быстрой перестройке, поскольку основана на автономии и свободе для творчества своих сотрудников, не имеет четко закрепленной структуры и характеризуется случайным характером принятия решений и распределения информации. Для «открытой» парадигмы характерно равноправие и совместность сотрудников, в качестве основной формы работы выступает дискуссия, а выработка решений происходит на основе консенсуса, при одинаковом владении всеми информацией. Подобная организация способствует формированию чувства «мы» и проявлению инициативы работников. «Синхронная» организация имеет четкую структуру и направляется фигурой харизматического лидера, который вдохновляет людей на достижение поставленной им цели за счет мотивации сотрудников и увязывания их персональных интересов с интересами организации. В любой организации представлены все четыре парадигмы, однако одна из них обычно является доминирующей [1; 3].

В нашем исследовании приняли участие сотрудники российской компании по производству систем радиационного контроля. Всего 126 человек, среди них 57 респондентов (45,2%) мужского пола и 69 респондентов (54,8%) женского. Среди опрошенных 97 человек (77%) являются линейным персоналом организации и 29 человек (23%) занимают руководящую должность.

Исследование показало, что в представлениях сотрудников об актуальном состоянии организации преобладают «закрытая» (32%) и «открытая» (31%) организационные парадигмы. Результаты корреляционного анализа выявили следующие взаимосвязи: все три базовые потребности отрицательно коррелируют с величиной различия между реальной и идеальной организационной парадигмой у каждого респондента ($r = -0,457$; $r = -0,358$; $r = -0,324$; $p \leq 0,01$). Люди, оценивающие организационную культуру в компании больше как «закрытую», имели меньшую удовлетворенность потребностей в автономии ($r = -0,364$; $p \leq 0,01$) и связанности ($r = -0,372$; $p \leq 0,01$). Сотрудники, которые описывали организационную культуру в характеристиках «открытой» парадигмы, имели большую удовлетворенность всех трех базовых психологических потребностей ($r = 0,505$; $r = 0,284$; $r = 0,364$; $p \leq 0,01$).

Данные результаты можно интерпретировать следующим образом. В случае неудовлетворенности базовых потребностей у сотрудника будет желание изменить актуальную организационную культуру в сторону более предпочтительной лично для него. Преобладающие в компаниях с «закрытой» парадигмой четкая определенность, иерархичность и контроль фрустрируют у сотрудников потребности в автономии и связанности. В то время как характеристики «открытой» организации – демократичность, равноправие, ощущение причастности к организации в большей степени удовлетворяют, соответственно, потребности в автономии, компетентности и связанности. Подобный вывод также подтверждается коллективным образом предпочитаемой организационной культуры, где доминирующей парадигмой стала именно «открытая» (45%).

В данном случае также важно помнить, что выраженность и степень удовлетворенности каждой из базовых психологических потребностей индивидуальна и может варьироваться от сотрудника к

сотруднику при схожих условиях среды, что подчеркивает необходимость дальнейших исследований по данной проблематике.

Литература

1. *Магура М.И.* Организационная культура как средство успешной реализации организационных изменений // Управление персоналом. 2002. №1.
2. *Осин Е.Н., Сучков Д.Д., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю.* Удовлетворение базовых психологических потребностей как источник трудовой мотивации и субъективного благополучия у российских сотрудников // Психология. Журнал ВШЭ. 2015. №4.
3. *Погодина А.В.* Социально-психологическое обеспечение формирования и развития организационной культуры: учебное пособие. – М.: МГППУ, 2010.

Особенности идентичности взрослых людей разного пола и возраста

Карманова А.В., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
karmanova1725@gmail.ru, nnvt@list.ru

Вследствие социокультурных и социально-экономических изменений, которые произошли за последнее время, в большинстве стран наблюдается удлинение периода взросления, и становление идентичности не ограничивается подростковым возрастом, а продолжается не только в период «формирующейся взрослости», но и во взрослом возрасте.

Цель нашей работы – изучение особенностей идентичности взрослых людей разного пола в разные периоды взрослости.

Одна из частных гипотез предполагала наличие взаимосвязи между статусом идентичности и полом, а также между статусом идентичности и возрастом в период средней взрослости.

Исследование было проведено с использованием платформы для создания опросов и онлайн-форм «Google Forms». Выборка представлена 157 русскоязычными интернет-пользователями из разных регионов РФ и других стран (111 женщин и 46 мужчин) в возрасте 27-45 лет, из них 32% респондентов в возрасте 27-32 года, 36% – в возрасте 33-38 лет, 32% – в возрасте 39-45 лет. На момент исследования 85% его участников работали, 15% были безработными. Из числа респондентов 31% имеют два и более высших образования (или имеют одно высшее образование и в настоящее время получают второе высшее), 54% – одно высшее (законченное), и 15% – среднее, среднее специальное или высшее незаконченное. Большинство мужчин и женщин (57%) состоят в браке, 31% холосты/не замужем, 12% разведены. 54% респондентов имеют одного и более детей, 46% детей не имеют.

Для проверки выдвинутой гипотезы были использована методика Е.Л. Солдатовой для диагностики структуры эго-идентичности «СЭИ-тест» [2]. Для статистического анализа полученных данных применялся критерий Хи-квадрат Пирсона.

СЭИ-тест был разработан «в рамках концепции нормативных кризисов развития, которая объединяет в себе теорию статусов Дж. Марсиа, эпигенетическую концепцию Э. Эриксона и отечественные культурно-исторические представления о закономерностях психического развития личности» [1, с. 52]. Е.Л. Солдатова разделяет идею Эриксона [3] о формировании идентичности на протяжении всей жизни и считает, что индивидуальная структура личности изменяется в динамике нормативных кризисов, которые происходят между стабильными этапами развития, соответственно изменение структуры личности происходит в соответствии с возрастными задачами. В период этих кризисов человек пересматривает цели и ценности, осуществляет переопределение своей идентичности. Каждой фазе кризиса соответствует определенный статус идентичности. В начале кризиса – идентичность предreshенная, заданная новой социальной ситуацией; в самом процессе кризиса – диффузная, в завершении кризиса – достигнутая идентичность [2]. Преимуществом СЭИ-теста является возможность его применения на выборках практически любого возраста. В рамках данной методики диагностики структуры эго-идентичности рассматривается не только общий показатель, но и

показатели по следующим шкалам: «Ответственность за выбор» или «Творческая сила развития», «Самодостаточность» или «Сила эго», «Осознанность жизненного пути», «Эмоциональная зрелость», «Принятие настоящего», «Осознанность собственных ценностей», «Соответствие себе».

Результаты проведенного нами исследования подтвердили выдвинутую гипотезу, а именно:

1) Выявлена статистически значимая взаимосвязь между возрастом и статусом эго-идентичности по шкале «Соответствие себе» ($p < 0,05$). В каждой возрастной группе преобладают статусы эго-идентичности «Предрешенный/Диффузный». Максимальная доля респондентов (92%) со статусами эго-идентичности «Предрешенный/Диффузный» наблюдается в возрастной группе 39-45 лет. Доля респондентов со статусами эго-идентичности «Предрешенный/Диффузный» в возрастной группе 33-38 лет – 88%, в возрастной группе 27-32 года – 74%. То есть с возрастом становятся сильнее сомнения в ценности быть собой, доверять себе, менее важным становится соответствие своему «Я», меньше уверенности в том, что можно меняться без потери самотождественности. Подвергается сомнению чувство устойчивости в сфере социальных отношений.

2) Выявлена статистически значимая взаимосвязь между полом и статусом эго-идентичности ($p < 0,05$) по шкале «Эмоциональная зрелость» в период 27-32 года. Среди женщин в возрасте 27-32 года преобладающая доля респондентов со статусом эго-идентичности «Предрешенный/Диффузный» (81%). То есть у значительного большинства женщин в возрасте 27-32 года есть сомнения в принятии своих чувств, даже самых сильных, и в доверии своим эмоциональным проявлениям. Такие женщины могут полностью отрицать переживания сильных эмоций, в том числе отрицательных. Они могут стремиться подавлять собственных сильные переживания и проявления. В свою очередь, среди мужчин в возрасте 27-32 года доля респондентов со статусами эго-идентичности «Предрешенный/Диффузный» и «Автономный» практически одинакова.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование продемонстрировало наличие взаимосвязи между возрастом и

статусом эго-идентичности по шкале «Соответствие себе», а также взаимосвязь между полом и статусом эго-идентичности по шкале «Эмоциональная зрелость» в возрасте 27-32 года. В возрасте 39-45 лет наблюдается максимальная доля респондентов со статусами эго-идентичности «Предрешенный/Диффузный». У женщин в возрасте 27-32 года чаще встречаются статусы эго-идентичности «Предрешенный/Диффузный». У мужчин в этом же возрасте статусы эго-идентичности «Предрешенный/Диффузный» и «Автономный» встречаются с одинаковой частотой.

Ограничением исследования является несбалансированность выборки по полу (с преобладающим числом респондентов-женщин) и по географии (большинство респондентов из Москвы и Московской области), а также особенности сбора данных (посредством онлайн-форм «Google Forms»), то есть выборка ограничена мужчинами и женщинами, так или иначе имеющими доступ к интернету.

Литература

1. *Бенко Е.В.* Субъективное благополучие человека, переживающего нормативный кризис развития личности: Дис. ... канд. психол. н. Челябинск, 2017.
2. *Солдатова Е. Л.* Структура и динамика нормативного кризиса перехода к взрослости. Челябинск, 2007.
3. *Эриксон Э.Г.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

Влияние утраты родителя в подростковом возрасте на уровень экзистенциальной исполненности жизни молодых людей

*Карунин И.В., Коркина М.А., Шкиндер Т.А., Иванова Е.М.
ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия
lucis.exquesitor@mail.ru*

Подростковый возраст выступает наиболее сложным этапом онтогенеза, так как именно в этот период особенно интенсивно формируется эгоидентичность, меняется ценностно-смысловая сфера, начинается становление ролевых моделей взрослого поведения [2].

Различные исследования показывают, что, хотя смерть родителя наиболее тяжело переживается детьми раннего и дошкольного возрастов, именно переживания подростков оказывают наиболее сильное влияние на личностное развитие и психологическое благополучие индивида [2]. Потеря родителя в этот возрастной период способствует разрушению «Я-концепции», что приводит к глубоким экзистенциальным нарушениям и формированию преморбидной идентичности [5]. Личность с преморбидной идентичностью имеет предрасположенность к развитию невротических и психотических расстройств, формированию девиантного поведения [4; 5]. Это подтверждается данными, что среди психически больных число потерявших родителей больше, чем среди остального населения [3]. Так, в детском психиатрическом отделении из числа изученных больных только 41% воспитывался обоими родителями, причем у 18% пациентов умер один или оба родителя [3]. Такие подростки обладают более высокими показателями соматизации, интерперсональной чувствительности, депрессии, тревожности, враждебности, проявляют навязчивые страхи, паранойяльные тенденции и психотизм [2]. Многие из потерявших одного или обоих родителей в подростковом возрасте сталкиваются с трудностями в общении и в учебе, конфликтами с окружающими [3], что влияет на их положение в обществе, развитие поведенческих проблем, вызывающих социальные отклонения. В результате нарушения ценностно-смысловой сферы происходит снижение социальной адаптации; находясь в постоянном поиске своей роли в обществе, индивид сталкивается с возникновением негативных представлений как о себе, так и о других людях, что приводит к излишней подозрительности и осторожности во взаимоотношениях [5; 8]. Понимание того, как потеря близкого в подростковом возрасте влияет на развитие экзистенциальных параметров личности, представляется весьма важным для разработки эффективных методов профилактики, психокоррекции и психотерапии психических расстройств и девиантного поведения среди людей, столкнувшихся с утратой, а также для расширения концептуального аппарата психологической науки.

Целью исследования является изучение влияния утраты родителя в подростковом возрасте на уровень экзистенциальной исполненности жизни молодых людей.

В ходе исследования при помощи онлайн-формы было опрошено 40 испытуемых в возрасте от 17 до 24 лет (возрастная группа молодежи, по классификации ООН). Экспериментальная группа включала в себя 20 молодых людей (8 юношей и 12 девушек, средний возраст составил 19,75 лет), столкнувшихся со смертью родителя в подростковом возрасте (средний возраст утраты – 15,45 лет). Контрольная группа состояла из 20 человек (9 юношей и 11 девушек, средний возраст – 18,7 лет), не имеющих данного опыта. Для оценки экзистенциальной исполненности использовалась Шкала экзистенции (Existenz-Skala, ESK) А. Лэнгле и К. Орглер в адаптации С.В. Кривцовой и соавторов (2009), а также методы статистической обработки данных: описательные статистики, *U*-критерий Манна-Уитни. Обработка первичных данных проводилась с помощью программы «IBM SPSS Statistics 23».

Было выявлено, что у молодых людей, столкнувшихся со смертью родителя, значимо ниже ($p < 0,05$) показатели следующих субшкал: «Самотрансценденция» (ST), «Свобода» (F), «Ответственность» (V), «Экзистенциальность» (Ex), «Персональность» (P), а также по общей шкале экзистенциальной исполненности (G).

Низкий уровень показателя G может свидетельствовать о недостатке осмысленности в жизни человека и несоответствии решений и поступков его собственным ценностям и желаниям, что негативно сказывается на общем чувстве благополучия. Уменьшение показателей параметра ST позволяет предположить эмоциональную закрытость, неспособность чувствовать близость к другим людям и воспринимать значимость происходящих событий. Возникающие чувства скорее вводят в заблуждение, чем позволяют на них ориентироваться. Фактор ST выступает следствием фактора «Самодистанцирование» (SD), который демонстрирует нормальные значения. «Самотрансценденция» завершает «Самодистанцирование»: образованная по отношению к себе дистанция позволяет индивиду соотнести себя с миром, что необходимо для переживания экзистенциальной исполненности собственной жизни [7]. В группе испытавших утрату, при сохранной способности к созданию дистанции по отношению к себе, нарушается, по всей видимости, именно способность соотнесения себя с миром, что необходимо для переживания ценности событий и «исполнения» себя в мире.

Снижение параметра Р говорит о большей степени закрытости человека в восприятии мира и себя самого. Вследствие сильной эмоциональной недоступности повышается вероятность развития личностных расстройств и психозов, а также склонность психосоматически реагировать на нагрузки. Снижение показателей фактора F обнаруживает, что испытуемые с опытом утраты родителя испытывают неуверенность в собственных решениях в отношении собственной жизни. Кроме того, пониженные показатели шкалы V указывают на дезориентированность человека в поиске в мире возможностей для каких-либо свершений, а также слабую включенность в жизнь.

Полученные результаты демонстрируют сложный комплекс взаимосвязей между утратой близкого, нарушениями экзистенциальных параметров и общим чувством благополучия индивида. Понимание этой взаимосвязи может послужить основой для интервенций, направленных на повышение социальной адаптации, эмоциональной устойчивости и экзистенциальной исполненности жизни молодых людей, столкнувшихся с потерей родителя в подростковом возрасте.

Литература

1. *Богданова Т.А.* Экзистенциальная проблема столкновения со смертью и особенности ее преодоления / Т.А. Богданова, С.О. Перминова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. – 2013. – Т. 6, № 2. – С. 4-12. – EDN QINVKV.
2. *Володина Ю.А.* Особенности психического развития подростков, переживших смерть родителей / Ю.А. Володина, А.Е. Овчарова // Социальная педагогика. – 2020. – № 2. – С. 104-112. – EDN GCBQBW.
3. *Исаев Д.Н.* Отношение детей разного возраста к смерти родителя / Д. Н. Исаев // Обзорение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. – 1993. – № 2. – С. 22-33. – EDN CRANVA.
4. *Карунин И.В.* Значение тревоги в манифестации шизофрении с позиций экзистенциально-аналитического направления / И.В. Карунин, Т.Р. Саноян // Глобальные проблемы

- современности. – 2022. – Т. 3, № 2. – С. 35-38. – EDN НТННТК.
5. *Карунин И.В.* Экзистенциальный невроз: этиология и патогенез / И.В. Карунин // Психология психических состояний : сборник материалов XVII Всероссийской научно-практической конференции для студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов, Казань, 16–17 февраля 2023 года. – Казань: Казанский университет, 2023. – С. 169-173. – EDN OGOIYR.
 6. *Кускова А.А.* Опыт изучения структуры и динамики симптомов ПТСР при утрате близкого человека / А.А. Кускова, З.В. Луковцева // Психология и право. – 2013. – № 4. – С. 77-87. – EDN RWRIBJ.
 7. *Кривцова С.В.* Шкала экзистенции (Existenzskala) А. Лэнгле и К. Орглер / С.В. Кривцова, А. Лэнгле, К. Орглер // Экзистенциальный анализ. – 2009. – № 1. – С. 141–170.
 8. *Трофименко Г.С.* Динамика мотивационных тенденций в период подросткового кризиса личности / Г.С. Трофименко // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). – 2013. – № 4(26). – С. 284-290. – EDN RLUCFT.

Восприятие настоящего и будущего времени молодежью гагаузов

Кауненко И.И.

*Независимый Международный Университет Молдовы (ULIM),
Кишинёв, Республика Молдова*

Хорозова Л.Ф.

*Комратский государственный университет,
Комрат, Республика Молдова
irina.caunenco@gmail.com, larisahorozova@yandex.ru*

Исследование межкультурных отношений, проводимое нами в течении ряда лет, включало и изучение восприятия времени, разными этническим группами. В своем исследовании мы исходили из того, что временные категории играют важную роль в становлении

групповой идентичности, понимании межпоколенных отношений, миграционных намерений.

Выборка составила 120 респондентов. Возрастной состав – 19-25 лет. Социальный статус: студенты университета КГУ г. Комрата (АТО Гагаузия). Период исследования – 2013, 2021, 2024 гг. Этническая группа – гагаузы. *Методика исследования*: для исследования восприятия времени, настоящего и будущего нами была применена «Шкала временных установок» (ШВУ) Ж. Нюттена [1].

Результаты эмпирического исследования. Нами был проведен частотный анализ восприятия настоящего и будущего у молодежи гагаузов. Были выделены три группы: позитивно, негативно, нейтрально (неопределенно) воспринимающих настоящее, будущее. *Отношение к настоящему времени*: у молодежи гагаузов позитивно относятся к настоящему – 45% (2013); 60% (2021); 47,5 (2024). Нейтральное (неопределенное) отношение к настоящему – 55% (2013), 40% (2021), 50% (2024). Отрицательное отношение к настоящему времени у выборок молодежи гагаузов 2013, 2021 гг. не выявлено; в выборке 2024 г. – 2,5%. *Отношение к будущему времени*: у молодежи гагаузов доминирует положительное отношение 63% (2021), 52,5% (2024). Нейтрально относятся к будущему – 35% (2021); 45% (2024) молодежи гагаузов, и негативно – 3% (2021); 2,5% (2024).

Анализ выраженности характеристик отношения ко времени. Отношение к настоящему времени.

Молодежь гагаузы (2013).

Молодежь гагаузы определяет настоящее как светлое, полное надежд (5,70), прекрасное (5,50), важное (5,55), приятное (5,13). В нейтральную (неопределенную) зону попадают такие характеристики, как «краткое – долгое» (4,18), «знакомое – незнакомое» (4,35), «угрожающее – привлекательное» (4,43), «тяжелое – легкое» (4,13) (по данной характеристике наибольший разброс).

Молодежь гагаузы (2021).

Наиболее выраженными характеристиками в отношении к настоящему времени являются – восприятие времени как важного (6,07), приятного (5,80), полного (5,65), прекрасного (5,67), завершеного (успешного) (5,12), интересного (5,27), светлого (5,57), полного надежд (5,65), стремительного (5,72), «моего личного» (5,05).

Время, которое характеризуется включением активных действий (5,2), постоянно меняющееся (5,32), привлекательное (5,05).

У молодежи гагаузов по таким характеристикам времени, как важное, полное, прекрасное, время активных действий, выявлены наиболее согласованные представления.

В то же время, необходимо отметить, что в определении отношения к настоящему времени у молодежи гагаузов в зоне *нейтрального отношения* (неопределенного) находятся такие характеристики, как «тяжелое – легкое» (3,75), «отдаленное – близкое» (3,42), «незнакомое – знакомое» (4,32).

Молодежь гагаузы (2024).

Настоящее молодежь определяет как полное, теплое (5,55), постоянно меняющееся, светлое (5,40), стремительное (5,33), важное (6,23) – по данному качеству наибольшая согласованность мнений. В неопределенную зону попадают такие характеристики, как «угрожающее – привлекательное» (3,33), «отдаленное – близкое» (3,60), «полное надежд – безнадежное» (4,28) – по данной характеристике наибольший разброс.

Отношение молодежи гагаузов, к будущему времени.

Молодежь гагаузы (2021).

Наиболее выраженными характеристиками в отношении к будущему времени у молодежи гагаузов являются восприятие времени как «важное» (6,10), «светлое» (6,05), «полное» (5,90), «активные действия» (5,85), «завершенное (успешное)», «открытое», «приятное» (5,77). У молодежи *гагаузов*, по таким характеристикам отношения ко времени будущего, как «светлое», «важное», выявлена наибольшая согласованность отношения.

В определении отношения к будущему времени у молодежи гагаузов в зону *нейтрального отношения* (неопределенности) включены такие характеристики, как «краткое – долгое» (3,75); «определяемое извне – мое личное» (4,90); «знакомое – незнакомое» (4,12); «тяжелое – легкое» (4,80). По данным характеристикам времени будущего у молодежи гагаузов наблюдается наибольший разброс.

Молодежь гагаузы (2024).

Молодежь гагаузы воспринимает будущее как важное (6,20), постоянно меняющееся (5,73), требующее активных действий (5,60),

полное надежд (5,63), интересное (5,73), стремительное (5,50), приятное (5,38). Как и в предыдущих выборках, молодежь наиболее консолидирована относительно такой характеристики времени, как «важное». В зону неопределенности попадают такие характеристики времени, как «угрожающее – привлекательное» (4,80) «тяжелое – легкое» (4,38); «знакомое – незнакомое» (3,95).

Выводы. 1. В отношении *настоящего времени* у молодежи гагаузов доминирует нейтральное (неопределенное) отношение. *Будущее время* воспринимается позитивно, однако группа молодежи, определяющей свое будущее как нейтральное (неопределенное), остается значительной. 2. Для всех выборок групп молодежи гагаузов, как в отношении к настоящему, так и будущего времени, оно воспринимается как важное, полное, прекрасное, приятное, требующее активных действий в будущем. Однако, наряду с этим, настоящее и будущее время воспринимается как незнакомое, тяжелое, угрожающее.

Представляется, что исследование восприятия времени молодежью, позволит прогнозировать ее социальную активность и направленность межкультурных отношений.

Литература

1. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2004.

Психологические технологии противостояния гендерным стереотипам в правоохранительной деятельности

Кирьянова Е.В., Козлова А.А.

*Академия ФСИН России, Рязань, Россия
mirana-2002@mail.ru*

У. Липпман ввел термин «стереотип», описывая его как упорядоченный, детерминированный образ мира в разуме человека, сформированный под влиянием общественной культуры. Он выделял две основные причины, по которым люди используют стереотипы: во-

первых, для экономии усилий, и во-вторых, для защиты групповых ценностей и прав. Т.е. стереотип представляет собой стабильный образ чего-либо или кого-либо, используемый для упрощения взаимодействия с этим объектом [3, с. 1].

Стандартный мужской образ, соответствующий гендерному стереотипу маскулинности, ассоциируется с доминантностью, компетентностью, активностью и эффективностью, тогда как стандартный женский образ, связанный с феминностью, описывается чертами такими, как развитые коммуникативные навыки, конформность, зависимость и эмоциональность.

В деятельности правоохранительных органов, как и во многих других областях, гендерные стереотипы могут оказывать негативное воздействие на взаимоотношения между сотрудниками и на их профессиональные возможности. Предвзятости приводят к дискриминации в отборе персонала, ограничивающим убеждениям в отношении повышения и возможностей для женщин, а также негативному отношению к мужчинам, которые не соответствуют традиционным мужским ролям.

Также стереотипы могут препятствовать эффективному выполнению служебных обязанностей и создавать неблагоприятную атмосферу в трудовом коллективе. Поэтому психологам, работающим в правоохранительной сфере, важно активно бороться с такими стереотипами, чтобы обеспечить справедливое и равноправное представительство обоих полов [1, с. 2].

Одним из методов противостояния гендерными стереотипами в правоохранительной деятельности являются психологические технологии. Эти технологии основаны на научных принципах психологии и направлены на изменение восприятия, убеждений и поведения людей в отношении гендерных ролей и ожиданий.

И.Н. Куркина и Ю.А. Соколова в качестве психологических технологий, которые используют против гендерных стереотипов, выделяют следующие.

1. Психологическое обучение.

Технология направлена на то, чтобы сотрудники правоохранительных органов осознавали свои собственные гендерные стереотипы и их влияние на профессиональную деятельность. Обучение включает в себя проведение тренингов, дискуссий и психологических упражнений, помогающих выявить и пересмотреть

предвзятые установки, касающиеся противоположного пола. В ходе таких тренингов сотрудники правоохранительных органов изучают психологические механизмы формирования стереотипов, осознают их влияние на принятие решений и поведение.

2. Использование психологических тестов и оценок личности для выявления склонностей к предвзятости.

Современные методики, основанные на психометрике и анализе поведения, позволяют выявить скрытые предубеждения, влияющие на профессиональную деятельность. Это позволяет своевременно принимать меры по их коррекции и предотвращению возможных негативных последствий.

3. Культурное просвещение и образование.

Чрезвычайно важно обеспечивать доступ к информации о гендерных вопросах и стереотипах, а также обучать сотрудников правоохранительных органов культурному плюрализму и уважению к межличностным различиям. Проведение лекций, семинаров и обсуждений на данную тематику способствует формированию новых взглядов и ценностей, что в свою очередь способствует преодолению гендерных стереотипов в правоохранительной деятельности.

4. Программы наставничества и коучинга.

Эта технология направлена на поддержку и развитие профессиональных навыков сотрудников, в том числе и тех, которые могут быть подвержены влиянию гендерных стереотипов. Программы наставничества и коучинга предоставляют сотрудникам возможность получить обратную связь, руководство и поддержку со стороны опытных коллег. Представители обоих полов могут оказывать взаимную поддержку и помощь в освоении профессиональных навыков. Эмпатия и понимание собеседника способствуют преодолению стереотипов и формированию более открытого и включающего рабочего окружения [2, с. 5].

Таким образом, устранение гендерных стереотипов является важным аспектом создания эффективной среды для работы сотрудников правоохранительных органов. Психологические технологии играют важную роль в борьбе с этими стереотипами, помогая сотрудникам осознавать и пересматривать свои предвзятые установки, улучшать коммуникативные навыки и создавать позитивные образы как для мужчин, так и для женщин. Эффективное применение технологий требует комплексного подхода, включающего

в себя обучение, наставничество, использование тестов и культурное просвещение. Совместные усилия сотрудников и психологов правоохранительных органов в этом направлении помогут создать условия для более гармоничного и безопасного сотрудничества между представителями обоих полов.

Литература

1. *Костина Л.Н.* Влияние профессиональной деятельности на гендерные особенности личности сотрудников подразделений предварительного следствия МВД России / Л.Н. Костина, А.С. Воронина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2019. – Т. 24, № 1(76). – С. 28-33. – DOI 10.24411/1999-6241-2019-11004. – EDN VXCPJE.
2. *Куркина И.Н.* Гендерные стереотипы в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы / И.Н. Куркина, Ю.А. Соколова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2019. – № 4(22). – С. 46-53. – EDN REMCUL.
3. *Липпман У.* Общественное мнение / У. Липпман. – Москва : Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с. – ISBN 5-93947-016-5.

Особенности эмоционального реагирования жертв сексуального онлайн груминга на ситуации домогательств в сети Интернет

Киселев К.А.

*ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия
Saratovian@gmail.com*

Существенную опасность для развивающейся личности несовершеннолетнего представляют сексуальные домогательства со стороны взрослых индивидов, в том числе посредством сети Интернет (сексуальный онлайн-груминг) [1]. Данный вид криминального поведения способен нанести вред психосексуальному развитию подростка [2].

Стоит отметить, что многие родители не в курсе того, как проводят досуг их дети в киберпространстве [3]. Кроме того, подростки сталкиваются с такими социально-психологическими проблемами, как остракизм, одиночество, буллинг, что усугубляет их психическое состояние и повышает риск виктимизации при общении в сети Интернет [4].

К сексуальным домогательствам в рамках текущего исследования относятся все нежелательные электронные сообщения, отправляемые несовершеннолетнему со стороны другого лица и имеющие сексуальный подтекст: а) предложения заняться реальным или виртуальным сексом, отправленные от незнакомца; б) отправка неизвестным лицом нежелательных порнографических и или эротических материалов объекту домогательств; в) вымогательства подобного сексуального контента у жертвы.

Методы исследования: анкетирование, частотный анализ.

Эмпирическая выборка: 170 девушек (средний возраст 22 года), отвечавших на вопросы анонимной анкеты о фактах сексуальных домогательств, совершенных против них в период несовершеннолетия посредством сети Интернет.

Результаты

Типичные эмоциональные реакции жертв онлайн-груминга. Жертвы испытывают следующие эмоциональные переживания в момент совершения против них сексуальных домогательств в социальных сетях: удивление (73 чел., 42,94%), грусть (10 чел., 5,88%), гнев (21 чел., 12,35%), отвращение к ситуации (120 чел., 70,59%), презрение к отправителю (71 чел., 41,76%), страх перед грумером (58 чел., 34,12%), любопытство к ситуации (45 чел., 26,47%), стыд (58 чел., 34,12%), удовольствие/юмор (1 чел., 0,59%).

Интерес представляют изменения эмоционального отношения объектов груминга к ситуации онлайн-домогательств.

Спустя некоторое время (от нескольких часов до дней) жертвы незаконных сексуальных посягательств сообщают о следующих эмоциях: отвращение (117 чел., 68,82%), презрение (89 чел., 52,35%), гнев (43 чел., 25,29%), страх, что узнают родители (36 чел., 21,18%), стыд (33 чел., 19,41%), страх перед грумером (27 чел., 15,88%), вина (18 чел., 10,59%), осуждение (20 чел., 11,76%), грусть (15 чел., 8,82%),

удивление (8 чел., 4,71%), любопытство (8 чел., 4,71%). С юмором ситуацию начало воспринимать абсолютное меньшинство (3 чел., 1,76%).

Динамика эмоций. В целом увеличивается частота проявления таких эмоций, как гнев (+12,94%) и презрение (+10,59%). Незначительно увеличиваются проявления таких чувств, как грусть (+2,94%) и радость/юмор (+1,17%). Уменьшается степень встречаемости удивления (-38,23%), любопытства к ситуации домогательства (-21,76%), страха перед грумером (-18,24%), стыда (-14,71%). Незначительно снижается уровень испытываемого отвращения (-1,77%).

Продолжительность переживаний. Абсолютное большинство (152 чел., 89,42%) респондентов сообщали о наличии интенсивных эмоционально-негативных переживаний после совершенных в отношении них сексуальных домогательств. Каждый десятый испытуемый (18 чел., 10,59%) заявлял об отсутствии сильных эмоционально-негативных переживаний.

У трети испытуемых негативные эмоции почти сразу проходили (51 чел., 30%), у каждого пятого они длились от нескольких минут до нескольких часов (33 чел., 19,41%), у некоторых опрошенных эти эмоции продолжались весь день (8 чел., 4,71%).

Важно отметить, что порядка трети девушек, принявших участия в исследовании, сообщали о более длительных переживаниях: несколько дней (25 чел., 14,71), несколько недель (11 чел., 6,47%) и даже несколько месяцев (24 чел., 14,12%).

Значимым является тот факт, что лишь малая часть жертв сексуальных домогательств (4,3%, 7 чел.) сообщали о посягательствах против них своим родителям.

Выводы и заключение

Таким образом, несовершеннолетние жертвы сексуального онлайн-груминга склонны преимущественно испытывать интенсивные негативные эмоциональные переживания, которые могут продолжаться в течение нескольких часов или дней.

Если брать динамику эмоциональных проявлений, то по прошествии времени увеличивается преимущественно проявление

стенических эмоций (радость/юмор, гнев, презрение) и уменьшается выражение астенических (страх, стыд, удивление).

Отмечается сниженный уровень контакта между современными подростками и родителями, в результате чего последние не осведомлены о тех социально-психологических проблемах, с которыми сталкиваются их дети. Данное обстоятельство повышает риск формирования у молодых людей девиантного поведения и возникновения проблем с психическим развитием.

Литература

1. *Дозорцева Е.Г., Медведева А.С.* Сексуальный онлайн груминг как объект психологического исследования [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 250–263. DOI: 10.17759/psylaw.2019090217
2. *Киселев К.А.* Стратегии психологического воздействия онлайн грумера на несовершеннолетнюю жертву в ситуации сексуальных домогательств // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 313–317. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-3-313-317>, EDN: RTVENK
3. *Романова Н.М.* Представления студентов о рисках вовлечения личности в криминальную деятельность: фокус-групповое исследование // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 439–444.
4. *Бойкина Е.Э., Радчиков А.С., Романова Н.М., Пярых Г.А., Киселев К.А.* Подросток в закрытых учреждениях системы образования и ФСИН России: субъективная остракизация, одиночество, мотивы аффилиации и смысложизненные ориентации // Вестник практической психологии образования. 2023. Т. 20, № 4. С. 106–118.

Связь личностной зрелости и особенностей профессионального самоопределения у старшеклассников

Ковалева П.В., Орлов В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
polina171717@mail.ru, vladimirorlov@bk.ru*

Профессиональное самоопределение старшеклассника – важная как государственная задача, так и задача современного школьного образования, при этом должны быть учтены личные интересы, амбиции и склонности подростка, его ментальные и физические возможности, а также потребности рынка труда [3].

Профессиональное самоопределение у старшеклассников рассматривается как детерминированный отдаленными жизненными целями процесс поиска и нахождения личностного смысла в выбираемой профессии, не сводимое к одномоментному выбору конкретной профессии [4]. В структуре профессионального самоопределения выделяются когнитивный, эмоционально-волевой, мотивационно-ценностный и поведенческий компоненты [1].

Поскольку профессиональное самоопределение опирается на систему ценностей, цели и убеждения, логично предположить, что чем выше личностная зрелость подростка, тем легче ему осуществить процесс поиска и нахождения личностного смысла в выбираемой профессии.

Личностная зрелость в психологии трактуется по-разному: психологическая суверенность, понимание своих личностных границ и умение их отстаивать (С.К. Нартова-Бочавер); эго-идентичность и статус эго-идентичности (Э. Эриксон, Дж. Марсия), автономия как способность делать выбор на основе собственных осознанных ценностей, убеждений и целей (К. Роджерс); осмысленность как обретение смысла (В. Франкл); ответственность (К.А. Абульханова); духовность как ориентированность на общечеловеческие, гуманистические ценности (А.А. Бодалев); рефлексивные навыки (Л.И. Анциферова); умение устанавливать и поддерживать социальные контакты (Э. Гринбергер); социальная активность (К.А. Абульханова); саморазвитие и самоактуализация (А. Маслоу);

межличностная толерантность (А.А. Реан); внутренняя позиция личности (Л.И. Божович) и др. [2].

С целью эмпирического исследования связи личностной зрелости и особенностей профессионального самоопределения у старшеклассников нами использованы релевантные диагностические методики: «Готовность к профессиональному выбору» (А.П. Чернявская); «Методика диагностики личностной зрелости» (В.А. Руженков, В.В. Руженкова, И.С. Лукьянцева); «Система жизненных смыслов» (В.Ю. Котляков).

В исследовании приняли участие 64 старшеклассника г. Москвы (24 чел. – ученики 10 классов и 40 чел. – ученики 11 классов. Выбор данного возраста для исследования был обусловлен тем, что на переходе к юности у старшего подростка происходит процесс становления такого психического новообразования, как самоопределение (личностное, жизненное, профессиональное) со своей смысловой и временной перспективой [3].

Высокий уровень личностной зрелости показали 3,3%, средний – 78,3%, низкий – 18,3% старшеклассников.

Иерархия жизненных смыслов у старшеклассников представлена следующими показателями: 1 ранг (самый важный смысл) – семейные, 2 ранг – когнитивные, 3 ранг – статусные, 4 ранг – самореализация, 5 ранг – коммуникативные, 6 ранг – экзистенциальные, 7 ранг – гедонистические, 8 ранг – альтруистические.

Готовность к профессиональному самоопределению у старшеклассников прямо коррелирует с показателями их личностной зрелости ($p \leq 0,001$). Такие показатели профессионального самоопределения, как личностная автономность, общая информированность, умение планировать свои действия и принимать за них ответственные решения, взаимосвязаны с показателями личностной зрелости (ответственность, терпимость, саморазвитие, позитивное мышление, самостоятельность).

Особенности профессионального самоопределения у старшеклассников прямо коррелируют с жизненным смыслом самореализации ($p \leq 0,01$) и когнитивным жизненным смыслом ($p \leq 0,001$). Чем сильнее у старшеклассника выражено убеждение, что смысл жизни заключается в максимальной реализации своих способностей, тем легче ему дается обоснованный профессиональный

выбор. Чем сильнее у старшеклассника убеждение, что смысл жизни основан на желании учиться новому, познавать жизнь в разных ее аспектах, анализировать свой внутренний мир, тем легче ему профессионально самоопределиться.

В свою очередь, профессиональное самоопределение отрицательно связано с коммуникативным жизненным смыслом ($p \leq 0,001$), который опирается на желание и потребность общаться с другими людьми, устанавливать взаимопонимание, чувствовать свое единство с другим человеком, быть в отношениях эмоциональной привязанности, что можно объяснить сменой ведущей деятельности старшеклассника.

Жизненный смысл самореализации и когнитивный жизненный смысл прямо связаны с личностной зрелостью ($p \leq 0,001$). Коммуникативный жизненный смысл обратно связан с личностной зрелостью ($p \leq 0,001$).

Таким образом, у старшеклассников существует положительная связь между показателями личностной зрелости и готовности к профессиональному самоопределению, выраженностью когнитивных жизненных смыслов и смыслов самореализации; а также отрицательная связь – с представленностью коммуникативных жизненных смыслов.

Результаты исследования могут быть использованы в работе педагогов-психологов образовательной организации для психолого-педагогического сопровождения процесса профессионального самоопределения у старшеклассников, а также учителями-предметниками и классными руководителями в организации воспитательной и внеурочной работы с обучающимися.

Литература

1. *Андреева Е.В.* Структура профессионального самоопределения в старшем школьном возрасте // *Общение в эпоху конвергенции технологий: сборник статей.* М.: Психологический институт РАО, 2022. С. 384-386
2. *Малиева Е.С.* Личностная зрелость человека в современном социуме XXI века // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования.* 2022. Т. 11. № 3А. С. 9-24.

3. *Орлов В.А.* Помощь учащемуся в обоснованном выборе профессии. Учебное пособие. Социальная психология образования: учебное пособие / ред. О.Б. Крушельницкая, М.Е. Сачкова, Л.Б. Шнейдер. – М.: Вузковский учебник: Инфра-М, 2015. – 320 с. С. 260–267.
4. *Смоленкова В.А., Шпагина Е.М.* Особенности профессионального самоопределения несовершеннолетних с устойчивым противоправным поведением // Вестник практической психологии образования. 2022. Том 19. № 1. С. 109–118.

Навигация по «социальному Я»: понимание подросткового возраста

Коваленко О.О.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Kovalenko00@mgppu.ru

Подростковый возраст – переломный период развития, когда у подростков происходят существенные изменения, в том числе формирование их социальной идентичности. Подростки испытывают повышенное стремление к социальному признанию и стремятся самоутвердиться в группах сверстников. В этой статье исследуется концепция «социальной самости» подростков, которая проливает свет на факторы, влияющие на их социальные взаимодействия и на важность управления этим аспектом их жизни.

Подростки начинают лучше осознавать свою личность и то, как их воспринимают другие. Они стремятся утвердиться в социальных группах, на которые часто влияют такие факторы, как интересы, внешний вид и личностные качества. Такое формирование социальной идентичности играет жизненно важную роль в формировании самооущения подростков и способствует их общему благополучию. Влияние сверстников становится все более значительным. Подростки часто подчиняются социальным нормам и ожиданиям, установленным в их социальных кругах, чтобы добиться признания и избежать отвержения. Это стремление к конформизму может повлиять на

принятие решений, поведение и даже личные ценности, поскольку подростки стремятся вписаться в сообщество и стать его частью. Реалии современного мира таковы, что, наряду с важностью принятия в коллективе сверстников, ключевую позицию заняли социальные сети и присутствие в Интернете. Распространение платформ социальных сетей произвело революцию в том, как подростки взаимодействуют и строят свою социальную личность. Онлайн-платформы предоставляют возможности для самовыражения, проверки и сравнения. Однако они также могут создавать такие проблемы, как киберзапугивание, нереалистичные стандарты и социальное давление. Крайне важно, чтобы подростки осознанно ориентировались в этом цифровом ландшафте и выработали здоровый баланс между виртуальным и реальным взаимодействием. И здесь огромную роль в помощи подросткам играют взрослые, находящиеся рядом. Развитие эффективных социальных навыков и эмоционального саморазвития подростков. Эти навыки включают активное слушание, сочувствие, разрешение конфликтов и напористость. Оттачивая эти способности, подростки могут развивать значимые отношения, устанавливать границы и эффективно управлять межличностной динамикой. Постепенно начнет появляться индивидуальность и подлинность личности. Хотя приспособление является общей целью для многих подростков, для них не менее важно принять свою индивидуальность. Поощрение подростков к исследованию и выражению своих уникальных интересов, талантов и ценностей способствует развитию сильного чувства самоуважения и самопринятия. Отмечая индивидуальность, подростки могут найти единомышленников и сформировать настоящие связи, основанные на общих ценностях и интересах. Однако в этот период становления важно учитывать социальную ответственность и этические принципы. Социальная ответственность означает осведомленность и действия, предпринимаемые людьми для внесения положительного вклада в жизнь общества. Поощрение подростков к пониманию влияния их выбора на общество способствует развитию чувства ответственности, сочувствия и этического принятия решений. Этическое развитие предполагает обучение подростков различать добро и зло, применение моральных ценностей в своих действиях и отношениях. Этот процесс

позволяет им ориентироваться в сложных социальных ситуациях и делать ответственный выбор, соответствующий их личным ценностям и ожиданиям общества. Впоследствии это поможет в культивировании сочувствия и сострадания. Развитие эмпатии и сострадания у подростков помогает им лучше понимать точки зрения и потребности других людей. Сопереживая различным социальным группам, они могут принимать этические решения, учитывающие благополучие и достоинство всех людей. Здесь главное взрослым понять важность в поощрении гражданской активности. Подростков следует поощрять к активному участию в жизни своих сообществ, содействию социальной справедливости и защите интересов, в которые они верят. Участие в такой деятельности, как волонтерство, общественные работы и активизм, воспитывает чувство социальной ответственности и дает им возможность оказывать положительное влияние. На этом этапе подросткам может понадобиться помощь в решении этических дилемм. Подростки часто сталкиваются с этическими дилеммами, которые бросают вызов их ценностям и убеждениям. Педагоги и родители играют решающую роль, помогая им понять различные точки зрения, оценить культурное разнообразие и честно решить этические затруднения. Немаловажную, а порой и решающую роль в формировании социально-этических сторон личности подростка играют образовательные учреждения, существенно влияя на ценности, убеждения и поведения подростков. Образовательные учреждения создают структурированную среду для привития подросткам моральных и этических ценностей. Посредством формальной учебной программы, программ воспитания характера и внеклассных мероприятий, школы могут способствовать развитию сочувствия, честности, ответственности и уважения к другим. Интегрируя этические соображения в различные предметы, преподаватели могут помочь подросткам понять последствия своих действий и принять обоснованные этические решения. Наряду с этим, образовательные учреждения служат агентами социализации, знакомя подростков с различными точками зрения и способствуя социальному взаимодействию. Школы предоставляют подросткам возможность взаимодействовать со своими сверстниками, поощряя сотрудничество, сочувствие и понимание. Педагоги играют решающую роль в моделировании этического поведения и подведению подростков к

ответственному принятию решений. Благодаря своему ежедневному взаимодействию преподаватели могут прививать ценности, развивать критическое мышление и поощрять открытые дискуссии по моральным вопросам. Все это помогает подросткам познакомиться с различными культурами, верованиями и точками зрения, способствует развитию сочувствия и принятия, а также формирует социальное и этическое поведение. Данный навык способствует построению в будущем более инклюзивного и толерантного общества.

Таким образом, понимание социального «Я» подростков имеет решающее значение для родителей, педагогов и общества в целом. Признавая сложности и влияния, связанные с их социальным взаимодействием, мы можем помочь подросткам успешно пройти этот этап развития. Способствуя здоровому балансу между конформизмом и индивидуальностью, развивая эмоциональный интеллект и направляя их в использовании социальных сетей, мы можем помочь подросткам построить сильную социальную идентичность и положительную самооценку, настраивая их на полноценные социальные отношения во взрослой жизни.

Формирование культуры здорового образа жизни у молодежи

*Ковыльникова Е.А., Кузьмичев Л.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kovylnikova@mgppu.ru*

Формирование правильного отношения к здоровью у молодежи очень важно, так как, согласно данным общероссийской диспансеризации, более 15% выпускников школ страдают хроническими заболеваниями, более половины относятся ко второй группе здоровья (имеют нарушения осанки, нарушения сна, плохо развиты физически, часто болеют). Часто случается так, что заболевания, особенно у студентов являются следствием неправильного питания, ненормированного режима дня, повышенных нагрузок [2; 4]. Исследования отечественных и зарубежных ученых последних лет свидетельствуют, что за время учебы в вузе здоровье студентов ухудшается, растет уровень заболеваемости, есть тенденция

к негативному изменению их образа жизни, что, скорее всего, и приводит к общему ухудшению здоровья.

В поддержании здоровья человека любого возраста участвуют как биологические, так и психологические, и социальные факторы. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), причиной половины смертей сегодня являются вредные для здоровья привычки, такие, как курение, употребление алкоголя и наркотиков, «вредная еда» – жирная и высококалорийная, сопровождаемая гиподинамией, а также высокий уровень повседневного стресса. По информации ВОЗ, здоровье современного человека только на 10% определяют генетические факторы, 5-10% связаны с ухудшением в целом в мире экологической ситуации, на уровень развития медицины в той или иной стране приходится 5-10% [3]. Главной же составляющей здоровья (70-80%) является питание и, в целом, образ жизни человека, что лишний раз доказывает необходимость формирования культуры здорового образа жизни, особенно у молодых людей.

По мнению отечественных исследователей, ответственное отношение к здоровью как сложное психическое новообразование включает: отношение к здоровью как к ценности; формирование представления о себе как о здоровом человеке; переживание возможности утраты здоровья; способность использовать в поведении всю информацию, которая служит сохранению и укреплению здоровья [1; 5]. Здоровье для людей разного возраста имеет одинаково высокую ценность, но различный смысл.

В исследовании, проведенном нами, участвовали 120 студентов обоего пола (в равных долях) в возрасте от 18 до 30 лет разных вузов и форм обучения. Для оценки отношения студентов к здоровью использовался тест Р. Страуба, в адаптации Г.В. Залевского и тест М. Рокича, адаптированный Д.А. Леонтьевым.

Удалось выявить следующее:

- по всем шкалам уровень здоровья студентов имеет средние показатели;
- в системе ценностей у студентов здоровье, к сожалению, не занимает одно из ведущих мест;
- пол оказывает влияние на показатели: мужчины завышают самооценку своего здоровья;

- у студентов младших курсов более низкие показатели шкал здоровья, чем у старшекурсников.

По нашему мнению, ценность здоровья у студенческой молодежи будет повышаться за время учебы, если в вузе создать условия, способствующие систематическим занятиям физкультурой и спортом, организовать здоровое питание, условия для нормальной учебы и отдыха, то есть, если социальная ситуация будет этому способствовать.

Литература

1. *Гуминский А.А., Маринова Т.Ю., Мясников Ю.С.* Методы определения и пути повышения общей физической работоспособности детей школьного возраста. Методические рекомендации / Москва, 1984, 23с.
2. *Ковыльникова Е.А.* Отношение молодежи к здоровью в период пандемии covid-19. В сборнике: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2022. С. 174-176.
3. *Крушельницкая О.Б., Маринова Т.Ю., Милехин А.В.* Отношение молодежи к своему здоровью и к донорству крови. - Социальная психология и общество. - 2017. Т. 8. № 1. - С. 126 - 143.
4. *Маринова Т.Ю.* Методы диагностики функциональных состояний. (пособие для самостоятельной работы) / М., 2008.
5. *Маринова Т.Ю.* Ценностные ориентации личности: отношение молодежи к своему здоровью. В сборнике: Личность и группа в образовательном пространстве. Сборник научных трудов. Московский городской психолого-педагогический университет. Факультет социальной психологии. Кафедра теоретических основ социальной психологии. Москва, 2009. С. 91-94.

Исследование агрессивного поведения студентов, занимающихся киберспортом

*Когай И.А., Эйфир М.М., Шукшина Л.В.
ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия
60management2020@gmail.com*

В спорте агрессивное поведение может проявляться через усиленные тренировки, борьбу за место в команде, стремление побеждать в соревнованиях. Это может быть полезным для достижения высоких результатов, поскольку агрессивное поведение способствует увеличению усилий и выработке лучших стратегий. В настоящий момент среди молодежи набирает популярность направление киберспорта и фиджитал-спорта. Студенты, увлеченные этими видами спорта, проводят много времени за компьютером или гаджетами, что может влиять на их поведение и эмоциональное состояние. В данной работе были изучен аспект агрессивного поведения студентов, занимающихся киберспортом.

Агрессивное поведение представляет собой действия или выражения, направленные на других людей [1]. Исследованием агрессивного поведения занимались такие ученые, как Р. Бэрн, Д. Ричардсон, С.Н. Ениколопов, Е.П. Ильин и другие. Агрессивное поведение может проявляться в различных ситуациях и быть вызвано различными факторами, включая наличие стресса, конфликтов, недовольства или неудовлетворенности.

Агрессивное поведение спортсменов – это нормальная реакция на конкуренцию, стремление к достижению целей и победе, которая может проявляться как внутренне (внутренняя мотивация к достижению успеха [3]), так и внешне (эмоциональные реакции, поведение). Киберспортсмены также испытывают конкурентное давление, стремление к победе и успеху, что может приводить к проявлению агрессивного поведения в игре или в отношениях с соперниками. Агрессивное поведение киберспортсменов может выражаться в тактике игры, стремлении к доминированию над противником, выражении эмоций во время соревнований, а также поведении за пределами игрового экрана.

Важно помнить, что агрессивное поведение является нормальной человеческой реакцией, но в некоторых случаях может стать проблемой, например, если наносит вред окружающим, а потому агрессия должна быть контролируема и направлена на общую пользу для команды или спортивной карьеры. Нежелательная агрессия, выходящая за рамки спортивной борьбы, может привести к конфликтам, ухудшению отношений с партнерами по команде и негативному воздействию на самого спортсмена.

Нами было проведено эмпирическое исследование на основе теста «Агрессивное поведение» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева [2]. Выборку составили 35 студентов (33 юноши и 2 девушки) высших учебных заведений, принимающих активное участие в киберспортивных играх. Средний возраст респондентов составил 20 лет.

В ходе исследования было выявлено, что у большинства студентов преобладает средневыраженная косвенная и прямая вербальная агрессия. Прямая вербальная агрессия – это форма агрессии, при которой человек напрямую выражает оскорбления, насмешки или другие агрессивные высказывания в адрес другого человека. Прямая вербальная агрессия может быть направлена на личность, внешность, способности или другие характеристики человека, и часто используется с целью унижения, ущемления или причинения вреда другому человеку. При косвенном вербальном типе агрессии человек использует подтексты, намеки, сарказм, иронию или двусмысленные высказывания, чтобы выразить свою агрессию. Прямая и косвенная физическая агрессия у студентов присутствует в меньшей степени и выражении. Прямая физическая агрессия – это действия, направленные на причинение физического вреда другому человеку. Косвенная физическая агрессия – это действия, которые не напрямую причиняют вред другому человеку, например, запугивание, манипуляции и т.д.

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод о том, что студенты предпочитают использовать слова для выражения своих негативных эмоций, вместо физического воздействия на окружающих. Возможно, сниженные показатели агрессивного поведения могут говорить о том, что в результате погружения в киберспортивные игры студенты могут развивать более эффективные методы управления эмоциями, включая агрессию. Однако уровень

агрессии может быть различным в зависимости от характера, личных особенностей и условий среды, в которой находится личность. Перспективами данного исследования могут стать сравнение уровня агрессии у студентов-киберспортсменов с другими группами студентов, анализ факторов, способствующих агрессивному поведению в сфере киберспорта и исследование влияния специфики игровых жанров на агрессивное поведение при занятиях киберспортом.

Литература

1. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб.: Питер, 2001
2. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. СПб.: Питер, 2011
3. *Котик М.А.* Психология и безопасность. Таллинн: Валгус, 1989

Особенности личностной и социальной идентичности разностатусных студентов вуза

Когалова Д.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

daria.ks95@mail.ru, sachkova@list.ru

Проблема изучения феномена идентичности остается актуальной в настоящее время. Отечественными и зарубежными авторами были исследованы особенности личностной и социальной идентичности. Были проанализированы такие термины, как идентификация (З. Фрейд), самосознание (Л.С. Выготский), разработаны основные теории: социальной идентичности (Г. Тэджфел), самокатегоризации (Дж. Тернер), статусная модель идентичности (Дж. Марсия) и др.

Важным является при этом тот факт, что для благоприятного существования в социуме человек должен занять определенный статус внутри референтных для него групп. При этом вопрос о связи идентичности и статуса личности остается все еще не до конца

изученным. В связи с этим проблемой нашего исследования стало то, что точно не известно, каковы особенности социальной и личностной идентичности у студентов, имеющих разный статус в своих группах.

Целью исследования стало выявление различий в выраженности компонентов личностной и социальной идентичности у студентов с разным статусом в ученической группе.

Было выдвинуто предположение, что существует специфика выраженности компонентов социальной и личностной идентичности у студентов, имеющих разный статус в ученической группе. Данное научное предположение было конкретизировано в следующих частных гипотезах:

1) студенты с высоким и средним статусом по таким показателям личностной идентичности, как самопринятие и самоинтерес, будут иметь более высокие значения, чем студенты с низким статусом;

2) существуют различия в выраженности показателей социальной идентичности у разностатусных студентов: у высокостатусных более выражены показатели центральности и времяпрепровождения в сравнении с представителями других статусов, а у среднестатусных – выше показатели нисходящего сравнения, чем у низкостатусных.

В исследовании приняли участие 86 студентов ФГБОУ ВО МАИ (национальный исследовательский университет), из них 70 студентов мужского и 16 женского пола. Средний возраст студентов – 20 лет. В ходе статистического анализа данных был использован непараметрический критерий *U* Манна-Уитни.

Для выявления статусов студентов в учебных группах был использован метод социометрии Я.Л. Морено [3]. Для изучения компонентов личностной идентичности был применен опросник самоотношения В.В. Столина и С.Р. Панталева [2].

По результатам исследования было установлено, что в показателях самоотношения (личностной идентичности) между студентами высокого и среднего статусов различий нет. При сравнении высокостатусных и низкостатусных учащихся были обнаружены статистически значимые различия по шкале IV самоинтереса. У высокостатусных показатели находятся на более высоком уровне, чем у низкостатусных: $U = 119$ (при уровне значимости $p = 0,02$). По

шкале 6 самоинтереса также были найдены различия: $U = 117,5$ (при $p = 0,02$). Такие результаты могут свидетельствовать о том, что высокостатусные больше интересуются своими мыслями, чувствами и переживаниями, чем низкостатусные. При сравнении среднестатусных и низкостатусных учащихся мы выявили различия по интегральной шкале самоотношения: $U = 479,5$ (при $p < 0,05$), по шкале самопринятия: $U = 438,5$ (при $p = 0,01$) и по шкале самоинтереса: $U = 450,5$ (при $p = 0,02$). При этом показатели у среднестатусных студентов по всем этим шкалам выше, чем у низкостатусных. Такие показатели объясняются тем, что среднестатусные студенты не заостряют внимание на своих недостатках и принимают себя такими, какие они есть. Они больше интересуются собой, уважают свою индивидуальность, чем низкостатусные студенты. Таким образом, первая частная гипотеза частично подтвердилась.

Для выявления различий по социальной идентичности нами был применен опросник А. Грациани, М. Рубини, А. Палмонари, С. Костарелли, Р. Калла в адаптации О.В. Васьковой [1]. Были получены следующие результаты: показатели по шкалам социальной идентичности «центральность» ($U = 165,5$ при $p = 0,04$) и «времяпрепровождение» ($U = 157$ при $p = 0,03$) выше у высокостатусных, чем у среднестатусных студентов. Другими словами, можно утверждать, что для студентов с высоким статусом группа играет более важную роль, чем для студентов со средним статусом. Сравнивая учащихся с высоким и низким статусом, мы получили различия по шкалам «времяпрепровождение» ($U = 117,5$ при $p = 0,02$) и «коллективная самооценка» ($U = 119,5$ при $p = 0,03$). Высокостатусные учащиеся больше хотят проводить времени со своей группой и выше ее ценят, чем низкостатусные. Анализируя результаты у среднестатусных студентов и низкостатусных, мы обнаружили различия по шкале «нисходящее сравнение» ($U = 454,5$ при $p = 0,03$). Из этих данных следует, что среднестатусные больше сравнивают себя с другими членами в группе, чем низкостатусные студенты. Таким образом, вторая гипотеза частично подтвердилась.

Выдвинутая нами общая гипотеза нашла свое подтверждение. В качестве перспективных направлений исследования можно отметить изучение личностной и социальной идентичности у студентов разного уровня и направленности обучения.

Литература

1. *Васькова О.В.* Применение опросника социальной идентичности для диагностики социально-психологических особенностей ученической группы старших подростков // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 87-96.
2. *Глуханюк Н.С.* Практикум по психодиагностике: учеб. пособие. М., 2005.
3. *Морено Я.Л.* Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2004.

К вопросу о ролевых ожиданиях и ценностях женщин – жительниц мегаполиса

Козлова А.Э., Шорохова В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anna.k_a@mail.ru, shorohovava@mgppu.ru*

В течение длительного периода времени проблематика ценностей и ценностных ориентаций находилась в фокусе внимания исследователей гуманитарной направленности. Ценности проявляются не только как индивидуально-личностные особенности, они являются одной из базовых категорий, формирующих социальное взаимодействие и структуру общества в целом.

В последнее время все более активным становится процесс трансформации ценностей, особенно это выделяется в больших городах [1].

По словам Е.П. Поликановой ритм жизни в сельской местности существенно замедлен по сравнению с городским, любые трансформационные процессы занимают существенно больший промежуток времени. Тогда как жизнь в мегаполисе ассиметрична, в ней заключен огромный политический, образовательный и социальный потенциал, поэтому личностная трансформация происходит стремительно и неоднократно [3].

Л. Кольберг писал, что у жителей крупных городов гораздо чаще выявляется повышенный риск утраты смысла существования,

развитие депрессий и суицидальных настроений. Эти состояния он связывает с тем, что жизнь на территории мегаполисов может способствовать усилению чувства одиночества, кризису гендера, социальной незащищенности, формированию девиантного поведения, потере частной жизни, развитию эмоционального выгорания и, в целом, изоляции в закрытых группах общения и длительному контакту с гаджетами вместо реальной коммуникации [5]. Взаимодействие между горожанами часто характеризуется смесью диалоговых дискурсов, случайных споров и конфликтов, проявлений эмпатии и речевой агрессии.

Психологическим ресурсом и опорой в ситуации жизни в мегаполисе могут стать ценностные ориентации личности, формирующие основу поведения человека и его нравственные ориентиры. Изучением ценностей и ролевых ожиданий занимались многие представители как отечественной, так и зарубежной психологической науки. В.А. Ядов писал, что ценности – это ядро структуры личности, определяющее ее направленность, высший уровень регуляции социальным поведением [4]. Ш. Шварц подразумевал под ценностями «познанные» потребности, непосредственно зависящие от культуры, среды, менталитета конкретного общества [7]. Моральные ценности – это принципы, которыми общество руководствуется в определении того, что правильно, а что нет. Напротив, можно сказать, что этические ценности – это набор моделей поведения, морально приемлемых в обществе [3]. Ш. Шварц в своих работах писал, что женщины демонстрируют более высокий этический и моральный уровень, основанный на общественных представлениях о гендерной принадлежности и роли женщины, а также на психологических установках женского образа, а в условиях жизни мегаполиса и цифровизации пространства женщина фактически снижает моральные установки, разрешая себе определенную свободу в убеждениях и поведении [6].

С.В. Ковалев дает определение ролевых ожиданий как системы ожиданий или требований относительно норм исполнения индивидом внутригрупповых ролей, или же это представления о том, что, как, с кем и в какой последовательности должны делать члены группы при решении общей задачи. Ролевым ожиданиям одного человека должны соответствовать ролевые притязания (желание выполнять

определенную роль) другого. Лишь в этом случае имеет место совпадение надежд и их оправданий, а, следовательно, большая вероятность положительного взаимодействия [2].

Ценности являются базовыми мотивами поведения человека. В то время как ролевые ожидания переводят индивидуальные поведенческие механизмы на уровень социального и межличностного взаимодействия. Таким образом, учитывая специфику среды мегаполиса, исследование взаимосвязи ценностей и ролевых ожиданий женщин, проживающих в больших городах представляет дальнейший научный интерес.

Литература

1. *Виноградова Т.В., Семенов В.В.* Сравнительное исследование познавательных процессов у мужчин и женщин: роль биологических и социальных факторов // Вопросы психологии. 1993. № 2.
2. *Ковалев С.В.* Психология семейных отношений / Москва: Педагогика. 1987.
3. *Поликанова Е.П.* Моральные ценности и их роль в современном обществе // Философия и общество. 2014. Выпуск №3 (75).
4. *Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция / Москва. 2013
5. *Kohlberg L., Lickona T.* Moral stages and moralization: The cognitive-developmental approach // *Moral Development and Behavior: Theory, Research and Social Issues.* 1976
6. *Schwartz S.H.* Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 cultural groups // *Advances in experimental social psychology.* 1992. Vol. 25.
7. *Schwartz S.H., Bardi A.* Value hierarchies across cultures: Taking a similarities perspective // *Journal of Cross Cultural Psychology.* 2001. Vol. 32(3).

Семейный уклад как социально-психологический феномен

Колесникова У.С., Сиворонова М.С.

*МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия
yliana.tmb@mail.ru, sivoronovams@mail.ru*

Одна из главных и важнейших ролей в развитии личности и общества принадлежит такому социальному институту, как семья. Семья – древнее сообщество людей, связанных кровными узами и особыми формами взаимодействия [1]. Она является носителем социальной преемственности, осуществляет воспроизводство населения, его социализацию, воспитание и духовное обогащение [2].

Различные аспекты семейных взаимоотношений (формирование, кризисы, вопросы гостеприимства и семейных праздников, реализация общения членов семьи и интенсивность этих контактов, ценностные ориентиры супругов и семейное самосознание, вопросы ответственности и др.) интегрируются в понятие «семейный уклад». Согласно Е.А. Юмкиной, «...семейный уклад – это исторически обусловленная совокупность устойчивых отношений членов семьи. Она способствует сохранению целостности семьи, передаче ценностей и устойчивых поведенческих образцов от старших поколений к младшим» [6]. В работе Т.В. Лодкиной мы находим сходный взгляд. По ее мнению, понятие «семейный уклад» описывает взаимоотношения и климат семьи, ее психологическую атмосферу, а также ценности и установки, традиции и культуру [4, с. 42].

Семейный уклад как психологическое и социальное явление характеризуется некоторыми особенностями, состоит из разнообразных компонентов, бывает разных типов и выполняет определенные функции. Рассмотрим его более подробно.

Компонентами рассматриваемого социально-психологического феномена, по Е.А. Юмкиной, выступают: 1) «внутрисемейные отношения», 2) «семейная деятельность» 3) «социальная среда жизнедеятельности семьи» [6]. Социальные связи и материально-предметная среда дома составляют социальную среду. Организация и дизайн интерьера формирует в сознании членов семьи комфортное восприятие пространства, что создает у них ощущение тепла, уюта, доверия и понимания. Беспорядок же, наоборот, создает дисгармоничную атмосферу. Семейная деятельность состоит из совместных занятий и гостеприимства. Чем насыщеннее и

разнообразное совместное времяпрепровождение, тем более крепкие связи внутри семьи, сильнее поддержка. Внутрисемейные отношения характеризуются семейной атмосферой, иерархией внутрисемейных связей, наличием оптимальных семейных «контролеров», семейными ценностями (понимание, доверие, почитание старших, религиозность, честность и др.). Семейный уклад, в котором отсутствуют конфликты, границы во взаимоотношениях и присутствует тесная межпоколенческая связь и имеется большое количество общих занятий и увлечений, открыт людям и новому опыту. Развитие личности в семье с таким укладом позволяет сформировать такие важные в социальном плане качества, как эмпатия, терпимость, бескорытность и др. [3].

Альтернативный взгляд на структуру семейного уклада прослеживается в работе О.М. Потаповской. Согласно ее взгляду, в данном социальном феномене можно выделить: «...1) обычаи (установившиеся, привычные формы поведения); 2) традиции (переходящий из поколения в поколение способ передачи ценностно-значимого содержания культуры, жизни семьи); 3) отношения (сердечные чувствования и настроения); 4) правила (образ мыслей, нормы поведения, обыкновения, привычки) доброй и благочестивой жизни; 5) распорядок дня, недели, года (порядок, установленный среди дел в обозначенные промежутки времени)...» [5, с. 116]. Несмотря на отличия структурных компонентов этих двух классификаций, в них прослеживаются и сходства.

Среди типов рассматриваемого феномена выделяют уклады, ориентированные на: 1) внешние связи семьи, 2) развитие духовного и материального, 3) развитие отношений внутри семьи [6]. Первый тип предполагает отсутствие конфликтов и некоторую конформность поведения, крепкие взаимоотношения между членами семьи; второй – наличие разнообразных ценностных установок и традиций, а третий – разветвленную сеть коммуникаций внутри семьи.

К основным функциям семейного уклада, несущим позитивное значение, можно отнести: организационную, включая психологическую разрядку и снятие отрицательных эмоций; контролирующую, регуляционную (комфортное выстраивание границ членов семьи); поддерживающую (обеспечение широко круга связей как внутри семьи, так и извне, консолидация всех членов малой социальной группы) [6].

Сделаем акцент на том, что формирование личности, ее ценностных установок, смысложизненных ориентаций и мировоззрения происходит под воздействием не только больших социальных групп, идеологии и СМИ, но и под влиянием семьи. В связи с этим в современных условиях актуализируется необходимость укрепления семьи в целом и семейного уклада в частности, поскольку они являются активным «воспитательным» субъектом для подрастающего поколения, осуществляют передачу накопленных ценностей и опыта, способствуют формированию у молодых людей социально значимых качеств и обеспечивают гармоничную социализацию.

Литература

1. *Андреева Т.В.* Семейная психология: учеб. пособие. СПб., 2004.
2. *Василец Т.Б.* Мужчина и женщина – тайна сакрального брака. СПб., 2010.
3. *Леонтьева В.Л.* Психология. М., 2019.
4. *Лодкина Т.В.* Семейный социальный педагог: теория и практика. М., Вологда, 1997.
5. *Черствая О.Е.* Уклад семейной жизни как объект педагогического исследования // Вестник ТГПУ. 2011. Выпуск 1 (103). С.114-118.
6. *Юмкина Е.А.* Семейный уклад как социально-психологический феномен: Дис. канд. психол. наук. СПб., 2015.

Психологическое сопровождение семьи в учреждении образования XXI века

Колесникович С.С., Гормоза Т.В.

*УО «БГПУ им. М. Танка», Минск, Республика Беларусь
svkolesnicovich@gmail.com, t.v.gormoza586@gmail.com*

XXI век – время активных изменений видов семейных отношений, функциональной зависимости супругов и положения детей в семье. Личность человека формируется и развивается под воздействием сложного комплекса многочисленных факторов, однако первичным

институтом социализации является семья. От семейного воспитания во многом зависит социальный облик молодого поколения, а, следовательно, и будущее страны и общества. Происходящие в современном социуме процессы утраты фундаментальных духовных ценностей и стабильных моральных ориентиров (снижение важности родственных отношений, семейной коммуникации, разводы), оказывают разрушительное влияние на институт семьи. Возникает необходимость поиска новых возможностей для преодоления современных вызовов, рисков и кризисных ситуаций.

Одной из таких возможностей на определенном этапе мы видим в вовлечении родителей в образовательный процесс учреждения образования и налаживании взаимодействия между центрами и семьями детей, которые будут способствовать укреплению, стабилизации и развитию как института семьи, так и общества в целом. Современному ребенку, живущему в стрессовых условиях современной жизни, необходимы дополнительные силы для нормального развития, чтобы избежать различных психологических проблем и расстройств. Улучшить психическое состояние ребенка, снизить эмоциональную лабильность, улучшить настроение и отношение родителей к профилактическим мероприятиям в семье позволит психологическая поддержка, которую может оказать семье учреждение образования. В.А. Сухомлинский подчеркнул, что задачи воспитания и развития могут быть успешно решены только в том случае, если специалисты учреждения образования поддерживают связь с семьей и вовлекает ее в свою работу [2, с. 45].

В психологии сопровождение рассматривается как механизм общения. Оно относится к процессу прямого или косвенного воздействия субъектов (объектов) друг на друга, которое обусловлено потребностями совместной деятельности и направлено на существенное изменение состояния, поведения и личностных и психических формирований партнера [1, с. 105].

В учреждении образования психологическую поддержку осуществляют педагогические работники: учителя, воспитатели, помощники воспитателей, учителя-дефектологи, педагоги-психологи, педагог социальный; медицинские работники (врач-педиатр, врач-психиатр-нарколог, старшая медсестра, инструктор лечебной физкультуры).

На наш взгляд, основная **цель** работы с группой родителей заключается в улучшении взаимоотношений между родителем и ребенком, сделав их более адекватными и соответствующими потребностям обеих сторон, а также повышению удовлетворенности процессом взаимодействия.

Задача специалистов учреждения образования заключается в том, чтобы прояснить родителям ключевые аспекты психолого-педагогического развития ребенка и предложить подходящие методики воспитания.

Различные **формы** работы с родителями должны быть взаимосвязаны и представлять собой единую систему, которая предусматривает ознакомление родителей с основами теоретических знаний и новейшими идеями педагогики и психологии: присутствие родителей на индивидуальных занятиях, посещение консультаций специалистов, родительский клуб, домашнее визитирование и др.

Можно выделить основные **принципы** работы с семьей: принцип связи диагностики и коррекции; принцип комплексности; принцип педагогического оптимизма.

Основные **методы и приемы** работы: показ приемов коррекционно-педагогической работы с ребенком, беседа, тренинг, моделирование бытовых ситуаций, приемы театрально-игровой деятельности и др.

Исходя из вышеизложенного, необходимо направлять психологическую поддержку на оптимизацию детско-родительских отношений: формирование знаний родителей о закономерностях развития ребенка; расширение возможностей для понимания ребенка через ознакомление с результатами диагностики, индивидуальные беседы с родителями; обогащение опыта родительской позиции; развитие саморефлексии и возможности получения обратной связи.

Результатом качественного сопровождения являются уникальные взаимоотношения, которые становятся внутренним фундаментом общения и зависят от позиции каждого участника. При условии открытости обеих сторон и сохранения свободы, сопровождение позволяет раскрыть истинные отношения. В случае, когда одна сторона доминирует над другой, подлинные чувства могут быть замаскированы. Вовлечение родителей в образовательный процесс и совместная деятельность с детьми помогают семье преодолеть негативные стереотипы и улучшить взаимоотношения. Однако, если взаимодействие происходит в среде, где один человек подавляет

другого, сопровождение может маскировать истинные отношения. Включение родителей в образовательный процесс и организация их взаимодействия с ребенком помогают родителям избавиться от деформированных представлений о мире и улучшить отношения в семье.

Сотрудники образовательного учреждения и родители совместными усилиями стремятся помочь каждому ребенку развить свою индивидуальность, приобрести необходимые личностные качества в период нахождения в учебном заведении и сформировать важные психологические навыки для основной деятельности ребенка. В поведенческих проблемах и особенностях взаимодействия детей значительное влияние оказывают взрослые – их мировоззрение, их позиция и поведенческие шаблоны. Как семья, так и образовательное учреждение передают ребенку свой социальный опыт. Однако только вместе они создают оптимальные условия для того, чтобы маленький человек успешно вошел в большой мир.

Литература

1. *Захарова Е.И.* Опыт родительства и личностное развитие в зрелости / Е.И. Захарова // журнал Перинатальная психология и психология родительства. – 2007. – №4. – С. 69-86.
2. *Захарова Е.И.* Особенности детско-родительских отношений матерей с детьми подросткового возраста в условиях позднего материнства / Е.И. Захарова // Психологическая наука и образование. – Изд-во ГБОУ ВПО МГППУ, том 6. – 2014. – №4. – С. 182-193.

Взаимосвязь мотивации достижения успеха и ценностных ориентаций старшеклассников

Кольнер А.Е., Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anat-kolner@mail.ru, shorohovava@mgppu.ru

Существует достаточно широкий спектр социально-психологических факторов, играющих значимую роль в развитии и становлении личности современных подростков. Исследования, проведенные А.П. Ивановым [2] и О.С. Петровой [7], подчеркивают,

314

что семейная среда играет определяющую роль в формировании ценностных ориентаций, моральных убеждений и психологического благополучия подростков. Важным фактором также является образовательная среда, в которой растут подростки. Исследования В.М. Козлова [4] и Е.Л. Новиковой [6] отмечают влияние образовательных методов, школьной среды и взаимодействия с педагогами на формирование у подростков когнитивных навыков, социальной адаптации и саморегуляции. Исследования Б. Джонсона и А. Смита [8] указывают на то, что старшеклассники часто испытывают значительные социальные давления, связанные с учебными успехами, взаимоотношениями с одноклассниками и самоидентификацией. Эти давления могут влиять на их психологическое благополучие и социальное взаимодействие как внутри, так и вне школьной среды.

Исследования социально-психологических характеристик старшеклассников, участвующих в олимпиадах, выявляют ряд особенностей, отличающих эту группу учащихся от их сверстников. Исследование Е.С. Крыловой [3] обнаружило, что старшеклассники, активно участвующие в олимпиадах по различным предметам, обладают высоким уровнем мотивации и самодисциплины. Эти учащиеся часто демонстрируют стремление к достижению высоких результатов в учебе, а также проявляют способность к систематизации и глубокому анализу информации. Помимо этого, исследование О.Н. Беляевой [1] выявило, что участие в олимпиадах среди старшеклассников часто связано с развитием коммуникативных навыков и формированием социальных связей. Кроме того, старшеклассники, участвующие в олимпиадах, часто проявляют высокий уровень самореализации и самопонимания. Исследование Т. А. Михайловой [5] указывает на то, что опыт участия в олимпиадах помогает подросткам лучше понять свои сильные и слабые стороны, определить свои интересы и цели в учебе и профессиональной деятельности.

Таким образом, мы предположили, что опыт участия или неучастия в олимпиадах может стать значимым фактором, взаимосвязанным с ценностной сферой подростков и определяющим их стратегии поступления в университет и мотивацию достижения успеха. В нашем исследовании мы использовали следующие

методики: «Методика исследования мотивации к успеху» (Т. Элсер); «Портретный ценностный опросник», PVQ-RR (Ш. Шварц) и «Внешнегрупповая референтометрия» (Е.В. Щедрина) для определения фактора включенности подростков референтные группы. Респондентами исследования являлись 251 ученик старших классов в возрасте от 14 до 17 лет. 138 человек – респонденты, имеющие опыт участия в олимпиадах, 113 человек – не имеющие. Среди них 130 мальчиков, 121 девочка. При проведении исследования были получены следующие результаты.

Во-первых, была выявлена положительная взаимосвязь между мотивацией достижения успеха и ценностными ориентациями у старшеклассников, участвовавших в олимпиадах. При этом мотивацию достижения успеха обуславливают в основном ценности личностного фокуса: Стимуляция ($r = 0,28; p < 0,001$); Достижение ($r = 0,51; p < 0,001$); Власть – Доминирование ($r = 0,37; p < 0,001$); Безопасность – Личная ($r = 0,22; p < 0,005$); Самостоятельность – Мысли ($r = 0,23; p < 0,001$) и ценность Благожелательность – Забота ($r = 0,25; p < 0,005$) очень близкая к нему. Одновременно с этим, членство в референтных группах Родители и Родственники обуславливаются ценностью Достижение (Родители: $r = 0,21; p = 0,013$; Родственники (бабушки, дедушки): $r = 0,22; p = 0,009$). Также была выявлена положительная корреляция между ценностью Конформизм – Межличностный и референтными группами Брат/сестра ($r = 0,21; p = 0,013$) и Учитель ($r = 0,28; p = 0,017$).

Что касается мотивации достижения успеха у старшеклассников, не имеющих опыт участия в олимпиадах, прослеживается его положительная корреляция с ценностными ориентациями Самостоятельность – Мысли ($r = 0,27; p = 0,004$), Стимуляции ($r = 0,27; p = 0,004$), и отрицательная корреляция со Скромностью ($r = -0,24; p = 0,010$). Также была выявлена положительная корреляция между различными ценностными ориентациями и референтными группами у этой группы: Стимуляция – Учитель ($r = 0,25; p = 0,007$), Достижение – Друзья ($r = 0,2; p = 0,003$), Лучший друг (подруга) ($r = 0,331; p = 0,003$), Конформность – Родители ($r = 0,3; p = 0,001$), Брат/сестра ($r = 0,26; p = 0,005$), Безопасность – Родители ($r = 0,27; p = 0,003$), Традиции – Родители ($r = 0,26; p = 0,014$).

На основе данного исследования можно сделать вывод о том, что участие в олимпиадах частично определяет ценностные ориентации подростков. Старшеклассник, который участвует в интеллектуальных соревнованиях, ориентируется на иной спектр ценностей, определяющий его стратегии поступления в университет и мотивацию достижения успеха.

Литература

1. Беляева О.Н. Влияние участия в олимпиадах на социальные навыки старшеклассников. Психология образования и развития, 2020, 8(2), с.67-79.
2. Иванов А.П. Роль семейной среды в социально-психологическом развитии подростков. Психология семьи, 2018, 11(2), с. 45-56.
3. Крылова Е.С. Социально-психологические характеристики старшеклассников, участвующих в олимпиадах. Журнал образовательной психологии, 2019, 12(3), с. 45-58.
4. Козлов В.М. Образовательная среда и психологическое развитие подростков. Вестник педагогических наук, 2017, 22(3), с. 56-68.
5. Михайлова Т.А. Самореализация и самопонимание старшеклассников через участие в олимпиадах. Вестник педагогических наук, 2021, 22(4), с. 112-125.
6. Новикова Е.Л. Взаимодействие с педагогами и формирование социальной адаптации подростков в образовательной среде. Педагогическая психология, 2022, 9(1), с. 101-115.
7. Петрова О.С. Влияние семейных отношений на социально-психологическое развитие подростков. Журнал социальной психологии, 2021, 16(3), с. 78-89.
8. Smith A., & Jones B. The socio-psychological profile of high school students engaged in academic Olympiads. Journal of Educational Psychology, 2021, 115(3), pp. 321-335.

Особенности самоотношения студентов, воспитывающихся в семьях с разным психологическим климатом

Колтакова А.О., Доронина Н.Н.

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», Белгород, Россия
akoltakova851@gmail.com, doronina@bsu.edu.ru*

Самоотношение как психологическое понятие является одним из важнейших направляющих факторов саморазвития и самоосуществления личности. Проблеме самоотношения посвящены многочисленные работы отечественных и зарубежных авторов. Наиболее широко распространенным подходом к определению самоотношения является феномен «Я-концепции», в разное время изучавшийся такими авторами, как Р. Бернс, Л.С. Выготский, У. Джеймс, И.С. Кон, Ч. Кули, Дж. Мид, М. Розенберг, Н.И. Сарджвеладзе и другие. Так, теоретические подходы С.Р. Пантелеева и В.В. Столина основаны на определении самоотношения как проявления личностного смысла, имеющего иерархическую структуру.

В.С. Чиркова и О.В. Махинова выделяют такие характеристики самоотношения студентов, как устойчивость и стабильность, особенно в аспектах самооценности и самопринятия. Также исследователи выделяют высокий уровень стремления к социальной желательности и саморуководства [2].

В результате эмпирического исследования В.А. Швецовой был выявлен избирательный характер параметров самоотношения студентов, существенную разницу в числовых показателях которых можно объяснить так: «модальность отношения зависит, как правило, от степени новизны и трудности ситуации и деятельности, в которую включен субъект» [3].

Студенческий возраст сопровождается широким развитием самосознания и рефлексии. На формирование самоотношения подрастающего поколения большое влияние оказывают взаимоотношения в семье.

Справедливое замечание В.В. Столина о важности семьи в формировании самоотношения ребенка, в дальнейшем – студента,

следует раскрыть при помощи феномена психологического климата семьи.

О.А. Добрынина определяет его как «обобщенную, интегративную характеристику семьи, отражающую степень удовлетворенности членов семьи основными аспектами жизнедеятельности семьи, общим тоном и стилем общения» [1].

Относительно изучения психологического климата семьи существует множество исследований и точек зрения следующих авторов: Т.В. Андреевой, О.А. Добрыниной, М.В. Лапиной, Д.Б. Парыгина, Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса, З.А. Янковой и других. Исследователями определены динамика семьи, структура семейных ролей, коммуникации в семье и прочие аспекты семейных отношений, способные коррелировать с эмоциональным благополучием членов семьи.

Исследования Э.Г. Эйдемиллера и В.В. Юстицкиса сосредоточены на качествах личности, особенностях ее поведения, обусловленных семейным благополучием. Установлено, что семья выступает в роли фактора, определяющего реакцию индивида на психическую травму. Неудовлетворенность семейным состоянием способствует нервно-психическому напряжению и тревоге [4].

Цель данной статьи – раскрыть особенности самоотношения студентов, воспитывающихся в семьях с разным психологическим климатом.

В исследовании приняли участие студенты в возрасте от 18 до 25 лет, проживающие с родителями, в количестве 52 человек. Диагностический инструментарий представлен двумя методиками: «Тест-опросник самоотношения» (В.В. Столин и С.Р. Пантिलеев), построенный на основании иерархической модели самоотношения, и методика «Типовое семейное состояние» (Э.Г. Эйдемиллер и В.В. Юстицкис), при помощи которой можно определить оценку психологического климата семьи индивида, который в ней проживает, на предмет удовлетворенности или неудовлетворенности.

Исследование психологического климата семьи студентов, в которой они воспитываются, показало, что четверть (25%) респондентов воспитываются в семьях с неудовлетворительным психологическим климатом. Студенты в такой семье испытывают

тревожность, раздражительность, эмоциональный дискомфорт, страх. Как следствие, члены семьи с неудовлетворительным психологическим климатом могут находиться в состоянии регулярной тревоги или нервно-психического напряжения. Остальные 75% испытуемых студентов воспитываются в семьях с удовлетворительным психологическим климатом, для которого характерны следующие признаки: доброжелательность, сплоченность, доверие, чувство безопасности и эмоциональная удовлетворенность. Такой психологический климат в семье становится фактором повышения самооценки и способствует реализации личностного потенциала каждого члена семьи.

Высокий уровень самоуважения ведет к формированию более сложных, многокомпонентных целей, к уверенности в собственной компетентности. Эти характеристики особенно ярко прослеживаются у студентов в процессе учения и имеют практическую значимость для их профессионального будущего. Именно показатель самоуважения является гипотетически значимым для исследования.

Математическая обработка данных при помощи критерия Манна-Уитни показала, что для студентов, воспитывающихся в семьях с удовлетворительным психологическим климатом, действительно характерны более высокие показатели самооотношения, чем у студентов, воспитывающихся в семьях с неудовлетворительным психологическим климатом, а именно: по шкалам «Глобальное самооотношение», «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Самоуверенность», «Самопринятие» и «Саморуководство» при статистической значимости $p \leq 0,01$; «Самоинтерес» при статистической значимости $p \leq 0,05$.

Таким образом, в ходе исследования выявлено, что существуют статистически значимые различия в показателях самооотношения у студентов, которые воспитываются в семьях с разным психологическим климатом, а именно: у студентов, воспитывающихся в семьях с удовлетворительным психологическим климатом, более высокие показатели самооотношения, чем у студентов, воспитывающихся в семьях с неудовлетворительным психологическим климатом.

Литература

1. *Добрынина О.А.* Проблема формирования благоприятного социально-психологического климата семьи: Дис. ... канд. психол. н. М., 1993.
2. *Чиркова В.С., Махинова О.В.* Отличительные особенности самоотношения студентов и подростков // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук.* 2019. № 7-1. С. 95-97.
3. *Швецова В.А.* Особенности самоотношения студентов-психологов и его зависимость от стиля саморегуляции поведения // *Проблемы современного педагогического образования.* 2019. № 63-1. С. 485-488.
4. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.* Психология и психотерапия семьи. М., 2008.

Психологическое самочувствие актера как одна из проблем социальной психологии личности

Колыванова Э.В., Петракова А.В.

ФГБНУ «ФНЦ ПМИ», Москва, Россия

kolyvanovaelina@gmail.com, anastasiya-petrakova@yandex.ru

В работе представлено распространение нашей исследовательской линии, посвященной связи личностных характеристик представителей актерской деятельности с их особенностями совладания со стрессом, на актеров региональных театров РФ с целью организации специфичной для данной профессии службы психологической поддержки [1].

«Актер драматического театра» – одна из самых стрессогенных профессий. Основными факторами, провоцирующими переживания негативных эмоций, являются нестабильная профессиональная занятость и доход, повышенная конкуренция, ситуация неопределенности, вызванная прежде всего пандемией COVID-19, и др. В рамках нашей исследовательской линии выдвинуто предположение, что еще одним стрессогенным фактором является

сама личность актера. Актеры описываются как экстраверты и мечтатели, живущие в своем мире, и в то же время как тревожные, тонко чувствующие натуры, иногда слишком мнительные [2]. Наши исследования показывают, что такая личностная организация значимо связана с поведением при стрессе: вышеописанные «актерские» личностные черты отрицательно коррелируют с проблемно-ориентированными копинг-стратегиями, то есть представители данной профессиональной группы стремятся, скорее всего, восстановить эмоциональный баланс, отвлекаясь от задачи решить проблему.

Для проверки надежности наших выводов, а также изучения индивидуальных различий данной профессиональной группы мы предприняли расширение нашей выборки на актеров региональных театров.

Для реализации данной цели было сформировано две выборки в Ивановской области: респондентами выступили профессиональные актёры ($N = 18$) в возрасте от 22 до 44 лет ($M = 28$; $SD = 6,7$) и студенты-актёры ($N = 20$), возраст которых варьируется от 15 до 20 ($M = 17$; $SD = 1,2$).

В ходе исследования была разработана анкета для полуструктурированного интервью, вопросы которой направлены на выявление у респондентов настроения «здесь и сейчас»; чувств, возникающих в стрессе; факторов, вызывающих стресс и способов совладания со стрессовыми ситуациями («Какие ситуации в Вашей профессиональной деятельности могут вызывать у Вас негативные эмоции и чувства?», «Что Вы делаете, чтобы восстановиться после трудной жизненной ситуации?» и др.). Отдельный блок вопросов касался мнения респондентов о необходимости включения психолога в актерскую среду («Как вы думаете, чем психолог может быть полезен в вашей профессии?» и др.).

Для выявления личностных особенностей респондентов использовалась методика многофакторного исследования личности Р. Кетгела 16PF. Для оценки копинг-стратегий респондентов использовался опросник «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и С. Фолкман в адаптации Т.Л. Крюковой.

На момент анкетирования большинство студентов-актеров сообщало о негативном расположении духа (70%), группа профессиональных актеров пребывала, скорее, в позитивном

настроении (44%). Обе группы сообщали, что часто переживают стрессовые состояния, вызываемые профессиональной деятельностью: студенты чаще обозначают коммуникационные сложности в учебном коллективе (52%), актеры приводят трудности более личного характера (63%). При этом студенты-актеры чаще говорят о переживании страха (50%), профессиональные актеры – о переживании гнева (40%).

Личностный профиль (выявленный опросником Кеттелла 16PF) всей выборки (и студентов-актеров и профессиональных актеров) можно охарактеризовать через такие характеристики, как чувствительность (I), смелость (H), подозрительность (L), что совпадает с предыдущими исследованиями. В то же время настоящую группу отличают такие черты, как радикализм (Q1) и самоконтроль (Q3). Между профессиональными актерами и актерами-студентами были обнаружены различия по ответственности (G) и самоконтролю (Q3).

Обе обследуемые группы в рамках анкетирования сообщили, что при возникновении трудности стремятся минимизировать ее значение, отойти от нее (студенты – 54 %, актеры – 78 %). Это соотносится с результатами опросника «Способы совладающего поведения»: копинг-стратегии «дистанцирование» и «бегство-избегание» выражены у обеих подвыборок больше всего.

Результаты корреляционного анализа результатов по методике Кеттелла 16PF и опросника «Способы совладающего поведения» показали, что такие личностные черты, как подозрительность (L), напряженность (Q4) и радикализм (Q1) положительно связаны с копинг-стратегиями «конфронтация» и «бегство-избегание». Актерам, с такими характеристиками как активность, экспрессивность (F), готовность к риску (H) и склонность присоединяться к группе (Q2), свойственно выбирать копинг-стратегии «положительная переоценка», «принятие ответственности» и «поиск социальной поддержки».

Отметим, что большая часть испытуемых сообщает, что вряд ли обратится к психологу в случае возникновения какой-либо личной/профессиональной трудности (55% студентов и 77% актеров).

Таким образом, настоящие результаты подтверждают предшествующие данные о связи личностных особенностей актеров с

их поведением при стрессе: актеры склонны, скорее, уходить от стрессогенных ситуаций, чтобы восстановить свой эмоциональный баланс. Интерес представляют такие проявившиеся черты, как высокие «радикализм» и «самоконтроль», отличающие данную выборку актеров от ранее исследуемых выборок в центральной части РФ. Также кажется важным обратить внимание на проблему взаимоотношений актеров с представителями профессии «психолог».

Литература

1. *Лыкова Т.А., Петракова А.В.* Взаимосвязь личностных характеристик и копинг-стратегий у актеров // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18, No 3(51), С. 87–97. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0309>
2. *Собкин В.С., Лыкова Т.А., Собкина А.В.* Психология актера: начало профессионального пути. М.: ФГБНУ «ИУО РАО», 2021

Межличностное поведение студентов с разным уровнем социальной тревоги

Комарова Т.К.

*ГрГУ им. Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь
natusik08_81@mail.ru*

В современном мире имеет место тенденция возрастания вероятности «встречи» человека с различными стрессовыми событиями или экстремальными ситуациями, в том числе с межличностными конфликтами в ближайшем микросоциуме. На этом фоне особую значимость приобретает изучение основных механизмов и факторов, позволяющих личности сохранить свою целостность, идентичность, избежать деформации и отчужденности, выработать такую модель поведения, в которой отражаются социальные нормы, нравственные установки, а также потребности и ценности самой личности. Формирование психологически здоровой личности в процессе обучения в вузе также важно, как и овладение будущими

специалистами профессиональными компетенциями, тем более что коммуникабельность, толерантность и способность работать в команде – значимый компонент социальной компетентности будущего специалиста, одно из главных условий жизненного и профессионального успеха личности.

В связи со сказанным выше, в предпринятом эмпирическом исследовании изучались тенденции и типы межличностного поведения студентов с помощью опросника, который является русскоязычной версией широко известного за рубежом опросника FIRO, разработанного американским психологом В. Шутцем [1]. Выборку составили 108 студентов университета в возрасте от 17 до 23 лет.

Ориентируясь на выделенные автором методики типы, межличностное поведение большинства студентов в исследуемой выборке (у 69,4%) можно охарактеризовать как «идеальное» (В.Шутц), когда в различных ситуациях межличностного взаимодействия сочетаются активная и пассивная позиции и различные тенденции поведения, вследствие чего вариативно удовлетворяются потребности личности в социальном взаимодействии с другими людьми. Личность с таким поведением – это социально выровненный тип человека, у которого взаимоотношения были успешными с детства; установление контактов с людьми не представляет для него трудностей; он уверенно чувствует себя и в одиночестве, и с людьми, способен на риск и вхождение в различные группы, но может и воздерживаться от риска и взаимодействий, если считает это неуместным; он ощущает себя ценной и значимой личностью, способен сам искренне интересоваться другими [1].

Очевидно, что выраженная пластичность поведения такой личности способствует повышению уровня ее социальной адаптированности, профилируя переживание ею социальной тревоги и страхов.

На следующем этапе исследования, с помощью соответствующего опросника [2] изучались особенности переживания социальной тревоги и социофобий у студентов, составляющих исследуемую выборку. Полученные данные показывают, что у 43,5% студентов выражен умеренный уровень социальной тревоги и социофобии; низкий уровень обнаружен у 31,5% респондентов. Это

свидетельствует о социальной смелости и инициативности в большинстве социальных ситуаций, социальной адаптированности, отсутствии страха в ситуации самопроявления у студентов этих групп. В то же время обнаружено, что высокий уровень социальной тревоги и социофобии имеют 25% респондентов. Для них характерно избегание социальных ситуаций или сильное напряжение при участии в них, декомпенсация в значимых ситуациях критики и потенциально негативного оценивания, осознание и переживание дефицита коммуникативных навыков и коммуникативной смелости. Анализ показывает, что типичными «провокаторами» социальной тревоги и социофобии у студентов являются такие ситуации, как выступление перед аудиторией; ситуации контроля знаний; приближение сессии, экзамена, знакомство и общение с человеком противоположного пола и т.п.

Полученные данные позволили провести сравнительный анализ, где исходным было предположение о том, что различия, обусловленные уровнем переживания студентами социальной тревоги и социофобии, определяют степень приближения их поведения к «идеальному» (В. Шутц), предполагающему сочетание активного и пассивного проявления таких тенденций поведения в межличностных отношениях как «включение», «контроль» и «аффект», что в целом обеспечивает эффект социальной адаптированности. Данные показывают, что значимые различия обнаружены по шкале «активное поведение в области «включения» ($U = 83,5000$; $p = 0,000$); по шкале «требуемое поведение в области «включения» ($U = 89,5000$; $p = 0,000$); по шкалам «выраженное поведение в области «контроля», ($U = 302,5000$; $p = 0,0001$) и «требуемое» поведение ($U = 392,5000$; $p = 0,004$); а также по шкалам «выраженное поведение в области аффекта» ($U = 356,0000$; $p = 0,001$) и «требуемое поведение в области аффекта» ($U = 312,0000$; $p = 0,000154$). Это говорит о том, что «социально выровненное» пластичное поведение как показатель социальной адаптированности характерно для студентов с умеренной социальной тревогой, в отличие от студентов с высоким уровнем тревоги и социофобии.

Предпринятый анализ позволяет сделать следующие выводы.

- Умеренный уровень социальной тревоги способствует активности личности в межличностных отношениях и

осуществлению ею выбора «идеального» типа поведения. Студенты данной группы вариативно проявляют себя в межличностных отношениях, обнаруживая как разные тенденции поведения, так и доминантную или подчиненную позицию в отношениях с другими людьми, демонстрируя тем самым пластичность поведения и социальную адаптированность;

- Высокий уровень социальной тревоги и социофобии являются блокираторами социальной активности студентов в пространстве межличностных отношений в ближайшем социальном окружении, следствием чего становится их социальная дезадаптация и эмоциональная депривированность. Такой «дефицитарный» тип поведения приводит к тому, что тревожная личность не имеет возможности или не пытается удовлетворить свои социальные потребности, сама создавая таким образом дефицит межличностных связей с другими людьми.

Литература

1. *Рукавишников А.А.* Диагностика межличностных отношений// Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 167-171.
2. *Сагалакова О.А., Труевцев Д.В.* Психология социального тревожного расстройства. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2014.

Взаимосвязь эмоционального интеллекта и психологических ресурсов у студентов

Кононыхина В.Б.

*АНО ВО «РосНОУ», Москва, Россия
vkononykhina@yandex.ru*

Любые жизненные ситуации влияют на человека как положительно, так и отрицательно. Во многом выбор вектора влияния зависит от самого человека и его способности справляться с ситуациями, которые возникают в жизни. Эту способность называют

ресурсами – это «те индивидуальные особенности, в зависимости от которых задачи мобилизации, адаптации к стрессовой ситуации, ее преодоления и предотвращения неблагоприятных последствий решаются легче или, напротив, труднее (при их дефиците)» [2, с. 504]. Ресурс может быть локальным и представлять интерес только для конкретных задач или, наоборот, универсальным и использоваться в различных ситуациях. Обладание универсальными ресурсами более интересно и перспективно для эффективного человека. Универсальные ресурсы делятся на физиологические, психологические или личностные, предметные или материальные и социальные.

Психологические ресурсы включают в себя ресурсы цели и смыслов, которые позволяют чувствовать себя защищенными. Кроме того, уверенность в себе, обладание адекватной самооценкой, навык решать возникающие проблемы и др. Следовательно, можно научиться развивать и пополнять психологические ресурсы [4].

Каждая позитивная или негативная ситуация невозможна без эмоциональной окраски, которая также имеет либо положительный, либо отрицательный характер. И также, конечно, знак эмоции зависит от самого человека и окружающих его людей. Способность понимать свое эмоциональное состояние и управлять им и окружающими называют эмоциональным интеллектом [1].

Следовательно, обладание психологическими ресурсами и эмоциональным интеллектом полезно и эффективно для человека, а в большинстве случаев позволяет справляться с различными жизненными ситуациями.

Поэтому было проведено исследование с целью выявления взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и некоторыми психологическими ресурсами студентов.

В исследовании использовались психодиагностические методики:

- опросник «ЭмИн» (Д.В. Люсин) для определения уровня эмоционального интеллекта [3];
- «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, адаптация Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой) для определения способности, позволяющие справляться с трудностями [5];
- методика «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS» (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер,

адаптация Т.Л. Крюковой) для определения выраженного поведения в стрессовых ситуациях [2].

Респондентами являлись 121 студент бакалавриата, обучающийся в высшем учебном заведении г. Москвы по направлениям подготовки психолого-педагогическое, специальное и педагогическое образование. Из них – женщины 94% и мужчины 6%. Возраст респондентов от 17 до 46 лет.

Для проверки гипотезы использован коэффициент корреляции Спирмена и получены следующие данные по эмоциональному интеллекту и тесту жизнестойкости.

1. Внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) имеет статистически значимую положительную корреляцию со всеми показателями теста жизнестойкости: «Общий показатель жизнестойкости» ($r = 0,634$ при $p < 0,01$), «Вовлеченность» ($r = 0,592$ при $p < 0,01$), «Контроль» ($r = 0,647$ при $p < 0,01$) и «Принятие риска» ($r = 0,612$ при $p < 0,01$).

2. Межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ) имеет статистически значимую положительную корреляцию со всеми показателями теста жизнестойкости: «Общий показатель жизнестойкости» ($r = 0,317$ при $p < 0,01$), «Вовлеченность» ($r = 0,309$ при $p < 0,01$), «Контроль» ($r = 0,352$ при $p < 0,01$) и «Принятие риска» ($r = 0,255$ при $p < 0,01$).

3. Общий эмоциональный интеллект (ОЭИ) имеет статистически значимую положительную корреляцию со всеми показателями теста жизнестойкости: «Общий показатель жизнестойкости» ($r = 0,600$ при $p < 0,01$), «Вовлеченность» ($r = 0,567$ при $p < 0,01$), «Контроль» ($r = 0,622$ при $p < 0,01$) и «Принятие риска» ($r = 0,558$ при $p < 0,01$).

Следовательно, чем выше будет эмоциональный интеллект, тем выше будет «Общий показатель жизнестойкости» и его показатели «Вовлеченность» «Контроль» и «Принятие риска».

Аналогичным образом, используя коэффициент корреляции Спирмена, была определена связь эмоционального интеллекта с показателями методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях CISS».

1. Внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) имеет статистически значимую положительную корреляцию со стратегией

поведения в стрессовой ситуации «Ориентация на решение задач» ($r = 0,452$ при $p < 0,01$) и отрицательную корреляцию – «Эмоциональная ориентация» ($r = -0,712$ при $p < 0,01$).

2. Межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ) имеет статистически значимую положительную корреляцию со стратегиями поведения в стрессовой ситуации «Ориентация на решение задач» ($r = 0,515$ при $p < 0,01$) и «Избегание» ($r = 0,366$ при $p < 0,01$) и отрицательную корреляцию – «Эмоциональная ориентация» ($r = -0,437$ при $p < 0,01$).

3. Общий эмоциональный интеллект (ОЭИ) имеет статистически значимую положительную корреляцию со стратегиями поведения в стрессовой ситуации «Ориентация на решение задач» ($r = 0,549$ при $p < 0,01$) и «Избегание» ($r = 0,226$ при $p < 0,05$) и отрицательную корреляцию – «Эмоциональная ориентация» ($r = -0,707$ при $p < 0,01$).

Следовательно, чем выше будет эмоциональный интеллект, тем чаще будут использоваться стратегии поведения «Ориентация на решение задач» и «Избегание» и реже «Эмоциональная ориентация».

Таким образом, подтвердилась гипотеза о существовании взаимосвязи между эмоциональным интеллектом и психологическими ресурсами студентов. Чем выше эмоциональный интеллект, тем лучше студенты справляются с возникающими трудностями и применяют конструктивные стратегии поведения в стрессовой ситуации. Развитие способности понимать и управлять эмоциями своими и других позволит рационально оценивать сложившуюся ситуацию и успешнее преодолевать их. При этом рациональная стратегия поведения будет выбираться чаще, чем иррациональная.

Литература

1. Андреева И.Н. Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии. Новополоцк, 2011.
2. Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011.
3. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3 – 22.

4. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности / Т. Ю. Иванова, Д. А. Леонтьев, Е. Н. Осин [и др.] // Организационная психология. 2018. Т. 8. № 1. С. 85-121.
5. *Осин Е.Н.* Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости // Организационная психология. 2013. Т. 3. №3. С. 42 –60.

Цифровая личность и цифровая социализация: социальные медиа в образовательном процессе – риски и ресурсы

Коржик А.С., Светлова А.А.

ИРПО ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия

korzhikas@mgpu.ru, svetlova@mgpu.ru

С развитием информационных технологий в сети Интернет и социальных медиа увеличиваются информационные потоки, появляется мгновенный доступ к информации, каждый желающий может стать автором контента, что, в свою очередь, позволяет сформировать цифровой образ человека. Этот образ складывается, с одной стороны, из пользовательской и поисковой активности в Сети, а с другой стороны – из той информации, которую человек публикует в социальных сетях (личные данные, а также аудиовизуальный и текстовый контент). Интернет начинает рассматриваться в качестве культурного орудия, с помощью которого возникают новые формы деятельности, представленности личности, системы взаимодействия и новая социальная ситуация развития.

У. Бронфенбреннер, продолжая идеи Л.С. Выготского о социальном происхождении высших психических функций, предложил теорию экологических систем, которая подробно описывает, каким образом на развитие ребенка оказывает влияние социальная среда. Согласно данной теории, среда, в которой развивается ребенок, состоит из четырех систем: микросистема (семья), мезосистема (образовательная организация, соседи), экосистема (социальные организации, родственники), макросистема (культурные обычаи, ценности и нормы общества). Между всеми

системами существуют как прямые, так и обратные связи [5]. Поскольку макросистема обладает возможностью влиять на все уровни, по мнению Бронфенбренера, именно она играет ключевую роль в развитии ребенка. Принимая во внимание развитие информационных систем и распространение процессов цифровизации практически на все области социального взаимодействия, мы не можем отрицать тот факт, что Интернет и социальные сети включаются в социальную ситуацию развития ребенка. В исследованиях появляются новые термины и феномены, связанные с формированием личности и процессами социализации ребенка, – это «цифровая личность» и «цифровая социализация». Так, Ж. Джонсон и П. Паплампу предложили дополнить теорию экологических систем еще одним уровнем – техносистемой. По мнению авторов, данная система занимает первый уровень в модели и объединяет в себе взаимодействия ребенка как с живыми элементами системы, так и с неодушевленными (например, электронные устройства и приложения, искусственный интеллект, Интернет) [4], что приводит к необходимости дополнительного изучения когнитивных процессов и особенностей взаимодействия ребенка с окружающим миром.

«Социализация, в отличие от воспитания, – это стихийный разнонаправленный процесс» [1]. В современном обществе социализация ребенка опосредована техносистемой, где Интернет все чаще рассматривается как часть культуры и экосистемы, оказывающей влияние на формирование личности. Ребенок по-прежнему приобретает общественный опыт через вхождение в социальную среду, однако теперь он становится субъектом онлайн-деятельности [2].

Учитывая, что активное использование информационных технологий и социальных медиа стало неотъемлемой частью жизни общества, а цифровая грамотность – важным условием для успешной жизни и профессиональной деятельности, применение информационных технологий в организации образовательного процесса необходимо, в первую очередь, для формирования у учащихся навыков безопасного и экологичного использования современных технологий. В то же время для подростков, которые собираются связать свою жизнь с медиаиндустрией, становится актуальным, с одной стороны, овладение навыками работы с

социальными медиа, получение знаний и практических умений в области определения целевой аудитории, написания текстов, создания аудиовизуального контента, а с другой стороны – формирование у них навыков безопасного поведения в Сети, учитывая знание законов об авторском праве и о защите персональных данных, а также представления о возрастной маркировке контента.

В последние годы в исследованиях в качестве данных для анализа используется цифровой след, на основе данных о цифровом следе обучающихся строятся персонализированные образовательные программы, анализируется поведение учащихся, выстраивается система наставничества. В 2021 году был разработан и утвержден стандарт сбора цифрового следа. «Применение информационно-коммуникационных технологий в сфере образования повышает качество и доступность образования, способствует совершенствованию образовательных технологий, появлению новых форм обучения... и доступа к ним широкого круга обучающихся с использованием сети интернет» – говорится в тексте Стандарта [3].

Все данные, которые собираются и анализируются, можно разделить на пассивный, включающий данные, которые собрали без ведома человека, и активный цифровой след, который включает информацию, намеренно размещенную пользователем. С учетом специфики образовательных данных появляется отдельное направление их анализа – интеллектуальный анализ образовательных данных, применимый для лучшего понимания процесса обучения и решения задач, связанных с адаптацией учебного курса под ученика.

Использование интеллектуального анализа данных цифрового следа обучающихся позволит преподавателям:

- прогнозировать поведение учеников;
- строить для каждого ученика индивидуальный маршрут обучения;
- группировать обучающихся по подгруппам с учетом не только образовательных результатов, но и интересов;
- планировать и разрабатывать учебные курсы с учетом образовательных дефицитов и интересов учащихся;
- интегрировать проектную и исследовательскую деятельность в образовательный процесс;
- формулировать персонализированные рекомендации.

Активное развитие информационных технологий меняет наши представления о социальном взаимодействии, предъявляет новые требования к организации процессов обучения и воспитания, создает условия для формирования востребованных компетенций и навыков и для развития профессиональных областей, что, в свою очередь, требует учета возможных рисков и проведения дополнительных исследований.

Литература

1. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
2. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
3. Стандарт цифрового следа. Университет 2035. URL: <https://standard.2035.university/>
4. Johnson G., Ptoplampu K. A conceptual framework for understanding the effect of the Internet on child development: The ecological techno-subsystem // Canadian Journal of Learning and Technology. 2008. Vol. 34. P. 19–28.
5. Making human beings human: Bioecological perspectives on human development / Bronfenbrenner U. (ed.) Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2004. 336 p.

Присвоение социальных норм поведения и социальные аксиомы в молодости

*Косенкова Н.М., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nata.kosenkova.00@bk.ru*

В современном обществе постоянно меняются социальные условия жизни, что предъявляет новые требования к формированию норм поведения, меняются социальные представления о них, а также общественное мнение о том, что приемлемо для общества, а что может отвергаться разными социальными группам. В связи со

сказанным, особое значение приобретает изучение выбора социальных норм молодежью, а также их представления о социальных аксиомах. Как нормы поведения, так и социальные аксиомы можно отнести к слабо осознаваемым регуляторам поведения личности в обществе. Тем более важно выводить их на уровень осознания и помогать молодым людям рефлексировать те скрытые феномены, от которых во многом зависит их поведение и достижения в жизни.

Большое количество исследований, начиная с классических работ К. Левина, доказали значение норм как способа социального контроля и оказания влияния на социум, группы и их отдельных представителей, что создает устойчивость и стабильность жизни [1].

Б.Д. Парыгин рассматривал норму как те модели либо правила поведения, которые окружающие ожидают от людей, с которыми вступают во взаимодействие, и, если они не выполняются, члены группы могут использовать разные санкции [2].

Существует большое количество разных дефиниций социальной нормы. Главное во многих из них – это то, что социальная норма отличается тем, что она осознается (или не осознается), но принимается конкретным обществом, предстает как общепризнанный способ поведения в данном сообществе, что, по сути, обеспечивает целостность системы и ее устойчивость. Также в научной литературе можно встретить разные классификации социальных норм, выделяемые на основе отличающихся критерием.

Просоциальное поведение молодежи будет таковым в случае интериоризации социальных норм или следования им в результате включения в различные социальные институты, деятельность которых приносит пользу обществу

Согласно Н.В. Кухтовой, социальная норма может трактоваться как модель (образец, правило) поведения при взаимодействии с окружающими людьми в социуме [1].

Кроме того, в последние годы достаточно популярной объяснительной моделью социального поведения стала теория социальных аксиом К. Леунга и М. Бонда. Главная идея подхода авторов заключается в представлении о неких верованиях, которые имеют обобщенный характер, являя собой, по сути, обобщенные ожидания по отношению к миру, за счет чего они осуществляют

регуляцию социального поведения. Как и многие внутренние феномены психической жизни, социальные аксиомы являются результатом жизненного опыта и социализации личности.

С помощью эмпирического исследования мы решили выявить взаимосвязь норм просоциального поведения и социальных аксиом у молодых людей. В качестве респондентов выступила группа молодежи (всего 74 человека), в возрасте от 18 до 35 лет. Средний возраст составил 25,1 года.

Были применены две методики психодиагностики:

1) методика «Социальные нормы просоциального поведения» (И.А. Фурманов, Н.В. Кухтова) [3];

2) методика исследования социальных аксиом, сокращенная версия (К. Леунг, М. Бонд, 2009), адаптация А.Н. Татарко, Н.М. Лебедевой [4].

Целью применения первой методики выступило выявление особенностей присвоения социальных норм и на их основе выстраивания межличностных отношений с другими людьми. Авторы выделили четыре разновидности таких норм поведения: 1) норму социальной ответственности, 2) взаимности, 3) справедливости, и 4) норму «затрат – вознаграждения».

Вторая методика позволяет, согласно авторской концепции, понять предпочтения испытуемых, связанные с пятью фундаментальными социальными аксиомами, причем они выделены на основе анализа представителей разных этнических групп, культур и стран. В итоге были описаны пять факторов или пять аксиом: социальный цинизм, социальная сложность, награда за усилия, религиозность (или духовность), а также контроль судьбы.

С целью обнаружения взаимосвязей был использован корреляционный анализ Спирмена.

Анализируя полученные результаты, можно отметить наличие связей между взрослением и снижением ориентации на такую социальную аксиому, как перекладывание ответственности на судьбу (контроль судьбы) ($r = -0,251$ при $p \leq 0,05$). Норма социальной ответственности имела прямую взаимосвязь с двумя социальными аксиомами: религиозностью ($r = 0,249$ при $p \leq 0,05$) и наградой за усилия ($r = 0,233$ при $p \leq 0,05$). Иными словами, молодые люди более

активно присваивали нормативы социальной ответственности, если имели более высоко выраженные убеждения в исцеляющей силе веры и взгляды, в соответствии с которыми приложение усилий к достижению цели, наличие знаний, затраты личностных ресурсов приводят к положительным результатам, заодно обеспечивая отсутствие отрицательного исхода.

Норма поведения, связанная с затратами и вознаграждениями, имела три корреляции с социальными аксиомами. Интересно, что по данному показателю среднее значение получилось со знаком «минус» (-12,7 баллов), то есть, наши респонденты готовы оказывать помощь и поддержку бескорыстно, проявляя альтруизм и не ожидая вознаграждения за совершенные действия. Соответственно, была выявлена (с учетом знака), положительная прямая взаимосвязь между ростом ориентации на норму соответствия затрат и вознаграждения с ростом социального цинизма ($r = -0,483$ при $p \leq 0,001$), контролем судьбы как верой в предопределенность и, одновременно, возможностью ее изменить ($r = -0,326$ при $p \leq 0,01$), а также религиозностью ($r = -0,350$ при $p \leq 0,01$).

Подводя итоги, можно сделать вывод о наличии взаимосвязи между присвоением просоциальных норм поведения и социальными аксиомами как фундаментальными психологическими конструктами, регулирующими социальное поведение в обществе в молодости.

Наши респонденты оказались ориентированы на проявление ответственности, они верят в некие силы, находящиеся за пределами традиционной социальной жизни, имеют достаточно позитивный взгляд на природу человека, не склонны проявлять интолерантность к разным социальным группам и вполне доверяют окружающим людям и социальным институтам, с которыми они взаимодействуют. Им присущи бескорыстие и альтруизм, они не ждут вознаграждения в ответ на затраченные усилия и ресурсы.

В перспективе планируется увеличить выборку и усилить методический инструментарий.

Практическая значимость работы видится в создании программ поддержания и развития просоциальной направленности поведения молодежи.

Литература

1. *Кухтова Н.В.* Социальные нормы просоциального поведения. Брест, Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 3. Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія, 2015. № 1.
2. *Парыгин Б.Д.* Социально-психологический климат коллектива. Л.: Наука, 1991.
3. Просоциальное поведение специалистов, ориентированных на оказание помощи: теоретические основы и методики изучения / Авторы-составители Н.В. Кухтова, Н.В. Доморацкая, Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2011.
4. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 1.

Связь удовлетворенности жизнью и выраженности сексизма у студентов мужского пола

Космина Д.Г., Бусарова О.Р.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

dariakosmos2001@gmail.com, olga-bus0@yandex.ru

Термин «удовлетворенность жизнью» тесно связан с понятиями «благополучие» и «субъективное благополучие». Понятие субъективного благополучия представляет собой альтернативу неоднозначному понятию счастья и определяется тремя ключевыми чертами: субъективистский подход; оценка благополучия через призму позитивных аспектов жизни, а не отсутствие негативных; суммарная оценка всех сфер жизни. Удовлетворенность жизнью, хотя и является частью благополучия, отличается тем, что включает оценочный компонент. Определение Р.М. Шамионова наиболее точно отражает суть удовлетворенности жизнью, описывая ее как результат взаимодействия когнитивных и эмоционально-волевых процессов в человеческом опыте, а также указывая на ее субъективную эмоционально-ценностную оценку и мотивационную функцию. [1]

Вопрос о том, как сексистские установки влияют на удовлетворенность жизнью мужчин в контексте профессиональной деятельности, имеет важное значение, особенно когда речь идет о будущих сотрудниках правоохранительных органов, где поддержка сексизма может повлиять на восприятие и реагирование на насилие в обществе.

Была изучена проблема связи между выраженностью составляющих сексизма у студентов-мужчин и удовлетворенностью жизнью.

На основе мета-анализа, проведенного Е.А. Комаровой, было сформулировано определение сексизма как формы предвзятости, основанной на половой принадлежности субъекта и проявляющейся в благожелательном, враждебном или амбивалентном отношении к субъекту, обусловленном различными ролями и позициями мужчин и женщин в обществе и направленном на сохранение этой ролевой дифференциации [3].

Исследование включало использование комплекса методик, в том числе методики «Нормы женского поведения» (И.С. Клецина, Е.В. Иоффе), шкалы удовлетворенности жизнью (Е.Н. Осин, Д.А. Леонтьев) и авторской анкеты для сбора демографических данных [2; 4].

В данном исследовании рассматривались 7 шкал сексизма:

1. «Установка на замужество и материнство» – убеждения о главенстве роли матери и жены для женщин;
2. «Стремление быть хорошей хозяйкой» – убеждения об ответственности женщины в уходе за домом и семьей;
3. «Значимость привлекательной внешности» – убеждения о значимости внешности для женщины;
4. «Готовность заботиться о семье и близких» – убеждения о женской заботливости и жертвенности;
5. «Мягкость, чувствительность» – убеждения о поведении и внешности настоящей женщины;
6. «Зависимость/самодостаточность в отношениях с мужчинами» – убеждения о силе женщины через ее зависимость от мужчины;
7. «Приверженность традиционалистским нормам женского поведения» – общий показатель традиционалистского или эгалитарного подхода к фемининности [2].

По результатам исследования подтвердилось наше предположение о том, что в общей выборке существует прямая связь между выраженностью составляющих сексизма у студентов-мужчин и удовлетворенностью жизнью. С удовлетворенностью жизнью положительно коррелирует: «приверженность традиционалистским нормам женского поведения» ($r = 0,375; p \leq 0,01$), «установка на замужество и материнство» ($r = 0,373; p \leq 0,01$), «стремление быть хорошей хозяйкой» ($r = 0,285; p \leq 0,01$), «значимость привлекательной внешности» ($r = 0,272; p \leq 0,01$), «готовность заботиться о семье и близких людях» ($r = 0,260; p \leq 0,01$), «мягкость, чувствительность» ($r = 0,25; p \leq 0,01$), «зависимость/самодостаточность в отношениях с мужчинами» ($r = 0,3; p \leq 0,01$).

Вместе с тем, полученные данные свидетельствовали о различиях между курсантами, будущими представителями правоохранительных органов из МосУ МВД РФ им В.Я. Кикотя, и студентами – будущими психологами из МГППУ. Сравнительная установка студентов МГППУ и курсантов МосУ МВД РФ им В.Я. Кикотя, можно отметить, что первые в среднем более склонны к эгалитарным взглядам на роль и позицию женщины в обществе, в то время как у последних наблюдается смешанный подход, сочетающий традиционалистские и эгалитарные установки. Средняя удовлетворенность жизнью у курсантов из МосУ МВД РФ им В.Я. Кикотя выше, чем у студентов МГППУ.

В результате исследования не обнаружено значимых корреляций между удовлетворенностью жизнью и шкалами сексизма у студентов МГППУ. Однако, у курсантов из МосУ МВД РФ им В.Я. Кикотя выявлена положительная связь между удовлетворенностью жизнью и установкой на замужество и материнство ($r = 0,312; p \leq 0,01$), готовностью заботиться о семье и близких ($r = 0,292; p \leq 0,05$), а также приверженностью традиционалистским нормам женского поведения ($r = 0,345; p \leq 0,01$).

Рекомендации по практическому использованию результатов исследования включают в себя работу с сексистскими установками у будущих представителей правоохранительных органов посредством внедрения в учебные программы специальных дисциплин, включающих материалы о проблемах гендерного равенства, сексизма; разработки профессиональных стандартов, запрещающих сексистское

поведение; проведение мониторинга и оценки эффективности внедрения программы работы с сексистскими установками, чтобы выявить успехи и определить области для улучшения.

Литература

1. *Галиахметова Л.И.* Благополучие, субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью: проблема взаимосвязи. Вестник Башкирского университета, 2015, № 3, с. 1114–1118.
2. *Клецина И.С.* Гендерные нормы как социально-психологический феномен: монография / Е.В. Иоффе; И.С. Клецина. Москва: Проспект, 2017. – 144 с. – Библиогр. в подстроч. примеч. – ISBN 978-5-392-24903-9. – URL: <https://ruscont.ru/efd/632747> (дата обращения: 29.03.2024)]
3. *Комарова Е.А.* Мета-анализ понятия сексистских установок и их видов / Е.А. Комарова // Актуальные психологические исследования. – 2013. – С. 90–94.
4. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены, 2020. №1

К вопросу о методологических проблемах киберпсихологии

Кочетков Д.М., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dmtrkchtl@mail.ru, nkochetkov@mail.ru*

В современном мире все большее место занимают кибертехнологии. Это не обошло стороной и сферу досуга и развлечений, в том числе и видеоигр. По данным DFC Intelligence, число игроков в мире превысило отметку в 3,7 миллиарда человек, что почти составляет половину населения планеты [5]. Неудивительно, что такое стремительно развивающееся явление не обошло стороной

современных исследователей. Но сравнительно новые явления требуют развития методологии и решения ряда вопросов, необходимых для целесообразного изучения предмета.

Среди проблем исследований в киберпсихологии можно выделить следующие группы: проблемы определения области исследования; проблемы классификации множества элементов, объединенных в виртуальную реальность современными информационными технологиями; проблемы выделения новых феноменов, связанных с использованием кибертехнологий.

К первой группе можно отнести дискуссию о выделении отдельной отрасли психологии. Отечественный психолог А.Е. Войскунский придерживается термина «психология интернета», определяя его как «отрасль психологии, объединяющую (и отвечающую за) методологию, теорию и практику исследования видов, способов и принципов применения людьми социальных сервисов Интернета» и ставя акцент на том, что всемирная сеть имеет определяющее значение в использовании различных гаджетов и ПК [2]. В свою очередь Н.В. Богачева придерживается транслитерации зарубежного термина «*cyberpsychology*» – киберпсихология, включая в спектр исследований случаи использования современных технологий оффлайн. J.R. Suler, один из основоположников развития психологии в данном направлении, придерживался варианта «психология киберпространства» (*psychology of cyberspace*), при этом под киберпространством он понимал «пространство психологическое, проекция индивидуального и коллективного сознания. Осознанно и, вместе с тем, бессознательно мы воспринимаем область, находящуюся по ту сторону монитора, как расширение нашей психики» [4]. Схожее направление развивал Н.А. Носов, ставя во главу виртуальность, виртуальное пространство. Другой зарубежный исследователь, K.L. Norman развивает идею изучения взаимодействия человека с компьютером (*human-computer interaction*), этой же позиции придерживался отечественный психолог О.К. Тихомиров, изучавший взаимодействие человека и вычислительной техники (ЭВМ). Е.П. Белинская и О.А. Тихомандрицкая в рамках исследования явления социализации в условиях широкого распространения современных информационных технологий определяют интернет и как средство, и

как среду социализации. В качестве средства всемирная сеть может быть воспринята в том случае, когда из киберпространства переносятся элементы социализации в реальный мир, средой – когда проходит киберсоциализация.

Таким образом, можно заключить, что различные подходы основаны на разных ответах на вопрос о важности учитывать интернет или сами информационные технологии, а также вопрос о том, что изучается: использование человеком специфических средств или же погружение человека в специфическую среду, пространство.

Ко второй группе проблем можно отнести проблемы классификации интернет-ресурсов и видеоигр. Касательно видеоигр, часть исследователей предлагает свои вариации классификации, основанные на выделении жанров (А.Г. Шмелев) или на позиции игрока относительно ситуации (Р.Е. Радеева, Е.О. Смирнова) [1]. Такие классификации обычно подвергаются критике по причине того, что большое количество разноплановых игр отождествляются на основании принадлежности к одному выделенному жанру. Также некоторые исследователи, опираясь на специфические задачи, прибегают к делению игр по наличию подключения к интернету (Н.В. Богачева, А.Е. Войскунский), то есть на многопользовательские (онлайн) и однопользовательские (офлайн), и по присвоению игре возрастного рейтинга, используемого для ценза нежелательного контента (А.К. Przybylcki, N. Weinstein). В некоторых работах исследователи не используют классификацию, прибегая к экспертной оценке (С.Б. Тимофеев).

Для классификации интернет-ресурсов в основном используется типология из других отраслей. При этом науки из сферы IT выделяют свои основания, маркетологи, СМИ и массовые коммуникации, соответственно, свойственные им. Наибольший интерес психологов представляют социальные сети (И.А. Ачкурин, Н. Кастельс, А.В. Назарчук, Т. Casciaro, D.L. Pfaff, N. Redding, J.D. Westaby), мессенджеры, а также иные сайты и приложения, требующие подключения к интернету, предназначенные для общения между людьми (С.В. Палия, А.А. Шапиро). Классификацию социальных сетей психологи тоже вынуждены заимствовать из соседних дисциплин, так как многообразие и разнообразие социальных сетей не

позволяет приравнять их друг к другу. Наиболее распространенными вариантами являются типологии В.С. Тоискина и Ф. Каваццо.

Третья группа проблем затрагивает выделения таких феноменов, как страх упущенных возможностей, FoMO-эффект (J.D. Elhai, A.K. Przybylski); кибербуллинг (А.А. Бочавер, Н.А. Найденова, Г.У. Солдатова, R.M. Kowalski) [3]; фаббинг (О.А. Екимчик, M.E David, J.A Roberts); думскроллинг (P. Leskin, M. Wathelet); киберсталкинг (A. Adam, P. Bosij). Все эти термины отображают многообразие возможностей взаимодействия человека с кибертехнологиями с негативными последствиями, которые должны быть разработаны психологами с целью диагностики, профилактики и оказания профессиональной помощи людям, столкнувшимися с такими проблемами. Стоит учесть, что часть феноменов, таких как киберсталкинг и кибербуллинг, перешли из реальной жизни, что является важным фактором при исследовании.

Таким образом, нами был очерчен круг проблем в области теоретического развития проблем киберпсихологии. Сравнительно недавнее появление и выделение в отдельную дисциплину оставляет достаточно широкий круг для изучения, а быстрое развитие современных информационных технологий привлекает внимание исследователей, реагирующих на запрос общественности.

Литература

1. *Богачева Н.В.* индивидуально-стилевые особенности взрослых игроков (на материале компьютерных игр): дис. ... канд. психол. н. М., 2015.
2. *Войскунский А.Е.* Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // *Universum: Вестник Герценовского университета.* 2013.
3. *Мишина М.М., Воробьева К.А.* Психологические особенности личности участников кибербуллинга в популярных социальных сетях // *Вестник Московского государственного областного университета.* Серия: Психологические науки. 2020.

4. *Suler J. The Psychology of Cyberspace.1996.*
5. *Global Video Game Audience Reaches 3.7 Billion. URL: <https://www.dfcint.com/global-video-game-audience-reaches-3-7-billion/>*

Субъектность, киноляпы и провокативная терапия

Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nkochetkov@mail.ru

Есть множество подходов к психологии личности, среди которых можно выделить подход А.В. и В.А. Петровских, лежащий в русле парадигмы субъектности [2]. Субъектность, с точки зрения отечественной психологии, проявляется в деятельности [1], которая, в свою очередь, раскрывается в различных областях бытия: в непосредственной жизнедеятельности, в деятельности предметной, в общении, в воспроизводстве себя как носителя сознания. С точки зрения Петровских, субъектность можно определить, как идеальную представленность одного индивида в жизни других или как инобытие. Получается, что субъектность выступает в форме своего отражения в других людях [2]. Отражение происходит в различных сферах, в том числе, и в профессиональной. Один из интересных исследовательских вопросов, который можно поставить в этой связи: в каком случае отражение будет большим – в том, когда человек выполняет свою работу с личностным вкладом или без него, фактически находясь только на операционализационном уровне деятельности?

Мерилом отраженности может быть конечный результат. Например, можно было бы сказать, что учитель не должен любить ученика, он должен его учить, врач не обязан лично относиться к пациенту, он должен вылечить заболевание. С другой же стороны – может ли быть достигнута максимальная эффективность деятельности без личностной включенности? Попробуем привести несколько кейсов для ответа на этот вопрос.

В 70-х годах каскадер и режиссер Хэл Нидэм добавил в конец одного своего фильма нарезку неудачных дублей, а психолог Фрэнк Фаррелли сформулировал основы провокативной психотерапии. Что

общего между этими двумя явлениями? И то, и другое быстро стало популярным, что может показаться несколько странным, ведь неудачные дубли, по сути, брак, а провокативная терапия чуть ли не ниспровергает этические принципы практической психологии, проходя по их грани. Прежде чем мы перейдем к объяснению популярности, окунемся немного в историю и обывательскую статистику.

Прием Хэла Нидэма с дублями начал использовать актер Джеки Чан, приводя к тому, что зрители оставались в зале даже после финальных титров. Если посмотреть статистику роликов на одном из видеохостингов, то мы можем найти большое количество сборников киноляпов, которые превышают по просмотрам аналогичные по длине и времени добавления видео. Не претендуя на эмпирическое исследование, приведу несколько цифр. Например, сборник ляпов одного из самых известных юмористических шоу «Уральские пельмени» на одном и том же канале имеет 5,6 млн просмотров и 80 тыс. лайков, а номера такой же продолжительности в это же время – меньше 3 млн. просмотров и в среднем 23 тыс. лайков. Неудачные дубли фильмов Марвел – больше 1 млн. просмотров и 46 тыс. лайков, а аналогичные видео – не более 500 тыс. просмотров и 24 тыс. лайков и т.д. То есть можно сделать вывод, что киноляпы чуть ли не в два раза популярней остального контента.

Провокативная психотерапия в своем начале имеет крайне курьезный случай – ее автор консультировал женщину, с которой другие специалисты ничего не смогли сделать целый год, а Фрэнк Фаррелли установил контакт с первого раза, после которого он обнаруживает, что все время консультации у него была расстегнута ширинка брюк, что женщина, безусловно, видела. Коллеги Фаррелли, услышав эту историю, в шутку называют его метод «терапией открытой ширинки» [3]. За полвека этот вид терапии прошел путь от «открытой ширинки» до создания профессиональных ассоциаций и проведения тематических конференций.

Как же можно проинтерпретировать популярность рассматриваемых явлений? Актеры и психотерапевты – это профессионалы, в должностные инструкции которых не входит пункт «быть личностью». Они имеют весьма конкретную предметную задачу – отыграть роль, провести консультацию с клиентом. Межличностное взаимодействие в большинстве подобных случаев напоминает субъект-объектное. Актер же, забывший слова или

проявивший ситуативную, не наигранную эмоцию, воспринимается, в первую очередь, как живой человек, смотреть на которого в разы интересней, чем на то, как отыгрывается «идеальная», выхолощенная от лишнего, заученная сцена. В психотерапевте, не застегнувшем ширинку, клиент видит не «функцию», а человека, с которым можно говорить, что приводит к формированию быстрого терапевтического альянса, который так важен для эффективности психотерапии – согласно теории общих факторов, большой процент варибельности результатов психотерапии был связан именно с ним [4]. Интересно, что Фаррелли в начале своей карьеры читал труды Роджерса, который делал акцент на взаимодействии клиента и психотерапевта.

Итак, можно было бы сказать, что любое проявление субъектности в деятельности приводит к увеличению представленности одного человека в других, что и составляет основу личности человека.

Литература

1. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 2005. 352 с.
2. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъективности. Ростов н/Д., 1996. 512 с.
3. *Фаррелли Ф., Брандсма Д.* Провокационная терапия. Екатеринбург, 1996. 216 с.
4. *Wampold B.E., Mondin G.W., Moody M., Stich F., Benson K., Ahn H.* A meta-analysis of outcome studies comparing bona fide psychotherapies: empirically, «All must have prizes» // *Psychological Bulletin.* 1997. Vol. 122 (3). P. 203–15.

Последствия объектного восприятия собственного тела

Кочеткова Т.Н.

СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия

Tatnik2021@ya.ru

Кризисное состояние общества смещает доминирующие ранее культурные ценности, вынуждая каждого человека искать новые смыслы самостоятельно. Сложный процесс самоопределения нередко подменяется простым и навязанным СМИ представлением об успехе,

достигнутом только благодаря внешнему преобразению. Самым доступным объектом трансформации становится собственное тело, и тогда нередко речь идет не о смена имиджа, а о бодимодификациях – татуаже, имплантации, пирсинге, шрамировании, раздвоении языка и пр. Ю.А. Клейберг объясняет деструктивную красоту компенсацией нереализованных экзистенциальных потребностей [1].

Красота, достигаемая с помощью эстетических хирургов, при отсутствии объективных показаний для проведения операции [2], превратилась в востребованную услугу рынка культуры потребителей, однако предполагаемая элитарность редуцирует в массовый клон. Одна из таких представительниц дала себе следующую характеристику: «Моя грудь такая большая, что тянется к земле! А с такими губами сложно говорить. Но мне это не особо важно... Главное то, что я красивая!» [3, с. 174].

Сегодня можно видеть необычные способы приближения к идеалу красоты, когда за эталон принимается даже не медийная фигура, а кукла, формам которой выросшая девочка стремится подражать [3; 4], при том, что Барби, если была бы реальной женщиной, была бы лишена возможности самостоятельно передвигаться, не говоря уже о способности стать матерью [5].

Согласно литературным сведениям и доминирующим стереотипам, именно женщины стремятся к искусственному продлению молодости. Кардинально трансформировать внешность с помощью эстетической хирургии готовы материально обеспеченные женщины, зависимые от оценок других, не принимающие себя на физическом, социальном и психологических уровнях из-за внутриличностного конфликта, поддерживающего ненасыщаемый характер всеобъемлющего перфекционизма [3; 4; 6–8].

Следование общепринятым канонам «красоты», ведет к объективному восприятию собственного тела и чувств, связанных с редуцированным осознанием своего «Я» [4; 9; 10], обуславливая утрату самоидентичности, отчуждение от собственной личности, чреватых развитием психических расстройств [2] при отсутствии своевременной психолого-психиатрической помощи.

Литература

1. *Клейберг Ю.А.* Деструктивная эстетика как девиантологический концепт // Вестник экспериментального образования. 2015. № 2 (2). С. 1–6.
2. *Медведев В.Э.* Дисморфическое расстройство: клиническая и нозологическая гетерогенность // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2016. № 8. С. 49–55.
3. *Цыганкова П.В., Цамерян Л.Р.* Особенности восприятия женской телесности женщинами, прибегавшими к услугам эстетической хирургии // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 2. С. 162–179. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2020110210>
4. *Яковлева Е.Л.* Осмысля современные трансформации: гламурное тело // Бюллетень науки и практики. 2017. № 1. С. 222–228.
5. *Бессонова Т.И., Пароньянц И.В.* Образ тела у женщин молодого возраста // Гуманитарно-педагогическое образование. 2020. Т. 6. № 2. С. 77–84.
6. *Дементий Л.И., Варлашкина Е.А.* Социально-психологический портрет пациенток пластической хирургии // Сибирский психологический журнал. 2010. № 36. с. 90–94.
7. *Баранская Л.Т., Ткаченко А.Е., Татаурова С.С.* Адаптация методики исследования образа тела в клинической психологии // Образование и наука. 2008. № 3 (51). С. 63–69.
8. *Парамонова В.В.* Феномен телесного перфекционизма как социокультурная патология // Культурно-историческая психология. 2009. Том 5. № 3. С. 34–41.
9. *Арышева А.П., Хохрина З.В.* Влияние схемы тела на принятие человеком своей телесности как внутриличностного образования // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 14. С. 334–341.
10. *Стребкова Ю.А.* Психологические аспекты изучения телесности // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. № 1. С. 183–187.

Современные зарубежные теории мотивации спортивной деятельности

*Красмик Ю.Н., Аймаганбетова О.Х.
КазНУ им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан*

*Роголёва Л.Н.
УрФУ, Екатеринбург, Россия,
Рахмалин Б.Р.*

*КазАСТ, Алматы, Казахстан
juliakrasmik@mail.ru*

В зарубежной спортивной психологии изучение спортивной мотивации проводилось в рамках теории самоэффективности, самодетерминации, теории достижения цели, а также теории преднамеренной практики в спорте и теории мотивации достижения как ожидаемой ценности. Большинство исследований спортивной мотивации в последние 40 лет сфокусированы вокруг двух теорий мотивации – теории достижения целей и теории самодетерминации. Теория самодетерминации и теория достижения целей считаются наиболее всеобъемлющими теоретическими основами для понимания когнитивных, поведенческих и эмоциональных паттернов, связанных с практическими вопросами спортивной психологии [2].

Теория достижения целей (AGT) предполагает, что люди различаются с точки зрения того, как они видят мир и как воспринимают информацию, которую считают наиболее значимой с точки зрения ощущения своей компетентности. Основным мотивом, стоящим за стремлением к достижениям, является развитие и демонстрация компетентности [3]. В рамках данной теории рассматривается две ориентации: на задачу и на эго. Ориентация на задачу – это ощущение компетентности при демонстрации лучших навыков и овладении заданием. Ориентация на эго – это определение компетентности с точки зрения превосходства над другими или победы. Исследования показали, что спортсмены, которые одновременно имеют высокую ориентацию на задачу и эго, и спортсмены, которые одновременно имеют высокую ориентацию на задачу, но низкую ориентацию на эго, демонстрируют более высокие уровни адаптивных мотивационных паттернов, чем те, у кого низкая

ориентация на задачу. Ориентированный на конкретные задачи спортсмен делает акцент на улучшении физической формы и умелое выполнение техники, в то время как спортсмен с ориентацией на это делает акцент на соревновании, статусе и подтверждении своих способностей перед другими спортсменами [1].

Теория самодетерминации – плод научного сотрудничества двух психологов, профессоров Э. Деси и Р. Райана, а также их многочисленных учеников и коллег. Теория самодетерминации предполагает, что все виды поведения могут быть представлены в форме «континуума автономии», распространяющегося от переживания полного отсутствия самодетерминации (внешний тип мотивационной регуляции) до переживания автономии (внутренний тип мотивационной регуляции).

Внутренняя мотивация понимается как выполнение какой-либо деятельности из-за присущего ей удовлетворения. Когда человек внутренне мотивирован, он испытывает чувство удовольствия от применения своих навыков, личных достижений и волнения. Занятие разными видами спорта, безусловно, может быть связано с получением сопутствующего удовольствия или использоваться для решения проблемы участия в каком-либо виде деятельности. В отличие от внутренней мотивации, внешняя мотивация относится к выполнению действия по инструментальным причинам или для получения некоторого результата, отделимого от деятельности как таковой. Например, когда человек занимается спортом, чтобы получить материальное или социальное вознаграждение, или избежать неодобрения, у него есть внешняя мотивация.

В мета-обзоре исследований в рамках теории самодетерминации указывается, что, применительно к спорту, внутренняя мотивация и различные формы внешней мотивации по-разному влияют на переживания, благополучие, функционирование и результативность спортсменов [6]. Внутренне мотивированная деятельность отличается от внешне мотивированной деятельности большим вкладом усилий и более высоким уровнем субъективного благополучия, и продолжается даже в отсутствие внешних наград и наказаний и ведет к развитию компетенций. В идеале, для оптимального роста и развития спортсмены должны быть внутренне мотивированы ко всем своим тренировкам и соревнованиям. Тем не менее, люди занимаются

спортом по множеству мотивов, как внутренних, так и внешних форм мотивации, которые сосуществуют, чтобы одновременно предсказать качество общей мотивации человека [4].

Принимая во внимание актуальность, с которой связана каждая из этих теорий (SDT и AGT), исследователи объединили обе теории, чтобы обеспечить мультитеоретическую основу спортивного поведения – иерархическую модель внутренней и внешней мотивации (НМИЕМ). Ключевым элементом, отражающим интеграцию двух теорий, является мотивационный климат, который влияет на регулирование мотивации спортсменов, поскольку он может способствовать/препятствовать удовлетворению их базовых потребностей. Тренер считается одним из наиболее важных архитекторов мотивационного климата в спорте, его мастерство и сопровождение способствуют созданию мотивационного климата, что особенно важно для поощрения внутренней мотивации, упорства в спорте, предотвращения отсева, а также воспринимаемых усилий [5]. Согласно Valleurand [7], последовательность начинается с социальных факторов (где учитывался климат, созданный тренером), за которыми следуют базовые потребности (автономия, компетентность и взаимосвязанность) и типы мотивации (автономные и контролируемые формы) и последствия (воспринимаемые усилия).

Представленные теории мотивации спорта являются наиболее часто цитируемыми современными зарубежными теориями, в рамках которых проводится большинство исследований.

Литература

1. *Benar N., Loghmani M.* Factor Analysis of Teenage Athletes' Goal Orientations and Sports Participation Motives in Leisure Time // *Ann Appl Sport Sci.* 2014. 2 (1).
2. *Duda J.* The conceptual and empirical foundations of empowering coachingTM: setting the stage for the PAPA project // *Int. J. Sport Exerc. Psychol.* 2013. 11.
3. *Elbe AM., Schüler J., Sivaramakrishnan H., Thøgersen-Ntoumani C.* Motivation and Goals in the Context of Sport and Movement // *Sport and Exercise Psychology / Eds. J. Schüler, M. Wegner, H. Plessner, R.C. Eklund.* Springer, Cham. 2023.

4. *Gillet N., Vallerand R.J., Amoura S., Baldes B.* Influence of coaches' autonomy support on athletes' motivation and sport performance: A test of the hierarchical model of intrinsic and extrinsic motivation // *Psychol Sport Exerc*, 2010. 11(2).
5. *Pope P., Wilson P.* Understanding motivational processes in university rugby players: 5 a preliminary test of the hierarchical model of intrinsic and extrinsic motivation at the contextual 6 level // *Int. J. Sport Sci. Coach*. 2012. 7.
6. *Standage M., Ryan R.M.* Self-determination theory in sport and exercise // *Handbook of sport psychology* / Eds. G. Tenenbaum, R.C. Eklund. John Wiley & Sons, 2020.
7. *Vallerand R.J.* Toward a hierarchical model of intrinsic and extrinsic motivation // *Advances in Experimental Social Psychology* / Eds. M.P. Zanna. NY. 1997.

Жизнестойкость, переживание аффекта и удовлетворенности жизнью у молодежи

Крисько Н.Ю., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
krisnataly@gmail.com

Жизнестойкость как единство жизнеутверждающих установок, аффект как кратковременное состояние, характеризующееся сильным эмоциональным переживанием, и удовлетворенность жизнью как благоприятное отношение к собственной жизни выступают как значимые индикаторы психологического и субъективного благополучия и играют особую роль в формировании качества жизни у молодежи.

Согласно ряду исследований, современная молодежь, по сравнению с молодыми людьми прошлых десятилетий, более склонна испытывать меньшую вовлеченность в жизнь, принимать и анализировать новый опыт, чаще испытывает чувство собственной беспомощности, расстройства настроения, негативизм, неудовлетворенность собственным качеством жизни [1; 4; 11; 12].

С. Вилсон считает, что это связано с тем, что социальные роли и навыки, которые ценятся в обществе, хаотично меняются, следовательно, молодежь не всегда готова представить себе свою жизнь – например, свои обязанности, цели, интересы или ценности, в будущем [11]. Из-за этой оторванности от будущего молодежь не так мотивирована развивать навыки, знания, расширять свой опыт и другие личностные ресурсы, которые могут оказаться ценными в дальнейшей жизни. Им сложно жертвовать своим сиюминутным настроением ради развития этих ресурсов. В конечном счете, такое мышление снижает жизнестойкость, провоцирует импульсивное аффективное поведение, снижает удовлетворенность жизнью и приводит к предвзятым выводам, проявляясь в виде тревоги, депрессии, неповиновения, нарциссизма и многих других проблем.

Цель нашего исследования: изучение взаимосвязи жизнестойкости, аффекта и удовлетворенности жизнью у современной молодежи.

Жизнестойкость (*hardiness*) как понятие введено в концепции С. Мадди и С. Кобейса. В российской науке оно получило наиболее полное обоснование в теории Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой. В основе жизнестойкости лежит «система убеждений человека, предотвращающая ухудшение психического и соматического здоровья в трудных стрессогенных жизненных ситуациях» [6, с. 5].

Удовлетворенность жизнью, согласно Ю.В. Симоненко, это показатель эмоционального состояния личности, который предполагает выраженность позитивного настроения, удовлетворенности межличностными и социальными отношениями, высокий уровень удовлетворенности в достижении собственных целей, адекватное соотношение уровня самооценки и притязаний, способности достойно решать ежедневные проблемы [8].

Междисциплинарный подход предполагает, что удовлетворенность жизнью выражается в аффективных позитивных состояниях: радости, энтузиазма, счастья и относительном отсутствии негативных переживаний, при этом жизнестойкость отражает меру активной вовлеченности человека в происходящие события, что в целом свидетельствует о взаимосвязи между данными конструктами [4].

Молодежь с более высоким уровнем жизнестойкости имеет и более высокий уровень удовлетворенности жизнью, им свойственно более

адекватное применение копинг-стратегий в управлении стрессом, они эффективнее преодолевают давление стрессогенных факторов, находят позитивные решения даже в условиях влияния трудных жизненных обстоятельств.

В свою очередь, М.И. Федорова выявила, по результатам исследования, высокую взаимосвязь между жизнестойкостью и позитивным переживанием аффекта у молодежи.

По мнению Е.С. Бариновой, Н.Н. Васягина, Е.Н. Григорян, Н.И. Шемпелева, наибольшую значимость среди личностных ресурсов современной молодежи, позволяющих им сохранять психологическую устойчивость к неблагоприятным изменяющимся воздействиям окружающей реальности, имеют жизнестойкость, удовлетворенность жизнью, оптимизм и позитивные эмоциональные установки [3].

Теоретический обзор по заявленной теме позволяет подтвердить важность осознания и развития жизнестойкости, навыков эмоциональной регуляции для достижения высокого уровня удовлетворенности жизнью у молодежи, и наоборот.

По мнению Т.И. Бессоновой, уровень психологического благополучия в целом существенно снижается с возрастом, что актуализирует проблему взаимосвязи жизнестойкости, переживания аффекта и удовлетворенности жизнью у молодежи, по сравнению с другими поколениями более старшего возраста [1]. Это позволит прогнозировать основные социальные тенденции, обусловленные развитием основных психологических характеристик благополучия у современной молодежи, которая, в свою очередь, выступает как особо значимый общественного ресурса государственного развития.

Таким образом, анализ научной литературы позволил нам выделить основные аспекты взаимосвязи между жизнестойкостью, переживанием аффекта и удовлетворенности жизнью у современной молодежи.

Молодежь с высоким уровнем жизнестойкости обладает и более высокой удовлетворенностью жизнью, в свою очередь, позитивные кратковременные эмоциональные состояния повышают не только удовлетворенность жизнью, но и ресурсы для вовлеченности, контроля, принятия риска в условиях современной реальности. Это позволяет молодым людям более эффективно справляться с

трудностями и стрессом, что в целом оказывает благоприятное влияние на их благополучие в целом.

Данные конструкторы составляют систему жизненных ресурсов личности и ее психологического благополучия, позволяя современной молодежи более гибко реагировать на трансформации в окружающей действительности, находиться в стабильном эмоциональном состоянии, соразмеряя собственные возможности и личностные адаптивные ресурсы.

Литература

1. *Бессонова Т.И.* Жизнестойкость как фактор успешной социальной адаптации в обществе современной молодежи / Т.И. Бессонова, А.Д. Нечепуренко // Социально-психологические Проблемы просоциального поведения современного поколения детей и молодежи: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Симферополь. – Симферополь: ООО Ариал, 2023. – С. 225-230.
2. *Васягина Н.Н.* Связь риска суицидального поведения и личностных ресурсов обучающихся / Н.Н. Васягина, Е.С. Баранова, Е.Н. Григорян, Н.И. Шемпелева // Национальный психологический журнал. – 2023. – № 1 (49). – С. 114-126.
3. *Одинцова М.А.* Жизнестойкость и самоактивация молодежи России и Беларуси в транзитивном обществе / М.А. Одинцова, Н.П. Радчикова, Н.В. Козырева / Сибирский психологический журнал. – 2021. – № 79. – С. 168-188.
4. *Salagare M.* (2016). The Problems and Status of Modern Youth. SSRN Electronic Journal. 10.2139/ssrn.2964113.
5. *Wilson S. & Moss S.* (2015). The Prevailing Origin of Psychological Problems in Young People: A Dissociation from the Future. Issues in Social Science. 3. 15-34. 10.5296/iss.v3i1.6768.

Обесценивание как социально-психологический механизм вандализма

Кружкова О.В.

*ФГБОУ ВО УрГПУ, Екатеринбург, Россия
galiat1@yandex.ru*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 23-28-01487, <https://rscf.ru/project/23-28-01487/>*

Вандализм – крайне распространенное явление в современном мире. При этом границы данного явления до сих пор мало определены, поскольку сопрягаются как с преступной деятельностью (грабежами, мародерством и пр.), так и современным искусством (граффити, стрит-арт и т.п.). В общем плане вандализм можно определить как преобразование (деформация, уничтожение, изменение) объектов, чьим собственником или управляющим не является субъект вандализма, то есть, когда действия субъекта не имеют легитимного основания и не санкционированы со стороны собственника или управляющего объектом.

Вандализм может проявляться различными способами и быть результатом разных социально-политических процессов. Однако в основе любого акта вандализма лежит механизм обесценивания – девальвации права собственности [2], исторической памяти [1], легитимных управленческих решений [3] или принятой эстетики культурного пространства [4]. Субъект вандализма выражает свое отношение к объектам девальвации не только призывами, лозунгами или иными вандально графически нанесенными текстами и/или изображениями через их содержание, но и самим фактом вандальных действий обесценивает объект вандализма как в буквальном, так и в фигуральном смысле. Известно, что недвижимое имущество в районах, подверженных существенным вандальным повреждениям городской среды, имеет меньшую рыночную стоимость по сравнению с аналогичными объектами в сохранных от вандализма районах. Также известно, что восстановление объекта, подвергнутого вандализму, зачастую не обеспечивает ему возвращение прежнего вида и полноты функционирования. В данном случае обесценивание осуществляется

через снижение материальной ценности объекта. С другой стороны, осквернение, деструкция целостности объекта изменяют его смысловое содержание, предлагая наблюдателям иную трактовку объекта как артефакта культуры или результата запечатления исторической памяти сообщества [1].

Механизм обесценивания предполагает двойное действие – с позиции субъекта вандализма он выступает инструментом влияния как на материальный мир, так и на социальное окружение. С позиции наблюдателя обесценивание приводит к сдвигам в восприятии поврежденных объектов, а также их культурной, исторической значимости и прагматической ценности.

С точки зрения социального взаимодействия обесценивание выполняет ряд функций:

- конкурирующая функция – это возможность для субъекта вандализма претендовать на поврежденный объект как «ненужный» его собственнику, поскольку последний не смог обеспечить его целостность и неприкосновенность;
- освобождающая – это снижение барьеров и снятие внутренних препон для деятельности, направленной на внесение изменений в имеющийся устоявшийся порядок. Здесь данное явление выступает как механизм психологической защиты, снижая значимость объекта или последствий, которые могут наступить в результате произведенных действий, для формирования субъективной возможности осуществления данных действий;
- инновационная – это возможность формировать и продвигать новые смыслы, идеи, ценности через девальвацию, осмеяние, принижение прежних, устоявшихся в обществе;
- воздействующая – это реализация непрямого влияния на поведение и действия других людей через обесценивание и деструкцию значимых для них объектов.

В то же время обесценивание как инструмент используется, как правило, в случае отсутствия иных возможностей воздействия на ситуацию, то есть применение вандализма в итоге выступает нелегитимной практикой претензии на определенные блага, решения, возможности, которые санкционированными способами субъект не имеет возможности получить или не знает, как это осуществить.

Литература

1. *Коробицына Л.В., Кружкова О.В.* Историко-культурный вандализм как механизм трансформации исторической памяти // Диалог со временем. 2023. № 85. С. 315-325.
2. *Павлов В.Г.* Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2014. № 25 (4). С. 95-100.
3. *Радина Н.К., Крупная Д.А.* Реализуя право на город: интерпретации и номинация городских объектов горожанами (на материале эргоурбанонимов нестоличных мегаполисов) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 172-195. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2098.
4. *Acker K.P.* Flip the script A Guidebook for Aspiring Vandals and Typographers. New York: Gingko Press in association with Upper Playground, 2013. 224 p.

Невоплощенность в сети как следствие киберсоциализации

Кудряшов Д.П., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dmitrykudriashov@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

В настоящее время все больше людей пользуются информационными технологиями. Если ранее интернет только входил в нашу жизнь, то сейчас большинство людей не могут представить свою жизнь без него. Этот стремительный рост использования глобальной сети подчеркивает важность исследований психологических последствий использования информационных технологий.

Актуальность нашей работы дополнительно подтверждается ростом технологического отчуждения в целом. В современном обществе у человека, который активно пользуется информационными

технологиями, все чаще стирается грань между виртуальным и реальным.

Целью исследования было изучение взаимосвязи невоплощенности в сети и вовлеченности в киберсоциализацию.

Теоретической и методологической базой являются работы по невоплощенности Р. Лейнга и по невоплощенности в Сети Н.В. Коптевой, А.Ю. Калугина, Л.Я. Дорфмана.

Был подобран следующий психодиагностический инструментарий:

- опросник «Вовлеченность в киберсоциализацию» (С.В. Ленков, Н.Е. Рубцова, Г.И. Ефремова);
- опросник «Невоплощенность в интернете» (Н.В. Коптева, А.Ю. Калугин, Л.Я. Дорфман).

В проведенном нами исследовании был рассмотрен феномен дистанцирования от собственного физического тела, представляющий по своей сути форму технологического отчуждения – невоплощенность в сети. Невоплощенность – ощущение отстранения от собственного тела, виртуализация «Я», потеря чувства реальности, действительности. При активном погружении в информационное пространство человек начинает ощущать определенную иллюзорность всего происходящего. Невоплощенность в интернете подразумевает определенную замкнутость пользователя в киберпространстве, потерю им чувства реальной действительности, причем это является нормальным последствием использования информационных технологий. Выраженность данного феномена усугубляется при интернет-зависимости [2; 3].

Стоит также отметить, что при конструктивном векторе киберсоциализации Интернет выступает средством для решения прикладных задач, а при деструктивном становится незаменимым ресурсом и информационным каналом, единственным источником самореализации для личности [1].

Изучение конструкта невоплощенности в интернете и его взаимосвязи с вовлеченностью в киберсоциализацию позволяет выявить эффекты, возникающие как следствие использования информационных технологий. Причем изменение структуры самосознания личности под влиянием информационной среды может нести как позитивные, так и негативные последствия для личности.

В процессе исследования мы обнаружили, что существует прямая взаимосвязь между невоплощенностью в интернете и вовлеченностью в киберсоциализацию – как с конструктивной ($r = 0,2; p < 0,05$), так и с деструктивной ($r = 0,8; p < 0,01$).

Полученные результаты можно объяснить следующим образом.

При деструктивном векторе киберсоциализации у пользователя снижается уровень саморегуляции поведения, он перестает замечать сколько времени проходит в интернет-пространстве, человек начинает предпочитать виртуальное реальному. Интернет в этом случае представляет собой пространство для виртуализации личности с уходом от собственного «Я», происходит снижение активности личности. Но можно заметить, что при конструктивном векторе наблюдается менее значительная связь между невоплощенностью в сети и вовлеченностью в киберсоциализацию. Это может говорить нам о том, что невоплощенность – феномен, который является нормальным следствием использования информационных технологий.

Общий вывод по исследованию можно сформулировать следующим образом: интернет-среда развивается с огромной скоростью, активное взаимодействие с этой средой может дать человеку как новые возможности для развития, так и пространство для личностного регресса. Одним из нормативных последствий использования интернета стал феномен развоплощения, который и демонстрирует негативную сторону киберсоциализации, и показывает, что общество в своем развитии переходит на качественно новый этап.

Литература

1. *Данилова М.А.* Интернет-социализация студенческой молодежи: специфика мотивации сетевого поведения: дисс. ... докт. соц. наук. М., 2009.
2. *Коптева Н.В.* Невоплощенность в интернете как предиктор смыслоутраты (на примере студенчества) // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Том 8. №4.
3. *Коптева Н.В., Калугин А.Ю., Дорфман Л.Я.* Невоплощенность в интернете. Теоретические основания и конструкт // Клиническая и специальная психология. 2021. Том 10. №3.

Взаимосвязь вектора индивидуально-типологических особенностей и стратегий поведения в конфликте у старших подростков

Кулага А.А., Гормоза Т.В.

*УО БГПУ имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь
sashka.kulaga@bk.ru*

На современном этапе развития психологии в изучении конфликтов и конфликтного поведения намечены три тенденции: первая заключается в окончательном признании объективно-субъективной природы конфликтов; вторая тенденция состоит в переориентации обобщающих исследований на прикладные, изучающие конкретные виды конфликтов: семейные, производственные, политические, этнические, межличностные; третья тенденция состоит в усилении внимания к технологической стороне управления конфликтом и его разрешения. Психологические причины конфликтного поведения проявляются с разной степенью интенсивности и внешней экспансии, поэтому важной научно-практической задачей является изучение и описание характеристик личности подростков, склонных часто конфликтовать или вовлекаться в различные конфликтные ситуации, что и определяет актуальность изучения половозрастных особенностей подростков в конфликтных ситуациях.

Цель исследования: изучение половозрастных особенностей подростков в конфликтных ситуациях.

Гипотеза исследования: вектор интерактивной направленности и личностной социализации подростков взаимосвязан со стратегией поведения в конфликте и имеет значимые различия по полу, возрасту и классу.

Объект исследования: конфликтное поведение подростков.

Методы исследования: теоретические (анализ, сравнение и моделирование); психодиагностические (опросные), статистические (описательная статистика, применение ранговой корреляции, *U*-критерий Манна-Уитни).

По результатам анализа было выявлено, что при ориентации на личные (эгоистические) интересы доминирующая стратегия поведения в конфликте в подростковом возрасте максимально выражена через стратегию соперничества (89,0%). Стратегия

компромисса, приспособления к конфликту и избегания конфликта у данных подростков не выражена.

При ориентации на взаимодействие и сотрудничество доминирующая стратегия поведения в конфликте в подростковом возрасте максимально выражена через стратегию сотрудничества (91,0%). Стратегия приспособления к конфликту и избегания конфликта у данных подростков не выражена.

При маргинальной ориентации доминирующая стратегия поведения в конфликте в подростковом возрасте максимально выражена через стратегию компромисса (37,0%). Стратегия приспособления к конфликту и избегания конфликта выявлена равнозначно (21,0% соответственно), также минимально выявлены стратегии сотрудничества и соперничества в конфликте (10,5% соответственно).

Гипотеза исследования о том, что вектор интерактивной направленности и личностной социализации подростков взаимосвязан со стратегией поведения в конфликте и имеет значимые различия по полу, возрасту и классу, – частично подтвердилась со степенью достоверности $p \leq 0,05$.

Характер межличностных отношений в подростковом коллективе зависит, в том числе, от тесного сотрудничества классного руководителя и педагога психолога. От классного руководителя требуется грамотное руководство деятельностью подростков, работу педагога психолога и социального педагога по улучшению межличностных отношений в подростковом коллективе можно условно разделить на три направления: индивидуальная работа с учащимися, работа с семьей, работа с классом.

Воздействие социальной фобии на межличностные отношения в рамках сложных социальных ситуаций

*Кухтеня Е.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kkukhtenya@gmail.com*

Современное общество требует большей гибкости, толерантности, неконфликтности, умения быстро подстраиваться под ситуацию, обладать определенными коммуникативными навыками, чтобы

выстраивать и поддерживать нужные отношения с другими людьми, находить к ним подход. Интенсивные изменения в различных сферах жизни приводят к росту тревоги и стресса в жизни людей, что влияет на их социализацию в обществе. Как никогда становится актуальным вопрос отношений, в частности, межличностных, также интересы ученых связаны с анализом ситуаций, которые характеризуются как сложные социальные ситуации.

Социальные ситуации являются неотъемлемой частью нашей действительности. Их активным изучением занимался М. Аргайл. Согласно его научной работе, социальная ситуация определяется как «естественный фрагмент социальной жизни, определяемый включенными в него людьми, местом действия и характером разворачивающихся действий или деятельности» [2]. Социальные ситуации можно классифицировать различными способами, в зависимости от различных критериев, но в нашей работе нас больше всего интересуют именно сложные социальные ситуации (они же стрессовые, трудные или проблемные).

Согласно М. Аргайлу, сложные социальные ситуации «заставляют вас чувствовать тревогу или дискомфорт либо потому, что вы не знаете, как поступить, либо потому, что она заставляет вас испытать чувства страха, смущения или неловкости» [2]. Отношения и взаимодействия между людьми в социальных и сложных социальных ситуациях также имеют свои различия. Если в социальных ситуациях в целом человек взаимодействует без тревожности или беспочвенного стресса, не создается конфликтных ситуаций, нет чувства угрозы, то в случае с проблемными ситуациями взаимодействие между людьми может быть более напряженным и требовать более глубокого понимания и оценки ситуации и характеристик личности субъектов отношений.

Согласно определению Г.М. Андреевой, межличностные отношения это «объективно переживаемые, в разной степени осознаваемые взаимосвязи между людьми» [1]. Сложные социальные ситуации оказывают сильное влияние на личность и межличностные отношения, так как характеризуются значительной степенью тревоги, конфликтности, эмоциональной напряженности и социального давления. В основе таких отношений лежат эмоциональные состояния их участников. Помимо особенностей сложных социальных ситуаций,

мы рассмотрели социальную фобию как один из факторов, влияющих на межличностные отношения.

Социофобия характеризуется страхом различных социальных ситуаций и контактов с другими людьми. Первое определение социальной фобии как отдельной категории расстройств фобического спектра было предложено в начале 1980-х годов. В данной дефиниции акцентировалось внимание на переживании человеком устойчивого страха в тех социальных ситуациях, где происходит встреча с незнакомыми людьми и/или с их возможной оценкой [3].

Мы будем сосредотачивать внимание на основных ситуационных сценариях, которые порождают наибольший страх и тревогу у социофобов: публичном оценивании, персональном общении, страхе негативной оценки, ощущении нахождения в центре внимания.

Чувство тревоги, свойственное социофобам, часто становится причиной трудностей в выстраивании и поддержании близких и доверительных отношений. Также можно охарактеризовать личностные особенности социофобов: впечатлительность, завышенные требования к себе и самоконтроль, ранимость, грубость и токсичность как защитный механизм, а также излишний контроль, категоричность мышления и высказываний. Страдающие социофобией замыкаются в себе, в силу своей ранимости они могут становиться покорными, уступчивыми, боясь высказать свое мнение, показать себя или вступить в конфронтацию и вызвать тем самым еще более неловкую ситуацию. Социальная фобия проявляется в межличностных отношениях на нескольких уровнях: поведенческом, когнитивном и аффективном.

На поведенческом уровне четко прослеживается стратегия «избегания». Вместе с этим нарастает напряжение в ожидании возникновения новых подобных ситуаций, что подкрепляет паттерн избегания.

Когнитивный уровень поддерживается стратегией «избегания», и его можно описать такими примерами, как: откладывание и перенос встречи, избегание или сведение к минимуму личного или формального общения, страх высказывания собственной позиции, а также минимально задать вопрос, и многие другие проявления в поведении.

Также влияние социальной фобии прослеживается в аффекте оценивания, который проявляется в дезорганизации поведения человека в социальной ситуации. Чем меньше человек в состоянии

контролировать себя, свои действия и другие факторы ситуации, тем больше напряжения он испытывает.

Таким образом, анализ изученной литературы показал, что в рамках сложных социальных ситуаций, характеризующихся напряженностью, тревогой, конфликтностью, социальная фобия на различных уровнях отношений лишь закрепляет негативные стратегии и паттерны поведения. Избегание приводит к потере социальных связей и социальной дезадаптации.

В качестве перспектив дальнейших исследований можно рассмотреть другие виды фобий, а также их влияние на отношения. Не менее перспективным направлением исследований мы считаем изучение влияния социофобии на другие типы отношений личности. Все это поможет создать глубинное понимание особенностей межличностных отношений и специфики качеств личности в сложных социальных ситуациях.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: учебник / Г. М. Андреева. Москва: Аспект Пресс, 2014.
2. *Аргайл М.* Основные характеристики ситуаций / М. Аргайл // Психология социальных ситуаций: Хрестоматия. – СПб., 2001.
3. Глоссарий психиатрических терминов: учебное пособие / Под ред. М.А. Соляник, А.В. Кидяева, Е.В. Снедков. – СПб.: изд-во СЗГМУ им. И.И. Мечникова, 2014.

Факторы формирования пищевого поведения у молодежи

Кучерова Е.Ю., Фёдоров В.В., Маринова Т.Ю.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
liza_kucherova_2000@mail.ru, val.vl.fed@yandex.ru,
marinovatu@mgppu.ru

Проблема нарушений пищевого поведения в современном мире остается актуальной и важной из-за своего широкого распространения и серьезных последствий для жизни человека. Последствия, вызванные нарушением пищевого поведения, связаны с развитием

различных заболеваний, а также с ухудшением качества жизни, социальных отношений и психологического самочувствия человека. Пищевое поведение – это определенный набор пищевых привычек, которые отражают режим питания, вкусовые предпочтения и особенности приема пищи каждого человека [4; 5]. Пищевые привычки неоднократно могут меняться на протяжении всей жизни человека. Это происходит из-за ряда причин как генетического, физиологического, так и психологического и социального характера. С распространением проблемы нарушений пищевого поведения, питание для некоторых людей перестало быть обычной естественной процедурой для поддержания здорового образа жизни, развития и функционирования организма. Теперь для них это болезненный, полный страхов и тревог процесс. Нарушения пищевого поведения нередко сопровождаются тревожными состояниями, беспокойством и переживаниями из-за своего внешнего вида. Это может являться как последствиями нарушений пищевого поведения, так и факторами их формирования.

Новизна работы заключается в том, что в ней эмпирически подтверждено наличие значимых взаимосвязей между особенностями пищевого поведения и факторами формирования нарушений пищевого поведения у молодежи таких, как тревога и чувствительность к отвержению из-за внешнего вида.

Сбор данных для исследования осуществлялось с помощью распространения среди молодежи опроса, созданного в гугл-форме. В исследовании приняли участие 228 девушек и 54 юношей (18-30 лет). Обработка полученных данных проводилась в компьютерной программе для статистической обработки данных SPSS. Для выявления степени выраженности типа пищевого поведения был использован «Голландский опросник пищевого поведения» (Dutch Eating Behavior Questionnaire, 1986). Для определения степени выраженности тревоги была использована «Шкала тревоги Бека» (The Beck Anxiety Inventory, 1961). Для определения уровня выраженности чувствительности к отвержению из-за внешнего вида использовалась методика «Чувствительность к отвержению из-за внешнего вида» (Appearance-based Rejection Sensitivity, 2007) [6; 7].

Для выявления взаимосвязи между особенностями пищевого поведения у молодежи и факторами возникновения нарушений

пищевого поведения мы применяли критерий хи-квадрат Пирсона (значимыми считали результатами при меньше или равному 0,05). Мы проверяли, есть ли значимые взаимосвязи между степенью выраженности типа пищевого поведения, степенью выраженности тревоги и уровнем чувствительности к отвержению из-за внешнего вида у молодежи.

В ходе исследования была частично подтверждена эмпирическая гипотеза о том, что пищевое поведение у молодежи связано с факторами формирования нарушений пищевого поведения. У лиц мужского пола не было выявлено значимых взаимосвязей между степенью выраженности типа пищевого поведения и факторами формирования нарушений пищевого поведения. Мы предполагаем, что данные результаты могут быть связаны с малочисленной выборкой юношей. У представителей женского пола нам удалось обнаружить значимые взаимосвязи. Так, с увеличением степени выраженности эмоционального типа пищевого поведения значимо увеличивается степень выраженности тревоги ($p = 0,023$) и уровень чувствительности к отвержению из-за внешнего вида ($p < 0,01$). С увеличением степени выраженности экстернального типа пищевого поведения значимо увеличивается степень выраженности тревоги ($p = 0,012$) и уровень чувствительности к отвержению из-за внешнего вида ($p = 0,002$). Значимых взаимосвязей не было обнаружено между степенью выраженности ограничительного типа пищевого поведения, степенью выраженности тревоги и уровнем чувствительности к отвержению из-за внешнего вида.

Результаты и выводы данного исследования могут быть применимы специалистами психологических служб при выстраивании плана работы с представителями женского пола, которые имеют нарушения пищевого поведения. Полученные результаты могут использоваться в рамках психологического просвещения и обучения студентов образовательных организаций.

Литература

1. Гурвич И.Н., Антонова Н.А. Психологическая детерминация пищевого поведения студенческой молодёжи. Вестник СПбГУ. 2012. 12(2).

2. *Кучерова Е.Ю.* Ценностные ориентации и особенности пищевого поведения у молодежи //Курсовая работа под. рук. Т.Ю. Мариновой. – Москва, 2023.
3. *Леонова Е.Н.* Социально-психологические типы пищевого поведения / Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Педагогика. Психология». 2017. 27(2).
4. *Маринова Т.Ю., Кучерова Е.Ю.* Ценностные ориентации у молодежи в формировании пищевого поведения//В сб.: Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева. Москва, 2023. С. 531-534.
5. *Федоров В.В., Кучерова Е.Ю.* Особенности ценностных ориентаций при различных типах пищевого поведения у молодежи//В сб.: Исследования в области специальной психологии и инклюзии. Материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых исследователей образования. Москва, 2023. С. 820-824.
6. *Burns J., Stanton B., Perkins K. et al.* Eating disorders in adolescents // West Virginia Med. J. 2003. № 2 (99). P. 60–66.
7. *Palmer R. et al.* Eating disorder - what is this? // Brit. Med. Psychology. 1979. V. 52. № 1-4. P. 3416.

Взаимосвязь самоактуализации, мотивации профессиональной деятельности и психологической готовности к профессиональному самоопределению у старшеклассников

Лаврентьева Е.В., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
janelavr@yandex.ru, rashodchikovamn@mgppu.ru

Современные российские старшеклассники сталкиваются с большой жизненной проблемой – необходимостью профессионального самоопределения уже на момент перехода из основной школы в среднюю. Трудность этой задачи заключается в

том, что многие старшеклассники мало ориентируются в сфере труда, в особенностях конкретной профессии, в современном рынке труда, не имеют четко сформированных интересов к той или иной сфере знаний, адекватного представления о своих способностях, не умеют строить долгосрочные планы.

Для того чтобы старшеклассник смог сделать адекватный профессиональный выбор, он должен обладать психологической готовностью к профессиональному самоопределению, которая понимается как интегральная характеристика личности, проявляющаяся в способности школьника самоопределиться в профессии и проектировать ближайшее образовательно-профессиональное будущее в социокультурной среде, опираясь на знания о своих интересах, склонностях, способностях, индивидуальных особенностях, личностных свойствах и качествах, о многообразии мира профессий и предметной стороне профессиональной деятельности [2]. Готовность к профессиональному самоопределению включает деятельностный, мотивационный, личностный и когнитивный компоненты [1]. Изучив эти компоненты, можно выделить особенности профориентационной компетентности у старшеклассников, обучающихся в классах разного профиля. Изучение этого вопроса позволит сделать более эффективной профориентационную работу в школе.

Психологическая готовность к профессиональному самоопределению у старшеклассников понимается в научной литературе как личностная характеристика, позволяющая школьнику осознанно и самостоятельно выбрать профессию и построить образовательную траекторию для получения необходимого для данной профессии образования. Готовность опирается на знания о своих интересах, склонностях, способностях, индивидуальных особенностях, личностных свойствах и качествах, о многообразии мира профессий и предметной стороне профессиональной деятельности [3].

В мотивационно-ценностный компонент психологической готовности к профессиональному самоопределению у старшеклассника включены мотивы выбора профессии и

самоактуализация. Самоактуализация представляет собой тип мотивации, который взаимосвязан с потребностью человека к возможно более полному развитию и реализации своих потенциальных возможностей в конкретных социальных условиях [4].

Для изучения взаимосвязи самоактуализации, профессиональной мотивации и готовности к профессиональному самоопределению у старшеклассников были подобраны методики исследования и сформирована выборка. В эмпирическом исследовании приняли участие 70 школьников 10 и 11 классов школы города Москвы. Из них 33 человек – обучающиеся по физико-математическому профилю (21 мальчик, 12 девочек), 37 человек (14 мальчиков, 23 девочки) – по социально-гуманитарному профилю.

Использовались методики: «Самоактуализация личности» А. Шостром; «Мотивация профессиональной деятельности» К. Замфир; «Профессиональная готовность» А.П. Чернявской. Методы математической статистики: коэффициент корреляции Спирмена и критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования показали, что старшеклассники имеют высокие показатели самоактуализации, что, вероятно, является характеристикой социальной среды, в которой они выросли. У старшеклассников диагностированы благоприятные мотивационные профили, однако у школьников физико-математического класса преобладает внутренний мотив, а у обучающихся социально-гуманитарного класса – внешний положительный мотив. Они в большей степени ориентированы на карьерный рост, чем школьники физико-математического профиля ($p \leq 0,05$). В показателях самоактуализации и готовности к профессиональному самоопределению между учащимися разных профилей значимых различий нет. Для школьников характерен средний уровень готовности, что отражает объективные трудности профессионального самоопределения для старшеклассников.

Самоактуализация, мотивация профессиональной деятельности и психологическая готовность к профессиональному самоопределению являются взаимосвязанными переменными у старшеклассников. Чем выше самоактуализация, тем выше мотив самореализации в

профессии ($p \leq 0,05$), мотив престижа ($p \leq 0,05$) и мотив заработка ($p \leq 0,05$), тем ниже внешняя отрицательная мотивация выбора профессии ($p \leq 0,05$). Чем выше внутренняя мотивация у старшеклассника, тем более он готов к профессиональному самоопределению ($p \leq 0,01$).

Анализ научной литературы и результатов эмпирического исследования показывает, что старшеклассники сталкиваются со значительными трудностями в выборе профессии, а готовность к профессиональному самоопределению составляет внутренне конфликтную область. Это определяет необходимость планомерной и содержательной профориентационной работы в школе. С учетом полученных результатов и сделанных выводов были разработаны рекомендации по повышению психологической готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению.

Литература

1. Арон И.С., Пряжникова Е.Ю. Субъектность профессионального самоопределения: психологические детерминанты развития // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 4. С. 30-42.
2. Файзрахманова А.Л. Формирование профориентационно значимой компетентности у учащихся средних классов общеобразовательной школы: автореферат диссертации ... канд. пед. наук. Йошкар-Ола, 2014.
3. Щипанова Д.Е. Профессиональное самоопределение личности как построение смыслов будущего: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2020.
4. Pânișoara G., Pânișoara I.O., Lupascua A., Negovana V. Motivation for Career in Teenagers // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 78. P. 100-104.

Ожидаемая удовлетворенность жизнью на пенсии в группе российских предпенсионеров: результаты первичного анализа

Ларионов И.В., Тарасов С.В., Дробышева Т.В.

*Лаборатория социальной и экономической психологии, ИП РАН,
Москва, Россия*

ivlar16@gmail.com, tarasovsemv@ipran.ru, drobyshevav@ipran.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24-28-00422 «Экономико-психологическая зрелость людей предпенсионного возраста в ситуации планирования выхода на пенсию»)

По данным Организации Объединенных Наций (ООН), доля пожилых людей (старше 65 лет) во всем в мире неуклонно возрастает. Ожидаемое изменение демографической ситуации актуализировало интерес разных специалистов к всестороннему изучению пенсионного периода жизни, процессов перехода к нему, а также факторов, связанных с благополучием и удовлетворенностью жизнью на пенсии. Одной из наиболее актуальных проблем в этом направлении исследований является изучение процесса планирования предпенсионерами выхода на пенсию как предпосылки (условия) их субъективного благополучия после завершения трудовой деятельности. Опираясь на анализ исследований психологического благополучия пенсионеров и планирования выхода на пенсию [4 и др.], мы сформулировали предположение: чем выше оценки ожидаемой удовлетворенности жизнью на пенсии, тем более выражена готовность респондентов к переменам, ниже финансовая тревожность и более оптимистично ими воспринимается будущее.

Выборка и методы исследования

В исследовании приняли участие 202 респондента – 102 женщины в возрасте от 43 до 59 лет и 100 мужчин в возрасте от 49 до 63 лет.

Оценки ожидаемой удовлетворенности жизнью на пенсии выявляли с помощью 5-балльной «Шкалы удовлетворенности жизнью на пенсии» Д. Хирши [4]. Опросник включал 5 субшкал. Для изучения факторов ожидаемого благополучия применяли: опросник личностной готовности к переменам С. Рольника [1], тест-опросник «Шкала финансовой тревожности личности» [2], краткую версию

Стэнфордского опросника временной перспективы [3]. С целью анализа социо-демографических характеристик и удаленности планируемого периода выхода на пенсию использовали анкету. Методами статистического анализа выступили: описательная статистика, корреляционный анализ (по Спирмену), критерии Манна-Уитни и Краскала-Уоллиса (все – при $p < 0,05$).

Результаты исследования

Посредством описательной статистики выявили, что ожидаемая удовлетворенность респондентов в целом по всем шкалам («удовлетворенность жизнью на пенсии», «финансовая грамотность», «перспектива будущего», «устойчивость к финансовым рискам», «влияние родительских установок на сбережение») отличается средним уровнем выраженности оценок. Анализ различий показал, что оценки удовлетворенности зависят от планируемого предпенсионерами периода завершения работы, но только по одной из шкал. Так, планировавшие досрочный выход на пенсию ниже оценивали вклад родительских установок в свое финансовое воспитание по сравнению с теми, кто планировал выйти на пенсию по достижении возраста или продолжить трудовую деятельность, что косвенно указывает на связь процессов первичной и вторичной экономической социализации.

С целью изучения факторов ожидаемой удовлетворенности жизнью на пенсии (по 5 субшкалам) был проведен корреляционный анализ. Обнаружено, что показатели «удовлетворенности жизнью на пенсии» отрицательно связаны с финансовой тревожностью и положительно – с уверенностью в себе, гедонистическим настоящим и будущим. Оценки по шкале «финансовая грамотность» также положительно связаны с уверенностью и находчивостью респондентов, их восприятием позитивного прошлого, гедонистического настоящего и будущего, и отрицательно – с адаптивностью. Показатели шкалы «перспективы будущего» прямо пропорционально связаны с оценками фаталистического настоящего и обратно пропорционально – с гедонистическим настоящим и будущим. Субшкала «устойчивость к финансовым рискам» положительно коррелировала со смелостью и гедонистическим настоящим. Оценки «влияния родительских установок на воспитание» были положительно связаны с находчивостью, уверенностью, а также

позитивным прошлым, гедонистическим настоящим и будущим, и отрицательно – с адаптивностью респондентов.

Заключение

Интерпретируя выявленные связи, заметим, что более высокий уровень ожиданий благополучия на пенсии в исследованной группе предпенсионеров можно объяснить их стремлением к новому, направленностью на гедонизм в настоящем, оптимистичным восприятием будущего, а также низкой финансовой тревожностью, умением находить выходы из сложных ситуаций, способностью быстро менять свои планы и решения. Низкий уровень ожиданий определяется нежеланием респондентов подстраиваться к интенсивно меняющимся жизненным ситуациям, отстаивать свою точку зрения. По их мнению, жизнь человека неподвластна сознательному контролю, свобода выбора иллюзорна, а потому бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Литература

1. *Бажанова Н.А.* Личностная готовность к переменам в контексте исследования феномена «ожидания» / перевод и апробация опросника «Personal change-readiness survey» // *Acta eruditorum: научные доклады и сообщения (Приложение к журналу «Вестник РХГА»)*. 2005. Т. 2. С. 169–178.
2. *Дробышева Т.В., Садов В.А.* Разработка тест-опросника «Шкала финансовой тревожности личности» (на основе методики Р. Лихи) // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2021. Т. 6. № 2(22). С. 296–321. DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_22_2_12.
3. *Нестик Т.А., Никишина О.С.* Отношение к пандемии и временная перспектива личности: психометрические характеристики краткой версии Стэнфордского опросника временной перспективы // *Ярославский психологический вестник*. 2021. № 3(51). С. 29–36.
4. *Kiso H., Hershey D.* Age differences in expected satisfaction with life in retirement // *The International Journal of Aging and Human Development*. 2014. V. 78. № 2. P. 93-114 DOI:10.2190/AG.78.2.a

Профессиональное мышление тренеров и ведущих групп как основа управления группой

*Лавринович Е.В., Мазаева Е.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Lavrinovichev@mgppu.ru, Mazaevaes@mgppu.ru*

Опыт подготовки тренеров, специалистов по работе с группами и преподавателей, использующих интерактивные формы обучения, показывает, что участники, особенно те, кто не имел тренерской или групповой практики, приходят на обучение с достаточно обобщенными представлениями о том, что и как должен делать ведущий тренинга, и, главное, как он должен правильно «думать» о своей будущей деятельности, о своей профессии – работе с группами [2].

Участники без опыта чаще всего представляют тренинг и групповую работу как подбор и выполнение ряда «правильных» заданий и упражнений, решение каких-либо содержательных задач под руководством тренера. В их понимании сам факт выполнения этих заданий приводит к обучению участников или решению ими определенных задач.

Однако профессиональное тренерское мышление, развитие которого необходимо для эффективной работы ведущих групп, существенно отличается от такого представления [1].

Первым и самым главным отличием является то, что основная роль тренера (в ряде случаев наряду с ролью эксперта в определенной области) – это роль управленца, который для получения успешного результата должен вначале спланировать работу группы, содержательную и коммуникационную ее части, потом правильно организовать работу учебной или какой-либо иной группы, суметь замотивировать участников для достижения ими конечной цели обучения и запланированного результата работы группы, правильно проконтролировать различные аспекты поведения и работы группы и привести ее к успешному результату. Иными словами, должен осознать себя управленцем, решающим определенные задачи по созданию и ведению группы, думать о себе как об управленце, понять свою ответственность «за жизнь» и результаты работы группы.

Именно поэтому опытные, высокопрофессиональные тренеры убеждены в том, что 90% проблем в работе с группой являются следствием ошибок в работе самого тренера.

Представление о тренере как управленце позволяет в процессе подготовки сформировать у участников понимание того, что тренинг является не совокупностью упражнений, а перечнем задач, которые должны быть решены тренером для того, чтобы группа была успешной. И этот перечень включает в себя не только стандартные задачи подготовки и планирования тренинга, организации успешной работы группы, но также ситуативно возникающие задачи, связанные с трудностями усвоения участниками учебного материала, необходимостью налаживания контакта с отдельными выпадающими или «эмоционирующими» участниками, успешного преодоления конфликтных ситуаций, другими процессами, связанными с групповой динамикой, если такие ситуации возникнут в процессе тренинга. Иными словами, при осуществлении тех или иных мероприятий на тренинге тренер должен иметь конкретный ответ на вопрос «что и зачем делается».

Тренер как управленец должен иметь четкое представление и о той совокупности процессов в группе, которые он должен контролировать на постоянной основе и которыми должен уметь управлять. К ним относятся следующие.

1) Процесс усвоения новых знаний и формирования новых умений и навыков у участников или процесс достижения поставленной перед группой цели, например, при проведении стратегических сессий и аналогичных задачах.

2) Происходящие в группе процессы сплочения, распределения ролей, установления отношений, процессы групповой динамики и ряд других, которые могут прямо или косвенно сказываться на работе группы, влиять конструктивно или деструктивно на процессы достижения стоящих перед группой целей и задач.

3) Держать в фокусе внимания изменения состояний, настроений, мотивации участников, поскольку они могут в определенные моменты оказывать достаточно негативное влияние и на групповые процессы, и на достижение группой поставленных целей.

4) Контролировать свое собственное состояние, которое необходимо для успешного проведения группы, и отслеживать изменения в нем, уметь «вернуть» себя в необходимое для управления группой «ресурсное» состояние.

Удержание в фокусе внимания, контроль и анализ каждого из этих процессов является не простой задачей. Однако тренер должен осознавать все эти процессы и уметь ими управлять практически одновременно.

Начинающие тренеры часто считают, что главной их задачей является правильно подобрать и провести «интересное» упражнение. Важным этапом в становлении профессионального тренера, осознающего себя как управленца, является понимание того, что упражнение должно быть, во-первых, подобрано или сконструировано именно для решения определенной тренерской задачи (а не просто воспроизведено прочитанное или увиденное), а во-вторых, что эффект обучения и изменения достигается за счет осознания полученного опыта, его рефлексии, за счет получения обратной связи от других участников группы и на этой основе корректировки своих действий.

Опыт проведения в течение ряда лет специально разработанной программы подготовки тренеров показал, что и поведение, и успешность действий участников программы кардинальным образом меняются, когда к тренерам приходит осознание своей роли как управляющих групповой работой и ответственных за ее результаты. И достичь этого результата значительно легче при очной работе с группой.

Литература

1. *Базарова Г.Т.* Теория и практика создания тренинга. М., 2021.
2. *Талаш Т.А., Лавринович Е.В.* Роль психологического тренинга в подготовке преподавателей для развития активных форм обучения в вузе // Психология и современный мир: Сборник материалов Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием. Вып. 16. Архангельск, 2023. С. 137-141.

Становление психологического здоровья обучающейся молодежи в условиях транзитивности

Латышева М.А., Еременко Ю.А.

*ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского», Симферополь, Россия
maralat@yandex.ru, udgik85@mail.ru*

Сегодня в условиях неопределенности и изменчивости современной социальной ситуации российское государство ставит перед молодежью сложные задачи конкурентоспособности, эффективности, инновационности труда, активного участия в построении гражданского общества, для решения которых молодым людям необходимы личностные качества, позволяющие им продуктивно взаимодействовать с окружающими людьми, обществом в целом, при этом в сочетании с саморазвитием личности. То есть важное значение приобретают особенности социогенных потенций человека, сензитивным периодом для развития которых является студенческий возраст [2; 5; 7; 9; 10]. В этой связи отметим, что индикатором сформированности социогенных потенций, а также стремления к самосозиданию можно считать уровень психологического здоровья личности.

Несмотря на выраженный интерес отечественных психологов к проблеме психологического здоровья обучающейся молодежи, достаточный объем научных публикаций по этой теме, отдельные ее аспекты остаются все еще недостаточно изученными. Все еще открытым остается вопрос о социально-психологических детерминантах развития психологического здоровья молодых россиян в условиях транзитивности. Опасность в искаженном развитии, нарушении психологического здоровья в этот период состоит в том, что молодой человек может быть психически здоровым и переживать свое состояние как субъективно благополучное, при этом не координировать свою жизнь, не направлять ее на достижения человеческой сущности. Множественность, изменчивость и неопределенность современного мира увеличивают проблемы конструирования идентичности, трудности социализации молодежи и «во многом исключают возможность поиска рациональных стратегий

личностного развития и построения адекватных моделей социализации» [3, с. 8].

Известно, что термин «психологическое здоровье» был введен в психологическую практику И.В. Дубровиной в 1991 году. Автор отмечает, что психологическое здоровье приобретает в процессе онтогенетического развития и проявляется в форме созидательного, творческого отношения к действительности, отражая уровень духовно-нравственного становления человека как личности [6, с. 117]. По мнению В.Э. Пахальяна, психологическое здоровье обеспечивает личности «оптимальный выбор действий, поступков и поведения в ситуациях ее взаимодействия с окружающими объективными условиями, другими людьми и позволяющие ей свободно актуализировать свои индивидуальные и возрастно-психологические возможности» [8].

Е.Р. Калитевская и В.И. Ильичева рассматривают психологическое здоровье как своеобразную меру «способности человека трансцендировать свою социальную и биологическую детерминированность, выступать активным и автономным субъектом собственной жизни в изменяющемся мире» [11, с. 175].

Как видно, при всей сложности и многоаспектности феномена психологического здоровья можно констатировать, что данное понятие относится к личности в целом, к уровню ее развития, в определенной мере связанному с возрастным периодом. По нашему мнению, ключевой характеристикой в процессе становления психологического здоровья является субъектность личности. Под субъектностью личности мы понимаем способность к самоуправлению и возможность осуществлять самоуправление в социальном контексте своего бытия в противоположность существованию в качестве объекта социальных влияний [12, с. 211]. Л.В. Алексеева выделяет шесть парных атрибутов, с помощью которых человек характеризуется как субъект и как объект: активность-реактивность, автономность-зависимость, целостность-неинтегративность/фрагментарность, опосредованность-непосредственность, креативность-репродуктивность, самоценность-малоценность [1, с. 219]. Автор указывает, что атрибуты субъектности рассматриваются не как характеристики человека, а как определенная мера, характеризующая его активность как личности. На вершине своего развития личность как субъект есть самодостаточный,

принимающий себя человек, ответственный за свои действия и решения, способный к самостоятельному инициированию своей активности, креативный и самоценностный человек, признающий Другого как неоспоримую ценность. Субъектность личности как способность к осуществлению саморазвития является качественной характеристикой развития, существенным критерием достижения личностью зрелости, что отмечается в работах А.А. Бодалева, А.А. Реана, В.М. Русалова, О.В. Хухлаевой, Л.А. Головей, А.Н. Поддьякова и др. Как подчеркивает А.А. Бодалев, «наступление зрелости» [4, с. 29]; необходимо не только время, но и сознательная работа над собой [12, с. 280].

В заключение отметим, что период обучения становится важным этапом овладения не только профессиональными компетенциями. Студенчество является для молодых людей этапом развития умения критично оценивать себя и личность другого человека, научения конструктивно решать жизненные проблемы; осознания способности целенаправленно, творчески преобразовывать окружающую действительность, интегрироваться с другими, не утрачивая своих границ и не ущемляя других. Закладываемые в период ранней молодости основы психологического здоровья потенциально обеспечивают человеку в дальнейшем качество его жизни, психологическое благополучие, служат профилактике профессиональных деформаций. Для решения вышеозначенных проблем необходимо их дальнейшее изучение и создание оптимальных условий образовательной среды.

Литература

1. *Алексеева Л.В.* Психологическая характеристика субъекта и субъекта преступления // Вестн. Тюмен.гос. ун-та 2003б. № 4. С. 216-228.
2. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. - М.: Наука, 1977.
3. *Аянян А.Н., Голубева А.Н., Марцинковская Т.Д., Полева Н.С.* Специфика становления идентичности детей и подростков в ситуации транзитивности // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 50. С. 5.

4. *Бодалев А.А.* Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения. М.: Флинта; Наука, 2001.
5. *Братусь Б.С.* Русская, советская, российская психология. М. : Флинта, 2000.
6. *Дубровина И.В.* Практическая психология в лабиринтах современного образования. – М.: НОУ ВПО «МПСУ», 2014. – 464 с. с.117.
7. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. М., 2008.
8. *Пахальян В.Э.* Развитие и психологическое здоровье. Дошкольный и школьный возраст. СПб., 2006.
9. *Слободчиков В.И.* О перспективах построения христиански ориентированной психологии // Московский психотерапевтический журнал. 2004. № 4. С. 5–17. б.
10. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология развития человека. М.: Школьная пресса, 2000.
11. *Сысоева С.А.* Психологическое здоровье как проблема психолого-акмеологической науки и практики //Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – №. 12. – С. 173-177.
12. *Щукина М.А.* Психология саморазвития личности: монография / М.А. Щукина. СПб.: Питер, 2015.

Методика «Психологическая граница личности»: возможности диагностики и коррекции межличностных отношений

Леву Т.С.
МосГУ, Москва, Россия
levitasa36@yandex.ru

Психологическая граница личности является тем личностным образованием, которое не только разграничивает внутреннее и внешнее, но и соединяет человека с окружающими людьми. Сформированность психологической границы личности во многом

определяет эффективность взаимодействия и удовлетворенность его участников.

Авторская методика «Психологическая граница личности» разработана как диагностический инструмент, позволяющий оценить возможность личности решать различные задачи межличностного взаимодействия [2; 3]. При этом методика позволяет смоделировать процесс взаимодействия таким образом, что диагносту открываются два плана: один – с внутренней стороны психологической границы (переживания при взаимодействии с людьми самого человека) и другой – с внешней стороны психологической границы (действия человека, воспринимаемые другими людьми).

Психологическая граница в нашем подходе рассматривается как функциональный орган личности, состоящий из ряда взаимосвязанных функций. Базовой функцией является спокойно-нейтральная функция, сформированность которой означает, что человек может чувствовать себя спокойно в окружении других людей. В противном случае человек постоянно напряжен, как бы готов отразить нападение, даже если для этого нет никаких оснований. Разграничивающие функции границы – не пропускающая и сдерживающая – показывают, насколько человек может держать границу при внешнем воздействии и контейнировать внутренние импульсы. Контактные функции границы (проницаемая, вбирающая и отдающая) показывают, насколько человек эмпатичен, активен и открыт. Показатели шести функций границы дают возможность построить профиль и выявить тип психологической границы по критериям силы и сбалансированности функций.

Тестирование с помощью методики «Психологическая граница личности» участников взаимодействия (супругов, родителя и ребенка, партнеров по бизнесу, коллег и т.п.) дает возможность выявить ресурсные и проблемные места в их межличностном взаимодействии. Мы можем предположить, кто в паре является лидером, так как лидер будет иметь более высокие показатели функций границы: есть ли контакт, открытость, готовность услышать друг друга – по соотношению контактных и разграничивающих функций в паре, насколько комфортно или трудно в данной паре будет каждому из ее участников, какие его потребности будут удовлетворяться или не удовлетворяться и многое другое.

В исследовании межличностных отношений супругов с разным типом психологической границы были изучены супружеские пары с разными сочетаниями в них типов границы [1]. Исследование показало, что каждое сочетание типов границы имеет свою специфику. Наиболее удовлетворяющие супругов отношения складываются при условии, когда, хотя бы один из участников пары имеет достаточно сильную сбалансированную границу. Присутствие в паре супруга со слабой несбалансированной границей создает напряжение и конфликты в отношениях.

Консультирование на основе диагностики психологической границы личности включает содействие осознанию клиентом:

- 1) Особенности своей психологической границы, ее ресурсных и проблемных мест; при этом особое значение приобретает возможность увидеть свое поведение со стороны внешнего наблюдателя (внешний план);
- 2) Особенности психологической границы партнера; при этом особое значение приобретает возможность увидеть его границу изнутри (внутренний план), поняв его переживания;
- 3) «Соотношения сил» при взаимодействии двух границ, принятие того, что необходимо принять и понимание того, что возможно изменить.

Поскольку психологическая граница личности проявляется в действиях, то важно обсудить с клиентом действия, которые он совершает недостаточно или избыточно для решения тех или иных задач во взаимодействии в паре. Среди множества вариантов часто встречаются:

- недостаточное отстаивание своей границы из-за страха потерять контакт со значимым человеком;
- недостаточная активность и артикуляция своих потребностей с надеждой, что другой догадается сам;
- неумение контейнировать внутреннее напряжение, что приводит к избыточной экспрессивности, часто чрезмерной для партнера;
- чрезмерное сдерживание себя, что приводит в отношениях к дистанцированию и напряжению;
- недостаточное внимание к состоянию и потребностям партнера.

Так как психологическая граница является функциональным органом, возможность осуществления действий зависит от

эмоционального состояния человека, его установок, самоотношения и других внутрилличностных образований [4]. Поэтому в ряде случаев необходима более глубокая коррекционная индивидуальная работа или работа с парой клиентов.

Многолетний опыт консультирования с использованием методики «психологическая граница личности» показал высокую степень прогностичности получаемых данных и эффективность коррекционных программ, разработанных на ее основе.

Литература

1. Волобуев Я.В., Леви Т.С., Савченко Т.Н. Межличностные отношения супругов с разными типами психологических границ // Психологический журнал. 2020. Том 41. №6. С.14–25. DOI:10.31857/S020595920012580-4
2. Леви Т.С. Методика диагностики психологической границы личности // Вопросы психологии. 2013. № 1. С. 131–146.
3. Леви Т.С. Диагностика психологической границы личности: качественный анализ // Вопросы психологии. 2013. № 5. С. 131–146.
4. Леви Т.С. Телесно-энергетический подход к пониманию психологической границы человека [Электронный ресурс] // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2017. № 2. DOI:10.17805/trudy.2017.2.2

Психологические особенности детско-родительских отношений несовершеннолетних как фактор их криминализации

Левин Л.М.

ФГБОУ ВО ГУП, Москва, Россия

levin_leonid@mail.ru

Семья заслуженно рассматривается многими учеными как первичный институт социализации, в котором ребенок первоначально усваивает социальные нормы и модели поведения в обществе. Взаимоотношения ребенка с родителями бесспорно оказывают

существенное влияние на становление личности человека и выбор им стратегии поведения в социуме. С целью определения специфики детско-родительских отношений и их роли в становлении противоправного поведения несовершеннолетних нами было проведено изучение внутрисемейных отношений у осужденных подростков.

Характеристика выборки. В ходе проведения исследования опрошено 280 человек, включенных в три группы: 1) 120 несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы за преступления высокой степени тяжести (убийство, грабеж, разбой, изнасилование, вымогательство, умышленное повреждение имущества и т.п.); 2) 80 подростков, имеющих условную судимость за преступления небольшой степени тяжести (мошенничество, хулиганство, кражи и т.д.); 3) 80 законопослушных подростков (контрольная группа). Средний возраст испытуемых всех трех групп – 15,8 лет, ($SD = 0,8$). Все испытуемые – несовершеннолетние юноши.

Методы исследования. В исследовании применялись индивидуальная беседа (интервью), анализ индивидуальных случаев (case study), контент-анализ личных дел, психодиагностический инструментарий, который включал следующие методики: «Шкала тактики поведения в родительско-детском конфликте» (The Conflict Tactics Scale: Parent to Child, CTSPC; Straus et al., 1998) в адаптации И.А. Фурманова; опросник «Семейные эмоциональные коммуникации» – СЭК (Холмогорова и др., 2016); «Незаконченные предложения», вариант Сакса–Сиднея в модификации Т.А. Заеко. Статистическая обработка данных проводилась с помощью следующих методов: сравнительный анализ с применением U -критерия Манна–Уитни (для двух групп) и H -критерия Краскела–Уоллиса (для сравнения трех групп); дискриминантный анализ (λ Уилкса). Результаты подсчитывались при помощи статистического пакета Statistica 10.0.

Результаты исследования. В ходе опроса и изучения личных дел несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в колонии, обнаружено, что большинство из них воспитывались в неполных семьях: 105 респондентов (87,5%). В таких семьях воспитанием ребенка занималась преимущественно мать, реже – бабушка или дедушка. Чаще всего они были единственными детьми в семье.

Некоторые несовершеннолетние не общались со своими отцами или имели о них очень размытые и неприятные воспоминания. Большинство обследованных условно осужденных несовершеннолетних (57,5%) и законопослушных подростков (78,3%) воспитывались в полной семье, поддерживали связь с членами семьи. Если смотреть на характеристики родителей респондентов, то в 92 случаях (76,6%) в группе осужденных к лишению свободы и 59 случаях (73,75%) в группе условно осужденных можно говорить об алкоголизации родителей. Анализ личных дел и опрос показали, что у 94 (78,3%) воспитанников колонии и у 59 (73,75%) условно осужденных родители также имели криминальный опыт и судимость. Лишение родительских прав имело место в 45 семьях (37,5%) несовершеннолетних, отбывающих наказание в местах лишения свободы, и 35 (43,75%) семьях условно осужденных. Данные факты возникли из-за ненадлежащего выполнения своих родительских обязанностей. В ряде случаев опрошенные попадали в детский дом.

Выявлено, что подростки, отбывающие наказание в колонии за тяжкие преступления, статистически достоверно более негативно относятся к отцу (Kruskal–Wallis test: $H = 45,31$; $p < 0,001$) и к родительской семье в целом (Kruskal–Wallis test: $H = 36,42$; $p < 0,001$). Достоверных различий в отношениях к матери не обнаружено (Kruskal–Wallis test: $H = 4,84$, $p = 0,09$). В группе несовершеннолетних, осужденных за тяжкие преступления, все применяемые родителями тактики разрешения конфликтов с детьми выражены статистически значимо выше, то есть родители гораздо чаще применяют различные дисциплинарные меры воздействия на ребенка, в том числе и жестокие. Так, в группе подростков, отбывающих срок наказания в колониях, выше уровень принимаемых родителями ненасильственных дисциплинарных мер (Kruskal–Wallis test: $H = 17,68$; $p < 0,001$), психологической агрессии (Kruskal–Wallis test: $H = 49,72$; $p < 0,001$), телесных наказаний (Kruskal–Wallis test: $H = 39,97$; $p < 0,001$), проявления жестокости (Kruskal–Wallis test: $H = 35,85$; $p < 0,001$), проявления физической жестокости (Kruskal–Wallis test: $H = 30,72$; $p < 0,001$). Тактики разрешения конфликтов родителей условно осужденных подростков статистически достоверно не отличаются от тактик родителей детей контрольной группы, кроме шкалы «Дисциплинирование»

Выводы. Особенности семейной социализации подростков, осужденных за тяжкие преступления, отличаются такими характеристиками, как проживание в неполной семье, неудовлетворенность материальным положением, наркотизация и алкоголизация родителей, лишение родительских прав одного из родителей, проблемы с законом у одного из членов семьи, меньшее количество детей в семье (часто это единственные дети в семье). У несовершеннолетних осужденных нарушена система детско-родительских отношений, приведшая к нарушению процесса социализации, вследствие чего могли сформироваться девиантные формы поведения. Данные, полученные в ходе проведенного исследования, могут быть использованы сотрудниками психологической и воспитательной служб уголовно-исполнительной системы, а также специалистами, работающими в смежных областях.

Особенности копинг-стратегий у студентов вуза

Лето Л.А., Кривцова А.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

leysan.let@mail.ru, krivcovaAS@mgppu.ru

Современная действительность характеризуется нестабильностью, непостоянством, неопределенностью. Наше поведение и действия зависят от данных обстоятельств. Современный человек постоянно сталкивается с различными трудными ситуациями, или с ситуациями неопределенности в разные периоды своей жизни. В нашем исследовании мы изучаем один из важных жизненных этапов – период обучения в высшем учебном заведении, в частности, период завершения обучения. Это всегда для студентов является периодом волнений и тревог за будущее: куда дальше идти, как развиваться, что ждет молодых специалистов после вуза? Нечеткое непонятное будущее пугает, тревожит. Поэтому в нашем исследовании мы предположили, что окончание вуза – это период неопределенности для студентов. Ситуация неопределенности осложняет проблему поиска путей решения о своем профессиональном будущем.

В нашем исследовании мы рассматривали возможные пути преодоления ситуации неопределенности у студентов. В научной литературе ситуация преодоления трудностей рассматривается через понятие «копинга» [1; 3].

Если говорить о наиболее распространенной классификации стратегий копинга, то стоит выделить когнитивные, поведенческие и эмоциональные характеристики преодолевающего поведения [2, с. 97].

Целью нашей работы стало исследование особенностей выбора копинг-стратегий у студентов-выпускников, обучающиеся на психологическом направлении. Выборка исследования составила 104 респондента, из них все – студенты-выпускники психологического факультета.

Ниже представлены полученные данные о выборе студентами копинг-стратегий по методике Р. Лазаруса [4]:

- конфронтационный 10 %,
- самоконтроль 15 %,
- поиск социальной поддержки 14 %,
- принятие ответственности 8 %,
- бегство-избегание 14%,
- планирование решение проблемы 15%,
- положительная переоценка 15%.

Полученные данные позволили нам выделить следующие копинг-стратегии.

- 1) положительная переоценка, планирование решение проблемы, самоконтроль;
- 2) поиск социальной поддержки, бегство-избегание;
- 3) дистанцирование, конфронтация;
- 4) принятие ответственности.

Студенты-психологии в ситуации неопределенности выбирают копинг-стратегии, которые рассматриваются большинством исследователей как адаптивные, способствующие конструктивному разрешению трудностей. Но часть студентов (выбирающие дистанцирование, конфронтацию, бегство в качестве ведущей копинг-стратегии), нуждается в психологической поддержке и сопровождении психолога. Исходя из такого распределения копинг-стратегий, можно

подготовить рекомендации для студентов-выпускников, которые испытывают трудности в период завершения обучения.

Литература

1. Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой) // Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., Изд-во Института Психотерапии. 2002.
2. *Кривцова А.С., Лето Л.А.* Психологические особенности личности студента –психолога в процессе профессионального обучения. // В сборнике: Социокультурные, психологические и педагогические координаты развития личности. Материалы Международной научно-практической конференции. Владимир, 2023.
3. *Кузнецова А.Д.* Современные исследования копинг-стратегий в аспекте психологии труда / А.Д. Кузнецова // Вестник института мировых цивилизаций. – 2018. № 2 (19).
4. *Lazarus R.S.* Toward better research on stress and coping // *American Psychologist.* – 2000. – Vol. 55 (6).

Психологическое состояние граждан в условиях политической нестабильности

Лобза О.В.

ФГБОУ ВО МГИМО МИД России, Москва, Россия
o.lobza@odin.mgimo.ru

В настоящее время мир переживает международный политический конфликт, затрагивающий экономическую, социальную, психологическую и иные сферы жизни общества, вызывающий ощущение неопределенности, неизвестности и незащищенности. Десятилетия исследований подтвердили, что человеческий мозг невероятно уязвим к неопределенности. Существуют доказательства

того, что неспособность долго находиться в изменчивых условиях неопределенности является отправной точкой большинства невротозов и даже панических расстройств. Некоторые исследователи утверждают, что страх перед неизвестным – это фундаментальный страх, порождающий все другие страхи и неуверенность в целом. Социально-политическая неопределенность может усиливать недоверие между различными группами общества, вызывать ощущение угрозы и несправедливости, влиять на общий психологический климат в обществе, создавая атмосферу напряженности. Направление исследований, посвященных изучению психологического состояния общества во взаимосвязи с политикой, согласно мнению многих ученых, позволит определить механизмы влияния трудноконтролируемых политических процессов на настроение общества и выработать стратегии психологической поддержки и помощи населению в условиях политических вызовов [2].

В настоящем исследовании, направленном на изучение особенностей и вариантов психологического состояния общества в условиях политической неопределенности, использовались: методика оценки ситуативной тревоги Ч. Спилбергера, Ю.Л. Ханина; опросник агрессивности Басса-Дарки в адаптации А.К. Осницкого, А.А. Хвана; шкала удовлетворенности жизнью (SWLS) Э. Динера в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева; методика дифференциальной диагностики депрессивных состояний В. Зунга в адаптации Т.И. Балашовой; методика определения доминирующего психического состояния Л.В. Куликова; шкала толерантности к неопределенности IAS С. Баднера в адаптации Т.В. Корниловой. В исследовании приняли участие 346 человек в возрасте от 15 до 69 лет. В их числе 176 женщин и 170 мужчин. В состав выборки вошли респонденты, проживающие в Москве и Московской области, а также жители Смоленска, Барнаула, Владимира, Екатеринбурга, Казани, Калининграда, Краснодара, Новосибирска, Ростова, Рязани, Санкт-Петербурга, Самары, Тулы, Ульяновска, Ханты-Мансийска.

С целью определения возможных вариантов проявления психологического состояния граждан России был проведен кластерный анализ данных исследования. В первый кластер вошли

респонденты с оптимальным психологическим состоянием, которые отличаются высоким уровнем работоспособности (7,2), активности (7,0), спокойствия (8,2), эмоциональной устойчивости (8,0), удовлетворенности жизнью (8,8) и толерантностью к неопределенности (5,6). У них также обнаружен низкий уровень значений по шкалам «депрессия» (3,3), «стресс» (3,1), «физическая» (3,2) и «предметная» (3,3) агрессия. Люди с оптимальным психологическим состоянием часто находят баланс между стабильностью и готовностью к изменениям, действуя надситуативно, а именно за пределами своих исходных побуждений и целей. В рамках реализации надситуативной активности личность, как правило, относительно легко преодолевает различные психологические барьеры и жизненные трудности, она способна подняться до подлинно творческой деятельности, интеллектуального «прорыва», продемонстрировать склонность к действенному альтруизму, «бескорыстному» риску, добиться резкого качественного повышения эффективности своей деятельности [1].

Респондентов, вошедших во второй кластер, отличает повышенный уровень тревожности и аутоагрессии. Для них характерны достаточно высокий уровень тревожности (7,5), эмоциональной (7,0) и общей агрессии (6,9), аутоагрессии (7,3) и достаточно низкий уровень активности (4,3) и работоспособности (3,3). Важно отметить, что уровень тревожности, агрессии и аутоагрессии может быть изменчивым и зависеть от многих факторов, включая среду, личные характеристики и стратегии поведения. Люди с подобными характеристиками могут иметь различные индивидуальные особенности, и необходимо учитывать контекст ситуации, чтобы полностью оценить их психологическое состояние и потребности. Психологическое состояние респондентов, попавших в третий кластер, можно охарактеризовать преобладанием депрессивно-стрессовых расстройств и оценить, как критическое.

Респонденты, попавшие в третий кластер, характеризуются очень высоким уровнем ситуативной тревожности (9,2), аутоагрессии (9,1), общей агрессии (8,8), стресса (7,8) и депрессии (7,6). У них наблюдается очень низкий уровень работоспособности (1,3), активности (3,0), спокойствия (1,3), эмоциональной устойчивости (1,9)

и удовлетворенности жизнью (3,6). И, в отличие от респондентов первого и второго кластеров, у них более высокий уровень интолерантности к изменениям (6,4). Интолерантные к неопределенности личности склонны к жесткой регламентации всех сфер жизни, в том числе отношений и систем приобретения нового опыта. Избыточная тревожность и проявление депрессии часто возникают в ответ на длительный или интенсивный стресс. Человеческий организм обладает механизмами компенсации и адаптации, которые активируются при воздействии вредных факторов. При продолжительном или сильном стрессе развивается повышенная тревожность, так как психика готовится к возможному новому воздействию стрессоров. Эта реакция является своеобразным механизмом защиты, призванным предвосхитить возможные негативные последствия патологического воздействия.

Таким образом, исследования, направленные на изучение психологического состояния общества, дают возможность ученым и практикам выявлять группы населения, которые особенно уязвимы и нуждаются в психологической поддержке и помощи, а также разрабатывать и внедрять эффективные стратегии и программы, ориентированные на улучшение качества жизни людей. Вместе с тем, необходимо отметить, что изучение психологического состояния общества требует комплексного подхода и учета не только политических, но и экономических, социальных и культурных факторов.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* Азбука социального психолога-практика: справочно-энциклопедическое издание. М., 2007.
2. *Нестик Т.А.* Влияние военных конфликтов на психологическое состояние общества: перспективные направления исследований // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 4. С. 5-22.

Сравнительный анализ социально-психологических факторов профессиональной деятельности работников в зависимости от специфики их деятельности

Логачева М.А., Погодина А.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

margaritalogachewa@gmail.com, pogodinaav@mgppu.ru

Одной из развивающихся сфер жизнедеятельности в последние десятилетия стал ресторанный бизнес. Несмотря на различные события, повлиявшие на ресторанный бизнес в 2020-2022 годах (пандемия, уход крупных брендов с рынка, проблемы с поставками, санкции), в 2023 году отмечался стабильный рост объемов ресторанного бизнеса [4]. Это, в свою очередь, приводит к тому, что открывается рынок различных вакансий, требуются квалифицированные кадры. Между тем следует отметить, что эта сфера является малоизученной с точки зрения социальной и организационной психологии. Для успешной работы ресторана требуется, чтобы сотрудники имели развитый психический ресурс, психологическую готовность к деятельности и высокую компетентность [1]. Все это невозможно у сотрудников с высоким уровнем выгорания и неразвитой профессиональной идентичностью.

Феномен выгорания известен давно, но активно начал изучаться только с 1970-х годов. Выгорание оказывает сильное негативное влияние на профессиональную деятельность и поведение работников, на их настроение, чувства, и снижает их работоспособность [2].

Важным фактором эффективной профессиональной деятельности является сформированная профессиональная идентичность. Поскольку обретение профессиональной идентичности является процессом идентификации человека со своей профессиональной группой, принятия норм и ценностей этой группы и нахождения своего места в этой группе, то неразвитая профессиональная идентичность грозит потерянностью человека, профессиональным маргинализмом [3].

Работники ресторанной сферы относятся к профессии «человек-человек», они в значительной степени подвержены профессиональному выгоранию и организационному стрессу. Однако

исследований, в рамках которых изучаются особенности профессионального выгорания и профессиональной идентичности работников ресторанной сферы в зависимости от специфики их деятельности, практически нет.

Цель нашего исследования заключалась в выявлении особенностей выгорания и профессиональной идентичности у линейного персонала ресторанной сферы и сотрудников, занимающих руководящие должности. Мы предположили, что руководители имеют более низкий уровень выгорания и более сформированную профессиональную идентичность, в отличие от сотрудников, занимающих линейные позиции.

В исследовании использовались следующие методики: опросник на определение уровня психического выгорания (К. Маслач, С. Джексон, адаптация Н.Е. Водопьяновой), методика изучения профессиональной идентичности (МИПИ) (Л.Б. Шнейдер), методика «Якоря карьеры» (Э. Шейн, адаптация В.А. Чикер, В.Э. Винокурова).

Выборка исследования представлена сотрудниками зала ресторанов, баров, кофеен, среди которых официанты, бармены, бариста, менеджеры, бар-менеджеры, управляющие. Общее количество участников – 55 работников в возрасте от 19 до 38 лет. 61,8% (34 чел.) респондентов являются линейными работниками, 38,2% (21 чел.) занимают руководящие должности разного уровня.

Из всех опрошенных респонденты с достигнутой идентичностью составили 14,5%, с псевдопозитивной – 27,3%. Сформированная идентичность была выявлена у 41,8% сотрудников. Показатели выгорания по всей выборке составили: эмоциональное истощение среднее и высокое – 72,7%, деперсонализация средняя и высокая – 67,3%, редукция профессиональных достижений средняя и высокая – 56,4%.

Таким образом, работников со сформированной идентичностью оказалось меньше половины, а симптомы выгорания испытывает большая часть сотрудников.

Анализ карьерных ориентаций респондентов показал, что самой важной профессиональной ориентацией выборки является «служение», также важны «автономия», «интеграция стилей жизни» и «стабильность места работы».

Результаты сравнительного анализа показали отсутствие значимых различий между показателями двух групп по уровню выгорания и профессиональной идентичности. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что выявленные особенности эмоционального выгорания и профессиональной идентичности характерны для большинства работников, независимо от специфики их профессиональной деятельности.

Также был проведен корреляционный анализ по всей выборке, где была выявлена положительная связь между уровнем выгорания и показателем, насколько респонденту нравится работа. Была выявлена отрицательная связь между уровнем выгорания и карьерными ориентациями «служение» и «вызов».

Работники ресторанной сферы действительно в значительной степени подвержены выгоранию, вне зависимости от специфики деятельности респондента. Зачастую руководители не оставляют работу в зале, а продолжают тесно общаться с гостями, чтобы получить обратную связь и видеть возникающие проблемы. Судя по всему, цели и задачи деятельности работников, занимающих разные статусные позиции в организации, едины – качественное обслуживание клиентов. Деятельность сотрудников как линейных должностей, так и руководителей гомогенна.

Ресторанная сфера до сих пор считается промежуточным этапом перед настоящей профессиональной деятельностью, а также подработкой для студентов. Возможно, это является одним из факторов неразвитости идентичности среди ее сотрудников.

Чем важнее для сотрудника ресторанной сферы ориентация на служение людям, желание сделать мир лучше, тем ниже его уровень выгорания. Чем выше выгорание, тем меньше сотрудник хочет приносить пользу обществу. При этом служение оказалось самой значимой ориентацией для работников ресторанов, значит, именно характер работы с людьми дает им энергию и смысл. Чем ниже уровень выгорания у сотрудника, тем больше он настроен решать сложные задачи, бросать себе вызов и вступать в конкуренцию.

По результатам исследования можно сформулировать следующие предположения.

1. Если в ресторанный бизнес приходит работник с низкой ориентацией на служение людям, то, скорее всего, он быстро выгорит.
2. Если в ресторанный бизнес приходит человек с ориентацией на служение, то, при возникновении симптомов выгорания, его желание приносить пользу будет снижаться.

Результаты анализа можно использовать как для дальнейших исследований, так и для профориентации, практической работы с персоналом и разработки тренингов.

Литература

1. *Корчагина Ю.А.* Психологические особенности профессиональной деятельности специалистов ресторанной индустрии // Известия ЮФУ. Технические науки. 2006. №14.
2. *Орел В.Е.* Структурно-функциональная организация и генезис психического выгорания: дисс. ... доктора психол. наук. – Ярославль, 2005.
3. *Чарина Е.В.* Проблема изучения профессиональной идентичности в современных условиях // Научные исследования и инновации. 2021, № 4.
4. <https://marketing.rbc.ru/research/28064/>

Инициативность как черта вовлеченного горожанина

Лукьяненко А.Е.

ФГБОУ ВО ТюмГУ, Тюмень, Россия

a.e.lukyanenko@utmn.ru

Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды» реализуется в рамках национального проекта «Жилье и городская среда». Цель проекта заключается в создании комфортной городской среды и уменьшении количества городов с неблагоприятными условиями. Одним из показателей этого проекта является повышение доли жителей, участвующих в развитии городской среды. Со стороны правительства разрабатываются и

вводятся различные способы, упрощающие проявление гражданской активности населения. В частности, создание платформы для онлайн-голосования «Городская среда» позволяет любому жителю страны старше 14 лет влиять на развитие городской среды.

Несмотря на то, что существуют различные платформы и организуются мероприятия, направленные на вовлечение населения в жизнь города, большая часть жителей принимают в них пассивное участие. Наравне с этим в каждом городе проживают люди, которые не остаются равнодушными к развитию городской среды и выдвигают собственные предложения по благоустройству как физического облика населенного пункта, так и его социальной жизни.

Проявление социально-ориентированной инициативы может быть связано с личностной значимостью проблемы или идеи, которую человек отстаивает [3]. Однако регулярно можно наблюдать, что среди значительного числа неравнодушных горожан только небольшая их часть готова совершать действия по решению проблем или выдвижению инициатив по улучшению текущего состояния. Таких людей отличает инициативность. В качестве инициативности мы рассматриваем «относительно устойчивое качество личности, выражающее постоянное стремление человека к инициации» [7, с. 4]. В поведении инициативность выражается в готовности преодолевать трудности и брать на себя ответственность за конкретные задачи, способность доводить начатое дело до конца, самостоятельность в действиях и гибкость в подходах к решению задачи [1; 5].

Обладая перечисленными качествами, инициативные жители города могут организовать группы людей для решения проблем города или разработки и предложения социально-ориентированных инициатив. Инициативные жители города составляют «ядро» социальной базы российского гражданского общества. Жителей, составляющих «ядро», отличает от «периферии» ориентация на борьбу за идеалы и значимость возможности общаться с единомышленниками. Кроме того, выраженными мотивами «ядра» являются обретение новых друзей, личностный рост и развитие [2; 4]. В качестве ценностей данной группы граждан выделяется «доверие к другим людям, готовность к объединению для совместных действий, гражданская ответственность, осознание возможности влияния на состояние дел» [6, с. 135].

Инициативность, вера в возможность оказывать влияние на жизнь города совместно с гражданской ответственностью позволяет жителям инициировать и совершать действия, направленные на улучшение жизни города, преобразовывать его и вовлекать других горожан в этот процесс.

Литература

1. *Коротаева Е.В., Святцева А.В.* Развитие инициативности детей дошкольного возраста // Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста». 2016. № 5.
2. *Мерсиянова И.В.* Социальная база российского гражданского общества // Общественные науки и современность. 2009. № 4.
3. *Пырма Р.В.* Факторы формирования установок и стратегий гражданского активизма у молодежи России // Власть. 2020. № 6.
4. *Седова Н.Н.* Гражданский активизм в современной России: форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2.
5. *Тезиков Д.А., Чудина Е.Ф.* Формирование инициативности учащихся кадетских полицейских классов на уроках физической культуры посредством моделирования учебных ситуаций // известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 4 (147).
6. *Уханова Ю.В., Параничева И.В.* Предпосылки и вовлеченность сельского социума в практики гражданского участия // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102).
7. *Шурухина Г.А.* Основные направления исследования инициативности в современной психологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 4.

Взаимосвязь перспективы продолжения миграции с психологическим благополучием мигрантов

Лупуляк П.В.

*СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
polinalupuliak@mail.ru*

*«Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.*

*На Васильевский остров
я приду умирать»*

И. Бродский

Решение о переезде в другую страну – серьезнейший выбор человека, точка бифуркации, которая обычно делит его жизнь на «до» и «после». Феномен миграции сложен и амбивалентен, он сочетает в себе элементы рисков и новых возможностей, заставляет мигранта пройти через нормативный кризис миграционной утраты и сопутствующие кризисы, в том числе экзистенциальные [1, с. 40]. При этом процесс миграции является обратимым, что превращает каждый конкретный миграционный проект в индивидуальный акт жизнотворчества с открытым миграционным финалом, завершение которого наступает вместе с жизнью мигранта, а иногда и после его смерти (завещания Т. Шевченко, Х. Колумба). Мысли и фантазии о возвращении на родину часто являются неотъемлемой частью повседневных размышлений мигранта [2, с. 143], при этом сам факт возвращения потенциально возможен, ввиду чего решение о миграции оказывается не перманентной данностью, а весьма подвижным элементом, требующим периодической внутренней ревизии.

Нас интересовало, насколько временная перспектива миграции повлияет на психическое здоровье мигрантов при разных категориях самообъяснения перспективы продолжения миграции. Мы предположили, что, во-первых, наличие сформированной временной перспективы миграции повысит уровень психологического благополучия. Во-вторых, локус контроля при визуализации временной перспективы миграции также оказывает влияние на уровень психологического благополучия мигрантов.

Всего в исследовании приняли участие 477 русскоговорящих мигрантов, проживающих в Испании и странах Евросоюза со стажем миграции от 6 месяцев до 40 лет. Исследование посвящено взаимосвязи смыслового обоснования продолжения миграции с психологическим благополучием (ПБ) мигранта и рассматривает проблему миграции с позиций экзистенциального подхода. В авторскую анкету мы включили вопрос о предполагаемой продолжительности миграции, а также попросили респондентов заполнить опросник Шкалы психологического благополучия К. Рифф. Это позволило проанализировать связь предполагаемой продолжительности миграции с ПБ мигранта. Эксперимент был проведен по межгрупповому плану. Испытуемые были разделены на три группы-кластера по уровню психологического благополучия: с низким, средним и высоким уровнями ПБ. Для обработки данных применены следующие статистические методы: частотный анализ данных с помощью таблиц сопряженности и критерия χ^2 и кластерный анализ.

Были получены следующие результаты. В группе респондентов с высоким уровнем ПБ самым частым стал выбор в пользу пожизненной миграции (58,6%); процент испытуемых из этой группы, планирующих оставаться в другой стране до момента достижения поставленных целей, был равен 11,1%; на зависимость продолжения миграции от обстоятельств указали 23,2% ответивших и лишь 4% мигрантов с высоким уровнем ПБ сообщили, что живут сегодняшним днем и не задумываются о перспективах продолжения миграции. В группе респондентов со средним уровнем ПБ практически каждый (49,2%); 6,5% испытуемых ставят свой миграционный проект в зависимость от достижения тех или иных целей; 37,4% мигрантов из этой группы указывают, что продолжение миграции будет зависеть от обстоятельств, и 5,3% вообще не задумываются о перспективах миграции. В группе испытуемых с низким ПБ на пожизненную миграцию настроены лишь 37,9% ответивших, 6% готовы жить в другой стране до момента достижения поставленных целей, 44% респондентов из этой группы ставят свою миграцию в зависимость от обстоятельств и 11,2% вообще не задумываются о перспективах своей миграции. Полученные различия статистически достоверны ($p = 0,002$).

Это позволяет говорить о том, что наличие четко сформированной временной перспективы миграции действительно повышает уровень психологического благополучия. Также анализ распределения выбранных вариантов ответов отображает смещение преобладающего полюса континуума локуса контроля с интернального (в группе респондентов с высоким уровнем ПБ) на экстернальный (в группе с низким уровнем ПБ). Таким образом, второе предположение также подтверждено.

Результаты данного исследования говорят о том, что, во-первых, психологическое благополучие мигранта зависит, в том числе, от осознаваемой перспективы миграции. И, во-вторых, ПБ зависит от полюса локуса контроля при формировании временной перспективы продолжения миграции. Если перспективы миграционного проекта преимущественно зависят от обстоятельств или, в принципе, не подвергаются анализу, шансы на высокий уровень ПБ у мигранта снижаются.

Литература

1. *Achótegui L.J.* Síndrome de Ulises. Síndrome del inmigrante con estrés crónico y múltiple. Emigrar en el siglo XXI // Empordá Printing, Figueres, 2010
2. *Grinberg L., Grinberg R.* Migración y exilio. Estudio psicoanalítico // Editorial Biblioteca Nueva, Madrid, 1996

Использование искусственного интеллекта в образовании

Мазнева О.А., Волобуев А.А., Ефремов М.А.

ФГБОУ ВО ЮЗГУ, Курск, Россия

Olyamazneva0606@gmail.com, cawavolobuev@yandex.ru,

ib-swsu@yandex.ru

Современные технологии неизбежно изменяют наш мир, и искусственный интеллект играет в этом процессе ключевую роль. Искусственный интеллект – это область компьютерной науки, которая изучает создание умных машин, способных выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта.

В современном образовании использование искусственного интеллекта становится все более распространенным. Это позволяет создавать персонализированные образовательные программы, учитывающие индивидуальные особенности каждого ученика. Также искусственный интеллект помогает автоматизировать административные процессы в учебных заведениях, улучшая их эффективность и экономя время преподавателей и учеников.

Искусственный интеллект имеет ряд преимуществ в образовании, которые в значительной степени способствуют повышению доступности образования. Одним из ключевых преимуществ является возможность персонализации обучения. Благодаря использованию искусственного интеллекта, ученикам предоставляется возможность получать индивидуально разработанные учебные материалы и задания, соответствующие их специфическим потребностям и уровню знаний. Это позволяет каждому ученику развиваться в собственном темпе и достигать лучших результатов.

Благодаря автоматизации процессов и внедрению технологий ИИ, учащиеся получают возможность обучаться в любом удобном месте и в удобное время. Это особенно важно для людей с ограниченными возможностями и для тех, кто живет в удаленных районах, где доступ к качественному образованию ограничен.

Кроме того, использование искусственного интеллекта способствует увеличению эффективности обучения. Автоматизация рутинных задач, таких как проверка тестов или домашних заданий, позволяет преподавателям сконцентрироваться на более важных аспектах образовательного процесса, таких как разработка учебных программ или индивидуальная работа с учениками. Благодаря этому обучение становится более результативным и эффективным.

Использование искусственного интеллекта в образовании не только способствует повышению доступности обучения, но также обеспечивает персонализацию обучения и увеличивает эффективность образовательного процесса. Эти преимущества сделают обучение более интересным, доступным и результативным для всех его участников.

Искусственный интеллект уже давно стал неотъемлемой частью современного образования, принесшей с собой немало преимуществ и возможностей для улучшения обучения. Примеры использования

искусственного интеллекта в образовании многочисленны и разнообразны.

Одним из основных способов применения искусственного интеллекта в образовании являются адаптивные образовательные платформы. Эти платформы могут анализировать данные обучающихся и предлагать им персонализированные учебные материалы и задания в зависимости от их потребностей и уровня знаний.

Искусственный интеллект также может помочь в оптимизации расписания уроков, учитывая предпочтения учащихся и их эффективность в разных временных интервалах. Это позволяет создать более эффективные и продуктивные учебные графики.

Другим примером использования искусственного интеллекта в образовании является оценка и анализ успеваемости студентов. Автоматизированные системы могут быстро и точно оценивать работы студентов, предоставляя им обратную связь и рекомендации для улучшения.

Чат-боты также стали популярным инструментом в образовании, предлагая студентам онлайн-поддержку и помощь в решении проблем и вопросов, связанных с учебным материалом.

Автоматизированные системы проверки заданий – еще один пример использования искусственного интеллекта в образовании. Такие системы могут анализировать ответы учащихся, выявлять ошибки и предлагать рекомендации для улучшения результатов. Это помогает сэкономить время преподавателя и обеспечить более объективную оценку работы студентов.

Одним из основных вызовов является недостаток данных для обучения алгоритмов. Для успешной работы искусственного интеллекта необходимо большое количество данных, что в образовании может быть проблематично из-за сложности сбора и обработки информации.

Другой важный аспект – необходимость подготовки учителей и педагогов к работе с искусственным интеллектом. Без должного обучения и поддержки специалисты в сфере образования могут столкнуться с трудностями в использовании новых технологий.

Конфиденциальность и защита данных также становятся значительными проблемами при использовании искусственного

интеллекта в образовании. Важно обеспечить надежную защиту личной информации учащихся и преподавателей от утечек и несанкционированного доступа.

Еще одним вызовом является возможность отказа от преподавательской роли в образовательном процессе. С развитием искусственного интеллекта возникает опасность замены учителей автоматизированными системами, что может сказаться на качестве обучения и воспитания.

Наконец, использование искусственного интеллекта может привести к недостатку физического взаимодействия с учителями и сверстниками, что важно для развития социальных навыков и коммуникации.

В целом искусственный интеллект открывает широкие перспективы для улучшения образования, однако для его успешной интеграции необходимо решить ряд сложных проблем и вызовов.

Использование искусственного интеллекта в сфере образования имеет огромный потенциал для улучшения качества обучения и обеспечения доступности образовательных ресурсов. Технологии искусственного интеллекта могут помочь персонализировать образовательный процесс, адаптируя материалы и задания к индивидуальным потребностям учащихся. Они также могут значительно улучшить процессы администрирования и управления образовательными учреждениями. Однако внедрение искусственного интеллекта в образование также предполагает серьезные вызовы, включая вопросы конфиденциальности данных, этичности и социальной справедливости. Поэтому внедрение подобных технологий должно проводиться с учетом всех аспектов и обязательно с участием специалистов из области образования, психологии и информационных технологий. В целом использование искусственного интеллекта в образовании может привести к значительным улучшениям в учебном процессе и повышению качества обучения.

Литература

1. *Дубровина И.В., Данилова Е.Е., Прихожан А.М.* Психология. – М.: Академия, 2012. – 464 с.

3. *Кравченко А.И.* Психология и педагогика. – М.: Инфра-М, 2010. – 400 с.
4. *Немов Р.С., Алтунина И.Р.* Социальная психология. – СПб.: Питер, 2010. – 432 с.

Страхи начинающих водителей с различным уровнем личностной тревожности

Макарова И.В., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Irina.kryon@gmail.com

Приходится констатировать, что статистика дорожно-транспортных происшествий на дорогах РФ не обнаруживает выраженных позитивных тенденций в пользу снижения аварийности. В этой связи представляется логичным обращение к изучению роли человеческого фактора на дороге как одной из возможных причин количества ДТП. Так, к числу внутренних детерминант, обуславливающих сохранения отмеченной тенденции, на наш взгляд, следует отнести такую индивидуально-психологическую переменную, как уровень тревожности водителей (и, как ее следствие, наличие страха вождения).

Таким образом, становится актуальной целью эмпирического исследования, которую можно сформулировать как анализ страхов у начинающих водителей с разным уровнем тревожности. В связи с этой целью могут быть представлены, как минимум, два предположения (гипотезы исследования). Гипотеза 1: существует взаимосвязь между личным уровнем тревожности и интенсивностью страха у начинающих водителей. Гипотеза 2: существуют различия в видах страхов у водителей с разным уровнем тревожности (у людей с повышенным уровнем тревожности большое количество факторов вызывают страх, у людей с низкой тревожностью – только сильные события, например, ДТП, наезд на пешехода, высокая скорость движения).

В исследовании принимали участие 60 человек: мужчины и женщины в возрасте от 18 до 60 лет, имеющие и не имеющие водительского удостоверения, желающие пройти обучение в

автошколе и получить водительское удостоверение.

В программу эмпирического исследования были включены следующие методики: «Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности» Ч.Д. Спилбергера (в адаптации Ю.Л. Ханина) [5]; «Метод незаконченных предложений» (Д.М. Сакс и С. Леви) [2]; «Метод семантического дифференциала» (Ч. Осгуд) [4]. Также в каждой группе водителей (с различным уровнем тревожности) использовался «Метод свободных ассоциаций» (З. Фрейд) [3].

В ходе анализа данных было обнаружено, что в группе начинающих водителей, принимавших участие в исследовании, преобладают лица с высоким (40%) и низким (40%) уровнем тревожности. Средний уровень тревожности присущ 20% начинающих водителей.

На основе «Метода незаконченных предложений» (Д.М. Сакс и С. Леви) были получены данные о том, что в группе начинающих водителей преобладают лица с высоким (40%) уровнем интенсивности страха. Средний уровень интенсивности страха присущ 36,67% начинающих водителей, низкий – 23,33% водителей данной группы.

Для выявления взаимосвязи между показателями уровня тревожности и интенсивностью страха был использован метод расчета коэффициентов корреляции Спирмена [1]. По результатам применения метода математической статистики была выявлена прямая взаимосвязь между уровнем тревожности и интенсивностью страхов у начинающих водителей ($r = 0,869$ при $p < 0,01$ по «Методу незаконченных предложений» и $r = 0,878$ при $p < 0,01$ по «Методу семантического дифференциала»). Так, чем более высокий уровень тревожности у начинающих водителей, тем выше уровень интенсивности страхов. И, наоборот, чем более низкий уровень тревожности у начинающих водителей, тем ниже уровень интенсивности страхов.

Таким образом, подтверждается выдвинутая гипотеза о том, что существует взаимосвязь между личным уровнем тревожности и интенсивностью страха у начинающих водителей (есть прямая взаимосвязь).

Далее в каждой группе по уровню тревожности определялись типы страхов начинающих водителей путем применения «Метода свободных ассоциаций».

Было обнаружено, что чаще всего начинающие водители испытывают такие страхи, как боязнь задавить кого-то во время движения (80%), боязнь ездить на большой скорости (65%), боязнь попасть в ДТП (61,67%), боязнь сделать что-то не так, не справиться с ситуацией на дороге (36,67%). Также было выявлено, что среди начинающих водителей с низким уровнем тревожности преобладают лица со страхами, которые связаны с сильными стрессовыми событиями (ДТП, наезд на пешехода, высокая скорость езды) – 18 человек; среди начинающих водителей с высоким уровнем тревожности преобладают лица со страхами, связанными как с сильными стрессовыми событиями (ДТП, наезд на пешехода, высокая скорость езды) – 11 человек, так и с несильными стрессовыми событиями (объезд «большегруза», плотный поток, темное время суток и т.д.) – 13 человек, то есть примерно в равной степени.

Таким образом, было подтверждено предположение о том, что существуют различия в видах страхов у водителей с разным уровнем тревожности (у людей с повышенным уровнем тревожности множество факторов вызывают страх, у людей с низкой тревожностью только сильные события – например ДТП, наезд на пешехода).

Литература

1. Кричевец А.Н., Корнеев А.А., Рассказова Е.И. Основы статистики для психологов. М.: Акрополь, 2019. – 286 с.
2. Метод незаконченных предложений Д. М. Сакса и С. Леви. URL: <https://psycabi.net/testy/329-test-saksa-levi-metodika-nezakonchennye-predlozheniya-metod-ssct> (дата обращения 10.02.2024).
3. Метод свободных ассоциаций З. Фрейда URL: <https://lifemotivation.online/razvitie-lichnosti/samorazvitie/metod-svobodnyh-assotsiatsij> (дата обращения 10.02.2024).
4. Метод семантического дифференциала Ч. Осгуда. URL: <http://ww25.psihologia.site/termin/metod-semanticheskogo-differenciala-osguda.html?subid1=20240212-1844-37dd-acee-6515cbfe95b2> (дата обращения 10.02.2024).
5. Шкала оценки уровня реактивной и личностной тревожности. Автор Ч.Д. Спилбергер (в адаптации Ю.Л. Ханина). URL: <https://www.nekrasovspb.ru/doc/18spilberg.pdf> (дата обращения 10.02.2024).

Специфика копинг-стратегий у алко- и наркозависимых участников программы «12 шагов», находящихся в устойчивой ремиссии и подверженных рецидиву

Максимова А.И., Васильева И.В.

*ТюмГУ, Школа образования, Тюмень, Россия
raiylchka@mail.ru, i.v.vasileva@utmn.ru*

Актуальность темы исследования обусловлена разрушением личности при болезненном пристрастии к алкоголю и наркотикам. Человек выпадает из организованного общества, теряет семью, работу и социальное положение. Человек деградирует сам и затягивает близких и окружающих, подрывает общественные устои и общество в целом.

Вопрос этот актуален не только в России, но и в зарубежных странах, и касается он всего населения Земли. Зависимость от психоактивных веществ ведет к снижению и полной потере работоспособности, может являться причиной смертности граждан, невозможности воспитать детей как подрастающую трудовую смену, способствовать появлению хронических заболеваний от употребления психоактивных веществ, участию в ДТП, вандализме, кражах и разбоях [1, с. 263]. Государство и некоммерческие организации заинтересованы в восстановлении людей, зависимых от психоактивных веществ. Поэтому важно понимать разные аспекты возникновения рецидивов и обеспечения устойчивой ремиссии.

Существует множество способов и программ для вывода человека из зависимости. Для исследования были взяты участники программы «12 шагов». Когда зависимые люди прекращают употреблять, у них появляются сложности, связанные с тем, что самое важное их состояние в жизни ушло. Теперь им необходимо изменить свое привычное поведение, круг общения, самореализоваться, изменить стереотип своей жизни. Эти люди хотят оставаться в ремиссии и не употреблять психоактивные вещества, но не всегда адекватно могут оценить свое состояние, поэтому пропускают симптомы, предшествующие срыву, и как следствие не обращаются за помощью.

В исследовании участвовали 46 человек (21 – ремиссия у алкозависимых до 2 лет, у наркозависимых до 3 лет, 25 – устойчивая

ремиссия, где ремиссия для алкозависимых более 2 лет, для наркозависимых более 3 лет), мужчины и женщины, возрастом 24-55 лет.

Данные были собраны с помощью нарративного интервью. Из текстов интервью были выделены копинг-стратегии, которые позволяют алко- и наркозависимым участникам программы «12 шагов» не употреблять психоактивные вещества. Вслед за этим копинг-стратегии были сгруппированы по схожести деятельности или направлению деятельности и рассчитаны ранги встречаемости, что позволило сформировать 5 групп копингов в каждой группе участников:

- 1) участники, склонные к рецидиву – социальная поддержка, работа по программе, мистическое мышление, саморефлексия, планирование решения проблемы;
- 2) участники, находящиеся в устойчивой ремиссии – саморефлексия, мистическое мышление, работа по программе, социальная поддержка, планирование решения проблемы.

Полученные группы разнородны по своему содержанию. Набор групп копингов одинаковый у алко- и наркозависимых участников программы «12 шагов», находящихся на разных стадиях ремиссии, но значимость в жизни людей разная.

Копинг «социальная поддержка» находится у людей, склонных к рецидиву на первом месте, а в устойчивой ремиссии – на четвертом месте. Можно предположить, что на начальных этапах участникам программы «12 шагов» больше нужна социальная поддержка: «контейнирование» своих эмоций, присоединение к сообществу людей с подобными трудностями, налаживание общения с родными и близкими, обучение новому.

Копинг «работа по программе» стоит на втором месте у людей, склонных к рецидиву, так как программа «12 шагов» – это обучение действиям, которые позволяют переключить внимание с «тяги» к психоактивным веществам, заручившись поддержкой других участников. У людей в устойчивой ремиссии – на третьем месте, что свидетельствует о том, что борьба со своим желанием употребить психоактивные вещества продолжается вне зависимости от стадии ремиссии.

Копинг «мистическое мышление» расположено у людей, склонных к рецидиву на третьем месте, а в устойчивой ремиссии – на втором месте. Копинг «мистическое мышление» как вера в «Высшую силу», которая любит и помогает, у людей, склонных к рецидиву, только начинает развиваться в соответствии с содержанием программы «12 шагов». Участники программы в устойчивой ремиссии копинг «мистическое мышление» используют как опору в трудных ситуациях, моральные принципы и объяснение поведения других людей.

У людей, склонных к рецидиву, копинг «саморефлексия» указывает на ряд трудностей, которые возникают на данном этапе ремиссии: признание ошибок, признание своих эмоций и мыслей, самонаблюдение. Все это необходимо, чтобы участники изменили свое поведение, мысли и эмоции. Так как идея программы заключается в том, что «старые» эмоции, мысли и поведение вызвали зависимость от психоактивных веществ, а задача участников действовать по-новому. Копинг «саморефлексия» у людей, находящихся в устойчивой ремиссии, стоит на первом месте, вероятно, из-за того, что они обучились данному умению, и это позволяет им регулировать свое поведение, мысли и эмоции, продлевая ремиссию.

Копинг «планирование решения» стоит на последнем месте и имеет контекст, связанный со структурированием своего дня, обретением работы, принятием ответственности за свою жизнь. При этом данная группа одинаково важна как для людей, находящихся в устойчивой ремиссии так и склонных к рецидиву. Можно предположить, что группа алко- и наркозависимых людей оценили эффект по улучшению качества своей жизни. Они как бы взяли под контроль свою жизнь и нацелены на получение конкретного результата – удержание ремиссии, поддержание здорового образа жизни.

Таким образом, становится понятно, что люди, находящиеся в недавней ремиссии, обучаются саморефлексии, вырабатывают новые копинг-стратегии для прохождения жизненных трудностей и замещения своей зависимости от психоактивных веществ. Участники программы, находящиеся в устойчивой ремиссии, уверенно

применяют свои копинг-стратегии в жизни и не употребляют алкоголь и наркотики.

По всей видимости, для людей, находящихся в ремиссии в течение длительного срока (для алкозависимых – более 2 лет, наркозависимых – более 3 лет), работа по программе становится частью жизни, которая помогает им не употреблять психоактивные вещества; тогда как на ранних сроках ремиссии участники программы «12 шагов» находятся на стадии обучения.

Литература

1. *Федякин К.П., Галактионов С.А.* Уголовно-процессуальное доказывание и обусловленность преступлений, совершенных в состоянии наркотического или алкогольного // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. №. 3 (96). С. 263-269.

Особенности организации образовательного процесса в психолого-педагогическом классе

Мангасаров А.В.

*ИРПО ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
mangasarovav@mgpu.ru*

Говоря об особенностях организации образовательного процесса и профильного обучения, важно учитывать не только условия и возможности среды, в которой строится образовательная программа, но и социально-психологические особенности возраста обучающихся, функционирования классного коллектива как группы, а также систему профориентационной работы. Несмотря на то, что подходы к ведению работы, связанной с профессиональным самоопределением школьников, проработаны, и их эффективность подтверждена в исследованиях (Е.А. Климов, Е.Ю. Пряжникова, Н.С. Пряжников), слова Л.И. Божович по-прежнему актуальны и ставят перед нами задачи, связанные с поиском оптимальных способов организации не столько профориентационной работы, сколько всего образовательного

процесса: «...выбор будущей профессии, будущей деятельности для молодого человека – это во многом вопрос о смысле жизни, о жизненной перспективе. Это проблема скорее мировоззренческая, чем профориентационная, и все попытки профориентации будут во многом бесплодны, пока молодой человек не разберется в себе, пока не осознает свои потребности, способности, интересы, склонности, направленности, устремления, ценности» [1, с. 176].

В настоящее время особую актуальность приобретают исследования и проекты, позволяющие, с одной стороны, спрогнозировать дальнейшее развитие профессиональной сферы, которую выбирает подросток, а с другой – определить и сформировать востребованные профессиональные и надпрофессиональные навыки и умения, которые пригодятся в профессиональной деятельности и сделают выпускника конкурентоспособным на рынке труда [2; 3; 4].

Организация не просто профильного, а предпрофессионального обучения, позволяет ученикам 10–11-х классов выбрать будущую профессию, выстроить свою жизненную перспективу и приобрести уже в школе первые профессиональные навыки. Предпрофессиональное образование объединяет в рамках образовательной программы взаимодействие школы, высших учебных заведений, высокотехнологичных и успешных предприятий – лидеров профессиональной области. Одним из таких проектов является «Психолого-педагогический класс в московской школе».

В рамках обучения в психолого-педагогическом классе у учеников формируются представления об особенностях профессиональной деятельности педагога-дефектолога, учителя-логопеда, педагога-психолога, а также учителя и воспитателя, что позволяет сделать осознанный выбор профессии в области образования. Уже в школе формируются востребованные в сфере профессий «человек – человек» навыки и компетенции, такие как эффективная коммуникация, эмпатия, базовые организационные способности – управление коллективом, распределение ролей, понимание алгоритма действий в конфликтной ситуации, навыки самопрезентации, критическое мышление, эмоциональный интеллект и др. Участие в проекте позволяет старшеклассникам познакомиться с образовательной экосистемой столицы, работой Городского психолого-педагогического

центра, Ресурсных школ, Центра современной методики дошкольного и начального общего образования, что дает ученикам возможность не только больше узнать о работе профильных специалистов, но и овладеть навыками взаимодействия с современным оборудованием, трансформируемой образовательной средой, приобрести начальный опыт организации внеурочной деятельности, навык планирования и реализации проектной и исследовательской деятельности.

Образовательная программа в рамках проекта учитывает также и необходимость приобретения учениками 10–11-х классов профильных знаний для обеспечения осознанного выбора ими профессиональной траектории и успешного обучения в вузе. В психолого-педагогическом классе предусмотрено изучение общей физиологии, основ современной нейронауки; в курсе математики теория вероятностей и статистика изучаются на примере психологических и психолого-педагогических исследований. Организации, участвующие в реализации проекта, проводят для старшеклассников тренинги, мастер-классы, знакомят их с инфраструктурой службы психолого-педагогического сопровождения, организуют предпрофессиональную практику.

Одним из факторов, обеспечивающих осознание учащимися своих способностей и интересов, становится знакомство с профессиограммой – перечнем психологических характеристик, норм и требований, предъявляемых профессией будущему работнику. Однако важно отметить, что приобретаемые в ходе обучения гибкие навыки будут необходимы для любой профессии гуманитарного направления или профессии группы «человек – человек».

Данная форма организации образовательного процесса направлена не только на осознанный выбор вуза, но и на формирование у учащихся адекватной системы социальных ожиданий и представлений о требованиях, которые существуют в выбранной профессии и определяют должный характер исполнения профессиональной роли.

Обучение в коллективе единомышленников, возможность общаться с действующими специалистами в выбранной области и посещать мероприятия, проводимые лидерами профессиональной сферы на площадках вузов, существенно влияют на качество коммуникации внутри классного коллектива, повышают

образовательные результаты обучающихся, обогащают образовательную среду и позволяют формировать профессиональное сообщество будущего.

Литература

1. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности. Москва – Воронеж, 1997.
2. *Кондратьев М.Ю.* Роль и профессиональные функции социального психолога-практика в общеобразовательной школе // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 3. С. 164–168.
3. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982.
4. *Пряжников Н.С.* Профессиональное самоопределение: теория и практика. – М.: «Академия», 2007.

Особенности выбора референтных лиц у студентов (на примере Российской Федерации и Королевства Швеции)

Марьин К.А., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Шипша А.А.

Стокгольмский Университет, Стокгольм, Швеция
k1516628@mail.ru, social2003@mail.ru, anna.shipsha04@gmail.com

В отечественной науке референтность определяется как «форма субъект-субъект-объектных отношений, выражающая зависимость субъекта от другого индивида и выступающая как избирательное отношение к нему в условиях задач ориентации в личностно-значимом объекте» [4, с.119]. Референтные отношения представляют собой целостную систему взаимосвязей между индивидом (оптантом) и референтами, которые оказывают существенное влияние на его поведение, формирование суждений об окружающем мире и представлений о себе. Наиболее изучена в социальной психологии проблема референтных групп, существенно меньше работ,

посвященных референтности личности. Референтными лицами для оптанта могут быть его члены семьи, друзья, ровесники, партнеры, коллеги, известные деятели, литературные и иные персонажи, другие субъекты, на которых человек равняется и которые оказывают значительное влияние на его мысли и действия.

Важным элементом подобного выбора служит социальная среда, в которой находится индивид. На выбор референтных лиц у студентов влияют психологические и социальные факторы, при этом большое значение имеют этнокультурные особенности социализации. Социально-экономические условия, культурные особенности и преобладающие общественные нормы в сообществе, в рамках которых находятся студенты, также могут повлиять на их предпочтения в вопросе определения круга референтных лиц.

Выбор референтных лиц и характер взаимодействия с ними согласуется с системой ценностей индивида [3]. Ценности влияют на формирование стремлений, установок, мотивацию поведения и отношение к социальной реальности. Ценностные ориентации способствуют выбору тех, на кого учащиеся равняются и кому стремятся подражать.

Кроме того, на ценности индивида напрямую воздействует культура, в рамках которой он проживает. Эта взаимосвязь многогранна и имеет значительные последствия для отдельных людей и общества в целом. Рассуждая в рамках культурно-исторического подхода Л.С. Выготского, можно предположить, что референтные лица часто воплощают культурные ценности и моделируют их, становясь образцами желаемого поведения в условиях данного общества, а также передавая культурно-исторический опыт в рамках зоны ближайшего развития оптанта [3].

С целью изучения особенностей выбора референтных лиц студентами разных стран было проведено эмпирическое исследование с участием 63 учащихся российских вузов и 50 – шведских вузов). Проверялась гипотеза о том, что особенности выбора референтных лиц у студентов связаны с их социально значимыми ценностными ориентациями и этнокультурной принадлежностью. Использовались: «Ценностный опросник» Ш. Шварца (Portrait Value Questionnaire, PVQ-40) [1] и процедура выявления круга референтных лиц О.Б. Крушельницкой [2].

С помощью корреляционного анализа данных (критерий Пирсона) выявлены следующие связи.

Чем выше ценность «конформности», тем более референтны для шведских студентов их родители ($r = 0,291$; $p = 0,040$). На российской выборке связей ценности «конформность» с выбором референтных лиц не обнаружено.

У российских студентов чем выше ценность «стимуляции» – стремления к переменам, тем больше референтны старшие родственники ($r = 0,286$; $p = 0,023$). На шведской выборке связей между ценностью «стимуляции» и выбором референтных лиц не выявлено.

Чем выше ценности «достижений» у шведских студентов, тем менее референтны для них знаменитости ($r = -0,287$; $p = 0,043$). На российской выборке связей между ценностью «достижений» и выбором референтных лиц не выявлено.

Чем меньше ценность «власти» (доминирования, высокого социального статуса) у российских студентов, тем более референтны для них друзья ($r = -0,293$; $p = 0,020$). На шведской выборке связей между «властью» и выбором референтных лиц не выявлено.

Ценность «безопасности» (стабильности общества и своих взаимоотношений в нем) у российских студентов положительно коррелирует с выбором родителей в качестве референтных лиц ($r = 0,378$, $p = 0,002$) и отрицательно – с выбором знаменитостей ($r = -0,261$; $p = 0,039$). На шведской выборке связей между ценностью «безопасности» и выбором референтных лиц не выявлено.

Таким образом, предпочитаемыми ценностями, которыми руководствуются при выборе референтных лиц (родителей и других старших родственников) российские студенты, являются «стимуляция» и «безопасность», а низкая значимость «власти» соответствует выбору референтов из числа друзей. Важность «конформности» для шведских студентов соответствует высокой референтности родителей, а снижение ценности «достижений» увеличивает вероятность соотнесения своей позиции с мнениями и оценками знаменитостей.

Полученные различия в стратегии выбора референтных лиц российскими и шведскими студентами, по-видимому, отражают культурные особенности. Для российских студентов родители и другие старшие члены семьи пользуются доверием и экспертным мнением в решении задач безопасности и освоения неизведанных

перспектив, а ориентация на мнение друзей возможна при добровольном отказе от собственного доминирования. Для шведских студентов осознание важности быть конформным приводит к повышению авторитета родителей, а невысокая ценность личных достижений может компенсироваться интересом, проявляемым к авторитетным знаменитостям.

С возрастом у студентов обеих выборок снижается ценность «достижений» – личных успехов, соответствующим социальными стандартами ($p \leq 0,05$). Кроме того, для российских студентов по мере взросления становятся менее значимыми ценности «стимуляции» ($r = -0,249$; $p = 0,049$) и «гедонизма» ($r = -0,333$; $p = 0,008$), а у шведских – «власти». Чем старше шведские студенты, тем более референтны для них учителя ($r = 0,292$; $p = 0,040$) и знаменитости ($r = 0,375$; $p = 0,007$), но менее значимы друзья ($r = -0,344$; $p = 0,014$). У российских студентов не выявлено связей между возрастом и спецификой выбора референтных лиц. Полученные данные, на наш взгляд, объясняются ростом личностной зрелости и приобретением жизненного опыта, а также повышением уровня образования по мере взросления студентов. Также можно отметить этнокультурную специфику выбора референтных лиц.

Литература

1. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
2. *Крушельницкая О.Б.* Процедура выявления круга референтных лиц. О.Б. Крушельницкая / Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А.А. Бодалева. М. 2011. С.483.
3. *Крушельницкая О.Б.* Феномен референтности с точки зрения культурноисторической теории Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 30-37.
4. *Щедрина Е.В.* Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. С. 111-127.

Влияние уверенности в себе на поведение в конфликте в подростковом возрасте

Матвеева С.В.

Балашовский институт (филиал)

ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Балашов, Россия

matveeva2468@yandex.ru

Проблема конфликтного поведения остается актуальной для подросткового возраста практически с момента его выделения в возрастной периодизации. Склонность к конфликтному поведению усиливается в подростковом возрасте и является одной из его особенностей. Современное общество стремится к развитию гармоничной личности, поэтому для вхождения в социум на дальнейших возрастных ступенях важно научиться решать конфликты.

В целом конфликтное поведение достаточно распространено в подростковом возрасте, это своеобразный способ самоутверждения, стремление реализовать свои потребности, получить признание среди сверстников и окружающих взрослых. Многие ученые уделяют внимание этой проблеме: Н.В. Гришина раскрывает понятие «социальный конфликт» [1]; А.Я. Анцупов занимается профилактикой конфликтов в школе [2]; Е.А. Осипова и Е.В. Чумаченко разработали социально-психологический тренинг, направленный на преодоление конфликтов [3], и др.

Была выдвинута гипотеза о том, что уверенность в себе оказывает влияние на поведение в конфликте. Исследование проводилось в МОУ СОШ Саратовской области с обучающимися 8-9-х классов.

Программу исследования составили методики:

- 1) Опросник К. Томаса «Стиль поведения в конфликте»;
- 2) «Тест уверенности в себе» В.Г. Ромека;
- 3) Тест «Уверенность в себе» С. Райдаса.

Для проверки гипотезы был использован метод ранговой корреляции Ч.Э. Спирмена. В итоге, были получены следующие результаты.

- Чем увереннее в себе подростки, тем чаще они прибегают к стратегии поведения в конфликте «сотрудничество» ($r_s =$

0,858 при $p \leq 0,01$). Возможно, это объясняется тем, что подростки, пользующиеся авторитетом у сверстников, чувствуют поддержку в конфликтных ситуациях, занимают позицию сотрудничества.

- Чем увереннее в себе подростки, тем реже они прибегают к стратегии поведения в конфликте «соперничество» ($r_s = -0,648$ при $p \leq 0,05$). Возможно, это объясняется тем, что, подростки, уверенные в себе, не желают соперничать.
- Чем увереннее в себе подростки, тем реже они прибегают к стратегии поведения в конфликте «компромисс» ($r_s = -0,454$ при $p \leq 0,01$). Возможно, это служит доказательством того, что подростки, уверенные в себе, не желают идти на компромисс, так как склонны не учитывать мнение другого.
- Чем увереннее в себе подростки, тем чаще они избегают конфликтов ($r_s = 0,611$ при $p \leq 0,01$). Может быть, это доказательство того, что подростки, уверенные в себе, не желают принимать участие в конфликте, избегая его.
- Чем более подростки проявляют социальную смелость, тем реже они прибегают к стратегии поведения в конфликте «соперничество» ($r_s = -0,503$ при $p \leq 0,05$). Возможно, это объясняется тем, что подростки, готовые к социальным контактам, реже добиваются удовлетворения своих интересов в ущерб другому.
- Чем более подростки проявляют социальную смелость, тем чаще они прибегают к стратегии поведения в конфликте «сотрудничество» ($r_s = 0,484$ при $p \leq 0,01$). Возможно, это служит доказательством того, что подростки, готовые к социальным контактам, склонны к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы сторон.
- Чем более подростки проявляют инициативу в социальных контактах, тем чаще они прибегают к стратегии поведения в конфликте «избегание» ($r_s = 0,48$, при $p \leq 0,01$). Возможно, это служит доказательством того, что подростки, проявляющие инициативность в социальных контактах, стараются избегать конфликтных ситуаций.
- Чем более подростки проявляют инициативу в социальных контактах, тем реже они прибегают к стратегии поведения в

конфликте «соперничество» ($r_s = -0,484$ при $p \leq 0,05$). Возможно, это объясняется тем, что подростки, проявляющие инициативность в социальных контактах, стараются не отстаивать свое мнение в конфликте в ущерб другому.

- Чем более подростки проявляют инициативу в социальных контактах, тем чаще они прибегают к стратегии поведения в конфликте «сотрудничество» ($r_s = 0,516$ при $p \leq 0,01$). Возможно, это объясняется тем, что подростки, проявляющие инициативность в социальных контактах, склонны к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон в ситуации конфликта.
- Чем выше степень уверенности подростков, тем реже они прибегают к стратегии поведения в конфликте «соперничество» ($r_s = -0,739$ при $p \leq 0,05$). Возможно, это доказательство того, что подростки с высокой степенью уверенности в себе реже добиваются удовлетворения своих интересов в ущерб другому.
- Чем выше степень уверенности подростков, тем более они прибегают к стратегии поведения в конфликте «сотрудничество» ($r_s = 0,723$ при $p \leq 0,05$). Возможно, это объясняется тем, что подростки с высокой степенью уверенности в себе чаще склонны полностью удовлетворять интересы обеих сторон в ситуации конфликта.
- Чем выше степень уверенности в себе, тем чаще они прибегают к стратегии поведения в конфликте «избегание» ($r_s = 0,631$ при $p \leq 0,01$). Возможно, это служит доказательством того, что уверенные в себе подростки склонны прибегать к стратегии поведения «избегание».
- Чем выше степень уверенности в себе, тем чаще они прибегают к стратегии поведения в конфликте «компромисс» ($r_s = -0,411$ при $p \leq 0,05$). Возможно, это объясняется тем, что подростки, уверенные в себе, не желают идти на компромисс, так как склонны не учитывать мнение другого.

Таким образом, анализируя полученные результаты, можно отметить, что между стратегиями поведения в конфликте и уверенностью в себе существуют достоверные взаимосвязи.

При этом уверенность в себе имеет прямую взаимосвязь с такими

стратегиями поведения в конфликте, как сотрудничество ($p \leq 0,01$), избегание ($p \leq 0,01$) и обратную взаимосвязь с такими стратегиями как соперничество ($p \leq 0,05$), компромисс ($p \leq 0,05$).

Очевидно, что лица, уверенные в себе, в большей степени склонны учитывать интересы другого – они пытаются найти альтернативный вариант поведения, либо уходят от решения проблемы.

Таким образом, уверенные в себе подростки используют конструктивные стратегии поведения в конфликте. Была разработана и апробирована программа коррекции поведения в конфликтной ситуации и повышения уверенности в себе.

Литература

1. *Гришина Н.В.* Психология социального конфликта. СПб., 2012.
2. *Анциупов А.Я.* Профилактика конфликтов в школьном коллективе. М., 2003.
3. *Осипова Е.А., Чуменко Е.В.* Конфликты и методы их преодоления: социально-психологический тренинг. М., 2007. (Библиотечка «Первого сентября», серия «Школьный психолог». Вып. 5 (17)).

Развитие навыков стрессоустойчивости у женщин г. Мариуполя

Маштакова С.В., Рынгач Е.В.

*ФГБОУ ВО МГУ имени А.И. Куинджи, Мариуполь, Россия
sv.mashtakova@yandex.ru, e.ryngach@mgumariupol.ru*

Устойчивость к стрессу является важной составляющей жизни в условиях постоянно меняющегося мира. Поэтому исследование стрессоустойчивости сегодня особенно актуально. В частности, в новых субъектах РФ, где наблюдаются факторы и отголоски событий 2022 года, способствующие стрессу.

Для исследования мы выбрали проведение опроса и анкетирования среди жителей г. Мариуполя, ДНР. Целью нашего исследования было выявление тенденций снижения стресса и повышения уровня

стрессоустойчивости, исходя из показателей теста на стрессоустойчивость, а также корреляционный поиск между наличием/отсутствием консультации психолога и результатами теста на стрессоустойчивость до и после психологической помощи.

Нами были опрошены 30 женщин в возрасте 25-45 лет до консультации психолога. Методами сбора данных стал «Тест на стрессоустойчивость» Ю.В. Щербатых [1], также применялась авторская анкета из 10 вопросов. Через три месяца после консультации с психологом мы повторно опросили и собрали информацию у той же аудитории через аналогичные инструменты.

В ходе исследования обнаружена следующая информация по средним показателям:

- базовая стрессоустойчивость до консультации составляла 98, а после – 71,33;
- итоговый показатель стрессоустойчивости до консультации – 113, а после - 35,67;
- влияние обстоятельств на стрессоустойчивость до консультации – 22, после – 15,67;
- усложнение – 24,33 до и 17,67 после консультации;
- психосоматика – 24,67 до консультации и 19,33 после;
- деструктивное преодоление стресса – 27 до консультации и 18,67 после;
- конструктивное преодоление стресса – 25 до консультации и 39 после.

По всем показателям наблюдается позитивная динамика. В ходе анализа данных мы заметили, что стрессоустойчивость у участниц опроса стала выше. А способы преодоления стресса чаще применяются конструктивные и реже – деструктивные. В частности:

- базовый показатель снизился на 27,21%;
- итоговый показатель уменьшился на 68,43%;
- влияние обстоятельств снизилось на 28,77%;
- усложнение снизилось на 27,37%;
- психосоматические проявления уменьшились на 21,65%;
- деструктивное преодоление снизилось на 30,85%;
- конструктивное преодоление выросло на 10,26%.

Таковы показатели теста стрессоустойчивости у участниц, которые получили от 1 до 5 консультаций психолога за три месяца, в

сравнении и аналогичными показателями первого сбора данных, который был проведен до консультации психолога (в среднем 30 женщин получили по 1,86 консультаций психолога).

Учитывая то, что физическая активность является важным конструктивным способом преодоления стресса, мы опросили 30 женщин в возрасте 25-45 лет, которые занимаются хатха-йогой 2-3 раза в неделю (не менее 100 минут в неделю). И еще 30 женщин в возрасте 25-45 лет, которые практикуют занятия фитнесом и посещают тренажерный зал 1-3 раза в неделю (более 60 минут в неделю). Кроме того, были опрошены женщины в возрасте 25-45 лет, которые не уделяли внимание регулярной физической активности или занимались реже 1 раза в неделю (менее 60 минут). Опрос проводился в два этапа: первый раз мы опросили женщин в октябре 2023 года, второй опрос был проведен через 3 месяца – в январе 2024 года. При этом все участницы, с их слов, ни разу не обращались за консультацией психолога в период с февраля 2022 по январь 2024 года.

Мы получили следующие данные у женщин, которые занимаются хатха-йогой, но еще не получили консультацию психолога. Их динамика за три месяца:

- базовый показатель снизился на 1,86%;
- итоговый – уменьшился на 10,29%;
- деструктивное преодоление снизилось на 3,73%;
- конструктивное – выросло на 8,53%.

Данная категория опрошенных отметила, что испытывают трудности при посещении занятий (после 2022 года в г. Мариуполе наблюдается дефицит спортивных коммерческих залов, где желающие могут на платной основе заниматься хатха-йогой). Предполагаем, что данный фактор может влиять на динамику группы, которая показала наименьший прогресс из всех опрошенных.

Нами были опрошены 30 женщин в возрасте 25-45 лет, которые занимались силовым фитнесом или посещали тренажерный зал, у них:

- базовый показатель снизился на 33,2%;
- итоговый – уменьшился на 47,6%;
- деструктивное преодоление снизилось на 27,1%;
- конструктивное – выросло на 6,19%.

Женщины данной категории отметили, что их спортзал расположен возле работы или дома, поэтому им удобно его посещать.

Также мы опросили 30 женщин в возрасте 25-45 лет, которые не занимаются физической активностью на регулярной основе и получили, в среднем, такие результаты:

- базовый показатель увеличился на 1,24%;
- итоговый – уменьшился на 18,15%;
- психосоматические проявления возросли на 13,25%;
- конструктивное – выросло на 6,1%.

Очевидно, что женщины, которые не практикуют физическую активность на регулярной основе и не обращались за консультацией к психологу в период с февраля 2022 по март 2024 года, показали минимальную позитивную динамику. И, в ряде показателей, есть отрицательные тенденции – рост базового показателя стрессоустойчивости, повышение психосоматических проявлений стресса (в среднем на 13,25%).

В ходе корреляционного анализа мы выявили прямую заметную связь 0,667 между данными испытуемых, которые получили консультацию психолога (до и после) в период после февраля 2022 года по январь 2024 года.

Считаем уместным проведение новых опросов и отслеживание динамики уровня стрессоустойчивости через 12 и 18 месяцев от первого сбора данных. Такой подход, возможно, позволит получить дополнительную информацию о тенденциях стрессоустойчивости в г. Мариуполе, жители которого прошли через стресс, находясь в жилых районах в период активных боевых действий и были их пассивными участниками. А важнейшим методом снижения уровня стресса и повышения стрессоустойчивости после сильного психического напряжения является получение консультации психолога.

Литература

1. *Щербатых Ю.В.* Психология стресса и методы коррекции. - Спб.: Питер, 2006.

Взаимосвязь выраженности стресса руководителей и предпочитаемых ими форм власти в организации

*Мельничук А.С. Городкова Э.А.
РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия
melnichook@rambler.ru*

Успешность работы любой организации зависит от согласованности действий ее сотрудников (часто имеющих весьма различные интересы и цели). Поэтому ключевым фактором существования организации становятся отношения власти и подчинения (А.Н. Занковский). Они проявляются через действия конкретных управленцев, использующих различные способы влияния на подчиненных. Выбор ими тех или иных оснований власти (поощрения, наказания, экспертного опыта, личного авторитета и формально заданных полномочий) нормативно не закреплен. Он может определяться как внешними по отношению к руководителю детерминантами (специфика деятельности организации, ее культура, особенности сотрудников и т.д.), так и его личностными особенностями (например, ценностными ориентациями или чертами личности). При этом следует учитывать, что управленческая деятельность по своей природе сопряжена с разнообразными стрессами. Их следствием становятся негативные изменения в физическом состоянии руководителей, ухудшение настроения, самоконтроля, способности адекватно воспринимать и оценивать информацию о ситуации и других людях и т.д. Отмеченные процессы способны влиять на характер межличностного взаимодействия, что дало основание Л.А. Китаеву-Смыку (2009) выделить в структуре стресса его социально-психологический субсиндром, проявляющийся в изменении привычных для человека способов общения.

Исходя из сказанного, мы полагаем, что в качестве фактора предпочтения форм власти могут выступать не только устойчивые личностные диспозиции, но также переживаемые руководителем психические состояния. Нами не было выявлено отечественных работ, в которых бы затрагивалась связь уровня стресса управленцев и выбора ими способов влияния на подчиненных. В зарубежных исследованиях данная проблема также не получила отражения, хотя

рассматривалось влияние использования руководителями тех или иных форм власти на стресс у сотрудников.

Отмеченная ситуация стала основой для замысла проведенного авторами статьи исследования. В нем приняли участие 89 руководителей различного уровня (32 мужчин и 57 женщин, медиана возраста – 40 лет). Для диагностики предпочтений в основаниях власти применялся опросник Л.Ю. Левкович, а для оценки уровня стресса – опросники «Шкала воспринимаемого стресса-10» и «Шкала психологического стресса PSM-25».

На всей выборке была выявлена всего одна значимая взаимосвязь – обратная корреляция между ориентацией на использование власти санкций и субшкалой «Противодействие стрессу» методики «Шкала воспринимаемого стресса» ($r = -0,247$; $p = 0,019$). Это дает основание предположить, что способность противостоять стресс-факторам позволяет человеку сохранять относительно положительный настрой и в силу этого удерживаться от «срыва» на подчиненных (следствием которого становятся наказания, часто неоправданные). Представляется верным и обратное: высокий уровень стресса повышает вероятность выбора наказаний как способа воздействия на сотрудников. В пользу этого говорит сравнение предпочтений форм власти в подгруппах, выделенных на основе медианы уровня стресса. При использовании обеих методик в подгруппах с более выраженным стрессом ориентация на власть санкций оказалась значимо выше.

Более полно понять указанные тенденции позволяют данные о связи предпочтения форм власти с отдельными факторами и симптомами стресса. Так, предпочтение власти наказания оказалось обратно связанным с такими показателями «Шкалы воспринимаемого стресса», как частота ощущения контроля над своей профессиональной ситуацией ($r = -0,314$; $p = 0,003$) и того, что события в профессиональной сфере соответствуют желаемому ($r = -0,235$; $p = 0,027$). Вероятно, при неудачном ходе дел и невозможности это изменить, средством субъективного снижения напряжения становится обвинение подчиненных в происходящем с требованием изменить ситуацию под угрозой взысканий.

Одновременно ориентация на власть санкций прямо коррелировала со многими симптомами стресса по методике PSM-25: напряженностью ($r = 0,245$; $p = 0,021$), головокружением ($r = 0,228$; p

= 0,032), тревожностью ($r = 0,251$; $p = 0,017$), нарушением регуляции эмоций и действий ($r = 0,227$; $p = 0,033$). Мы полагаем, что ухудшение физического и психического самочувствия провоцирует стремление снизить напряжение или же поскорее решить проблемы во взаимодействии с сотрудниками, а субъективно подходящим для этого средством воздействия оказывается именно наказание или его угроза.

Полученные результаты хорошо согласуются с представленными в работах В.Е. Орла данными о прямой связи эмоционального выгорания (как близкого стрессу феномена) с уровнем авторитарности руководителей при принятии решений и атрибуцией подчиненным негативных качеств. Авторитарность может реализовываться на основе страха подчиненных перед санкциями, а восприятие сотрудников как априорно «плохих и виноватых» повышает вероятность использования именно наказаний (одновременно делая субъективно неоправданным применение поощрений).

Таким образом, исследование подтвердило предположение о связи уровня стресса с предпочтением форм организационной власти, но только в отношении одной из них. Недостаточность ресурсов для противодействия негативным профессиональным факторам способна провоцировать руководителя на более частое использование такого основания власти, как санкции. В условиях развивающегося стресса наказание подчиненного может субъективно рассматриваться как наиболее эффективное средство воздействия и решения организационных задач, а также как способ снизить напряжение.

Психологические трудности преподавателя при обучении заключенных в исправительной колонии

Мещерская-Робустова Е.В., Галич А.В.

*Покровский филиал ФГБОУ ВО МПГУ, Покров, Россия
galich_2001@bk.ru, robusta22@list.ru*

Педагогическая деятельность в учреждениях пенитенциарной системы является одной из самых сложных и ответственных сфер образования. Для лиц, находящихся в местах лишения свободы, возможность получения образования в период тюремного заключения

играет все более важную роль в процессе их реабилитации для предотвращения рецидива и обеспечения успешной реинтеграции в общество. Поэтому изучение психологических трудностей, с которыми сталкиваются преподаватели в процессе обучения заключенных, имеет большое научно-практическое значение и позволяет разработать наиболее эффективные методики работы с ними [1; 3; 4].

Обучение в условиях пенитенциарной системы – это непростой процесс как для учащихся, так и для педагогов. Тюремная среда является стрессогенной и высоко напряженной. Наши психологические исследования в Федеральном казенном учреждении «Исправительная колония № 2 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Владимирской области» выявили следующие особенности преподавания в данной среде.

1) *Низкая мотивация к обучению у заключенных.* Многие из них могут не видеть смысла в получении образования, поскольку они находятся в тюрьме и не верят в свои возможности вне стен исправительного учреждения. Педагогам необходимо постоянно мотивировать обучающихся и помогать им найти цель и смысл не только в получении образования, но и в дальнейшей жизни вообще.

2) *Трудности с концентрацией внимания, повышенная раздражительность и агрессивное поведение обучающихся.* К этому приводят психологические проблемы заключенных, связанные с пребыванием в местах лишения свободы и характеризующиеся постоянным состоянием дистресса, что ведет к повышенной тревожности, трудностям с концентрацией внимания, агрессивному поведению на уроке, которое проявляется в форме неповиновения, оскорбительных действий, отказе от выполнения учебных заданий и т.п.

3) *Ограниченные ресурсы и возможности для обучения.* В тюремных условиях затруднен доступ к учебным материалам, необходимым для эффективного обучения, интернет-ресурсам и др.

Помимо этого, некоторые заключенные в период обучения сталкиваются с негативными реакциями в отношении их желания посещать учебные занятия со стороны других заключенных, что приводит к конфликтам и затрудняет образовательную деятельность.

Преподаватели, в свою очередь, могут испытывать сложности при взаимодействии с заключенными из-за стереотипов и предвзятости со

стороны последних к учителям как представителям «официальных инстанций», что также значительно затрудняет эффективную коммуникацию на занятиях. Педагоги признают, что испытывают постоянное напряжение от того, что имеют дело не просто с обучающимися, а с представителями криминального мира, со стороны которых нельзя исключать возможность агрессивного поведения, и поэтому нужно всегда быть готовым к нему. Кроме того, учителям приходится учитывать особенности взаимоотношений заключенных, «расстановку сил» в их среде. Все это может осложнить процесс обучения и существенно сказаться на результатах преподавательской деятельности, привести к профессиональному выгоранию.

Для того чтобы успешно преодолевать эти трудности, преподавателю следует придерживаться определенных стратегий и принципов:

1) *Поддержка и эмпатия.* Педагогу важно продемонстрировать уважение к заключенным, выразить понимание их жизненных обстоятельств и трудностей. Это позволит выстроить доверительные отношения и создать благоприятную атмосферу для продуктивного обучения. Кроме того, необходимо заручиться поддержкой со стороны администрации пенитенциарного учреждения и коллег по педагогическому цеху. Преподавателю нужно уметь выстраивать служебные отношения таким образом, чтобы находить понимание и поддержку в своей профессиональной среде. При этом в отношении тюремной среды заключенных следует избегать дихотомии по принципу «мы и они» [2].

2) *Индивидуальный подход.* Преподаватель должен разрабатывать индивидуальные образовательные маршруты, принимая во внимание потребности, уровень образования и способности каждого из обучающихся.

3) *Позитивный настрой и моральное поощрение.* Преподавателю следует акцентировать внимание на положительных аспектах поведения и успехах заключенных, поощрять их усилия и достижения. Это поможет повысить их мотивацию к обучению и самооценку.

4) *Саморазвитие.* Преподавателю необходимо совершенствовать свои знания и навыки, психологическую устойчивость и жизнестойкость, чтобы адекватно справляться с профессиональными задачами, не прийти к эмоциональному истощению.

5) *Взаимодействие со специалистами в области психологии тюремной среды.* Это поможет осмыслить и преодолеть

психологические трудности, с которыми педагог сталкивается в процессе работы.

Таким образом, при организации образовательной деятельности в учреждении пенитенциарной системы преподаватель должен быть открыт к диалогу, уметь слушать и понимать потребности и проблемы заключенных, а также свои собственные задачи при взаимодействии с ними, с тем, чтобы основополагающим результатом этого взаимодействия явилось развитие позитивных черт личности, благодаря чему по возвращении из мест лишения свободы каждый из обучающихся смог бы найти свое достойное место в обществе.

Литература

1. *Зауторова Э.В.* Роль обучения в формировании личности осужденного // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 40-1. С. 49-51.
2. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* К вопросу о психологической границе в контексте социально-психологического феномена закрытости // Мир психологии. 2009. № 1(57). С. 158-165.
3. *Ломакина А.Н., Васильева И.А.* Педагогическое значение обучения в процессе исправления осужденных // Социальные отношения. 2020. № 2(33). С. 20-26.
4. *Таланов С.Л.* Общеобразовательное и профессиональное обучение как основное условие ресоциализации осужденных в пенитенциарных учреждениях. Ярославль, 2020.

К вопросу о прокрастинации у сотрудников организации

Минеев Г.А., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Mineev.gleb@bk.ru

Несмотря на высокую практическую значимость, научный интерес и весь накопленный эмпирический материал, проблема прокрастинации остается недостаточно раскрытой. До сих пор не сложилось единой точки зрения на психологическое содержание этого феномена, не удалось четко очертить границы прокрастинации

относительно других, внешне схожих, но все же отличающихся по своей природе явлений (неразвитость организационных навыков, лень, «бунт» против правил, установленных организацией, и т.д.). Это, в свою очередь, дополнительно усложняет изучение прокрастинации, поскольку в рамках данного понятия происходит смешение разных по своей сути психологических феноменов [3].

Также стоит отметить, что большая часть научных работ по проблеме посвящена исследованию академической прокрастинации и, соответственно, проводятся они на выборке школьников и студентов, в то время как изучению прокрастинации в трудовой деятельности уделяется меньше внимания. И хоть исследование академической прокрастинации может дать нам представление об общих закономерностях и механизмах феномена, однако, на наш взгляд, кажется очевидным, что трудовая деятельность имеет свою специфику, поэтому проблема прокрастинации в трудовой деятельности нуждается в специальном рассмотрении [1].

Под прокрастинацией в психологии обычно понимается склонность систематически откладывать выполнение своей деятельности на потом, при этом субъект осознает важность поставленных целей и задач, но его активность направлена на другие малозначимые дела. На основе обобщения имеющихся в психологии работ по проблеме прокрастинации, многие исследователи сходятся на выделении следующих особенностей проявления прокрастинации.

- Сроки. Феномен откладывания дел на потом возникает в ситуациях, когда работа, которую необходимо выполнить, привязана к какому-либо сроку, имеет временные ограничения. При этом отмечается, что чем больше временной промежуток между получением задания и его сдачей, тем больше вероятность проявления прокрастинации.
- Добровольность. Откладывание дел на потом является добровольным и происходит систематически, при этом у человека сохраняется способность к активному реагированию на ситуацию. Этот параметр отражает поведенческий компонент прокрастинации.
- Осознанность. Человек, откладывающий дела на потом, понимает, какие задачи стоят перед ним и какими способами их можно решить, а также осознает, к каким последствиям может привести такое его поведение.

- Иррациональность. Вытекает из предыдущего пункта – человек осознает, что откладывание своих дел может привести к негативным последствиям.
- Разрыв между намерением и действием. Данный пункт предполагает, что человек, склонный к прокрастинации, даже при наличии высокой мотивации не может приступить к выполнению необходимых действий.
- Негативные эмоциональные переживания. Прокрастинатор, постоянно прокручивая мысли о том, что до сих пор не приступил к выполнению поставленных задач, что время, отведенное на их выполнение, заканчивается, начинает испытывать чувство внутреннего дискомфорта. В опоре на эти критерии становится возможным провести черту между прокрастинацией и другими психическими явлениями (лень, выученная беспомощность и пр.), которые имеют внешнее сходство, но разное содержание. Например, качественное отличие лени от прокрастинации заключается в том, что лень не сопровождается негативными переживаниями [2].

Большое количество психологических исследований посвящено поиску коррелятов прокрастинации и проведению на этой основе факторных анализов с целью обобщения и выделения таких категорий, которые могли бы описать и объяснить особенности проявления этого феномена.

В наиболее общем виде можно выделить следующие две основные группы факторов, которые влияют на уровень ее выраженности.

- Внешние (средовые) факторы. Здесь обычно выделяется две характеристики – соотношение во времени момента вознаграждения или наказания и результатов деятельности; степень принятия или неприятия выполняемых задач.
- Внутренние факторы. К ним относятся личностные, когнитивные и мотивационные особенности человека.

В рамках исследования факторов прокрастинации сложилась неоднозначная ситуация. Если в случае внешних факторов у авторов сложился консенсус, то в случае внутренних факторов эмпирические данные имеют противоречивый характер. Например, тревожность в одних исследованиях имеет прямую взаимосвязь с прокрастинацией, а в других – обратную [4].

Таким образом, прокрастинация – это сложный психологический феномен, который проявляется в различных жизненных сферах. В

рамках данной проблемы наблюдается дисбаланс между количеством эмпирических исследований, посвященных поиску коррелятов, предикторов и различий в проявлении, и исследованиями, которые бы занимались теоретическим осмыслением всех обнаруженных фактов. В связи с этим и возникает ситуация, при которой прокрастинация трактуется по-разному в зависимости от автора и от используемого им подхода. В этой ситуации исследователи сталкиваются с трудностями в интерпретации эмпирических данных, которые вдобавок часто носят противоречивый характер. Получается так, что мы подгоняем теоретические обоснования под полученные факты, а не разрабатываем теоретическую модель прокрастинации, которую впоследствии эмпирически проверяем и дорабатываем, дополняем или отвергаем. Такой инвертированный подход к исследованию становится причиной противоречивых данных, так как изучение взаимосвязей, различий и предикторов сужает рассматриваемую проблему, фокусируясь на деталях, отдельных аспектах феномена, вырывая их из общего контекста прокрастинации, а прокрастинация вырывается из общего контекста психической жизни человека.

Литература

1. *Барабанищикова В.В., Иванова С.А.* Влияние организационно-личностных факторов на уровень выраженности прокрастинации у сотрудников современной организации // Экспериментальная психология. 2016. Том 9. № 1. С. 95–111.
2. *Иванова С.А.* Особенности проявления склонности к откладыванию выполнения задач в различных видах профессиональной деятельности: Дис. Канд. психол. н. Москва, 2023.
3. *Кормачева И.Н., Клепикова Н.М.* Прокрастинация: феномен и научная проблема // Системная психология и социология. 2019. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokrastinatsiya-fenomen-i-nauchnaya-problema> (дата обращения: 04.04.2024).
4. *Руднова Н.А.* Индивидуально-личностные предикторы прокрастинации в разные периоды взрослости: Дис. канд. психол. н. Пермь, 2019.

Взаимосвязь уровня конформности и ценностных ориентаций личности

Михайлова И.В., Кудашов Г.А.

ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

44kd11@gmail.com

В настоящее время индивиды придерживаются самых разных жизненных ценностей и социальных установок. Это вполне естественно, но с современной динамикой распространения информации (а значит идей и ценностей вместе с ней), а также в связи с тем, как тесно теперь приходится жить и работать людям придерживающихся разных жизненных ориентиров, вопрос ценностных ориентаций [2] и конформного поведения [3] в обществе встает на качественно новый уровень.

Ставшие ныне классикой эксперименты и исследования в области конформного поведения (С. Аша и Р. Крачфилда) [1] носят ярко выраженную цель именно продемонстрировать кратковременное изменение отношения человека к другому человеку или ситуации именно в плане физического действия, а не в смысле долговременных идейно-ценностных изменений в картине мира человека.

Изучение социальными психологами связи между личностными качествами и социальным поведением шло параллельно с изучением взаимного влияния установок и поведения. Так, оказалось: большую склонность к конформизму проявляли люди, признававшиеся в том, что нуждаются в социальном одобрении.

Стоит отметить, что в настоящее время существуют большие социологические проекты по постоянному отслеживанию ценностей населения разных стран и динамики их изменения, влияния их на социальную обстановку. К таким проектам, к примеру, относится «Всемирный обзор ценностей» (англ. World Values Survey, WVS), который уже много лет ведет статистику изменения ценностей.

В рамках собственного эмпирического пилотажного исследования была выдвинута гипотеза о существовании связей между уровнем конформности и выбранным набором ценностных ориентаций личности. В исследовании приняли участие 35 человек (18 женщин и 17 мужчин) в возрасте от 18 до 26 лет, обучающиеся в вузах и колледжах Ульяновской области.

В качестве диагностического материала использовались:

- стандартный многофакторный личностный опросник Кеттелла 16PF, форма С, в адаптации В.И. Похилько, А.С. Соловейчик и А.Г. Шмелева. Несмотря на то, что методика Кеттелла была проведена на испытуемых в полном объеме, в последующих вычислениях использовалась лишь вторичная составная шкала «Конформность-независимость»;

- опросник ценностных ориентаций М. Рокича в адаптации В. Карандашева.

В качестве математических методов статистической обработки информации использовался метод подсчета коэффициента ранговой корреляции Спирмена в программе SPSS 13.0.

Впоследствии корреляционный анализ выявил всего две связи со шкалой «Конформность-независимость»: отрицательную корреляцию с ценностью «Жизненная мудрость» и сильную положительную корреляцию с ценностью «Исполнительность».

Стоит отметить математические особенности расчета корреляций для опросника ценностных ориентаций М. Рокича и методики Кеттелла – здесь существует два нюанса при подсчете, которые необходимо учесть при последующей интерпретации. Во-первых, шкала, представленная в методике Кеттелла, является десятибалльной, где показатель «1» является максимальным проявлением конформности в личности, а «10» – максимальным проявлением ее независимости. В то же время, в опроснике ценностных ориентаций М. Рокича используется принцип ранжирования, где «1» будет самой важной, по мнению опрашиваемого, для него ценностной ориентацией, а «18» - самой малозначительной. Исходя из этого необходимо инверсировать корреляцию, полученную при подсчете с помощью критерия Спирмена при последующем анализе.

Перефразируя вышесказанное, мы получили следующие логические выводы: чем больше испытуемый конформен, исходя из показателей, полученных по шкале «Конформность-Независимость», тем менее для него является значимой терминальная ценность «Жизненная мудрость» и тем более для него является значимой инструментальная ценность «Исполнительность».

Следует отметить, что все испытуемые набрали оптимальные значения по шкале MD (стремление выглядеть лучше), которая была представлена в опроснике Кеттелла. Это может свидетельствовать о

добросовестности прохождения испытуемыми опроса, неприбеганию ими к социально одобряемым вариантам ответа и, как следствие, – подтверждает валидность выборки.

Стоит отметить, что в проведенном пилотажном исследовании лишь 20% из выборки можно назвать личностями, склонными к конформному поведению, что в целом является показателем, близким к стандартному для многих классических исследований конформности. Это стоит принять во внимание в будущих исследованиях, поскольку, возможно, для выборки, состоящей из полностью конформных людей, корреляции будут иметь иную природу и значение.

Изучение природы взаимосвязи и корреляции конформности и ценностных ориентаций может пролить свет на многие механизмы взаимодействия как групп в обществе, так и отдельных индивидуумов в нем. Также изучение природы ценностных ориентаций и феномена конформного поведения может позволить лучше понимать механизмы возникновения конфликтов и социальной адаптации в обществе.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений [Электронный ресурс] / Андреева Г.М. - М.: Аспект Пресс, 2017. - 363 с. - ISBN 978-5-7567-0827-1 - Режим доступа: <https://www.studentlibrary.ru/book/ISBN9785756708271.html>
2. *Галкина Т.Г.* Анализ ценностных ориентаций современных студентов (на примере анализа ценностных ориентаций студентов СибАДИ) / Т.Г. Галкина // Современные проблемы науки, общества и культуры: Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции, Омск, 27–28 апреля 2023 года. – Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2023. – С. 346-351.
3. *Дианова Н.Ф.* Конформизм как социально-психологический феномен / Н.Ф. Дианова, Е.В. Дуброва // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 5-4(80). – С. 194-196. – DOI 10.24412/2500-1000-2023-5-4-194-196.

Нарциссизм как психологическая проблема: норма или патология?

Михайлова О.Б., Корж А.И.

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия

Anastasiia/korz2014@mail.ru, olga00241@yandex.ru

В современной психологии существует острая дискуссия о понимании нарциссизма в психологии. Несмотря на свою известность и наличие множества исследований, феномен нарциссизма в контексте патологического развития приобретает проблему глобального характера.

Последние тридцать лет, под влиянием идей «продать себя дорого» и бренда «успешный успех», инфантилизм и нарциссизм можно назвать социальными эпидемиями. Помимо этого, одной из предпосылок распространения нарциссизма стала жесткая конкуренция, буллинг и моббинг, с одной стороны, и трансляция культа виртуального успеха и псевдопродуктивности, процветающих в медийном пространстве, – с другой стороны. Данные предпосылки порождают «новый» тип человека – нарциссическую личность, стремящуюся к идеалу, заикленную на себе, старающуюся казаться особенной.

В древнегреческой культуре и философии понятие «нарциссизм» появилось на основе интерпретации древнегреческого мифа о юноше, который увидел свое отражение в воде, не смог от него оторваться и умер на берегу источника не в силах справиться с тоской, возникшей из-за неспособности воссоединиться с «обретенным собой». Нарциссизм в культурном наследии становится символом гордыни и патологической самовлюбленности. В первой половине XX века, который во многом был стремительным в развитии науки, техники и развитии личности, в рамках психоанализа нарциссизм как исключительная любовь к себе стал рассматриваться как вариант нормы. Хотя З. Фрейд опубликовал всего одну работу, посвященную анализу данного феномена, но целая плеяда психиатров под флагом психоанализа продолжила свои размышления на данную тему [3]. Х. Кохут в своих работах также придерживался мнения, что

нарциссизм – линия развития, а не отрицательное качество в структуре личности [1]. О. Фридман Кернберг вступает в полемику с Х. Кохутом и утверждает, что существуют в пределах клинической нормы взрослый нарциссизм, инфантильный нарциссизм и патологический нарциссизм, рассматриваемый как нарциссическое расстройство личности [3]. Очевидно, что психоаналитики не смогли с точки зрения классической психологии выявить структуру и характерные показатели нарциссизма как комплекса личностных качеств. Да и можно ли рассматривать такой комплекс качеств как норму? Э. Фромм вводит понятие «злокачественный нарциссизм», который рассматривает как часть «синдрома распада», выделяя индивидуальный и общественный нарциссизм [4].

Однако ряд современных исследователей рассматривает с позиции нормы «оптимальный нарциссизм», определяя его как равновесие в системе представлений личности о себе [2; 3]. Но равновесие самопредставлений личности диагностируется показателями Я-концепции, самооценки, удовлетворенности жизнью, субъективным благополучием и другими психологическими характеристиками. Тогда зачем нам дополнительный и непонятный оптимальный нарциссизм? Да и бывает ли он в норме в психологической природе личности? Вместе с тем патологический нарциссизм продолжает стремительно развиваться в интернет-пространстве и в виртуальной реальности. В последнее время большой интерес для исследователей вызывает «цифровой нарциссизм» – явление, связанное с усилением нарциссических черт у активных пользователей социальных сетей. Он проявляется через желание привлекать к себе внимание, стремление к созданию и поддержанию идеализированного образа себя для других пользователей интернета. «Казаться, а не быть» – это девиз цифровых нарциссов, пропагандирующих эгоизм, гедонизм, консьюмеризм и другие деструктивные формы патологического развития личности.

Один из самых явных маркеров нарциссизма в социальных сетях – патологическая потребность и демонстрация селфи – автопортретных фотографий. Селфи – это способ самовыражения, который в некоторых случаях перерастает в постоянное навязчивое желание сделать идеальный снимок. Такой человек способен пойти на значительные риски для здоровья и жизни в поисках внимания и в

погоне за идеальной фотографией, которая выделит его на фоне остальных, сделает известным и значимым в глазах цифрового сообщества. Чем безумнее поступок, тем сильнее огласка, поэтому некоторые перестают отдавать отчет своим действиям [6].

Кроме патологического увлечения селфи, важным маркером нарциссизма является гиперактивное позиционирование собственной персоны в социальных сетях. По результатам исследования В.П. Шейнова и А.С. Девицына, в котором приняло участие 604 респондента, была выявлена положительная корреляция между нарциссизмом и зависимостью от социальных сетей у белорусских юношей и девушек, а также украинских юношей, причем у последних показатели нарциссизма более выражены. Такое явление авторы объясняют влиянием гендерных и региональных факторов на уровень «цифрового нарциссизма» человека [7].

Кроме того, демонстративный нарциссизм прослеживается в выборе определенной социальной сети, в которой человек проводит большую часть времени. Исследователи университета Суонси выяснили, что уровень нарциссизма выше у тех пользователей, которые отдают приоритет обмену фотографиями и видео в Facebook, Instagram и Snapchat, а те, кто использует социальные сети только с вербальными сообщениями, например, Twitter, не были замечены в росте нарциссизма [5].

Таким образом, в современной психологии нарциссизм в большей степени рассматривается как симптомокомплекс социокультурной деструкции личности, которая, к сожалению, одобряется и поддерживается медийным пространством. Исследование феномена нарциссизма как социальной деструкции представляет интерес для диагностики таких деструктивных качеств личности, как инфантилизм, экстремизм, шовинизм и т.д. [8]. Современной психологической науке необходимо найти новые методы диагностики мотивов и особенностей проявлений нарциссизма, а также коррекции данного симптомокомплекса для своевременной психологической помощи подросткам и юношеству. Современному обществу нужен человек созидающий, а не человек обожающий самого себя.

Литература

1. *Кохут Х.* Анализ самости: Систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности. – М.: «Когито-Центр», 2003.
2. *Клепикова Н.М., Шамишкова О.А.* Динамика оптимального нарциссизма и нарциссических состояний личности. Сибирский педагогический журнал. 2013. № 3. С. 195-200.
3. *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Пер. с англ. В. Снигура. – М.; Независимая фирма «Класс», 2021.
4. *Фромм Э.* Душа человека, её способность к добру и злу= The Heart of Man, its genius for good and evil (1964) / Перевод В. А. Закса. – М.: Аст, Астрель, 2010. – 256 с.
5. *Чикалина В. А.* Анализ влияния социальных сетей на рост нарциссизма // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 8(36). – С. 6-9.
6. *Шамсвалеева Д.А.* Нарциссизм в 21 веке// Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. – 2021. – Т. 1. – С. 270-274.
7. *Шейнов В.П., Девницын А.С.* Связи зависимости от социальных сетей с импульсивностью, нарциссизмом и ассертивностью у белорусских и украинских студентов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. – 2022. – Т. 19, № 2. – С. 233-252.
8. *Mikhailova O.B., Gunvajn N.* Growing Infantilism in Modern Adolescents and Young People: Symptoms and Causes // Вестник РУДН. – Серия: Психология и педагогика. 2022. №1. с.39-53. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-1-39-53

Технологии оптимизации социально-психологического климата в коллективе сотрудников пенитенциарной системы

Моголеева Л.В., Мадоян М.А.

*Академия ФСИН России, Рязань, Россия
mogoleeval8@gmail.com, smb-m@yandex.ru*

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы (УИС) осуществляется в условиях частых конфликтных ситуаций и постоянного воздействия разнообразных неблагоприятных факторов, что негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии и отрицательно влияет на успешность выполнения служебных задач [2]. В связи с этим актуализируется необходимость непрерывной работы по улучшению социально-психологического климата в служебных коллективах. Важным аспектом по эффективному формированию и поддержанию устойчиво позитивных характеристик социально-психологического климата является выбор соответствующих психологических методов и технологий его оптимизации.

Пенитенциарный психолог должен уметь применять психотехнологии и адаптировать их к конкретной ситуации, что является ключевым навыком его профессиональной деятельности.

В работе ведомственных психологов можно выделить технологии, требующие участия специалиста (специализированные психофизиологические исследования: полиграф, профессиональный психологический отбор, психокоррекционные мероприятия и т.д.) и технологии, которые могут быть применены сотрудниками самостоятельно при соответствующем обучении (тайм-менеджмент, методы саморегуляции, управления стрессом и т.д.) [1, с. 90].

Проектирование психотехнологий ведомственными психологами можно представить в виде следующего алгоритма.

1. Этап постановки целей и определения конкретных задач: а) уточнение цели; б) разработка задач; в) определение субъекта и объекта воздействия в процессе реализации психотехнологий.

2. Теоретико-методический этап: определение основных теоретических и методологических положений.

3. Диагностический этап: а) определение конкретной психологической проблемы; б) определение основных направлений разрешения психологической проблемы.

4. Стадия проектирования: а) составление программы использования психотехнологий с учетом индивидуально-психологических особенностей группы; б) коррекция программы под индивидуальные возможности и стиль работы психолога.

5. Реализация психотехнологической программы.

6. Этап оценки эффективности разработанных и внедренных психотехнологий: повторная диагностика и сравнение с результатами первичной диагностики.

7. Этап коррекции: а) формулировка выводов; б) исправление программы или ее частей; в) определение будущих направлений работы [3, с. 91-92].

Е.В. Слепцова и Ю.В. Марычева в качестве психотехник оптимизации социально-психологического климата в коллективах рассматривают следующие три основных направления.

1. Обучающие тренинги [4, с. 2]. Тренинги могут быть направлены на повышение коммуникативной компетентности, сплочение коллектива, планирование карьеры, способы разрешения конфликта, управления гневом и т.д. Основными достоинствами тренингов являются практические навыки, новые модели поведения, повышение самооценки, укрепление единства коллектива, а также более высокий уровень интенсивности мыслительных процессов.

Анализ практики психологической работы в УИС показывает, что наиболее эффективным методом коррекции является тренинг по обучению сотрудников самостоятельно справляться со стрессовыми ситуациями через регулирование своего психофизического состояния (аутогенная, идеомоторная тренировка, мышечная релаксация, сенсорное репродуцирование образов, светомузыкальное воздействие и т.д.) [5, с. 38]. Безусловно важен и тренинг антимаанипулятивного поведения, который способствует повышению антикоррупционной устойчивости персонала [2, с. 128] и невосприимчивости к направленному интернет-воздействию.

2. Ролевые и деловые игры.

В ролевой игре за счет взятия на себя определенной роли человек познает другого человека как осознанно действующего субъекта. Примером может служить психодрама, где участники играют роли друг друга, например, начальник – подчиненного, а наоборот, это дает

уникальную возможность поставить себя на место оппонента и почувствовать его эмоции и мотивы поведения [4, с. 3]. Преимуществами ролевых игр являются долгосрочное сохранение полученного опыта благодаря личному переживанию и комплексному освоению навыков.

Деловая игра является методом группового обучения совместной деятельности в условиях максимального приближения к реальным проблемным ситуациям. С помощью деловой игры можно определить наличие тактического и стратегического мышления, способности критично анализировать ситуацию, собственные возможности и мотивы других людей, влиять на их поведение.

3. Дискуссии. После проведения игр или спонтанно возникает дискуссия, направленная на анализ взаимоотношений и способствующая изменению поведенческих моделей сотрудников и улучшению социально-психологического климата в коллективе.

Многообразие методов для оптимизации социально-психологического климата в коллективе не ограничивается рассмотренными выше, каждый из методов имеет свои преимущества и ограничения.

Таким образом, управление социально-психологическим климатом коллектива сотрудников УИС обладает тонкой спецификой и должно представлять собой непрерывный процесс. При оптимизации социально-психологического климата в коллективах УИС психолог должен учитывать свои возможности и стиль, все детали и преемственность выбранных технологий, и опираться на текущую ситуацию и на внешние и внутренние факторы, влияющие на сотрудников.

Литература

1. *Кирсанова О.А.* Социально-психологические технологии развития социально-психологического климата социальных учреждений // Вестник магистратуры. 2022. №12-1 (135). - С. 90-91.
2. *Лецева Я.С.* Психологическое сопровождение молодых сотрудников УИС на начальном этапе служебной деятельности // NovaInfo. 2023. № 137. - С. 127-129. - Текст: электронный URL: <https://novainfo.ru/article/19840>.

3. *Мальцева Т.В.* Особенности использования психологических технологий в работе психолога органов внутренних дел Российской Федерации // Психология и педагогика служебной деятельности. 2021. №4. - С. 88-92.
4. *Слепцова Е.В., Марычева Ю.В.* Оптимизация социально-психологического климата в коллективе // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. №8.
5. *Федорова Е.М.* Основные формы и методы психологической профилактики и коррекции профессиональных деструкций личного состава УИС // Ведомости УИС. 2016. №4 (167). - С. 34-39.

Структура социальной идентичности подростков из православных и международных школ

Молчанова А.Ю., Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
amolchanova@inbox.ru, shorohovava@mgppu.ru

Современная общественно-политическая ситуация заставляет вновь обратиться к теме поиска своей идентичности, самоопределению человека в условиях меняющейся социальной среды [2; 4; 5 и др.]. От осознания того, кем мы являемся и что нам дорого сегодня, во многом зависит будущее нашей страны. Система образования играет важную роль в становлении социальной идентичности молодежи, и вовремя предпринятые попытки скорректировать образовательно-воспитательную парадигму могут способствовать укреплению основ гражданской, этнической, языковой, глобальной идентичности будущих граждан РФ.

Нами было проведено исследование структуры социальной идентичности подростков из двух типов частных школ с резко различающейся социальной средой: православных и международных. В качестве основной гипотезы мы взяли предположение о том, что существуют как различия, так и сходства в структуре социальной идентичности подростков из разных типов школ.

Теоретической базой исследования послужили работы зарубежных и отечественных ученых, описывающие феномен и структуру социальной идентичности: Х.Тэшфела, Дж.Тернера, Т.Г. Стефаненко, Н.М. Лебедевой, О.А.Гулевич, А.Е. Кузнецова и других [1 – 8]. Вслед за Тэшфелом мы понимаем под социальной идентичностью «часть самовосприятия человека, которая происходит из его знания о его членстве в социальной группе (или группах) вместе с эмоциональной значимостью, привязанной к этому членству» [9, с. 69]. В рамках исследования мы измеряли значимость этнической, гражданской, глобальной и языковой идентичностей в системе самовосприятия подростков и взаимосвязи между показателями этих компонентов социальной идентичности. Мы воспользовались опросником глобальной и гражданской идентификации С. Макфарленда в обработке Т.А. Нестика, региональной и гражданской идентичности – А. Асуна в обработке О.А. Сычева, этнической идентичности – Дж. Финни, опросником типов этнической идентичности Г.У. Солдатовой и опросником ингрупповой идентификации К. Лича, адаптированным нами для измерения идентификации с русскоговорящим сообществом.

В опросе, проведенном весной 2023 года, приняли участие 145 учеников в возрасте от 12 до 16 лет из частных школ Подмосковья: православной школы «Рождество», православной школы «Образ», международной школы «Вундерпарк» и международной школы «Сколково». Все респонденты указали гражданскую принадлежность РФ, этническую принадлежность к русским (по этнической группе как минимум одного из родителей), назвали русский язык родным или одним из родных языков. Из респондентов международных школ 62%, а из респондентов православных школ 93% назвали себя православными христианами, остальные в основном назвали себя нерелигиозными людьми.

Анализ средних значений и стандартных отклонений показателей компонентов социальной идентичности показал, что действительно есть значительные сходства и некоторые различия в структуре социальной идентичности подростков из разных типов школ. Для респондентов обеих групп оказалось одинаково важно осознавать себя представителями русскоговорящего сообщества, в некоторой сходной степени значимо отождествлять себя как с членами глобального человеческого сообщества, так и с гражданами России, быть

вовлеченными в решение проблем жителей РФ и других народов мира. Подростки из обоих типов школ ощущают некоторую связь с природой, климатом и населением России, часть из них рады своей гражданской и культурной принадлежности.

Подростки из обоих типов школ не очень осведомлены о своей этнической принадлежности, не до конца понимают, что она для них значит, не часто задумывались об этом вопросе, не всегда чувствуют связь со своей этнической группой и не полностью уверены, что рады своему этническому происхождению. Они частично согласны, что в повседневном общении принадлежность к этнической группе неважна и межнациональные проблемы не являются серьезными. В некоторых ситуациях респонденты проявляют безразличие к своей этнической принадлежности и национальной культуре.

В целом подростки обоих типов школ уважают свой народ и предпочитают его национальную культуру, хотя с интересом относятся к другим культурам и готовы сотрудничать с представителями любых народов. Они не испытывают стыд за представителей своей этнической группы и не чувствуют неполноценности из-за своей национальной принадлежности. Опрошенные подростки не считают свой народ более одаренным, чем другие, и не видят необходимости обособлять свою этническую культуру от влияния других культур. Они не согласны с тем, что люди других национальностей (не русские) должны быть ограничены в праве проживания на территории РФ, и не считают, что на территории РФ все права пользования природными и социальными ресурсами должны принадлежать только русскому народу.

У респондентов из международных школ в структуре социальной идентичности более выражена глобальная идентификация, позитивная этническая идентичность и этническая индифферентность, и менее выражена идентификация со среднестатистическими представителями русскоговорящего сообщества и с населением РФ. У респондентов православных школ более выражена гражданская идентичность, этническая идентичность и идентификация с русскоговорящим сообществом.

Регрессионный анализ показал как сходства, так и существенные различия во взаимосвязях показателей идентичности у респондентов двух групп по характеру связей глобальной и гражданской идентичности, по наличию связей с факторами языковой

идентичности, и по характеру связей с различными типами этнической идентичности.

Полученные данные относительно различий в структуре социальной идентичности у подростков из разных типов школ достаточно закономерны и связаны с различиями в их социальной среде. Интерес для авторов и материал для рассуждений представляют данные о сходном «среднем» уровне значимости гражданской и этнической идентичности для подростков из разных типов школ.

Литература

1. *Агадуллина Е.Р., Ловаков А.Е.* Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал ВШЭ, 2013. Т.10 №4 С. 143-157
2. *Гулевич О.А.* Психология межгрупповых отношений. М., 2008
3. *Кузнецов А.Е., Сычев О.А., Зелянская Н.Л., Белоусов К.И.* Русскоязычная версия шкалы региональной идентичности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 204–225.
4. *Нестик Т.А.* Психология глобальных рисков. М., 2018
5. *Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология. М., 2006
6. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
7. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М., 1996
8. *Phinney J.S.* Ethnic identity in adolescents and adults: Review of research // Psychological Bulletin, 1990. Vol.108
9. *Tajfel H.* Social Identity and Intergroup Behavior. Social Science Information. 1974. Vol. 13. No. 2. P. 65–93.

Особенности межличностных отношений с одноклассниками подростков с гаджетозависимостью

*Мороз С.С., Бобченко Т.Г.
ПИ ВлГУ, Владимир, Россия
sofiya.2000@list.ru*

В современном обществе увеличивается число случаев гаджетозависимости среди подростков. С одной стороны, это связано со стремительным развитием технологий коммуникации. С другой

стороны, предпосылками к возникновению различных видов аддиктивного поведения являются особенности личности подростка.

Подростки находят виртуальный мир привлекательным благодаря возможности использовать свои коммуникативные, организационные и поведенческие навыки для раскрытия своего внутреннего потенциала, тем самым удовлетворяя потребности в общении, самоутверждении, обособленности от влияния взрослых, самовыражении. Подросток, погруженный в мир гаджетов, утрачивает чувство времени, не придает значения базовым навыкам ухода за собой, что в итоге отделяет его от общения с окружающими людьми.

В своем исследовании и тезисах мы используем следующие понятия.

Подростковый возраст – период онтогенеза, который складывается из двух этапов – от двенадцати до пятнадцати лет и от пятнадцати до семнадцати лет (Божович Л.И.) [1].

Межличностные отношения – взаимоотношения между людьми, направленные на обоюдное изучение, поведение, а также формирование деятельности между участниками этого действия (Б.Ф. Ломов) [2].

Гаджетозависимость – это разновидность отклоняющегося поведения, при котором человек уходит от реальной жизни с помощью постоянного взаимодействия личности с электронными устройствами или гаджетами либо вместе с другими людьми с использованием сети интернет (Е.С. Набойченко) [3].

Проблема нашего исследования заключается в изучении использования гаджетов как возможного фактора межличностных отношений подростков со сверстниками.

Объектом проведенного исследования стали межличностные отношения учащихся подросткового возраста, а его предметом – межличностные отношения учащихся подросткового возраста, склонных к гаджетозависимости. Цель состояла в установлении особенностей межличностных отношений учащихся, склонных к гаджетозависимости. Гипотезой было предположение о том, что межличностные отношения подростков, не склонных и склонных к гаджетозависимости, будут различны. Нами использованы следующие методы: 1) теоретические: анализ и обобщение работ по теме исследования; 2) сбора эмпирических данных: тестирование

(«Диагностика мобильной зависимости» (М.Г. Галичина, М.В. Буянова); «Диагностика межличностных отношений» (Т. Лири), анкетирование (Анкета на выявление гаджетозависимости); 3) методы обработки эмпирических данных: количественный и качественный анализ, методы математической статистики (φ^* -критерий Фишера). Исследование проведено на базе МБОУ СОШ «Горки-Х» п. Горки-10 на учащихся 8-х классов в возрасте 14-15 лет в количестве 32 человек (17 мальчиков и 15 девочек).

Согласно результатам анкеты на выявление гаджетозависимости, 78% испытуемых чаще всего из гаджетов используют смартфоны и планшеты; 35% испытуемых используют гаджеты для получения информации, 31% испытуемых – для общения и игр, 30% испытуемых – для учебной деятельности; 72% испытуемых используют гаджеты по 6-8 часов в день; 16% учащихся сложно контролировать свое времяпровождение в гаджетах, 25% учащихся отмечают потерю интереса к другим видам деятельности.

По результатам методики «Диагностика мобильной зависимости» 31,3% учащихся имеют низкий уровень психологической зависимости от средств мобильной связи; 65,6% учащихся – средний уровень; 3,1% учащихся – высокий уровень.

По результатам теста «Диагностика межличностных отношений» выявлена частота встречаемости в исследуемой группе типов межличностных отношений: 6% учащихся имеют «Авторитарный тип межличностных отношений»; 3% учащихся – «Эгоистичный тип»; 3% учащихся – «Агрессивный тип»; 6% учащихся – «Подозрительный тип»; 16% учащихся – «Подчиняемый тип»; 22% учащихся – «Зависимый тип»; 28% учащихся – «Дружелюбный тип» и 16% учащихся – «Альтруистический тип».

На основе данных «Анкеты на выявление гаджетозависимости» и теста «Диагностика мобильной зависимости» учащиеся были разделены на две группы 1) с отсутствием гаджетозависимости – 31,25% учащихся и 2) с наличием гаджетозависимости – 68,75% учащихся.

Были установлены следующие достоверные различия частоты встречаемости типов межличностных отношений в этих группах учащихся.

1. «Дружелюбный тип» межличностных отношений чаще встречается в группе учащихся без гаджетозависимости (50% учащихся), чем в группе учащихся с гаджетозависимостью (18% учащихся): $\varphi^*_{эмт} = 4,914 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$.

2. «Подозрительный тип» межличностных отношений чаще встречается в группе учащихся с гаджетозависимостью (9% учащихся), чем в группе без гаджетозависимости (0% учащихся): $\varphi^*_{эмт} = 2,892 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$.

3. «Подчиняемый тип» межличностных отношений чаще встречается в группе учащихся с гаджетозависимостью (23% учащихся), чем в группе без гаджетозависимости (0% учащихся): $\varphi^*_{эмт} = 5,657 > \varphi^*_{кр} = 2,31$ при $p \leq 0,01$.

Таким образом, подростки, у которых нет зависимости от гаджетов ведут себя при взаимодействии с другими людьми дружелюбно, а те учащиеся, у кого имеется зависимость от гаджетов, склонны к подозрительному и подчиняемому поведению при взаимодействии с другими людьми.

Полученные результаты могут служить основой для разработки педагогом-психологом программы коррекции коммуникативной сферы личности и межличностных отношений гаджетозависимых подростков. Мы предполагаем, что такая работа позволит предупредить дальнейшее формирование у испытуемых гаджетозависимости и снизит ее уровень.

Литература

1. *Божович Е.Д.* Психологические особенности развития личности подростка [Текст] / Е.Д. Божович – М.: Знание, 1979. – 39 с.
2. *Белинская Е.П.* Социальная психология: Хрестоматия [Текст] / Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. –М: Аспект Пресс, 2003.–475 с.
3. *Набойченко Е.С.* Типология подростков, склонных к кибераддикции [Текст] / Е.С. Набойченко // Педагогическое образование в России. –2016. – № 1. – С. 94 – 98.

Родительские установки и удовлетворенность родительством матерей младших школьников

*Мошнина Д.В., Гаврилова Т.П.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dv-a@yandex.ru, tatpg9@rambler.ru*

В работе рассматриваются родительские установки матерей младших школьников, их удовлетворенность родительством и представления об идеальном родителе.

Родительские установки в соответствии с концепциями отечественных ученых понимаются как готовность родителей к определенным действиям, в данном случае к воспитанию, содержание которой связано с социально-культурной средой и собственным опытом человека [1; 2]. Родительские установки являются ключевыми для других составляющих феномена родительства – родительских ожиданий и семейных ценностей. Они реализуются в направленности поведения родителя [4, с. 27] и взаимосвязаны с психологическим благополучием родителей [5, с. 86].

Удовлетворенность родительством – это отношение родителя к своей воспитательной функции в семье, которое характеризуется эмоционально-оценочной окрашенностью и обуславливается следующими соответствиями: ожидание родителя – фактическое поведение ребенка и представление родителя о качествах идеального родителя – действительное родительское поведение [3, с. 10].

Понимание особенностей родительских установок матерей младших школьников, их удовлетворенности родительством позволит использовать результаты исследования в психолого-педагогической и психотерапевтической практике.

Целью исследования является выявление связи родительских установок и удовлетворенности родительством матерей младших школьников.

Общей гипотезой исследования является гипотеза о том, что существует связь родительских установок и удовлетворенности родительством матерей младших школьников.

Частные гипотезы:

1) существуют различия родительских установок, удовлетворенности родительством, представлений об идеальном родителе у матерей мальчиков и матерей девочек младшего школьного возраста;

2) существуют различия родительских установок, представлений об идеальном родителе матерей младших школьников с высоким уровнем удовлетворенности родительской ролью и матерей с низким уровнем удовлетворенности.

Использовались следующие методики при проведении эмпирической части исследования: опросник «Измерение родительских установок и реакций» (ПАРИ) Е. Шефера, Р.Белла в адаптации Т.В. Архиреевой; опросник «Удовлетворенность ролью родителя» Е.В. Куфтяк; опросник «Представления об идеальном родителе» Р.В. Овчаровой.

База исследования составила 71 человек, женщины – матери младших школьников, проживающие в г. Москве и Московской области; 36 матерей девочек и 35 матерей мальчиков.

В практической части работы проведено исследование родительских установок матерей младших школьников, их удовлетворенности родительством, представлений об идеальном родителе.

Данные были обработаны непараметрическими методами математической статистики: коэффициент ранговой корреляции r Спирмена и U -критерия Манна-Уитни.

Получены следующие результаты.

1. Существуют связи между родительскими установками и удовлетворенностью родительством у матерей младших школьников.

Выявлены отличия родительских установок матерей младших школьников и их удовлетворенности на общей выборке и в группах матерей с высоким уровнем удовлетворенности, и матерей с низким уровнем удовлетворенности родительством.

2. Статистический анализ показал, что фактически нет различий в родительских установках матерей мальчиков и матерей девочек, кроме одного – «подавление сексуальности ребенка». Матери девочек в большей степени беспокоятся о необходимости подавлять сексуальность у ребенка, чем матери мальчиков.

В исследовании выявлено отсутствие различий удовлетворенности родительство между группой матерей мальчиков и группой матерей девочек младшего школьного возраста.

Анализ существующих различий представлений матерей младших школьников о качествах идеального родителя показал, что у матерей девочек они более дифференцированы и сложны, чем у матерей мальчиков.

3. Выявлены следующие различия родительских установок и представлений об идеальном родителе матерей младших школьников с высоким уровнем удовлетворенности родительской ролью и матерей с низким уровнем удовлетворенности. Это различие состоит в том, что у матерей с высокой удовлетворенностью родительские установки и представления об идеальном родителе более отрефлексированы, чем у матерей с низкой удовлетворенностью родительство.

Определив особенности родительских установок матерей младших школьников, их удовлетворенность родительство, различия родительских установок, удовлетворенности, представлений об идеальном родителе, остается открытым вопрос, изменятся ли и каким образом изменятся названные составляющие феномена родительства у отцов младших школьников. Это может стать предметом исследований, посвященных вопросам отцовства.

Литература

1. *Архиреева Т.В.* Психология родительства и детско-родительских отношений: учеб.-метод. пособие. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2006. 214 с.
2. *Карбанова О.А.* Роль семьи и школы в обеспечении психологического благополучия младших школьников // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 5. С. 16-26. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2019_n5/Karabanova (дата обращения 13.02.2024)
3. *Куфтяк Е.В.* Диагностика удовлетворенности: учеб.-метод. пособие. М.: УЦ «Перспектива», 2016. 28 с.
4. *Овчарова Р.В.* Родительство как психологический феномен: учебное пособие. М.: МПСИ, 2006. 496 с.
5. *Belsky J.* The Determinants of Parenting: A Process Model, Child Development, 1984. P. 83–96.

Взаимосвязь временной перспективы студентов-психологов с суверенностью психологического пространства

*Мунгалов В.Н., Блохина М.А.
СПбГУП, Санкт-Петербург, Россия
mblokhina@bk.ru*

В современном мире, полном различного рода возможностей, условий для деятельности, самореализации, которые дают человеку огромное количество вариантов выбора, все сложнее сохранить свою целостность, поскольку каждый из вариантов требует усилий, ставит условия и ограничивает другие возможности. Другими словами, речь идет психологическом пространстве, его насыщении и суверенности [2]. В то же время, высокая интенсивность изменчивости мира значительно затрудняет возможность человека реализации себя, умения сохранять мотивацию, проявлять активность, ориентироваться в мире. Данные способности и возможности характеризуют компоненты организации временной перспективы, изучаемой психологией [1].

Таким образом, целью исследования является изучение характеристик взаимосвязи параметров временной перспективы и суверенности психологического пространства. Предмет исследования – характеристики взаимосвязи параметров временной перспективы и суверенности психологического пространства.

Гипотеза исследования: существуют значимые взаимосвязи между параметрами временной перспективы и суверенности психологического пространства.

Использовались следующие методические средства.

- Метод (тест) мотивационной индукции Нюттена [3].
- Семантический дифференциал времени (Л.И. Вассерман, Е.А. Трифонова, К.Р. Червинская) (НИПНИ им. В. М. Бехтерева).
- Опросник «Суверенность психологического пространства» (СПП) С.К. Нартова-Бочавер (2010) [2].

В исследовании приняли участие 106 студентов-психологов различных ступеней образования (23 респондента мужского пола и 83 – женского) в возрасте от 18 до 42 лет.

В результате корреляционного анализа с применением критерия Спирмена, были обнаружены значимые положительные взаимосвязи между параметрами временной перспективы, характеризующими эмоциональную окраску («эмоциональная окраска прошлое» $r = 0,372$; «эмоциональная окраска настоящее» $r = 0,346$; «эмоциональная окраска будущее» $r = 0,279$); «величина прошлое» $r = 0,360$; «величина настоящее» $r = 0,302$; упорядоченность («структура прошлое» $r = 0,307$; «структура настоящее» $r = 0,347$; «структура будущее» $r = 0,225$) (семантический дифференциал времени) при $p \leq 0,05$, и суверенности психологического пространства (опросник суверенность психологического пространства).

Полученный результат позволяет сделать предположение о том, что, прислушиваясь к вызовам времени, ориентируясь в нем, проявляя открытость новым вызовам и возможностям, укрепляется граница психологического пространства, оно становится более гибким, устойчивым, насыщенным. Вероятно, мотивация, положительный настрой, который проявляется во времени, его целостное восприятие начинает распространяться не только на время жизни, значимую деятельность, но и на внутренний мир, психологическое пространство (и наоборот).

Также были обнаружены значимые обратные взаимосвязи между составляющими психологического пространства: «физическое тело» $r = -0,309$; «социальные связи» $r = -0,350$; «привычки» $r = -0,247$; «система ценностей» $r = -0,362$; при $p \leq 0,05$ (опросник суверенность психологического пространства) и мотивационными характеристиками временной перспективы: трансцендентальные темы (тест мотивационной индукции Нюттена).

Полученный результат может объясняться тем, что при несформированности личной позиции в мировосприятии, ощущении незащитности перед экзистенциальными данностями или высшими силами, неопределенном отношении к ним, их вездесущность, то есть отсутствие какой-то формы, параметров, все это может препятствовать респондентам создавать крепкие, психологические границы, которые бы позволяли выдерживать невзгоды, выстраивать свою жизненную траекторию, исходя из системы ценностей и образа жизни. Или, наоборот, слабые или несформированные

психологические границы могут способствовать тому, что субъект будет чувствовать себя беззащитным перед вызовами времени.

В то же время, при отсутствии четких временных границ как в социальных характеристиках времени («зрелость» $r = -0,207$; и «вся жизнь» $r = -0,280$ при $p \leq 0,05$), связанных с показателем, характеризующим «территорию» психологического пространства, может возрасти ощущение небезопасности, дискомфорта, которые вызывает посещение человеком каких-то мест, локаций.

Примечательно, что социальное время «время обучения» положительно связано с показателем «социальные связи» $r = 0,214$ при $p \leq 0,05$, т.е. возможностью самостоятельно определять круг общения, выстраивать взаимоотношения с людьми. Вероятно, именно на период обучения, молодые люди стремятся создать наиболее прочные и продолжительные взаимоотношения.

Таким образом, сформированные, устойчивые, гибкие границы психологического пространства позволяют включать новые элементы, которые привносит в жизнь время, и создает определенную защиту, отношения, благодаря которым можно выдерживать экзистенциальные данности, с которыми сталкивается человек. А адекватное определение временных границ способствует организации и укреплению границ психологического пространства.

Литература

1. *Вассерман Л.И., Кузнецов О.Н., Таилюков В.А., Тейверлаур М., Червинская К.Р., Щелкова О.Ю.* Семантический дифференциал времени как метод психологической диагностики личности при депрессивных расстройствах. Пособие для психологов и врачей. СПбНИПНИ им. Бехтерева. 2005.
2. *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическое пространство личности: Монография. [Электронный ресурс] / С.К. Нартова-Бочавер. – Москва: Прометей, 2005. – Режим доступа: <http://psychlib.ru/inc/absid.php?absid=26392>
3. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего / под ред. Д.А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2008.

Связь социокультурной и психологической адаптации мигрантов с их личностными характеристиками

Мястковская Е.Ю., Рябкова И.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

miastkovskaya@gmail.com, ibaladinskaya@gmail.com

Огромное количество людей перемещаются по всему миру по многочисленным причинам. Интенсивность и сложность современных миграционных процессов ставят перед обществом задачу понимания механизмов, лежащих в основе адаптационного процесса.

Р. Редфилд, Р. Линтон, и М. Херсковиц выдвинули идею о взаимном влиянии между прибывшим и местным населением, которое получило название «аккультурация». По мнению Дж. Берри, итоговым результатом процесса аккультурации является социокультурная и психологическая адаптация. Критерии успешности социокультурной адаптации связаны с поведенческим аспектом и с тем, насколько эффективно индивид может адаптироваться и взаимодействовать в рамках новой культурной среды; критерии психологической адаптации связаны с эмоциональными реакциями, ощущением благополучия и удовлетворенности в процессе межкультурной интеграции [4, с. 201].

Кроме того, существующие исследования говорят о зависимости адаптации мигрантов от личностных черт [5, с. 1832]. Так, зарубежные исследования показывают, что на успешную адаптацию положительно влияют экстраверсия и открытость [7, с. 747; 9, с. 293], доброжелательность, честность, смирение [6, с. 333], соответствие личностных черт индивида требованиям среды [8]. В отечественной литературе тема адаптации изучается в связи с ценностями, мотивацией, миграционными установками человека. Например, показано, что открытость или сопротивление новой культурной среде является одним из факторов социально-психологической адаптации мигрантов [1]; идентичность и психологическое благополучие прямо связаны с аккультурацией и психологической адаптацией [2, с. 54]; миграционные установки, связанные с желанием повышения уровня образования и карьерного продвижения, зависят от пола, возраста, обеспеченности и высоким образовательным статусом [3, с. 263]. В то

же время, в отечественной психологии почти не встречается исследований, посвященных связи социокультурной и психологической адаптации мигрантов с их личностными характеристиками. Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел.

В работе использовались следующие методические средства: анкета, направленная на сбор социодемографических данных; краткие шкалы адаптации и аккультурационных ориентаций К.А. Демес и Н. Гираерт (в обработке К.А. Ооки, И.В. Вачкова). Опрос проводился с помощью гугл-анкетирования. Поиск участников исследования осуществлялся через сообщества мигрантов в Telegram-чатах различных стран (всего 26 стран). Выборка составила 190 человек: 141 женщина (74,2%; $M = 37$), 49 мужчин (25,8%; $M = 38$). Страна эмиграции: 176 человек (92,6%) эмигрировали из РФ; 14 человек (7,4%) из других стран.

Было обнаружено, что экстраверсия положительно коррелирует с социокультурной адаптацией, в то время как нейротизм отрицательно связан с социокультурной и психологической адаптацией. Аналогичные результаты были получены в другом исследовании, которое также обнаружило связь между нейротизмом, экстраверсией и результатами аккультурации [10, с. 137], однако в нашей работе, в отличие от указанной, не подтвердилось, что доброжелательность и добросовестность связаны с психологическим благополучием: оказалось, что в контексте русскоговорящей выборки именно негативная эмоциональность и экстраверсия имеют решающее значение для показателей адаптации.

Таким образом, проведенное исследование позволило обнаружить связь социокультурной и психологической адаптации мигрантов с их личностными характеристиками. Полученные результаты расширяют представление современной науки о факторах, влияющих на адаптационные процессы, связанные с успешной эмиграцией; вносят вклад в теоретическую базу по вопросам адаптации, помогают выделить универсальные и культурно-специфические для российской выборки аспекты данной проблемы; имеют значение в разработке программ поддержки мигрантов на различных этапах их интеграции в новое общество.

Литература

1. *Константинов В.В.* Социально- психологическая адаптация мигрантов в принимающем поликультурном обществе. Диссертация на соискание ученой степени доктор психологических наук: 19.00.05. - Саратов, 2018. - 535 с.
2. *Рябиченко Т.А., Лебедева Н.М., Плотка И.Д.* Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии. Культурно-историческая психология. 2019. Том 15. № 2.
3. *Смылова М.М.* Особенности миграционных установок аспирантов: к вопросу об образовательной миграции. Вестник Московского университета. 2024. Серия 14. Психология, 47(1).
4. *Berry J.W.* Psychology of acculturation // Cross-cultural perspectives, Nebraska Symposium on Motivation, University of Nebraska Press, 1990.
5. *Furnham A.* Culture Shock: A Review of the Literature for Practitioners // Psychology. 2019. N10.
6. *Geeraert N., Li R., Ward C., Gelfand M., Demes K.A.* A tight spot: How personality moderates the impact of social norms on sojourner adaptation // Psychological Science. 2019. N30(3).
7. *Matsumoto D., LeRoux J.A., Robles Y., Campos G.* The Intercultural Adjustment Potential Scale (ICAPS) predicts adjustment above and beyond personality and general intelligence // International Journal of Intercultural Relations. 2007. N31(6).
8. *Valenzuela M., & Rogers S.* Strategizing Personality Traits: An Acculturation Approach to Person-Environment Fit and Expatriate Adjustment. International Journal of Human Resource Management. 2018.
9. *Van der Zee K.I., Van Oudenhoven J.P.* The Multicultural Personality Questionnaire: A multidimensional instrument of multicultural effectiveness // European Journal of Personality. 2000. N14(4).
10. *Ward C., Leong C.-H., & Low M.* Personality and sojourner adjustment: An exploration of the Big Five and the cultural fit proposition. Journal of Cross-Cultural Psychology. 2004. 35(2).

Пилотное исследование эффекта зрителя при просмотре фильма жанра триллер

Назаров Н.А., Демарева В.А.

*ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
nicola.dzr@gmail.com, valerija.demareva@fsn.unn.ru*

Поведение и состояние человека зависит от многих факторов, в том числе и от присутствия рядом окружающих. Социальная фасилитация проявляется в усилении активности и эмоционального возбуждения в присутствии других, в то время как социальная ингибция приводит к ухудшению эффективности и снижению восприимчивости в присутствии других людей. Влияние наблюдателя или присутствующего на восприятие и состояние человека проявляется в различных сферах деятельности – в спорте [4; 8], при решении когнитивных задач [3; 7], а также при просмотре фильмов [2; 5]. Стоит отметить, что последнее направление разработано наименее всего, и тут присутствующий человек является зрителем. В публикациях отражены несколько противоречивые данные – является ли зритель фасилитатором или ингибитором в ситуации просмотра видео. Так, в одной статье показано, что при одиночном просмотре видео агрессия увеличивалась сильнее, чем в присутствии зрителя [5], а в другой работе получен результат, что радость и грусть при просмотре фильма усиливались в присутствии зрителя по сравнению с одиночным просмотром [2].

J. Hanich рассматривает коллективный просмотр фильма со спокойным вниманием как совместное действие, доказывая тот факт, что даже молчаливое присутствие зрителей является совместным действием, которое влияет на восприятие фильма [6]. Автор также упоминает о совместно переживаемых эмоциях, таких, как страх (совместный крик при пугающем моменте в фильме) и радость (совместный смех), которые переживаются человеком ярче в присутствии зрителя, чем при одиночном просмотре фильма и рассматриваются как коллективный опыт. В данном пилотном исследовании мы решили остановиться на переживании страха, поэтому был выбран фильм в жанре триллер (в котором есть загадка и

который обязательно вызывает у читателя ощущение тревоги или страха [1]).

Таким образом, совместный просмотр фильма можно рассматривать как коллективное действие, а присутствие зрителя оказывает эффект на переживание фильма, особенно в случае эмоций страха и радости. Поскольку данные о направленности этого эффекта противоречивы, цель данного исследования была выявить динамику психологических и физиологических показателей до и после просмотра фильма в жанре триллер (как контекста для совместного переживания страха).

В пилотном исследовании приняли участие 12 человек (6 мужчин) в возрасте 20–35 лет. 6 человек смотрели один и тот же фильм жанра триллер длительностью 107 минут в одиночестве, а 6 человек – в парах (всего 3 пары). Все испытуемые ранее не смотрели этот фильм. Ритм сердца регистрировался с помощью кардиодатчика Polar H10. До и после просмотра фильма оценивалась ситуативная тревожность по методике Спилбергера-Ханина, а также записывался ритм сердца в течение трех минут. Таким образом, мы могли оценить динамику психологического (ситуативная тревожность) и физиологического (ритм сердца) ответа испытуемых на просмотр фильма в зависимости от наличия или отсутствия зрителя.

Обработка данных о ритме сердца проводилась в среде Jupyter Notebook на языке Python. Сначала проводилась фильтрация RR-интервалов для удаления артефактных значений. Затем с помощью пакета «hrv-analysis» высчитывались значения временных и спектральных метрик в записях до и после просмотра фильма.

Результаты исследования показали, что у всех, кто смотрел фильм в паре, после просмотра повысилась ситуативная тревожность, коэффициент вариативности ритма сердца (CVNNi) и общая мощность спектра вариабельности ритма сердца (TP). Просмотр фильма без зрителя сопровождался повышением тревожности только у одного участника и повышением CVNNi и TP только в половине случаев. Эти результаты указывают на то, что скорее всего зритель выступал как фасилитатор при просмотре фильма жанра триллер.

Таким образом, эффект зрителя при просмотре фильма оказывает влияние на зрительский опыт, усиливая переживание, что отражается как в психологических, так и в физиологических данных.

Можно полагать, что эффект зрителя при просмотре фильма в жанре триллер проявляется в социальной фасилитации. Необходимо продолжение данного исследования в направлении увеличения размера выборки и анализа данных о ритме сердца не только до и после, но и во время просмотра фильма.

Литература

1. Триллер // Словарь современного читателя. Журнал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eksmo.ru/slovar/triller/>
2. *Bruder M., Dosmukhambetova D., Nerb J., Manstead A.S.* Emotional signals in nonverbal interaction: dyadic facilitation and convergence in expressions, appraisals, and feelings // *Cognition & emotion*. 2012. 26(3). P. 480–502. <https://doi.org/10.1080/02699931.2011.645280>
3. *Cottrell N.B., Wack D.L., Sekerak G.J., Rittle R.H.* Social facilitation of dominant responses by the presence of an audience and the mere presence of others // *Journal of personality and social psychology*. 1968. V. 9(3). P. 245–250. <https://doi.org/10.1037/h0025902>
4. *Dube S.K., Tatz S.J.* Audience Effects in Tennis Performance // *Perceptual and Motor Skills*. 1991. V. 73(3). P. 844–846. <https://doi.org/10.2466/pms.1991.73.3.844>
5. *Dunand M., Berkowitz L., Leyens J.P.* Audience effects when viewing aggressive movies // *The British journal of social psychology*. 1984. V. 23 (Pt 1). P. 69–76. <https://doi.org/10.1111/j.2044-8309.1984.tb00610.x>
6. *Hanich J.* Watching a film with others: towards a theory of collective spectatorship // *Screen*. 2014. V. 55(3). P. 338–59. <https://doi.org/10.1093/screen/hju026>
7. *Nafcha O., Morshed-Sakran A., Shamay-Tsoory S., Gabay S.* The effect of co-actor group membership on the social inhibition of return effect // *Acta psychologica*. 2020. V. 208. 103119. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2020.103119>
8. *Worringham C.J., Messick D.M.* Social facilitation of running: an unobtrusive study // *The Journal of social psychology*. 1983 121(1st Half). V. 23–29. <https://doi.org/10.1080/00224545.1983.9924462>

Развитие этнокультурной компетентности подростка посредством социально-психологического тренинга

Наубетжанова А.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Актау, Казахстан
ainur.naubetzhanova164@gmail.com*

Этнокультурная компетентность – свойство личности, выражающееся в наличии совокупности объективных представлений и знаний о различной этнической культуре, реализующееся через умения, навыки и модели поведения, которые способствуют эффективному межэтническому взаимопониманию и взаимодействию.

Факторы глобализации снижают уровень этнокультурной компетентности личности, что ставит задачу поиска эффективных путей ее формирования. Казахстанское общество сочетает в себе активное развитие глобальных трендов и, вместе с тем, стремится к сохранению этнической культуры. В подростковом возрасте формирование этнокультурной компетентности становится осознанным, формируются когнитивные и аффективные ее компоненты, в связи с чем представляется актуальным использование методов социально-психологического тренинга для формирования этнокультурной компетентности подростков.

Объект исследования: этнокультурная компетентность.

Предмет исследования: развитие этнокультурной компетентности подростков посредством социально-психологического тренинга.

Цель исследования: выявить условия и доказать возможность развития этнокультурной компетентности подростков посредством социально-психологического тренинга.

Гипотеза исследования: обучение подростков посредством социально-психологического тренинга будет способствовать развитию их этнокультурной компетентности.

В исследовании приняли участие 72 ученика 15–16 лет (54% девочек, 46% мальчиков) общеобразовательного учреждения населенного пункта Атырауской области Индерборск. Среди респондентов 38 чел. – представители казахского народа и 34 чел. – представители других национальностей, проживающие в Казахстане.

Исследование проводилось в 3 этапа: 1) первичная диагностика всех подростков, 2) проведение социально-психологического тренинга с участниками экспериментальной группы (36 чел., представители и доминирующей национальности, и мигрантов), 3) повторная диагностика в экспериментальной (далее – ЭГ) и контрольной (далее – КГ) группе, а также анализ полученных результатов.

Использовался следующий диагностический инструментарий: «Методика исследования этнической и гражданской идентичности» (компонент «Методики комплексного изучения аккультурации» Д. Берри) [3], Анкетирование для изучения специфики этнокультурной компетентности О.Л. Князева, М.Д. Маханева (модификация О.С. Павловой, Л.Ж. Назаровой). Математико-статистическая обработка данных выполнялась в программе SPSS 23.0 при помощи статистических критериев *U*-Манна-Уитни, *T*-критерий Вилкоксона, *хи-квадрат* Пирсона.

Участники тренинга были отобраны случайным образом, сравнительный анализ (критерий *U* Манна-Уитни) показал, что исследуемые группы не имеют между собой статистически значимых различий: в исследуемых группах наблюдается средний уровень гражданской идентичности и уровень выше среднего по показателю этнической идентичности. Диагностика этнокультурной компетентности подростков проводилась только на контрольном этапе исследования.

Далее проводился социально-психологический тренинг в ЭГ (в мини-группах), включающий упражнения, направленные на знакомство с различными культурами, их традициями и фольклором, ценностями, а также на объединение подростков разных национальностей, поиск их общих интересов и взаимопонимания, уважения. Тренинг состоял из трех блоков: 1) ориентировочный блок – 14 упражнений (6,5 ч.); 2) развивающий блок – 24 упр. (7,5 ч.); 3) закрепляющий блок – 12 упр. (4,5 ч.).

Через месяц после проведения тренинга проводилась повторная диагностика. Сравнительный анализ (*T*-критерий Вилкоксона) показал статистически значимое изменение по показателю Этническая идентичность ($p \leq 0,01$), данный показатель существенно возрос в ЭГ (до тренинга среднее – 3,31, после – 3,66). Сравнительный анализ в КГ показал отсутствие динамики при повторной диагностике.

Сравнение групп (*U*-Манна Уитни) показало, что при повторной диагностике уровень этнической идентичности в ЭГ стал значимо выше ($p \leq 0,05$), чем в КГ.

Затем проводилось анкетирование для оценки этнокультурной компетентности подростков и его стат. обработка (*хи-квадрат* Пирсона). Опишем полученные различия.

Школьники из ЭГ значимо чаще отвечали утвердительно на вопросы: «Считаете ли вы необходимостью введение народоведческих дисциплин в систему образования?» ($p \leq 0,01$), «Уделяется ли место в вашей учебе для знакомства с традиционными культурами казахского народа и с этнокультурами Казахстана?» ($p \leq 0,05$), «Знаете ли вы специфические этнокультурные нормы и правила поведения в различных культурах?» ($p \leq 0,01$). При этом школьники из ЭГ чаще, чем из КГ отвечали отрицательно на вопросы «Испытываете ли вы какие-либо трудности в общении с подростками разных национальностей, отличающихся от вашей?» ($p \leq 0,05$) и «Вы выбираете себе друзей по национальному признаку?» ($p \leq 0,01$).

На вопрос «Каковы главные причины затруднений, на ваш взгляд, в осуществлении поликультурного воспитания детей?» большинство подростков из КГ затруднились дать ответ, тогда как подростки из ЭГ подробно высказывали свои суждения по этому вопросу. Большинство из них сошлись в мнении о том, что в школе не хватает занятий, где представители различных культур могли бы делиться своими традициями, фольклором, более тесно общаться и знакомиться друг с другом.

Таким образом, в результате проведенных мероприятий подростки стали в большей степени ощущать свою этническую идентичность. Можно сделать вывод о том, что произошедшие изменения связаны именно с влиянием проведенного тренинга, который помог подросткам повысить их этнокультурную компетентность и способствовал развитию позитивных ценностных ориентаций. Проведенное исследование позволило установить, что социально-психологический тренинг является эффективным средством формирования этнокультурной компетентности подростков. Выдвинутая гипотеза подтвердилась.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология. Учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2011.
2. *Павлова О.С., Назранова Л.Ж.* Этнокультурная компетентность педагога в условиях среды с полиэтничным составом воспитанников [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2015. Том 7. № 2. С. 35–47. DOI: 10.17759/psyedu.2015070204
3. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Высшая школа экономики, 2011.

Проблема изучения особенностей ПТСР у пострадавших в авариях и дорожно-транспортных происшествиях

Наумова И.И., Кочетова Т.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
875nii@gmail.com

Как известно, пострадавшим с диагнозом ПТСР пришлось пережить значительное травмирующее событие, изменившее их жизни. В этой связи важно понимать, как посттравматический синдром влияет на внутренний мир человека. Как демонстрируют результаты различных психологических исследований, даже при схожих обстоятельствах реакция на травму может абсолютно разной.

Действительно, степень тяжести события и тяжесть психической реакция на стресс не могут не играть важной роли в формировании ПТСР, однако при этом нельзя игнорировать и другие психологические переменные. К числу таких переменных, конечно, можно отнести низкую психологическую зрелость, чрезмерную чувствительность, неразвитые навыки осознания своих эмоций, излишний уровень контроля и т.п. [4].

Некоторые особенности личности, например, такие, как акцентуация характера, генетические и наследственные предрасположенности, социопатические расстройства, разного рода

зависимости (наркотическая, алкогольная, эмоциональная), являются важными факторами, усиливающими риск возникновения ПТСР [1; 2].

Увеличивать риск развития ПТСР после травматического события может и предшествующий травмирующий опыт (физическое насилие в детстве, несчастные случаи в прошлом, серьезные проблемы в семье, смерть близких родственников, развод родителей и т.п.) [2; 3].

Учитывая, что дорожно-транспортное происшествие является серьезнейшим травмирующим событием для его участников, вызывающим стресс, то представляется вполне логичным рассмотрение особенностей протекания ПТСР у лиц, пострадавших в ДТП.

Так, в ряде исследований зарубежных ученых отмечается возникновение сложностей в организации наблюдения за течением ПТСР и проведения реабилитации у лиц, пострадавших в ДТП, так как они зачастую не имеют желания обсуждать обстоятельства аварии и неохотно обращаются к специалистам за помощью, даже если испытывают психологический и психический дискомфорт [4].

Предельно обобщая результаты исследований можно выделить следующие поведенческие, психологические особенности, пострадавших в ДТП: 1) вероятность возникновения ПТСР достаточно высока у жертв серьезных ДТП и остается высокой по прошествии 9 месяцев; 2) женщины, пострадавшие при ДТП, имеют более высокий риск острых стрессовых расстройств, чем хронических; 3) лица, пережившие стресс ранее, имеют более высокий риск возникновения как острых, так и хронических пост-стрессовых расстройств; 4) вероятность возникновения психических расстройств у женщин в четыре раза выше, чем у мужчин; 5) вероятность возникновения ПТСР в течение первых трех месяцев очень высока, поэтому этот период считают «критическим»; 6) возможно возникновение таких симптомов ПТСР, как: затруднение концентрации внимания, раздражительность, бессонница, ощущение отдаления от других, трудности в общении с окружающими и невозможность избавления от постоянных мыслей об аварии, особенно если человек находится в автомашине; 7) риск развития посттравматического стрессового расстройства увеличивается, если имела место авария со смертельным исходом

одного из участников, или водитель – участник ДТП страдал психическим расстройством до ДТП [2].

Сложность изучения особенностей ПТСР после дорожно-транспортных происшествий в том, что психологические аспекты ДТП, если не брать чрезвычайные происшествия, не настолько глобальны, как военные действия, и до настоящего момента являются малоисследованными. Также имеется человеческий фактор, т.е. процент небольшого количества обращения к психологам.

Таким образом, проблема ПТСР после ДТП актуальна в связи с тем, что человек, вследствие травмы, перестает спокойно относиться к ведению транспортного средства как самостоятельно, так и с другими людьми, выступающими в качестве пассажиров.

В связи с недостаточной изученностью данной темы, нами была предпринята попытка рассмотрения особенностей посттравматических изменений, пострадавших в ДТП с акцентом на особенности индивидуально-психологических качества личности.

Литература

1. *Ениколомов С.Н.* Психотерапия при посттравматических стрессовых расстройствах // Российский Психиатрический Журнал 1998. № 3. С. 50–56.
2. *Кудряшова Е.А., Литвинова Е.Ю.* Особенности переживания ПТСР у водителей с различным уровнем эмоционального интеллекта // Актуальные проблемы организационной психологии и психологии дорожного движения. С. 120–126.
3. *Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г.* Психологическая помощь людям, пережившим травматический стресс. - М.: МГППУ, 2006. 112 с.
4. *Kinzie J.D.* The effects of September 11 on traumatized refugees reactivation of posttraumatic stress disorder / Kinzie J.D., Boehnlein J.K., Riley C., Sparr L. // Journal of Nervous and Mental Disease. 2002. № 190. P. 437-441.

Особенности проявления вины и стыда у клиентов из восточных и западных культур

Нестерова А.А.

*ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия
anesterova77@rambler.ru*

В кросскультурном консультировании и терапии необходимо учитывать культурные контексты проявления чувств, эмоций и обусловленность поведенческих особенностей клиентов. Такие сложные чувства как ревность, зависть, страх, стыд, вина по-разному могут проявляться у представителей западной и восточной культуры. Про различия вины и стыда, например, написано много книг и статей, но в них, к сожалению, редко учитываются культуральные особенности людей. Концепции, объясняющие проявление стыда и вины вообще чаще ориентированы для объяснения чувств, возникающих у людей западной культуры. Соответственно, и способы психотерапевтической работы со стыдом и виной тоже подходят только для «западного человека».

Одно из явно видимых различий между Востоком и Западом в отношении стыда, заслуживающее дальнейшего рассмотрения, - это различие в том, что Запад более основан на чувстве вины, а Восток более основан на чувстве стыда. Жители Запада уделяют больше внимания своей личной ответственности, вине, юридической виновности/невиновности, чем стыду. Эрик Эриксон в 50-х годах XX века отметил, что стыд является плохо изученным чувством, потому что у человека это чувство очень быстро поглощается чувством вины [2].

Западная психологическая литература подробно разграничила, что такое вина и стыд. Оба эмоциональных состояния относятся к тому, насколько хорошо мы соответствуем социальным правилам, и как мы умеем следовать определенной морали. Например, Джонатан Хайдт рассматривает стыд как ощущение того, что вся наша внутренняя сущность – плоха или даже ужасна, тогда как вина – это ощущение того, что наши конкретные действия – плохи [4]. Джон Аллен, известный психотравматолог, утверждает, что «стыд – это чувство всепроникающей неполноценности, тогда как чувство вины

проистекает из конкретных действий, причиняющих вред другим людям» [3, с. 70]. Если переводить упрощенно «западную формулу» различения стыд и вины, можно констатировать: *стыд* предполагает негативную оценку всей своей личности, тогда как *вина* предполагает негативную оценку конкретного поведения.

Анализируя различные кросскультурные исследования, можно отметить, что западная культура – это культура вины, а восточная культура – это культура стыда. Джин Ли и коллеги выяснили, что, например, для китайской выборки вина и стыд пересекаются и иногда едва отличаются друг от друга [5]. При этом мандаринский язык (китайский) различает три типа вины: чувство вины, когда имело место невыполнение обязательств перед другим человеком (нэй цзю), когда имел место моральный проступок (цзуй э ган) и когда имело место нарушение закона (фан цзуй гань). И еще есть четыре различных типа стыда: стыд, испытываемый в связи с потерей репутации (диу лян), неспособностью достичь идеала (кан куй), личной неудачей (сю куй) и социальная неудача (сю чи). Китайский иероглиф стыда (耻) состоит из двух частей. Часть слева – это символ, обозначающий «ухо», а часть справа – символ «остановки». Следовательно иероглиф 耻 указывает на то, что человек должен прекратить неправильное поведение, когда он слышит критику в свой адрес.

Одна из сложностей кросскультурных исследований заключается в том, что точные синонимы терминов эмоций из одного языка иногда невозможно найти в другом языке, особенно когда эти языки сильно различаются с точки зрения своих исторических корней. Но все же есть выделяемые многими исследователями различия, что восточные культуры более склонны испытывать чувство стыда (особенно исламские культуры), а западные культуры – чувство вины.

Стыд и вина описываются как «социальные эмоции», отчасти потому, что эти эмоции более социально обусловлены по своей природе, по сравнению с более «базовыми эмоциями», такими как гнев или удивление. Базовые эмоции проявляются у нас даже когда мы не овладели своим родным языком (например, младенцы). А социальные эмоции, такие как стыд и вина, возникают только после того, как у ребенка начало формироваться самосознание и появились

относительно развитые языковые возможности. Это говорит о том, что социальные эмоции более тесно переплетены с языком, самооощущением и, следовательно, культурой [1]. Таким образом, способы проявления, переживания и обозначения социальных эмоций, таких как стыд, скорее всего, будут различаться в разных культурах, что затрудняет межкультурные сравнения.

Кроме того, как социальная эмоция, стыд выполняет важные функции на уровне группы. То, что может быть адаптивным для конкретной группы (например, стыд часто снижает конфликты в группах и способствует сотрудничеству), может быть менее адаптивным для отдельных членов группы (например, те, кто ниже по социальному статусу или власти, скорее всего, испытают стыд, если они попытаются повысить свой социальный статус). Поскольку гармония и сотрудничество часто высоко ценятся во многих взаимозависимых культурах (восточных), это может быть частью того, что делает стыд более адаптивным в этих культурах. Напротив, культуры, более ориентированные на независимость, на личные достижения (западные культуры), могут отдавать приоритет тому, что адаптивно для отдельного индивида, а не для группы. Высокая ценность, придаваемая гармонии и сотрудничеству, может также помочь объяснить, почему в культурах, ориентированных на взаимозависимость (восточные культуры), люди обычно считают стыд более позитивным. Люди из восточных культур могут недоумевать в момент психологического консультирования, почему им предлагают избавиться от чувства стыда. Это более позитивная и «благородная» эмоция на Востоке – признак высокой культуры и хорошего воспитания. Быть скромным и стыдливым на Востоке – большая ценность.

Исследователи также описывают стыд и вину как «эмоции застенчивости», потому что эти эмоции заставляют людей размышлять о себе. Тем не менее, разные культуры концептуализируют себя по-разному. В индивидуалистических культурах (например, в большинстве стран Европы, в Америке), люди обычно считают себя обособленными и отделенными от других. Таким образом, стыд может быть связан с ощущением изолированности и несовершенства личности. Однако в культурах,

более ориентированных на взаимозависимость (коллективистских культурах), люди склонны рассматривать себя как более взаимосвязанных. Идея отдельного «Я», отделенного от других, может даже не иметь особого смысла в восточных культурах. Если разные культуры рассматривают себя по-разному, то эмоции, связанные с самооощением человека, естественным образом будут действовать по-разному в зависимости от этих различных контекстов.

Особенности социализации тоже влияют на формирование определенных паттернов выражения «моральных чувств»: индивидуалистические культуры обычно стремятся свести к минимуму тревогу и стыд, одновременно социализируя ребенка, чтобы у него была ориентация на чувство вины, тогда как многие коллективистские культуры обычно склонны поощрять в ребенке ориентацию на стыд.

В рамках кросскультурного консультирования важно понимать эти различия, особенно когда мы имеем дело с людьми из другой культуры, где наше понимание некоторых чувств и сложных эмоций может по-другому концептуализироваться в личном опыте клиента.

Литература

1. *Нестерова А.А., Суслова Т.Ф.* Ментальные репрезентации как фактор протекания миграционного процесса // Социологические исследования. 2017. №9(400). С. 99.-107.
2. *Эриксон Э.* Детство и общество. СПб.: Изд-во: Питер, 2018.
3. *Allen J.G.* Coping with trauma, hope through understanding (2nd ed.). Washington, DC: American Psychiatric Publishing, 2005.
4. *Haidt J.* The moral emotions / In R.J. Davidson, K.R. Sherer & H.H. Goldsmith (Eds.) Handbook of affective sciences. New York, NY: Oxford University Press, 2003. P. 852-870.
5. *Li J., Wang L., Fischer K.* The Organisation of Chinese Shame Concepts. *Cognition & Emotion // Cognition emotion.* 2004. Vol. 18. P. 767-797. 10.1080/02699930341000202.

Исследования партнерского фаббинга в романтических и супружеских отношениях

Нестерова А.А., Смолякова Е.В.

ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия

anesterova77@rambler.ru, nik.shilina88@gmail.com

Сегодня молодежь отдает предпочтение общению в социальных сетях, пренебрегая живым общением с партнером. Все сферы нашей жизни оказались под сильнейшим влиянием диджитализации, что, казалось бы, несет в себе массу плюсов. Однако уже на данный момент существует огромное количество психологических исследований, которые доказывают существование негативного влияния цифровых коммуникаций на когнитивные способности и психологическое здоровье молодежи.

Становление цифрового мира, социальных сетей, изобилие гаджетов привело к тому, что общение приобрело беспрецедентные и непредсказуемые характеристики, такие как абсолютная непосредственность, глобальный характер, возможность непрерывной и постоянной связи и интоксикация, которой люди подвергаются в своей повседневной деятельности. Все больше исследований в России появляется на актуальную тему явления фаббинга в различных аспектах нашей жизни. Примерами фаббингового поведения являются отвлечение на телефон для того, чтобы ответить или просмотреть всплывающие текстовые сообщения в середине разговора, уведомления в различных приложениях или социальных сетях.

А. Афдал под фаббингом подразумевает постоянное или чрезмерное использование смартфона, вызывающее недостаток взаимодействия между людьми или пренебрежительное отношение к партнеру [3].

С одной точки зрения, партнерский фаббинг трактуется как феномен, негативно влияющий на романтические или супружеские отношения. Это может быть связано с бесконтрольным использованием телефона, то есть люди в присутствии собеседника обращаются к своим телефонам вместо того, чтобы взаимодействовать с партнером. С другой стороны, фаббинговое поведение стало социально-принятой нормой. Общество всегда испытывало изменения

при введении новых социальных норм, и люди, как правило, принимают эти нормы достаточно быстро [6].

В 2022 году нами было проведено исследование, в котором изучались социально-психологические особенности отношения молодежи к гаджет-аддикции и фаббингу. Исследование отношения к фаббингу у молодежи показало, что большая часть респондентов считает фаббинг явлением, негативно влияющим на общение и межличностные отношения в целом. Но также, около половины юношей и девушек (41%) считают фаббинг современной социально-приемлемой нормой. Девушки чаще прибегают к фаббингу в общении и относятся к нему более позитивно, чем юноши [2].

Дж. Робертс и М. Дэвид определили в своем исследовании, что фаббинг приводит человека к социальной изоляции, что становится причиной чувства исключенности, неважности у фабби, нарушает у него человеческую потребность в принадлежности и близости, а также нарушает чувство собственной ценности. Также они обнаружили, что 25% супружеских пар сталкиваются в семейной жизни с фаббингом по отношению друг к другу. Этот феномен ярче выражен среди респондентов, которым 18-29 лет. Они впервые в своем исследовании в 2016 году определили понятие «партнерский фаббинг». Этот термин используется для описания фаббингового поведения при появлении романтического партнера или супруга [6].

Партнерский фаббинг исследовали многие зарубежные ученые, например, К.М. Дуглас, Дж. Робертс, М. Дэвид и др. Они определили, что партнерский фаббинг подразумевает снижение удовлетворенности отношениями, качества коммуникации, доверия, эмоционального контакта, эмпатии; ведет к развитию ревности, реальные отношения не соответствуют ожидаемым, появляется чувство пренебрежения и одиночества [6].

Удовлетворенность отношениями лучше всего описать как степень, в которой партнер удовлетворяет желания и потребности другого. Для удовлетворения отношений качество общения между партнерами очень важно и, по-видимому, имеет большее значение, чем время, которое партнеры проводят вместе. Другие исследователи утверждают, что партнерский фаббинг превысит удовлетворенность отношениями, потому что она влияет на чувство отчуждения,

воспринимаемую отзывчивость партнера, воспринимаемую близость, конфликты из-за использования телефона и чувство ревности, и даже прекращение отношений [4].

М. Поллман и Камиэль Дж. Бикбум сделали вывод о том, что многим людям в настоящее время трудно противостоять искушению социальных сетей и других приложений для привлечения внимания на своем смартфоне. Их исследование показывает, что использование телефона в присутствии партнера, имеет часто непреднамеренный, пагубный эффект отношений. Чтобы предотвратить такие пагубные последствия, необходимо стать более осведомленным о последствиях использования телефона. Особенно в тех случаях, когда человек, находящийся рядом, ожидает, что его партнер переключит на него внимание и отложит смартфон в сторону. Партнерский фаббинг может также влиять на удовлетворенность отношениями в зависимости от пола и семейного статуса. Женщины, не состоящие в браке, воспринимают партнерский фаббинг более негативно, но чем больше продолжительность отношений партнеров, тем больше они воспринимают фаббинг как нормальное явление [4].

С.М. Койн, А.М. Фрейзер совместно с другими исследователями также изучали удовлетворенность романтическими отношениями. Они сделали вывод, что партнеров возмущает не само увлечение компьютерными играми или общение в социальных сетях, а именно то, что потерянное время они могли провести за совместными увлечениями или делами. Также чувство неудовлетворенности романтическими отношениями, дискомфорта и снижение качества контакта является следствием наличия мобильного телефона в пределах видимости партнера (то есть, когда смартфон постоянно лежит на расстоянии вытянутой руки от супруга). Исследователи заключили, что люди чувствительны к проявлению фаббинга в свою сторону, но при этом склонны не обращать свое внимание на негативные последствия фаббинга, когда сами выступают в роли фаббера [5].

А.А. Заигралина и А.А. Нестерова исследовали влияние фаббинга на качество романтических отношений молодых людей. Они выяснили, что более 80% респондентов обижаются на своего партнера, когда во время близкого контакта тот отвлекается на свой

смартфон с различными целями (например, для просмотра какой-либо новой поступившей на смартфон информации, социальных сетей и т.д.). Партнеры из-за проявления фаббинга делают выводы о том, что «их не любят», «они не так интересны, как информация, которую партнер просматривает», «их не выбирают и не предпочитают», «их не уважают» [1].

Итак, большинство исследований показывают, что партнерский фаббинг оказывает негативное влияние на качество супружеских и романтических отношений партнеров, а именно: ведет к снижению удовлетворенности отношениями, потери близости, разочарованию, чувству ревности, конфликтам, а в отдельных случаях к разрыву отношений.

Литература

1. *Нестерова А.А.* Влияние фаббинга на качество романтических отношений молодых людей / А. А. Нестерова, А. А. Заигралина // Социальная психология: вопросы теории и практики: Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 12–13 мая 2021 года. Москва: МГППУ, 2021. – С. 401-404.
2. *Нестерова А.А.* Социально-психологические особенности отношения молодежи к гаджет-аддикции и фаббингу / А. А. Нестерова, Е. В. Шилина // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических, педагогических и лингводидактических исследований: Материалы Международной научно-практической конференции, Мытищи, 13–14 апреля 2022 года. Москва: Московский государственный областной университет, 2022. С. 925-929. EDN TLWKPX.
3. *Afdal A.* An analysis of phubbing behaviour: Preliminary research from counseling perspective / A. Afdal, A. Alizamar, I. Ifdil, Z. Ardi, I. Sukmawati, Z. Zikra, A. Ilyas, M. Fikri, Y. Syahputra, H. Hariyani // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research.* – 2019. – Vol. 295. – P. 270-273.

4. *Camiel J.* Beukeboom, Monique Pollmann. Partner phubbing: Why using your phone during interactions with your partner can be detrimental for your relationship // *Computers in Human Behavior*. -2021.- Vol. 124.
5. *Coyne S.M., Padilla-Walker L.M., Fraser A.M., Fellows K., Day R.D.* Media time $\frac{1}{4}$ family time: positive media use in families with adolescents // *Journal of Adolescent Research*. P. P. - 2014. - Vol.29(5).
6. *Roberts J.A.* My life has become a major distraction from my cell phone: Partner phubbing and relationship satisfaction among romantic partners / J. A. Roberts, M. E. David // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 54. P. 134-141.

Самоотношение и выбор стратегий конфликтного поведения в офлайн и онлайн-средах

Никулина М.Ю., Клементьева М.В.

*Финансовый университет, Москва, Россия
nikulina_mi@mail.ru, marinaklementyva@yandex.ru*

Конфликт – острые всевозможные противостояния и взаимные негативные отношения, в основе которого лежат несовместимые цели, интересы и типы поведения, сопровождающиеся негативными психологическими проявлениями. Конфликтное поведение представляет собой склонность человека к конфликту в процессе взаимодействия личностных и внешних факторов (Божович Л.И., Славина Л.С., Волкова Б.С., Илийчук В.И.). Наиболее известная модель стратегий поведения в конфликтных ситуациях принадлежит К. Томасу и Р. Киллмену: конфронтация, приспособление, компромисс, уклонение и сотрудничество. Выбор стратегий конфликтного поведения происходит не только из-за внешних стимулов и раздражителей, но и благодаря внутренним характеристикам личности. Многие исследования подчеркивают важность Я-концепции для объяснения поведения людей (О.Б. Дутчина, Г.М. Дубчак, А.А. Реан). В понимании В.В. Столина самоотношение – устойчивое чувство, сопровождающее «Образ Я» и

восприятие себя. Б.Г. Ананьев отмечал, что самоотношение, будучи постоянным элементом личности, воздействует на развитие аспектов, структуры и выражения широкого спектра психологических особенностей индивида. Самоотношение влияет на социальную активность личности, определяет адекватность и разнообразие ее поведения. Оно служит мотивом для саморегуляции поведения и проявляется на всех уровнях реализации поведенческого акта (И.И. Чеснокова). С развитием виртуальной среды изменяются механизмы формирования и разрешения конфликтов, которые связаны со специфическими особенностями взаимодействия и восприятия пользователей в сети. Можно выделить несколько специфических условий взаимодействий в сети: анонимность, устоявшиеся нормы коммуникативного поведения, добровольный выбор контактов, отсутствие невербальных проявлений общения, сложность передачи эмоционального компонента, меньшее количество социальных и культурных ограничений (О.А. Пикулёва, И.С. Шевченко).

В настоящее время проведены исследования, которые посвящены анализу связи самоотношения с различными стратегиями выбора поведения в конфликте в офлайн-среде (А.К. Акименко, П.Г. Гасанова, А.В. Гончаров), но данный объект исследования недостаточно рассмотрен в онлайн-среде. Поэтому, в современных реалиях важно изучать природу конфликтного поведения в онлайн-среде в соотношении с офлайн-средой.

Цель нашего исследования – анализ взаимосвязи между компонентами самоотношения и стратегиями конфликтного поведения в онлайн- и офлайн-средах.

Гипотеза: существует взаимосвязь между компонентами самоотношения и стратегиями конфликтного поведения в онлайн- и офлайн-средах.

Методики: «Опросник самоотношения» В.В. Столина и С.Р. Пантилеева [1, с. 159] и методика Томаса–Килманна на выявление ведущего поведения в конфликтной ситуации [2, с. 164], авторски модифицированные с использованием метода многомерного шкалирования путем попарного сравнения оригинальных утверждений по шкалам: онлайн и офлайн.

Участники: 40 человек (из них 18 юношей) от 18 до 21 года.

Корреляционный анализ показал связанность стратегий компромисса ($p < 0,001$) и приспособления ($p < 0,01$) в онлайн- и офлайн-средах. Результаты могут указывать на сходство в выборе стратегий и реакций на конфликт у людей в двух сферах.

Сравнительный анализ показал более высокий ($p < 0,01$) уровень стратегий поведения в конфликтных ситуациях: конфронтация, сотрудничество и уклонение в офлайн-среде, по сравнению с онлайн-средой. В офлайн-среде участники конфликта могут наблюдать реакции друг друга, воспринимать невербальные средства общения и другие аспекты личного взаимодействия, что усиливает проявление данных стратегий конфликтного поведения.

В ходе корреляционного анализа выявлено, что в офлайн-среде выбор стратегии компромисса положительно ассоциирован с глобальным самоотношением, самоуважением, аутосимпатией, ожидаемым положительным отношением от других и самоуверенностью ($p < 0,001$), самопринятием и самопониманием ($p < 0,01$). В онлайн-среде выбор стратегии компромисса положительно ассоциирован с глобальным самоотношением, ожидаемым положительным отношением от других и отношением от других ($p < 0,01$). Личности, у которых данные компоненты самоотношения развиты или выражены сильнее, склонны к использованию стратегии компромисса в решении конфликтных ситуаций как в офлайн-среде, так и в онлайн-среде. Большее количество коррелятов самоотношения у стратегии компромисса в офлайн-среде, по сравнению с онлайн-средой возможно из-за того, что пользователи интернета активно выбирают себе сообщества или перемещаются в различные группы/сообщества/паблики и т.д., где отсутствуют или минимизированы конфликтные ситуации. То есть, стратегия компромисса является наиболее востребованной и отвечающей стремлениям, целям, склонностям, которые связаны с позитивным самоотношением человека к себе, в офлайн-среде. Также участники, выбирая стратегию компромисса и поддерживая положительное самоотношение к себе и другим людям, транспонируют ее на онлайн-среду. При отсутствии позитивного принятия со стороны онлайн-сообществ, они выходят из данных групп и закрывают любые контакты.

Вывод. Исследование показало связанность стратегий конфликтного поведения: компромисса и приспособления в онлайн- и офлайн-средах. Стратегия поведения в конфликтной ситуации – компромисс, связана с самооотношением в двух средах. Положительное самооотношение к себе и другим людям способствует выбору данной стратегии конфликтного поведения.

Литература

1. Глуханюк Н.С. Практикум по психодиагностике: учеб. пособие – 2-е изд., переруб. и доп. –М.: Издательство Московского психолого-социального института, 2005.
2. Гришина Н. В. Психология конфликта. СПб.: Питер, 2000.

Внешняя мотивация как позитивный фактор учения у студентов колледжа

Нимец А.Р., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anyuta.motina2015@yandex.ru, nnvt@list.ru

Внешняя мотивация обладает широким диапазоном, в котором мотивы обучающихся могут благоприятно влиять на успешность приобретения знаний и практических навыков. Т.О. Гордеева описывала внутреннюю академическую мотивацию как включающую в себя мотивы познания, достижения и саморазвития, которые базируются на удовлетворении базовых психологических потребностей в процессе обучения, а внешнюю мотивацию – как различные рычаги регуляции, связанные с удовлетворением и фрустрацией базовых потребностей в автономии и компетентности [1].

В рамках федерального проекта «Профессионалитет» с 2023 года студенты колледжей имеют возможность получать практические навыки на предприятии, а также получать за свою работу денежное вознаграждение уже с первого года обучения. По мнению разработчиков Проекта, студенты обладают в таких условиях полным

комплектом внешних ресурсов для качественного и интенсивного обучения, что включает, в частности, позитивную внешнюю мотивацию учения.

Объектом нашего исследования является мотивация учения у старших подростков, обучающихся в колледже.

Предметом исследования является специфика учебной мотивации и ранней трудовой деятельности у разных групп студентов: участвующих и не участвующих в проекте «Профессионалитет».

Целью нашей работы была проверка гипотезы о влиянии раннего включения в трудовую деятельность на учебную мотивацию студентов колледжа. В частных гипотезах рассматривались предположения о том, что (1) учебная мотивация у девушек и юношей различны; (2) у студентов первых курсов, участвующих в проекте «Профессионалитет», учебная мотивация выше, чем у студентов старших курсов, в Проекте не участвующих.

В работе сравнивался характер учебной мотивации у студентов первого и второго-третьего курсов. Для эмпирической проверки гипотезы были собраны данные с использованием методики Т.О. Гордеевой «Опросник шкалы академической мотивации школьников» [2] и опросника Э. Эллиота в адаптации М.Г. Никитской и И.Л. Углановой («Цели учебных достижений» – ЦУД) [3]. В выборку исследования вошли 62 студента-первокурсника (участники Проекта) и 56 студентов вторых и третьих курсов, не участвовавших в Проекте, из подмосковного колледжа Красногорского филиала города Звенигород.

Как показали результаты исследования, частные гипотезы подтвердились. Исходя из описательной статистики – 73,4% первокурсников работают, 21,7% работают в рамках своего направления в проекте. Из числа второкурсников, напротив, всего 19,9% работают, а 49,2% не работают вовсе. Первокурсники на 53,5% более мотивированы работать. В результате подсчета данных по методике Т.О. Гордеевой, по шкалам «Мотивация саморазвитие» и «Мотивация самоуважение» есть половые различия: у девушек более выражена мотивация саморазвития и достижения, чем у юношей ($p < 0,01$). Внешние факторы больше мотивируют девушек. Молодые люди в меньше степени мотивированы учиться и работать, большинство из них посещают учебное заведение, просто потому что у них нет другого выбора.

Литература

1. *Гордеева Т.О.* Мотивация школьников XXI века: практические советы: методическое пособие. М.: Благотворительный фонд «Вклад в будущее», 2022. 135 с.
2. *Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н.* Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал 2014. №4 (35). С. 98-109.
3. *Никитская М.Г., Углонова И.Л.* Русскоязычная версия опросника целей учебных достижений: разработка, валидизация и исследование функциональных возможностей // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 5. С. 67-84.

Изучение динамики агрессивности поведения учащихся старших классов

Новохатская Е.В., Рынгач Е.В.

*ФГБОУ ВО МГУ имени А.И. Куинджи, Мариуполь, Россия
helen979novohatskaya@yandex.ru, e.ryngach@mgumariupol.ru*

Подростковый возраст является непростым для учащихся старших классов и содержит в себе множество трудностей. Подростки сталкиваются с физиологическими и психологическими трансформациями. У подростков активно развивается критическое мышление, происходят гормональные перестройки и возникает потребность научиться совладать с «бурей» эмоций. Как результат – возрастает агрессивность среди учащихся старших классов. Это обуславливает актуальность нашего исследования динамики агрессивности поведения на примере учащихся старших классов.

В своей научной работе мы поставили целью изучение динамики агрессивности подросткового поведения в возрасте 15-16 лет. Задачами нашего исследования являются:

- исследовать динамику агрессивного поведения учащихся старших классов школы г. Мариуполя (ДНР, РФ);

- провести аналитическое исследование с применением двух методик: «Агрессивное поведение» авторов Е.П. Ильин и П.А. Ковалев [1], а также «Опросник агрессии Басса-Перри, ВРАQ» в адаптации М.Н. Лобасковой [2];
- организовать и провести практическое занятие, направленное на снижение уровня агрессивности у подростков, с опросом участников исследования до и после практического занятия;
- проанализировать полученные результаты нашего исследования.

В ходе нашей работы мы применили методы анализа, синтеза, математическую статистическую обработку данных и др.

Такое построение нашего исследования позволит достичь цели и изучить динамику агрессивности у учащихся старшей школы г. Мариуполя (ДНР, РФ). В нашем исследовании приняли участие 50 человек – ученицы старших классов средней школы № 27 г. Мариуполя, их возраст составляет 15-16 лет.

Схема нашего исследования включала:

- сбор эмпирических данных до практического занятия, направленного на снижение уровня агрессивности («Агрессивное поведение» авторов Е.П. Ильин и П.А. Ковалев, а также «Опросник агрессии Басса-Перри, ВРАQ» в адаптации С.Н. Ениколопова и др., М.Н. Лобасковой);
- проведение практического занятия с применением телесно-ориентированной терапии;
- итоговый сбор данных после практического занятия на основе применения двух методик: «Агрессивное поведение» авторов Е.П. Ильин и П.А. Ковалев, а также «Опросник агрессии Басса-Перри, ВРАQ» в адаптации М.Н. Лобасковой.

Практическое занятие включало в себя:

- проведение техники мышечной релаксации по Э.Джекобсону (5 минут);
- выполнение упражнения из хатха-йоги «Поза Дерева» на обе ноги (5 минут);
- выполнение техники «Квадратное дыхание» (5 минут);
- медитативное упражнение «Сканирование тела» (10 минут).

В ходе практического исследования мы собрали и проанализировали данные. И выяснили, что динамика агрессивности

поведения у учащихся старших классов наблюдалась следующая (данные основаны на результатах опросника агрессии Басса-Перри):

- общий показатель агрессивности снизился, в среднем, на 10,88% (80,9 до 72,1);
- показатели физической агрессии снизились на 9,39% (с 21,3 до 19,3);
- данные по изменению фактора «гнев» снизились на 12,62% (с 21,4 до 18,7);
- уровень враждебности также снизился на 11,44% (с 23,6 до 20,9);
- уровень вербальной агрессии оказался ниже на 9,59% (с 14,6 до 13,2).

Также наблюдается снижение уровня агрессивного поведения, согласно данным опросника Е.П. Ильина и П.А.:

- прямая вербальная агрессия снизилась с 3,9 до 3,8 баллов;
- косвенная вербальная снизилась с 4,1 до 3 баллов;
- косвенная физическая агрессия снизилась с 3,4 до 2,4 баллов;
- прямая физическая агрессия осталась на прежнем уровне.

Таким образом, мы наблюдаем эффективность выбранных упражнений и техник по работе над снижением агрессивности через телесно-ориентированные приемы.

Мы наблюдаем снижение уровня агрессивности у учеников старших классов уже после первого практического занятия. При этом считаем уместным проведение подобных занятий на регулярной основе с целью снижения уровня агрессивности.

Учитывая тот факт, что в 2022 году в г. Мариуполе в период с февраля по май наблюдались боевые действия, а мирные жители города были пассивными наблюдателями и пассивными участниками этих событий, актуально уделять внимание снижению уровня стресса и, в частности, уровня агрессивности. Достичь этого можно, в том числе, с помощью проведения практических занятий с применением упражнений, направленных на работу с телом (телесно-ориентированная терапия) с целью освоения учениками старших классов техник и практических навыков, направленных на снижение агрессивности.

Кроме того, данные упражнения позволяют снижать уровень стресса, что уже было доказано в научных исследованиях других авторов.

Литература

1. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства: 2-е изд. – СПб: Питер, 2013. – 784 с.
2. *Лобаскова М.М.* Психометрический анализ опросника агрессивности Басса - Перри / М.М. Лобаскова, Т.В. Адамович, В.И. Исмагуллина. // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 28-39.

Конфликты и способы совладания с ними на начальных этапах развития близких (романтических) отношений

Ополовникова А.С., Крюкова Т.Л.

*ИПП КГУ, Кострома, Россия
psyforyou@mail.ru, tat.krukova44@gmail.com*

Исследование типов конфликтов и их разрешения, а также диадического копинга на разных этапах развития близких отношений на выборке 106 респондентов показало, что на ранней стадии преобладают: ревность, стремление к автономии, расхождение в отношении к деньгам, а на более поздних стадиях – встречаются реже. Совладая с конфликтами, пары на начальной стадии (0-1 года) чаще используют избегание или вербальную агрессию, чем на более поздних стадиях отношений. На начальной стадии романтических отношений респондентам свойственны: конфликтный стиль совладания и уход в собственные переживания, а на более поздних – позитивно-направленный стиль.

Цель исследования: провести сравнительный анализ конфликтов и способов их разрешения, а также способов совладания на начальной и более поздних этапах развития близких (романтических) отношений.

Гипотезы:

- на начальной стадии романтических отношений чаще проявляются типы конфликтов: проблемы в стремлении к автономии, ревность, нарушение ролевых ожиданий; а на более зрелых стадиях (от года), стремление к автономии и ревность менее проявлены;
- на начальной стадии отношений, чаще проявляется конфронтация и приспособление, а на более зрелых стадиях (от года), преобладают сотрудничество и компромисс;
- на начальной стадии отношений, проявляется конфликтный стиль поведения, уход в собственные переживания и избегание совместных усилий разрешения проблем, а на более зрелых стадиях – позитивно-направленный стиль поведения в конфликте.

Методы

Исследование проводилось онлайн, принимали участие 106 человек от 18 до 67 лет, ср. в.– 40 лет, ср.откл – 10,9. Результаты испытуемых разделили на 3 группы, по стажу близких отношений: 1 группа – от 0 до 1 года, 2 группа от 1 до 3 лет, 3 группа 3+ лет отношений.

Методики:

- 1) методика «Взаимодействие супругов в конфликтной ситуации» Ю.Е. Алешина, Л.Я. Гозман, Е.М. Дубовская;
- 2) «Шкалы конфликтов и решения проблем» (CPS – Conflicts and problem-solving scales: Р.К. Kerig, 1996). Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П., Психология совладания с трудностями в близких (межличностных) отношениях; Кострома: издательство Костром.гос. ун-та, С:226-234;
- 3) методика «Стили поведения в межличностном конфликте» (К. Томас, Р. Килманн («Thomas-Kilmann Conflict Modeinstrument – TKI-R», Thomas K., Kilmann R., 1974) Адаптация: С.В. Кардашина, Н.В. Шаньгина (2016);
- 4) «Опросник супружеского (диадического) копинга» (МСИ – Marital Coping Inventory: M.L. Bowman, 1990, адаптация Е.Л. Калугина, Т.Л. Крюкова, 2013);
- 5) методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан, Р.К. Фрейли, адаптация Т.В. Казанцевой (2016).

Результаты

1. *Начальная стадия отношений отличается от последующих стадий по типам конфликтов и поведению в них: партнеры (0-1г.) ведут себя более активно негативно, чем партнеры на более поздних*

стадиях отношений. Доминирует ревность 30%, стремление к автономии 19%, расхождение в отношении к деньгам 13%, средние выражены проблемы с родней и друзьями и доминирования партнеров.

2. Доминирует шкала «Конфронтация» у мужчин первой стадии, (от 0 до 1 года), с понижением к последующим стадиям, повышение по шкале «Сотрудничество» у женщин и мужчин от начальной стадии к последующим *значимо при $p \leq 0,001$* . Шкала «Уклонение» понижается от 1 стадии к последующим у мужчин *при $p \leq 0,005$* .

3. Статистически значимые различия при $p \leq 0,001$ есть между 1 стадией и понижением к последующим в шкалах: «Конфликтный стиль», «Самообвинение», «Уход в собственные переживания», «Избегание совместных усилий».

4. Различия по уровню тревоги и избегания между стадией (0-1 года) и последующими стадиями статистически достоверна при $p \leq 0,001$ и понижается от первой стадии к последующим по мере роста надежности этих отношений.

Литература

1. *Анисимова О.А.* Особенности супружеских конфликтов в семьях с разным стажем совместной семейной жизни // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. 2020. №1. – С. 120-123;
2. *Гурко Т.А.* Брак и родительство в России / Т.А. Гурко. – М.: Институт социологии Российской академии наук, 2008. – 324 с.;
3. *Дадаева Т.М.* Конфликты в молодых городских семьях // Регионология. – 2015. – №4 (93);
4. *Евтух Т.В.* Удовлетворенность браком и ассортативность супругов в группах с разным стажем брака // Вестник Пермского Государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия 1, Психологические и педагогические науки. – 2016;
5. *Крюкова Т.Л.* Психология совладающего поведения: монография / Т.Л. Крюкова. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2004. – 244 с.

Социально-психологические факторы гармонизации семейных отношений

Орлов В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

vladimirorlov@bk.ru

Несмотря на изменения, которым подвергаются в последние десятилетия семейные ценности, классическое понимание семьи как ячейки общества не утратило своего значения. Человек – существо социальное, на всех этапах онтогенеза он связан с обществом «пуповиной», которая лишь меняет свою функцию. Он не может существовать вне общества, как и социум не существует без человека. Начальным же социумом безусловно для человека является семья, и то, как проходит этот процесс первичной социализации, во многом определяет последующие этапы его жизни.

Люди объединяются в группы с различными целями – защиты от врагов, более эффективного решения профессиональных задач и т.д., но всегда это объединения личных ресурсов для их многократного увеличения. Причем это увеличение происходит не путем сложения в зависимости от количества участников группы, а перемножения, так как чужой ресурс способен фасилитировать тенденцию собственного развития.

Легко заметить, что традиционная форма семьи, доказавшая свою жизнеспособность на протяжении тысячелетий, обладает универсальным потенциалом удовлетворения всех базовых потребности человека. Как модель для пояснения этого тезиса используем краткую интерпретацию широко известной пятиуровневой иерархической пирамиды потребностей, предложенной А. Маслоу.

1 уровень – «физиологические потребности» (дыхание, пища, влага, самовоспроизводство, жилище) как материальное пространство жизнедеятельности семьи.

2 уровень – потребность в безопасности (включая физическую и социальную). Семья как малая социальная группа берет на себя всю полноту ответственности за безопасность своих членов.

3 уровень – «потребность в приобщенности» (быть в системе взаимозначимых отношений с членами семьи). Это выражается в

форме взаимной заботы, эмоциональной поддержки, дружбы, любви, доверительной привязанности.

4 уровень – «потребность быть в достоинстве» (осознание высочайшей ценности собственной личности в сочетании с паритетным отношением к личностям других членов семьи). Этот уровень развития внутрисемейных отношений труднодостижим, но при определенных условиях семья обладает и этим потенциалом.

5 уровень – «потребность в самоактуализации» (быть в тенденции раскрытия «глубинных личностных способностей»). В гуманистической парадигме семья обладает огромным фасилитирующим потенциалом личностного развития каждого ее члена за счет построения высокоэффективных форм межличностного взаимодействия на основе доверия.

Но для удовлетворения такого широкого спектра потребностей, естественных для человека, нужна не просто семья, а – гармонично организованная семья. То есть, ингрупповые (внутрисемейные) отношения должны строиться на гармоничной межличностной системе взаимодействия.

Перечислим базовые факторы гармонизации системы семейных отношений.

- *Конгруэнтность* (искренность, открытость проявлений чувств, психических состояний, мыслей, отношений к чему-либо). Здесь надо добавить, что конгруэнтность имеет одно ограничение – искренность не должна быть направлена на оскорбление личности другого человека.

- *Уважительное отношение к личности и «личностному пространству» другого члена семьи.* Этот феномен структурирован, независимо от возраста члена семьи, в его материальных, социальных, духовных ценностях.

- *Толерантность* (в отличие от терпимости, когда человек сдерживает свою негативную эмоциональную реакцию на поведение другого члена семьи, толерантность позволяет человеку «быть эмоционально не чувствительным» к проявлениям других членов семьи). Основным механизмом толерантности является «безусловное принятие», которое можно определить следующим образом: «Принять – это «разрешить» себе, другому или ситуации быть такими, какие они существуют в реальности, принять – это не

значит согласиться с тем, что существует».

• *Активное слушание во внутрисемейном пространстве.* Это универсальное средство относится, наряду с технологией «Я-высказывание», к наиболее эффективным способам создания благоприятного коммуникативного пространства в любой системе, особенно детско-родительского, межличностного взаимодействия [2].

• *Приоритет основного нравственного правила в системе внутрисемейных отношений (нравственная рефлексия).* Любое собственное действие должно планироваться с учетом интересов других членов семьи.

• *Доверительная система внутрисемейных отношений.* Реализуется отказом от неконструктивной критики, характеризуется снижением взаимной критичности и использованием личностных защит.

• *Демократическая система внутрисемейного взаимодействия* (коллегиально выстраивать систему правил внутрисемейных отношений и брать на себя персональную ответственность за выполнение этих правил) [2].

• *Оказание эмоциональной и другой поддержки члену семьи, столкнувшемуся с проблемой вне семейного пространства.*

• *Разрешение возникающих внутрисемейных противоречий путем коллегиального обсуждения* (разрешать противоречия, не дожидаясь их перерастания в негативно-эмоциональные конфликты) [1].

• *Распределение домашних обязанностей в соответствии со способностями к выполнению этих обязанностей и наличия ресурса времени.*

• *Осуществление финансирования потребностей членов семьи на основе гласности и справедливости.*

• *Коллегиальное планирование досуговой деятельности семьи.*

Подводя итоги представленной системы факторов гармонизации семейных отношений, можно сказать, что в ее основе лежат гуманистические принципы межличностных интрагрупповых отношений, а нравственность поведения строится на взаимном уважении и учете ценностей и потребностей всех участников семейного взаимодействия. На основе этой системы будет решена проблема

сохранения личностного пространства каждого члена семьи, с учетом личностных особенностей и детей, и взрослых, а взаимные ожидания относительно роли каждого из них будут приниматься в расчет и служить основанием для выстраивания собственной линии поведения. Большое значение в гармонизации семьи имеет анализ и учет индивидуальных и групповых систем ценностей. Такие технологии, как «Принятие», «Активное слушание», «Я-высказывание», способствуют созданию условий внутригруппового семейного взаимодействия, которое и обеспечивает оптимальное удовлетворение основных потребностей каждого члена семьи. А создание в семье доверительных отношений является основой достижения целей семьи. Важнейшим условием реализации потенциала семьи является функционирование эффективного внутрисемейного коммуникативного поля.

Литература

1. Крушельницкая О.Б., Орлов В.А. Социально-психологические проблемы управления конфликтом. Учебное пособие. М.: МГППУ, «НФП «Смысл», 2007. 168 с.
2. Орлов В.А. Коммуникативные средства повышения эффективности профессиональной деятельности психолога // Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 322 с. – (Высшее образование: Бакалавриат). DOI 10.12737/1014623. С. 191-215.

Взаимосвязь риска нарушений пищевого поведения с индивидуально-психологическими особенностями личности

*Орлова В.П., Черноярлова Т.Ю., Яковлева Е.К., Николаева Н.О.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Tanyachernoyarova@yandex.ru, yackowlewa.elena2016@yandex.ru*

Расстройства пищевого поведения являются острой проблемой современного общества. Это объясняется ростом количества людей с избыточным весом, стремлением подрастающего поколения к

похудению, а также наличием огромного количества факторов, способствующих развитию данных расстройств.

Социальные факторы РПП включают травмирующие межличностные отношения (буллинг, насмешки над внешностью, в детстве и подростковом возрасте), присвоение представлений об идеальном теле, а также страх негативной оценки внешности. Становление и изменение образа тела происходит под действием социума, транслирующего ценности и идеалы, представленные в массовом сознании. Сложилась установка идеализировать определенный тип внешности и придавать внешнему виду первостепенную значимость, что активно тиражируется в СМИ и социальных сетях [4].

Среди разнообразия психологических факторов, влияющих на возникновение и развитие РПП, особого внимания заслуживает изучение индивидуально-психологических особенностей личности, таких, как отношение к своему телу, перфекционизм, личностная тревожность, эмоциональный интеллект. Сейчас вопрос о связи РПП и личностных особенностей остается открытым. В рамках нашего исследования мы предполагаем и хотим доказать, что отклонения в пищевом поведении зависят от выраженности индивидуально-психологических особенностей человека.

Описание выборки

Выборка состоит из 64 студентов МГППУ женского пола, в возрасте от 18 до 26 лет (средний возраст – 22 года), получающих образование по клинично-психологической специальности.

Описание методик

За основную методику мы взяли «Тест пищевых установок» – Eating Attitudes Test (EAT-26). Методика предназначена для скрининга нарушений пищевого поведения (НПП), таких, как нервная анорексия и нервная булимия, состоит из трех шкал – увлечение диетами, шкалы булимии и шкалы орального контроля [3].

Шкала удовлетворенности телом – Body Appreciation Scale (BAS-2) считается показателем позитивного образа тела, которая оценивает принятие людьми своего тела, благоприятное мнение о нем и уважение к нему [6].

Перфекционизм (Н.Г. Гаранян, А.Б. Холмогорова; 2018) состоит из трех шкал: озабоченность оценками со стороны других при

неблагоприятных сравнениях с ними (социально предписываемый перфекционизм), высокие стандарты деятельности (Я-адресованный перфекционизм), негативное селектирование и фиксация на собственном несовершенстве (перфекционистский когнитивный стиль) [1].

Тест эмоционального интеллекта ЭМИн Д.В. Люсина (2006). предназначен для диагностики и измерения внутриличностного и межличностного эмоционального интеллекта [2].

Шкала личностной тревоги Дж. Тейлор в адаптации В.Г. Норакидзе [5].

Результаты

Между ЕАТ-26и ВАС-2 была получена отрицательная связь ($r = -0,66$ при $p < 0,05$).

Между ЕАТ-26 и перфекционизмом была получена положительная связь ($r = 0,44$ при $p < 0,05$).

Между ЕАТ-26 и шкалой личностной тревоги была получена положительная связь ($r = 0,35$ при $p < 0,05$).

Между показателями методик ЕАТ-26 и ЭМИн были получены результаты: общий балл ЕАТ-26 продемонстрировал связь преимущественно с внутриличностным эмоциональным интеллектом ($r = -0,25$ при $p < 0,05$).

Выводы

1. Риск РПП связан с неудовлетворенностью телом у молодых женщин. Чем ниже удовлетворенность телом, тем выше риск РПП.

2. Перфекционизм также связан с поведенческими симптомами и внутренними установками, характерными для РПП. Человек может стремиться иметь нереалистично идеальную фигуру или вес, как это представляет он сам или другие люди [3].

3. Пищевое поведение девушек-студенток связано с уровнем личностной тревожности как устойчивой индивидуальной психологической характеристикой.

4. С РПП связаны нарушения эмоционального интеллекта. Лица с РПП демонстрируют дефицит в выявлении, описании и контроле аффективных состояний.

Заключение

Таким образом, анализируя связи между установками пищевого поведения, отношением к телу, перфекционизмом, личностной тревожностью и эмоциональным интеллектом, мы выявили, что

индивидуально-психологические особенности личности человека тесно связаны с риском РПП. Следовательно, можно говорить о прогностической роли данных личностных характеристик в развитии РПП.

Дальнейшие исследования можно направить в сторону повышения репрезентативности выборки, расширения возрастных и профессиональных категорий респондентов, а также изучения половых различий. Кроме того, на развитие РПП влияют не только индивидуально-психологические особенности личности человека, но и биологические, социальные факторы (например, рост, вес, индекс массы тела, взаимоотношения испытуемого с родными и социумом).

Литература

1. *Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б., Юдеева Т.Ю.* Факторная структура и психометрические показатели опросника перфекционизма: разработка трехфакторной версии // Консультативная психология и психотерапия. 2018. Т. 26. № 3. С. 8–32. doi: 10.17759/cpp.2018260302
2. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн // Психологическая диагностика, 2006. №4
3. *Мешкова Т.А., Митина О.В., Шелыгин К.В., Александрова Р.В., Николаева Н.О.* Тест пищевых установок (ЕАТ-26): оценка психометрических характеристик и факторной структуры на неклинической выборке 876 студентов [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2023. Том 12. № 1. С. 66–103. DOI:10.17759/cpse.2023120104
4. *Николаева Н.О., Кукина А.А.* Неудовлетворенность своим телом как фактор риска нарушений пищевого поведения // Коррекция и профилактика нарушений поведения у детей с ограниченными возможностями здоровья.
5. *Janet A. Taylor.* A personality scale of manifest anxiety // The Journal of Abnormal and Social Psychology, 1953. 48(2)
6. *Tylka T.L., Wood-Barcalow N.L.* The Body Appreciation Scale-2: Item refinement and psychometric evaluation // Body Image. 2015. Vol. 12. P. 53-67.

Анализ структуры эмоционального интеллекта

Павлов А.О.

*Государственный университет управления, Москва, Россия
sashpavl5@gmail.com*

Эмоциональный интеллект (ЭИ) – это многокомпонентное явление, которое находит применение в разных областях жизнедеятельности человека. Благодаря ЭИ люди добиваются успехов в карьере, в личной жизни, могут экологично и гармонично справляться со своими эмоциями, а также понимать и анализировать эмоции и состояние других людей, чтобы помогать им в тех или иных ситуациях.

Исследованию эмоционального интеллекта посвящено множество работ отечественных и зарубежных ученых, которые выявили различные подходы к данному явлению. В работе рассмотрены следующие подходы: психологи Дж.Д. Майер и П. Саловей, а также И.Н. Андреева утверждают, что ЭИ состоит из чистого интеллекта, то есть является набором когнитивных способностей [1; 8]. Бар-Он Рувен, Д.В. Люсин, А.И. Савенков и Д. Гоулман рассматривают ЭИ как взаимосвязь когнитивных способностей и аспектов личности [2; 4; 5; 7]. Д.А. Леонтьев подчеркивал, что эмоция – это результат рефлексии [3]. О.К. Тихомиров утверждал, что эмоции выполняют регулирующую функцию в процессе мышления, то есть ЭИ – это не что иное как познавательная деятельность [6].

Мы считаем, что эмоциональный интеллект – это **состояние индивидуальных психологических ресурсов**, развитие которого позволяет человеку понимать, регулировать, анализировать свои эмоции и чужие в процессе межличностного взаимодействия.

Предложенная нами модель эмоционального интеллекта носит элективный характер, в основе которой лежат модели Д.В. Люсина, А.И. Савенкова, Д. Гоулмана, Дж. Майер и П. Саловей, Р. Бар-Она.

Мы считаем целесообразным включить в структуру эмоционального интеллекта следующие шесть компонентов: эмоциональные, интеллектуальные, социальные, когнитивные и поведенческие способности и личностные черты. Для определения уровня сформированности эмоционального интеллекта каждый

компонент имеет 3 уровня развития (низкий – необходима помощь специалиста для развития, средний – необходима поддержка со стороны специалиста, высокий – самостоятельное применения способностей). Средний уровень развития имеет внутриличностную направленность эмоционального интеллекта, а высокий – межличностную. Низкий уровень свидетельствует о том, что эмоциональный интеллект развит слабо и для его развития нужна помощь специалиста.

Эмоциональный компонент – это способности, которые помогают людям хорошо справиться со своими эмоциями и понимать чужие, при помощи интеллекта.

Интеллектуальный компонент – интеллектуальные способности, которые помогают использовать все познавательные процессы для успешной реализации ЭИ.

Когнитивный компонент – это способности человека, предопределяющие его обучаемость и память.

Поведенческий компонент – способности, помогающие адаптироваться, взаимодействовать с людьми, слушать и понимать собеседника.

Социальный компонент – это способности, связанные с деятельностью социального взаимодействия, эффективность которых обеспечивается социальной мотивацией, социальной и коммуникативной компетентностью, социальной рефлексией.

Личностные черты – набор индивидуально-психологических особенностей индивида.

К ним можно отнести открытость опыту (любопытство, эмоциональная открытость, готовность пробовать новое), экстраверсия (энтузиазм, ориентированность на действия), приятность (внимательность, доброта, щедрость, доверчивость, услужливость, готовность идти на компромисс, оптимизм), нейротимиз (толерантность к стрессу) и добросовестность (дисциплинированность).

Уровни развития ЭИ между собой взаимосвязаны, для поднятия на следующий уровень необходимо улучшить свойства предыдущих уровней. На последнем уровне индивид эмоционально устойчив, у него на высоком уровне развиты навыки межличностного взаимодействия, а также отслеживание своего развития, рефлексия и оценка неиспользованных альтернативных возможностей.

Итак, нами было определено понятие «эмоциональный интеллект» как состояние индивидуальных психологических ресурсов, развитие которого позволяет человеку понимать, регулировать, анализировать свои эмоции и чужие в процессе межличностного взаимодействия. Было выделено 6 компонентов структуры ЭИ: эмоциональные, интеллектуальные, социальные, когнитивные и поведенческие способности и личностные черты. Каждый компонент может быть представлен на одном из трех уровней.

Перспективой исследования будет изучение формирования и развития эмоционального интеллекта у IT специалистов.

Литература

1. *Андреева И.Н.* Концептуальное поле понятия «эмоциональный интеллект». Вопросы психологии, 2009, № 4, с. 131–141.
2. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: АСТ. – 2011. – С. 115-129.
3. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности: монография / Д.А. Леонтьев. – 4-е изд. – Москва: Смысл, 2019 – 582 с.– ISBN 978-5-89357-385-5 – Текст: непосредственный.
4. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте. / Д.В. Люсин, Д.В. Ушаков (ред.): Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования. М.: Изд-во Института психологии РАН. 2004. С. 29–36.
5. *Савенков А.И.* Структура социального интеллекта [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 7–15. DOI: 10.17759/jmfp.2018070201
6. *Тихомиров О.К.* Психология мышления: Учебное пособие / О.К. Тихомиров. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. - 272с.
7. *Bar-On R.* Emotional intelligence and self-actualization. In Joseph Ciarrochi, Joe Forgas, John D. Mayer (eds.) Emotional intelligence in everyday life: A scientific inquiry. New York: Psychology Press, 2001, pp. 82–97.
8. *Mayer J., Salovey P., Caruso D.* Mayer-Salovey-Caruso Emotional Intelligence Test MSCEIT. User's Manual. Toronto, Canada: Multi-Health Systems, 2002. 109 p.

К вопросу о типах проявленности культуры в консультировании

Павлова О.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

pavlovaos@mgppu.ru

В последние годы в России возрастает потребность в качественной квалифицированной психологической помощи. Одной из важнейших компетенций, на которую обращают внимание клиенты, является культурная чувствительность специалиста, или мультикультурная (кросс-культурная) компетентность [1]. Ответом на возникающие запросы становится открытие новых образовательных направлений в области подготовки психологов-консультантов, в частности, магистерской программы «Кросс-культурные технологии психологического консультирования» в МГППУ. Расширяется сфера применения кросс-культурного подхода к психологическому консультированию, который предполагает учет и осознание культурных факторов на этапе диагностики проблем клиента, установления терапевтического альянса с ним и в ходе терапевтической работы.

Анализ практического опыта консультативной работы, сфокусированный на социокультурных аспектах, позволяет выделить несколько характерных типов проявленности культуры в консультировании. Охарактеризуем их.

1. Клиенты выдвигают требования о культурной компетентности специалиста на этапе поиска психолога. Их запросы могут звучать так: *«ищем психолога, знающего чеченские адаты, но не чеченца»*; *«ищу психолога-мусульманку»*.

2. Запрос клиента связан с социокультурной проблематикой: *«я чувствую трансформацию этнической идентичности, проживая в большом городе»*, *«мне сложно передавать этнические ценности детям»*.

3. Запрос на сферы, связанные с психологическими основами межкультурной коммуникации: взаимоотношения в межкультурной паре или с инокультурным партнером; недостаточное понимание культурной специфики партнера. Такие запросы являются одними из самых распространенных: вступая в отношения с инокультурным

партнером, клиенты (чаще это женщины) стремятся лучше понять особенности этнической или религиозной культуры партнера и оценить возможные шансы на успешность межкультурной коммуникации в построении отношений.

4. В запросе культурный фактор не озвучивается, но проявляется в ходе терапии: проявление религиозности клиента, запросы и ограничения, которые влияют на его жизнь.

5. Проблемы, которые можно очертить как психологические, клиент объясняет культурно-специфическими причинами: например, сложности взаимоотношений с супругой клиент объясняет ее одержимостью («в нее *шайтан* вселился»).

6. Клиент сообщает о культурной специфике методов, уже использованных в ходе лечения и терапии, или ждет от специалиста культурных интервенций: использование религиозных или этнокультурных методов и средств терапии.

7. Этнизация проблем, в которых этническая составляющая не главная и не единственная. В данном аспекте могут анализироваться этнические или религиозные аспекты культуры клиента, тогда как проблема может заключаться в особенностях той социальной группы, к которой принадлежит клиент: например, мигранты.

8. Миграция как фактор возникновения целого комплекса социокультурных и психологических проблем, в которых от психолога требуется понимание таких тем как, например, закономерности адаптации к новой социокультурной среде или супружеские кризисы в миграции.

9. Проблемы, связанные с ощущением дискриминации и собственной уязвимости в инокультурном пространстве. Данный тип запросов – работа над повышением собственной ценности – требует от психолога не только культурной сензитивности, но и осведомленности об исторических, социально-политических, региональных и многих других аспектах культуры клиента. Нередко подобные запросы могут затрагивать проблематику коллективных, исторических, культурных травм, преодоление которых требует от психолога особых компетенций и часто нуждается в коллективной работе.

10. Корпоративное консультирование организаций, деятельность которых связана с межкультурной коммуникацией. Здесь запросы могут касаться как формирования у сотрудников организации

межкультурной компетентности в целом, как интегративной психологической характеристики, которая подразумевает наличие межкультурного интереса, сензитивности, навыков и умений межкультурной коммуникации, осознания ценности культурного разнообразия и снижения этноцентризма, а также развития толерантности к неопределенности, так и в отношении определенной культуры, в которой предполагается профессиональная деятельность, например: как вести бизнес в ОАЭ или Вьетнаме, какие черты культуры при этом необходимо учитывать. В таких контекстах часто возникает необходимость сопровождения трудовых коллективов, которые развивают свою деятельность в различных регионах мира.

Очевидно, что этот перечень не вмещает всех типов проявленности культуры в ходе индивидуального или группового психологического консультирования. Неизбежно и то, что развитие культурной сензитивности как клиентов, так и психологов способствует социокультурной адаптации терапевтических подходов. Этот процесс мы наблюдаем во многих терапевтических направлениях, особенно тех, которые наиболее популярны, в частности КПТ, EMDR, схема-терапия. Развиваются подходы, в основе которых заложены постструктуралистские идеи, в частности, понимание идентичности как процесса, а не как фиксированной данности; процесса, который происходит в ходе социального взаимодействия [2]. Этим запросам отвечает нарративная практика – направление, авторами которого был психолог Майкл Уайт и антрополог Дэвид Эпстон. В настоящее время отечественным психологам предстоит создавать, развивать и адаптировать разнообразные психотерапевтические подходы к российскому клиенту, одновременно развивая свою социокультурную чувствительность и осознанность, то есть межкультурную компетентность.

Литература

1. *Кисельникова Н.* Мультикультурная компетентность психотерапевта //Мастерство психотерапевта: Эффективная практика и обучение / [б. м.] : Издательские решения, 2023. С. 125-160.
2. *Russell Sh., Carey M.* Narrative Therapy: Responding to Your Questions. Adelaide: Dulwich Centre Publications, 2004. 152 p.

Психологическое благополучие младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам

*Парфёнова Е.С., Кочетова Ю.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
5113777@bk.ru, kochetovayua@mgppu.ru*

Актуальной и недостаточно изученной остается проблема психологического благополучия младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам. Ребенок подвержен значительным психическим и физическим нагрузкам, также на него влияют переживания родителей. Это может привести к срыву и отсутствию желания учиться.

Термин «психологическое благополучие» появился в начале двадцатого века и стал активно изучаться многими учеными. Важный вклад в становления понятия психологического благополучия внес N. Bradburn. По его мнению, психологическое благополучие можно рассматривать с позиции субъективного счастья или его отсутствия.

Наряду с этим, проблема психологического благополучия интересовала М. Аргайл, С.D. Ryff [6] и других. Отечественные ученые также интересовались данной проблемой. Среди них есть такие ученые, как К.А. Абульханова-Славская, Е.Е. Бочарова, И.А. Джидарьян, Л.В. Куликов, Р.М. Шамионов [2; 3; 5]. Исследованием психологического благополучия в рамках позитивной психологии занимались М. Селигман [4], И. Бонивелл [1] и др.

Актуальность исследования заключается в расширении и углублении данных о связи психологического благополучия младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам. Полученные данные могут быть использованы для консультационных бесед с родителями в общеобразовательных учреждениях с целью формирования психолого-педагогической компетентности родителей, а также для успешного развития младших школьников.

В исследовании приняли участие 47 младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам, в общеобразовательной школе города Москвы, в возрасте 8-9 лет:

- 14 мальчиков и 11 девочек, обучающихся по ОП;
- 13 мальчиков и 9 девочек, обучающихся по программе ЭНШ.

В работе использовались: «Многомерная шкала удовлетворенности жизнью» (ШУДЖИ, авторы О.А. Сычев, Т.О. Гордеева, М.В. Лункина, Е.Н. Осин и А.Н. Сиднева), «Оценка уровня школьной мотивации» Н.Г. Лускановой и «Шкала личностной тревожности» А.М. Прихожан (шкала явной тревожности).

Проверка данных на нормальность показала, что распределение части анализируемых данных достоверно отличается от нормального, поэтому в работе использовались непараметрические статистические методы – критерий U Манна-Уитни и коэффициент ранговой корреляции r Спирмена.

Все обнаруженные связи компонентов удовлетворенности жизнью младших школьников с уровнем мотивации – прямые, а с уровнем тревожности – обратные, что следует рассматривать как вполне ожидаемые связи:

- «Удовлетворенность семьей» положительно коррелирует с уровнем школьной мотивации ($r = 0,298$; $p < 0,05$); «Удовлетворенность школой» положительно коррелирует с уровнем школьной мотивации ($r = 0,777$; $p < 0,01$) и отрицательно коррелирует со школьной тревожностью ($r = -0,357$; $p < 0,05$); «Удовлетворенность учителями» положительно коррелирует с уровнем школьной мотивации ($r = 0,536$; $p < 0,01$), отрицательно коррелирует со школьной ($r = -0,369$; $p < 0,05$) и самооценочной тревожностью ($r = -0,302$; $p < 0,05$); «Удовлетворенность собой» положительно коррелирует с уровнем школьной мотивации ($r = 0,430$; $p < 0,01$) и отрицательно – с самооценочной тревожностью ($r = -0,432$; $p < 0,05$); «Удовлетворенность друзьями» положительно коррелирует с уровнем школьной мотивации ($r = 0,540$; $p < 0,01$); общий показатель удовлетворенности жизнью положительно коррелирует с уровнем школьной мотивации ($r = 0,705$; $p < 0,01$) и отрицательно – с самооценочной тревожностью ($r = -0,360$; $p < 0,05$).

Количество связей младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам, в зависимости от программы обучения различаются. В выборке младших школьников, обучающихся по ОП их значимо меньше.

Данные обработаны в программе IBM SPSS Statistics 23. Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о существовании особенностей психологического благополучия

младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам.

На основании полученных результатов сформулированы следующие выводы.

Обнаруженные достоверные связи всех компонентов удовлетворенности жизнью младших школьников с уровнем мотивации – прямые, а с уровнем тревожности обратные. Уровень мотивации младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам, возрастает, когда они удовлетворены коммуникацией в семье, школе, с учителями и друзьями, а также самими собой и жизнью. Наличие повышенной тревожности у младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам, снижает уровень их удовлетворенности коммуникацией в школе, с учителями и самими собой.

В выборке младших школьников, обучающихся по программе ЭНШ, наличие у младших школьников школьной тревожности снижает их показатели удовлетворенности самими собой. Тогда, как в общей выборке младших школьников, независимо от программы обучения, школьная тревожность снижает показатели удовлетворенности школой и учителями.

В группе младших школьников, обучающихся по ОП, обнаруженные связи характерны и для общей выборки младших школьников, независимо от программы обучения. Можно только сделать акцент на том, что обнаруженных связей значительно меньше, чем в общей выборке и в выборке младших школьников, обучающихся по программе ЭНШ.

Девочки, обучающиеся по разным образовательным программам, значительно чаще бывают удовлетворены взаимоотношениями с учителями, друзьями и самими собой, чем мальчики, обучающиеся по разным образовательным программам.

Мальчики, обучающиеся по ОП, чаще бывают удовлетворены взаимоотношениями с учителями и имеют более высокий уровень учебной мотивации, чем мальчики, обучающиеся по программе ЭНШ.

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о существовании особенностей психологического благополучия младших школьников, обучающихся по разным образовательным программам.

Литература

1. *Бонивелл И.* Ключи к благополучию: Что может позитивная психология / Пер. с англ. М. Бабичевой. – М.: Время, 2015. – 192 с.
2. *Дубровина И.В.* Феномен «психологическое благополучие» в контексте социальной ситуации развития // Вестник практической психологии образования., 2020. - Т.17. - № 3. С. 9–21.
3. *Кулагина И.Ю., Кравцова М.А.* Связь учебной мотивации и психологического благополучия в младшем школьном возрасте [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования., 2022. - Т.14.- № 4.- С. 36–51.
4. *Селигман М.* Ребенок-оптимист. Проверенная программа формирования характера / М. Селигман. М., 2014. - 352с.
5. *Шамионов Р.М., Гарбер И.Е., Бочарова Е.Е., Голованова А.А., Ваганова А.Р., Фадеева Т.Ю., Арндачук И.В., Акименко А.К., Кленова М.А.* Позитивная психология личности. Монография. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2018. - 200 с.
6. *Ryff C.D.* Psychological Well-Being Revisited: Advances in Science and Practice of eudaimonia. *Psychotherapy and Psychosomatic*, 2014.- Vol. 83 (1). - P. 10 – 28.

Опыт применения методологии теории социальных ролей в изучении киносьемочной команды

Петракова А.В., Лыкова Т.А.

*ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», Москва, Россия
anastasiya-petrakova@yandex.ru, feo.tatiana@gmail.com*

В рамках настоящей работы будет кратко представлен опыт изучения киносьемочной группы через ее понимание как малой группы.

Малая группа – это сравнительно немногочисленная по составу группа людей, объединенных общей социальной деятельностью и

находящихся в непосредственном взаимодействии, в процессе которого у них возникают эмоциональные отношения, групповые нормы и процессы [1]. Зачастую, диагностируя малые группы в организациях, социальные психологи опираются на различные модификации теории социальных ролей [2], утверждающие, что человек в группе не просто функциональная единица, но и исполнитель определенных командных ролей, которые влияют на динамику развития этой группы (командует, предлагает идеи, разряжает обстановку и др.).

Представленное исследование продолжает нашу работу по изучению киносъёмочной команды [4] и решает две основные задачи: разработка актуальной методологии обследования данной малой группы и помощь продюсерам при отборе и сопровождении персонала. Был применён ролевой подход с использованием метода Бейлза [3]. Согласно Бейлзу, в группе можно выделить четыре основных направления поведения ее представителей: экспрессивно-интегративная в двух вариациях – положительные реакции (стремится к снятию напряжения в группе), негативные реакции (накаляет обстановку) и инструментально-адаптивная также в двух вариациях – человек, отвечающий на вопросы (ориентирует команду, что делать) и человек, ищущий ответы вопросы (уточняет, спрашивает). Предполагается, что равномерное распределение ролей в группе способствует более гармоничной коммуникации внутри нее и профилактике эмоционального выгорания.

Исследование проводилось в течении 1,5 месяцев: в подготовительный период («читки») и в период съёмок. Основными наблюдаемыми стали 13 глав цехов – руководители площадки: 2 генеральных продюсеров, креативный продюсер, директор, режиссер-постановщик, режиссер второго юнита, оператор-постановщик, оператор второго юнита, звукорежиссер, художник по свету, художник-постановщик, главный реквизитор, художник по костюму.

Кроме методики Бейлза использовался метод социометрии. Мы предположили, что роли, исполняемые членами киносъёмочной команды, будут отражаться на предпочтениях и групповых статусах.

Обработка результатов наблюдения была произведена отдельно для ситуации «читки» и периода съёмок. При анализе результатов учитывалась активность членов группы (общее число

коммуникационных актов за время наблюдения) и направления поведения по Бейлзу.

Анализ наблюдений за коммуникацией членов съемочной группы показал, что в ситуации читок наиболее активными были режиссеры (2 человека) и продюсеры (2 человека). Большинство высказываний этих руководителей группы, по Бейлзу, относятся к категории инструментально-адаптивных, в основном направленных на общую ориентировку команды; режиссеры также давали позитивные реакции (снятие напряжений).

Результаты наблюдения в ситуации съемок показали, что здесь наибольшую активность в коммуникации также проявил режиссер-постановщик (205 высказываний). Значительно меньше высказываний отмечено для режиссера второго юнита (30 высказываний) (однако у него было гораздо меньше рабочих смен) и оператора-постановщика (25 высказываний), остальные члены съемочной группы проявляли коммуникативную активность единично.

Что касается содержания коммуникации режиссера-постановщика, то в основном она носила инструментально-адаптивный характер (общая ориентировка членов группы). В отличие от ситуации читок, во время съемок у режиссера зафиксированы не только позитивные реакции, но и негативные. С нашей точки зрения, это объясняется принципиально разным контекстом ситуаций наблюдения – процесс съемок предполагает активную, напряженную совместную работу, где неизбежно происходят недопонимания и конфликтные ситуации.

Отсутствие высказываний продюсеров в ситуации съемок объясняется их физическим отсутствием на съемочной площадке.

Описанные результаты наблюдения и анализ содержаний высказываний позволяют охарактеризовать структуру данной съемочной группы с точки зрения коммуникации: в группе присутствуют четыре лидера – два генеральных продюсера и два режиссера. Вторые являются источниками вопросов и ответов на протяжении всего процесса, и читок, и съемок, а также влияют на эмоциональный фон.

Социометрический подход также подтвердил сведения, полученные при анализе результатов наблюдений. Наиболее высоким социометрическим статусом обладали генеральные продюсеры и режиссер-постановщик.

По итогам исследования возникает вопрос, является ли подобная структура группы типичной для киносъёмочной команды или нет? И хотя социальная психология утверждает, что подобные смещения в распределении ролей являются дисгармоничными, мы считаем, что специфика деятельности киносъёмочной команды оказывает серьезное влияние и требует продолжения исследований.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. М., 2009.
2. *Жуков Ю.М., Журавлев А.В., Павлова Е.Н.* Технологии командообразования. Учебное пособие. М., 2008.
3. *Парсонс Т., Бейлз Р., Шилз Э.* Рабочие тетради по теории действия // *Личность. Культура. Общество.* 2007. Т. 9. № 1.
4. *Петракова А.В., Лыкова Т.А., Савинский С.Д.* Опыт применения социометрического подхода в исследовании киносъёмочной группы // *Современные направления исследований в психологии: вызовы третьего десятилетия XXI века.* Тверь, 2023.

К вопросу о неэтичном про-организационном поведении

Петрушихина Е.Б.

*ФГБОУ ВО РГГУ, Москва, Россия
ebpetr@mail.ru*

Одна из задач современной организационной психологии – выявление и характеристика различных форм трудового поведения. С точки зрения соответствия целям организации обычно выделяют конструктивное и деструктивное поведение. К числу конструктивных, желательных форм относят организационное гражданство и вовлеченность; в качестве деструктивного выступает контрпродуктивное поведение в организации.

В последние годы в литературе стал использоваться конструкт неэтичного про-организационного поведения, обозначающего

действия и поступки, совершаемые в интересах организации, но с нарушением моральных норм и принципов. Первые упоминания о неэтичном про-организационном поведении появляются в 1991 году, но его исследования по существу начинаются лишь в 2010 году. Недавно проведенный библиометрический анализ показал экспоненциальный рост публикаций начиная с 2019 года, причем психологических работ обнаружено в два раза меньше, чем работ в области управления бизнесом. Наибольший интерес к данной теме демонстрируют авторы из Китая и США [3]. В российском сегменте исследовательского ландшафта мы обнаружили одну работу китайского автора на английском языке [2].

Концепция неэтичного про-организационного поведения связывается прежде всего с именем Е. Умфресса и его сотрудников. Они определяют данный конструкт как действия, которые способствуют эффективному функционированию организации или ее членов (например, лидеров) и нарушают основные общественные ценности, нравы, законы или стандарты надлежащего поведения. Таким образом, подобное поведение является неэтичным, но при этом реализуется в интересах организации [4].

Примерами неэтичного про-организационного поведения является преувеличение достоинств продуктов и услуг организации, сокрытие негативной информации о компании, отказ от обещанного возмещения клиентам или покупателям. Эти и другие проявления включены в 7-пунктовый опросник, позволяющий оценить готовность сотрудников к неэтичному про-организационному поведению [2].

Поскольку обсуждаемое поведение предполагает нарушение моральных норм и принципов, закономерно возникает вопрос о его предпосылках.

С позиций концепции социальной идентичности мощным предиктором неэтичного про-организационного поведения выступает организационная идентификация сотрудников. Отождествление себя с организацией, восприятие организационных интересов как своих собственных дает основание нарушать этические стандарты в отношении тех, кто к организации не принадлежит. Более того, неэтичное про-организационное поведение может рассматриваться как акт долга, проистекающий из стремления защитить организацию. Исследователи замечают, что трансформационное лидерство может

способствовать неэтичному про-организационному поведению, поскольку служит укреплению коллективной идентичности последователей.

В рамках теории социального обмена обсуждаемое поведение может быть следствием позитивно воспринимаемых отношений сотрудника с организацией. Есть основания полагать, что неэтичное про-организационное поведение является способом ответить взаимностью на благосклонное отношение со стороны работодателя.

Опираясь на теорию социального научения и социального обмена, ряд авторов рассматривают роль этического лидерства [1] в реализации неэтичного про-организационного поведения. Была обнаружена криволинейная зависимость между обсуждаемыми феноменами: неэтичное про-организационное поведение отсутствует при низком и высоком уровне этического лидерства, но имеет место при умеренном этическом лидерстве.

Умеренно этические лидеры внимательны и заботливы в отношении своих подчиненных, что побуждает их отвечать взаимностью своим руководителям. Однако у умеренно этических лидеров есть масса других задач помимо соблюдения этики. Это способствует такому организационному научению, при котором исполнители будут учиться соблюдению интересов организации в ущерб этическим стандартам.

При высоко- и низкоэтическом лидерстве подобное будет маловероятно по следующим причинам. Последователи высокоэтичных лидеров будут осознавать, что неэтичное про-организационное поведение вызовет негативную оценку со стороны руководителей. Низкоэтичные лидеры не демонстрируют ожидаемую заботу и справедливость, вследствие чего между руководителем и подчиненными формируются обменные отношения низкого качества. Поэтому сотрудники не захотят проявлять какую-либо активность для продвижения интересов руководителя и организации [4].

Не менее важным вопросом в обсуждаемом контексте будут последствия неэтичного про-организационного поведения.

На индивидуальном уровне в качестве таковых называются переживаемые чувства гордости и вины. Чувство гордости связано с проорганизационным компонентом феномена и обусловлено совпадением поведения с позитивными представлениями о себе. И наоборот, расхождение между этими представлениями и нарушением

моральных норм будет приводить к формированию чувства вины. Столь противоречивые эмоциональные переживания стимулируют компенсаторное поведение в виде организационного гражданства, направленного на организацию или на клиентов.

С точки зрения когнитивного подхода результатом неэтичного про-организационного поведения будет состояние дискомфорта, обозначаемого когнитивным диссонансом. Он может быть преодолен либо за счет устранения неэтичности в поведении, либо за счет усиления организационной идентичности.

Безусловно, одной из ключевых проблем является вопрос о связи неэтичного про-организационного поведения и эффективности организаций. Отмечено, что сотрудники, реализующие подобное поведение, получают более высокие оценки производительности от своих руководителей. С другой стороны, организации, в которых практикуется неэтичное про-организационное поведение, имеют более низкие показатели эффективности. Если клиенты понимают, что их интересы нарушаются в угоду конкретной организации, их лояльность снижается, и в долгосрочной перспективе это сказывается на бизнесе [4].

Неэтичное про-организационное поведение стало проблемой по всему миру, оно сопряжено с серьезным материальным и моральным ущербом организаций и клиентов, поэтому его дальнейшее исследование имеет практическую и теоретическую значимость. Необходимо более глубоко и тщательно изучить соотношение неэтичного про-организационного поведения, контрпродуктивного поведения и организационного гражданства в различных профессиональных, организационных и культурных контекстах.

Литература

1. *Петрушихина Е.Б.* Этическое лидерство: понятие и проблемы исследования // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2016. №1.
2. *Хосаин С.* Неэтичное про-организационное поведение: обзор существующей литературы // Организационная психология. 2021. Том 11 №1.

3. *Li Z.* Characteristics and Trends in Unethical Pro-organizational Behavior Research in Business and Management: A Bibliometric Analysis // *Front. Psychol.* 2022. 13:877419. doi: 10.3389/fpsyg.2022.877419.
4. *Mishra M., Ghosh K., Sharma D.* Unethical Pro-organizational Behavior: A systematic Review and Future Research Agenda // *Journal of Business Ethics.* 04 March 2021. doi.org/10.1007/s10551-021-04764-w.

Созависимость и социально-психологические особенности личности православных верующих: есть ли взаимосвязь?

Пинтелина Н.В., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pintelinanathalie@yandex.ru, tatisheva@yandex.ru

Увеличение скорости и объема информационного потока, транзитивность и индустриализация общества, социально-экономическая и политическая обстановка способствуют развитию эмоциональной нестабильности личности и отдаляют ее от самой себя, что все чаще становится причиной формирования и развития всевозможных аддикций, в том числе и созависимости. Эта проблема актуальна и для православных верующих, поскольку, имея в основе своего вероучения такие христианские добродетели, как смирение, терпение, милосердие, жертвенность, они еще больше подвержены воздействию факторов формирования зависимого и созависимого поведения [1; 2].

По результатам исследований [2; 3; 4], наряду с такими личностными особенностями православных верующих, как тревожность, пассивность, отсутствие воли, подчиненность, низкий уровень самоконтроля, пессимизм, низкая самооценка, повышенный уровень страха, интровертность и агрессивность, выделяются высокая адаптивность, решительность и сильный характер, умение рефлексировать, гибкость и продуктивность мышления, умение сдерживать тревожность в сложных жизненных ситуациях.

В это же время известно, что созависимые люди нестабильны и ориентированы на групповое мышление, малообщительны вне объекта созависимости, отличаются повышенной восприимчивостью и тревожностью, низкой стрессоустойчивостью, заниженной самооценкой, отрицают свои чувства или же не умеют их идентифицировать и контролировать, причем в случае способности описать свои чувства преобладающими чувствами созависимых чаще всего являются чувство стыда, чувство вины, подавляемое чувство гнева [1–4]. Анализируя особенности двух групп людей, можно увидеть черты сходства.

Говоря о теоретическом анализе проблемы созависимого поведения, можно сказать, что до конца XX века она не выделялась в отдельную исследовательскую тему и до сих пор сложно диагностируется, поскольку в большинстве своем люди считают особенностями созависимого поведения уже сложившейся нормой, а не отклонением от нее. К особенностям созависимого поведения относят такие, как: постоянное желание помочь другому человеку, навязчивые попытки принудить другого человека к определенному поведению, расплывчатость своих границ и непонимание чужих границ, неумение идентифицировать личные мысли, чувства и потребности, подавляемые чувство гнева и агрессия, перманентное чувство вины, заниженная самооценка, потребность в одобрении другими, отрицание наличия проблемы. Исследователи феномена созависимости выделяют следующие типы созависимых людей: близкие родственники людей с химической зависимостью, родственники людей, имеющих хроническое заболевание, люди, выросшие в дисфункциональных семьях, люди «помогающих профессий»: медицинские работники, педагоги, психологи, психоаналитики и психотерапевты, социальные работники, священнослужители.

По результатам анализа имеющихся на текущий момент теоретических данных и данных проведенных ранее исследований было установлено, что социально-психологические особенности личности россиян, исповедующих православие, носят противоречивый характер, вместе с тем они во многом схожи с личностными характеристиками зависимых.

К наиболее интересным работам, посвященным исследованию особенностей православных христиан в аспекте созависимости, на

наш взгляд, относятся работы таких авторов как, Г.В. Акопов, Л.С. Акопян и Д.И. Куклев, которые исследовали особенности религиозного сознания христиан, проживающих в большом городе и получили следующие результаты. Христиане чаще прибегают сами и готовы оказывать другим поддержку и утешение, а среди личностных ценностей отдают предпочтение духовной удовлетворенности, сохранению индивидуальности и взаимоотношениям, тогда как престиж и материальное положение ставят на последнее место, что отражает основные постулаты христианского вероучения о нестяжательстве, осуждении сребролюбия и тщеславия, несмотря на то факт, что тенденции жизни в большом городе совершенно противоположные. Однако, стоит обратить внимание на то, что такая личностная ценность, как саморазвитие, занимает срединную позицию в ранжировании (5 место из 8), и это представляет христиан как открытых к изменениям, несмотря на высокие традиционность и консерватизм сознания. Также интересными оказались результаты психогометрического теста, полученные в ходе этого исследования, а именно: наиболее предпочитаемыми фигурами в выборе среди респондентов оказались «прямоугольник» и «зигзаг», что свидетельствует о низкой самооценке, склонности к эмоциональным вспышкам и избеганию конфликтов вместе с тем, наивности и идеалистичности, тогда как меньше всего респонденты выбрали «круг», который отражает гармоничность, целостность, легкость в общении, высокий уровень эмпатии, склонны к справедливости, сострадательны. Это может говорить о существующем внутриличностном конфликте носителей христианской веры, поскольку, согласно существующему для них эталону личности, частота выбора «круга» должна была бы быть выше, однако частое несоответствие внешнего поведения и внутреннего состояния христиан отражено в тех результатах, которые были получены [3].

Хотя социально-психологические особенности православных верующих ранее изучались во взаимосвязи с индивидуальным уровнем религиозности, эти исследования малочисленны, узки и специфичны и не находились ранее в центре исследования во взаимосвязи с уровнем созависимости. Учитывая изложенные выше факты, мы имеем возможность предположить, что существуют тенденции к взаимосвязи между уровнем созависимости и социально-

психологическими особенностями православных верующих, а дальнейшее изучение специфики взаимосвязи позволит нам определить основные социально-психологические особенности православных верующих как возможные предикторы формирования и развития созависимости.

Литература

1. *Битти Мелоди*. Спасать или спастись? Как избавиться от желания постоянно опекать других и начать думать о себе / Мелоди Битти; [пер. с англ. Э. Мельник]. – М.: Экспо, 2022. – 384 с.
2. *Густова Л.В.* Исследование взаимосвязи индивидуального уровня религиозности и личностных качеств // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=6366>
3. *Киселева С.Л.* Созависимость как духовная и психологическая проблема семьи // Теологический вестник^[1]_[2] Смоленской Православной Духовной Семинарии. – 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sozavisimost-kak-duhovnaya-i-psihologicheskaya-problema-semi>
4. *Matts-Ola Ishoel*. How To Build A Winning Team. Serving God Together. – Moscow: Golden Pages, 2016. – 168 p.

О социально-психологическом подходе к исследованию поведения личности преступника-коррупционера

Писаренко А.П.

*ЧОУ ВО «Таганрогский институт управления и экономики»,
Таганрог, Россия
a.pisarenko@tmei.ru*

Несмотря на ярко выраженный научный интерес к процессам поведения лиц, совершающих коррупционные деяния – как со стороны юристов, так и со стороны психологов, ответ на главный вопрос «что толкает человека на коррупционные риски?» так и не

получен. Причина кроется, как думается, в разности подходов к проблематике и используемом при этом инструментарии. К примеру, криминологическая наука в своем методологическом арсенале использует прежде всего профилактический (превентивный) метод, а психологическая мысль более приближает ответ на поставленный вопрос, а именно, исследует сущность человеческого поведения (в том числе и преступного), его внутренние индивидуальные процессы, тогда как социальная психология еще в большей степени может объяснить особенности поведения личности коррупционера в условиях его существования в социуме, делая акцент на изучении влияния социальной среды на поведение и внутренние процессы индивида.

И действительно, личность не живет в разрыве с социумом. На мысли, действия и поведение лица напрямую влияет окружение – люди. С этим тезисом нельзя не согласиться, так как исходя из извечного вопроса в науке криминологии: «человек рождается преступным или становится таковым в процессе социализации?», автор придерживается позиции тесного взаимодействия исследуемого лица с социумом. Исходя из юридической мысли, любое преступление (как негативный социальный акт) совершается живым человеком (субъектом преступления). Преступность будет существовать ровно столько, сколько будет существовать человечество. В этом смысле, исследования в области поведения людей и их взаимодействия в социуме, а также исследования конкретно коррупционного поведения могут быть качественно обогащены социально-психологическими методами изучения указанной проблематики.

Человек не рождается с заранее predeterminedными непременно положительными или лишь отрицательными социальными свойствами. Личность качественно трансформируется в процессе жизнедеятельности, потому что с момента рождения человек является не только биологической особью, но и общественным существом, что само по себе является следствием процесса социализации [3].

Социализация задает личности траектории развития конкретных качеств и свойств, которые в свою очередь влияют на ее поведение в обществе, предопределяют ее шаги и действия – хорошие или плохие, законные или нет. И в этом ключе возникает важный вопрос, лежащий в плоскости социально-психологического осмысления: как именно

процесс социализации влияет на совершение лицом тех действий, которые закон интерпретирует как преступные, а в нашем случае – коррупционные.

С рождения человек вступает в систематическое и непрерывное взаимодействие с элементами окружающего его мира. Как биологическая особь человек усваивает в процессе социального взаимодействия определенные навыки и способы поведения, позволяющие ему биологически выжить и нормально развиваться в социуме, перенимает элементы культуры, нормы, традиции, ценности – все это усваивается им и обуславливает его поведение. Именно благодаря процессу социализации биологическое природное существо становится человеком, приобретает конкретные качества и свойства, влияющие на его поведение в обществе.

Так, М.Ю. Кондратьев и В.А. Ильин рассматривают социализацию как процесс и результат. А именно, социализация представляется, во-первых, как процесс усвоения и овладения тем социальным опытом, который передается индивиду в ходе его взаимодействия и общения с социальным окружением и, во-вторых, как результат освоения индивидом того социального опыта, который передается ему в ходе совместной деятельности и общения с социальным окружением и реализуется субъектом социализации [1, с. 11].

Процессы формирования и последующего закрепления в поведении личности определенных поведенческих актов взаимосвязаны и закономерны. Поведение представляет собой не совокупность изолированных друг от друга актов поведения, но это единый процесс. Однако выделение единичных актов в преступном поведении лица – зачастую необходимый прием для исследования и юридической оценки его поведения. К примеру, указание в уголовном законе не преступного поведения преступника коррупционера в целом («Получение взятки», ст. 290 УК РФ), а отдельно рассматриваемого поведенческого акта, совершенного им в качестве отдельного состава преступления (получения взятки сопряженного с ее вымогательством, ч. 5 ст. 290 УК РФ), что уже существенно увеличивает степень юридической ответственности за данный совершенный отдельный акт. Важно отметить, что закономерность поведения личности не мешает проявляться ее пластичности. Формы поведения могут систематически перестраиваться, может меняться характер и направленность поведения, его содержание. Однако данный поведенческий акт не может возникнуть внезапно и без связи с

предшествующим поведением. В рассматриваемом контексте изменимость форм поведения в связи с изменениями во влияниях социальной среды объясняет пластичность поведения, создает возможность для его адекватной перестройки.

Психологический аспект процесса социализации, благодаря которому лицо определяет для себя не вставать на преступный путь, заключается в том, что оно предвидит неблагоприятные последствия своих действий. Лицо может легко убедиться, обратившись к уголовному закону, что за участие в коррупционных схемах неотвратимо наступает наказание. В целом именно на подобном понимании лицом неотвратимости наказания строится общая превенция предупреждения преступности [1]. Суть данной превентивной конструкции состоит в том, что сдерживающий психологический момент заключен в предвидимом будущем человека. Но здесь возникает вопрос: может ли данный психологический барьер помочь искоренить, к примеру, коррупционную преступность, как вид? Думается, что нет. Невозможно регулировать поведение людей в обществе всего лишь на основе принципа целесообразности или на расчете степени риска. Принцип, согласно которому поведение человека производно от оценки того результата, который наступит для него в будущем, не может полностью объяснить тот сложный комплексный процесс, каким является процесс социализации [2].

Видится оправданным изучение процесса психологического взаимодействия личности с социальной средой, что поможет обогатить и эффективизировать исследования в области противодействия коррупции и минимизировать ее криминальные показатели, исходя из анализа личности преступника-коррупционера и аспектов формирования его преступного поведения.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. - М.: ПЕР СЭ, 2007. - 464 с.
2. *Пирожков В.Ф.* Криминальная психология. – М.: Ось-89, 2001. - 702 с.
3. *Симонова С.С.* Теория и практика профилактики преступлений: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та управления – филиала РАНХиГС, 2022. 75 с.

Особенности нравственной сферы личности младших школьников, занимающихся бальными танцами

Питерский М.Ю., Крушельницкая О.Б.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

mihail.89661922682@mail.ru, social2003@mail.ru

В современном мире, переживающем сложный исторический период, нормы морали и нравственные основы поведения личности могут нивелироваться. Неокрепшие, недостаточно сформированные личности в такие времена наиболее подвержены влиянию. Поэтому особенно важно и актуально развивать и поддерживать нравственность в детском возрасте, когда формируются мировоззрение и ценностные ориентации ребенка. Нравственные ценности, в свою очередь, являются неотъемлемым компонентом формирования личности ребенка [4].

Бальные танцы – это не только красивое и изящное искусство, но и деятельность, способная, на наш взгляд, помочь развитию морально-нравственных качеств у детей. Танцевать в паре, следуя определенным правилам и этикету, учиться быть отзывчивым и внимательным к партнеру, а также контролировать свои эмоции и поведение – эти и другие элементы танцевальной деятельности позитивно влияют на личностное развитие детей [1].

В отечественной психологии проблеме нравственности традиционно уделяется значительное внимание. Нравственность рассматривается в рамках личностного и деятельностного подходов, где основной акцент делается на ее социальной и культурно-исторической детерминации (Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Д.Б. Эльконин, и др.).

Нравственность в психологической сфере отражена как моральные нормы и принципы общества, преломленные через психологические особенности личности и ее жизненный опыт. Нравственными нормы становятся только тогда, когда личность в процессе социализации интериоризирует их, делая неотъемлемой частью своего поведения [2; 3]. Нравственное развитие включает как нравственное суждение, так и нравственное поведение.

В процессе эмпирического исследования мы сравнили особенности нравственной сферы у младших школьников двух категорий: в первую вошли дети, которые недавно приступили к занятиям бальными танцами в школьном кружке (периодичность занятий – раз в неделю), вторая состояла из детей, углубленно занимающихся танцами в секции (трижды в неделю) не менее года.

Использовались методики: «Диагностика нравственной самооценки» (Л.Н. Колмогорцева), «Диагностика отношения к жизненным ценностям» (Т.А. Фалькович) [5], «Диагностика нравственной мотивации» (С.Ф. Сироткина).

В исследовании приняли участие 206 детей 2-3 классов, из них 107 занимаются бальными танцами в школе, 99 – в секции. По результатам исследования у детей, занимающихся в секции, по критерию «Нравственная самооценка» низкий уровень выявлен у 10,1%, средний – у 81,8%, высокий – у 8,1% обучающихся. У детей, посещающих школьный кружок, низкий уровень выявлен у 24,3% опрошенных, средний – у 65,4%, высокий – у 10,3%. Следовательно дети, которые углубленно занимаются бальными танцами в секции, реже проявляют низкую и высокую самооценку, в отличие от занимающихся в школе. Проверка количественных различий нравственной самооценки у детей двух опрошенных нами групп (использовался критерий Манна Уитни) позволила выявить тенденцию на уровне $p = 0,060$ к более высоким показателям у учащихся, углубленно занимающихся бальными танцами.

По критерию «Отношение к жизненным ценностям» среди углубленно занимающихся танцами детей низкий уровень получили 2%, средний – 38,4%, высокий – 59,6%. Среди участников школьного кружка продемонстрировали низкий уровень 9,3%, средний – 56,1%, высокий – 34,6% детей. Таким образом, у детей, углубленно занимающихся бальными танцами в секции, отношение к жизненным ценностям сформировано больше, чем у их сверстников, занимающихся в школе. Различия между количественными показателями по критерию Манна Уитни значимы на уровне $p = 0,001$.

По критерию «Нравственная мотивация» у занимающихся в секции низкий уровень выявлен у 8,1% детей, средний – у 40,4%, высокий – у 51,5%. У занимающихся в школе в школе низкий уровень получили 15%, средний – 54,2%, высокий – 30,8%. Следовательно, у детей из

секции чаще встречаются высокие показатели нравственной мотивации, чем у их сверстников, обучающихся бальным танцам в школьном кружке. Сравнение количественных данных с помощью критерия Манна Уитни подтвердило значимость различий между двумя группами детей на уровне $p = 0,001$.

Полученные данные подтвердили нашу гипотезу о том, что существуют особенности нравственной сферы личности младших школьников, углубленно занимающихся бальными танцами, в отличие от их сверстников, посещающих школьный кружок. У детей, которые занимаются в секции выявлены более высокие показатели нравственной самооценки, отношения к жизненным ценностям и нравственной мотивации. Полученные данные можно объяснить, на наш взгляд, воспитывающей ролью танцевально-спортивной деятельности, которая характеризуется выраженными нравственно-этическими особенностями и организована референтными для детей взрослыми (родителями и педагогами).

Литература

1. *Бочарникова Ю.Ю.* Влияние спортивных бальных танцев на формирование личности детей младшего школьного возраста // Психологические и педагогические проблемы в системе непрерывного образования: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Стерлитамак, 19 декабря 2017). / В 2 ч. Ч. 1. Стерлитамак: АМИ, 2017. С. 43-47.
2. *Гусейнов А. А.* «Об идее абсолютной морали» // «Вопросы философии», 2003. - № 3. - С.3-11.
3. *Кожухарь Г.С., Кочетков Н.В., Красило Д.А., Красило Т.А., Крушельницкая О.Б., Новгородцева А.П., Орлов В.А., Погодина А.В., Расходчикова М.Н., Сачкова М.Е., Хаймовская Н.А., Шнейдер Л.Б.* Социальная психология образования. Практикум. – М.: ИНФРА-М, 2021. 262 с.
4. *Ушинский К.Д.* Избранные труды. В 4 кн. Кн.1: Проблемы педагогики / К.Д. Ушинский. – М.: Дрофа, 2005. – 638 с.
5. *Фалькович Т.А., Толстоухова Н.С., Высоцкая Н.В.* Подростки XXI века психолого-педагогическая работа в кризисных ситуациях: 8-11 классы М.: ВАКО, 2006. -256с.

Буллинг в учреждениях общего среднего образования: результаты исследования

Погодина Е.К.

*БГПУ имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь
pogodinaek@mail.ru*

Согласно данным ЮНЕСКО, каждый десятый школьник в мире подвергается буллингу, и этот показатель ежегодно растет [2]. Опыт столкновения с насилием оказывает негативное влияние на всех участников травли, формируя у них устойчивые паттерны поведения, что обуславливает актуальность исследования проблемы буллинга в образовательной среде.

По мнению К. Ригби, буллинг представляет собой физическое либо вербальное поведение, направленное на причинение вреда одним или несколькими учащимися другим участниками образовательного процесса [3]. С точки зрения И.В. Волковой, буллинг – это «длительное физическое или психическое насилие со стороны индивида или группы в отношении подростка, который не способен защитить себя в данной ситуации» [1].

К социально-психологическим факторам, оказывающим влияние на проявление буллинга в учреждениях общего среднего образования, относятся:

- отрицательный психоэмоциональный фон в учреждении общего среднего образования;
- наличие конфликтов в образовательном процессе (конфликты между учащимися, между педагогами и учащимися);
- использование педагогами авторитарного стиля преподавания;
- использование администрацией учреждения общего среднего образования авторитарного стиля управления;
- негативное влияние средств массовой информации.

К индивидуально-личностным факторам можно отнести:

- несформированность коммуникативных навыков;
- агрессивность, которая является следствием подражания поведению окружающих людей, желание доминировать;
- неуверенность в себе, низкая самооценка;
- попадание или наблюдение за ситуациями насилия в семье;

– ошибки семейного воспитания (завышенные требования, гипоопека, гиперопека).

Диагностическое исследование проявления буллинга в подростковой среде проводилось на базе учреждений общего среднего образования г. Минска. Основным методом сбора информации в ходе проведения исследования являлось анкетирование. Субъектами исследования выступили учащиеся 7-9 классов и педагогические работники.

Анализ результатов исследования показал, что буллинг широко распространен в подростковой среде. Чаще всего агрессия со стороны сверстников проявляется в виде: обсуждения жертвы за ее спиной (19,1%), критики (9,5%), распространения сплетен (9,6%), передразнивания жертвы (9,6%), угроз (8,7%), игнорирования (8,6%), насмешек над внешностью (7,8%) и др.

Подростки считают, что чаще травле подвергаются учащиеся, отличающиеся от других – 39,4%; либо те, кто слабее и не могут дать сдачи обидчику – 39,2%; а также те, кто имеет свое мнение и не боится его высказывать – 8,7%.

Тревогу вызывает безразличие многих учащихся к проявлению буллинга в среде сверстников. Подросткам был предложен ряд проблемных ситуаций, связанных с выбором определенной стратегии поведения в ситуации наблюдаемого насилия. Анализ результатов опроса показал, что 50,4% респондентов не готовы оказать помощь однокласснику и встать на его защиту в случае, если он будет подвергаться травле, так как лично их эта ситуация не касается.

Опрос педагогических работников показал, что многие из них регулярно сталкиваются с буллингом среди учащихся в учреждении образования. Педагоги указали, что буллинг оказывает негативное влияние на образовательный процесс, отбивает у подростка желание ходить в школу, учиться, общаться со сверстниками. Такие дети отказываются отвечать на уроках из-за страха, неуверенности в себе и низкой самооценки, для них характерна рассеянность внимания и подавленность, что закономерно приводит к снижению их успеваемости.

По мнению педагогов, основными причинами, из-за которых некоторые учащиеся в классе ведут себя как агрессоры, являются: неправильное семейное воспитание, низкий уровень педагогической

культуры родителей, чрезмерная авторитарность, конфликты и насилие в семье, либо равнодушие, вседозволенность, эгоизм, цинизм. Кроме того, насилие могут провоцировать такие факторы, как стремление подростков к самоутверждению, лидерству, неустойчивая самооценка, агрессивность, зависть, неуверенность в себе и др.

Среди причин, из-за которых учащиеся выбирают позицию «наблюдателя», педагоги назвали: нежелание вступать в конфликт, конформизм, боязнь идти против большинства, желание быть принятым в коллективе, страх переадресации буллинга в свою сторону (не хотят сами стать объектом травли), неуверенность в себе, низкая самооценка, неправильные жизненные установки, неразвитое чувство справедливости, трусость, инфантилизм.

Проведенное исследование актуализирует необходимость проведения профилактической работы, направленной на формирование толерантности и коммуникативной компетентности учащихся, обеспечение безопасности образовательной среды, предотвращение буллинга в учреждениях общего среднего образования.

Литература

1. *Волкова И.В.* Характеристики подросткового буллинга и его определение // Вестник Мининского университета. 2016. № 2. С. 26.
2. Global status report on preventing violence against children (2020) / World Health Organization. URL: <https://www.unicef.org/sites/default/files/2020-06/Global-status-report-on-preventing-violence-against-children-2020.pdf> (дата обращения: 29.03.2024).
3. *Rigby K.* Effects of peer victimization in schools and perceived social support on adolescent well-being // Journal of Adolescence. 2000. № 23. P. 57–68.

**Лингвокультурологический проект «Мир языков» для
посетителей «серебряного» возраста как новая технология
социальной работы**

Поликарпова Е.С.

*Санкт–Петербургское ГБУ «Комплексный центр социального
обслуживания населения Московского района»,
Санкт-Петербург, Россия
katopolikarпова@mail.ru*

В сегодняшних реалиях активное использование технологий, направленных на когнитивную сферу пожилого человека, является ключевым требованием современной социальной работы и отвечает приоритетной задаче формирования концепции активного долголетия.

Процесс старения неизбежно связан с некоторыми изменениями. Американский геронтолог и психиатр Э.Я. Штернберг на основе многочисленных исследований делает выводы о том, что основное, что характеризует старение, – это снижение психической активности, выражающееся в сужении объема восприятия, затруднении сосредоточения внимания, замедлении психомоторных реакций. У людей серебряного возраста увеличивается время реакции и замедляется обработка перцептивной информации [1, с. 332].

Американская исследовательница основ возрастной психологии Д. Лапп выделяет характерные психофизиологические изменения при нормальном старении: ухудшение способности к восприятию, сужение поля внимания, снижение способности к концентрации, уменьшение возможностей памяти, ослабление тенденции к «автоматической» организации запоминаемого, а также трудности воспроизведения [1, с. 334].

Наряду с этим, в современных работах по психологии и социологии внимание авторов все чаще привлекает серебряное волонтерство, которое стремительно развивается в последние годы. По данным ВЦИОМ, знакомые-волонтеры сегодня есть более, чем у

половины (57%) россиян – это максимум за последние пять лет, и этот показатель постоянно растет¹.

Многие исследователи считают, что в основе добровольческой деятельности лежат потребности людей старшего возраста в общении и стремлении быть социально полезным другим, в саморазвитии и самореализации, в поиске новых социальных ролей. Одной из острых проблем данной возрастной группы также являются психосоциальные изменения, в частности, потеря смысла жизни [2, с. 50], поэтому приобщение к общественной деятельности может стать большим и важным шагом в контексте его повторного приобретения.

В социально-досуговом отделении для граждан пожилого возраста №2 (Клуб активного долголетия «Клуб 60+») Комплексного центра социального обслуживания населения Московского района Санкт-Петербурга сотрудники оказывают социально-педагогические услуги в полустационарной форме. Специалисты отделения постоянно находятся в поиске новых решений и актуальных технологий работы со старшим поколением и для старшего поколения.

Так, например, в отделении реализуется инновационный лингвокультурологический проект «Мир языков», который сочетает все вышеизложенные психофизиологические особенности старшего возраста, опирается на основы работы со старшим поколением и отвечает вызовам современной социальной работы.

Целью проекта является создание комфортной социальной среды для людей старшего поколения по дополнительной разговорной практике на английском, испанском и немецком языках.

Изучение иностранного языка в старшем возрасте является не только полезным с точки зрения развития и поддержки когнитивных процессов – памяти, внимания, мышления, но и имеет прямое практическое применение: общение с родственниками и друзьями, проживающими за границей, способность изъясниться в путешествии, помощь внукам школьного возраста.

Уникальность проекта заключается в том, что занятия ведут волонтеры Клуба – заинтересованные, увлеченные, ответственные и организованные посетители, готовые открыто делиться знаниями и

¹ Волонтеры России: мониторинг [Электронный ресурс], – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring> (Дата обращения 01.03.2024)

опытом. Участие в проекте для них – это не просто развлечение, а серьезное и важное дело.

Занятия английским языком проводятся тремя волонтерами для посетителей с разным уровнем владения – элементарным и продвинутым. Для любителей испанского языка волонтеры, имеющие опыт и преподавания, и жизни в Испании, ведут Клуб для посетителей, желающих поддерживать языковую практику. Волонтер ведет обучающие занятия по немецкому языку по двум модулям – для начинающих и продолжающих, а также организует литературные вечера, музыкально-театральные представления, лексические игры на немецком языке.

В качестве оценки эффективности и апробации результатов внедрения у проекта «Мир языков» есть сюжет телеканала «Санкт–Петербург»¹. Также отметим, что участник проекта, волонтер, ответственный за занятия по немецкому языку, в текущем году участвует в Премии «Старшие» благотворительного фонда «Добрый город Петербург», созданной для людей серебряного возраста с активной жизненной позицией, реализующих социальные инициативы и меняющих мир в лучшую сторону.

Таким образом, для поддержания разнообразия форм и методов социальной работы с людьми серебряного возраста необходима разработка и реализация инновационных практик с опорой на базовые принципы социальной психологии.

Литература

1. *Шаповаленко И.В.* Психология развития и возрастная психология: учебник и практикум для вузов / И. В. Шаповаленко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: «Юрайт», 2024. 457 с.
2. *Якунина В.А.* Волонтер «серебряного» возраста: социально-психологические особенности и мотивы деятельности // Вестник ПензГУ. 2023. №4 (44). С. 48-52.

¹ В «Клубе активного долголетия 60+» открылась программа «Мир языков» [Электронный ресурс], – Режим доступа: <https://tvspb.ru/news/2023/11/22/v-klube-aktivnogo-dolgoletiya-60-otkrylas-programma-mir-yazykov> (Дата обращения 26.02.2024)

Депривация доверия у подростков, воспитывающихся в трудной жизненной ситуации

Полина А.В., Балина А.Д.

ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия

a.polina71@mail.ru, balinaanastasiya@mail.ru

В последнее время в современном мире наблюдается увеличение числа детей и подростков, условия воспитания которых можно отнести к трудной жизненной ситуации. Это подростки из неблагополучных семей, оставшиеся без попечения родителей, а также подростки, воспитывающиеся в учреждениях закрытого типа [1, с. 136]. У подростков данной категории формирование личности происходит в условиях психической депривации, что негативно влияет на развитие эмоциональной сферы, коммуникативных способностей, самопринятия и как следствие, у подростков деформируются доверительные отношения, что неблагоприятно влияет на их социализацию [4, с. 14].

Это обуславливает необходимость исследования у депривированных подростков деформаций доверия к себе и к другим, а также изучение феномена психической депривации как следствия влияния трудной жизненной ситуации. Поэтому изучение проблемы формирования доверия и самооценочного отношения к себе, являющиеся условиями гармоничной социализирующейся личности подростка, представляется нам важной исследовательской задачей.

Анализ изучения проблемы социальной депривации зарубежными и отечественными исследователями (Дж. Боулби, А. Фрейд, Р. Шниц, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, С.Ю. Мещерякова, В.Н. Ослон) [2; 3; 6; 7], а также анализ феномена доверия (С. Джудард, Э. Эриксон, Т.П. Скрипкина, В.П. Зинченко, П.Н. Шихирев и др.) показал, что проблема доверия и доверительных отношений в возрастной психологии затрагивается лишь в контексте изучения общения детей и подростков [5]. Изучение особенностей доверия депривированных подростков и его роли в личностном развитии подростков, до сих пор не стали предметом научного исследования.

Обобщение проанализированных исследований, позволило сделать вывод о том, что у детей и подростков, проживающих в условиях

трудной жизненной ситуации, существует очень актуальная и вместе с тем неудовлетворенная потребность в близких, доверительных отношениях со значимыми взрослыми [4, с. 15]. Поэтому мы пришли к выводу, что факт лишения детей и подростков доверительных отношений с близкими взрослыми можно обозначить как депривацию доверия. Депривация доверия проявляется в деформации базовых установок и ценностных ориентаций личности, в непринятии себя, в социальной дезадаптации. Поскольку доверие – явление системное, то депривация доверия проявляется в особенностях развития эмоциональной, личностной и поведенческой сфер психики депривированного подростка [4, с. 16].

С целью изучения особенностей проявления депривации доверия и разработки способов коррекции доверительных отношений у подростков, было проведено исследование, в котором приняли участие 164 респондентов в возрасте 14-16 лет, в том числе 86 подростков, воспитывающихся в условиях трудной жизненной ситуации и 78 подростков, проживающих в социально-благоприятных условиях. На констатирующем этапе исследования применялись следующие методики: рефлексивный опросник уровня доверия к себе Т.П. Скрипкиной (2006) [5], шкала депрессии Бека (подростковый вариант); шкала самооценки Ч.Д. Спилбергера – Ю.Л. Ханина.

Полученные данные с помощью методики «Рефлексивный опросник уровня доверия к себе» Т.П. Скрипкиной показали, что в группе подростков из экспериментальной группы уровень доверия по всем жизненным ситуациям значительно ниже (t -критерий Стьюдента), чем у подростков из контрольной группы по таким показателям, как: «доверие во взаимоотношениях с друзьями» ($t = 3,8$ при $p < 0,01$); «доверие во взаимоотношениях с противоположным полом» ($t = 3,6$ при $p < 0,01$), «доверие во взаимоотношениях с родителями» ($t = 4,9$ при $p < 0,01$); «доверие в интеллектуальной деятельности» ($t = 3,5$ при $p < 0,01$). Сравнительный анализ уровня доверия к себе показал, что 79% подростков, проживающих в трудной жизненной ситуации, во многих жизненных ситуациях не доверяют себе, тогда как большая часть подростков контрольной группы (83%) склонны доверять себе в различных сферах деятельности.

Методика депрессивности теста «Шкала депрессии Бека» проведена с целью определения у подростков уровня депрессивности, как следствие психической депривации.

Результаты теста «Шкала депрессии Бека» показали, что у подростков из экспериментальной группы (воспитывающихся в депривационных условиях) уровень депрессии значительно выше, чем у подростков из контрольной группы. Подтвердив статистическую значимость этих различий с помощью *t*-критерия Стьюдента, можно сделать вывод, что у подростков в депривационных условиях интенсивнее проявляется легкая депрессия ($t = 5,4$ при $p < 0,01$), также значимы различия по показателю «удовлетворительное эмоциональное состояние» ($t = 2,4$ при $p < 0,01$). В экспериментальной группе несколько подростков показали умеренное и тяжёлое депрессивное состояние, что может проявляться как акцентуация характера или как следствие психической депривации.

Результаты методики «Шкала самооценки уровня тревожности Ч.Д. Спилбергера- Ю.Л. Ханина» показали, что уровень реактивной и личностной тревожности, у подростков, воспитывающихся в трудной жизненной ситуации, значительно выше. Так у подростков экспериментальной группы преобладает высокий уровень реактивной (78%) и личностной (85%) тревожности. Тогда как у подростков из контрольной группы, воспитывающихся в благоприятных условиях, преобладает умеренный уровень реактивной (74%) и личностной (68%) тревожности. Для подтверждения различия уровней реактивной и личностной тревожности у подростков из разных группы, мы сравнили две независимые выборки с использованием *U*-критерия Манна-Уитни. В экспериментальной и контрольной группах подростков результаты статистического анализа находятся в зоне значимости различия уровней реактивной ($U = 133$) и личностной тревожности ($U = 122.5$). Исходя из полученных данных можно заключить, что проявление высокой личностной и реактивной тревожности у депривированных подростков – это следствие депривации доверия и несформированности самооценочного отношения к себе.

В результате проведенного исследования особенностей доверительных отношений у подростков с депривацией психического развития мы пришли к выводу, что доверие к миру формируется в

определенной социальной среде на основании раннего и актуального опыта общения.

Исходя из полученных данных, мы выделили ряд факторов, влияющих на формирование доверия к себе: факторы раннего и актуального опыта общения, социально-средовые и ситуационные факторы. В качестве факторов формирования доверия/недоверия к миру мы выделили: эмоциональную сферу, характер межличностных отношений, самооценку, восприятие окружающего мира [4, с. 12]. Если подросток развивается в условиях психической депривации, имеет негативный опыт базового доверия, то формирование доверия идет по пути деформации доверительных отношений, что проявляется в нарушении базовых характеристик доверия: значимости и безопасности, что приводит к проявлению депривации доверия.

Литература

1. *Лакреева А.В., Хомутова М.В.* Трудная жизненная ситуация как фактор социально-психологической дезадаптации подростка // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. – Т. 24. – С. 135–140. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56426>
2. *Ослон В.Н.* Дети-сироты в образовательном пространстве России // Психологическая наука и образование. - 2016. - Т. 21. № 1. С. 146–155.
4. *Прихожан А.М., Толстых Н.Н.* Дети без семьи. М., 1990.
5. *Полина А.В., Овчарова Е.В.* Роль доверия в формировании психологической безопасности подростков, воспитывающихся в депривационных условиях [Электронный ресурс] // Образовательный вестник «Сознание». – 2019. - Том 21, № 9. - С. 11-17. - <http://dx.doi.org/10.26787/nydha-2686-6846-2019-21-9-11-17>
6. *Скрипкина Т.П.* Система доверительных отношений в психологии развития и саморазвития субъекта и субъектности: Принцип развития в современной психологии / Виленская Г.А., Волкова Е.В. и др. / Сер. «Методология, теория и история психологии».- М.: Институт психологии РАН, 2016. С. 254-278.

7. *Bowlby J.* A secure base: Parent-child attachment and healthy human development, New York: Basic Books. 1988.
8. *Spits R.A.* Hospital's: A follow up report on investigation // Psychoanalytic study of the child. 1946. V.2. P.113-117.

Влияние социальных сетей на формирование ожиданий взрослых в отношении программ электронного обучения

Полякова О.А.

ГУУ, Москва, Россия

Овсяник О.А.

ФГАОУ ВО ГУП, Московская область, Россия

profi.polyakova@yandex.ru

Продолжающаяся интеграция информационных технологий значительно влияет на человеческую цивилизацию, отражается в трансформации большинства социальных явлений, норм, ценностей, способов коммуникации и других составляющих бытия.

В частности, значимые изменения затронули целый ряд процессов, связанных с выполнением людьми своих профессиональных задач. Человеческий ресурс все еще продолжает оставаться самым ценным активом любого предприятия, однако, существенно трансформировались требования к квалификации специалистов. Владение определенным набором знаний и навыков уже не является гарантией востребованности на рынке труда, ввиду активной автоматизации, трансформации бизнес-процессов, технических обновлений и других факторов. Естественным следствием подобного положения вещей стал рост социального запроса на программы дополнительного образования взрослых.

Тенденция к увеличению числа взрослых обучающихся отмечается по всему миру. Так, согласно данным представленным в работе W. Hussar и T. Bailey (2014), «между 1997 и в 2011 году в высших учебных заведениях наблюдался рост набора на 51% студентов в возрасте от 25 до 34 лет и на 26% студентов в возрасте 35 лет и старше» [3]. Рынок образовательных услуг оперативно отреагировал на увеличение спроса. На сегодня практически все образовательные

учреждения предлагают целый спектр форматов обучения, в том числе построенных полностью на использовании дистанционных методов работы.

Объединяющим термином для обозначения всего спектра программ, предполагающих возможность учиться исключительно благодаря техническим возможностям эпохи цифровизации, стало понятие «электронное обучение».

Обучение взрослых имеет определенную специфику, которая отражается на ожиданиях как в отношении результатов, так и в отношении самого процесса обучения. Как отмечает Н.М. Шевченко-Савлакова, «образовательные потребности взрослых людей ориентированы больше на конкретные вопросы, чем в общем на изучаемый предмет» [1]. По результатам исследования, реализованного R. Bourdeaux и L. Schoenack, среди взрослых студентов, проходивших онлайн-курсы на базе различных университетов Америки, респонденты отмечали, что ожидали большего учета их личных индивидуальных обстоятельств [2]. Другими словами, обучающиеся ждали значительного акцента со стороны образовательной организации и конкретных преподавателей именно на том, что они – взрослые люди. Авторы отмечают крайне важный аспект с точки зрения отношения общества к электронному обучению – эмоциональный компонент неудовлетворенных ожиданий распространяется в представлении студента на все результаты обучения.

Данное утверждение верно как в отношении формальных онлайн-программ, так и в отношении неформального образования. Причем, именно неформальные образовательные продукты, в виде краткосрочных курсов и тренингов сегодня составляют значимую часть всего пула программ электронного обучения. Система формального образования «не успевает» за скоростью обновления технологий, социально-экономическими изменениями и новыми потребностями рынка труда.

Возвращаясь к вопросу ожиданий взрослых от результатов и процесса построения обучения, стоит упомянуть, что в качестве фактора, который оказывает существенное влияние на ожидания слушателей по отношению к процессу обучения, выступает прошлый опыт и сложившийся при этом индивидуальный стиль овладения

знаниями. Однако, сегодня в период радикальной трансформации всей системы образования, у многих потенциальных обучающихся просто нет опыта обучения в новых условиях. В итоге, стремясь удовлетворить свой внутренний запрос или решить конкретную задачу, связанную с необходимостью приобретения профессионального навыка, взрослые люди ориентируются на входящую информацию. В данном контексте стоит отметить силу влияние социальных сетей, через которые активно продвигаются многие образовательные программы.

Социальные сети представляют собой продукт цифровой эры, который в значительной степени отражает существующую в конкретный момент времени в данном социуме систему ориентиров и ценностей, рассматривается пользователями как один из источников информации при принятии различных решений. Социальные сети в значительной степени способствуют динамике смещающихся интересов личности, в том числе за счет трансляции большого числа успешных примеров, где результат достигается легко и быстро во многих областях жизни. Эта легкость и некая игровая составляющая в значительной степени отражается и на образовательных продуктах, которые создаются одними пользователями соцсетей для других.

Упрощение предлагаемых продуктов, позиционируемых как образовательные, зачастую достигает такого уровня, что рассматривается пользователями, как развлекательный контент. Это способствует тому, что ожидания пользователей (потенциальных обучающихся) и мотивы приобретения образовательных программ выходят за пределы общенаучных представлений об образовании. При этом эффект/отсутствие эффекта, разочарование, в значительной степени, распространяется в сознании общества на все обучающие программы, в том числе и на формальные, рассчитанные на длительный период.

Безусловно, работа со взрослой аудиторией, где слушатели практически всегда совмещают обучение с реализацией иных задач в других сферах жизни, предполагает необходимость гибкости со стороны учебных заведений в плане организации процесса и наполняемости программ. Это направление является объектом анализа и проработок, выходящим на пределы данной статьи. Мы же стремимся отметить тенденцию, связанную с трансформацией

ожиданий пользователей сети интернет от электронного обучения. Из всего спектра образовательных продуктов пользователи нередко выбирают приобретение краткосрочных электронных программ, даже сознавая спорность образовательной пользы, ставя в приоритет простоту самого процесса обучения.

Литература

1. *Шевченко-Савлакова Н.М.* Психологические особенности онлайн-обучения взрослых // Мастерство online [Электронный ресурс]. 2021. 3(28). Режим доступа: <http://ripo.unibel.by/index.php?id=5362>
2. *Bourdeaux R., Schoenack L.* Adult Student Expectations and Experiences in an Online Learning Environment // The Journal of Continuing Higher Education. 2016. vol. 3(64). P.152-161
3. *Hussar W.J., & Bailey T.M.* (2014). Projections of education statistics to 2022 (NCES 2014-051). Washington, DC: Government Printing Office

Возможности использования метода анализа перевода с иностранного на родной язык в этнопсихологических исследованиях личности

Помуран Н.Н.

*НГТУ, Новосибирск, Россия
pomnatnik@mail.ru*

Для развития современной психологической науки характерны междисциплинарность и трансдисциплинарность, что проявляется в появлении новых исследовательских направлений, пополнении понятийного аппарата психологии из других областей знания, в обмене методами [1]. Междисциплинарность в изучении этнопсихологических явлений также базируются на теории и методологии целого комплекса наук, одной из которых является языкознание.

Учение о проявлении в языке национального зародилось в конце XIX века в трудах В. фон Гумбольдта (1985), Х. Штейнталя и М. Лацаруса (1859), Сепира-Уорфа (1956), А.А. Потебни (1860), Г.Г. Шпета (1926) и поддерживаются современными учеными Т.Г. Стефаненко (2006), Ю.Н. Карауловым (1987), В.В. Виноградовым (1930), В.И. Карасик (2002), С.Г. Тер-Минасовой (2000), А.Д. Карнышевым (2017). Мысль о личности как носителе национального колорита, который проявляется в языке, объединяет и служит основой исследований взаимосвязи языка и этнопсихологических явлений [3]. Ю.Н. Караулов предлагает изучать языковую личность на двух уровнях: первый, нулевой, описывается как общенациональный (инвариантная, общая для всех часть языкового мира), где изучаются стандартные, устойчивые элементы вербально-семантических ассоциаций; второй, мотивационный уровень отражает внутренние установки, цели и мотивы личности [2]. Следовательно, применительно к исследованиям этнопсихологических явлений изучение смысловых связей слов, сочетаний лексических единиц и лексико-семантических отношений помогает представить национальную концептосферу того или иного этноса. По мысли ученого на этом уровне нет возможностей для проявления индивидуальности, кроме тех случаев, когда речь идет о втором для нее языке. Другую точку зрения на изучение вербально-семантических ассоциаций предлагают представители школы когнитивного исследования высших психических процессов. Подчеркивая роль семантики слова, Т.Н. Ушакова отмечает, что «выражаемое словом содержание – это психологическое образование, оно может отражать интеллектуальный акт, впечатление, воспоминание, эмоцию», то есть, все то, в чем проявляются индивидуально-личностные особенности человека [8, с. 103]. Освоение новой лексики другого языка, согласно автору, сложный нейродинамический процесс вхождения лексических единиц иностранного языка в ассоциативные связи с элементами лексикона родного языка, и их функционирование на основе использования готовых, содержащихся в родном языке семантических структур [там же]. Следовательно, при переводе из вербальной сети родного языка в первую очередь извлекаются те лексические единицы, которые

находятся в тесной ассоциативной связи с лексикой иностранного языка и содержатся в семантически близкой структуре.

В основе метода анализа перевода лежит способность слова активизировать сознание, вызывать не просто отдельный концепт, а целую цепочку реакций [4]. Особенно наглядно это проявляется при переводе, когда одной вербальной репрезентации соответствует несколько значений (ментальных единиц), и наоборот, один концепт может быть представлен рядом вербальных репрезентаций. При актуализации иноязычного концепта мысленно активизируется база данных, связанных с данными языка перевода [7]. Неопределенность стимульного материала, относительная свобода реакции испытуемого, отсутствие оценки ответа, возможность вывить скрытые неосознаваемые стороны личности позволяют отнести метод анализа перевода к проективным методикам изучения личности. Перечисленные свойства метода ярко прослеживаются, когда переводится лексика, не имеющая эквивалентов на языке перевода: идиоматические выражения, невербализованные концепты (например: англ. «fortnight», рус. «беспредел») и т.п.

В.А. Петровский указывает на возможность исследователей проникать в содержание «личности мира» со стороны мотивов и интенций, уникальной системы личностных смыслов при помощи проективных методик [5, с. 18]. Следовательно, анализ факторов, влияющих на выбор переводчиком вербальных средств, позволяет постичь мир личности как представителя той или иной национальности, носителя определенного культурного кода. Вместе с тем, ограничение метода анализа перевода связано с его использованием в ситуациях, когда в качестве испытуемых выступают профессиональные переводчики. В обязательный набор компетенций переводчика входит умение подбирать стратегии перевода и переводческие решения в зависимости от прагматики перевода, т.е. учитывать коммуникативную интенцию создателя текста, доминантную функцию, коммуникативную направленность исходного сообщения. Иными словами, при реконструкции понятий языка оригинала средствами языка перевода на уровне сознания у переводчика включается контроль, обеспечивающий максимальную адекватность передачи сообщения.

Примером использования метода анализа перевода может послужить проведенное нами исследование взаимосвязи этнической идентичности личности, авто- и гетеростереотипов с использованием избыточной иноязычной лексики [6]. Стимульным материалом, предназначенным для перевода, послужил текст на английском языке. Он содержал набор лексических единиц, имеющих эквиваленты на русском языке (исконно русские или ранее заимствованные слова), вместе с тем их перевод мог быть осуществлен при помощи избыточной заимствованной лексики: *image*, *coaching*, *deadline* и т.п. Все респонденты были разделены на группы в зависимости от того, репрезентантами какой из трех национальностей они себя ощущают (английской или русской национальности, или представителями американского народа). В каждой из групп подсчитывалась частотность использования избыточной заимствованной лексики при переводе, а для выявления взаимосвязи этнической идентичности и использования заимствований рассчитывался коэффициент корреляции r Пирсона.

Мы полагаем, что метод анализа перевода с иностранного на родной язык может быть использован в будущих исследованиях, посвященных изучению механизмов и закономерностей конструирования образов идентичности, формирования и усвоения национальной концептосферы личностью.

Литература

1. *Гусельцева М.С.* Психология личности и антропологический дискурс: в поисках новых подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. 12. 2.
2. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М, 1987.
3. *Карнышев А.Д., Иванова Е.А., Карнышева О.А.* Природа экономического патриотизма и гражданского сотрудничества. Этнопсихологические аспекты. М., 2017.
4. *Кубрякова Е.С.* О ментальном лексиконе. Лексикон как компонент языковой способности человека // Язык и знание. М., 2004.

5. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъектности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985. №4.
6. *Помуран Н.Н.* Социально-психологические детерминанты использования иноязычной лексики = Socio-Psychological Determinants of the Use of Luxury Loanwords in the Russian Language // Сибирский психологический журнал = Siberian journal of psychology. 2023. № 88.
7. *Сальмон Л.* О подсознательном в процессе перевода // Университетское переводоведение: материалы V Международной научной конференции по переводоведению «Федоровские чтения». Вып. 5. СПб., 2004.
8. *Ушакова Т.Н.* О механизмах вербальных процессов человека // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т.6. №1.

**Взаимосвязь самоконтроля и эмоциональной устойчивости
подростков, их отношения к родителям и родительских установок
на семейные роли**

Попова Т.А., Дическул О.М.
ФГАОУ ВО ПГНИУ, Пермь, Россия
permtan@yandex.ru, olga_dicheskul@mail.ru

Одним из важнейших факторов психологического благополучия подростков является семья. К сожалению, в настоящее время многими исследованиями отмечаются нарушения эмоциональных связей родителей с подростками, что может способствовать формированию эмоциональной нестабильности и зависимости [2; 3; 4].

В то же время, исследований взаимосвязи эмоциональной устойчивости подростков и отношений подростков с родителями недостаточно. Исходя из актуальности данной проблемы, была сформулирована цель данного исследования, которая состояла в изучении взаимосвязи самоконтроля и эмоциональной устойчивости подростков, их отношения к родителям и родительских установок на семейные роли.

Мы предположили, что существует взаимосвязь материнских установок на семейные роли между эмоциональной устойчивостью и самоконтролем подростков, а также их отношений к родителям. Также предположили, что существуют значимые различия показателей детско-родительских отношений, эмоциональной устойчивости и самоконтроля подростков в зависимости от пола.

В исследовании приняли участие подростки в 14-15 лет (50 чел.) и их матери (50 чел. (родительский стаж не менее 10 лет, все матери находятся в браке).

Был использован следующий психологический инструментарий: опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» (ADOR) З. Матейчик, П. Ржичан; опросник для выявления выраженности самоконтроля в эмоциональной сфере, деятельности и поведении Г.С. Никифорова, В.К. Васильева и С.В. Фирсова; методика PARI Е.С. Шефер и Р.К. Белл (в адаптации Т.В. Неццет), методика самооценки психических состояний Г.Айзенка. Были применены методы математической статистики (*U*-критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ Спирмена), обработаны в программе SPSS 18.

Основные результаты исследования.

Сравнение средних показателей эмоциональной устойчивости в выборках мальчиков и девочек показало значимые различия уровня «ригидности» (0,01**), который достоверно выше в группе мальчиков. Обнаружено также, что показатели «тревожности» (0,05*) и «фрустрации» (0,05*) выше в группе мальчиков, тогда как показатель уровня «социального самоконтроля» значимо выше у девочек-подростков, что подтверждает более выраженную вовлечённость девочек-подростков в систему межличностных и групповых коммуникаций (0,05*). В то же время, полученные факты отличаются от результатов З.И.Айгумовой, А.И.Чижовой [1].

Сравнение средних показателей отношения к семейной роли матерей мальчиков и девочек (по методике PARI) выявило, что достоверно более выражены у матерей мальчиков-подростков «побуждение словесных проявлений, вербализация», (0,03*) «уравнительные отношения между родителями и ребенком» (0,01**) и «стремление ускорить развитие ребенка» (0,01**).

Результат корреляционного анализа по Спирмену выявил значимые взаимосвязи показателей установок матерей и

эмоциональной устойчивости подростков с показателями детско-родительских отношений в семьях подростков.

В выборке мальчиков – подростков выявлена положительная связь между эмоциональным состоянием подростков «фрустрация» и отношением матери к семейной роли – «неудовлетворенность ролью хозяйки дома» (0,03*), отрицательная взаимосвязь между показателем «самоконтроль в деятельности» и «чрезмерное вмешательство в мир ребенка (-0,41*).

Характер взаимосвязей установок матерей и эмоциональной устойчивости в группе девочек был иным. Обнаружена лишь значимая корреляция между показателями эмоционального состояния девочек «ригидность» и показателем PARI «ощущение самопожертвования в роли матери» (-0,51*). Отрицательно взаимосвязаны установки родителей глазами подростков: «позитивный интерес» (ADOR) и «доминирование матери» (-0,45*), «директивность» и «побуждение словесных проявлений, вербализация» (-0,46*), «автономность» и «доминирование матери» (-0,46*). Выявлены отрицательные корреляции между показателями «директивность» матери и «безучастность мужа (-0,48*).

Таким образом, мы установили, что показатели эмоциональной устойчивости и самоконтроля в выборках подростков различны в зависимости от пола. Также характер взаимосвязей между показателями родительских установок и эмоциональной устойчивости и самоконтроля подростков различен в выборках мальчиков и девочек.

Выводы.

1. Выявлены значимые различия показателей эмоциональной устойчивости мальчиков и девочек. В выборке мальчиков – подростков достоверно выше показатели «ригидность», «тревожность», «фрустрация», в группе девочек выше показатель «социальный самоконтроль».
2. Выявлены взаимосвязи показателей установок матери к семейной роли и эмоциональной устойчивости и самоконтроля подростков, а также их отношения подростков к родителям. Характер полученных корреляций различен в выборках девочек и мальчиков подросткового возраста.
3. Обнаружены значимые различия показателей отношения к семейной роли (PARI) в группах матерей мальчиков и девочек. Достоверно выше у матерей мальчиков показатели «побуждение словесных проявлений, вербализация», «уравнительные отношения

между родителями и ребенком» и «стремление ускорить развитие ребенка».

4. Не выявлены значимые различия в оценке мальчиками и девочками подросткового возраста поведения родителей и отношения подростков к ним (ADOR), хотя есть тенденция к различию показателей «позитивный интерес» и «автономность» в группе девочек.

Литература

1. *Айгумова З.И., Чижова К.И.* Исследование эмоциональной устойчивости подростков в контексте детско-родительских отношений // Проблемы современного образования. – 2018. – №5. – С. 53-63.
2. *Долгова В.В.* Проблемы определения уровня эмоциональной устойчивости подростков // GISAP: электр. науч. журн. – 2016. – №9.
3. *Захарова Е.И.* Особенности детско-родительских отношений матерей с детьми подросткового возраста [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru.– 2014.. 6. – № 4. – С.182-193. URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/4/Zakharova.phtml>.
4. *Каргин М.И., Тишкина А.А.* Изучение эмоциональной устойчивости у подростков // Актуальные проблемы и перспективы развития современной психологии. 2019. С. 186-190.

К вопросу об экономических аттитюдах, мотивации профессиональной деятельности и отчуждении сотрудников сферы образования

Пышинова А.И., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pysalina1993@yandex.ru, nkochetkov@mail.ru*

Изучение взаимосвязи экономических аттитюдов, профессиональной мотивации и отчуждения представителей системы образования является актуальным и необходимым в настоящее время, чтобы понимать, какие факторы влияют на эффективность системы

542

образования и какие меры могут быть приняты для улучшения качества образования и поддержки работников в этой сфере [1–6].

Определение связи между экономическими аттитюдами, профессиональной мотивацией и отчуждением работников в сфере образования является главной целью нашего исследования.

Исследование проводилось на базе МАОУ СО «Школа №14», ФГБОУ ВО МГППУ, ГАОУ ВО МГПУ. В исследовании приняли участие 70 человек: 61 женщина и 9 мужчин в возрасте от 24 до 60 лет. Среди респондентов были как педагоги, так и представители других профессий, работающие в сфере образования.

В исследовании использовался следующий диагностический инструментарий: опросник профессиональной мотивации (Е.Н. Осин, А.А. Горбунова и др.); опросник субъективного отчуждения (в адаптации Е.Н. Осина); шкала монетарных представлений и поведения (А. Фернам, в адаптации О.С. Дейнеки).

В результате исследования особенностей взаимосвязи между профессиональной мотивацией и отчуждением сотрудников в сфере образования было определено следующее.

1. Существуют прямые взаимосвязи между: вегетативностью и скупостью, нигилизмом и скупостью, авантюризмом и финансовым тщеславием, отчуждением и скупостью, также существуют прямые взаимосвязи между: вегетативностью и экономностью, скупостью и авантюризмом, отчуждением и финансовым тщеславием. Эти взаимосвязи могут указывать на то, что профессиональная мотивация сотрудников, работающих в сфере образования типа профессии «человек – человек», может быть взаимосвязана с их экономическими убеждениями, а также отчуждением.
2. Профессиональная мотивация сотрудников типа профессии «человек-человек» имеет обратную связь между авантюризмом и внутренней мотивацией: чем выше уровень авантюризма у индивида, тем ниже его внутренняя мотивация. Это может быть связано с тем, что люди, склонные к авантюризму, больше ориентированы на внешние стимулы, в то время как внутренняя мотивация чаще связана с самореализацией и внутренним развитием.

3. Существует обратная взаимосвязь между уровнем отчуждения и внутренней мотивацией сотрудников типа профессии «человек-человек». Люди с высоким уровнем отчуждения могут испытывать низкую внутреннюю мотивацию, зависящую от внешних стимулов. В то же время, люди с низким уровнем отчуждения могут быть более внутренне мотивированы к достижению личных целей.
4. У респондентов в профессиях типа «человек – знаковые системы» прямые взаимосвязи не наблюдаются.

Исследование взаимосвязей между экономическими аттитюдами, профессиональной мотивацией и отчуждением среди сотрудников сферы образования позволяет сформировать целостное понимание того, как различные психологические и социально-экономические факторы влияют на профессиональное благополучие и взаимодействие в коллективе. В ходе исследования было установлено, что такие феномены, как скудность и финансовое тщеславие, имеют значительное влияние на ощущение отчуждения и профессиональную мотивацию сотрудников. Взаимосвязь между стремлением к экономии и чувством бессилия, а также предрасположенностью к авантюризму указывает на сложную динамику между личными финансовыми установками и профессиональным самоощущением.

Внутренняя мотивация играет роль защитного фактора, уменьшая переживание отчуждения и снижая интерес к рискованным действиям. Это подчеркивает значимость самодетерминации и нахождения внутреннего удовлетворения в работе как ключевых элементов для поддержания психологического благополучия и профессиональной адаптации. С другой стороны, внешние стимулы и награды также играют свою роль, внося вклад в снижение общего ощущения отчуждения и повышение мотивации, что указывает на необходимость сбалансированного подхода к стимулированию сотрудников.

Наличие положительной корреляции между возрастом и внутренней мотивацией также вносит перспективу в обсуждение рассматриваемой проблемы, предполагая, что с возрастом профессионалы в сфере образования могут находить больше внутренних стимулов для работы, что способствует их профессиональной интеграции и снижает ощущение отчуждения.

Литература

1. *Воробьёва М.А., Дворникова М.Ю., Журавлёва Е.С., Терещенко К.В.* Особенности трудовой мотивации сотрудников образовательных организаций. Уральск, 2018.
2. *Дейнека О.С.* Экономическая психология: Учебное пособие. СПб., 2000.
3. *Матвеев В.В., Соболева Ю.П.* Управление процессом мотивации персонала вузов с использованием стратегического подхода. М., 2020.
4. *Осин Е.Н., Горбунова А.А., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю., Кошелева Н.В., Овчинникова Е.Ю.* Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи с благополучием и успешностью деятельности. М., 2017.
5. *Осин Е.Н., Иванова Т.Ю., Гордеева Т.О.* Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций. М., 2013.
6. *Potter L.W., Lawler E.E.* Managerial attitudes and performance. Homewood, IL: Dorsey Press, 1968.

Влияние отсутствия сексуального опыта на психосоциальную адаптацию у студентов

Радван С.И.

ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова

Иванова Е.М.

ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова,

ФГБНУ НЦПЗ, Москва, Россия

radwansof@gmail.com

Большинство исследований сексуального поведения молодежи сосредоточены на раннем сексуальном дебюте и связанным с этим рискованным сексуальным поведением. Мы хотим обратить внимание в нашем исследовании на другую сторону данной проблемы, а именно

на молодых людей, которые не имеют половых связей, чтобы пролить свет на то, как это влияет на их социальную адаптацию.

Согласно феномену социальных часов, важные жизненные перемены происходят легче, когда они происходят в сроки, сходные с аналогичными периодами жизни у сверстников [1]. Фактически этот культурный календарь, основанный на имплицитных социальных нормах и историческом контексте, определяет возраст, в котором должно произойти обретение того или иного статуса и усвоение соответствующей социальной роли. При отклонениях от социальных часов могут развиваться чувства изоляции и одиночества, депрессия и тревога, негативная самооценка, а также повышается вероятность столкнуться со стигматизацией [2].

Исследования показывают, что люди, которые отклоняются от нормы (16-18 лет) в отношении возраста первого полового акта в сторону более раннего или более позднего периода, испытывают больше трудностей в психосоциальной адаптации и как правило, чем сильнее сексуальная десинхронизация, тем серьезнее трудности [3; 4].

Цель исследования – изучение влияния отсутствия сексуального опыта на психосоциальную адаптацию у студентов.

В анонимном онлайн-исследовании приняли участие 35 человек: 29 девушек и 6 юношей, от 19 до 25 лет ($M = 21$ $SD = 1,5$), обучающиеся разных факультетов РНИМУ им. Н.И. Пирогова. В ходе статистического анализа было решено исключить мужчин в связи с их малым количеством, и таким образом окончательная выборка составила 29 человек женского пола. Из них 15 женщин без сексуального опыта и 14 женщин с наличием сексуального опыта.

В исследовании использовались разработанная нами анкета, «Методика исследования самоотношения» (Пантеев, 1989); «Опросник установок к сексу Г. Айзенка» (Айзенк, 1976).

Анкета была разработана в целях сбора данных об особенностях сексуального развития и половой жизни, социальных, социодемографических и психологических данных, включала 58 пунктов и состояла из двух разделов с открытыми и закрытыми вопросами. Первый раздел анкеты был направлен на сбор демографических данных: пол, возраст, семейное положение. Во втором разделе выявлялись особенности межличностной сферы, эмоциональных

реакций, психосоциальной адаптации и трудности, связанные с девственностью и стигматизацией со стороны общества.

В ходе анализа результатов было выявлено, что участницы без сексуального опыта испытывают негативные эмоции, связанные с поздней девственностью, такие как: тревога; смущение; страх; стыд, считают себя неполноценными. Они испытывают трудности в межличностных отношениях, в частности, в общении с противоположным полом, поскольку считают, что с ними не захотят вступать в романтические отношения, а также, что им придется оправдываться и объяснять причину их девственности. Они отметили, что в обществе принято считать, что у большинства их сверстниц уже есть сексуальный опыт, что и является причиной их трудностей в межличностных отношениях. Примечательным было также то, что многие из участниц исследования также не признавали существование большого процента девственников в их возрасте, а также в их окружении, считая, что все-таки у большинства уже был секс, а они являются исключением, т.е. имеет место самостигматизация как следствие субъективного искажения восприятия под воздействием социальных стереотипов. Некоторые участницы также указали на трудности в принятии обществом их такими, какие они есть, без давления на потерю девственности.

По результатам методики «Опросник установок к сексу» Г. Айзенка было выявлено, что участницы без сексуального опыта отличаются более высокими показателями ($p \leq 0,003$) по таким параметрам, как «сексуальная застенчивость», «отвращение к сексу» и «целомудрие», и меньшими показателями по таким параметрам, как «реализованность», «порнография» и «сексуальная удовлетворенность». Из чего можно сделать вывод, что участницы без сексуального опыта являются сексуально менее реализованными, имеют сложности во взаимодействии с противоположным полом, приводящие к трудностям создания гармоничных отношений, в том числе, связанным с проявлением сексуальности.

Сравнение средних рангов с использованием U -критерия Манна-Уитни для независимых выборок позволило выявить значимые различия между группами по выраженности показателя самооценки по шкале «самоценность». В группе женщин с сексуальным опытом самооценка значимо выше (средний ранг

18,64), чем в группе женщин без сексуального опыта (средний ранг 11,60; $p = 0,023$), что отражает их более высокую заинтересованность в собственном Я, любовь к себе, ощущение ценности собственной личности и одновременно предполагаемую ценность своего Я для других, а также эмоциональную оценку себя, своего Я по внутренним интимным критериям любви, духовности, богатства внутреннего мира.

Наше исследование особенностей психосоциальной адаптации девушек без сексуального опыта среди российских студентов, соотносится с результатами, полученными в зарубежных исследованиях, что свидетельствует об актуальности дальнейшего исследования. Несмотря на то, что многие девушки в нашей выборке сталкивались с трудностями в межличностной сфере, стигматизацией и давлением со стороны окружающих, испытывали негативные эмоции, лишь немногие из них обращались за психологической помощью. Дальнейшие исследования в этом направлении помогут более глубоко понять эти сложности и разработать интенсивные меры поддержки этой группы.

Литература

1. *Lehnart J., Neyer F.J., Eccles J.* Long-term effects of social investment: The case of partnering in young adulthood // *Journal of personality*. – 2010. – Т. 78. – №. 2. – P. 639-670.
2. *Meuwly M. et al.* Virgins at age 26: who are they? // *Sexual Health*. – 2021. – Т. 18. – №. 4. – P. 327-332.
3. *Natl. Cent. Health Stat 2019. Sexual activity between males and females Key Stat. Natl. Surv. Fam. Growth, Natl. Cent. Health Stat., Cent. Dis. Control Prev Washington, DC.* https://www.cdc.gov/nchs/nsfg/key_statistics/s-keystat.htm#samesexpartners
4. *Zimmer-Gembeck M.J., Helfand M.* Ten years of longitudinal research on US adolescent sexual behavior: Developmental correlates of sexual intercourse, and the importance of age, gender and ethnic background // *Developmental review*. – 2008. – Т. 28. – №. 2. – P. 153-224.

Повествовательная идентичность в мультимодальных текстах цифровых социальных сетей и медиа

Радина Н.К.

*ФГАОУ ВО ННГУ им Н.И.Лобачевского, НИУ «Высшая школа экономики»,
Нижний Новгород, Россия
rasv@yandex.ru*

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
РНФ № 24-28-00204 «'Видели видео?' Дискурсивная идентичность
российских пользователей цифровой социальной сети TikTok в
условиях военно-политической напряженности»*

Термин «повествовательная идентичность» в русскоязычных социо-гуманитарных исследованиях стал популярен благодаря работе Поля Рикера [4] как форма идентичности, рожденная повествовательной деятельностью. Воспроизведение личной (персональной) идентичности автором текста в рассказе о себе оказалась особенно популярной в изучении автобиографий – как документальных, так и в формате художественных произведений [5; 6; 7]. Повествовательная идентичность в данных исследованиях изучалась в контексте содержательных (событийных), психологических, лингвистических и художественных аспектов идентичности, представленных как рассказ (история) о жизни автора повествования.

В психологических науках чаще используется другой термин – «нарративная идентичность» [2], что также связано с нарративом – повествованием в процессе самопрезентации, что позволяет считать данные термины синонимичными. Современный интерес к нарративной, или повествовательной идентичности во многом обусловлен популярностью цифровой коммуникации, когда самопрезентация личности ограничена письменными формами, текстом, например, в представлении себя на личной странице в социальной сети или социальном медиа, в процессе ведения блога и т.п. [3].

Подобные повествования/нарративы о жизни в деталях раскрывают особенности конструирования автором личной

(повествовательной) идентичности, однако сложны для научной рефлексии из-за не сложившегося в полной мере методического багажа в изучении текстов и дискурса в контексте идентичности. Особый интерес для психологов в данном ключе представляет опыт исторической науки, которая в изучении эго-документов (документов, раскрывающих детали жизни в самоописаниях) предлагает изучать эго-документы на основе комплекса принципов: взаимосвязи формы и содержания текста источника; учета родовых свойств, типо-видовой специфики структуры документа и контекстно-исторического анализа; речевой опосредованности текста источника, стилистического многообразия текстов, а также в контексте коммуникативного действия [1]. Среди перечисленных принципов особый интерес для психологического измерения имеет контекстно-исторический анализ, речевая опосредованность и коммуникативное действие текста, однако в представленном комплексе отсутствует важный для психологического измерения принцип учета «социализированности» автора текста, его встроенности в письменную культуру и культуру в целом, когда повествование направляют не только лингвистические клише, но и общее стереотипное (социализированное) понимание того, что из событий жизни следует делать достоянием повествовательной/нарративной идентичности [6; 7].

Еще более сложные задачи встают перед исследователями «цифровых нарративов», если расширяется эмпирическая база исследований, в фокусе анализа оказываются поликодовые мультимодальные тексты (фото с подписями, видео и т.п.). Данная группа эго-документов не выдерживает привычных и строгих критериев отбора (как эго-документов исторического плана), поскольку кроме репрезентации жизненных историй автора мультимодальные тексты могут включать элемент игры, развлечения, иллюзии. В то же время мультимодальные тексты – как «объективные», так и симулякры жизненных нарративов – по-прежнему выступают в роли материала для повествовательной идентичности в психологическом измерении. Так, с позиции П. Рикера, в вопросе, который задает себе автор истории о своем существовании, есть экзистенциальная угроза («я есть ничто») [4]. Что же касается, например, позиции блогера-тиктокера, в ней оказывается

продолженной другая идея Рикера: «я есть Другой». Однако если исследовательский инструментарий для изучения нарративной/повествовательной идентичности, «заточенный» на привычные вербальные тексты, пусть в совершенствующемся формате – но существует, то инструменты для изучения повествовательной идентичности на материале мультимодальных текстов требуют дополнительных научных и методических дискуссий, усилий, проверок на релевантность поставленным задачам (только «проходят испытания»).

Литература

1. *Иванов А.Ю.* Принципы текстологического анализа эго-документов XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1 (39).
2. *Кутковая Е.С.* Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4(16).
3. *Распопова С.С.* От нарративной идентичности к нарративной социальности: что человек рассказывает о себе в блогах // Челябинский гуманитарий. 2020. №2 (51).
4. *Рикер П.* Повествовательная идентичность // Герменевтика, этика, политика. Московские лекции и интервью. М., 1995.
5. *Якунина И.А.* Повествовательная идентичность в прозе А. Битова 1060-1970 г.г.: Афтореф. дис . канд. филол. наук. Магнитогорск, 2009.
6. *Radina N.K.* Male life in literary and 'naive' avtobiographies // Russian Journal of Communication. 2018. Т. 10. № 1.
7. *Radina N.K.* Men's socialization and the history of man's life: the reproduction of male culture in the individual narrative // Social and Education History. 2019. Т. 8. № 2.

Особенности конфликтности юных спортсменов

Распопова А.С.

*ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия
annar25@mail.ru*

Введение. Жизнь спортсмена представляет собой сложную и насыщенную среду, где происходит непрерывный процесс подготовки. В процессе тренировок и соревнований осуществляется процесс межличностного взаимодействия, формирование спортивного коллектива [1, с. 71]. Формирование взаимоотношений в условиях жесткой конкуренции, преодоления себя неизбежно связано с вероятностью развития конфликтов, особенно в подростковом возрасте.

В связи с этим, изучение личностных характеристик, таких, как отношение к себе, устойчивость к стрессу и конфликтным ситуациям, становится актуальной задачей [2, с. 130]. Эти качества определяют личностный потенциал юного спортсмена и его способность успешно справляться с конфликтами и стрессом, а также наличие необходимых компетенций для успешного управления собой в сложных ситуациях [3, с. 93].

Целью данного исследования является сравнение особенностей отношения к себе и уровня жизнестойкости юных спортсменов с разной степенью конфликтности в их окружении.

Для исследования личностных особенностей юных спортсменов нами были использованы методы диагностики конфликтности, личностного дифференциала и жизнестойкости тест В.Ф. Ряховского «Самооценка конфликтности»), методику личностного дифференциала Д.А. Богдановой, С.Т. Посоховой, адаптированной в НИИ им. В. М. Бехтерева, и методику диагностики жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д.А. Леонтьева. Исследование проводилось на выборке из 84 спортсменов разного пола и возраста от 13 до 16 лет.

На основе методики самооценки конфликтности В.Ф. Ряховского мы изучили уровень конфликтности у спортсменов и обнаружили достоверные различия в отношении к себе и другим у спортсменов с высоким и низким уровнем конфликтности.

С помощью личностного дифференциала мы исследовали самооценки спортсменов по фактору «оценка», который отражает уровень самоуважения и принятия себя как личности. Результаты показали, что спортсмены с низким уровнем конфликтности имеют более высокие показатели по этому фактору, что свидетельствует о более позитивном отношении к себе.

Дальнейшие исследования предполагают более глубокий анализ полученных данных и выявление других личностных особенностей, которые могут влиять на уровень конфликтности и успешность юных спортсменов.

Анализ результатов исследования показал, что у юных спортсменов, характеризующихся низким уровнем конфликтности, наблюдаются достоверные различия в самооценке по сравнению с теми, кто склонен к конфликтам. В частности, было выявлено, что спортсмены с низкой конфликтностью проявляют большую уверенность в себе, независимость и способность полагаться на свои силы в сложных ситуациях, а также более высокую активность и общительность во взаимодействии с окружающими.

Эти результаты подтверждают гипотезу о том, что уровень конфликтности среди юных спортсменов может быть связан с их личностными характеристиками и стратегиями совладания со стрессом. Дальнейшие исследования в этой области могут помочь разработать более эффективные подходы к обучению и поддержке юных спортсменов, способствуя их успешности и благополучию.

Теперь рассмотрим особенности самооценки мальчиков и девочек в отношении самих себя и других людей.

Результаты исследования показали, что показатели юных спортсменов обоих полов по всем факторам самооценки находятся на среднем уровне. Однако по фактору активности были выявлены статистически достоверные различия между значениями. Мальчики-спортсмены активны, общительны, импульсивны по сравнению с девочками. Это может быть следствием особенностей гендерных установок в процессе воспитания.

Установлены достоверно значимые различия в параметрах отношения к себе и другим у подростков, имеющих разный уровень конфликтности. Между мальчиками и девочками, имеющими одинаковый уровень конфликтности, различий нет.

Показатели как мальчиков, так и девочек находятся на среднем уровне. Как у мальчиков, так и у девочек с высоким уровнем

конфликтности наблюдаются достоверно более низкие значения показателей по сравнению с подростками того же пола, не склонными к конфликтам.

По результатам исследования жизнестойкости юных спортсменов было выявлено, что средние значения наблюдаются по большинству шкал, за исключением шкалы «принятие риска», показатель которой имеет высокое значение. Также было обнаружено различие в показателях по шкале «принятие риска» между спортсменами с высоким и низким уровнем конфликтности: спортсмены с высоким уровнем конфликтности склонны к большему риску, в то время как спортсмены с низким уровнем конфликтности более осторожны в своих решениях и действиях.

Основываясь на этих данных, можно сделать вывод, что юные спортсмены в целом положительно относятся к своему развитию и активно стремятся к достижению своих целей, однако они также могут переоценивать свои возможности. «Конфликтные» спортсмены готовы рисковать, понимая, что в случае неудачи полученный опыт может помочь им в будущем. Несмотря на свою готовность брать на себя ответственность за свою жизнь и деятельность, они могут быть подвержены влиянию случайных и неконтролируемых внешних обстоятельств.

При сравнении показателей юных спортсменов разного пола с высоким уровнем конфликтности были обнаружены различия по шкале «вовлеченность». У девочек показатель вовлеченности выше, чем у мальчиков. Это может быть связано с определенными стереотипами, существующими в спорте, и с тем, что девочкам зачастую приходится прилагать больше усилий, чтобы достичь успеха и быть замеченными тренерами. Регулярные тренировки, поддержание физической формы и постоянное совершенствование своих навыков являются необходимыми условиями для достижения успеха в спорте.

Юные спортсмены, склонные к конфликтам, как мужского, так и женского пола, по сравнению со своими сверстниками, не склонными к конфликтам, имеют более низкую самооценку, уровень достижений и удовлетворенность своими личностными особенностями. Им также свойственен недостаточный уровень самоконтроля и самопринятия, из-за чего им сложнее придерживаться определенной линии поведения, и они проявляют большую зависимость от внешних факторов и оценок. Однако, несмотря на это, развитые показатели

жизнестойкости помогают «конфликтным» юным спортсменам сохранять потенциал и силы для будущего, позволяя им воспринимать сложные и непредсказуемые ситуации как менее значимые и преодолевать их.

Литература

1. *Босенко Ю.М., Распопова А.С.* Личностные особенности как ресурс профессиональной самореализации спортсменов // Материалы XV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Рудиковские чтения-2019». Под общ. ред. Ю.В. Байковского, В.А. Москвина. 2019.
2. *Дробышева К.А.* Особенности взаимосвязи характеристик образовательной среды и тревожности в подростковом и юношеском возрасте // Тезисы докладов XLIV научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа. Материалы конференции, Краснодар: КГУФКСТ, 2007.
3. *Распопова А.С., Берилова Е.И., Босенко Ю.М.* Факторы тревожности и социально-психологической адаптации современных подростков в условиях образовательной среды // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 4 (57).

О возможностях применения коуч-технологии для повышения эффективности коммуникации ученик-учитель

Рыбина О.В.

ФПКиН, Москва, Россия

Токарев А.Г.

УрГПУ, Екатеринбург, Россия

Вильковская О.Д.

АНО ДПО «Пять призм», ФПКиН

Повышение качества инклюзивного образования в современной России является одним из актуальных направлений. Министерство просвещения системно продолжает работу по развитию инклюзивного

образования, министр просвещения РФ Сергей Кравцов на коллегии Минпросвещения России 29 сентября 2023 года, посвященной вопросам реализации «Концепции подготовки педагогических кадров и развитию инклюзивного образования» отметил: «Мы делаем все, чтобы ребята, которые имеют определенные ограничения по здоровью, могли учиться и развиваться наравне со сверстниками и использовать все возможности, которые перед ними открыты» [2]. На коллегии также звучал тезис о том, что дети, имеющие ограничения по состоянию здоровья, должны иметь возможности для развития своих способностей и талантов.

Деятельность, направленная на развитие способностей и талантов детей, имеющих ограничения по состоянию здоровья, предъявляет особые требования к педагогу. Согласно современным исследованиям, существенной трудностью в организации взаимодействия педагогов с детьми с ОВЗ в условиях образовательной инклюзии выступает недостаточная эмоциональная готовность педагогов, выражающаяся в сниженной стрессоустойчивости и коммуникативной толерантности. Актуальные проблемы также связаны с определенной установкой на личностную направленность в общении уже работающих в условиях инклюзивного образования педагогов, которая не всегда способствует эффективной коммуникации и может выступать барьером при реализации образовательных целей. Говоря о требованиях, предъявляемых к успешности осуществляемого образовательного процесса, педагоги чаще стали задумываться о личном комфорте в своей профессиональной деятельности, что в свою очередь может затруднить принятие ими идеологии инклюзивного образования [1].

Таким образом, недостаточная эмоциональная готовность педагогов инклюзивного образования к общению с детьми, установка на личностную направленность в общении создают трудности реализации задачи раскрытия потенциала ребенка с ограничениями по состоянию здоровья. Для достижения целей развития инклюзивного образования нужен новый подход в подготовке педагогических кадров.

С 2024 года Федерация профессиональных коучей и наставников, в партнерстве с Академией профессионального коучинга 5 Prism (АНО ДПО «Пять призм»), является инновационной площадкой ФГБУК «Всероссийского центра развития художественного творчества и

гуманитарных технологий») создали исследовательский проект, направленный на изучение условий эффективной коммуникации ученик–учитель в среде дополнительного образования детей с ОВЗ.

За основу мы взяли определение педагогического общения Т.А. Стефановской и определение эффективной коммуникации.

Педагогическое общение – это процесс взаимодействия педагога с воспитанниками, задачами которого являются обмен информацией, успешное обучение и воспитание, создание благоприятного психологического климата и эмоционального интеллекта.

Эффективная коммуникация – это коммуникация, в которой субъекты коммуникации осознают ее цели и соотносят изначально поставленную цель конечному результату акта коммуникации.

Таким образом, в педагогической деятельности мы будем считать коммуникацию эффективной, если педагог осознанно ей управлял и цель взаимодействия учитель-ученик совпала с полученным конечным результатом акта коммуникации.

Существуют источники, в которых раскрывается тема эффективности применения коуч-технологии в образовательной среде в нашей стране и за рубежом. Вот лишь некоторые примеры, которые демонстрируют видение применимости коучинга в системе образования. Так, например, И.В. Москаленко и Т.М. Чурекова рассмотрели личность преподавателя как коуча и на примере дисциплины «Педагогика» и показали, как конкретно можно использовать коучинговые техники в образовательном процессе вуза, повышая мотивацию студентов к обучению и развивая их осознанность в целом [3]. Н.В. Никулина, С.В. Березина и И.И. Ушаков рассмотрели вопросы роли коучинга в образовании и воспитании и среди преимуществ применения коучинга в личной и профессиональной деятельности отметили: улучшение результативности деятельности, состояния социально психологического климата, использования мастерства и ресурсов обучающегося, открытие невыявленных талантов, возрастание личной эффективности [4]. Таким образом, применение педагогом коуч-технологии повышает результативность обучения и способствует раскрытию потенциала учащихся. Однако остается открытым вопрос – является ли владение коуч-технологией необходимым и достаточным условием для эффективной коммуникации учитель-ученик в рамках инклюзивного образования?

Мы не нашли исследований, направленных на изучение связи качества коммуникации с наличием ограничивающих убеждений и социальных установок у педагогов инклюзивного образования. Дефицит исследований на эту тему и описанные ранее эмоциональные и когнитивные трудности при реализации образовательных целей педагогов инклюзивного образования определяют актуальность запланированного нами исследования. Мы предполагаем, что владение коуч-технологией является важным, но недостаточным условием для достижения целей обучения и воспитания в рамках инклюзивного образования и выделяем дополнительное условие эффективной коммуникации ученик-учитель – это свобода педагога от ограничивающих коммуникацию убеждений и социальных установок.

Опытно-экспериментальная деятельность в рамках проводимого исследования предполагает работу с педагогами, которым будет предложена специальная программа обучения коучинговой технологии, в ходе которой предусмотрена не только передача знаний и формирование навыка эффективной коммуникации по осознанному управлению взаимодействием, но и умение работать с когнитивными искажениями, убеждениями и социальными установками, что, предположительно, способно повысить качество коммуникации учитель-ученик и способствовать достижению целей развития способностей и талантов учеников.

Предлагаемая нами программа обучения коуч-технологии педагогов инклюзивного образования решает две задачи: формирует навык осознанного управления коммуникацией и развивает мышление, свободное от ограничивающих убеждений и мешающих социальных установок.

Литература

1. Годовникова Л.В., Кучерявенко И.А., Резниченко М.А. Роль личностных особенностей педагогов в инклюзивном образовании детей с ОВЗ // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-lichnostnyh-osobennostey-pedagogov-vinkluzivnom-obrazovanii-detey-s-ovz> (дата обращения: 29.03.2024)

2. Министерство просвещения Российской Федерации: официальный сайт. – Москва. – Обновляется в течение суток. – URL: <https://edu.gov.ru/press/7596/minprosvescheniya-rossii-prodolzhaet-sistemnyu-rabotu-po-razvitiyu-inklyuzivnogo-obrazovaniya/> (дата обращения: 25.03.2024).
3. Москаленко И.В., Чурекова Т.М. Коучинговые инструменты как способ повышения эффективности в вузе // Вестник КемГУКИ 54/2011. 2011. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kouchingovyie-instrumenty-kak-sposob-povysheniya-effektivnosti-obucheniya-v-vuze/viewer> (дата обращения: 25.03.2024)
4. Никулина Н.Н., Березина С.В., Ушаков И.И. Сущность и роль коучинга в образовании и воспитании // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-rol-kouchinga-v-obrazovanii-i-vozpitanii> (дата обращения: 25.03.2024)

Поведение в конфликтных ситуациях разностатусных младших школьников

*Рязанцева Д.А., Нефедова А.В.
ВлГУ, Владимир, Россия
dasha.ryazantseva.2016@mail.ru*

Младший школьный возраст (от 6-7 до 10-11 лет) традиционно считается одним из наиболее значимых этапов социализации ребенка. Объясняется этот факт ролью учебной деятельности как ведущей у младших школьников. Освоение нового статуса – школьника осуществляется ребенком в тесном взаимодействии с одноклассниками. Часто это взаимодействие оказывается конфликтным.

В нашем исследовании был сформулирован проблемный вопрос, существуют ли у учащихся, имеющих в ученической группе разные социометрические статусы, различия в сформированности поведения в конфликтных ситуациях.

Целью исследования стало изучение способов поведения в конфликтных ситуациях разностатусных младших школьников.

С точки зрения С.Д. Максименко, конфликтом может являться столкновение интересов людей в их повседневной жизни. Оно часто характеризуется отрицательными эмоциональными переживаниями участников. Конфликты могут быть внутриличностными – на уровне сознания отдельного человека, и межличностными, возникающими в процессе межличностном взаимодействии в групповых отношениях [1].

Я.Л. Коломинский считал, что социометрический статус субъекта является достаточно устойчивой величиной. Само понятие «социометрический статус», введенное Дж. Морено, означает положение человека в социальной группе. Система межличностных отношений, включающая эмоциональные, деловые и интеллектуальные связи членов этой группы, определяет социометрический статус субъекта как степень его привлекательности в глазах остальных участников группы.

Для определения взаимодействия детей со сверстниками была проведена методика «Картинки». На картинке изображен обиженный, страдающий персонаж. Ребенок должен понять изображенный на картинке конфликт между детьми и рассказать, что бы он стал делать на месте этого обиженного персонажа. Таким образом, в данной методике ребенок должен решить определенную проблему, связанную с отношениями людей или с жизнью общества.

Было установлено, что 5,9% – дети с высоким уровнем и 41,2% – дети с хорошим уровнем – учатся распознавать различные ситуации взаимодействия, вычленять задачи и требования, предъявляемые взрослыми в этих ситуациях, и учатся выстраивать свое поведение в соответствии с ними. У 1,2% детей (дети с низким уровнем) коммуникативная компетентность сформирована недостаточно. Такие дети плохо ориентируются в социальной действительности, не умеют устанавливать/поддерживать межличностные отношения. Часто могут выступать источниками конфликтных ситуаций. У 29,4% (дети со средним уровнем) коммуникативная компетентность формируется, но еще в недостаточной степени, но в данном возрасте – младший школьный возраст, ее еще можно «поправить», сформировать до конца.

Для выявления социометрического статуса была проведена адаптированная социометрия для 1 класса «Капитан корабля». Среди статусных подгрупп выделяют следующие:

- «звезды» – испытуемые, получившие наибольшее количество положительных выборов;
- принятые – имеющие один-два положительных выбора;
- игнорируемые – учащиеся, не получившие ни положительных, ни отрицательных выборов (они остаются вне поля зрения своих сверстников);
- отвергаемые – дети, получившие в основном отрицательные выборы [2].

Больше всего выявлено принятых – 68,75%, все они друг с другом общаются; 31,25% отвергаемых ребят в классе. Есть самый отвергаемый мальчик, которого не выбрали практически все – с ним не общаются, так как он ведет себя слишком агрессивно и недоброжелательно, специально нарушая правила. Отсутствуют полностью игнорируемые дети. Количество популярных («звезды») детей в классе равно количеству отвергаемых – 31,25%. Есть звезда класса – девочка, у нее только положительные выборы, в классе она самая амбициозная, всегда радостная, и энергичная, готова взяться за любую «авантюру».

Сравнительный анализ коммуникативной компетентности и социометрического статуса младших школьников показывает, что благоприятные статусы («популярные», «предпочитаемые») используют конструктивное поведение в конфликтных ситуациях, обладают достаточным уровнем коммуникативной компетентности. Неблагоприятные статусы – напротив, характеризуются низкой коммуникативной компетентностью, агрессивным поведением в конфликтных ситуациях.

Можно говорить, что высокий социометрический статус младшего школьника в группе сверстников характеризует гармоничное личностное развитие ребенка, а низкий, напротив, взаимосвязан с формированием таких отрицательных черт характера, как замкнутость, зависть, агрессивность. Следовательно, необходима работа по коррекции низкого социометрического статуса младших школьников.

Литература

1. *Максименко С.Д.* Психологическая совместимость и конфликт в межличностных отношениях. URL: <https://orbook.ru/index-5329.htm>
2. *Пугина Т.В.* Социометрическая методика «Капитан корабля». URL: <https://infourok.ru/sociometriceskaya-metodika-kapitan-korablya-4644875.html>

Психологическое благополучие в эпоху информационной доступности и нестабильного мира

Савостьянов И.В., Самигуллин Р.Р.

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»,

Уфа, Республика Башкортостан, Россия

i_savostyanov@internet.ru, samigullin24@mail.ru

В современном мире происходит множество негативных событий – эпидемии, вооруженные конфликты, различные кризисы. Подобное положение дел нашло свое отражение в современных теориях экономики, социологии и психологии, описывающих ситуацию в мире. В 1985 году экономисты Берг Нанус и Уоррен Беннис представили свою концепцию V.U.C.A. мира (Volatility – нестабильность, Uncertainty – неопределенность, Complexity – сложность, Ambiguity – неоднозначность). Концепция VUCA описывает мир после глобальных перестроек 80-90-х годов – переменчивую реальность, в которой трудно строить планы и делать прогнозы. В 2007 году американский экономист и математик Нассим Талеб ввел термин «черный лебедь» – неожиданное труднопрогнозируемое событие, которое несет за собой значительные последствия [6]. Такие события в корне переворачивают нашу картину мира, показывая, насколько наши представления – ненадежная и иллюзорная конструкция. Появляется и множество других концепций, описывающих сложность современного мира, такие, как: BANI (Brittle – хрупкий, Anxious – тревожный, Nonlinear – нелинейный, Incomprehensible – непостижимый), и SHIVA (Split – расщепленный,

Horrible – ужасный, Inconceivable – невообразимый, Vicious – беспощадный, Arising – возрождающийся). В мире лидирующее место среди расстройств психики, занимают тревожные расстройства и депрессия [7]. Ситуация обостряется развитием телекоммуникационных технологий, благодаря которым человек может мгновенно узнавать о событиях, произошедших в разных концах света. Просмотр социальных медиа и новостных источников стал лидирующим способом проведения досуга людьми во многих странах [5]. Отсюда возникают такие явления, как информационное загрязнение, инфодемия и думскроллинг.

Понятие инфодемия появилось в начале пандемии COVID-19 и представляет собой быстрое распространение и переизбыток информации, чаще всего, неточной, дезинформирующей и фейковой. В период самоизоляции социальные сети и интернет стали основным источником новостей. Мессенджеры и социальные сети играют ведущую роль в распространении фейков. Специалисты ВОЗ утверждают, что дезинформация вводит людей в замешательство и недоверие, ставит их в тупик при принятии решений, что в свое время сказалось на введении эффективных мер по борьбе с коронавирусом. Пагубный контент представляет собой – слухи, фейковые новости, теорию заговора, панику, расизм, ксенофобию и недоверие [4]. Исследования показывают, что это оказывает весомое влияние на психическое здоровье и самочувствие людей.

Термин думскроллинг (от англ. doom – гибель, scrolling – прокрутка), обозначает пристрастие к навязчивому листанию негативного новостного контента, что вызывает подавленность, негативные эмоции и депрессивное состояние. Людям свойственно в большей степени реагировать на негативные события, позитивные обращают на себя меньше внимания [5]. Согласно многочисленным исследованиям, прослеживается отрицательная взаимосвязь между думскроллингом и психическим здоровьем людей. Так, например, в исследовании, проведенном в 2022 году на гетерогенной выборке, в которой приняли участие 804 человек разного возраста и пола, были подтверждены тесные связи уровня думскроллинга и зависимости от социальных сетей. В зоне риска оказались мужчины, молодежь, доверчивые и эмоционально нестабильные личности [1]. В последние годы видна тенденция существенного роста количества негативных

новостей, что еще больше подкрепляет зависимость. Исследование, проведенное на студентах, показывает, что 25,6 % считают себя склонными к эмоциональному переживанию негативных событий, отмеченных в новостной ленте, 26,9 % опрошенных испытывают тревогу при просмотре новостей [2].

Переизбыток разнородной противоречивой информации и зависимость от негативных новостей может перегружать когнитивные возможности людей, повышать их уровень стресса и тревожности. Эволюционно сложилось так, что мозгу выгоднее акцентировать внимание на негативных факторах окружающей среды, чем на позитивных, ведь в первобытные времена эта особенность могла спасти жизнь [4]. Сегодня же это скорее вредит и приводит к повышению стресса и тревожности в повседневной жизни. Данная тема требует дальнейших исследований, разработки различных методик и правил, направленных на: развитие медийной грамотности, информационной гигиены и критического мышления; освоение методов управления эмоциональными реакциями; умение принимать решения в условиях неопределенности, а также профилактику психологического здоровья.

Литература

1. *Максименко А.А.* Инфодемический думскроллинг и психологическое благополучие россиян // Дейнека О.С., Мортикова И.А. // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 129–136.
2. *Ускова Е.В.* Думскроллинг, или бесконтрольное изучение «плохих новостей» в подростковой среде // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. №10. С. 82–86.
3. *Alam F.* Fighting the COVID-19 Infodemic in Social Media: A Holistic Perspective and a Call to Arms // Firoj Alam, Fahim Dalvi, Shaden Shaar, Nadir Durrani, Hamdy Mubarak, Alex Nikolov, Giovanni Da San Martino, Ahmed Abdelali, Hassan Sajjad, Kareem Darwish, Preslav Nakov. // Proceedings of the Fifteenth International AAAI Conference on Web and Social Media, 2021.

4. *Ito T.A.* Negative information weighs more heavily on the brain: The negativity bias in evaluative categorizations// Larsen J.T., Smith N.K., & Cacioppo J.T. // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998.
5. *Sestir M.A.* This is the Way the World “Friends”: Social Network Site Usage and Cultivation Effects//*The Journal of Social Media in Society*. 2020. 9. №1.
6. *Taleb N.N.* The Black Swan: The Impact of the Highly Improbable // *The New York Times*. 2007.
7. World Health Organization. Mental disorders. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders>.

Отношение к беспилотному легковому такси у людей с разным стажем вождения

Саенко А.Ю.

*ФГБОУ ВО РГСУ, Москва, Россия
a.y.saenko@yandex.ru*

Процесс внедрения инновационных технологий с каждым годом становится все больше социально-психологическим явлением, а не лишь техническим процессом [3]. Как отмечают авторы, с технологиями будущего, в частности, технологиями искусственного интеллекта, связаны надежды людей на улучшение целых сфер жизнедеятельности, иными словами, технологический оптимизм развивается в условиях социального пессимизма [6]. Так, согласно данным аналитического обзора ВЦИОМ (июнь 2023 г.) [8], 94% опрошенных уверены в необходимости развития технологий во благо общества. 54% респондентов уверены, что развитие технологий позволит улучшить качество жизни, повысить ее комфорт. При этом среди возможных негативных последствий развития технологий отмечались деградация общества, рост безработицы, экологические катастрофы, сбои и ошибки в работе технических систем.

Стоит отметить, что взаимодействие с техникой приобретает черты, которые ранее были типичны лишь для межличностного

взаимодействия, что обуславливает возникновение феномена социально-психологического отношения к технике [1].

Одной из технологий, активно разрабатываемых ведущими компаниями по всему миру, является технология полностью беспилотного автомобиля, способного самостоятельно передвигаться по дорогам общего пользования, что соответствует 5 уровню автоматизации в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 25.03.2020 г. № 724-р. При этом пока еще такая технология не является доступной для широкого использования, а скорее представляет собой элемент будущего, что подтверждают данные опросов общественного мнения. Так, по результатам аналитического обзора ВЦИОМ лишь 4% опрошенных [8] в определенной степени осведомлены о технологии беспилотного автомобиля, при этом отмечая важность развития и усовершенствования существующей транспортной системы.

Повсеместное внедрение сложных технических систем, способных относительно самостоятельно ориентироваться в изменяющихся условиях окружающей среды, существенно изменяет отношение человека к ним [1], а внимание отечественных и зарубежных ученых все чаще стало сосредоточиваться на вопросах доверия таким системам [7; 9]. Применительно к отношению людей к беспилотному транспорту зарубежные авторы в ходе теоретического анализа литературы пришли к выводу, что доверие людей к данной технологии взаимосвязано с имеющимся у них опытом вождения. В исследовании Ю.И. Лобановой была обнаружена взаимосвязь стажа вождения с самооценкой характеристик стиля вождения [5]. В работе А.Ю. Акимовой и коллег показана специфика доверия рекламе автокомпонентов в зависимости от водительского стажа [2].

Между тем, недостаточно изученным остается вопрос взаимосвязи отношения к беспилотному легковому такси на текущем этапе развития данной технологии в России с доверием личности миру, себе и другим у людей с разным стажем вождения.

Целью нашей работы была проверка гипотезы о взаимосвязи доверия личности себе, миру и другим людям с отношением к технологии беспилотного легкового такси (далее также «БА») у людей с разным стажем вождения. Для ее эмпирического доказательства были собраны данные с использованием методики А.Б. Купрейченко

«Доверие/недоверие личности миру, себе и другим людям» [4], а также авторского опросника отношения к беспилотному транспорту среди респондентов с разным стажем вождения (было опрошено 584 респондента, у которых отсутствовало водительское удостоверение, 226 респондентов со стажем вождения, не превышающим 10 лет, 87 респондентов со стажем вождения, не превышающим 20 лет и 70 респондентов со стажем вождения более 20 лет).

В ходе исследования получены следующие результаты. Отношение к БА респондентов, у которых отсутствовало водительское удостоверение положительно взаимосвязано (коэффициент ранговой корреляции Спирмена) с доверием миру ($r = 0,103$; $p < 0,05$). Между тем, отношение к беспилотному автомобилю положительно взаимосвязано с доверием другим у респондентов, чей стаж вождения не превышал 10 лет ($r = 0,134$; $p < 0,05$), а также 20 лет ($r = 0,342$; $p < 0,01$). Примечательно, что у респондентов с наиболее продолжительным опытом вождения (свыше 20 лет) отношение к БА положительно взаимосвязано с доверием другим ($r = 0,367$; $p < 0,01$) и отрицательно с доверием себе ($r = -0,461$; $p < 0,01$). Таким образом, с увеличением стажа вождения изменяется сила взаимосвязи доверия другим с отношением к БА, а также несколько меняются виды доверия (доверие миру и доверие себе), связанные с отношением к данной технологии.

Литература

1. *Акимова А.Ю.* Доверие и недоверие человека технике: Социально-психологический подход. Москва: ИП РАН, 2020.
2. *Акимова А.Ю., Плотников М.В., Скорина Н.А.* Доверие потребителей различным видам рекламы на рынке автокомпонентов // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2022 Т. 7, № 4. – С. 146-166.
3. *Анцупов А.Я., Шипилов А.И.* Конфликтология: учеб. для вузов. М.: ЮНИТИ, 2001.
4. *Купрейченко А.Б.* Психология доверия и недоверия. Москва: ИП РАН, 2008.

5. *Лобанова Ю.И.* Исследование динамики стиля вождения: от новой методологии к эмпирике // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9, № 4-1. С. 182-191.
6. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психология глобальных рисков. Москва: ИП РАН, 2018.
7. *Обознов А.А., Акимова А.Ю., Рунец О.В.* Феномены сверхдоверия и сверхнедоверия оператора к интерфейсу «человек - искусственный интеллект» // Организационная психология и психология труда. 2021. Т. 6. № 2. С. 4-20.
8. Технологии будущего. Россия остается страной технооптимистов, доверяющих технологиям будущего. [Электронный ресурс]: ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tekhnologii-budushchego> (дата обращения: 23.03.2024)
9. *Avetisian L, Ayoub J, Zhou F.* Anticipated emotions associated with trust in autonomous vehicles. Proceedings of the Human Factors and Ergonomics Society Annual Meeting. 2022, 66(1), p. 199–203.

К проблеме изучения зарубежного опыта развития профильного обучения и организации профориентационной работы с подростками

Самко П.И., Поздняков Я.И.
ИРПО ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
samkopi@mgpu.ru, pozdnyakovyai@mgpu.ru

С развитием экономики, технологий и с повышением уровня конкуренции в популярных профессиональных сферах вопросы организации профильного обучения в старших классах и профориентационной работы с подростками не теряют своей актуальности. В настоящее время активно развиваются программы, позволяющие организовать как на уровне региона, так и на уровне образовательной организации системную работу по профориентации среди подростков; вместе с тем учет имеющегося положительного

зарубежного опыта позволит сделать данную работу более эффективной и адресной.

Сравнительный анализ информации, представленной в различных информационных источниках, позволяет определить существующие в мировой практике принципы организации профориентационной работы с подростками и функционирования профильных школ и классов. Так, например, анализ существующих исследований показал, что система профессионального самоопределения будет зависеть от уровня развития экономики страны, дохода на душу населения. Также от уровня развития страны будет зависеть количество внимания, которое уделяется личности обучающегося, наличию или отсутствию у него определенных способностей, поиску таланта у каждого ученика [1].

Как в европейской, так и в американской системе работы в данном направлении присутствуют консультационные центры, в которых ученик может пройти тестирование, определяющее интеллектуальные способности и психологические особенности, а также получить консультацию специалиста-профориентолога, которая направлена на выбор не только дальнейшей траектории обучения (старшие классы школы, колледж, вуз), но и оптимальной профессиональной сферы, которая позволит раскрыть потенциал. Здесь важно отдельно подчеркнуть, что в странах с развивающейся экономикой в первую очередь будут рассматриваться потребности рынка труда, а в странах с развитой экономикой приоритетными будут способности и склонности самого учащегося, его личность [4].

Отличительной чертой организации профориентационной работы в странах Азии можно назвать приоритетное внимание к данному направлению работы в средней школе и наличие селективного подхода; обучение разных категорий школьников отличается и с точки зрения профессиональной направленности и своей интенсивностью [2].

Стоит отметить, что практически все мировые системы образования стремятся дать ученикам возможность освоить рабочие профессии и специальности уже в школе, что позволяет с одной стороны определиться с будущей специальностью, подробно познакомиться с профессиональной сферой и теми требованиями, которые предъявляются к специалистам области, и с другой стороны –

сразу после школы претендовать на рабочее место [3]. Общей чертой также является стремление учитывать при приеме в высшие учебные заведения не только результаты экзаменов, но и индивидуальные достижения, которые есть у учащегося, например проектную и исследовательскую деятельность, спортивные достижения, участие в интеллектуальных состязаниях и т.п. К общемировой практике профориентационной работы также можно отнести посещение площадок работодателей как в качестве экскурсии, так и с участием в мастер-классах и прохождением профессиональной стажировки. В том числе к профориентации подростков активно привлекаются родители, которые знакомят детей со своей профессией.

Вместе с развитием профориентации изменяются и подходы к организации профильного обучения, общемировым трендом становится углубленное изучение иностранных языков, математики и формирование гибких навыков. Образовательные программы для учеников старших классов формируются с учетом выбранных профильных предметов и включают в себя большое количество факультативных занятий, которые позволят подготовиться к обучению в вузе или колледже, а в некоторых случаях – и получить навыки, которые позволят сразу после обучения в школе пойти работать. Траектория получения образования может строиться путем перехода в профильную школу, колледж, старшие классы школы и будет зависеть от академических результатов, способностей и интересов, которые есть у ученика [2].

Безусловно, подходы к организации профильного обучения и профессионального самоопределения в разных странах будут отличаться и учитывать определенную специфику, однако все они ориентированы на развитие экономики и привлечение в развивающиеся профессиональные сферы современных, высококвалифицированных и готовых к постоянному обучению специалистов.

Поиск эффективных мировых практик организации профильного обучения позволяет адаптироваться к быстро меняющимся требованиям, своевременно внедрять в практику подходы, показавшие свою эффективность, анализировать позитивные эффекты и возможные риски для системы образования. Организация профильного обучения в старших классах с учетом интересов и

возможностей учащихся, внедрение в образовательный процесс изучения специализированных курсов профессиональной направленности и сотрудничество школы с вузом и потенциальными работодателями позволяет не только выстроить систему профессионального самоопределения, но и достигать высоких образовательных результатов, а также повысить учебную мотивацию в старших классах.

Литература

1. *Дианина Е.В.* Российская и зарубежные системы управления профессиональной ориентацией учащейся молодежи: сравнительный анализ // Социодинамика. – 2017. – № 3. – С. 10–17.
2. *Черникова Л.В.* Методология современной профориентации за рубежом // Вестник института экономических исследований. – 2019. – № 3(15). – С. 80–87.
3. *Dehaas J.* Students like diploma-degree option at Guelph-Humber // The Maclean's Guide to Universities. August 2014. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.macleans.ca/education/university>
4. ELGPN (2012b) Lifelong Guidance Policy Development: A European Resource Kit. ELGPN Tools 1. European Lifelong Guidance Policy Network, ELGPN, 2012.

Отношение родителей и детей к лидерству в семье

Самохвалова А.А.

*ФГАОУ ВО ННГУ им Н.И.Лобачевского, Нижний Новгород, Россия
SamohvalovAnna@gmail.com*

Семья в настоящее время претерпевает серьезные изменения, и модель традиционной семьи устарела. Меняются стереотипы, установки, старые представления уходят, новые не успевают появиться [1; 3; 4, с. 6]. Каждую новую проблему приходится решать, начиная с нуля, не опираясь на многолетний опыт предшественников

[6, с. 57; 7 с. 60; 8].

Целью данного исследования является выявление взаимосвязи между отношением к лидерству в семье и гендерными характеристиками, социальными семейными ролями. Теоретической базой исследования послужили работы по гендерной и семейной психологии (Т.В. Андреевой, Н.В. Ахметзяновой, Т.В. Бендас, Э.К. Васильевой, В.И. Ильина и др.) [1; 4; 7], а также по психологии лидерства (Г.М. Андреевой, Н.С. Жеребовой, М.Ю. Арутюнян, Б.Д. Парыгина, Д.Б. Эльконина, Э. Игли, Е.П. Ильина, Э. Маккоби, Р. Стогдилла, Ф. Фидлера) [2; 5]. Методики, использованные в исследовании: «Социальные семейные роли» (А.В. Орлов, Е.Н. Васильева), «Исследование маскулинности-феминности личности» (С. Бем), «Незаконченные предложения» (Д.М. Сакс, С. Леви), «Цветовой тест отношений» (А.М. Эткинд). В качестве метода статистического анализа был использован коэффициент корреляции Пирсона. Выборка – 20 семейных пар со стажем совместной жизни 5 – 10 лет.

Анализ результатов проведенного исследования показал, что в семьях испытуемых чаще лидируют жены (три четверти случаев, согласно мужским ответам). Были проанализированы результаты установок относительно отношения супругов к лидерству вообще и к себе как к лидеру в семье. С точки зрения испытуемых, лидерство в семье – это не средство достижения общей цели, а способ продемонстрировать некоторое превосходство, проявить ответственность, силу духа, силу личности. На эмоциональном уровне женщинам нравится играть роль лидера. При этом лишь каждая десятая отметила, что лидером в семье должна быть жена, а из мужчин так не ответил никто. У женщин возникает желание избежать ответственности за свои действия, поскольку эмоциональные нагрузки забирают «много сил».

Также были проанализированы взаимосвязи между отношением испытуемых к лидерству в семье и социальными семейными ролями их родителей. Корреляция между ролью матери «Оппонент» и отношением к себе как к лидеру ($r = 0,58$), свидетельствует о том, что если ребенок проявляет себя как оппонент матери, то у него обнаруживается лучшее отношение к себе как к лидеру.

Корреляция между ролью матери «Объединитель» и отношением к своему мужу как к лидеру ($r = 0,61$) говорит о том, что если мать играет роль объединителя, то ее дети впоследствии лучше

воспринимают мужское лидерство. Корреляция между ролью отца «Компаньон» и отношением к себе как к лидеру ($r = 0,74$) свидетельствует о том, что если отец проявляет себя как компаньон, то его дети хуже относятся к себе как к лидерам. Также была выявлена корреляция в женской выборке между ролью отца «Зависимый» и показателем отношения к себе ($r = 0,74$) и к мужу ($r = -0,62$) как к лидеру. Если отец показывает свою зависимость от дочери, то у нее проявляется позитивное отношение к себе как к лидеру и не формируется позитивного отношения к мужу как к лидеру.

Была выявлена прямая корреляция между ролью матери «Авторитет» и показателем феминности у самих испытуемых ($r = 0,66$) и обратная корреляция между ролью матери «Воспитатель» и показателем феминности ($r = -0,52$).

Кроме этого, были проанализированы взаимосвязи между отношением к лидерству в семье и социальными семейными ролями самих испытуемых. Была получена прямая корреляция между мужскими ролями «Воспитатель» ($r = 0,61$), «Защитник» ($r = 0,74$), «Опекун» ($r = 0,58$) и отношением к жене как к лидеру. А также обратная корреляция между ролью мужа «Оппонент» и отношением к жене как к лидеру ($r = -0,53$). Если мужчина проявляет положительное отношение к своей жене как к лидеру, то он склонен играть в семье соответствующие роли. Была выявлена корреляция между женскими ролями «Воспитатель» ($r = 0,54$), «Собеседник» ($r = 0,61$), «Советчик» ($r = 0,55$) и отношением к мужу как к лидеру. Если жена проявляет себя как воспитатель, собеседник, советчик в семье, то она склонна поддерживать лидерство мужа.

Таким образом, была выявлена взаимосвязь между отношением к лидерству в семье и гендерными характеристиками и социальными семейными ролями. Характер воспитания и взятые на себя роли родителей в родительской семье могут впоследствии отразиться на восприятии лидерских качеств, как самих детей, так и их супругов. Кроме этого, те роли, которые берут на себя муж и жена, также влияют на способность к проявлению лидерского потенциала. Семья – малая социальная группа, и нуждается в лидере для успешного функционирования, однако неправильная оценка собственных желаний и возможностей может привести к неудовлетворенности супружескими отношениями.

Литература

1. *Бендас Т.В.* Психология лидерства: тендерный и этнический аспекты: Дис. докт. психол. наук. СПб, 2002.
2. *Бендас Т.В., Трифонова Е.А.* Лидеры общественных организаций как носители системы ценностей: этнический аспект// Вестник ОГУ. 2005. №12.
3. *Болдырева О.И.* Влияние гендерных установок на выбор студентами модели семьи: Автореф. дис. канд. психол. наук. Курск, 2006.
4. *Васильева Е.Н., Орлов А.В.* Ролевая структура детско-родительского взаимодействия как составляющая психологической готовности к родительству// Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2013. №4
5. *Васюков И.Л.* Обобщение современных представлений о феномене лидерства в западных и отечественных теоретических подходах// Вестник ЧТУ. 2003. № 4.
6. *Давыдова Н.М.* Глава семьи: распределение ролей и способ выживания // Общественные науки и современность. 2000. № 4.
7. *Минюрова С.А.* Представления об отношениях полов у женщин разного социального статуса// Вопросы психологии. 2005. № 5.
8. *Смирникова О.В.* Социально-психологические особенности доминирования-подчинения в супружеской паре: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2005.

Решение социальных проблем и вера в паранормальное студентов разных курсов

Сачкова М.Е.,

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

Семенова Л.Э.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

sachkova@list.ru, verunechka08@list.ru

В мире социальной нестабильности и многозадачности постоянно повышаются требования к продуктивной активности индивида как в профессиональной сфере, так и в плане решения различного рода повседневных жизненных задач. Относительно последних в

современной психологии существует конструкт «решение социальных проблем», разработка которого была начата в исследованиях Т. Д'Зурилла.

Согласно теории Т. Д'Зурилла, данный конструкт, близкий, но не идентичный феномену совладающего поведения, характеризует процесс выбора и использования способов решения социальных проблем (определение проблемы, продумывание возможных вариантов ее решения, выбор и принятие решения, реализация решения и мониторинг результатов) [8]. В частности, речь идет о следующих независимых факторах [4]:

- позитивная проблемная ориентация, при которой проблема воспринимается как конкретная задача, которую можно и нужно решать, а не избегать, присутствует оптимизм и уверенность в своих силах;

- негативная проблемная ориентация, которая характеризуется восприятием проблемы как угрозы, наличием фрустрации и неуверенностью в своих силах;

- рациональный стиль решения проблем, предполагающий особый акцент на сборе и анализе информации о проблеме, условиях и возможных вариантах ее решения, включая анализ полученных результатов;

- импульсивный стиль решения проблем, являющийся, по сути, дисфункциональным в силу необдуманности идей и последствий их реализации, незавершенности действий;

- избегающий стиль решения проблем, при котором имеет место пассивность, прокрастинация, уход от проблем, а не их решение, перекладывание ответственности.

При этом установлено наличие положительных и отрицательных связей перечисленных выше факторов решения проблем с некоторыми стратегиями совладания личности [7]. В то же время, к числу возможных стратегий совладания со стрессом и тревогой относятся суеверия и производные от них магически-ритуальные действия, которые являются важным маркером веры в паранормальное [2; 6 и др.]. Считается, что вера в паранормальное может давать человеку возможность осуществлять положительное переосмысление происходящего и иллюзию контроля будущего, что не может не отражаться на решении личных и социальных проблем суеверными

людьми. К тому же суеверность положительно связана с избеганием проблем и отрицательно – с интеллектом и рациональностью [1; 5].

Целью своего исследования мы определили изучение специфики связи решения социальных проблем с суеверностью учащейся молодежи.

В качестве гипотез выступили два предположения:

- 1) при высоких показателях веры в паранормальное у студентов преобладает негативная проблемная ориентация, а также импульсивный и избегающий стили решения социальных проблем;
- 2) у студентов 1 и 3 курсов будет наблюдаться разная степень выраженности суеверности и склонности к рациональному стилю решения проблем.

Для сбора данных использовались опросник решения социальных проблем М.М. Даниной, Н.В. Кисельниковой, Е.А. Куминской [4] и «Шкала веры в паранормальное» Дж. Тобасика в адаптации Д.С. Григорьева [3].

В исследовании принимали участие студенты вузов Москвы и Нижнего Новгорода в количестве 252 человек (140 учащихся 1 курсов и 112 – 3 курсов).

По результатам исследования установлено, что показатели веры в паранормальное находятся на уровне ниже среднего нормативного по методике: самый высокий балл (3,9 из 7) зафиксирован по шкале традиционной религиозной веры и самый низкий (2,14 из 7) по шкале суеверности. Другими словами, современные студенты менее суеверны, чем их сверстники годами раньше [6].

При решении социальных проблем студенты в большей степени имеют позитивную, нежели негативную ориентацию, а также демонстрируют склонность, скорее, к рациональному, чем избегающему или импульсивному стилю.

Была зафиксирована положительная связь таких показателей веры в паранормальное, как суеверия (при $p < 0,01$) и вера в психоспособности (при $p < 0,02$), с негативной ориентацией, а также всех показателей веры в паранормальное (за исключением традиционной веры) с избегающим (при $p < 0,05$) и импульсивным (при $p < 0,01$) стилями решения проблем.

При проверке второй гипотезы было установлено, что показатели студентов разных курсов обучения отличаются тем, что третьекурсники больше верят в колдовство (при $p < 0,01$) и

экстраординарные способности (при $p < 0,01$) и вместе с тем реже используют рациональный стиль принятия решений, чем первокурсники (при $p < 0,01$).

Таким образом, обе гипотезы подтвердились. Полагаем, что в дальнейшем следует провести анализ гендерной специфики проявления суеверности и решения социальных проблем, а также сравнить показатели студентов, обучающихся по гуманитарным и техническим специальностям.

Литература

1. *Андрюшкова Н.П.* Психологические факторы суеверности у молодежи // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 3 (27). С. 107–114.
2. *Габдрашитова Л.И., Абитов И.Р.* Суеверность в структуре защитно-совладающего поведения лиц с хроническими соматическими заболеваниями // Психология психических состояний: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. Выпуск 16 / сост. А.В.Климанова, под общ. ред. М.Г.Юсупова, А.В.Чернова. Казань, 2022.
3. *Григорьев Д.С.* Адаптация и валидизация шкалы веры в паранормальное Дж.Тобасика // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 2. С. 132-145.
4. *Данина М.М., Кисельникова Н.В., Куминская Е.А.* Русскоязычная версия опросника решения социальных проблем (SPSI-R) // Экспериментальная психология. 2017. Том 10. № 3. С. 46-64.
5. *Макушина О.П.* Связь суеверности студентов с уровнем их общего интеллекта // Вестник ВГУ. Серия: Проблемы высшего образования. 2023. № 2. С. 74-76.
6. *Саенко Ю.В.* Психологические аспекты изучения суеверий // Вопросы психологии. 2006. № 6. С. 85-97.
7. *D’Zurilla T.J., Chang E.C.* The relations between social problem solving and coping // Cognitive therapy and research. 1995. Vol. 19. N 5. P. 547-562.
8. *D’Zurilla T.J., Nezu A.M., Maydeu-Olivares A.* Social problem-solving inventory-revised (SPSI-R): technical manual. NY, 2002.

Особенности социальной ситуации развития в условиях цифрового детства

Семичев Д.М.

*ИРПО ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
semichevdm@mgpu.ru*

Детство – особое явление в жизни и развитии общества. На разных исторических этапах оно наделялось разными целями и содержанием. На каждой ступени развития человечества можно выделить свой особый период детства, который будет характерен для определенного исторического этапа. «Развитие детства как социокультурного феномена – не просто его удлинение, а качественное изменение по структуре и содержанию» (Д.Б. Эльконин). Смысл данного периода – не только в усвоении и присвоении ребенком социальных норм, но и в развитии социальных черт и качеств, которые свойственны человеку.

«Нет вечно детского, а есть исторически детское» (Л.С. Выготский) [1]. И как одну из задач исследований можно выделить определение «исторически детского». В работах отечественных психологов широко изучен период детства, показано, что вместе с развитием общества период детства не только удлиняется, но и претерпевает качественные изменения [2].

Опросы, проводимые среди родителей и воспитателей, а также наблюдение за изменениями активности детей, показывают, что примерно с двух лет ребенок становится активным пользователем Интернета и различных интерактивных приложений. Марк Пренски даже разделил все человечество на две категории: «цифровые иммигранты», чье детство прошло без использования современных информационных технологий, и «цифровые аборигены», которые практически с рождения используют Интернет. Это, в свою очередь, может объяснить коммуникационные, культурные и мировоззренческие различия современных детей и детей предыдущих поколений и многократно увеличивает внимание к самому феномену детства.

Технологические изменения, которые происходят и моментально становятся доступны ребенку, многократно увеличивают вариации проживания самого периода детства. В настоящее время авторы

исследований все чаще изучают цифровую социализацию, ведь информационные технологии и Интернет становятся агентом социализации наравне с семьей и образовательной организацией. Анализ происходящих процессов, в том числе с учетом процессов цифровой трансформации и появления цифрового общества, позволяет нам говорить о «цифровом детстве» как об особом виде детства, характерном для нашего исторического периода [5; 6].

Для исследования феномена цифрового детства и цифровой социализации используются анкетирования, опросы, применяются психологические методики, изучаются профили социальных сетей, пользовательская активность на сайтах, в чатах и форумах. Проводится анализ больших данных, изучаются данные международных исследований, в том числе PISA. Перечисленные методы и проведенные с их помощью исследования позволили сделать вывод: Интернет стал привычным для нас культурным орудием, которым ребенок и взрослые овладевают по тем же принципам, что и орудиями труда, с той лишь разницей, что сам по себе Интернет и современные цифровые технологии позволяют продуцировать все новые и новые культурные явления, феномены и технологические орудия. Это создает особую социальную ситуацию развития и изменяет привычный для нас образ жизни.

Такая социальная ситуация развития ставит перед ребенком новые задачи, которые ему предстоит решить в определенные возрастные периоды, вовлекает его в электронную коммуникацию, предлагает новые виды деятельности, приводит к приобретению им новых психических свойств и качеств.

Учитывая специфику выстраивания коммуникации и взаимодействия людей в цифровой среде, данная социальная ситуация развития вызывает необходимость соблюдения детьми определенных правил цифрового общения, в том числе знания принципов безопасного поведения в условиях цифровой среды.

В исследованиях неоднократно подтверждается, что цифровые устройства, во-первых, доступны для дошкольников, во-вторых – родители ориентированы главным образом на образовательный и развивающий контент и приложения, однако, приобретая устройство для своего ребенка на первый план выходит именно детское желание получить устройство, а не необходимость организации образования с

использованием цифровых технологий. Данные исследований подтверждают также, что не более 10% родителей пользуются советами педагогов и психологов, предоставляя своим детям доступ к цифровым устройствам и контенту [4].

Понимая потребности современных родителей и воспитателей, становится актуальным создание открытого, доступного и проверенного образовательного контента как для самих дошкольников, так и для взрослых, которые включены в их развитие. Анализ пользовательской активности на портале Центра современной методики дошкольного и начального общего образования (<https://deti.mosmetod.ru/>) показывает, что наибольшей востребованностью пользуются социально-коммуникативные тренинги для родителей и воспитателей, мастер-классы по организации детской игры, образовательные материалы для дошкольников и младших школьников, интерактивный детский календарь событий.

Принимая во внимание результаты существующих исследований и темп технологических изменений во всех областях социального взаимодействия, мы полагаем, что актуальными остаются следующие вопросы:

- определение закономерностей освоения новых технологий «цифровыми иммигрантами»;
- определение действенных способов системного анализа уровня цифровой социализации детей в целях предотвращения трудностей в выстраивании эффективной коммуникации в цифровой среде;
- определение эффективных способов обучения детей принципам безопасного поведения в процессе выстраивания цифровой коммуникации;
- разработка и применение инструментов обеспечения оптимального уровня цифровой компетентности взрослых – родителей и педагогов.

Поиск ответов на эти вопросы позволит сделать процесс протекания «цифрового детства» более контролируемым и снизит возможные риски от раннего освоения детьми информационных технологий.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Орудие и знак в развитии ребенка / Под ред. М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1984. С. 5–91.
2. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Академия, 2003. 336 с.
3. Поливанова К.Н. Детство в меняющемся мире [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Том 5. № 2. С. 5–10.
4. *Смирнова С.Ю., Клоптова Е.Е., Рубцова О.В., Сорокова М.Г.* Особенности использования цифровых устройств детьми дошкольного возраста: новый социокультурный контекст // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. С. 177–193.
5. *Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017. 375 с.
6. Digital Childhoods: Technologies and Children's Everyday Lives / Danby S.J., Flear M., Davidson C., Hatzigianni M. (eds.). Springer, 2018. Vol. 22. 287 p.

Личностная готовность к переменам студенческой молодежи в условиях киберобучения

Сергеева А.В.

*СПбГИПСР, Санкт-Петербург, Россия
alisaskar@mail.ru*

На основе анализа работ Н.В. Гришиной, М.Ю. Кондратьева, А.В. Сергеевой, Э. Тоффелера можно представить перечень основных понятий, отражающих существующие социальные процессы в обществе, в профессиональных группах и личности человека как носителя и главного участника социально-психологических перемен и изменений. К наиболее признанным в науке относятся: «шок будущего», «изменяющаяся личность в изменяющемся мире»,

«текучая современность», «трансформационная идентичность», «киберсоциализация» и др. [1; 2; 3; 4].

В рамках данного исследования важным является уточнение психологической категории «личностная готовность к переменам» и осуществление дифференцированного изучения указанного феномена в условиях дистанционного обучения студенческой молодежи (киберобучения). Согласно исследованиям, осуществленным нами ранее, под личностной готовностью к переменам (сокращенно – ЛГП) понимается интегральный конструкт личности, обеспечивающий оптимальные варианты разрешения сложных ситуаций, вызванных социально-психологическими переменами (перемена места жительства или гражданства, смена профессии и профессионального самоопределения, появление инновационных технологий, киберсоциализация и киберобучение и др), а также фокусирование личности на эмоционально-поведенческом перестраивании себя для разрешения масштабных изменений жизнедеятельности [4].

В немногочисленных научно-практических трудах отмечается важность ЛГП в связи с разными аспектами киберсоциализации и частности, киберобучения [1; 3; 5]. Согласно В.А. Плешакову, киберсоциализация человека это социализация личности в интернет-пространстве, включающая процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, происходящая под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий [3]. Г.У. Солдатова определяет цифровую социализацию через процесс усвоения личностью социального опыта, приобретаемого в интернет-контекстах, воспроизводства этого опыта в смешанной офлайн/онлайн-среде, формирующего его виртуальную идентичность как часть реальной [5].

В связи с недостаточностью практико-ориентированных исследований в данном направлении, нами была разработана программа исследования ЛГП у студентов первых и старших курсов в связи с активно-вынужденным использованием дистанционной формы обучения в период 2019-2020 года (пояснение: в условиях мировой пандемии Covid-19).

В настоящем исследовании приняли участие 57 студентов бакалавриата одного из вузов города Санкт-Петербурга. Для проведения исследования были отобраны методики, которые в полной мере позволяют получить информацию об уровне адаптации студентов в связи с переходом их к «вынужденному» дистанционному обучению, личностной готовности к переменам (киберобучение), и необходимые для диагностики потребностей, удовлетворяемых в интернет-среде. В соответствии с изучаемой проблемой были выбраны следующие методики: «Методика диагностики социально-психологической адаптации» – СПА (К. Роджерс, Р. Даймонд), «Личностная готовность к переменам», PCRS (А. Родник и др.) и «Диагностика потребностей, удовлетворяемых в интернет-среде» (В.А. Плешакова) [3].

В рамках исследования планировалось осуществить несколько исследовательских задач: провести сравнительный анализ и выявить специфику ЛГП у студентов первых (1-2 курс) и старших курсов (4-5 курсы); выявить характер взаимосвязей ЛГП с показателями социально-психологической адаптивности и ведущими интернет-потребностями студенческой молодежи, выявить доминирующие интернет-потребности и их динамику, при сравнении результатов на основе диагностических срезов до и после дистанционного обучения (период 6 месяцев). Проведенный нами сравнительный анализ показателей по всем шкалам методики ЛГП у студентов первых курсов (34 респондента) и группой старших студентов (23 респондента) на основе критерия *U* Манна-Уитни позволил выявить значимые различия по следующим компонентам ЛГП: «страстность»/эргичность, «смелость», «адаптивность» и «толерантность в двусмысленности». Студенты первых курсов характеризуются низкими значениями по шкале «страстность» (пониженный жизненный тонус), но более высокими значениями по шкале «смелость» (открытость новому опыту) и по шкале «адаптивность» (быстрая перестройка к новым условиям), а также более высокими значениями по шкале «толерантность к двусмысленности».

Результаты корреляционного анализа (на основе ранговой корреляции Спирмена), позволили выявить прямые взаимосвязи на 1% и 5% уровне значимости между всеми структурными компонентами ЛГП и интегральным показателем «Адаптивность» (методика СПА) у студентов всей изучаемой выборки (57 респондентов). Также были

выявлены обратные взаимосвязи на 1% и 5% уровне значимости между некоторыми компонентами ЛГП (страстность, находчивость, оптимизм, адаптивность, уверенность) и шкалой «Эскапизм» (методика СПА). Дальнейший анализ позволил выявить прямые взаимосвязи показателей ЛГП («страстность», «находчивость», «оптимизм» и «уверенность») с интернет-потребностями (физические потребности, познавательные потребности). Были выявлены многочисленные обратные взаимосвязи между показателями ЛГП («страстность», «находчивость», «смелость», «адаптивность») и интернет-потребностями (экзистенциальные потребности и социальные потребности).

Проведенная повторная диагностика всех обследуемых студентов спустя 6 месяцев дистанционного обучения, позволила обнаружить положительные корреляционные связи на 5% уровне между показателем «оптимизм» (ЛГП) и духовными интернет-потребностями, что явилось важным исследовательским феноменом.

Сравнительный анализ эмпирических данных по методике В.А. Плешакова позволил выявить значимые различия по следующим интернет-потребностям в группах студентов первых и старших курсов: «Социальные потребности», «Престижные потребности», «Духовные потребности», «Познавательные потребности». На основе выявленной специфики ЛГП студентов разных курсов и характера корреляционных взаимосвязей между изучаемыми индикаторами нами была разработана тренинговая программа, направленная на развитие компонентов ЛГП, рассчитанная на студентов, которые обучаются онлайн и имеющих проблемы социально-психологической адаптации к обучению в условиях киберобучения.

Литература

1. *Гришина Н.В.* Психология личности: Пребывание в изменении / Н.В. Гришина. - Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2019. - 576 с. - ISBN 978-5-288-05970-4. - URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/379601/reading>.
2. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология в образовании. / М.Ю. Кондратьев. -М., 2008.

3. *Плешаков В.А.* Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a: монография / В.А. Плешаков – М.: Прометей, 2012.
4. *Сергеева А.Ю., А.В. Сергеева А.В.* Личностная готовность к переменам обучающихся взрослых людей в ситуации смены профессии / Научные исследования XXI века: теория и практика [Электронный ресурс] / Vydavatel «Osvícení», Научно-издательский центр «Мир науки». – Электрон. текст. данн. (2,95 Мб.). – Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2022. С. 172-177.
5. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г.У. Солдатова // Социальная психология и общество. – 2018. – № 3. – С. 71–80.

Представления молодежи о современной семье

Середа Е.В., Кривцова А.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
evasereda@mail.ru, krivcovaAS@mgppu.ru*

Актуальность темы исследования обусловлена происходящими в современном мире изменениями и большой значимостью в обществе института семьи. Изменение взглядов на фундаментальные устои общества отражаются и влияют на сферу семейных отношений. Современная молодежь находится в ситуации принятия и осмысления этих изменений [2].

Семья – важнейший из феноменов, сопровождающий человека в течение всей его жизни. Значимость ее влияния на развитие личности человека, ее сложность, многогранность и проблематичность обуславливают большое количество различных подходов к изучению представлений о семье. Изучением представлений о семье занимались в разные периоды Е.Ю. Макарова, О.Г. Кулиш, А.А. Нестерова, Н.А. Круглова, Л.Б. Шнейдер, А.И. Антонов и т.д. В зарубежной психологии Э.Г. Эдеймиллер, В. Юстицкис, Л. Берталанфи, В. Сатир, Г. Бейтсон и т.д. [1].

Целью нашего исследования является изучение особенностей образа семьи у современной молодежи.

Объектом нашего исследования является образ семьи. Предметом нашего исследования являются особенности образа семьи у современной молодежи.

В рамках нашего исследования мы выдвинули предположение о том, что существуют особенности образа семьи у современной молодежи, обусловленные социально-психологическими особенностями этой группы.

В эмпирическом исследовании принимало участие 68 респондентов от 18 до 35 лет. Все респонденты на момент проведения исследования не были женаты и не имели детей.

Одним из аспектов нашего исследования было выявление ролевых ожиданий и предпочтений в браке. Для реализации поставленной цели использовалась методика: «Ролевые ожидания и притязания в браке (РОП)» А.Н. Волковой. По данной методике нами были получены следующие результаты.

Интимно-сексуальная шкала. В нашей выборке у 59,6% опрошенных высокие показатели, у 40,3% средние. Высокие показатели по данной шкале означают, что для испытуемых сексуальная гармония в семейных отношениях имеет большое значение, тогда как низкие показатели говорят нам о том, что для опрошенных сексуальная гармония – не самое главное в супружеских отношениях.

Идентификация с партнером. В нашей выборке у 71,5% опрошенных высокие показатели, тогда как у 28,5% средние. Это значит, что большая часть наших респондентов идентифицирует себя с партнером, тогда как оставшиеся респонденты достаточно автономны.

Хозяйственно-бытовая шкала. По результатам нашего исследования, для 47,5% опрошенных организация быта в семье имеет большое значение, тогда как 52,4% респондентов не придают этому большого значения.

Родительско-воспитательская шкала. По результатам нашего исследования для 92,4% респондентов роль родительства кажется значимой в семейных отношениях, тогда как 7,6% не придают этому особого значения.

Социальная активность. По результатам нашего исследования для 77,1% респондентов социальная активность является важной составляющей семейных отношений, тогда как 22,9% не считают это важным условием для счастливого брака.

Эмоционально-психотерапевтическая шкала. По результатам нашего исследования для 83,5% опрошенных поддержка является важной составляющей для создания семьи, тогда как для оставшихся 16,5% это условие не так значимо.

Шкала внешней привлекательности. По результатам нашего исследования для 98,6% респондентов внешняя привлекательность партнера имеет значение. Для 1,4% это не имеет значение.

В нашем исследовании сексуальная гармония в семейных отношениях имеет большое значение. Большая часть наших респондентов идентифицирует себя с партнером, тогда как оставшиеся респонденты достаточно автономны. Организация быта в семье распределяются примерно одинаково. Большинство испытуемых выделяют роль родительства как важную в семейных отношениях.

Данная методика помогла нам выявить ряд особенностей по ролевым ожиданиям и притязаниям среди современной молодежи.

Социальная активность является важной составляющей семейных отношений для большинства наших респондентов. Поддержка является важной составляющей для создания семьи у большинства респондентов. Также мы наблюдаем желание испытуемых иметь внешне привлекательного партнера и установку на собственную привлекательность, стремление модно и красиво одеваться. Специфика ролевых ожиданий и предпочтений в браке позволяет нам продолжить изучение и других аспектов социально-психологических представлений молодежи о семье.

Современная семья становится объектом все более широкого изучения социальных и психологических наук. Молодежь как активная часть общества играет важную роль в формировании современных представлений о семье. Социально-психологические исследования на тему молодежных представлений о современной семье имеют большое значение для понимания динамики изменений в семейных ценностях, нормах и ожиданиях.

Литература

1. *Артамонова Е.И., Екжанова Е.В., Зырянова Е.В. и др.* Психология семейных отношений с основами семейного консультирования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Изд. центр «Академия», 2006. - 192 с.
2. *Рогова А.М.* Особенности формирования семейных ценностей у современной Российской молодежи // *Современные проблемы науки и образования.* – 2007. – № 1; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=274> (дата обращения: 04.04.2024).
3. *Шнейдер Л.Б.* Семейная психология: учебник для вузов / Л. Б. Шнейдер. – 6-е изд., испр. и доп. – М.: Изд. Юрайт, 2024. – 488 с.

Современные подходы к определению востребованных гибких навыков

Светлова А.А.

*ИРПО ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
svetlova@mgu.ru*

В настоящее время во всех профессиональных сферах активно обсуждаются навыки, необходимые для успешной трудовой деятельности, и если 10-15 лет назад одним из главных навыков была многозадачность, то к 2035 году среди прогнозируемых актуальных навыков выделяется способность концентрироваться на одной задаче длительное время [1]. Вместе с тем, из-за глобальных изменений, которые происходят в мире в связи с экономическим и технологическим развитием, мы все чаще сталкиваемся с трудностями в прогнозировании конкретных потребностей компаний и рынка труда. Становится очевидным, что способность к прогнозированию в условиях недостаточности данных – это одновременно ключевой навык и главный вызов для специалистов всех областей.

Ежегодно появляются публикации, в которых перечисляются мягкие навыки, позволяющие человеку добиваться успеха в постоянно

меняющемся мире. Например, перечень профессиональных навыков, публикуемый Всемирным экономическим форумом в докладе «Будущее рабочих мест», – это масштабное исследование, которое включает в себя опрос 803 компаний, проведенный в 45 странах мира. «Сравнение с предыдущими опросами показывает, что творческое мышление становится все более важным по сравнению с аналитическим мышлением, поскольку рабочие задачи становятся все более автоматизированными» [2], – сообщается в докладе.

Стоит отметить, что существующие группы исследований опираются на различные методологические подходы. Так, исследование Всемирного экономического форума основывается на опросе представителей высшего звена управления крупных мировых корпораций, при этом параллельно проводятся исследования, которые определяют востребованные навыки, опираясь на анализ производственных цепочек и поиск тех операций, которые в ближайшем будущем могут быть заменены компьютерными программами, искусственным интеллектом и роботами, а исследования агентства стратегических инициатив «Сколково» опираются на опросы большого количества экспертов – это 2,5 тысячи респондентов, которые представляют свое видение развития отдельных отраслей экономики.

В ходе исследования, в котором приняли участие 18 тысяч респондентов из 15 стран мира, McKinsey Global Institute удалось в 2021 году сначала классифицировать все мягкие навыки и выделить четыре обобщенные категории, по которым были распределены 56 навыков: «когнитивные, цифровые, навыки межличностного общения и личные качества» [1], а в дальнейшем с помощью психометрического тестирования определить степень владения данными навыками и корреляцию с высоким уровнем дохода у респондента. Это исследование показало, что у респондентов плохо сформированы две группы цифровых навыков – «разработка и применение ПО» и «понимание принципов работы цифровых систем», а также недостаточно сформированы навыки «коммуникации, планирования и организации работы». Однако вероятность трудоустройства в желаемую компанию и удовлетворенность от своей работы в большей степени связаны с «личными качествами», такими,

как «адаптивность, готовность справляться с ситуациями неопределенности и способность сохранять мотивацию» [1].

Вместе с растущим вниманием к перечню востребованных качеств и навыков, которыми необходимо обладать человеку, встает вопрос: каким образом должен быть организован образовательный процесс и как подобраны учебные материалы, чтобы обеспечить формирование не только профессиональных, но и гибких навыков?

Принимая во внимание широкое распространение электронных и дистанционных технологий, которые применяются в реализации образовательных программ высшего образования и повышения квалификации специалистов, мы считаем целесообразным рассмотреть существующие возможности для обеспечения качественного взаимодействия слушателя с учебными материалами. Широкое распространение приобрел видеоформат передачи информации и знаний, в связи с чем особую актуальность приобретают эмпирические данные, которые были получены в ходе исследования, позволившего проанализировать взаимодействие с материалами учебных курсов (онлайн-обсуждение, тестовые материалы, дополнительные элементы курса) на площадке Coursera после просмотра обучающих видеороликов. В качестве ключевых элементов для анализа Philip J. Guo, Juho Kim, Rob Rubin выбрали следующие параметры: «процент просмотра видео и попытки пройти тестовый контроль после просмотра, а также взаимодействие с дополнительными материалами после просмотра видео». В ходе исследования авторами было проанализировано 6,9 млн сеансов просмотра видео четырех курсов образовательной платформы Coursera, а также проведено интервьюирование разработчиков курсов [3].

Исследование показало, что есть ряд характеристик, которые влияют на взаимодействие слушателей с образовательным видео и в последующем с дополнительными материалами всего курса, это:

- продолжительность видео (короткие и лаконичные ролики, длительностью до 7 минут);
- использование видеоскрайбинга;
- структурирование информации и четкий сценарий;
- эмоциональная окраска речи лектора (уместная);
- оптимизация контента [3].

Наиболее обсуждаемым параметром является длительность видео, так как есть ряд исследований, которые показывают, что решение о продолжении просмотра человек принимает в первые десять минут вне зависимости от общей продолжительности и ключевым параметром в данном случае является использование авторами принципов классической драматургии.

Стоит отдельно подчеркнуть, что преподавательская деятельность в общем и создание образовательного контента – в частности требуют от специалиста сформированности гибких навыков на очень высоком уровне, что позволит достичь как высоких профессиональных результатов, так и высокого уровня развития данной группы навыков у студентов.

Литература

1. *Dondi M., Klier J., Panier F., Schubert J.* Defining the Skills Citizens Will Need in the Future World of Work. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/public-sector/our-insights/defining-the-skills-citizens-will-need-in-the-future-world-of-work>.
2. Future of Jobs Report. The World Economic Forum, 2023.
3. *Guo P.J., Kim J., Rubin R.* How Video Production Affects Student Engagement: An Empirical Study of MOOC Videos. Atlanta, Georgia, USA, 2014.
4. *Regragui A., Abdedine A., Benfdil F.* Educational Use of Digital Video in the Context Of Practical Work in Dentistry Prospective Evaluation Survey of the Optimal Duration of Educational Films by Second-Year Students of Dentistry in Rabat // International Journal of Medicine and Surgery. Volume 3, Issue 1, 2016.

Профессиональное выгорание и семейное положение сотрудников организации

Сибекина А.С., Погодина А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nsibekina@mail.ru; pogodinaav@mgppu.ru

Профессиональное выгорание является серьезной проблемой современного трудового рынка, и его развитие может зависеть от множества факторов, включая семейный статус сотрудников. Исследования показывают, что сотрудники с разными семейными статусами (одинокие, состоящие в браке, родители и бездетные) могут иметь различные уровни профессионального выгорания.

Психологическое состояние работника влияет на социальную (профессиональную) среду, а среда определяет психологическое состояние работника, поэтому психологическая атмосфера профессиональной деятельности определяет психологическое состояние каждого работника [1, с. 168].

Поскольку один и тот же человек включен в разные системы общественных отношений, личные отношения могут влиять на профессиональные и наоборот. Например, отношения между людьми с разным семейным статусом могут различаться, а мотивационный профиль тех, кто состоит в браке, может сильно отличаться от мотивационного профиля тех, кто не состоит в браке [2, с. 147]. В некоторых исследованиях отмечалось, что взаимодействие супругов в рамках семейных отношений способствовало разрешению конфликтных или стрессовых ситуаций на работе. Но также личные отношения могут отрицательно влиять на качество профессиональных, провоцируя развитие выгорания. Семейные обязанности, конфликт между работой и личной жизнью, уровень поддержки от семьи и близких могут существенно влиять на возникновение и развитие профессионального выгорания у сотрудников.

Исследования показывают, что уровень профессионального выгорания может различаться у сотрудников с разными семейными статусами. Например, одинокие сотрудники могут испытывать большее чувство изоляции и нехватку поддержки, что способствует развитию выгорания. А сотрудники, имеющие семью и детей, могут сталкиваться с конфликтом между работой и семейной жизнью, что также может увеличить уровень стресса и выгорания.

Некоторые исследования показывают, что такие переменные, как возраст, семейное положение и профессиональный опыт, не влияют на выгорание на работе [3, с. 312].

В нашей работе мы поставили целью провести сравнительный анализ особенностей профессионального выгорания сотрудников с различным семейным статусом. Мы предположили, что существует взаимосвязь между уровнем профессионального выгорания и семейным статусом сотрудников организации. Для подтверждения гипотез нами было проведено эмпирическое исследование с использованием следующих методик: диагностика уровня профессионального выгорания (К. Маслач, С. Джексон); шкала организационного стресса (А. Маклин); тест-опросник удовлетворенности браком (В.В. Столин, Т.А. Романова, Г.П. Бутенко); опросник «Рольевые ожидания и притязания в браке» (А.Н. Волкова, Т.М. Трапезникова). Исследование проводилось в ООО «Лукойл-Энергосети». Наша общая выборка составила 200 респондентов и разделилась на 2 равные группы: респонденты, состоящие в официальном браке ($N = 100$) и респонденты, не состоящие в отношениях ($N = 100$).

Новизна и значимость работы заключается в том, что данная работа позволит выявить особенности профессионального выгорания сотрудников с различным семейным статусом, а также расширит представление об их взаимосвязи. Понимание особенностей профессионального выгорания сотрудников с различным семейным статусом может значительно повлиять на благополучие и эффективность работы персонала.

Практическая значимость состоит в том, что материалы и выводы исследования могут быть использованы организационными психологами в проведении профилактической и психокоррекционной работы с сотрудниками организации, в целях снижения уровня профессионального выгорания, а также повышения эффективности их профессиональной деятельности.

Литература

1. *Безносков С.П.* Профессиональная деформация личности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. №3.

2. *Булгаков И.А.* Взаимосвязь выгорания и удовлетворённости браком у сотрудников российских организаций // Организационная психология. 2023 Т. 13. № 1.
3. *Рытенкова Ю.Н.* Теоретический анализ синдрома эмоционального выгорания в отечественной и зарубежной литературе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 3.

Интеллектуальные соревнования старшеклассников и жизнестойкость студентов вузов

Симакова В.Д., Шумакова Н.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vercorde@gmail.com

В современном мире, идущем по пути глобализации, на первый план выходят вопросы, связанные с конкурентоспособностью страны, основанной на человеческом потенциале. В связи с этим многие высокоразвитые страны уделяют особое внимание развитию образования и, в частности, программам, направленным на работу с одаренной молодежью [3]. Одним из основных направлений выявления и развития талантов являются интеллектуальные соревнования, являющиеся ситуацией повышенного напряжения и стресса для их участников [1], что определяет актуальность изучения особенностей жизнестойкости одаренной молодежи.

Цель настоящего исследования – выявить особенности жизнестойкости студентов вузов с разным опытом интеллектуальной соревновательной деятельности в старшем школьном возрасте.

В исследовании применялись методы констатирующего эксперимента, включающие социологическую анкету, авторский опросник субъективной оценки опыта участия в интеллектуальных соревнованиях и опросник «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, адаптация Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой, 2006) [2], а также методы математической статистики.

Участники исследования – 197 студентов вузов в возрасте от 16 до 24 лет, 133 девушки, 64 юноши – по опыту их участия в старшем

школьном возрасте в интеллектуальных соревнованиях разного уровня (олимпиады, конференции, конкурсы федерального, регионального или муниципального уровня) были разделены на четыре группы на основании их участия:

Группа 1 - студенты вузов, принимавшие участие в старшем школьном возрасте в интеллектуальных соревнованиях федерального уровня, группа 2 - регионального уровня, группа 3 - муниципального уровня. Группа 4 – контрольная, в нее вошли студенты вузов, не принимавшие участие в интеллектуальных соревнованиях или те, кто участвовал только в школьных олимпиадах, конференциях, конкурсах.

Результаты исследования

Анализ результатов исследования с помощью методов математической статистики ANOVA, показал отсутствие статистически значимых различий между студентами из четырех выделенных нами групп по уровню жизнестойкости и отдельных ее компонентов, таких, как вовлеченность, контроль и принятие риска. Это значит, что ни одна из представленных характеристик не является ярко выраженной как для нормотипичных студентов, так и для студентов, имевших опыт участия в интеллектуальных соревнованиях на муниципальном, региональном и всероссийском уровнях.

Для всех участников исследования характерно, что по результатам теста жизнестойкости и таких ее компонентов, как вовлеченность и контроль, достоверно чаще выявлялись средние баллы, а для компонента принятие риска – высокие. Стоит отметить, что более чем у трети (33,5%) опрошенных был выявлен высокий уровень жизнестойкости, средний – у 55,8%, а низкий – у 10,7%. Среди компонентов жизнестойкости сильно выраженная вовлеченность выявлена у почти половины (44,2%) участников. Таким образом, мы можем охарактеризовать наших студентов как достаточно жизнестойких, увлеченных и получающих удовольствие от своей деятельности, рассматривающих происходящие с ними события как опыт, способствующий развитию, и оценивающих свою способность повлиять на результат как нестабильную (где-то уверен, а где-то может чувствовать себя беспомощным). При этом более трети (34%) респондентов имеют низкие баллы по шкале «принятие риска», что характеризует их как не готовых к действию без надежных гарантий успеха.

Анализ результатов исследования субъективной оценки опыта участия, проведенного для первых трех групп (участники федерального, регионального и муниципального этапов) участников с использованием критерия Хи-квадрат Пирсона, показал, что существуют значимые межгрупповые различия в оценке студентами значимости их опыта участия в интеллектуальных соревнованиях (позитивный, стимулирующий; нейтральный; травмирующий) в старшем школьном возрасте ($p = 0,034$). Парное сравнение показало, что статистически значимые различия ($p = 0,006$) есть только между первой и третьей группами студентов. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что участники заключительных этапов интеллектуальных соревнований достоверно чаще чем участники муниципальных этапов оценивают свой опыт как «позитивный, стимулирующий» или как «травмирующий». Для участников муниципального этапа характерна оценка своего опыта как нейтрального, то есть как не оказавшего на них особого влияния.

Для дальнейшего анализа жизнестойкости студентов, имеющих опыт участия в интеллектуальных соревнованиях в старшем школьном возрасте, выборка была разделена на три группы по критерию их субъективной оценки значимости данного опыта в дальнейшей жизни (1. позитивный, стимулирующий, $N = 82$; 2. нейтральный, $N = 57$; 3. травмирующий, $N = 22$). Данные, полученные с помощью дисперсионного анализа (ANOVA), позволили обнаружить значимые межгрупповые различия по уровню жизнестойкости ($p = 0,000$) и всех ее компонентов ($p = 0,000$). Наиболее высокие показатели жизнестойкости характерны для группы, оценивающей свой опыт участия в интеллектуальных соревнованиях в старшем школьном возрасте как «позитивный, стимулирующий», а низкие – для тех, кто был им «травмирован».

Выводы

Студенты, имеющие разный опыт участия в интеллектуальной соревновательной деятельности (по уровню интеллектуальных соревнований: федеральный, региональный или муниципальный), как и не имеющие такового в старшем школьном возрасте, не обнаруживают межгрупповых значимых различий в уровне и особенностях их жизнестойкости. В то же время, студенты разных групп обнаруживают существенные различия в субъективных оценках

значимости их опыта участия в соревновательной деятельности в старшем школьном возрасте в их дальнейшей жизни. Студенты, позитивно оценившие свой опыт, характеризуются достоверно более высокими показателями уровня жизнестойкости и отдельных ее компонентов, таких, как вовлеченность, контроль и принятие риска по сравнению со студентами, оценивающими свой опыт как нейтральный или травмирующий. Полученные результаты могут использоваться для повышения эффективности психологического сопровождения старшеклассников, участвующих в интеллектуальных соревнованиях разного уровня.

Литература

1. *Гулов А.П.* Олимпиадное движение в современном контексте: мотивация участия и причины отказа от состязаний // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2023. № 2. С. 10–22.
2. *Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И.* Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63с.
3. *Юркевич В.С.* Одаренные дети и интеллектуально-творческий потенциал общества // Психологическая наука и образование. 2009. Том 14. № 4. С. 74–86.

Успешность адаптации к школе у первоклассников в зависимости от стиля детско-родительских отношений

Синякова А.И., Воронкова И.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, г. Москва, Россия

annasinyakova1986@gmail.com, voronkovaiv@mgppu.ru

Ребенок, который только встает на путь обучения, оказывается в новых условиях, которые отличаются от дошкольных. Появляются трудности, связанные с переменной обстановки, новые люди, трансформируется график. Для ребенка это все является неизвестным, в связи с чем происходят перемены в личности ребенка. Данный период является проблемным, возникают конфликтные ситуации со

сверстниками, родителями и педагогами. Такие трудности необходимо преодолевать, так как именно адаптация способствует успешному обучению в первом классе. Все возможности организма ребенка подключаются и участвуют в процессе решения проблем. Успех в обучении зависит от того, какой была подготовка к обучению, от родительских установок ребенка.

Процесс адаптации помогает ученику приспособиться к окружающей среде и к постоянно изменяющимся условиям.

Значимое место в данном процессе занимает семья. Успешно адаптироваться можно благодаря взаимодействию с семьей. Семейные ожидания относительно поступления в школу могут не совпадать с реальностью. В ситуации неуспешного начала учебной деятельности родители могут разочароваться. Данная реакция может быть у родителей, специально готовивших ребенка к обучению. Однако различные факторы могут воздействовать на ребенка и его обучение. Ребенок подвержен значительным психическим и физическим нагрузкам, также на него влияют переживания родителей за успешную адаптацию. Все это может привести к срыву и отсутствию желания обучаться.

Вопросы, связанные с адаптацией детей к обучению в школе, интересовали Ш.А. Амонашвили, А.Я. Варламову, Л.С. Выготского, С.Е. Кана, Н.В. Литвиненко, Г.А. Цукерман и других авторов.

Однако стоит отметить, что вопрос адаптации первоклассника к обучению в настоящее время является актуальным. Наряду с этим исследования в области адаптации и ее связи с детско-родительскими отношениями, также необходимы.

В нашем исследовании приняли участие 42 ученика первых классов, которые обучаются в общеобразовательной школе города Москвы, 42 их родителя и 2 учителя начальных классов. Использовались: анкета «Оценка школьной мотивации учащихся начальной школы» Н.Г. Лускановой, «Методика изучения социально-психологической адаптации к школе» Э.М. Александровской, методика «Экспертная оценка адаптированности ребенка к школе» (В.И. Чирков, О.Л. Соколова, О.В. Сорокина), «Тест-опросник родительского отношения» (А.Я. Варга, В.В. Столин).

В результате проведенного исследования обнаружены следующие достоверные корреляционные связи между переменными:

- заинтересованность родителей и их стремление оказывать помощь первоклассникам способствует тому, что первоклассники начинают лучше справляться с учебной деятельностью ($r = 0,405$; $p < 0,01$) и у них прослеживается рост уровня школьной мотивации ($r = 0,332$; $p < 0,05$);

- склонность родителей к авторитаризму снижает уровень школьной мотивации первоклассников ($r = -0,322$; $p < 0,05$);

- стремление родителей инфантилизировать первоклассников снижает у первоклассников показатель школьной адаптации ($r = -0,318$; $p < 0,05$) и уровень школьной мотивации ($r = -0,384$; $p < 0,01$).

Полученные результаты подтверждают выдвинутую гипотезу о существовании связи между успешностью адаптации к обучению и особенностями стиля детско-родительских отношений у учащихся первых классов.

Литература

1. *Амонашвили Ш.О.* Основы гуманной педагогики / М.: Амрита-Русь, 2012.
2. *Варга А.Я.* Введение в системную семейную психотерапию / М.: Когито-Центр, 2017. - 182 с.
3. *Выготский Л.С.* Психология развития. Избранные работы / Л.С. Выготский / М.: Изд. Юрайт, 2022. – 281 с.

Психологический портрет водителя современного мегаполиса

Скалябина И.Н., Кочетова Т.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
kurbyk@mail.ru*

Обращение к проблематике психологических особенностей водителей обуславливается необходимостью решения целого ряда задач, связанных с целенаправленной психологической подготовкой водителя, обеспечения безопасности дорожного движения, а также повышения водительской компетентности. Понимание психологических особенностей водителей позволяет разработать

эффективные меры по снижению уровня аварийности, а также обеспечения безопасности на дорогах.

Вождение, особенно в условиях мегаполиса, сопровождается повышенным уровнем стресса, обусловленными как внешними по отношению к водительской деятельности, факторами, так и свойствами автомобильного движения в мегаполисе, прежде всего агрессивным поведением участников дорожного движения, высоким скоростным режимом, а также неравномерностью движения, возникающей из-за пробок [1; 3]. Все это вместе, наряду с повышенным уровнем стресса и ритмом жизни в мегаполисе может способствовать увеличению риска возникновения дорожно-транспортных происшествий.

Помимо указанных обстоятельств, немаловажное значение имеет также анализ особенностей психологического портрета водителей в контексте их социального статуса, опыта вождения, возраста [2]. Данные обстоятельства обусловили важность обращения к проблематике психологического портрета водителя современного мегаполиса в контексте осуществления сравнительного анализа двух категорий водителей – начинающих и опытных водителей.

Для определения особенностей в психологических портретах водителей с разным стажем вождения была разработана программа эмпирического исследования. Исследование было выполнено на базе МО ГИБДД ТНРЭР №3 ГУ МВД России по г. Москве, участниками исследования стали 91 водитель, из которых 43 – имеют стаж водительской деятельности менее трех лет, а 48 – имеют стаж водительской деятельности более десяти лет. Для диагностики был использован комплект методик, включающих следующие: методика изучения акцентуаций личности К. Леонгарда (модификация С. Шмишека), методика исследования тревожности (Ч.Д. Спилбергер, адаптация Ю.Л. Ханин), методика диагностики волевого самоконтроля (Е.В. Эйдман, А.Г. Зверков), «Оценка агрессивности в отношениях» (А. Ассингер), методика диагностики степени готовности к риску (PSK) (Шуберт), а также «Изучение общей самооценки» (Методика Г.Н. Казанцевой). Сравнительный анализ был выполнен с использованием критерия Манна-Уитни.

Проведенное исследование и процедура сравнительного анализа акцентуаций характера позволяет говорить о том, что для водителей

со стажем водительской деятельности менее трех лет характерен достоверно более высокий уровень возбудимой, тревожной, эмотивной, а также циклотимной акцентуацией характера по сравнению с лицами, стаж водительской деятельности которых составляет более десяти лет.

В ходе исследования тревожности было определено, что для водителей, которые имеют стаж водительской деятельности менее трех лет, характерен достоверно более высокий уровень тревожности по сравнению с теми водителями, стаж водительской деятельности которых более десяти лет. По показателям личностной тревожности две группы на статистически достоверном уровне не различаются. Иными словами, можно говорить о том, что у участников исследования со стажем водительской деятельности более десяти лет проявляется достоверно более низкий уровень ситуативной тревожности. Показатели личностной тревожности в двух группах не различаются – большинство участников имеют значения личностной тревожности, соответствующий низкому и среднему уровням.

Исследование волевого самоконтроля позволило заключить, что две группы на статистически достоверном уровне различаются по показателям волевого самоконтроля, а также показателя самообладания. Учитывая преобладание высоких значений в проявлении рассматриваемых показателей в двух группах, значения самообладания и волевого самоконтроля более опытных водителей в целом выше, чем у менее опытных, то есть, начинающие водители несколько чаще теряют самообладание в напряженных ситуациях по сравнению с более опытными водителями.

Также можно отметить, что для участников исследования со стажем менее трех лет характерен достоверно более высокий уровень агрессивности межличностных отношений по сравнению с водителями, имеющими стаж водительской деятельности более десяти лет.

В рамках исследования готовности к риску было определено, что для водителей со стажем водительской деятельности менее трех лет характерен достоверно более высокий уровень готовности к риску по сравнению с водителями со стажем более десяти лет. В свою очередь, по показателю общей самооценки две группы не различаются на статистически достоверном уровне.

Таким образом, можно заключить, что водители со стажем водительской деятельности менее трех лет характеризуются достоверно более высоким уровнем проявления возбудимости, тревожности, эмотивности и циклотимности, повышенным уровнем ситуативной тревожности. Также можно говорить о достаточно высоком самообладании и волевом самоконтроле (которые, вместе с тем, в целом ниже, чем у водителей с большим стажем деятельности). Для начинающих водителей характерен преимущественно умеренный уровень агрессивности межличностных отношений, а также примерно равное число лиц с умеренным и повышенным уровнем готовности к риску. Помимо указанных особенностей, начинающие водители имеют адаптивный, средний уровень самооценки.

В свою очередь, характеризуя психологический портрет опытных водителей (со стажем водительской деятельности более десяти лет) можно отметить меньший уровень проявления черт характера, адаптивный уровень личностной и ситуативной тревожности, а также более высокий уровень самообладания и волевого самоконтроля в сравнении с начинающими водителями. Опытные водители оказываются способными более конструктивно строить межличностные отношения, в пользу чего говорит преимущественно низкий уровень агрессивности межличностных отношений, а также имеют средний (соответствующий норме) уровень готовности к риску.

Литература

1. *Порталова М.А.* Личностные особенности водителей и особенности их дорожного поведения (концептуальный анализ) / М.А. Порталова // Теория и практика общественного развития. 2005. № 1. С. 92-94.
2. *Тахмазьян Д.К.* Психологические особенности начинающих водителей / Д.К. Тахмазьян // Интернаука. 2023. № 40-2 (310). С. 58-60.
3. *Шевкова Е.В.* Психологические особенности водителей, практикующих опасный стиль вождения / Е.В. Шевкова, Д.С. Малеев // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2023. № 1. С. 22-33.

Интернет-зависимость в подростковой среде

Смильгин Д.А., Погодина Е.К.

*БГПУ имени Максима Танка, Минск, Республика Беларусь
smilgindiana@gmail.com, pogodinaek@mail.ru*

Одной из острых социальных проблем в настоящее время является распространенность среди подрастающего поколения такого негативного явления, как интернет-зависимость. Ежегодно отмечается рост количества пользователей Интернета, а возраст детей, включенных в интернет-пространство, стремительно снижается.

Для зависимого человека желание находиться в Интернете становится постоянным и неуправляемым, он находится в Сети практически непрерывно, жертвуя сном, общением с близкими людьми, друзьями. По данным исследования Digital 2023, размещенном на информационном портале DataReportal, в среднем современный человек проводит в Интернете около 7-8 часов ежедневно [1].

В большей степени зависимости подвержены подростки. Согласно данным проведенных исследований, Интернет привлекает подростков анонимностью, доступностью, безопасностью и простотой его использования.

Основными факторами, детерминирующими развитие интернет-аддикции в подростковом возрасте, являются: низкая самооценка; наличие проблем в школе; отсутствие взаимопонимания со сверстниками; физическое или эмоциональное насилие со стороны сверстников, буллинг; депрессия; поиск ярких эмоций, стремление к уходу от реальности; отсутствие поддержки, недостаток внимания и одобрения со стороны родителей и др. Интернет-зависимость у подростков может проявляться в следующих формах:

- зависимость от виртуального общения в чатах и соцсетях;
- веб-серфинг – навязчивый, бессмысленный поиск информации;
- зависимость от онлайн игр (игровая компьютерная зависимость)
- чрезмерное увлечение онлайн играми;
- чрезмерная увлеченность просмотром фильмов в сети Интернет.

Выделяют ряд психологических симптомов интернет-зависимости у подростков [2]:

- отсутствие контроля за временем, проведенным в сети;

- невозможность ограничить или прервать веб-серфинг;
- изменения в настроении, раздражительность, агрессивность;
- ложь близким людям о характере деятельности и количестве времени, проведенном в сети;
- нарушение отношений с семьей и друзьями;
- игнорирование домашних обязанностей;
- появление проблем с учебой и др.

При длительном нахождении подростка у экрана компьютера или телефона возникают физические симптомы интернет-зависимости:

- ухудшение самочувствия, боли в спине, шее, развитие остеохондроза, сколиоза;
- головные боли, головокружение;
- синдром карпального канала;
- нарушение режима дня;
- проблемы со сном, нарушение процесса засыпания;
- нарушение питания, пропуск приемов пищи;
- хроническая усталость и др.

Исследование склонности подростков к интернет-зависимости проводилось среди учащихся 5-6 классов учреждений общего среднего образования г. Минска. В исследовании приняли участие 107 подростков 11-12 лет.

Для проведения исследования были использованы следующие методики: опросник «Интернет-зависимость» К. Янг, анкета «Подростки в сети Интернет» (для выявления факторов риска развития интернет-аддикции в подростковом возрасте).

Анализ результатов исследования показал, что у 24,9% учащихся обнаружена интернет-зависимость. 86,2% опрошенных подростков проводят в виртуальном пространстве более трех часов в день. Причём многие из них (76,6%) не умеют контролировать время, проводимое в сети Интернет. Так, на вопрос «Проводите ли Вы онлайн больше времени, чем планировали?» подростки дали следующие ответы: иногда – 46,6%, часто и почти всегда – 31,1%.

Опрос выявил, что подростки зачастую пренебрегают режимом сна в пользу времяпровождения в сети. Так, 51,7% респондентов отметили, что у них появились нарушения сна и трудности с засыпанием. 46,6% опрошенных подростков указали, что иногда

пренебрегают приемом пищи или едят во время нахождения в сети, чтобы не прерывать общение или другие виды онлайн активности.

У многих подростков наблюдаются психологические признаки интернет-зависимости. Так, 60,3% респондентов отметили, что жизнь без Интернета для них является скучной, пустой и безрадостной. Вместе с тем, когда они подключаются к Интернету, это состояние проходит, настроение повышается и они чувствуют оживление, возбуждение.

Исследование выявило предрасположенность подростков к формированию интернет-аддикции, что обуславливает необходимость проведения психолого-педагогической работы по профилактике и коррекции интернет-зависимости в подростковой среде.

Литература

1. Digital 2023: Global Overview Report (January 2023). URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-belarus> (дата обращения: 24.03.2024).
2. *Orzack M.H.* Computer addiction: What is it? // *Psychiatric Times*. 1998. V. 15. № 8. P. 34-38.

Влияние социально-стратификационных факторов на представления родителей о целях образования своего ребенка

Собкин В.С., Калашикова Е.А.
ФГБНУ «ФНЦ ПМИ» Москва, Россия
sobkin@mail.ru, 5405956@mail.ru

Цели образования выступают важным показателем особенностей социализации подрастающего поколения и находятся в тесной взаимосвязи с представлениями родителей о социальных навыках, личностных качествах, необходимых для дальнейшей самореализации ребенка. При этом особую актуальность приобретают исследования образовательных стратегий родителей, которые они реализуют в процессе обучения ребенка [1–3; 5–15; 19]. В наших предыдущих работах данная проблематика исследовалась с помощью целого ряда

вопросов, которые были методически разработаны и использованы в различных многопозиционных и кросс-культурных исследованиях участников образовательного процесса [4; 16–18].

Данная работа является продолжением цикла исследований проведенных в рамках социокультурного подхода к изучению социализации ребенка на разных возрастных этапах. Исследование проводилось на основе данных, полученных в ходе анонимного анкетного опроса 302 177 родителей учащихся 1–11-х классов общеобразовательных школ из 85 регионов РФ, который был проведен в 2022/23 учебном году. Родители учащихся отвечали на закрытые вопросы анкеты, которые касаются их ценностно-целевых ориентаций в отношении образования своего ребенка: значимость различных личностных образцов выпускника школы; прагматические требования в школьному обучению; социальные навыки, которые должен приобрести ребенок в процессе обучения в школе; участие родителей в образовательном процессе ребенка (помощь в подготовке домашних заданий; занятия в системе дополнительного образования, с репетитором). Полученные данные рассматриваются с учетом традиционных демографических и социально-стратификационных факторов: пол и возраст (класс обучения) ребенка, академическая успешность, образовательный и материальный статус родителей. Специальная линия анализа направлена на изучение взаимосвязи отмеченных показателей с целью выявления особенностей образовательных стратегий родителей по обучению своего ребенка. Для этого первичные данные процентных распределений вариантов ответов в разных подвыборках опрошенных родителей были обработаны с помощью процедуры факторного анализа.

Частотный анализ распределения ответов родителей на вопросы, определяющие своеобразие образовательных целей, показал, что лидирующим требованием к результатам школьного образования являются «прочные знания» и «возможность развития способностей». При этом низкая успеваемость ребенка и средний уровень образования родителей обуславливают значимость требования «хорошей предпрофессиональной подготовки».

Наиболее значимыми личностными характеристиками выпускника школы являются такие образцы как: «культурный, образованный человек», «творческий, квалифицированный специалист», «человек,

добивающийся в жизни своего», «добросовестный, дисциплинированный работник», «критически мыслящий, ответственный человек», «человек, способный обеспечить свое благосостояние». Образовательный статус родителей дифференцирует их относительно образцов: «добросовестный работник – квалифицированный специалист», где первый тип характерен для родителей со средним уровнем образования, а второй – с высшим. Это же различие прослеживается относительно сравнения мнений родителей с учетом школьной академической успеваемости ребенка и материального статуса семьи.

Участие родителей в образовательном процессе дифференцировано в зависимости от возраста ребенка, его академической успеваемости и образовательного статуса семьи. Высокие академическая успеваемость ребенка и образовательный статус родителей являются определяющими и в предоставлении ребенку более широкого спектра образовательных возможностей.

Структурный анализ, направленный на выявление взаимосвязей между ценностно-целевыми образовательными ориентирами и участием родителей в образовательном процессе ребенка, учитывающий возраст ребенка и его академическую успешность, позволил выделить четыре фактора, которые характеризуют содержательное своеобразие образовательных стратегий родителей при обучении своего ребенка: «квалифицированный специалист – добросовестный работник» (F1), «личное участие – привлечение профессионального ресурса» (F2), «материальное благополучие» (F3), «семейные ценности» (F4).

Первую из них реализуют родители учащихся с высокой академической успешностью и высоким образовательным статусом. Она ориентирована на личностное развитие ребенка. Поддерживая своим участием (личной помощью) в образовательном процессе, родители также предоставляют ему возможность реализовать более широкий круг образовательных услуг в системе дополнительного образования, способствуя, тем самым, актуализации у ребенка стремления к достижению высокого уровня самореализации.

Другая стратегия характерна для родителей учащихся с низкой академической успеваемостью ребенка. Они также, как и родители «отличников» ориентированы на личностное развитие ребенка,

участвуя в образовательном процессе (помогают в подготовке домашнего задания), при этом, как правило, они не предоставляют ему возможностей получения дополнительных образовательных услуг, обеспечивая, таким образом фактически, только усвоение учебной программы. При этом они ориентированы на воспитание в ребенке прагматических личностных установок, – следование таким образцам как: дисциплинированный работник и, в то же время, актуализируют у него стремление к материальному благополучию и семейным ценностям (факторы F3 и F4).

В целом несмотря на то, что цели в отношении образования ребенка связаны, в первую очередь, с развитием способностей, школа остается своеобразным механизмом воспроизводства социального неравенства, что отчетливо проявляется в различиях академической успеваемости учащихся.

Литература

1. *Варыгина А.А., Куликова А.В., Михайлова В.В.* Образовательные стратегии семей: почему родители вкладывают деньги в дополнительное образование детей? // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023, № 1 (69). С. 131–137.
2. *Иванова Н.В.* Анализ зарубежного опыта организации взаимодействия образовательного учреждения и родителей младших школьников / Н. В. Иванова, Е. В. Минаева, Н. А. Воробьева // Педагогика и просвещение. 2018, № 4. С. 27–42. DOI 10.7256/2454-0676.2018.4.28007.
3. *Зинатуллина А.М., Ульянина О.А., Любка Е.И.* Современные проблемы воспитания и развития ребенка с позиции родителей [и др.] // Психолого-педагогический поиск. 2021, № 4(60). С. 9–21. DOI 10.37724/RSU.2021.60.4.001.
4. *Лазарев В.С., Писарский П.С., Сельцер Р.М., Собкин В.С.* Российская школа на рубеже 90-х: социологический анализ / Под ред. В.С. Собкина. М.: Центр социологии образования РАО, 1993. 147 с.

5. *Наумова А.А.* Портрет современного репетитора в оценках обучающихся и родителей: региональный анализ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018, № 5 (56). С. 8–12.
6. *Прахов И.А.* Влияние инвестиций в дополнительную подготовку на результаты ЕГЭ / И. А. Прахов // Вопросы образования. 2014, № 3. С. 74–99. DOI 10.17323/1814-9545-2014-3-74-99.
7. *Райхельгауз Л.Б.* Репетиторство как социально-педагогический феномен // Научный журнал «Социально-политические исследования». 2019, №3(4). С. 106–113.
8. *Собкин В.С., Адамчук Д.В.* Учитель о включенности родителей в образовательный процесс // Человек и образование. 2015, №3(44). С. 102–112.
9. *Собкин В.С., Адамчук Д.В., Калашикова Е.А., Лыкова Т.А.* Современное школьное образование: мнение родителей // Материалы VII Международной научной конференции «Социальные и психологические проблемы современной семьи» (8-9 ноября 2016 г.). Владимир: ВлГУ. 2016. С. 327–331.
10. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Динамика мотивационно-целевых трансформаций учебной деятельности у учащихся основной школы // Вопросы психологии. 2015. №3. С. 3–15.
11. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Социология школьной отметки // Педагогика. 2011. №3. С. 8–20.
12. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* К вопросу о репетиторстве: мнение учащихся, учителей и родителей // Педагогика. 2019, № 6. С. 39–56
13. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Отношение к дополнительному образованию учащихся основной и старшей школы: социально-психологические аспекты // Национальный психологический журнал. 2018, №1(29). С. 62–75.
14. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Профессиональные предпочтения учащихся и социокультурные трансформации профессиональных групп // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 3. С. 114-134. DOI:10.17759/sps.2020110308

15. *Собкин В.С., Калашикова Е.А.* Ученик основной школы: отношение к дополнительному образованию // Вопросы психологии. 2013. №4. С. 16–26.
16. *Собкин В.С., Калашикова Е.А., Лыкова Т.А.* Индивидуализация образования: от дополнительного к начальному профессиональному // Материалы XXIII Научно-практической конференции «Практики развития: современный конфликт индивидуального и массового образования» (г. Красноярск, апрель 2016 г.) / отв. за вып. И.А. Дробышев. Красноярск. 2017. С. 78–94.
17. *Собкин В.С., Писарский П.С.* Жизненные ценности и отношение к образованию: кросскультурный анализ Москва – Амстердам. По материалам социологического опроса учителей, учащихся и родителей. М.: Центр социологии образования РАО, 1994. 151 с.
18. *Собкин В.С., Писарский П.С.* Типы региональных образовательных ситуаций в Российской Федерации. Труды по социологии образования. М.: Центр социологии образования РАО. 1998. Т. IV. Вып. V. 96 с.
19. *Шуклина Е.А. Шаброва Н.В.* Образовательная политика в оценках родителей «успешных» и «неуспешных» школьников // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020, № 3. С. 22–43. DOI 10.15593/2224-9354/2020.3.2.

**Феномен групповой мотивации: систематизация данных,
постановка проблемы**

Совмиз З.Р.

*ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия
Zarema83888@yanex.ru*

Относительно новым психологическим феноменом, изучение которого набирает обороты в сфере социальной психологии, является групповая мотивация. Данное направление исследований нацелено на изучение способов активизации поведения для осуществления

личностью эффективной профессиональной деятельности, требующей включения в процесс достижения цели всех участников группы в рамках конкурентной среды, сжатых временных сроков и высокого уровня стресса [9].

В большинстве концепций и теорий мотивации максимально освещается проблема индивидуальной мотивации (в трудах Дж. Аткинсона, Д. МакКлелланда, А. Маслоу, Д. Мак-Грегора, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Ф. Ломова), в то время как изучение групповой мотивации находится на стадии развития и актуализации [4].

Групповая мотивация наделена более сложной структурой по сравнению с личной, в связи чем актуальным становится анализ тех исследований и фактов в области мотивации группы, которые дают развернутые представления о ее ресурсах, механизмах включения членов группы в командные процессы, о смежных процессах, влияющих на успешность командной работы [7; 8].

Анализ и систематизация современных исследований в области групповой мотивации позволили условно разделить существующие данные на четыре большие группы, которые отличаются по представлениям о природе и ресурсах групповой мотивации.

Первый вектор исследований в области групповой мотивации сконцентрирован на том, что индивидуальные и групповые мотивы должны находиться в балансе. О.И. Бледных [1] отмечает, что развитие групповой мотивации возможно за счет ее слияния с индивидуальными мотивами, но никак не подавления, а также благодаря восприятию групповых проблем как личных [9; 12].

Второй вектор исследований направлен на анализ личностных особенностей членов группы, которые могут способствовать развитию групповой мотивации. Формирование и развитие данного феномена возможно в том случае, если члены команды стремятся к сотрудничеству и взаимодействию, проявляют желание общаться и быть частью коллектива, гибко и адаптивно реагируют на конфликты и стремятся приобрести полезные навыки и умения (Н.В. Егорова, Н.Л. Егорова, Б.Г. Ананьев, А.А. Бодалев, А.Н. Леонтьев, Б.К. Пашнев, Е.К. Лашкевич, О.В. Бубновская) [3; 4; 8].

М.А. Соломченко и О.А. Горбачева [10] отмечают, что единство личностных особенностей и качеств членов группы (общность

мнений, ценностей, схожесть во взглядах) способствует росту групповой мотивации, которая детерминирует желание членов группы сохранить равноправное членство.

Третий вектор концентрируется на важности коллективных эмоций, которые облегчают координацию действий в рамках совместных действий и обосновывают причины совместной работы без ее предварительного согласования с участниками группы (А.Ю. Долгов, М.Е.М. Salmela, М. Nagatsu) [2; 13].

Четвертый вектор исследований обращает внимание на роль внешних факторов, обеспечивающих формирование групповой мотивации, в связи с тем, что работа в коллективе предполагает постоянное взаимодействие. К подобным факторам относятся психологический климат, взаимоотношения внутри группы, сплоченность, роль лидера в групповой цели (И.И. Запсаров, Э.Л. Можаяев, О.Я. Зозуля) [5; 6]. Ряд исследователей – J. Vognar, G. Gecz, G. Vincze, A. Szabo – отмечают, что психологический климат является индикатором качественного взаимодействия внутри группы, ее эмоционального настроения, состояния группового сознания, эмоциональной окраски взаимоотношений между членами команды, и, как следствие, индикатором наличия групповой мотивации [11].

Подводя итог, отметим, что групповая мотивация – комплексное образование, от которого зависит эффективность совместной деятельности в малых группах. Данный феномен предопределяется рядом факторов: личностными особенностями членов группы, внешними социально-психологическими параметрами, коллективными эмоциями, гармонией личных мотивов и мотивов группы.

При этом роль личностных особенностей членов групп и коллективных эмоций в осуществлении групповой мотивации менее изучена. Дальнейшая разработка и углубленное изучение данной проблемы позволит обрести более широкий арсенал ресурсов по развитию групповой мотивации, найти рычаги для выведения тех сфер деятельности, где присутствует совместная работа, на новый уровень развития.

Литература

1. *Бледных О.И.* Групповые мотивы, создание эффективной рабочей команды // Проблемы современной науки и образования. 2015. № 1 (31), С. 118-120.
2. *Долгов А.Ю.* Исследование коллективных эмоций в социальных науках (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология: Реферативный журнал. 2018. № 2. С.117-155.
3. *Егорова Н.В., Егорова Н.Л.* Особенности толерантности у студенток КГУ занимающихся и не занимающихся спортом // Материалы III Всероссийской научно-методической конференции с международным участием «Физическое воспитание и студенческий спорт глазами студентов». 2017. С. 487-489.
4. *Ефимова Н.С., Литвинова А.В.* Социальная психология: учебник для вузов. М., 2023.
5. *Запгаров И.И., Можяев Э.Л.* Формирование благоприятного социально-психологического климата в спортивной команде // Современные проблемы физической культуры, спорта и молодежи: материалы III Региональной науч. конф. молодых ученых. 2017. С. 122-123.
6. *Зозуля О.Я.* Групповая мотивация как основа эффективности совместной деятельности в экстремальных условиях // Материалы VIII Всероссийской конференции с международным участием «Психология здоровья и болезни: клиничко-психологический подход». Курск. 2018. С. 497-502.
7. *Капранова М.В., Буцацкая М.В.* Организационная культура как фактор групповой мотивации трудовой деятельности // Социально-гуманитарные технологии. 2021. № 1 (17). С. 66-73.
8. *Лашкевич Е.К., Бубновская О.В.* Выявление уровня групповой мотивации и ее взаимосвязь с особенностями мотивационной сферы студентов–психологов // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5-2. С. 225-228.

9. Николаев А.Ю., Гужина Г.Н. Групповая динамика и мотивация в современных организациях // Студенческая наука Подмосквью: материалы Международной научной конференции молодых ученых, Орехово-Зуево, 2017. С. 471-474.
10. Соломченко М.А., Горбачева О.А. Исследование моделей групповой сплоченности в спортивной деятельности // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2016. № 2 (71). С. 288-292.
11. Bognar J., Geczi G., Vincze G., Szabo A. Coping skills, Motivational profiles and perceived Motivational climate in young elite Ice Hockey and Soccer Players. *Int Quart Sports Sci.* 2009. V. 1, P. 1-11.
12. Brown J. Group motivation // *Noûs.* 2021. P. 1-17.
13. Salmela M.E.M., Nagatsu M. Collective emotions and joint action: beyond received and minimalist approaches // *Journal of Social Ontology.* 2016. V. 2 (1), P. 33-57.

Этническая идентичность в детерминации прощения в межэтническом взаимодействии

Суднищикова А.В.

*ФГБОУ ВО ГИПУ имени В.Г. Короленко,
Глазов, Удмуртская Республика, Россия
sudnishikova.alena@yandex.ru*

Значение прощения в жизни человека трудно переоценить: в межличностном и межгрупповом взаимодействии прощение способствует повышению чувства субъективного благополучия, снижению межгруппового напряжения, примирению [3; 10].

Прощение – сложный диалектический процесс сопоставления индивидом своих предыдущих ожиданий относительно какой-либо ситуации и реально происходящих событий с дальнейшим переосмыслением своего отношения к ним [10]. Согласно концепции Л.Томпсон, по мере того, как прощающий переосмысливает

проступок, меняется и его реакция, а именно меняется валентность (направленность чувств, мыслей или поведения) и сила реакции (интенсивность негативных назойливых переживаний). Автором был разработан опросник «Шкала прощения Хартланд» (HFS), цель которого – диагностика диспозиционного прощения, т.е. предрасположенности прощать). «HFS» является одним из самых популярных опросников и адаптирован для разных выборок (итальянской, польской, китайской и т.д.). В России опросник был адаптирован в 2020 году [3]. Адаптация опросника не позволила сохранить изначальную структуру (факторы самопрощения, прощения других и прощения ситуации). В результате были выявлены два фактора: готовность прощать и отсутствие руминаций на тему обиды. Готовность прощать (готовность изменить свои чувства и поведение по отношению к обиде или несправедливости) отражает аффективно-поведенческий компонент, а отсутствие руминаций (перестройка когнитивных схем и исчезновение бесплодных навязчивых рассуждений) – когнитивный компонент прощения [3]. Именно отсутствие руминаций на тему обиды в межэтническом взаимодействии является объектом нашего исследования.

На сегодняшний день существует лишь небольшое количество исследований прощения в межэтническом взаимодействии, однако ни одно из них не изучает роль этнической идентичности как детерминанты прощения. Этническая идентичность – осознание своей принадлежности к этнической группе. Позитивная этническая идентичность является значимым фактором, определяющим успешность в межэтническом взаимодействии [5; 8].

Цель исследования – выявление кросс-культурных особенностей эффекта этнической идентичности на когнитивный компонент прощения в межэтническом взаимодействии.

Методы и организация исследования

В исследовании приняли участие 249 человек в возрасте от 17 до 35 лет (средний возраст – 20,3), среди них 35,3% мужчин и 64,7% женщин. Участники исследования были разделены на три группы в соответствии с этноязыковым статусом (далее – ЭГ): славянская (причисляют себя к русским, 105 человек), финно-угорская (причисляют себя к удмуртам, 71 человек), тюркская (причисляют себя к татарам, казахам, узбекам, туркменам, 73 человека).

Для выявления уровня становления этнического самосознания использовалась методики диагностики выраженности этничности В.Ю. Хотинец [9].

Русскоязычная версия методики «Шкала прощения Хартланд» (адаптация С.К. Нартова-Бочавер, А.А. Адамян) использовалась для диагностики показателя «отсутствие руминаций в межэтническом взаимодействии» [3].

Для исследования типа этнической идентичности использовалась «Методика диагностики этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) [6].

Результаты:

Нами был проведен множественный регрессионный анализ для каждой ЭГ, где зависимой переменной выступал показатель «отсутствие руминаций в межэтническом взаимодействии», а независимыми переменными – типы этнической идентичности.

В славянской ЭГ тип этнической идентичности объясняет 10% дисперсии переменной «отсутствие руминаций в межэтническом взаимодействии». Значимый эффект на зависимую переменную оказывают этнофанатизм ($\beta = 0,608, p = 0,006$) и позитивная этническая идентификация ($\beta = 0,766, p = 0,006$).

В финно-угорской ЭГ тип этнической идентичности также объясняет 10% дисперсии зависимой переменной, значимый эффект оказывают этноизоляция ($\beta = 0,882, p = 0,015$) и этнофанатизм ($\beta = -1,096, p = 0,001$).

В тюркской ЭГ тип этнической идентичности объясняет 13,8% дисперсии зависимой переменной. Значимый эффект оказывают позитивная этническая идентичность ($\beta = -0,352, p = 0,097$), этнофанатизм ($\beta = 0,418, p = 0,015$).

Выводы

Значимый эффект на когнитивный компонент прощения в межэтническом взаимодействии оказывает нормальный тип этноидентичности и гиперидентичность (этнофанатизм и этноизоляция). Однако данный эффект в разных этноязыковых группах имеет разную направленность:

- в славянской этноязыковой группе позитивная этноидентичность положительно влияет на показатель «отсутствие руминаций», а в тюркской – отрицательно. Это связано с особенностями

национального характера. Для молодых представителей тюркской этноязыковой группы характерна чувствительность к замечаниям, ранимость, обидчивость [2].

- этнофанатизм в славянской и тюркской группах оказывает прямой эффект на когнитивный компонент прощения в межэтническом взаимодействии, а в финно-угорской группе – обратный. В случае с финно-угорской выборкой обратный эффект этнофанатизма на показатель «отсутствие руминаций» логичен: чем больше человек придерживается идей исключительности своего этноса, тем больше ему свойственно заикливаться на переживании обиды, нанесенной представителями аутгрупп. В славянской этноязыковой группе парадоксальный эффект этнофанатизма на показатель «отсутствие руминаций» связан с работой автостереотипов («Настоящие русские – не злопамятные») [1]. В тюркской группе такие показатели могут быть связаны с особенностями адаптации к новой культуре (все респонденты тюркской группы – академические мигранты из стран Центральной и Средней Азии). Оказавшись в незнакомой для себя среде, мигрант вынужден осваивать новые для себя правила и нормы, регулирующие поведение в обществе, и демонстрировать лучшие качества своей этноязыковой группы (в т.ч. отсутствие руминаций) [4].

- этноизоляция оказывает эффект на когнитивный компонент прощения в межэтническом взаимодействии в финно-угорской группе. Безопасность нации и умение прощать – важнейшие ценностей удмуртов [7].

Таким образом, тип этнической идентичности оказывает значимый эффект на когнитивный компонент прощения. Понимание выявленных закономерностей может помочь в процессе разработки программ профилактики и разрешения межэтнических конфликтов.

Литература

1. *Григорьев Д.С.* Модель содержания стереотипов и этнические стереотипы в России. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Том 23. №2. С. 215-244. <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.9>

2. *Иванова С.П.* Современный взгляд на особенности этнической идентичности на примере тюркской этнической общности / С.П. Иванова, Н.В. Басалаев // От истоков к современности : 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции в 5 томах, Москва, 29 сентября – 01 2015 года / Ответственный редактор: Богоявленская Д.Б.. Том 2. Москва: Издательство Когито-Центр, 2015. С. 405-407. – EDN UXXTXV.
3. *Нартова-Бочавер С.К.* Способность прощать и домашняя среда как аспекты межличностного взаимодействия / С.К. Нартова-Бочавер, А.А. Адамян // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11. № 1. С. 193-210. DOI 10.17759/sps.2020110112. – EDN NKWCZO.
4. *Пахомова Я.Н.* Исследование культурных ценностей и выученной беспомощности студентов-мигрантов из Центральной Азии / Я.Н. Пахомова, И.В. Пономарева // Человеческий капитал. 2020. № 12(144). С. 99-107. DOI 10.25629/HC.2020.12.10. – EDN NRXTWI.
5. *Солдатова Г.У.* Позитивная этническая идентичность как фактор успешности межкультурного взаимодействия / Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова // Россия в мировом сообществе: смысловое пространство диалога культур : Материалы Международного форума «Восточный вектор миграционных процессов: диалог с русской культурой», Хабаровск, 16–17 ноября 2016 года / ответственный редактор Е. В. Кулеш. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет. 2016. С. 487-490. – EDN YLAQCV.
6. *Ткач Н.М.* Этнопсихология и психология межкультурной коммуникации: практическое руководство / Н.М. Ткач; М-во образования Республики Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины. 2016.
7. *Хотинец В.Ю.* Удмуртская ментальность и культурные ценности / В.Ю. Хотинец // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2009. № 2. С. 3-13. EDN KVUEBN.

8. *Хотинец В.Ю.* Этническая идентичность и толерантность: Учебное пособие для вузов по гуманитарным направлениям / В.Ю. Хотинец. – 2-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Юрайт. 2021. ISBN 978-5-534-13109-3. – EDN RBCXPO.
9. *Хотинец В.Ю., Плетников А.И.* Согласованность индивидуальных и культурных ценностей как фактор защищенности подростков от буллинга в школьной среде. // Психологический журнал. 2018. Том 39. № 4. С. 72-85. DOI: 10.31857/S020595920000072-5
10. *Thompson L. Y., Snyder C. R.* Measuring Forgiveness. // Positive Psychological Assessment: A Handbook of Models and Measures. Washington DC: American Psychological Association. 2003. <http://dx.doi.org/10.1037/10612-019>

**Суверенность психологического пространства личности как
показатель соотношения индивидуального и группового**

Тарасов С.В.

*Институт психологии РАН, Москва, Россия
tarasovsemv@ipran.ru*

*Исследование выполнено в рамках Госзадания № 0138-2024-0018
«Индивидуальные и групповые психологические механизмы
консолидации российского общества в условиях геополитического
кризиса»*

Основная проблема в изучение группы – соотношение личности и группы. Важность состоит в том, что эта синергия позволяет группе достигать качественно нового уровня своего развития [2; 4]. Однако в эмпирических исследованиях оценка этого процесса часто носит ретроспективный характер – по результатам совместной деятельности [2]. Поэтому в рамках подхода к изучению полузакрытой учебной группы [5] предложено в качестве показателя рассматривать суверенность психологического пространства личности (СППЛ). Как отмечает С.К. Нартова-Бочавер, СППЛ – это не только способность

контролировать свое психологическое пространство, но и баланс между потребностями «Я» и «Мы» [3]. Таким образом разное переживание членами группы безопасности своего СППЛ служит отражением соотношения индивидуального и группового.

Проведенные, с данной позиции, исследования позволили выделить специфику группы в условиях организационно-образовательной среды (ООС) военизированного учреждения [1]. Кадеты и курсанты переживают депривацию СППЛ, т.е. под давлением ООС учреждения, где целью является развитие сплоченного коллектива, происходит размытие границ пространства личности. Однако кадеты – лишь один из видов полузакрытых учебных групп. Необходимым является проверка этих результатов на других группах этого типа и сопоставление с группами открытого типа.

Данные проблемные поля и определили *цель настоящего исследования* – сравнить выраженность СППЛ и вариативность системы социально-психологических факторов, ее обуславливающих, в группах полузакрытого и открытого типа.

Гипотезой является предположение: выраженность СППЛ учащихся полузакрытой группы находится на уровне депривированности, что обусловлено ООС учреждения. В то время как члены открытой группы будут иметь выраженность нормальной или сверхсуверенности.

Выборка представлена 6 реальными группами учащихся колледжа и 6 реальными группами учащихся религиозной школы.

В работе применяли методику «Суверенность психологического пространства 2010» С.К. Нартовой-Бочавер, методику оценки ценностей Е.Б. Фанталовой, методику оценки психологической атмосферы в группе (по А.Ф. Фидлеру), опросник групповой идентичности (А.В. Сидоренков и др.), методику «Групповая рефлексивность» (С.В. Тарасов).

Методы статистики: частотный анализ, корреляционный анализ (коэффициент Спирмена), сравнительный анализ (критерий для двух несвязанных выборок U Манна-Уитни), множественный регрессионный анализ.

Анализ различий показал, что между группами одного типа нет значимых различий по уровню выраженности СППЛ. Поэтому в

дальнейшем они будут рассматриваться обобщенно как полузакрытая (религиозная школа) и открытая (колледж) группа.

Анализ различий по уровню выраженности СППЛ между обобщенными группами показал (при $p \leq 0,01$), что учащиеся полузакрытой группы переживают депривацию СППЛ, в то время как члены открытой демонстрируют нормальный уровень выраженности ($U = 29810,0$), в частности, суверенности физического тела ($U = 29703,0$), суверенности территории ($U = 29704,0$) и суверенности вещей ($U = 29702,0$). При дальнейшем анализе остановимся на данных четырех аспектах суверенности.

Корреляционный анализ показал (при $p \leq 0,05$), что в учебной группе открытого типа СППЛ положительно связана со всеми ценностями (от 0,28 до 0,465), психологической атмосферой (от 0,224 до 0,318) и групповой рефлексивностью (от 0,306 до 0,439). В группе полузакрытого типа СППЛ взаимосвязана отрицательно с ценностями «Уверенность в себе» (-0,128) и «Познание» (-0,151), и положительно с групповой рефлексивностью (от 0,137 до 0,18).

Регрессионный анализ позволил выделить систему факторов СППЛ для группы открытого типа (R^2 от 0,438 до 0,604): групповая рефлексивность, психологическая атмосфера группы, ценностные ориентации. В группах полузакрытого типа анализ показал низкий процент объясненной дисперсии (R^2 от 0,017 до 0,038) отдельными характеристиками: групповой идентичностью, групповой рефлексивностью, ориентацией на ценность познания.

Проведенное исследование суверенности психологического пространства личности позволило дополнить ранее полученные результаты [1]. Личность в условиях ООС полузакрытой группы переживает депривацию своей суверенности, что обусловлено спецификой самой организационно-образовательной среды учреждения. Связи с социально-психологическими характеристиками показали, что личность в данных условиях среды должна быть готова скрывать свое «Я» ради «Мы». Вероятно, это связано с конфликтогенностью данных групп.

В развитии исследования планируется расширить перечень социально-психологических характеристик, которые могут обуславливать поддержание баланса индивидуального и группового. Также необходимо проанализировать выявленные закономерности на

других видах полузакрытых учебных групп (спортивные, политические, асоциальные и др.).

Литература

1. *Дробышева Т.В., Тарасов С.В., Войтенко М.Ю.* Факторы суверенности психологического пространства личности в учебных группах полузакрытого типа (на примере учащихся военного вуза) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 307-317.
2. *Журавлев А.Л.* Психология совместной деятельности. Москва: Институт психологии РАН, 2005. 640 с.
3. *Нартова-Бочавер С.К.* Психология суверенности: десять лет спустя. Москва: Смысл, 2017. 200 с.
4. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. Москва: Издательство политической литературы, 1982. 256 с.
5. *Тарасов С.В., Дробышева Т.В.* Интегративный подход в исследовании полузакрытых учебных групп: обоснование и концептуальные представления // Сборник материалов международной юбилейной конференции «Проблемы социальной и экономической психологии: итоги и перспективы исследований», посвященной 50-летию лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН и 75-летию академика РАН А.Л. Журавлева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023. С 113-120.

Профессиональная временная перспектива и психологическое благополучие людей среднего и старшего возраста

Терехова Е.А., Безменова И.К.

РАНХиГС, Москва, Россия

elenaterekhova@rambler.ru, irina.bezmenova@gmail.com

Современный рынок труда сложен и требователен к специалисту. Исследователями отмечаются технологические изменения, необходимость постоянного освоения новых навыков, знаний,

снижение спроса на одни профессии с одновременным повышением значимости других [9; 11]. В связи с чем очень важно понимать, какое представление у людей о своем профессиональном будущем, в особенности о его временной перспективе.

Существуют исследования на респондентах молодежного возраста (от 18 до 35 лет) о том, как они планируют свой карьерный путь и представляют будущую профессиональную деятельность [3; 9]. Однако рынок предъявляет высокие требования ко всем специалистам, не только молодым. Распространение новых технологий, в том числе искусственного интеллекта, ставит под угрозу рабочие места и для тех, кто уже выстроил карьеру в своей профессии [10]. А увеличение продолжительности жизни стимулирует повышение официального пенсионного возраста и стремление людей дольше оставаться занятым профессионально. По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации от 30.06.2023 года, ожидаемая продолжительность жизни россиян растет с каждым годом и в настоящее время составляет 72,73 г. А закон о пенсионной реформе, принятый в России в 2018 году, предполагает постепенное повышение пенсионного возраста на пять лет, до шестидесяти лет у женщин и шестидесяти пяти у мужчин.

Получается, что продолжительность жизни и профессиональной занятости увеличиваются, а вместе с тем требования к специалистам усложняются. В таких условиях человек среднего и старшего возраста, даже если он уже достиг успехов в карьере и состоялся как профессионал, не может чувствовать свое рабочее место в безопасности. Одновременно с этим отсутствуют исследования людей старше молодежного возраста, которые бы показывали, какую временную перспективу они сами видят перед собой. Таким образом, крайне актуальным является исследование того, как люди среднего и старшего возраста представляют временную перспективу своего профессионального будущего в сложных условиях современного рынка труда.

Кроме того, в исследованиях жизненного и профессионального планирования отмечается связь этих вопросов с психологическим благополучием, в том числе и в части временной перспективы [2; 5]. И в тоже время набирают все большую популярность программы по повышению благополучия сотрудников, одной из важнейших

составляющих которых является психологическое благополучие [4; 8]. При этом мнение сотрудников о том, в каких направлениях больше всего нужна поддержка, часто ошибочно не учитывается, поэтому не вполне понятно, как сами сотрудники смотрят на свое благополучие и профессиональные перспективы [13]. Авторами планируется выявить связь между психологическим благополучием и представлением о протяженности профессиональной временной перспективы у людей среднего и старшего возраста. Это поможет более эффективно использовать средства на разработку и внедрение программ повышения благополучия сотрудников.

Исследователи отмечают наличие связи между жизненными целями, образом будущего и психологическим благополучием. В частности, «жизненные цели и образ будущего рассматриваются как источники смыслообразования и психологического благополучия» [5, с. 11]. Профессиональная сфера является одной из жизненных сфер, в которой люди ставят цели и в которой находят их мотивы действия [6]. Наличие профессиональных и личных целей позволяет людям лучше справляться со стрессом, а также вносит положительный вклад в достижение жизненного благополучия вообще и карьерных успехов в частности [12]. При этом респонденты с более высоким психологическим благополучием планируют более долгосрочные цели и в целом более позитивно настроены в отношении будущего [7].

Из вышесказанного можно предположить, что люди с более высоким психологическим благополучием склонны ставить более долгосрочные профессиональные цели и иметь более протяженную профессиональную временную перспективу. Одновременно с этим важно отметить, что данная связь предполагается в основном исходя из теоретических положений. Исследования на респондентах среднего и старшего возраста либо отсутствуют, либо рассматриваются только в совокупности с респондентами молодежного возраста. Поэтому авторам настоящей работы представляется крайне важным провести исследования на респондентах среднего и старшего возраста и проверить указанную связь для данных возрастных категорий.

Планируемое исследование будет проведено на работающих людях среднего и старшего возраста. Согласно Федеральному закону от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», молодежью в России считаются люди до 35 лет включительно. Поэтому в настоящем исследовании под людьми

среднего и старшего возраста будут иметься в виду люди от 36 лет. Граница наибольшего возраста респондентов – 60 лет – определена исходя из предельного пенсионного возраста в Российской Федерации.

В ходе исследования будут оценены такие психологические явления, как протяженность профессиональной временной перспективы и психологическое благополучие, при помощи авторской анкеты, опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф [3] и опросника «Профессиональная временная перспектива будущего» Х. Цахера и М. Фрезе [1]. Для проверки связей между психологическим благополучием и протяженностью профессиональной временной перспективы будет проведен корреляционный анализ.

Планируется, что будет выявлена значимая прямая взаимосвязь между психологическим благополучием и протяженностью профессиональной временной перспективы. Неподтверждение данной взаимосвязи может объясняться возрастным фактором и являться основанием для проведения дополнительных исследований с его учетом.

Полученные в будущем результаты помогут лучше понимать конкретные взаимосвязи между психологическим благополучием и представлением человека среднего и старшего возраста о временной перспективе своего профессионального будущего. С практической точки зрения это даст возможность составлять и внедрять более эффективные программы повышения психологического благополучия сотрудников на организационном или отраслевом уровнях.

Литература

1. *Базаров Т.Ю., Парамузов А.В.* Психометрический анализ русскоязычного опросника Х. Цахера и М. Фрезе «Профессиональная временная перспектива будущего» // *Организационная психология.* 2019. Том 9. № 1.
2. *Конюхова Т.В., Конюхова Е.Т., Гончаренко М.В.* Формирование компетенции планирования карьеры в контексте репрезентации образа будущего // *Векторы благополучия: экономика и социум.* 2019. №2 (33).

3. *Лепешинский Н.Н.* Адаптация опросника «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал. 2007. №3.
4. *Лисовская А.Ю., Кошелева С.В., Соколов Д.Н., Денисов А.Ф.* Основные подходы к пониманию благополучия сотрудника: от теории к практике // Организационная психология. 2021. Т. 11, № 1.
5. *Манукян В.Р.* Опыт исследования индивидуально-психологических особенностей целеполагания и жизненного планирования // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 57.
6. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М., 2004.
7. *Ральникова И.А.* Психологическое здоровье и жизненные перспективы личности / // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019. № 4 (15).
8. *Семина А.П.* Исследование влияния концепции wellbeing на эффективность удаленной команды // Московский экономический журнал. 2022. №2.
9. *Серякова С.Б., Звонова Е.В., Антонова У.А.* Образ будущего в планировании карьеры молодыми сотрудниками // Человеческий капитал. 2020. №8 (140).
10. *Скотт Э., Грамтон Л.* Новое долголетие: На чем будет строиться благополучие людей в меняющемся мире. Москва, 2021.
11. *Снегова Е.В.* Проблема профессиональной карьеры в контексте практики психологического консультирования // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2019. Том 30. № 2.
12. *Brink K.E.* The Variable Effects of Goal-Performance Discrepancies on Future Goal Setting: A Test of Four Moderators // Business Education Innovation Journal. 2021. Vol. 13 – No.2.
13. Well-being в компании – временный тренд или инструмент, который ждали? // HeadHunter. URL.: <https://hh.ru/article/28679> (дата обращения: 20.07.2023).

Ролевые ожидания учителей и родителей как фактор адаптации первоклассников к школе

Терехова Е.С., Орлов В.А.

ФГОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

esterekhova@ya.ru, vladimirorlov@bk.ru

Проблема готовности к школе и социально-психологической адаптации младших школьников продолжает оставаться одним из наиболее активно развивающихся направлений теоретических и прикладных исследований в психологии образования.

Под социально-психологической адаптацией младших школьников понимается процесс их вхождения в новый статус, учебную группу, в новую для них социальную среду [1; 3]. Результатом этого процесса является установление оптимального соотношения проявлений личности ученика и ее социального окружения, т.е. состояние адаптированности.

Младший школьный возраст характеризуется формированием у учащихся социального «Я», то есть осознанием себя и своего места среди других людей. Чтобы идентифицироваться с новой ролью, начинающим школьникам необходимо почувствовать себя частью новой социальной группы, получить признание своей деятельности со стороны группы, найти в ней достойное место. Эффективность процесса адаптации детей к начальному обучению зависит как от уровня школьной готовности самих детей, так и от готовности учителей и родителей начинающих школьников, эффективности их взаимодействия, а также способности выстраивать партнерские отношения [6; 10].

Немаловажную роль в процессе налаживания сотрудничества играют взаимные ожидания всех участников образовательного процесса [5]. Под ожиданиями принято понимать систему ожиданий, требований и санкций относительно исполнения индивидом социальной роли, специфические социальные ожидания, обращенные к индивиду, занимающему определенную позицию в системе взаимодействия [5; 12].

Многие исследования подтверждают наличие связи между успешностью прохождения школьниками процесса социально-

психологической адаптации (их успеваемостью, самооценкой, самомотивацией) и ожиданиями учителя [9; 10; 11; 12]. Так, если учителя ожидают от ученика отличных знаний, скорее всего, он их продемонстрирует [4; 8; 9].

Также значительная часть исследований подтверждает наличие взаимосвязи между родительскими стилями воспитания, ожиданиями от ребенка и его успешностью, уверенностью в себе, способностью выстраивать гармоничные отношения с окружающими [5; 10; 11]. При этом более сильная связь существует между когнитивно-поддерживающим поведением родителей и адаптацией детей младшего возраста по сравнению с детьми старшего возраста. Так, благоприятные суждения значимых взрослых (как родителей, так и учителей) связаны с когнитивными компетенциями детей, т.е. любой ученик может показать высокие результаты только в том случае, если его учителя и родители считают, что они обладают высокими академическими способностями [11]. Таким образом, доказано, что социальные факторы, такие, как взаимодействие между родителями, учителями и детьми, ожидания учителей и родителей от детей, играют значимую роль в социально-психологической адаптации младших школьников [10; 11].

Однако недостаточно освещенными остаются вопросы ожиданий родителей от учителей как новых «значимых взрослых» в жизни младших школьников, а также системы школьного образования в целом. Для достижения академических успехов и социально-психологической адаптации учащимся необходима поддержка как учителей, так и родителей, необходимо укреплять успешные партнерские отношения между родителями и учителями, сотрудничество между ними [2; 7].

Следовательно, было бы важно рассмотреть взаимосвязь конкретных ожиданий родителей младших школьников от школьного учителя и особенности прохождения ими социально-психологической адаптации при вхождении в школьную среду и другие социальные общности.

Полученные результаты позволят расширить теоретические знания об особенностях взаимодействия субъектов школьного образовательного процесса и влиянии детско-родительских взаимоотношений на характер социально-психологической адаптации

детей к условиям школьного образовательного процесса. Также они могут быть использованы в работе школьных психологов и педагогов с целью оптимизации процесса социально-психологической адаптации детей к обучению в школе и построения конструктивного взаимодействия с родителями учащихся.

Литература

1. *Бельшиева А.Н., Смирнова Ю.Н.* Особенности адаптации современных первоклассников к обучению в школе // Нижегородский психологический альманах. – 2021. – № 1; URL: psykaf417.esrae.ru/26-323 (дата обращения: 10.05.2024).
2. *Клячко Т.Л., Семионова Е.А., Токарева Г.С.* Успешность и неуспешность школьников: ожидания родителей, оценка учителей // Вопросы образования, 2019, с. 71-92.
3. *Ковригина И.С.* Социально-психологическая адаптация: сущность, виды и стадии формирования // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, 2009. С. 201-207.
4. *Никитин С.В.* Социально-педагогическая адаптация как проблема психолого-педагогической науки // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2022. 27(3). С. 646-654.
5. *Орлов В.А.* Экспектации субъектов образовательного процесса относительно роли школьного психолога как фактор эффективности их взаимодействия: дис. ...канд. психол. н. МГППУ. М., 2006.
6. *Терехова Е.С., Орлов В.А.* Детско-родительские отношения как фактор адаптации первоклассников к школе // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (11–12 мая 2023 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 811-814.
7. *Aouad J.A.* Complexity Perspective on Parent-Teacher Collaboration in Special Education: Narratives from the Field in

- Lebanon. Journal of Open Innovation: Technology, Market and Complexity. 2020 / Vol. 6. 4. P. 1-18.
8. *Gershenson S.* Who believes in me? The effect of student–teacher demographic match on teacher expectations. *Economics of Education Review.* 2016. Vol.52. P.209-2240 DOI:10.1016/j.econedurev.2016.03.002
 9. *Geven S.* How teachers form educational expectations for students: A comparative factorial survey experiment in three institutional contexts//*Social Science Research.* 2021. Vol. 100. Art. 102599. P. 1–20. DOI:10.1016/j.ssresearch.2021.102599
 10. *Koşkulu-Sancar S.* Examining the role of parents and teachers in executive function development in early and middle childhood: A systematic review // *Developmental Review.* 2023. Vol. 67. Art. 101063. P. 1–40. DOI:10.1016/j.cedpsych.2023.101063
 11. *Novita S.* Parent and teacher judgments about children’s mathematics and reading competencies in primary school: Do parent judgments associate with children’s educational outcomes? // *Learning and Individual Differences.* 2023. Vol. 105. Art. 102302. P. 1–12. DOI:10.1016/j.lindif.2023.102302
 12. *Siems-Muntoni F.* Teacher expectation ИФfects on the development of elementary school students’ mathematics-related competence beliefs and intrinsic task values // *Contemporary Educational Psychology.* 2024. Vol. 76. Art. 102255. P. 1–11. DOI:10.1016/j.cedpsych.2023.102255

Экономические аттитюды и отчуждение сотрудников организации

Терещенко А.А., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
a.tereschenko98@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

Отчуждение в работах К. Маркса представляет собой процесс, в котором трудящиеся лишаются контроля над своим трудом и продукцией в результате капиталистических отношений производства. Это приводит к потере чувства удовлетворения от труда и аalienации

от процесса труда и продукции, становясь источником эксплуатации и разобщения в обществе [4].

Экономические аттитюды – это набор установок, предпочтений, верований и взглядов людей на экономические вопросы и явления. Они отражают отношение индивидов к экономическим аспектам жизни, таким, как потребление, инвестирование, роль государства в экономике, социальное обеспечение и другие аспекты экономической деятельности [2]. Экономические аттитюды могут формироваться под влиянием различных факторов, включая социокультурные условия, образование, политические предпочтения, опыт и личные ценности [3].

Экономические аттитюды связаны с понятием «отчуждение» через влияние экономических условий на чувство удовлетворения, самооценку и социальное взаимодействие индивидов. Например, если человек испытывает неудовлетворение от своей экономической ситуации или работы, это может вызвать чувство отчуждения от своего труда и общества в целом. Экономические неравенства, эксплуатация и неблагоприятные условия труда также могут способствовать ощущению разобщения и аalienации. Таким образом, экономические аттитюды могут влиять на чувство принадлежности, самооценку и социальную интеграцию, что является ключевыми аспектами понятия «отчуждение» [3].

На основании этого мы решили рассмотреть трудовую деятельность как одну из ведущих деятельностей человека и проверить наше предположение о том, что существует связь между экономическими аттитюдами и отчуждением от работы и общества у сотрудников организаций ($N = 154$).

Для этого нами было проведено эмпирическое исследование с использованием теста отчуждения С. Мадди (шкалы «отчуждение от работы» и «отчуждение от общества») и шкального многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических аттитюдов О.С. Дейнека, Е.В. Забелиной.

Анализируя полученные данные, мы обнаружили, что у сотрудников организаций «отчуждение от общества» взаимосвязано с фактором «финансовое благополучие» ($r = -0,254$; $p \leq 0,01$), иными словами, чем ниже уровень финансового благополучия, тем выше уровень отчуждения от общества, и наоборот. Вероятно, это связано с

тем, что люди с низким уровнем финансового благополучия чаще сталкиваются с экономическими трудностями, такими, как недостаток средств для покрытия базовых потребностей, оплаты счетов и обеспечения семьи. Предполагаем, что сравнение своего благополучия с уровнем благополучия окружающих способствует этому чувству, особенно в обществах, где финансовый успех высоко ценится и бедность стигматизируется. Низкий доход также может препятствовать доступу к важным ресурсам, таким как образование, медицинское обслуживание и культурные мероприятия. Это создает дополнительные барьеры и усиливает чувство отчуждения, так как люди могут чувствовать себя исключенными из определенных сфер жизни и общественной активности.

Также обнаружена взаимосвязь отчуждения от общества и экономического сознания ($r = 0,208$; $p \leq 0,01$). Возможно, люди с более высоким уровнем экономического сознания чувствуют себя менее отчужденными от общества. Люди с более высоким уровнем экономического сознания могут быть более критичными к социальным и экономическим структурам общества. Они могут чаще замечать социальные неравенства, экономические несправедливости и лучше понимать сложные экономические и социальные взаимосвязи, включая причины и последствия социальных проблем. Их критическое отношение может развить ощущение отчуждения от общества, особенно если они видят недостаточное внимание к решению социальных проблем или соблюдению социальной справедливости. Люди с более высоким уровнем экономического сознания могут чувствовать себя отчужденными от общества из-за своих мнений и взглядов на экономические и социальные вопросы, которые могут отличаться от мнения большинства. Это может привести к ощущению изоляции или непонимания и, следовательно, к ощущению отчуждения от общества.

Обнаружена взаимосвязь отчуждения от работы с экономическим сознанием ($r = 0,271$; $p \leq 0,01$). Вероятно, люди с более высоким уровнем экономического сознания чувствуют себя менее отчужденными от своей работы. Сотрудники с высоким экономическим сознанием лучше понимают значимость своей работы и перспективы роста. Однако, если их ожидания не сбываются, это может привести к разочарованию и отчуждению от работы. Также

предполагаем, что сотрудники с более высоким уровнем экономического сознания могут иметь более высокие ожидания от своей работы и окружающей среды. Если эти ожидания не удовлетворяются, они могут чувствовать себя отчужденными от своей работы. В некоторых случаях социальные отношения на работе могут оказывать влияние на чувство принадлежности и удовлетворенности. Сотрудники с высоким уровнем экономического сознания могут чувствовать себя более связанными с коллегами, которые разделяют их уровень понимания экономических вопросов.

Литература

1. Горбачева Е.И., Купрейченко А.Б. Отношение личности к деньгам: нравственные противоречия в оценках и ассоциациях // Психологический журнал. 2006, № 4. С. 26–37.
2. Дейнека О.С. Динамика макроэкономических компонентов образа денег в обыденном сознании // Психологический журнал. 2002, Т. 23. №2. С. 6–46.
3. Дейнека О.С. Экономическая психология: социально-психологические проблемы. СПб., 1999.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1955.
5. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007, Том 3. № 4. С. 68–77.

Личностные предикторы отношения к социальному взаимодействию с учетом гендерного типа

Тимова О.И.

*ФГКОУ ВО СибЮИ МВД России,
ФГБОУ ВО КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
944058@mail.ru*

В современном обществе гендерные отношения претерпевают существенные изменения [1; 2 и др.], но при этом взаимодействие с учетом гендерного фактора изучено в малой степени, что затрудняет

психологическое сопровождение взаимодействия людей в разных сферах их жизни – работа, семья, друзья и др.

Гендерный тип личности обуславливает различия между группами людей по сочетанию психологических отношений, специфическими социальными объектами которых выступают мужчины и женщины. Гендерный тип личности проявляется в субъективных оценках иерархичности во взаимодействии мужчин и женщин в сфере политики, в семье, в профессиональной деятельности, в интимно-личностных отношениях, а также – в субъективных оценках сходства или различий между мужчинами и женщинами по их психологическим свойствам, эмоциональным состояниям и поведенческим паттернам [3; 4]. Ранее нами теоретически обоснованы [4] и эмпирически верифицированы ($N = 456$ чел.) 4 гендерных типа личности: патриархально-маскулинный, патриархально-эгалитарный, матриархально-маскулинный, матриархально-эгалитарный [3].

Гипотеза: качества жизнестойкости, толерантности к неопределенности и альтруизма выступают предикторами отношения личности к социальному взаимодействию, влияя на его формирование дифференцированно в зависимости от гендерного типа. Для анализа совместного влияния изучаемых личностных качеств (жизнестойкости, толерантности к неопределенности и альтруизма) и гендерного типа личности на отношение к социальному взаимодействию проведен пошаговый регрессионный анализ по группам респондентов с разным гендерным типом ($N = 318$ человек). Ставилась задача установить, по каким личностным качествам респондентов с разным гендерным типом можно прогнозировать содержание их отношения к социальному взаимодействию.

Установлено, что чаще всего личностными детерминантами отношения к социальному взаимодействию у представителей разных гендерных типов выступают проявления жизнестойкости, затем – толерантности к неопределенности, реже всего – проявления альтруизма.

Одни и те же параметры отношения к социальному взаимодействию (активность и инициатива субъекта, рациональность, подчинение субъекта и субъекту, зависимость от отношения к субъекту других людей, восприятие ограничений и влияния ситуации) определяются у представителей разных гендерных типов различными личностными детерминантами.

Наибольшее число параметров социального взаимодействия, предикторами которых выступают изучаемые личностные качества, характеризует отношение к социальному взаимодействию у представителей матриархально-эгалитарного типа, в 1,5 раза меньше таких параметров характеризует отношение к социальному взаимодействию у представителей патриархально-эгалитарного и матриархально-маскулинного типа.

Универсальными для представителей всех четырех гендерных типов личностными предикторами отношения к социальному взаимодействию выступают толерантность к сложности и толерантность к неразрешимости задач и ситуаций, которые в сочетании с оценками отношения к социальному статусу женщин во взаимодействии или оценками сходства мужчин и женщин по их психологическим характеристикам позволяют прогнозировать степень сдержанности субъекта во взаимодействии, готовности учитывать в построении взаимодействия отношения с конкретным человеком и оценивать людей по их поступкам.

Выборочно отметим несколько интересных, на наш взгляд, моментов.

Аспектами отношения к социальному взаимодействию, личностные предикторы которых наиболее сильно разнятся у представителей разных гендерных типов, выступают проявление активности и инициативы субъекта во взаимодействии, оценка своего взаимодействия как рационального, оценки подчинения субъекта во взаимодействии, а также восприятие ограничений во взаимодействии и роль в его осуществлении ситуативных факторов.

Личностные предикторы активности и инициативы во взаимодействии у представителей двух наиболее противоположных гендерных типов – патриархально-маскулинного и матриархально-эгалитарного – значимо отличаются субъективным отношением к неопределенности ситуаций. У представителей патриархально-маскулинного типа активность и инициатива возрастает с повышением терпимости, толерантности субъекта к новизне ситуации или задачи, а у представителей матриархально-эгалитарного типа активность и инициатива возрастает с повышением нетерпимости, интолерантности к неразрешимости ситуации или задачи.

Личностной предпосылкой к подчинению во взаимодействии с другими людьми у представителей патриархально-маскулинного и матриархально-маскулинного типов выступает нетерпимость

(интолерантность) к неопределенности, в первую очередь – к новизне ситуации или решаемой задаче. Эти гендерные типы объединяет то, что их представители оценивают мужчин и женщин как различных по своим психологическим особенностям, то есть характеризуются высокой гендерной поляризацией. У представителей патриархально-эгалитарного и матриархально-эгалитарного типов личностными предпосылками к подчинению во взаимодействии с другими людьми выступают компоненты жизнестойкости, а именно – сниженное ощущение контроля ситуации, слабая убежденность субъекта в своих возможностях повлиять на нее и сниженное принятие риска как нового опыта, полезного в плане самосовершенствования.

Литература

1. Гендерная ментальность российской молодежи: психологический портрет. Под ред. О.И. Ключко. СПб., 2020. 230 с.
2. *Клецина И.С., Иоффе Е.В.* Психология гендерных отношений. СПб., 2018. 244 с.
3. *Титова О.И., Позняков В.П.* Эмпирическая разработка гендерного типа личности // Вопросы психологии. 2023. Том 69. №1. С.64-74.
4. *Титова О.И.* Теоретическая концепция гендерного типа личности // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей. Отв. ред. Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хащенко, А.Е. Воробьева. М., 2023. С. 503-510.

Модернизация содержания профессиональной подготовки специалиста: принципы и критерии эффективности

Титовец Т.Е.

*БГПУ, Минск, Республика Беларусь
t_titovets@mail.ru*

Социально-экономические трансформации современного общества и возрастающая ценность качества человеческого капитала страны выдвигают новые требования к уровню профессиональной подготовки будущего специалиста, когда приоритетной задачей становится

формирование готовности выпускников создавать творческий продукт и отвечать вызовам изменяющегося социума [1; 2]. Возникает необходимость обновления содержания учебных дисциплин и структурирования их контента.

Рассмотрим основные критерии успешной модернизации содержания профессиональной подготовки специалиста, которые должны учитываться при мониторинге качества их образования.

1. Феномено-генетический критерий: в системе профессионального образования постоянно появляются новые педагогические феномены и образовательные реалии, генерируются новые образовательные ценности, которые способствуют более раскрытию потенциала личности обучающегося.

2. Экономический критерий: увеличивается способность к достижению более высокого результата путем минимизации энергетических и временных затрат.

3. Социально-адаптивный критерий: повышение степени адаптации профессионального образования к трансформациям, происходящим в социальной сфере, а также усиление его влияния на развитие общества.

4. Критерий растущей гибкости: усиление персонализированности образования (количества и качества образовательных траекторий, по которым могут обучаться разные категории обучающихся).

5. Критерий растущей саморегуляции: система образования может регулировать свою работу сама, осуществлять «самокоррекцию» и «самоэкспертизу», не обращаясь к внешним рычагам воздействия, таким образом подтверждая свою автономность, самодостаточность и независимость как системы; разрыв между теорией и практикой сокращается.

Проектирование содержания учебных дисциплин для профессиональной подготовки будущего специалиста предполагает реализацию следующих принципов: междисциплинарной интеграции, модульности, укрупнения единиц познания (метакогнитивности), опережающего характера учебного контента, конструктивной проблематизации содержания учебного материала.

Принцип междисциплинарной интеграции содержания учебных дисциплин предусматривает изучение комплексных проблем профессиональной сферы, поиск их решения силами различных областей научного знания, в том числе посредством междисциплинарного синтеза.

Принцип модульности нацеливает на группировку учебного материала дисциплин в систему взаимосвязанных и относительно самостоятельных модулей, отражающих специфику профессиональной деятельности специалиста. Каждый модуль в таком случае имеет определенный объем учебного материала, одну или несколько модульных единиц, возможность расширяться и пополняться с учетом развития научного знания.

Принцип укрупнения единиц познания (метакогнитивности) означает целенаправленную комплексную организацию содержания учебных дисциплин на основе взаимосвязи методологических, онтологических, научных идей, позволяющую выделить из большого числа частных явлений инвариантные структурные единицы научных знаний, которые объясняют сущность наблюдаемых фактов и явлений. Студенты, усвоившие такие метаконцепты, могут в дальнейшем разбираться во всех остальных случаях без специального обучения.

Принцип опережающего характера учебного контента предполагает, что содержание учебной программы должно иметь опережающий характер. Опережающий характер означает, во-первых, включение в содержание учебных программ современных концепций, вытекающих из постнеклассической парадигмы развития науки, ценностей эколого-футурологической парадигмы социально-гуманитарного знания, идей синергетики и системодинамики применительно к изучаемому объекту. Учебные дисциплины, разработанные в контексте постнеклассической парадигмы, имеют методологический плюрализм в интерпретации явлений и объектов, в них представлено множество методологических подходов к исследованию одного и того же объекта. Во-вторых, в соответствии с принципом опережающего характера, учебные дисциплины должны быть прогностичны, т.е. направлены на формирование прогностической компетентности студентов. Так, при проектировании учебных программ, обеспечивающих профессиональную подготовку будущих специалистов, в содержание должны быть включены ближайшие сценарии развития системы, которая является предметом их изучения, и смежных с нею систем.

Принцип конструктивной проблематизации содержания означает, что процесс освоения учебной программы являет собой не столько передачу студентам ценных профессионально-значимых знаний, сколько создание условий для конструирования им самим модели профессиональной реальности, приобретения опыта самостоятельного

решения проблем. Таким образом, содержание учебных программ базируется на проблемных ситуациях и предоставлении выбора «инструментов» для ее решения.

Уточнение принципов проектирования содержания учебных дисциплин для подготовки будущих специалистов является важным фактором гармонизации и устойчивого развития системы высшего профессионального образования, ее модернизации в сторону ее возрастающей социальной миссии, внутренней целостности, конкурентоспособности и привлекательности в международном масштабе.

Литература

1. *Ледовская Т.В.* Ценностные «вызовы» современного педагогического образования: существуют ли «ответы»? / Т.В. Ледовская, Н.Э. Солянин, А.М. Ходырев // Ярославский педагогический вестник. 2019. № 4 (109). С. 54-61.
2. *Сластёнин В.А.* Педагогическое образование: вызовы XXI века / В.А. Сластёнин // Педагогическое образование: вызовы XXI века: материалы международной научно-практической конференции. Москва, 16–17 сентября 2010 г. – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/332581454_Novye_vyzo_vy_sovremennosti_i_pedagogiceskoe_obrazovanie. – Дата доступа: 09.03.2024.

Характеристики ценностно-смысловой сферы юношей из неполных материнских семей

Толчков Г.И., Кулагина И.Ю.

*ФЦИО ФГБОУ ВО МГППУ, НИУ ВШЭ, Москва, Россия
tolckov.gleb@gmail.com, kulaginaiu@mgppu.ru*

Исследователи из различных областей знания утверждают о существовании «кризиса семьи», и о «кризисе отцовства» как его проявление [3, с. 305]. Проявление первого наблюдается в увеличении количества разводов, снижающийся уровень рождаемости, снижении

тенденции вступать в брак, увеличение количества неполных семей. Эти тенденции являются глобальными и проявляются во всех развивающихся странах, в том числе и в РФ. По расчетам, основанным на данных переписи населения Росстата от 2020 года, категория семей с одинокой матерью составляет 31,3% от всех семей в РФ, а 28,1% детей живут только с матерью [1]. В связи с этим, особенную обеспокоенность вызывает вопрос о влиянии отсутствия отца на психику и личность ребенка. Имеются данные, что для детей мужского пола отсутствие отца оказывает более пагубное воздействие на развитие [3, с. 396]. Они испытывают сложности с формированием гендерной идентичности, полоролевыми установками, успеваемостью и агрессивностью [там же]. Выявлено, что проведение большего количества времени с отцом связано с пониженным уровнем депрессии и риском употреблением ПАВ среди подростков. Теплая связь с отцом уменьшают риск деликвентного поведения и связана с повышением навыков эмоциональной регуляции и успеваемости [2, с. 51].

Соответственно, при отсутствии взаимоотношений с отцом, молодые люди могут испытывать дефициты в социальной, когнитивной и эмоциональной сферах, благодаря чему оказываются подвержены негативным влияниям, при отсутствии способностей им противостоять. В.А. Лелеков и Е.В. Кошелева выделяют, что воспитание в неполной семье, одним родителем оказывает криминогенное влияние на поведение подростков [4, с. 141]. Дети из этой группы относятся к группе «риска» для свершения правонарушения. По данным на 2017 год, 45,4% подростков, состоящих на учете, воспитывались в неполной семье [там же, с. 220].

В этом контексте нас заинтересовал вопрос о том, какое место занимают ценности и смыслы в формировании подобной картины. Меняется ли ценностное содержание семейного климата при уходе отца из семьи, если да, то каким образом? Ценности исполняют три функции: ориентации (направление выбора, суждений), обоснование и адаптация к ситуациям [5, с. 106]. Возможно, подростки и юноши из неполных семей имеют иную иерархию ценностей, нежели юноши, которые росли с отцом и иным образом обосновывают собственные поступки. Также нас интересовали имеются ли различия в осмысленности жизни и удовлетворенностью ей.

Наше исследование проводилось в 2022 году, с января по апрель. Выборку составили 91 молодых людей из Москвы и Санкт-Петербурга, студенты технических и гуманитарных специальностей (47 юношей из полных семей, и 44 из неполных). В возрасте от 18 до 25 лет ($M = 20,52$; $SD = 1,95$). В группе неполных материнских семей отец уходил из семьи в возрасте от 0 до 12 лет, медиана ухода из семьи 4 года. Мы использовали ценностный опросник Ш. Шварца, вторую часть – «Профиль личности» в адаптации В.Н. Карандашева, тест смысловых ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева, шкалу удовлетворенностью жизнью Э. Динера (ШУЖ) в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева.

Изначально модель Ш. Шварца предполагала выделение 10 базовых ценностей («Благожелательность», «Универсализм», «Самостоятельность», «Безопасность», «Конформность», «Гедонизм», «Достижения», «Традиция», «Стимуляция», «Власть») которые могут быть сгруппированы в 4 измерения («Самопреодоление», «Самоутверждение», «Открытость к изменениям» и «Сохранение»). И также могут быть разделены на социальные и индивидуалистические [4, с. 27]. Современная модель ценностей Ш. Шварца предполагает 19 типов и деление на иные измерения, однако мы использовали изначальную модель из 10 ценностей.

В результате применения t -критерия Стьюдента мы обнаружили статистически значимые различия в проявленности ценностей безопасности ($t = 2,15$; $df = 89$, $p = 0,034$, $d = 0,45$) и традиций ($t = 2,69$; $df = 89$, $p = 0,008$, $d = 0,56$). Различия в ценности «Доброжелательность» были выражены на уровне статистической тенденции ($p = 0,092$). Мы не обнаружили различий в осмысленности жизнью и удовлетворенности ею.

В группе юношей из неполных материнских семей ценности группы «Безопасности» менее выражены, чем в группе юношей из полных семей ($M_{неполная} = 1,45$, $SD = 0,98$; $M_{полная} = 1,88$, $SD = 0,88$). Также и для ценностей Традиций ($M_{неполная} = 0,36$, $SD = 0,69$; $M_{полная} = 0,835$, $SD = 0,95$). Размер эффекта d для различий от 0,45 до 0,56, что говорит о близких к сильным различиям между группами в данных ценностях. Ш. Шварц рекомендовал для понимания особенностей иерархий ценностей тех или иных групп сравнивать их с панкультурной иерархией ценностей [5, с. 114; 6, с. 12]. Обычно ценности власти имеют наименьшую значимость для

функционирования общества, традиции – занимают восьмую позицию, а безопасность – четвертую. В группе юношей из неполных семей мы наблюдаем большее отхождение от нормативной иерархии, где ценности безопасности и традиций занимают последние два места, а ценности власти возвышается до 7. Соответственно, мы можем утверждать, что юноши из неполных семей в меньшей степени склонны к ценностям приверженности и принятии обычаев и идей в обществе, и в меньшей степени выражают ценности, отражающие гармоничность, безопасность и стабильность общества. Они имеют большее отхождение от панкультурной иерархии, нежели юноши из полных семей.

Тем не менее, наше исследование также показало, что в осмысленности жизни и удовлетворенностью ею юноши, выросшие без отца, не отличаются от более «благополучных» молодых людей из полных семей. Вероятно, это подтверждает мысль В. Франкла о том, что смысл может быть найден всегда и в любой жизни. Тем не менее, задачей дальнейших исследований может быть поиск тех ресурсов и дополнительных факторов развития молодых людей из неполных материнских семей, которые позволяют им жить не менее осмысленной и не менее удовлетворяющей жизнью, чем их ровесники из полных семей.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>
2. *Калина И.А.* Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. № 4.
3. *Кон И. С.* Мужчина в меняющемся мире. – М., 2009
4. *Лелеков В.А., Кошелева Е.В.* Ювенальная криминология: учебник. – М., 2017
5. *Шатане К.* Психология ценностей – Х., 2021
6. *Sagiv L, Schwartz SH.* Personal Values Across Cultures. *Annu Rev Psychol.* 2022. №73

Роль жизнестойкости в преодолении профессионального выгорания педагогов

Трушкова С.В.

*ФГБОУ ВО МАДГТУ (МАДИ), НОУ ВО МСПИ, Москва, Россия
SvetVTr@mail.ru*

Реализация педагогической деятельности в современных условиях предполагает наличие у педагога системы психотехнологий, включающей навыки адаптации к ситуации неопределенности, развитие способности конструктивного преодоления трудных ситуаций, наличие навыков стрессовладеющего поведения и способности противостоять профессиональному выгоранию. В научной литературе неоднократно указывалось на взаимосвязь высокой профессиональной ресурсности и жизнестойкости педагогических работников [1; 4; 6], а также приводились результаты корреляционных исследований показателей жизнестойкости и психологических факторов, определяющих профессиональное развитие [2; 3; 5]. Для проверки предположения о том, что жизнестойкость является интегральным внутренним ресурсом профессиональной деятельности педагога в состоянии профессионального выгорания нами было организовано исследование, в котором приняли участие 40 педагогов (25 женщин и 15 мужчин), имеющих стаж педагогической деятельности от 5 до 50 лет.

Диагностика участников исследования проводилась с помощью следующих методик: тест жизнестойкости С. Мадди, методика диагностики профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон в адаптации Н.Е. Водопьяновой), шкала диагностики оптимизма и активности (И. Шуллер, А. Комуниан в адаптации Н.Е. Водопьяновой и М. Штейна), методика удовлетворенности качеством жизни (Р.С. Элиот в адаптации Н.Е. Водопьяновой) и шкала психологического благополучия (К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленкова, Т.П. Фесенко).

Проведенный с помощью методов непараметрической статистики анализ полученных данных позволил сделать следующие выводы.

1. По методике Кэрл Рифф у педагогов с высокой жизнестойкостью по сравнению с педагогами с показателями низкой

жизнестойкости выявлены более высокие показатели автономии ($p \leq 0,05$), целей в жизни ($p \leq 0,01$) и психологического благополучия ($p \leq 0,05$).

2. Сравнительный анализ результатов диагностики удовлетворенности качеством жизни по методике Р.С. Элиот выявил более высокие результаты по шкалам «личные достижения» ($p \leq 0,05$), «общение с близкими людьми» ($p \leq 0,01$), «оптимистичность» ($p \leq 0,05$) и «самоконтроль» ($p \leq 0,05$) в подгруппе педагогов с высокой жизнестойкостью.

3. Сравнение диагностических результатов оптимизма и активности позволило сделать вывод о том, что показатели оптимизма статистически значимо выше в подгруппе педагогов с высокой жизнестойкостью ($p \leq 0,05$), по шкале активности различий в результатах подгрупп с высокой и низкой жизнестойкостью не выявлено.

4. Показатели профессионального выгорания по шкале эмоционального истощения ($p \leq 0,05$), а также интегральные показатели психического выгорания ($p \leq 0,01$) статистически значимо выше в подгруппе с низкими показателями жизнестойкости.

Таким образом, в исследуемой выборке педагогам с высокой жизнестойкостью свойственны высокие показатели оптимизма, удовлетворенности качеством жизни, психологического благополучия при наличии низкого уровня выгорания. Проведенное исследование в силу небольшого объема выборки имеет ограниченную экологическую валидность, т.е. не позволяет утверждать, что полученные результаты характерны для всех представителей педагогической деятельности, но позволяет выдвинуть предположение о том, что жизнестойкость является интегральным внутренним ресурсом профессиональной деятельности педагога.

Литература

1. *Артаткина О.Ю.* Особенности жизнестойкости современных педагогов // Вестник науки. – Оренбург, 2023. – Т. 4. – № 2 (59). – С. 81-94.

2. *Галиев Р.Р.* Обзор исследований жизнестойкости личности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 1 (93). – С. 129-133.
3. *Глебова З.В.* Жизнестойкость как ресурс профессионального развития молодого педагога // Инновационный менеджмент: теория и методология педагогической инноватики. Сборник научных трудов. – Ульяновск, 2019. – С. 156-160.
4. *Дубовицкая Д.А.* Жизнестойкость как основной фактор сохранения личностного ресурса // Развитие личности: психолого-педагогические проблемы. сборник научных трудов. – Тамбов, 2019. – С. 102-105.
5. *Походилова В.В.* Теоретический обзор значимости жизнестойкости в условиях современного мира // Актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2023. – Т. 4. – № 6. – С. 44-49.
6. *Фризен М.А.* Жизнестойкость как внутренний ресурс профессиональной деятельности педагога // Организационная психология. – 2018. – № 2. – С. 72-85.

Связь особенностей привязанности и суверенности личности у молодых взрослых

Туйчиева М.Д., Делибали В.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
psy.research.mgppu@gmail.com, delibaltvv@mgppu.ru

Привязанность – это близкие и прочные эмоциональные связи, установленные в результате длительных отношений между двумя людьми [3]. В настоящее время конструкт привязанности часто рассматривается в виде двухфакторной модели, где типы образуются сочетанием степени тревоги по поводу отношений привязанности и степени избегания отношений привязанности.

«Психологическая суверенность – это способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство, основанная на обобщенном опыте успешного автономного поведения» [2]. Кроме того, суверенность определяют

как состояние личностных границ и как механизм установления баланса между собственными потребностями и потребностями других.

Мы предположили, что существует обратная связь между выраженностью тревоги и избегания привязанности и выраженностью суверенности психологического пространства у молодых взрослых. Для выявления особенностей суверенности личности была выбрана новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» С.К. Нартовой-Бочавер [1]. Для выявления особенностей привязанности был взят опросник «Привязанность к матери в детстве» Г.Г. Филипповой, Н.В. Матушевой [4].

Выборку эмпирического исследования составили 100 человек в возрасте от 18 до 28 лет (средний возраст – 22,77 лет). Из них респондентов мужского пола – 50 чел. (в возрасте от 18 до 28 лет, средний возраст – 23,56 лет), женского – 50 чел. (в возрасте от 18 до 28 лет, средний возраст – 21,98 лет).

Коэффициент ранговой корреляции Спирмена показал, что существуют обратные связи между выраженностью тревоги и избегания привязанности и выраженностью суверенности личности. Значимые обратные связи выявлены между следующими шкалами методик:

- суверенность физического тела и тревога по поводу отношений привязанности ($r = -0,515$; $p = 0,000$);
- суверенность территории и тревога по поводу отношений привязанности ($r = -0,566$; $p = 0,000$);
- суверенность привычек и тревога по поводу отношений привязанности ($r = -0,485$; $p = 0,000$);
- суверенность личных вещей и тревога по поводу отношений привязанности ($r = -0,491$; $p = 0,000$);
- суверенность социальных связей и тревога по поводу отношений привязанности ($r = -0,433$; $p = 0,000$);
- суверенность вкусов и ценностей тревога по поводу отношений привязанности ($r = -0,594$; $p = 0,000$);
- суверенность психологического пространства и тревога по поводу отношений привязанности ($r = -0,673$; $p = 0,000$);
- суверенность физического тела и избегание отношений привязанности ($r = -0,444$; $p = 0,000$);

- суверенность территории и избегание отношений привязанности ($r = -0,442$; $p = 0,000$);
- суверенность привычек и избегание отношений привязанности ($r = -0,342$; $p = 0,000$);
- суверенность личных вещей и избегание отношений привязанности ($r = -0,369$; $p = 0,000$);
- суверенность социальных связей и избегание отношений привязанности ($r = -0,357$; $p = 0,000$);
- суверенность вкусов и ценностей и избегание отношений привязанности ($r = -0,307$; $p = 0,000$);
- суверенность психологического пространства и избегание отношений привязанности ($r = -0,492$; $p = 0,000$).

То есть, чем более выражена суверенность всех измерений психологического пространства личности (ППЛ), тем ниже тревога и избегание привязанности. Причем, самая сильная связь выявляется между тревогой по поводу отношений привязанности и суверенностью психологического пространства, а также между тревогой по поводу отношений привязанности и суверенностью вкусов и ценностей. Кроме того, можно заметить, что связь суверенности всех измерений ППЛ с тревогой по поводу отношений привязанности в целом сильнее чем с избеганием привязанности. Наша гипотеза о существовании обратной связи между выраженностью тревоги и избегания привязанности и выраженностью суверенности у молодых взрослых полностью подтверждается.

Мы предполагаем, что данные феномены связаны, так как в основном формируются под влиянием одного и того же фактора – особенностей детско-родительских отношений. Если рассматривать привязанность, как один из значимых показателей детско-родительских отношений, то можно выдвинуть предположение о том, что надежность привязанности в детстве влияет на формирование суверенности личности. Так, у людей с ненадежными типами привязанности, с большей вероятностью будут формироваться депривированность и травмированность (как уровни суверенности личности).

В свою очередь, во взрослом возрасте суверенность может влиять на качество межличностных отношений. Так, отсутствие чувства уверенности, безопасности, доверия к миру и способности устанавливать прочные границы, которые дает суверенность, могут усиливать тревогу или избегание отношений привязанности.

Обобщая, можно говорить о том, что людям с ненадежными типами привязанности свойственны такие особенности как: трудности в установлении прочных границ; неуверенность в себе и в том, что поступают согласно собственным желаниям и убеждениям; самоотчужденность, переживания подчиненности и фрагментарности своей жизни; проблемы с выбором объектов самоидентификации и сознании собственной самооценности. Данные особенности могут стать важными мишенями психотерапевтической работы с людьми с ненадежными типами привязанности, имеющими трудности в построении близких отношений.

Литература

1. *Нартова-Бочавер С.К.* Новая версия опросника «Суверенность психологического пространства – 2010» // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3.
2. *Нартова-Бочавер С.К.* Онтогенез психологической суверенности личности // Психология зрелости и старения. 2005. № 1.
3. *Сабельникова Н.В.* Методы исследования привязанности в процессе возрастного развития в современной зарубежной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. № 3.
4. *Цуркин В.А.* Образ физического «Я» у лиц с разными типами эмоциональной привязанности к матери: Дис. канд. психол. н. Белгород, 2015.

Взаимосвязь между увлеченностью видеоиграми и переживанием стресса

Тычкова Я.В., Кочетков Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
z-z34@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

Современный мир стал свидетелем стремительного развития компьютерных технологий, в частности, видеоигр. Видеоигры в настоящее время являются одним из самых популярных и распространенных видов развлечений, привлекая к себе внимание

миллионов людей по всему миру. Но вопрос в том, все ли однозначно с влиянием видеоигр на психическое состояние людей, в особенности на переживание стресса? Для ответа на этот вопрос необходимо учесть множество факторов, таких как: форма увлеченности видеоиграми, характер стресса, межличностные отношения и другие факторы.

Реакция стресса может являться врожденным, заложенным в нас механизмом, который позволяет адаптироваться к любым изменениям [1]. Психофизиолог Уолтер Кеннон ввел термин «стресс» в науку еще в 1932 году, так в его работах была названа универсальная реакция организма «бороться или бежать» [1]. Данное определение подчеркивает, что организм реагирует на каждое требование окружающей среды особым напряжением. Стресс возникает в момент наиболее интенсивной и неуправляемой реакции организма на происходящее. Однако проблема стресса заключается в том, что его проявление может быть разнообразным: от явного и интенсивного, до скрытого или отсутствующего.

Видеоигры – это игры, которые можно скачать на компьютер, телефон или консоль и играть в них, как подключаясь к интернету, так и не подключаясь к интернету. Какова мотивация игроков, к чему приводит увлеченность видеоиграми? Игровая мотивация отображает степень интереса и вовлеченности человека в мир видеоигр [2]. Она может быть измерена через такие критерии, как частота игры, продолжительность игровых сеансов, эмоциональная реакция на игру, предпочтения в жанрах и так далее.

Целью данной работы является выявление взаимосвязи между увлеченностью видеоиграми людьми и их переживанием стресса.

В исследовании приняли участие 65 человек в возрасте от 18 до 35 лет (53,8% женщин, 46,2% мужчин). Респонденты, наряду с вопросами методик отвечали на общие вопросы, выявляющие социально-демографические характеристики и предпочитаемость той или иной игры. Для проведения исследования мы воспользовались двумя методиками: методикой диагностики гейм-аддикции (Н.В. Кочетков) и шкалой PSM-25 Лемура-Тесье-Филлиона (в адаптации Н.Е. Водопьяновой).

Проведенное исследование показало, что существует связь между отношением к игровой деятельности и стрессом у обучающихся в

институте ($r = 0,837, p \leq 0,01$). Соответственно, чем выше выражен стресс, тем сильнее эмоциональный вклад в игру и, следовательно, игра приносит больше удовольствия. Также была обнаружена связь между физическими проявлениями увлеченности и стрессом ($r = 0,764, p \leq 0,01$), что говорит о том, что чем сильнее выраженность стресса, тем сильнее признаки зависимости. Это может быть связано с тем, что борьба со стрессом с помощью видеоигр перерастает в привычку и люди чаще обращаются именно к этому способу.

Проведенная эмпирическая работа показывает, что люди чаще обращаются к видеоиграм для снятия стресса, из-за чего могут выражаться физические проявления зависимости и, тем самым, вырабатываться устойчивые копинг-стратегии, связанные с погружением в игры.

Литература

1. *Бильданова В.Р., Бисерова Г.К., Шагивалеева Г.Р.* Психология стресса и методы его профилактики: учебно-методическое пособие. Елабуга, 2015. 142 с.
2. *Добровидова Н.А.* Особенности эмоциональных состояний подростков, увлекающихся компьютерными играми // Вестник Томского государственного университета. 2009. С.316-318.

Интерактивные технологии развития межкультурной компетентности педагогов

Тюкиль О.В.

*ГБУ ВО ЦПППуРД, Воронеж, Россия
otyukil@mail.ru*

Многонациональный состав ученического сообщества в образовательных организациях сегодня явление обыденное. В этой связи способность педагогов решать профессиональные задачи в условиях работы в поликультурном образовательном пространстве становится особенно актуальной.

Педагогам необходимо обладать межкультурной компетентностью, чтобы эффективно работать с обучающимися различных национальностей.

Интерактивные технологии являются эффективным инструментом для развития межкультурной компетентности, активной формой получения нового опыта, анализа собственного опыта педагогов.

Ниже представлены несколько примеров интерактивных технологий, которые могут быть использованы в работе с педагогическим коллективом как самостоятельные мероприятия, так и в качестве упражнений тренинга межкультурной компетентности.

Технология «Аквариум» очень напоминает спектакль, где есть актеры и зрители. Несколько педагогов разыгрывают проблемную ситуацию в кругу, остальные выступают в роли наблюдателей, экспертов, критиков и аналитиков. В качестве примера можно использовать типичную для педагогов трудность взаимодействия с родителями детей-мигрантов, плохо говорящими на русском языке. Задача «актеров» – передать особенности этой трудности, ее типичное проявление, а задача зрителей – определить, какие ошибки в коммуникации допускает педагог и как эти ошибки можно исправить.

«Карусель» – интерактивная технология, в процессе которой из участников образуется два кольца: внутреннее и внешнее. Внутреннее кольцо – это сидящие неподвижно педагоги, а во внешнем кольце участники через каждые 3 минуты меняются. Таким образом, педагоги успевают проговорить за несколько минут несколько тем и попробовать убедить в своей правоте собеседника. В качестве примера темы коммуникации можно предложить следующую: «Способы включения пассивных учеников-мигрантов в просоциальную деятельность». Использование данной технологии позволяет эффективно тренировать быстрые культурные реакции в ответ на трудности межкультурной коммуникации с инокультурными учащимися и их родителями. Важной характеристикой технологии является многосторонняя коммуникация, с помощью которой происходит свободный обмен мнениями, идеями, информацией.

Интерактивный семинар, как интерактивная технология развития межкультурной компетентности педагогов, может проводиться в форме групповой дискуссии, включая технику мозгового штурма, техники эффективной коммуникации, а также типичные техники

рефлексии и шеринга, которые применяются в тренинговых формах работы.

Интерактивные семинары организуются с целью, с одной стороны, определить круг проблем, с которыми сталкивается педагог, а с другой – найти их решение, которое появляется у педагога в межкультурном взаимодействии.

Темы интерактивных семинаров могут быть заранее запланированы или заявляться по запросу. В качестве заранее запланированных общих тем интерактивного семинара могут выступать следующие: «Культурные (религиозные, этнические и др.) особенности и их влияние на академическую успеваемость, социальные навыки и поведение учеников в целом», «Этнические установки, стереотипы и ценностные ориентиры педагога, и их влияние на восприятие учеников». Темы по запросу могут быть заявлены исходя из актуальной для педагогов конкретной ситуации трудности: «Ученик-мигрант перестал посещать уроки. Каковы мои действия?», «В классе возник конфликт с участием ученика-мигранта. Как разрешить ситуацию?»

Вне зависимости от темы, общей или частной, ведущий семинара описывает трудность, участники семинара задают вопросы, проясняющие тему или проблемную ситуацию. Далее все участники интерактивного семинара, в ходе групповой дискуссии вырабатывают пути решения. Важно помнить, что по итогам семинара обязательно создается продукт – это может быть типичный кейс трудности; кейс с вариантами решений; кейс с алгоритмами действий.

Необходимо отметить, что интерактивный семинар может проводиться как силами педагогов конкретной школы, так и с привлечением внешних специалистов, экспертов в обозначенных в семинарах темах.

В рамках оценки уровня сформированности межкультурной компетентности могут быть использованы надежные и валидные инструменты, один из возможных инструментов – «Интегративный опросник межкультурной компетентности» (О.Е. Хухлаев, 2021)

Использование интерактивных технологии не только способствует созданию образовательной среды, свободной от национальных стереотипов, в которой педагоги, учащиеся, родители могут взаимодействовать с представителями других культур, понимать и

уважать традиции и обычаи других народов, но и позволяет развивать навыки и компетенции для успешного взаимодействия в мире, где межкультурные связи становятся все более актуальными.

Литература

1. Методические рекомендации по проведению программы психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социальной, языковой и культурной адаптации детей иностранных граждан. / Под ред. О.Е. Хухлаева, М.Ю. Чибисовой и Н.В. Ткаченко. – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 221 с.

К вопросу о прогнозировании развития профессий гуманитарного направления с учетом изменения требований к компетенциям современного специалиста

Фивейская Е.Ю.

*ИРПО ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
fivejjskayaeyu@mgpu.ru*

В связи с развитием технологий и использованием возможностей нейросетей и искусственного интеллекта в профессиях гуманитарного направления и сферы «человек – человек» необходимо понимать, какие профессии и функции будут оставаться на рынке труда, какие исчезнут, прогнозировать появление новых профессий.

В настоящее время одна из актуальных задач, которая стоит перед исследователями, заключается в определении требований к специалистам гуманитарного направления в 2035 году, актуальных компетенций, которые позволят специалисту быть конкурентоспособным и востребованным.

Перспективы использования и возможные проблемы применения искусственного интеллекта широко рассматриваются в отечественных и зарубежных исследованиях. Так, например, определены пять основных технологических систем искусственного интеллекта, которые в настоящее время активно применяются в различных

профессиональных сферах: «робототехника и автономные транспортные средства, компьютерное зрение, языки, виртуальные агенты, машинное обучение» [3]. Также можно выделить направления развития интеллектуальных систем с использованием возможностей искусственного интеллекта. К ним относятся процессы, связанные с «творчеством, экспертной деятельностью и диагностикой, интеллектуальные информационные системы, робототехника, планирование снабжения, автономное планирование и составление расписаний, однако отдельно выделяются возможности развития нейросетей в системах имитации творческих процессов, например в рисовании картин за счет обучения распознаванию различных предметов на фотографиях» [1]. Ряд зарубежных исследователей уже говорят о возможности создания нейросетью документального фильма из разрозненных фрагментов изображений и фактов, и в наше время уже существуют подобные короткометражные фильмы, посвященные объектам культурного наследия и прошедшие профессиональную оценку режиссерами [4].

Учитывая техническую сторону воспроизводства интеллектуальных и творческих процессов нейросетью, нельзя обойти стороной вопрос авторского права. Данный вопрос широко рассмотрен И.В. Ивановым, что позволило выделить проблемы, требующие особого внимания:

- «организационные проблемы (смена структуры организации, должностного статуса сотрудников, смена структуры рабочего времени);
- юридические проблемы (правовой статус информации, соблюдение прав интеллектуальной собственности, электронная подпись);
- проблема электронного неравенства;
- образовательные проблемы (индивидуальность и доступность обучения, потеря «человеческого лица» в образовании);
- психологические проблемы (виртуализация межличностного общения, тревожность, потеря внимания близких и т. п.);
- проблема возникновения аномальных и асоциальных явлений (коррупция, карьеризм)» [2].

В настоящее время возможности искусственного интеллекта и нейросетей активно применяются в сфере маркетинга. Одной из

площадок в данном случае выступают социальные сети и медиа. Анализ возможностей, которые предоставляют, в частности, социальные сети, показывает, что можно выделить ряд факторов, которые создают явные преимущества для сферы маркетинга: массовая пользовательская вовлеченность, которая позволяет активно изучать поисковые запросы, и высокая концентрация информационных источников, которыми мы на сегодняшний день обладаем.

Мы можем наблюдать, как в настоящее время появляется рботожурналистика. По мнению А.В. Замкова, это одна из ведущих тенденций развития современной медиаиндустрии, что позволяет объединять ресурсы искусственного интеллекта и человека за счет передачи части трудовых функций. В своих исследованиях А.В. Замков проводит сравнительный анализ новостных источников и роботизированных систем генерации контента, делая вывод о том, что нейросети успешно имитируют человеческую речь, однако пока не могут реализовать социальные функции.

В связи с развитием информационных технологий, IT-индустрии и цифровых методов и инструментов работы с информацией, все активнее развивается такое направление в науке, как Digital Humanities, которое находится на стыке гуманитарных наук и информационных технологий. Безусловно, рынок труда еще формируется, но уже сейчас можно говорить о появлении новых специальностей и потребности в специалистах, которые готовы работать на стыке двух областей и обладают соответствующими компетенциями.

Анализ отечественных и зарубежных исследований, а также направлений развития профессий гуманитарного направления позволяет, с одной стороны, изучить возможные сферы внедрения современных информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта и, с другой стороны, определить необходимые компетенции, знания и метанавыки, которыми необходимо овладеть специалисту в процессе получения специальности, что в свою очередь должно найти отражение в содержании образовательных программ как высшего, так и общего образования.

Литература

1. *Елистратова А.А.* Применение искусственного интеллекта в системах, имитирующих творческие процессы / А. А. Елистратова, Д. С. Киселева. – Текст: непосредственный // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2016. Т. 2. № 12 (96). С. 46–48.
2. *Иванов И.В.* Социально-гуманитарные проблемы искусственного интеллекта / И.В. Иванов. – Текст: непосредственный // Искусственный интеллект: этические проблемы «цифрового общества»: материалы международной научно-практической конференции, Белгород, 11–12 октября 2018 года. Белгород: БГТУ им. В. Г. Шухова. 2018. С. 70–73.
3. *Bughin J.* Artificial Intelligence: The Next Digital Frontier / J. Bughin, E. Hazan & S. Ramaswamy & etc. – Текст: непосредственный // McKinsey & Company Discussion Paper. 2017. № 6 (6). 78 p.
4. *Callaway C.* Automatic cinematography and multilingual NLG for generating video documentaries / C. Callaway, E. Not, A. Novello, C. Rocchi, O. Stock & M. Zancanaro. – Текст: непосредственный // Artificial Intelligence. 2005. № 1 (165). Pp. 57–89.

Ценностные ориентации и направленность личности старшекласников с разной готовностью к саморазвитию

Филина Н.А., Филиппова О.А.

РГСУ, Москва, Россия

fil.natali5@yandex.ru, Ialo-87@mail.ru

Подростковый возраст – период, когда происходит становление личности и её ценностно-смысловой сферы, вследствие чего ценностные ориентации подростков могут быть неустойчивыми и динамичными [2]. В то же время, важной характеристикой в этот период является направленность личности подростка, характеризующаяся его отношением к себе и окружающим людям, что

является основанием для формирования личностных смыслов, ценностей и жизненной позиции личности [1]. Таким образом, можно предположить наличие взаимосвязи между направленностью личности и особенностями ценностных ориентаций у старшеклассников. Особый интерес представляет структура данной связи в группах с разной готовностью к саморазвитию, поскольку, на наш взгляд, готовность к саморазвитию выступает одним из критериев зрелости личности. Это и определило цель данного исследования.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что структура взаимосвязи ценностных ориентаций и направленности личности будет различаться в группах старшеклассников с разной готовностью к саморазвитию.

Выборку составили 40 школьников, учащиеся 10-11 классов ГБОУ «Школа № 760» им. А.П. Маресьева г. Москвы, среди них 23 девушки и 17 юношей, средний возраст 16,5 лет. Для диагностики использовались: «Опросник культурных ценностных ориентаций» Ш. Шварца, «Методика определения доминирующей направленности личности» И.Д. Егорычевой, «Диагностика готовности к саморазвитию» А.М. Прихожан. Данные обрабатывались в программе IBM SPSS Statistics 23.0 (критерий ранговой корреляции Спирмена).

Первоначально старшеклассники были разделены на 2 группы: Группу 1 с низким уровнем готовности к саморазвитию (менее 78 баллов у девушек и менее 92 баллов у юношей) и Группу 2 – с нормальным и высоким уровнем готовности к саморазвитию (остальные респонденты). Группа 1 включала 16 чел., Группа 2 – 24 чел. Распределение по полу и возрасту в группах было схожим.

Затем в исследуемых группах проводился корреляционный анализ ценностных ориентаций и показателей направленности личности (критерий ранговой корреляции Спирмена). Рассмотрим полученные результаты. Для удобства ценности, относящиеся к уровню нормативных идеалов, помечались «НИ», а к профилю личности – «ПЛ». В методике «Направленность личности» подсчитывалось количество ответов, относящихся к каждому виду направленности.

В Группе 1 с низкой готовностью к саморазвитию были выявлены следующие взаимосвязи.

- Гуманистическая направленность (Я+, О+) положительно коррелирует с ценностями доброты ПЛ ($r = 0,501; p \leq 0,05$), универсализма ПЛ ($r = 0,527; p \leq 0,05$) и безопасности НИ ($r = 0,608; p \leq 0,05$).
- Эгоистическая направленность (Я+, О-) положительно связана с ценностью безопасности ПЛ ($r = 0,501; p \leq 0,05$), самостоятельности ПЛ ($r = 0,551; p \leq 0,05$) и отрицательно коррелирует с ценностью конформности НИ ($r = -0,684; p \leq 0,01$) и доброты ПЛ ($r = -0,572; p \leq 0,05$).
- Депрессивная направленность (Я-, О+) отрицательно коррелирует с ценностью власти ПЛ ($r = -0,573; p \leq 0,05$) и безопасности ПЛ ($r = -0,614; p \leq 0,05$).
- Суицидальная направленность личности (Я-, О-) отрицательно коррелирует с ценностью стимуляции ПЛ ($r = -0,648; p \leq 0,01$), и безопасности ПЛ ($r = -0,625; p \leq 0,01$).

Таким образом, в группе старшекласников с низкой готовностью к саморазвитию преобладают взаимосвязи показателей направленности личности с ценностями на уровне профиля личности. Можно предположить, что для них отношение к себе и другим во многом связано с тем, как они сами видят себя, при этом практически не обнаруживается корреляций с более широкими ценностными представлениями (на уровне нормативных идеалов). Возможно, у старшекласников данной группы еще не в полной мере сформировались данные ценностные ориентации.

Также в данной группе прослеживается взаимосвязь всех показателей направленности с безопасностью, что говорит о высокой значимости данной ценности для старшекласников с низкой готовностью к саморазвитию.

В Группе 2 с высокой готовностью к саморазвитию были выявлены следующие взаимосвязи.

- Гуманистическая направленность (Я+, О+) положительно коррелирует с ценностями доброты НИ ($r = 0,458; p \leq 0,05$) и ПЛ ($r = 0,516; p \leq 0,01$), универсализма НИ ($r = 0,488; p \leq 0,05$), самостоятельности НИ ($r = 0,500; p \leq 0,05$) и гедонизма ПЛ ($r = 0,411; p \leq 0,05$).

- Эгоистическая направленность (Я+, О-) положительно коррелирует с ценностью достижения НИ ($r = 0,440$; $p \leq 0,05$) и самостоятельности ПЛ ($r = 0,559$; $p \leq 0,01$), при этом отрицательно связана с ценностью традиций ПЛ ($r = -0,537$; $p \leq 0,01$).
- Депрессивная направленность (Я-, О+) отрицательно коррелирует с ценностью власти НИ ($r = -0,433$; $p \leq 0,05$), стимуляции ПЛ ($r = -0,442$; $p \leq 0,05$), самостоятельности ПЛ ($r = -0,468$; $p \leq 0,05$).
- Суицидальная направленность личности (Я-, О-) отрицательно коррелирует с ценностью стимуляции НИ ($r = -0,522$; $p \leq 0,01$) и ПЛ ($r = -0,563$; $p \leq 0,01$), самостоятельности ПЛ ($r = -0,633$; $p \leq 0,01$) и безопасности НИ ($r = -0,573$; $p \leq 0,01$).

В данной группе структура взаимосвязей более широкая и сильная, при этом в нее включены как ценности на уровне нормативных идеалов, так и на уровне личностного профиля. Разные виды направленности характеризуются различными взаимосвязями с ценностями, при этом стоит отметить тесную связь гуманистической направленности с гуманистическими ценностями, а также отрицательную связь депрессивной и суицидальной направленности с ценностями стимуляции, самостоятельности, безопасности.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что структура взаимосвязи ценностных ориентаций и направленности личности различается в группах старшеклассников с разной готовностью к саморазвитию. Выдвинутая гипотеза подтвердилась. Полученные результаты могут использоваться в психолого-педагогической работе со старшеклассниками (как индивидуальной, так и групповой), а также при разработке тренинговых программ.

Литература

1. *Егорычева И.Д.* Психологические особенности личностной направленности подростка и возможности ее коррекции: дис. ... канд. психол. н. М., 1994.
2. *Романова Э.Н.* Развитие ценностных ориентаций подростков в образовательном пространстве школы: автореферат дис. ... канд. психол. н. Н. Новгород, 2012.

Взаимосвязь самовосприятия и социально-психологической адаптации у подростков-сирот и оставшихся без попечения родителей

Филиппова О. С.

ГБУ ЦССВ «Радуга», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

xfilippova@yandex.ru, sachkova@list.ru

Для того чтобы взаимодействие и общение было успешным, подростку необходимо достаточно реалистично воспринимать, понимать, как его оценивают другие, и уметь ориентироваться в эмоциональных проявлениях других людей.

За успешной адаптацией детей-сирот к условиям Центра содействия семейного воспитания (ЦССВ) стоит постепенное снижение понимания себя, стремление к следованию установленных правил социума, что ведет к искажению самовосприятия. Это приводит к противоречию с требованиями, предъявляемыми детям в дальнейшей ресоциализации и адаптации к семейным формам воспитания. Многие выпускники детских домов имеют значительные трудности в разных жизненных сферах, у них недостаточный уровень знаний в вопросах трудоустройства и бытовой жизни [2]. При этом они имеют завышенные ожидания и нереалистичные притязания (богатая жизнь, «легкие» деньги, неготовность трудиться и т.п.) [3].

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи уровня самовосприятия и уровня социальной адаптации у подростков-сирот и оставшихся без попечения родителей.

В качестве гипотезы выступило предположение о наличии взаимосвязи между самовосприятием и уровнем социально-психологической адаптации у подростков-сирот.

В исследовании были применены следующие методики.

1. Опросник социально-психологической адаптации Р. Даймонд и К. Роджерса (в адаптации Т.В. Снегиревой, доработан А.М. Прихожан) [4].

2. Профиль самовосприятия для подростков С. Хартер (адаптация Н.К. Радиной и Е.Ю. Терешенковой) [4].

Исследование было проведено на базе ГБУ ЦССВ «Радуга» (г. Москва), в нем принял участие 51 подросток в статусах «сирота» и «оставшийся без попечения родителей», в возрасте от 14 до 17 лет. В исследовании приняли участие 29 девушек и 22 юноши.

В ходе исследования были выявлены следующие корреляции:

- при высоком уровне адаптации подростки воспринимают себя положительно, они субъективно удовлетворены своей внешностью, ориентированы на соблюдение норм и правил группы ($p < 0,05$);
- при высоких показателях дезадаптивности подростки-сироты низко оценивают свои школьные способности, внешность, не считают себя достойным партнером в романтических или дружеских отношениях, имеют в целом низкую самооценку и самоотношение ($p \leq 0,01$);
- высокий уровень неприятия себя коррелирует с низкими показателями школьной компетентности, физической формы, близких отношений, глобальной самооценки ($p \leq 0,01$);
- высокому уровню эмоционального комфорта соответствуют высокие показатели атлетической комплектности, физической формы и глобальной самооценки ($p \leq 0,05$);
- ведомость и стремление быть подчиненным сопровождается низкой оценкой собственных достижений в учебе, спорте, внешнем виде, а также низкими притязаниями в межличностных отношениях ($p \leq 0,05$);
- при высоком уровне избегания проблемных ситуаций более низко оцениваются свои школьные и спортивные достижения, подростки не удовлетворены внешним видом и считают себя малокомпетентными в романтических и близких отношениях ($p \leq 0,05$).

В результате исследования были сделаны следующие выводы.

1) Подростки-сироты выраженно ориентированы на окружающий социум, у них самооценка неустойчива и напрямую зависит от оценки их сверстниками и значимыми взрослыми. Они

формируются в такой среде, где от стиля поведения и внешнего вида идет оценка личностных качеств.

2) Подростки-сироты в большей степени готовы принимать других людей, чем себя. У них повышенные требования к себе в аспекте восприятия своей собственной внешности.

3) При явном внешнем контроле, которые подростки-сироты ощущают в условиях стационарных условий жизни, возрастает склонность к дезадаптивным паттернам поведения, особенно в момент начала пубертатного кризиса. В условиях ЦССВ подросткам сложнее дается прохождение сепарационного этапа в силу достаточно выраженной закрытости воспитательной системы.

4) Чем выше у подростков-сирот степень потребности в общении, взаимодействии и совместной деятельности, тем выше у них проявляется ориентирование на окружающих, а не на себя.

Таким образом, можно считать, что наша гипотеза подтвердилась.

Литература

1. *Дубовицкая Т.Д., Тулитбаева Г.Ф., Шаиков А.В.* Психодиагностическая методика оценки социально-перцептивной установки личности: Психометрические характеристики и особенности использования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2017. Т. 14. № 2. С. 213–225.
2. *Кусаин А.Х.* Трудности, возникающие у выпускников детского дома при вхождении в самостоятельную жизнь // Молодой ученый. 2021. № 10 (352). С. 164-168.
3. *Меркуль И.А.* Актуальные проблемы социализации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот // Психологическая наука и образование. – 2021. Т. 26. №. 6. С. 189-199.
4. *Толстых Н.Н., Прихожан А.М.* Психология подросткового возраста: учебник и практикум для вузов. М., 2024.

Окулография как средство для доступа к тонким деталям формирования навыков в цифровой этнографии

Фоке-Алехин Ф. (Fauquet-Alekhine Ph.)

*Лаборатория исследований в области энергетики, Франция
Лондонская школа экономики, Лондон, Великобритания
p.fauquet-alekhine@lse.ac.uk*

SEBE – это цифровой этнографический метод анализа деятельности человека на основе видеозаписи субъекта. Видеозапись используется для повышения эффективности обучения школьников и взрослых – специалистов различных профессий (пилотов воздушных судов, операторов сложных технических систем управления и т.д.) [1-3].

Обычно видеозапись осуществляется камерой, закрепленной в очках на уровне глаз обучающегося. Это целесообразно, когда анализируемая деятельность не требует зрительного фокуса на уменьшенном поле зрения. Например, при обращении с клапанами или контакторами в промышленной среде движение головы и, следовательно, камеры позволяет нам увидеть, на чем сосредоточено внимание человека. Однако, когда человеку приходится работать за компьютером или ограничивать поле зрения клавиатурой и/или экраном, данный метод не подходит. В подобных случаях устройство камеры должно иметь систему слежения за взглядом с помощью датчиков, измеряющих движение зрачка. Это позволяет узнать, на чем сосредоточено внимание человека, несмотря на немногочисленные и/или малоамплитудные движения головы. Преимущество этой системы состоит в том, что она обычно сочетается с программным обеспечением, которое предлагает количественный анализ движений зрачков и времени фиксации взгляда. Это система намного эффективнее, поскольку время реакции составляет всего несколько десятков миллисекунд. Такое измерение может выполнить только программное обеспечение для обработки изображений.

В некоторых случаях анализ данных может представлять некоторые трудности. Чтобы их проиллюстрировать, мы представляем случай цифрового этнографического анализа с использованием отслеживания взгляда применительно к управлению роботом.

Вкратце, трудовая деятельность заключается в удаленном управлении роботом, вне поля зрения, с помощью панели управления и экранов. Панель управления оснащена джойстиком и переключателями для подхвата объекта шарнирной рукой робота и затем переноса его в контейнер. Время операции варьируется от 10 до 20 минут, в зависимости от пилота. При телеоперации вне зоны видимости (пилот не видит робота) пилот полагается на видеосигналы с камер на борту робота. Видео проецируется на экраны перед пилотом. Использование айтрекинга (окулографии) позволяет анализировать получаемую пилотом информацию во время его трудовой деятельности. Это дает возможность ответить на следующие вопросы. Какую информацию видит пилот на экранах? Часто ли пилот смотрит на панель управления по отношению к экрану? Сколько времени пилоту требуется для сбора информации и где? Собранные данные дают ответы на эти вопросы. Они также позволяют сравнивать стиль управления одного пилота со стилем другого (например, опытного и новичка). Эта информация чрезвычайно важна для улучшения производительности и подготовки пилотов. Совсем недавно мы проводили исследование деятельности пилотов из группы роботизированного вмешательства при авариях (группа INTRA, Франция). Мы обнаружили, что время фиксации взгляда опытного пилота представляет собой распределение, экстремум которого находится в центре 200 мс по сравнению со 150 мс для начинающего пилота. Для объяснения полученных результатов возникли две гипотезы: 1) время, необходимое для получения информации, является составляющей мастерства опытного пилота: опытный пилот улавливает больше информации, глядя на экран, и это объективируется длительностью фиксации; 2) Опытные пилоты, как правило, старше пилотов-новичков, и физиологически им требуется больше времени, чтобы усвоить ту же информацию, что и пилотам-новичкам. На данном этапе нашего исследования отмечается отсутствие корреляции между возрастом пилотов и временем фиксации, с одной стороны, а с другой – наличие корреляции между работоспособностью пилотов и длительностью их стажа деятельности по пилотированию, что свидетельствует в пользу гипотезы 1. Действительно, результативность опытных пилотов значительно

выше, чем у начинающих пилотов. Если последующие эксперименты подтвердят гипотезу 1, то обучение будет включать в себя специфические средства получения информации с управляющих экранов.

В заключение отметим, что использование окулографии (eye-tracking) в цифровой этнографии позволяет улучшить анализ человеческой деятельности по сравнению с использованием традиционных камер. Окулография уже показала возможный вклад полученных результатов в улучшение тренировок школьников и работников разных специальностей [4; 5]. Отслеживание взгляда в процессе применения метода цифровой этнографии позволяет получить доступ к деталям деятельности, которые традиционные камеры не могут выделить. Таким образом, это дает возможность повысить уровень эффективности обучения. Данное исследование в очередной раз [3] выступает в качестве аргумента в пользу систематического использования отслеживания глаз в цифровой этнографии.

Литература

1. *Фоке-Алехин Ф., & Мартинес П.* Повышение компетенций школьников на основе применения модели “воспринимаемый квадрат действия // *Материалы конференции Социальная психология и общество: История и Современность*, 15-16 октября 2019. М., с. 479-475.
2. *Ле Беллу С., Лалу С., Носуленко В. и Самойленко Е.* Сохранение и воспроизведение характеристик профессионального жеста // *Технологии сохранения и воспроизведения когнитивного опыта / Носуленко В., (ed.)*, М., 2016, 382-403.
3. *Фоке-Алехин Ф.* Цифровая этнография, применяемая для улучшения обучения: приложение для отслеживания взгляда. // *Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьев*, 11 – 12 мая 2023 г., М., МГППУ, 2023, с. 859-862.

4. Сильников С.Н., Агаджанян О.С., Натуральников И.О. Особенности распределения внимания у операторов профиля. // ФГБВОУ ВО «Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова» МО РФ. СПб, том 39. № S1-2, 2020, с. 166-170.
5. Алкснит Н.А. Пилотное исследование аспектов мультимодальной коммуникации на онлайн-уроках по РКИ методом айтрекинга // III Костомаровский форум. Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. 2023, с. 49-53.

**Опыт использования гештальт-терапевтической игры
«Королевство» как инструмента развития ролевой структуры
класса в школе-интернате**

Фокина А.В.

*ОАНО ВО «МИТУ», Москва, Россия
alexandrafokina@mail.ru*

Класс в школе-интернате обладает характеристиками, позволяющими отнести его к числу закрытых малых групп. Социальная депривация носит добровольно-вынужденный характер и сопровождается неразрывностью цели и необходимости резко ограничить контакты с людьми вне образовательного учреждения [1]. Рассматриваемая нами школа-интернат, где происходит обучение художественно одаренных детей, включает в себя образовательное учреждение, мастерские, выставочный зал, спортивный центр. В школе учатся дети в возрасте от 10-11 до 17 лет, девочек втрое больше, чем мальчиков. В каждом классе от 20 до 27 человек, у класса, помимо классного руководителя, имеются кураторы, на которых возложена функция присмотра за учениками в интернате: обеспечение безопасности, организация питания, прогулок, поддержания чистоты, редких выходов в магазины. Уроки идут с 9-00 до 18-00, но возможны и нередки, особенно в старших классах, занятия, продолжающиеся еще 2-3 часа. Имеются объемные домашние задания и специальные процедуры просмотра творческих работ, вызывающие значительную тревогу обучающихся.

Общеобразовательная программа осваивается в дообеденное время, после обеда ведется обучение профильным дисциплинам. Оно идет в мастерских, находящихся между собой в состоянии тлеющей, а иногда обостряющейся конкуренции. Школа пользуется заслуженным профессиональным признанием сообщества, любовью учеников, преданностью значительной доли преподавательского состава (в школе зарплаты ниже средних зарплат педагогов по региону, в основном старое и скудное оснащение и др.), высоким уровнем поступлений обучающихся в профильные вузы, значительным количеством талантливых, именитых выпускников – художников и скульпторов.

Учебная нагрузка, вынужденное проживание учеников вдали от семей, высокая интенсивность образовательного процесса позволяют характеризовать это образовательное учреждение как закрытое. Хотя закрытость умеренная, имеются такие признаки, как преобладание монодеятельности, изоляция от внешних контактов, разрешение конфликтов и затруднений своими силами, ограниченная возможность сбросить вовне отрицательный эмоциональный заряд [2]. Одновременно в любом классе как малой группе, независимо от вида образовательного учреждения, имеют место групповые феномены, в частности, иерархизация взаимоотношений, групповое влияние, фасилитация и ингибция, аттракция и отвержения и др. Закрытость обостряет поляризацию микрогрупп и решение вопросов, имеющих отношение к неформальной власти. Эти стороны социально-психологических процессов имеют и непосредственные поведенческие, и глубинные, часто бессознательные причины и проявления. Именно поэтому в числе инструментария решения социально-психологических проблем класса в закрытой школе могут быть использованы игровые практики, основанные на символическом преодолении проблем. Гештальт-терапевтическая игра «Королевство» (Д.Н. Хломов) – один из таких инструментов.

Игра – важный инструмент, в том числе, для освоения отношений, репетиция возможной жизни, новых или давно отвергаемых моделей поведения [3, с. 37]. Фабула игры состоит в свободном выборе каждым учеником любой роли в сказочном королевстве, в которое временно превращается класс. Роли могут быть не только сказочными, но и фантастическими, мифическими, а также обыденными.

Участники выбирают короля или королеву, назначающих еще две роли, например, министра и принцессы, каждый выбранный даст роли еще двоим и так далее, в итоге все получают, а затем называют свои роли, находят свои места в пространстве кабинета («на территории королевства»). Затем проходят два действия: каждый имеет право поменять что-то в своей роли (не хочу быть воином, хочу быть поэтом), что-то в королевстве (добавить денег в казну, перенести границу, подарить волшебную способность), а также поменять роль любого другого игрока, вознести или убить, отправить в заключение и др. На шеринге обсуждаются роли, перемены позиций, переживания, ожидаемые и неожиданные выборы. Подростки (13 – 16 лет) особенно остро реагируют на роли с максимальной и минимальной социальной властью: почти всегда группа понижает власть ею же выдвинутого короля и почти всегда облагораживает, повышает роль тех, кто добровольно выбрал низкостатусные роли – слуги, уборщицы, изгой и прочее. На шеринге обнаруживается неожиданность таких перемен не только для игрока, чью власть осадили или дополнили мудрым советником, веселым принцем или Бабой Ягой, но и для того, кого «подняли»: переделали из служанки в учительницу, из слуги в волшебника и др. Подростки акцентируют внимание на том, что увидели роли, на которые одноклассники претендуют и в игре, и в действительности, как через увеличительное стекло, что сопровождалось внезапным для них сопереживанием или несогласием с привычной ролью. Поведенческие результаты игры отмечают педагоги и сами школьники: смягчается поляризация, возникают новые контакты и способы поддержки.

В закрытой группе резкие изменения могут быть опасны, но прожитые в символической форме и игровом пространстве, побужденные в том числе неосознаваемыми процессами, но частично отрефлексированные, они легче принимаются подростками.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* Социально-психологическая служба в образовании. Закрытые образовательные учреждения: учебное пособие для вузов. М., 2024.

2. *Радина Н.К.* Социально-психологический феномен «закрытости» М.Ю. Кондратьева: от «закрытой группы» – к «закрытому обществу» // *Социальная психология и общество.* 2016. Том 7. № 1. С. 45–58.
3. *Хломов Д.Н.* Арт-терапия в гештальте / *Сборник материалов Московского гештальт-института.* М., 2012.

Соотношение типов привязанности и базовых ценностей у молодежи в реальной и виртуальной среде

Фролова М.А., Клементьева М.В.

*Финансовый университет, Москва, Россия
marriiafr@mail.ru, marinaklemetyva@yandex.ru*

Романтическая привязанность является значимым человеческим опытом, влияющим на человеческие отношения и поведение внутри них. Исследования привязанности начались в середине 20 века с работ Дж. Боулби и М. Эйнсворт.

На сегодняшний день привязанность рассматривается в контекстах: удовлетворенность отношениями (Т.П. Опекина), стиль любви (О.А. Екимчик), коммуникативные реакции на ревность (А.А. Кашина), устойчивость к конфликтам (Е.Е. Волкова) и стрессовым факторам (U. Girmе Yuthika), эмоциональное благополучие, самооценка, межличностные навыки (Т. Ein-Dor, М. Mikulincer, G. Doron, Р. Shaver). Стало очевидно, что взрослые, которые выросли с надежной привязанностью, склонны к доверительным, близким отношениям, не боятся быть открытыми в своих эмоциях. Тревожный тип привязанности характеризуется неуверенностью в отношениях, зависимостью от партнера. Избегающий тип – тем, что взрослые чувствуют себя неудобно при проявлении эмоций, не ищут поддержки и общения со своими партнерами.

Одним из актуальных вопросов является соотношение привязанности и базовых ценностей, смыслов. Схожесть ценностей помогает партнерам лучше понять друг друга, справляться с трудностями и укреплять свою связь на основе общих ценностей и уважения различий. Это создает основу для здоровых и

благополучных отношений. В современных исследованиях на тему романтических отношений (С.П. Акутина, Е.К. Узденова, С.А. Ильиных) авторы выделяют ценности: семейные (брак, родительство и воспитание ребенка, взаимоотношения внутри семьи, ролевые ожидания, чувство любви и взаимное уважение), социально-культурные (нравственность, мораль, традиция, культура, духовность, социализация), социально-экономические (материальное благосостояние), физиологические и эмоциональные ценности.

Сложность заключается в том, что современный мир – это мир не только реальных отношений, но и отношений в виртуальной среде, где система отношений может значительно отличаться. Несмотря на исследования романтических отношений в онлайн-среде (Е.В. Тихомирова, В.В. Шибакова, Л.С. Панкратова), недостаточно изучен вопрос соотношения типов привязанности с базовыми ценностями в двух средах – реальной и виртуальной.

Цель нашего исследования: анализ взаимосвязи между типами привязанности у молодых людей и базовыми ценностями у молодых людей в реальной и виртуальной среде.

Гипотеза: взаимосвязи между типами романтической привязанности и базовыми ценностями у молодых людей различаются в реальной и виртуальной среде.

Методики: опросник взрослой привязанности ААI [1, с. 94] и методика Ш. Шварца [2, с. 57], модифицированные с использованием метода многомерного шкалирования. Участникам было предложено оценить степень согласия на каждое из оригинальных утверждений в двух ситуациях: «в интернете», «в жизни». Оценка степени конфликтности двух сфер (реальной и виртуальной) осуществлена с использованием процедуры, предложенной Е.Б. Фанталовой [3, с. 32].

Методы статистического анализа: корреляционный анализ с использованием критерия Спирмена, сравнительный анализ с использованием критерия Вилкоксона.

Участники: 36 человек, 19 девушек и 17 мужчин в возрасте от 18 до 25 лет. Все участники имеют опыт романтических отношений (в прошлом или настоящем).

В результате анализа обнаружено что между тревожностью и избеганием в романтических отношениях в реальной и виртуальной среде существует связь ($p < 0,001$), при этом показатели более

выражены в виртуальной среде ($p < 0,001$). Полагаем, что ограниченность коммуникации, иллюзия контроля, отсутствие физического контакта, страх быть отвергнутым, непостоянная доступность партнера могут способствовать более выраженным симптомам тревожной и избегающей привязанности в отношениях в сети.

В виртуальной среде избегание в романтических отношениях отрицательно коррелирует с реализуемостью ценностей стимуляции, власти и благожелательности ($p < 0,05$). Для партнеров, которые склонны к избеганию близости, полнота жизненных ощущений и стремление к новизне могут быть вызовом. Возможно, виртуальное пространство часто предоставляет возможность уйти от реальных эмоциональных взаимодействий, что может затруднить достижение живости и остроты эмоций в отношениях. Молодые люди с избегающим типом привязанности, имеющие склонность к сдержанности в проявлении чувств, могут испытывать сложности с достижением социального статуса и престижа в романтических виртуальных отношениях. Они могут избегать лидерства и доминирования из-за своей склонности к удерживанию на расстоянии. А для тех, кто мотивирован поддержанием благополучия, виртуальная среда может создавать дистанцию и затруднить установление близких связей. Они могут испытывать трудности с выражением заботы в онлайн-среде.

Более важны в реальной среде, чем в виртуальной, ценности стимуляции, достижения, власти, безопасности ($p < 0,001$), гедонизма, благожелательности ($p < 0,01$), самостоятельности, конформности, универсализма ($p < 0,05$). Это может указывать на приоритетность реальной среды для реализации ценностей. Возможно, молодые люди чувствуют себя недостаточно компетентными в онлайн-среде, относятся к ней с осторожностью, так как считают ее сложной. Или же виртуальная среда не выступает для партнеров в качестве нового и интересного опыта.

Выводы: тревожность и избегание в романтических отношениях более выражены в виртуальной среде, чем в реальной. В виртуальной среде избегание сопряжено с недоступностью ценностей стимуляции, власти и благожелательности. Безбарьерная реализация ценностей в

реальной среде, по сравнению с виртуальной, более значима в группах современных молодых людей.

Литература

1. *Вацурина Ю.М.* Адаптация опросника взрослой привязанности как инструмента социальной диагностики // Психологическая диагностика. 2014. №3.
2. *Карандашев В.Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
3. *Фанталова Е. Б.* Методика «Уровень соотношения “ценности” и “доступности” в различных жизненных сферах» // Журн. практ. психолога. 1996. № 2.

Психологические предпосылки толерантного отношения к гендерному насилию у мужчин

Хавыло А.В., Панова С.И.

*КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
khavylo@strider.ru, sofiaapanovvv@yandex.ru*

Гендерное равенство и борьба с гендерным насилием являются ключевыми областями общественного и научного интереса. Психологическая склонность мужчин к толерантности к гендерному насилию, обусловленная воспитанием, культурными нормами и представлениями о маскулинности требует особого внимания. По данным ВОЗ 35% женщин мира сталкиваются с физическим или сексуальным насилием. В России, где точная статистика отсутствует и лишь около 10% жертв обращаются за помощью, женщины являются основными пострадавшими от домашнего насилия, что подтверждается обращениями в службы поддержки [3].

В отечественной психологии изучением различных аспектов насилия занимались С.Н. Ениколопов, С.С. Даренских, Е.С. Хвостова, А.В. Хавыло, И.С. Седенкова и др [1; 2; 5; 6; 9]. Среди известных

зарубежных исследователей можно отметить работы К. Брикель, М. Джонсона, П. Робинс и др. [7; 8; 10].

Выборку исследования составили 100 мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Для изучения опыта гендерного насилия у мужчин в межличностных отношениях, а также отношения к гендерному насилию в целом в исследовании использовался метод кейсов. Варианты ситуаций составлены на основе проанализированной литературы по проблеме гендерного насилия и по результатам опроса женщин – жертв насилия. Каждая ситуация (кейс) оценивалась испытуемым как допустимая или недопустимая в целом, также рассматривался перенос ситуации на межличностные отношения испытуемого в настоящее время. Помимо этого, был использован «Опросник отчуждения моральной ответственности» С. Мур (MD-8) в адаптации Я.А. Ледовой, Р.В. Тихонова, О.Н. Боголюбовой, Е.В. Казенной, Ю.Л. Сорокиной [4].

Статистический анализ полученных данных позволил выявить наличие положительной корреляции между толерантностью к гендерному насилию и отдельными механизмами отчуждения моральной ответственности.

«Смещение ответственности» и «Рассеивание ответственности» значительно коррелируют с толерантностью к физическому насилию. Возможно, это связано с оправданием агрессии под влиянием внешних факторов или нормативного давления.

Выраженность механизмов «Эвфемистический ярлык», «Дегуманизация» и «Атрибуция вины» имеют высокую корреляцию с толерантностью к психологическому насилию. Использование особых выражений для смягчения отношения к насилию или возложение вины на жертву может способствовать толерантности к психологической форме гендерного насилия. Это может служить способом защиты собственного «Я» от признания вины, позволяя индивиду избежать полной ответственности за свои действия.

С сексуальным насилием связаны механизмы «Смещение ответственности» и «Рассеивание ответственности», что, по-видимому, также отражает тенденцию оправдания насилия через внешние обстоятельства или коллективное давление. Мужчины могут оправдывать насилие, считая, что агрессор действует под влиянием

внешних обстоятельств или что такое поведение является общепринятым и, следовательно, приемлемым.

Полученные результаты исследования указывают на сложную взаимосвязь между толерантностью к гендерному насилию у мужчин и различными психологическими механизмами отчуждения моральной ответственности. Эти механизмы включают смещение и рассеивание ответственности, эвфемистические ярлыки, атрибуцию вины и дегуманизацию. Наличие корреляции между этими механизмами и толерантностью к различным видам насилия (физическим, психологическим, и сексуальным) подчеркивает психологическую основу, лежащую в сердце толерантности к насилию.

Отсутствие связи механизмов отчуждения моральной ответственности с экономическим насилием указывает на то, что этот вид насилия может иметь другую психологическую основу, не связанную с рассмотренными механизмами отчуждения моральной ответственности.

В целом, результаты подчеркивают значимость понимания психологических механизмов, лежащих в основе толерантности к гендерному насилию, что может способствовать разработке более целенаправленных программ по предотвращению и преодолению такого насилия. Это особенно важно для создания эффективных интервенций, нацеленных на изменение отношения и поведения, связанных с гендерным насилием в обществе.

Литература

1. *Даренских С.С.* Семейное насилие в отношении женщин // Известия Алтайского государственного университета. 2013. № 78 (2). С. 52–55.
2. *Ениколопов С.Н.* Современные проблемы психологии семейного насилия / Домашнее насилие в отношении женщин: Масштабы, характер, представления общества / С.Н. Ениколопов, «МАКС–Пресс», М., 2003. 171 с.
3. *Забелина Т.А.* Женщина и насилие / Т.А. Забелина, М.: «ЭКСМО Пресс», 2001. 105 с.

4. *Ледовая Я.А. [и др.]*. Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 4. С. 23–29.
5. *Седенкова И.С., Хавыло А.В.* Психологические предпосылки толерантности женщин к проявлениям гендерного насилия в межличностных отношениях Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2021.С. 260–262.
6. *Хавыло А.В., Седенкова И.С., Пригожева Н.Е.* Гендерные стереотипы и гендерное насилие в межличностных отношениях М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2022. С. 502–505.
7. *Brickell K., Maddrell A.* Gendered violences: The elephant in the room and moving beyond the elephantine // Dialogues in Human Geography. 2016. № 2 (6). С. 206–208.
8. *Johnson M.P.* Domestic Violence: It’s Not About Gender—Or Is It? // Journal of Marriage and Family. 2005. № 5 (67). С. 1126–1130.
9. *Khavylo A.V. et al.* Psychological prerequisites for women’s tolerance to gender-based violence in relationship. Moscow, 2019.
10. *Robbins P.C., Monahan J., Silver E.* Mental Disorder, Violence, and Gender // Law and Human Behavior. 2003. № 6 (27). С. 561–571.

Сравнительный анализ отношения к бытовым рискам и рискам дорожно-транспортной среды

*Харченко М.А., Заблоцкая С.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
maxquail@gmail.com, Mariposa71@mail.ru*

Развитие цивилизации неразрывно связано с повышением транспортной мобильности, что в свою очередь, приводит к появлению проблемы безопасности дорожного движения. Ее разрешение носит системный характер и находится в сфере междисциплинарного взаимодействия различных государственных,

социальных, экономических и других институтов гражданского общества. В целях выработки эффективных инструментов повышения безопасности транспортной системы изучаются различные факторы, влияющие на безопасность дорожного движения, в том числе социально-психологические.

Один из феноменов, изучение которого лежит в центре решения проблемы транспортной безопасности – отношение человека к рискам, изучение которого началось еще с развитием промышленности, повлекшей появление т.н. «техногенных рисков». Реализованные в XX–XXI вв. исследования, безусловно, позволили повысить уровень жизни большого количества людей и увеличить ее продолжительность. При этом, однако, проявилась взаимосвязь прогресса с повышением уровня опасности и риска наступления событий со значительными отрицательными последствиями [1].

В современной психологии дорожно-транспортной среды понятия «опасность» и «риск» противопоставляются понятию «безопасность». Однако, эти понятия, родственные по своей сути, различаются по последствиям: опасность является источником потенциального ущерба или вреда, а риск – это вероятность того, что человек пострадает от опасности.

Большинство исследователей под рискованным поведением понимают склонность участвовать в деятельности, которая с высокой вероятностью может привести к травме или смерти (физический риск) [6]. Риск является, прежде всего, реализацией определенной личностной черты – готовности к поиску острых ощущений, переживаний. Толерантное отношение к опасности реализуется в рискованном поведении, как в быту, так и в условиях дорожно-транспортной среды. Таким образом, отношение к рискам дорожно-транспортной среды – это частный случай рискованного поведения индивида.

Согласно статистическим данным Всемирной организации здравоохранения, Россия находится на 72-м месте по уровню смертности в ДТП на 100000 населения, остальные развитые страны существенно ниже: на 110–130 позициях [8]. Общее количество погибших в России в 2021 году в результате ДТП составило 17000 человек [7], а от различных причин, не связанных с болезнями и возрастом, в 2021 году в России умерло 8,5% от общего числа всех

скончавшихся, из них 1,5% (более 100000 человек) – несчастные случаи; смерть в дорожно-транспортных происшествиях – около 0,6% [9]. Согласно же данным Росстата России, количество самоубийств в 2021 году составило около 2000 человек, из которых более трети – дети и подростки [7].

Основными причинами «бытовой» смертности в 2021 г. явились следующие:

- падение с высоты;
- воздействие механизмов и предметов;
- падение предмета на человека;
- дорожно-транспортное происшествие.

Падение с высоты по роду смерти чаще всего является несчастным случаем (в быту или на производстве), реже – самоубийством или убийством. Впервые падение с высоты как самостоятельный раздел судебно-медицинской травматологии было выделено проф. Н.В. Поповым [3], до этого повреждения при падении с высоты рассматривались среди повреждений тупыми твердыми предметами вообще.

Транспортная травма и падение с высоты объединены общим признаком – столкновение с тупым твердым предметом, при этом в первом случае движутся оба: и человек, и предмет, а во втором – только человек. Степень получаемых травм зависит от скорости движения автомобиля, либо высоты падения. В исследованиях показано, что при лобовом ударе о препятствие люди, находящиеся внутри автомобиля, испытывают значительные перегрузки, что и при падении с различной высоты. Например, тяжесть травм, получаемых человеком при наезде автомобиля на препятствие со скоростью 30 км/ч, соответствует падению человека с высоты 3,5 м. Тяжесть травмирования при лобовом ударе автомобиля резко возрастает с увеличением скорости его движения, при этом возрастание скорости в 2 раза эквивалентно росту высоты падения в 4 раза. Последствия травм, которым подвергается водитель и пассажиры, когда автомобиль врезается в неподвижное препятствие на скорости 80 км/ч эквивалентны, таким образом, тяжести травм от падения с высоты 10-ти этажного дома [4].

Объединяет эти события тот факт, что сам индивид как будто делает самостоятельный выбор – рисковать ему или нет, либо не осознает степень риска.

Вопрос индивидуальных различий восприятия и принятия риска, в целом, достаточно изучен. Существует, например, социологическая теория «общества риска» У. Бека, которая базируется на недоступности знания о риске в рамках индивидуального опыта [2]. М. Дуглас и А. Вильдавски [2] разработали культурно-символическую теорию, где восприятие риска зависит от мировоззренческих установок. К. Дейк и А. Вильдавски [4] предложили «теорию знания», согласно которой, люди оценивают опасность, только когда у них имеется информация об этой опасности.

Существуют попытки связать восприятие риска и опыта взаимодействия с ним. Б. Ричардсон, Дж. Соренсон и Э. Содерстрем (B. Richardson, J. Sorenson, E. Soderstrom) [5] установили обратно пропорциональную зависимость опыта и чувствительности к опасности. Повторяющиеся встречи с угрозами приводят к снижению чувствительности к ним и пересмотру границ допустимого риска. Личный опыт встречи с опасностью, таким образом, снижает уровень значимости экспертного мнения.

Таким образом, современные обыденные представления о риске очень разнообразны. Однако, практически не исследован вопрос сходства механизмов формирования негативного восприятия человеком бытовых рисков и рисков дорожно-транспортной среды. Актуальность психологического исследования бытовых рисков и рисков дорожно-транспортной среды продиктована недостаточностью теоретической изученности фактора переноса механизма формирования установок восприятия опасности в быту на восприятие опасности в условиях дорожно-транспортной среды, посредством развития у участников дорожного движения осознанности и внимательности. А выявление сходств и отличий механизмов формирования отношения к бытовым рискам и рискам дорожно-транспортной среды может иметь практическое значение в выработке механизма снижения толерантности индивида к рискам в целом.

Литература

1. *Альгин А.П.* Риск и его роль в общественной жизни. – М.: Мысль, 2000. – 152 с.
2. *Бек А.* Предисловие к выпуску московского психотерапевтического журнала, посвященному когнитивной психотерапии // Московский психотерапевтический журнал, 1996, № 4.
3. *Вещикова М.И.*, аспирант отдела медицинской психологии, ФГБУ «Научный центр психического здоровья» РАМН. Обзор исследований восприятия опасности и перспективы его изучения в клинической психологии развития // Москва, Россия, mveshchikova@gmail.com.
4. *Вильдавски А., Дейк К.* Теории восприятия риска: кто боится, чего и почему? // Альманах «THESIS» (Theory and History of Economic and Social Institutions and Systems; Теория и история экономических и социальных институтов и систем). 1994. № 5. С. 268–270.
5. *Richardson B., Sorenson J., Soderstrom E.J.* Explaining the social and psychological impacts of nuclear plant accident// Journal of Applied Social Psychology. 1987. Vol. 17. № 1. P. 16–36.
6. *Zuckerman M, Kuhlman DM.* Personality and risk-taking: common biosocial factors. J Pers. 2000-68(6):999-1029. doi:10.1111/1467-6494.00124.

Сравнение психологических аспектов качества коммуникации в офлайн и онлайн коммуникации: обзор исследований

Цигеман Э.С., Марарица Л.В.

*Лаборатория социальной и когнитивной информатики
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия
etsigeman@hse.ru*

После разработки Web 2.0 значительная доля общения стала компьютерно-опосредованной. Этот сдвиг оказывает глубокое влияние на свойства и результаты межличностного общения [6].

Исследование этого влияния и интеграция существующих данных осложняется теоретической, концептуальной и методологической

неоднородностью исследований [5]. Сходные понятия в исследованиях называются по-разному, а понятия, имеющие разное значение, обозначаются одними и теми же словами. Так, исследования влияния каналов связи на самораскрытие изучают его аспекты: объем [1] или интимность [4]. Разница в терминологии и операционализации затрудняет понимание результатов.

Существующие обзоры сравнительных исследований ограничиваются отдельными аспектами общения, такими, как самораскрытие [9]; контекст [8]; или метод анализа, например, контент-анализ [7]. Самый близкий по тематике систематический обзор ограничивается использованием социальных сетей среди молодежи [3], исключая другие выборки и формы коммуникации.

Настоящий обзор посвящен последним сравнительным исследованиям межличностного общения онлайн и офлайн. Исследовательские вопросы: (1) «Какие аспекты межличностного общения сравнивались?» (2) «Как эти аспекты были измерены в сравнительных исследованиях?» и (3) «На какой теоретической основе базируется исследование?».

Статьи для обзора отобраны согласно следующим критериям: (1) опубликованы с 2010 по 2023 год, (2) содержат сравнительное эмпирическое исследование коммуникации лицом к лицу и опосредованно в отношении межличностного общения. Отбор проводился в три этапа: ручной поиск в Google Scholar и Scopus с использованием ключевых слов, изучение списков литературы из найденных документов, расширение поиска с помощью Connected papers [11]. Всего было найдено 179 статей, из них 51 соответствовали критериям и включены в анализ.

Два эксперта проанализировали эти публикации, выявив аспекты или свойства общения, рассматриваемые в них, и уделив особое внимание изучаемым аспектам межличностного общения. Затем эти аспекты были объединены в более широкие категории на основе сходства методов измерения (операционализации), а не терминологии.

Этот анализ выявил восемь аспектов межличностного общения: 1) социальное присутствие и участие, 2) синхронизация, 3) самораскрытие и раскрытие информации, 4) аффилиация и доминирование, 5) аттракция, 6) социальная чувствительность, 7) удовлетворенность взаимодействием и 8) качество отношений. Методологическая конвергенция различается по аспектам

исследования, но не всегда связана с результатами. Исследования удовлетворенности взаимодействием показали совпадение результатов несмотря на различия в методологии, в то время как исследования аттракции привели к разным выводам вопреки единой методологии. Мы обнаружили четыре «общие» теории, которые служат основой для гипотез относительно большинства аспектов общения лицом к лицу и опосредованно: теория обработки социальной информации [13], гиперличностная модель коммуникации [12], теория медиа-богатства [2] и теория социального присутствия [10].

Исследования подтверждают преимущества коммуникации лицом к лицу по многим аспектам, но устойчивость этого преимущества зависит от таких модераторов, как характер отношений и цели общения, которые могут влиять на результат. Обзор способствует пониманию различий между каналами коммуникации и предоставляет основу для будущих исследований.

Литература

1. *Antheunis M.L. [и др.]. Interactive Uncertainty Reduction Strategies and Verbal Affection in Computer-Mediated Communication // Communication Research. 2012. № 6 (39). С. 757–780.*
2. *Daft R.L., Lengel R.H. Organizational Information Requirements, Media Richness and Structural Design // Management Science. 1986. № 5 (32). С. 554–571.*
3. *Dredge R., Schreurs L. Social Media Use and Offline Interpersonal Outcomes during Youth: A Systematic Literature Review // Mass Communication and Society. 2020. № 6 (23). С. 885–911.*
4. *Jiang L.C., Bazarova N.N., Hancock J.T. From perception to behavior: Disclosure reciprocity and the intensification of intimacy in computer-mediated communication // Communication Research. 2013. (40). С. 125–143.*
5. *Linden A.H., Hönekopp J. Heterogeneity of Research Results: A New Perspective From Which to Assess and Promote Progress in Psychological Science // Perspectives on Psychological Science. 2021. № 2 (16). С. 358–376.*

6. *Orlosky J. [u dp.]*. Telelife: The Future of Remote Living // *Frontiers in Virtual Reality*. 2021. (2).
7. *Rains S.A., Peterson E.B., Wright K.B.* Communicating Social Support in Computer-mediated Contexts: A Meta-analytic Review of Content Analyses Examining Support Messages Shared Online among Individuals Coping with Illness // *Communication Monographs*. 2015. № 4 (82). С. 403-430.
8. *Rhoads M.* Face-to-Face and Computer-Mediated Communication: What Does Theory Tell Us and What Have We Learned so Far? // *Journal of Planning Literature*. 2010. № 2 (25). С. 111–122.
9. *Ruppel E.K. [u dp.]*. Reflecting on Connecting: Meta-Analysis of Differences Between Computer-Mediated and Face-to-Face Self-Disclosure: Computer-Mediated and Face-to-Face Self-Disclosure // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2017. № 1 (22). С. 18–34.
10. *Short J., Williams E., Christie B.* The social psychology of telecommunications / J. Short, E. Williams, B. Christie, London; New York: Wiley, 1976. 195 с.
11. *Tarnavsky Eitan A. [u dp.]*. Connected Papers // 2022.
12. *Walther J.B.* Computer-Mediated Communication: Impersonal, Interpersonal, and Hyperpersonal Interaction // *Communication Research*. 1996. № 1 (23). С. 3–43.
13. *Walther J.B.* Interpersonal Effects in Computer-Mediated Interaction: A Relational Perspective // *Communication Research*. 1992. № 1 (19). С. 52–90.

**Феномен мотивации в организационной психологии:
комплексный подход**

Чалышев А.М., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alexandr.dev2011@gmail.com

В организационной психологии понятие «мотивация» является одним из фундаментальных, поскольку обеспечивает достижение (или не достижение) целей организации и ее сотрудников. В психологической науке понятие «мотивация» используется для

682

выделения телеологического аспекта поведения, объяснения его целевой направленности. Данное рассмотрение невозможно в отрыве от процессов, которые тесно связаны с мотивацией: восприятие, сознание, воображение и т.п. [1; 2]. Бельгийский психолог Ж. Нюттен представил концептуальную модель, которая способна комплексно описать вышеуказанные процессы, поэтому особое внимание в данной работе будет уделено именно его трудам [3].

Начать рассмотрение теоретической модели, описывающей мотивационные процессы, целесообразно с рассмотрения понятия «Поведение», т.к. его трактовка напрямую связана с деятельностью практических психологов в организации. Поведение – динамика человека, его функционирование в самом широком смысле. Оно включает в себя все изменения, которые претерпевает индивид.

Основными характеристиками поведения являются следующие:

- оно имеет не только внешнее проявление, но и внутреннее (движение мысли, представлений индивида о себе и мире, также является продуктом его поведения);
- оно является интегрированным процессом, затрагивающим все психические процессы;
- оно непрерывно (в каждый момент времени человек производит какое-то поведение, даже при отсутствии моторных или осознаваемых когнитивных проявлений) [3].

Поведение состоит из 3-х компонентов: 1) ситуация, в которой находится индивид, и то, как он ее воспринимает (Поведенческий мир); 2) цель, предпочитаемый образ действительности, к которому индивид стремится (Конструкция Средство-Цель); 3) действия, которые индивид совершает для достижения цели [2; 3].

Понятие «Ситуации» имеет важное значение и является отправной точкой в понимании человеческого поведения. Оно содержит не только информацию о внешнем мире объектов, которые представлены индивиду, но и его внутренние убеждения, представления и ценности. Внешний мир определяется как «Перцептивный мир», внутренний – «Концептуальный мир». Два человека, увидев в одном и том же месте одну и ту же чёрную кошку, будут находиться в разных ситуациях, в силу суеверности одного и непоколебимости перед магическим мышлением второго.

Ж. Нюттен описывает механизм формирования концептуального мира, который влияет на отличия в восприятии людьми одной и той же объективной действительности.

1. Человек производит поведение с тем или иным объектом окружающей его действительности.
2. В ходе данного поведения объект удовлетворяет или фрустрирует потребности индивида.
3. При многочисленном повторении взаимодействия индивида с данным объектом, у него формируется усреднённый образ этого объекта и представление о его функциональности [3].

Из вышеизложенного механизма следует то, что объект для нас представлен не статическим образом, а представлением о том, как мы можем этим объектом воспользоваться. Это называется практическим смыслом объектов.

Помимо приведенного ранее механизма, индивид формирует концептуальный мир также на основании коммуникативных процессов. Наш круг общения транслирует нам практический смысл объектов при помощи слов, что является достаточной основой для преобразования нашего концептуального, а фактически и перцептивного, внутреннего мира. Индивид имеет способность и самостоятельно создавать практические смыслы при помощи интеллектуальных способностей.

На основании поведенческого мира (ситуации) и состояния нужды человек строит предпочтительную ситуацию, в которой ему бы хотелось оказаться. Она уже содержит в себе примерный план по ее достижению, что Ж. Нюттен определяет инструментальной мотивацией. Выбор средств достижения предпочтительной формы взаимодействия с миром зависит от следующих критериев.

- Инструментальность акта (данный критерий хорошо представлен в концепции В. Врума и содержит в себе веру в успешность выполнения действия и веру в то, что данное действие приведет нас к предпочтительной ситуации).
- Отдаленность результатов действий во времени (чем дольше достигает цель данными средствами, тем с меньшей вероятностью они будут выбраны).
- Количество альтернатив (при большом разнообразии средств достижения цели каждое из них будет иметь меньшую

предпочтительность, в сравнении с наличием единственного способа достижения предпочтительной ситуации) [2; 3].

При наличии определенной ситуации, поставленной на ее основании цели и средств достижения данной цели, человек переходит к действиям, что является наименее изученным механизмом в психологии мотивации. Данный переход от внутренних планов к действиям Ж. Нюттен описывает моделью «STOTE», которая является модификацией кибернетической модели «TOTE». Она содержит в себе следующие этапы: 1) S – построение стандарта (предпочтительной ситуации); 2) T – тестирование (сравнение актуальной ситуации и предпочтительной на предмет сходства или различия); 3) O – операции (при расхождении актуальной и предпочтительной ситуации индивид действует с целью устранения противоречия); T – тестирование (повторное сравнение с целью отслеживания результата наших действий); E – выход из алгоритма (в случае достижения предпочтительной ситуации, человек завершает действие) [3].

Переход к действиям Ж. Нюттен предлагает объяснять через возникновение напряжения при противоречии актуальной и целевой ситуаций и через осуществление действий с целью снятия этого напряжения, что находит свое подтверждение в теоретических моделях гештальт-психологов в понятии «Идеальная форма».

Данный подход подчеркивает единство субъекта, внешнего мира, образа предпочтительной среды (конструкция средство-цель), действий и сравнения результата с желаемым образом. Иными словами, акцентируется целостность непрерывного процесса поведения, мотивационных процессов и их когнитивной основы. Значительным преимуществом данной модели при использовании анализа мотивации в рамках организационной психологии является рассмотрение мотивационных процессов не как инициирующего фактора поведения, а как регулирующего его.

Литература

1. Божович Л.И. О мотивации учения // Вестник практической психологии образования. 2012. Т. 9. № 4.

2. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы: Учебное пособие / Под ред. Е. Строгановой. Москва, 2002.
3. *Нюттен Ж.Р.* Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Н.Н. Толстых. Москва, 2004.

Особенности гармоничности личности студентов-психологов

Черчес Т.Е., Маркович В.А.

*БГПУ им. М. Танка, Минск, Республика Беларусь
tankor65@mail.ru, victoriatarko@mail.ru*

В современном обществе вопрос профессионального развития личности с каждым днем становится все более актуальным. Поскольку успех человека в профессиональной деятельности во многом зависит от уровня гармоничности личности, интерес к данному исследованию растет. Годы студенчества характеризуются значительными преобразованиями содержания личностной гармоничности. По этой причине необходимо выявить психологические факторы, которые определяют уровень гармоничности личности в студенческие годы. В современной научной литературе под психологическими факторами понимается ряд личностных характеристик, определяющих психический склад и поведение индивидов в обществе, поэтому в качестве психологических факторов гармоничности личности целесообразно рассматривать гендерную идентичность, характеристики эмоционального интеллекта и самооценку.

Главным признаком гармоничности личности является удовлетворенность жизнью в совокупности различных компонентов (взаимоотношениями в супружестве, взаимопонимание с родителями и друзьями, в трудовой либо учебной сфере, увлечениях и др.); заинтересованность в познании нового; доброжелательность к другим людям и готовность контактировать с каждым; чувство красоты природы и единства с ней. Такая личность открыта для изменений, умеет экономично расходовать свою жизненную энергию и быть максимально честной с собой [2].

Э. Эриксон рассматривает идентичность как центральное личностное образование. Значимый признак, от которого мы

оттапливаемся, взаимодействуя с кем-то, – это пол. Мужчин и женщин отличают не только конституциональные характеристики, но и воспитание, поведение, привычки и социальные установки. Гендерная идентичность как осознание себя как представителя определенного гендера, является базовой составляющей идентичности, для которой характерна значительная устойчивость [3].

В отечественных и зарубежных исследованиях особое внимание уделяется эмоциональному интеллекту как значимому психологическому фактору, представленному набором навыков и умений распознавать эмоции, понимать намерения, мотивы и желания других людей и собственных, управлять своими и чужими эмоциями для решения практических задач [1].

На основе вышеперечисленного, целью данного исследования стало изучение психологических факторов гармоничности личности студентов-психологов.

В соответствии с целью исследования была сформулирована следующая гипотеза: существуют значимые различия в уровне гармоничности личности студентов-психологов с разной гендерной идентичностью, самооценкой, а также эмоциональным интеллектом.

В исследовании приняли участие 80 человек (11 юношей и 69 девушек). Все участники – студенты-психологи БГПУ им. М. Танка. Возраст – от 19 до 39 лет.

Для решения поставленных задач был использован комплекс психодиагностических методов: методика «Оценка признаков гармоничной личности» О.И. Моткова; опросник «Самооценка личности» О.И. Моткова в модификации Б.А. Сосновского; «Методика изучения гендерной идентичности» Л.Б. Шнейдер; методика «Эмоционального интеллекта» Н. Холла.

Ответы на задания фиксировались в бланках ответов и затем подвергались математическому и статистическому анализу.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

В результате диагностики уровня гармоничности личности были выявлены студенты с высоким (86 %) и средним (14 %) уровнем гармоничности, с низким показателем выявлено не было. Установлены взаимосвязи между отдельными показателями гармоничности, а также отмечено, что общий уровень гармоничности зависит от показателей развитости всех ее компонентов. Разница в показателях по отдельным компонентам гармоничности личности

наблюдается только по шкале «Мудрость и Духовность» ($U = 242$; $Z = 1,91$; при $p = 0,055$): показатели у девушек выше, чем у юношей.

В ходе анализа были определены статусы гендерной идентичности: подавляющее большинство студентов (62 %) имеют диффузную гендерную идентичность, у 22 % преждевременная идентичность, у 10 % был выявлен мораторий идентичности, у 3 % отмечена псевдопозитивная идентичность. Достигнутая позитивная гендерная идентичность характерна только для 3 % выборки.

Методом корреляционного анализа Спирмена установлено наличие слабой положительной взаимосвязи ($r = 0,306$, при $p < 0,05$) между уровнем гармоничности личности и показателем индекса гендерной идентичности. Это свидетельствует о том, что чем выше приближенность индивида к достижению позитивной гендерной идентичности, тем выше показатель уровня гармоничности личности. Статистически значимые корреляции обнаружены между гендерной идентичностью и шкалой «Мудрость и духовность» ($r = 0,49$, при $p < 0,05$).

На основе результатов диагностики эмоционального интеллекта участники исследования были разделены на группы с высоким (1 %), средним (46 %) и низким (53 %) интегративным уровнем эмоционального интеллекта. Корреляционный анализ выявил значимую взаимосвязь между уровнем гармоничности личности и интегративным уровнем эмоционального интеллекта. Данный факт свидетельствует о том, что, воздействуя на эмоциональный интеллект, можно добиться повышения общего уровня гармоничности личности. Также обнаружена взаимосвязь шкалы «Оптимальное функционирование» со всеми критериями эмоционального интеллекта. Выявлена связь между шкалой гармоничности личности «Умеренность в желаниях и выраженности черт характера» и критериями эмоционального интеллекта эмпатией ($r = 0,363$) и распознаванием эмоций других людей ($r = 0,293$). Шкала «Удовлетворенность жизнью, собой и отношениями с людьми» взаимосвязана с управлением своими эмоциями ($p = 0,254$), эмпатией ($r = 0,306$) и распознаванием эмоциями других людей ($r = 0,278$). Шкала «Мудрость и духовность» пересекается со всеми критериями эмоционального интеллекта и, кроме того, имеет наиболее сильную взаимосвязь с эмпатией ($r = 0,540$). Из этого следует, что мудрость и духовность можно рассматривать в качестве центрального компонента

в структуре гармоничности личности, что подтверждается и в работах других исследователей.

Диагностика уровня самооценки показала следующие результаты: высокий уровень выявлен у 45 % респондентов, средний – у 50 % и низкий – у 3,75 %. Шкала «Мудрость и духовность» связана со всеми другими шкалами и, кроме того, имеет наиболее сильную взаимосвязь с нравственностью ($r = 0,553$) и волей ($r = 0,405$).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что гармоничность личности является комплексным показателем степени направленности на реализацию основных компонентов гармоничного функционирования, уровень которого влияет как на внутреннее состояние человека, так и на результаты его деятельности. Психологические факторы в данном исследовании выступают как единица анализа того, как человек воспринимает себя как личность с определенными личностными и индивидуальными особенностями.

Литература

1. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект в бизнесе. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
2. *Мотков О.И.* Методика изучения внешних и внутренних ценностей личности. Журнал: Психол. общества им. Л.С. Выготского. 2009. № 1.
3. *Шнейдер Л.Б.* Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М.: Московский психолого-социальный институт, 2007.

Особенности стрессоустойчивости представителей различных профессиональных групп

Черчес Т.Е.

*БГПУ имени М.Танка, Минск, Республика Беларусь
kortan65@gmail.com*

В современных условиях существенно возросла интенсивность и напряженность жизни и деятельности, соответственно увеличивается частота возникновения негативных эмоциональных переживаний и стрессовых реакций, которые, накапливаясь, вызывают формирование

выраженных и длительных стрессовых состояний [3]. Исследования стрессоустойчивости в различных профессиональных сферах позволяют выявить как новые факторы, способствующие ее формированию, так и способы профилактики стресса.

В психологической науке не существует единого понимания сущности такого феномена как стрессоустойчивость, а, следовательно, отсутствует и унифицированное определение данного понятия. Под «стрессоустойчивостью» подразумеваются такие явления, как эмоциональная стабильность, личностная особенность, психологическая устойчивость к стрессу, защитный механизм и т.д.

Б.Х. Вардьян понимает под стрессоустойчивостью свойство личности человека, которое может обеспечить гармоничное взаимодействие различных психических функций в ситуациях, несущих большую эмоциональную нагрузку на человека [2]. О важной роли гармонии между различными компонентами психической деятельности человека говорил также П.Б. Зильберман. Он считал, что стрессоустойчивость – это интегративное свойство личности, при котором наблюдается взаимодействие эмоционального, волевого, интеллектуального и мотивационного компонентов [1].

Профессиональные отношения, трудовые роли и идентичность не являются нейтральными с гендерной точки зрения. На современном этапе в здравоохранении численно преобладают сотрудники-женщины, а в ИТ-сфере – мужчины. Следовательно, гендерная идентичность может оказывать определенное влияние как на выбор профессии, так и на стрессоустойчивость сотрудников, поскольку определяет специфику профессиональной деятельности и организационных процессов.

Цель исследования состояла в изучении стрессоустойчивости представителей различных профессиональных групп.

Мы выдвинули гипотезу о том, что уровень стрессоустойчивости определяется спецификой профессии и коррелирует с определенной гендерной идентичностью.

В исследовании приняли участие 2 группы респондентов: группа №1 (40 человек) – медицинский персонал Минской ЦРКБ «Колодищанская Поликлиника»; группа №2 (40 человек) – ИТ-специалисты ИООО «ЭПАМ Системз».

В исследовании были использованы следующие методики: самооценка стрессоустойчивости (С. Коухен. Г. Виллиансон); методика исследования гендерной идентичности (Л.Б.Шнейдер).

По результатам исследования стрессоустойчивости было выявлено, что высокую сопротивляемость стрессу среди врачей имеет 25 человек (62% от общего количества респондентов). В ситуации неопределенности или экстренной ситуации работники с таким уровнем стрессоустойчивости проявляют низкую эмоциональность, не испытывают проблем в концентрации, что способствует принятию адекватных решений. Остальные респонденты (15 человек) данной профессиональной группы имеют уровень, соответствующий норме, что также является хорошим результатом. Тем не менее, обладая средними адаптационными способностями, при возникновении чрезвычайной ситуации у них возможен не полный сброс нервного напряжения, независимо от его природы, который может привести к возникновению нервно-психических срывов.

Удовлетворительный уровень имеет большинство опрошенных ИТ-специалистов (34 человека), что указывает на хорошую сопротивляемость стрессу, но некоторые стрессовые события могут нарушить данное равновесие, что приведет к эмоциональному срыву.

На основании полученных данных выявлено, что уровень стрессоустойчивости у медицинских работников выше, чем у ИТ-специалистов.

По результатам исследования гендерной идентичности 83% медицинских работников и 70% ИТ-специалистов испытывают кризис идентичности, который они стремятся разрешить. У них наблюдается «мораторий» идентичности, сопровождающийся высоким уровнем тревожности. Только 17% работников здравоохранения достигли положительной идентичности, а среди ИТ-специалистов только 10% обладают этим статусом идентичности.

По результатам статистического анализа можно утверждать, что у медицинских работников имеется умеренная связь между уровнем стрессоустойчивости и гендерной идентичностью. Таким образом, чем больше медицинский работник осознает свою идентичность, тем выше его уровень стрессоустойчивости. Позитивное самоотношение при положительном оценивании собственных личностных качеств, а также полная координация механизмов идентификации и обособления помогает проявлению уверенности в себе при высокой внутренней напряженности, повышению самооценки, осознанию своих трудностей, что способствует понижению уровня стрессоустойчивости. У ИТ-специалистов связь между данными переменными отсутствует.

Таким образом, выдвинутая гипотеза была частично подтверждена в ходе эмпирического исследования, поскольку было выявлено, что уровень стрессоустойчивости у медицинских работников выше, чем у IT-специалистов. Однако взаимосвязи между стрессоустойчивостью и гендерной идентичностью выявлены только у медицинских работников. Вероятно, это обусловлено тем, что в процессе трудовой деятельности IT-специалисты концентрируются исключительно на своих профессиональных обязанностях, тем самым вытесняя свои личностные переживания.

Дальнейшее исследование в этом проблемном поле мы предполагаем проводить в направлении увеличения количества профессиональных групп, а также выявления личностных качеств, определяющих стрессоустойчивость в различных видах профессиональной деятельности.

Литература

1. *Варданын Б.Х.* Механизмы саморегуляции эмоциональной устойчивости // Категории, принципы и методы психологии. Психологические процессы. – М.: Знание, 2003.
2. *Зильберман П.Б.* Эмоциональная устойчивость оператора // Очерки психологии. – 2000. – № 2.
3. *Катунин А.П.* Стрессоустойчивость как психологический феномен [Электронный ресурс] // Молодой ученый. – 2012. – № 9 (44).

Особенности представлений разностатусных учащихся колледжа о лидере

Чеснова Ю.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

y.chesnova@yandex.ru, sachkova@list.ru

Одной из актуальных на сегодняшний день является тема лидерства, ведь именно лидерство играет центральную роль в достижении целей и выборе направления развития группы. Лидер является мотиватором для членов группы, он способен помочь

развитию потенциала каждого, компетентен в разрешении конфликтных ситуаций и создании благоприятной атмосферы и командного духа. Именно лидер создает и объединяет всех членов группы вокруг общих целей и ценностей.

Настоящее время диктует необходимость формирования молодежно-лидерского потенциала, актуализированного социальной, политической и экономической трансформаций общества. Происходящие процессы повлекли за собой иные требования к социализации и к подготовке молодых специалистов как профессионалов. В особенности возросли требования к нравственности, эмоциональной устойчивости и стабильности, возможности быть командным специалистом и при этом понимать ответственность за себя, своих коллег и за единое дело в целом. Способность, а главное готовность и четкое понимание «ресурсности лидера» требуют решительности, уверенности в собственном мнении, способности организовывать команду и качественно осуществлять самодисциплину.

Исследователи В.Г. Зазыкин, Ю.Н. Емельянов, А.А. Деркач поясняют «ресурсность лидера» как обновляющуюся систему личностных качеств и наследственных составляющих [2]. Она может включать в себя высокую активность, коммуникабельность и интеллект. Т.В. Медведева определяет «ресурсность лидера» как набор успешных характеристик руководителя, выражающий ценность группы, умение мотивировать, объединять и заряжать единой целью [3].

При этом представления о лидерских качествах как личностных ресурсах могут отличаться в зависимости от разных социальных и психологических факторов [4].

Целью нашего исследования стало выявление представлений о личностных качествах лидера у студентов, имеющих разный статус в группах колледжа.

Были сформулированы следующие гипотезы:

- 1) существуют различия в представлениях о качествах лидера группы у разностатусных студентов колледжа;
- 2) существуют различия в представлениях о лидерских качествах у студентов технических и гуманитарных специальностей.

В исследовании применялся комплекс социально-психологических методик для определения неформального статуса каждого учащегося в учебной группе [1], а также методика ЦОЕ для выявления списка личностных качеств лидера в представлениях студентов.

В опросе участвовал 221 человек, среди которых 92 студента технических направлений и 129 – гуманитарных. Средний возраст 19,5 лет. Проверка гипотез была осуществлена с помощью коэффициента углового преобразования Фишера.

В результате распределение по статусам внутри студенческих групп оказалось следующим: лидеров – 16%, среднестатусных – 76,4%, аутсайдеров – 7,6%. Первая гипотеза о различиях в представлениях о качествах лидера у разностатусных студентов была подтверждена частично, а именно: лидеры чаще выбирают качество «высокая нормативность поведения» ($\varphi^* = 1,7$ при $p < 0,05$), низкостатусные студенты чаще других статусов выбирают «смелость» ($\varphi^* = 1,9$ при $p < 0,05$), а среднестатусные учащиеся чаще других выбирают «жесткость» ($\varphi^* = 1,7$ при $p < 0,05$). Иных статистических различий выявлено не было.

Гипотеза о различиях в представлениях у студентов технических и гуманитарных специальностей была опровергнута, так как не было получено статистически значимых данных. Таким образом, студенты колледжа разных направлений обучения имеют схожие представления о лидерских качествах. Это может свидетельствовать о сформированности общих ценностей и ожиданий по отношению к феномену лидерства в группах.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю., Кондратьев Ю.М., Кочетков Н.В., Крушельницкая О.Б., Сачкова М.Е.* Социально-психологический диагностико-коррекционный комплекс для современных российских интернатных учреждений. Учебно-методическое пособие. М., 2010.
2. *Котрухова Р.И.* Эффективное лидерство и развитие лидерского потенциала современной молодежи [Текст] / Р.И. Котрухова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 14 (152). – С. 54–58.

3. *Медведева Т.В.* Оптимизация процесса развития лидерского потенциала руководителя: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
4. *Сачкова М.Е., Тимошина И.Н.* Психологическое благополучие в контексте представлений студентов о высоком социальном статусе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. - 2016. - № 4. - С. 80-87.

Формирование корпоративной культуры в организациях индустрии гостеприимства (опыт ООО ЦКР «Персонал Профи»)

Шавкин И.В., Куприянов Р.В.
ФГБОУ ВО КНИТУ, Казань, Россия
eeka@yandex.ru, kroman1@mail.ru

Влияние корпоративной культуры на эффективность деятельности организации отмечено многими авторами [1; 3; 4]. Руководители компаний хотят видеть корпоративную культуру, которая регулирует поведение работников в ситуациях неопределенности, мотивирует на достижение стратегических целей, повышает вовлеченность. Здоровая корпоративная культура транслирует ценность компании и ее продуктов во внешнюю среду, что позволяет привлекать высококвалифицированных специалистов, повышает лояльность партнеров и клиентов. Корпоративная культура может формироваться либо спонтанно, либо путем системной целенаправленной работы. При этом сложной задачей является перевод декларируемых ценностей корпоративной культуры на глубинный уровень принятия их сотрудниками [6], также возникают сложности в объективной оценке результатов внедрения.

Составляющими корпоративной культуры являются: миссия, ценности, нормы поведения, традиции. По мнению ряда ученых, миссия компании является ключевым элементом корпоративной культуры [5]. Миссия отражает главный смысл существования организации, ее ценности, определяет роль организации в системе общественных отношений, формулирует принципы взаимодействия с окружающей средой [2]. В работе описана программа формирования корпоративной культуры и оценка ее результативности.

Опыт разработки и реализации программы. В феврале 2023 года в ООО «Центр кадровых решений «Персонал Профи» от руководства глэмпинга «Лес и Река» поступил запрос на разработку миссии и ценностей компании и внедрение их в корпоративную культуру. На дату обращения трудовой коллектив только начинал формироваться, с момента открытия прошел 1 месяц и устойчивое ядро персонала еще не было сформировано. Корпоративная культура находилась на начальной стадии развития и формировалась спонтанно. Данный проект реализовывался в три этапа.

Первый этап. Методами анкетирования и глубинного интервью с руководством компании были выявлены и сформулированы ценности и нормы поведения, которыми они руководствуются при принятии решений и дают оценку событиям в компании. В ходе стратегической сессии были сформулированы миссия, ценности и нормы поведения членов команды глэмпинга. Миссия была сформулирована как: «Мы создаем среду для активного, комфортного семейного отдыха в гармонии с природой и окружающими. Мы делаем наших гостей счастливыми!». В список корпоративных ценностей вошли: «Бережное отношение к семейным ценностям, культуре и истории России»; «Бережное отношение к природе»; «Самореализация»; «Гостеприимство»; «Превосходить самые смелые ожидания наших гостей».

Второй этап. Программа внедрения ценностей и норм поведения в корпоративную культуру включала в себя мероприятия на рациональном и эмоциональном уровнях воздействия [1]. На рациональном уровне сотрудников последовательно проводили через ряд стадий, от простого знания миссии, ценностей и норм поведения до их понимания, как реализовывать их применительно к своей рабочей функции и впоследствии их интериоризации как части внутренних установок. Например: ценность «Гостеприимство» применительно к охране доводилась как необходимость в доброжелательной и вежливой манере ограничивать доступ посторонних на территорию глэмпинга, таким образом обеспечивая безопасность и комфорт гостей; для администратора ценность «Гостеприимства» доводилась как тщательная подготовка к приему гостей; для менеджера по бронированию как установка на работу с ожиданиями гостей, донесение им ценностей и миссии глэмпинга как места для семейного отдыха. На эмоциональном уровне программа подкреплялась мероприятиями, направленными на

самоидентификацию сотрудников как членов одной социальной группы, их эмоциональную вовлеченность в деятельность компании, понимание уникального ценностного предложения. В частности, члены команды могли безвозмездно воспользоваться услугами глэмпинга в качестве гостя. Подробно принципы разработки программы внедрения ценностей в корпоративную культуру мы рассматривали в нашей статье [1].

Третий этап. Для оценки результатов формирования корпоративной культуры была выдвинута гипотеза, что при успешном внедрении миссии, ценностей и норм, они отражаются в поведении и результатах деятельности сотрудников и могут быть оценены гостями глэмпинга. В качестве оценок были использованы отзывы, которые клиенты оставляли на открытых ресурсах: «Яндекс Карты» и «2ГИС». Было найдено 98 отзывов, большинство из них были положительными, их оценка проводилась с использованием семантического анализатора «Advego» (<https://advego.com/text/seo/>). Результатом оценки явился список слов с оценкой их частотности. Для дальнейшего анализа были взяты первые 50 слов с наибольшей частотой использования: минимальная частотность составила 10, а максимальная 69. Слова анализировались без учета их коннотаций, т.е. отзывы могли быть как хорошие, так и плохие, нас интересовал сам факт того, что клиент эмоционально отреагировал на то или иное обстоятельство своего пребывания в глэмпинге. Из полученного списка были выделены существительные, т.к. они обозначают объект, который вызвал реакцию у клиента. Таких существительных оказалось 27, для их классификации были выделены 4 категории - «Семья», «Природа», «Активность», «Комфорт», которые отражены в миссии компании. Из 27 существительных удалось отнести 23 к той или иной категории. Соотношение категорий выглядит следующим образом: «Активность» – 33%; «Комфорт» – 32%; «Семья» – 19%; «Природа» – 19%. Полученные результаты значимо коррелируют с миссией глэмпинга и его ценностями.

Выводы

Миссия компании является ключевым элементом корпоративной культуры и отражает главный смысл существования организации, ее ценности.

Методика оценки результатов внедрения миссии и ценностей в корпоративную культуру путем семантического анализа отзывов клиентов позволяет оценить влияние миссии и ценностей компании на

реальное поведение сотрудников, видимое и замечаемое клиентами компании и отраженное в отзывах.

Результаты оценки показали, что миссия и ценности компании отразились в результатах деятельности сотрудников и были отмечены клиентами. Таким образом, разработанная программа формирования корпоративной культуры была успешно реализована.

Литература

1. *Куприянов Р.В., Шавкин И.В.* Формирование организационной культуры в органах государственной власти в современных социо-экономических условиях // Человеческий капитал, 2024. №2(182).
2. *Мальцева Г.И.* Университетская корпоративная культура // Университетское управление: практика и анализ. 2005. № 2.
3. *Никитина О.О.* Корпоративная культура как инструмент повышение эффективности деятельности организации // Экономические исследования и разработки. 2022. № 10.
4. *Первакова Е.Е.* О механизмах воздействия корпоративной культуры на эффективность и производительность труда // Управление корпоративной культурой. 2012. № 3.
5. *Прохоров А.В.* Миссия как основной элемент корпоративной культуры университета// Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 11(103).
6. *Шейн Э.Х.* Организационная культура и лидерство. СПб: Питер, 2002.

Информационное интервью в арсенале диагностики профориентолога

Шарапов Н.А.

*АНО ВО «Российский новый университет», Москва, Россия
sharapov_na@mail.ru*

На сегодняшний день существуют различные сложности в процессе профессионального самоопределения человека. Современное общество развивается и предлагает все больше возможностей и технологий. Вместе с ростом количества предлагаемых продуктов мы

также можем заметить и расширение списка профессий, появление новых. Человеку всё сложнее определиться с выбором о своей будущей профессии и профессиональной деятельности, из-за чего важность профориентационной работы для профессионального самоопределения нельзя недооценивать. Данная работа предлагает сконцентрироваться на возможностях информационного интервью, как метода изучения профессий и профориентаций.

Теоретический анализ литературы по проблеме исследования предоставил данные об особенностях профессионального самоопределения, профессиональных и карьерных ориентациях, а также о возможностях информационного интервью. Проблема исследования заключается в низкой степени исследования информационного интервью с точки зрения профессионального самоопределения человека. Цель данной работы отражается в желании проанализировать данный метод и обсудить его возможности для работы профориентолога, карьерного консультанта. Научной новизной является дополнение и уточнение знаний о методе информационного интервью, профориентационной работе, профессиональных и карьерных ориентациях.

Е.А. Климов в своей работе писал, что выбор профессии является сложной задачей. Ознакомление с профессией может занимать многие годы, также нужно заранее знать о множестве представленных на рынке труда профессиях и их особенностях. Задача профориентолога заключается в ознакомлении с существующими профессиями, а также в изучении предпочтительных вариантов не только с точки зрения интересов и желаний, но и с точки зрения возможностей и предрасположенностей человека [1].

Карьерные и профессиональные ориентаций изучались в трудах различных ученых, а наиболее используемыми концепциями являются представления Э. Шейна и Е.А. Климова [1]. Э. Шейн предполагал, что основными профессиональными ориентациями являются: профессиональная компетентность, менеджмент, автономия, стабильность работы и места жительства, служение, вызов, интеграция стилей жизни, предпринимательство. В то время как Е.А. Климов строил свою концепцию на основе разделения профессий по критерию объекта труда: живая природа, техника, человек, знаковая система, художественный образ. Обе концепции используются

профориентологами в качестве инструмента для определения предпочтений человека, его сильных сторон, благодаря которым возможно определить наиболее подходящую сферу профессиональной деятельности [3].

Е.С. Романова составила профили различных профессий, а также отметила их особенности и специфику [2]. Создание профилей позволило определить основной тип деятельности для каждой профессии. А.П. Кобылин в своей статье описывал особенную важность деятельности профориентолога в старших классах школы. В его представлении важно показывать широту возможных профессий, использовать анкетные методы и беседу для выявления потенциальной направленности. Также важно общаться с реальными представителями профессий и проводить экскурсионные походы на предприятия, организовывать практику [3].

Интервью – это межличностное вербальное общение для получения информации и производства нового знания [4; 5]. Данное определение позволяет нам заключить, что в рамках профориентационной работы можно использовать метод интервью для получения новой информации о профессии. Информационное интервью распространено в США и других странах Запада. Данный тип интервью используют заинтересованные люди, которые хотят начать свою профессиональную деятельность, сменить область и сферу деятельности, узнать о современных тенденциях на рынке труда. Классические стадии для организации и проведения информационного интервью включают в себя: выбор интересующей профессии или сферы деятельности, поиск подходящего и заинтересованного во встрече профессионала, подготовку вопросов и тем для интервью, само интервью, составление письма с благодарностями. Информационное интервью занимает около 15-30 минут, из-за чего стоит внимательно подходить к выбору вопросов. Нужно обратить свое внимание на те особенности и аспекты профессии, которые не так легко узнать через поисковые системы, из-за чего полученный опыт будет более ценным. Профессионалу, с которым организовали информационное интервью, будет важно, чтобы человек понимал основы профессии, использовал схожий терминологический аппарат, не задавал вопросы, ответы на которые легко найти в интернете. Для профессионала же подобные интервью могут быть полезны для создания списка потенциальных кандидатов,

которые будут оповещены при появлении вакансий. Полученная информация будет являться важной составляющей при выборе потенциальной сферы деятельности, она может подтвердить изначальные представления о профессии или опровергнуть их. Важно основываться не только на опыте одного интервью, но и организовывать новые, использовать диагностические методы и практиковаться.

Проведенный анализ позволяет заключить, что информационное интервью может быть полезной составляющей в деятельности профориентолога, а также для самоопределения и выбора профессиональной сферы деятельности. В России данный способ более известен под названием экспертного интервью. Экспертное интервью является более точным названием и основывается на отечественных представлениях в рамках изучения профессиональной деятельности. Перспективы развития области профориентационной работы могут быть связаны с созданием централизованной службы по организации информационных интервью.

Литература

1. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения: учебное пособие / Е.А. Климов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
2. *Романова Е.С.* 99 популярных профессий. Психологический анализ и профессиограммы. СПб.: Питер, 2003. – 464 с.
3. *Шарапов Н.А.* Психологические особенности профессиональных и карьерных ориентаций в деятельности информационного характера / Н. А. Шарапов // Новое в психолого-педагогических исследованиях. – 2023. – № 1(68). – С. 243-252. – DOI 10.51944/20722516_2023_1_243. – EDN LHOVQD.
4. *Allen J. Williams Jr.* Interviewer Role Performance: A Further Note On Bias In The Information Interview, *Public Opinion Quarterly*, Volume 32. Issue 2. Summer 1968. P. 287–294, <https://doi.org/10.1086/267606>
5. *Mulvaney M.K.* The Information Interview: Bridging College and Beyond. *Business Communication Quarterly*, 2003, 66(3). P. 66–70, <https://doi.org/10.1177/108056990306600307>

Онлайн-самопрезентация как дискурс существования-бытия пользователей веб-форумов с разными типами проблемного пищевого поведения

Шебанова В.И., Шебанова С.Г.

*ФГБОУ ВО «Херсонский аграрный университет», Херсон, Россия
vItalia.sh@yandex.ru, sveta1_sh@rambler.ru*

Самопрезентация личности в условиях общения, опосредованного сетью Интернет, складывается через виртуальное взаимодействие «человек-человек». Социокультурная среда, которая образуется в информационном пространстве, а также технические возможности общения, создают условия вариативности самопрезентации личности. Вместе с тем особенности атрибутов самопрезентации являются достаточно информативными показателями и могут быть полезными в контексте оказания психологической помощи пользователям с проблемным пищевым поведением (ПП). Остановимся на этом подробнее.

Чаще термин «самопрезентация» используется в связи с проблемой формирования «Я»-концепции и исследованием представлений о собственном «Я» человека. В области Интернет-общения самопрезентация трактуется как процесс сознательного и бессознательного представления личностью себя с помощью вербальных и невербальных средств коммуникации с целью формирования определенного впечатления в Интернет-сообществе [1; 2; 3]. В ходе теоретического анализа литературных источников проблемного пищевого поведения (ПП) (в крайних вариантах – алиментарно-зависимых болезней), осуществленного нами в научных трудах [4; 5; 6], установлено, что в его основе много факторов, в т.ч. – искаженное восприятие себя как ложная интерпретация собственной телесности. Среди специфических психологических особенностей лиц с расстройствами ПП, наиболее распространенными являются ощущение собственной «ненормальности» по поводу избыточного веса (воображаемого или реального), противоречивость чувств, стремление к изоляции и разорванность «Я-концепции», активность примитивных механизмов психологической защиты, соматизация внутренних конфликтов, а также нарушение социальной адаптации. Поэтому изучение особенностей самопрезентации лиц с проблемным

ПП, чрезвычайно актуально, особенно для определения мишеней психологической коррекции или онлайн-консультирования.

Одной из задач эмпирического исследования нашей работы был анализ знаково-символической неструктурированной информации (никнеймов и аватарок) как ментальной проекции дискурса существования-бытия, которую осознанно и неосознанно сообщают о себе пользователи специализированных сайтов («людей с избыточным весом» и «людей с недостатком веса»), созданных с целью общения определенной целевой аудитории – людей, которых объединяет определенная общая проблема, в частности, проблемное ПП и деформации веса. В результате нами выявлено следующее.

1. Никнеймы и аватарки, как атрибуты самопрезентации пользователей форумов «людей с избыточным весом» и «людей с недостатком веса», являются символической проекцией дискурса существования-бытия и в большинстве своем выявляют особенности реальных или желаемых параметров тела, неудовлетворенность весом, своим телом и собой в целом, погружение в тематику снижения веса и питания, желание обрести новый жизненный статус, стремление оградиться от своего реального бытия.

2. Характерные отличия между элементами знаково-символической самопрезентации пользователей различных форумов (людей с избыточным весом и людей с недостатком веса), связаны со спецификой проблемы, объединяющей людей в Интернет-сообществе. Аватары пользователей форума с недостатком веса большей части воспроизводят либо эмоционально-отрицательный образ, либо чрезвычайно яркий таинственный образ (загадочный, изысканный, изящный, гламурный, хрупкий, сексуальный), что косвенно свидетельствует о неприятии своего телесного образа, «разорванности» Я-концепции психологической защиты, отражает устойчивое стремление к внешнему совершенству и уникальности, желаемый образ тела ассоциируется с атрибутами власти и успеха. Специфическими особенностями самопрезентации пользователей форумов людей с лишним весом являются никнеймы и аватары, содержащие названия или образы продуктов питания, прямые или завуалированные намеки на большие размеры тела и повседневные реальные или грубые имена, что подчеркивает их разочарование и утрату веры в возможность что-то изменить в своей жизни. Вместе с тем, для двух исследуемых выборок характерны ники уменьшительно-

ласкательной формы от собственного имени, что косвенно указывает на инфантилизм как скрытое желание быть маленьким ребенком, который нуждается в заботе, мягком отношении окружающих; неспособности брать ответственность за свою жизнь и т.д.

3. Интернет-сеть является мощным альтернативным способом проведения эмпирического исследования и оказания психологической поддержки людям, которые находятся в ситуации воображаемого или реального избыточного веса на фоне хронической неудовлетворенности собственным весом. Тематика обращений на тематических форумах людей с избыточным весом и недостатком веса как своеобразных интернет-дискурсов, с одной стороны, свидетельствует о чрезвычайной актуальности и распространенности проблемы отклонений пищевого поведения, что живо обсуждается в Интернет-среде, а с другой – предоставляет ценную информацию о вопросах, волнующих людей с проблемным ПП, и которые необходимо учитывать при проведении профилактических мероприятий, коррекции и реабилитации.

Литература

1. *Затулий А.И., Бурнаева Е.М.* Гендерные идеалы: особенности самопрезентации пользователей интернета // Вестник ТОГУ. 2012. № 1 (24).
2. *Лисенкова А.А.* Идентификационные стратегии в пространстве социальных сетей // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. 2019. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identifikatsionnye-strategii-v-prostranstve-sotsialnyh-setey> (дата обращения: 08.03.2024).
3. *Михайлова Е.В.* Стратегии и техники самопрезентации [Электронный ресурс] // Элитариум. Центр дистанционного образования. URL: <http://www.elitarium.ru/2012/06/29/>
4. *Шебанова В.І., Шебанова С.Г.* Перекручені патерни харчової поведінки як невротичний ритуал // Науковий вісник Херсонського державного університету: зб. наук.праць. Серія Психологічні науки / Гол. ред. О. Є. Блинова. Херсон : Видавничий дім Гельветика, 2014. Вип. 2. Том 1.

5. *Шебанова В.І.* Синергетична модель розвитку розладів харчової поведінки // Практична психологія та соціальна робота. 2014. № 12.
6. *Шебанова В.І.* Феноменологія харчової поведінки у континуумі «норма–патологія». Херсон, 2016.

**Короткая версия опросника прокрастинации: надежность,
валидность, факторная структура**

Шейнов В.П.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь

Девицын А.С.

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь

sheinov1@mail.ru, devitsin@gmail.com

Значительное время, проводимое сегодня в смартфонах и социальных сетях, приводит к увеличению прокрастинации [2; 3]. При этом в исследованиях активно используется созданная в 1989 г. «Шкала прокрастинации» К. Лея, включающая 15 вопросов, адаптированная для русскоязычного социума Я.И. Варваричевой [1].

В отношении давно разработанных методик сложилось убеждение, что их нужно перепроверить, поскольку ответы респондентов сегодня могут значительно отличаться от ответов их давних предшественников, на ответах которых много лет назад создавались эти опросники. Актуальна и установка на сокращение опросников, поскольку большие опросники вызывают трудности в сборе материалов и худшее качество получаемых ответов [4; 5].

Цели данного исследования: 1) разработка надежной и валидной короткой версии опросника прокрастинации; 2) построение факторной модели прокрастинации.

Выбор для исследования опросника прокрастинации продиктован тем, что увлечения смартфоном и социальными сетями стимулирует прокрастинацию [2; 3], поэтому данный опросник сейчас активно используются.

Эмпирической основой исследования послужили результаты онлайн-тестирования 1911 респондентов (средний возраст $M = 19,4$,

$SD = 5,6$), среди них 1206 женщин ($M = 19,7$, $SD = 6,0$) и 605 мужчин ($M = 19,1$, $SD = 4,7$).

Однородность исходной версии опросника оказалась сравнительно невысокой: *Альфа Кронбаха* равна 0,690. Программа улучшения однородности пакета SPSS-22 предлагает исключить из опросника пункты №№ 9, 11, 8, 2, 3, 5, 14. В результате сокращения опросника в нем осталось 8 (из 15) заданий, а *Альфа Кронбаха* достигла значения 0,838, что свидетельствует о высокой степени однородности короткой версии опросника. Удалив указанные пункты, мы улучшили его психометрические характеристики – и однородность опросника, и общую дискриминативность его пунктов.

После удаления из опросника пунктов №№ 2, 3, 5, 8, 9, 11, 14, был проведен эксплораторный факторный анализ с целью получения факторной структуры опросника и выявления факторов прокрастинации. Для анализа использовался статистический пакет Jamovi на базе платформы R, версии 2.3.21.0. Факторы извлекались с использованием метода извлечения факторов Minimum Residuals (MINRES) с Oblimin вращением.

Эксплораторный факторный анализ привел к 3-факторной модели со следующими показателями: критерий адекватности выборки Кайзера-Мейера-Олкина $\geq 0,898$; критерий Бартлетта: $\chi^2 = 5105$, $df = 28$, $p < 0,001$. *RMSEA* 90% CI (*RMSEA* = 0,0439; *Мин* = 0,0294, *Макс* = 0,0597).

Приведенные значения всех основных статистических тестов показывают, что выборка и полученная модель отвечают соответствующим требованиям, а полученные результаты являются статистически значимыми и в общем смысле достоверными. Полученные факторы интерпретированы следующим образом.

Фактор 1. Время (исполнения)

12. При подготовке к встрече я часто ловлю себя на том, что делаю что-то в последнюю минуту.

10. Когда приближаются сроки, я часто теряю время, делая другие вещи.

7. Мне обычно приходится спешить, чтобы выполнять задачи вовремя.

13. Часто я долго не приступаю к выполнению задачи, которую мне нужно решить.

Фактор 2. Вербализация (установки на откладывание дел)

15. Я часто говорю: «Я сделаю это завтра».

6. Когда мне нужно выполнить трудную работу, я говорю себе, что лучше подождать, чтобы сделать ее, когда я почувствую больше вдохновения.

Фактор 3. Самонаблюдение (медлительности)

4. Я замечаю, что работа не выполняется в течение нескольких дней, даже если она требует большего, чем просто сесть и сделать ее.

1. Я часто замечаю, что выполняю задачи, которые я собирался сделать на несколько дней раньше.

Для проверки и подтверждения полученных выводов проведен конфирматорный факторный анализ, показавший, что полученная факторная модель короткого опросника прокрастинации, согласно результатам статистических тестов, отвечает требованиям достоверности, при этом выделенные факторы имеют обоснованную интерпретацию.

Проверка конструктивной валидности короткой версии опросника проведена по наличию положительных связей прокрастинации с крайне актуальными сегодня свойствами личности – зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей. Показано, что положительные связи прокрастинации с зависимостью от смартфона и зависимостью от социальных сетей имеют место и при использовании короткой версии опросника прокрастинации. При этом связи у женщин все линейные, а у мужчин – нелинейные.

Таким образом, в результате проведенного исследования сконструирована состоящая из 8 вопросов короткая версия опросника прокрастинации, удовлетворяющая основным критериям валидности и надежности и обладающая лучшими психометрическими характеристиками, нежели исходная версия опросника. Построена состоятельная 3-факторная модели прокрастинации.

Литература

1. *Варваричева Я.И.* Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. Т. 3. С. 121-131.

2. *Шейнов В.П.* Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. Т. 4. С. 120–127.
3. *Шейнов В.П., Девицын А.С.* Взаимосвязи зависимости от социальных сетей с психическими состояниями и свойствами ее жертв // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 566-573.
4. *Herzog A.R, Bachman J.G.* Effects of Questionnaire Length on Response Quality // The Public Opinion Quarterly. 1981. 45(4). P.549–559. <http://www.jstor.org/stable/2748903>
5. *Galesic M., Bosnjak M.* Effects of questionnaire length on participation and indicators of response quality in a web survey // Public Opinion Quarterly. 2009. 73(2). P. 349–360.

**Сокращенная версия опросника самоконтроля в общении:
валидность, надежность, факторная модель**

Шейнов В.П.

Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь

Девицын А.С.

*Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь
sheinov1@mail.ru, devitsin@gmail.com*

Изучение самоконтроля в общении актуально ввиду негативного влияния на общение «вживую» чрезмерного использования смартфонов и социальных сетей. При этом в исследованиях активно используется созданная 40 лет назад М. Снайдером «Шкала самоконтроля в общении» [4].

Давно разработанные методики необходимо перепроверять, поскольку ответы респондентов сегодня могут значительно отличаться от ответов их давних предшественников, на ответах которых много лет назад создавались эти опросники. Актуальна и установка на сокращение опросников, поскольку большие опросники вызывают трудности в сборе материалов и худшее качество получаемых ответов.

Цели данного исследования: 1) разработка надежной и валидной сокращенной версии опросника самоконтроля в общении; 2) построение факторной модели самоконтроля в общении. Выбор для исследования данного опросника продиктован тем, что увлечения смартфоном и социальными сетями влияет на самоконтроль в общении [2; 3], поэтому данный опросник сейчас активно используются.

Эмпирической основой исследования послужили результаты онлайн-тестирования 1911 испытуемых (средний возраст $M = 19,4$; $SD = 5,6$), среди них 1206 женщин ($M = 19,7$; $SD = 6,0$) и 605 мужчин ($M = 19,1$; $SD = 4,7$).

Однородность исходной версии опросника оказалась сравнительно невысокой: *Альфа Кронбаха* равна 0,619. Соответствующая программа SPSS-22 улучшения однородности предлагает исключение пунктов №5 и №7. В результате однородность опросника действительно улучшилась: *Альфа Кронбаха* возросла с 0,619 до 0,701, то есть достигнуто рекомендуемое (всеми пособиями) значение, не меньшее 0,7. Оказалось, что пункты №5 и №7 опросника обладают и наименьшей дискриминативностью. Таким образом, удалив эти пункты из опросника, мы улучшили его психометрические характеристики – и однородность, и дискриминативность.

Построение факторной модели самоконтроля в общении проведено на данных тестирования сокращенной версией опросника Снайдера 1911 испытуемых. Факторный анализ осуществлен с использованием статистического пакета *jamovi* версии 2.3.21 на базе R, а извлечение факторов – по методу факторизации главных осей (Principal Axis Factoring), с использованием косоугольного вращения (Oblimin).

Рассмотрено несколько моделей и выбрана лучшая по статистическим показателям, она подтвердила целесообразность исключения из опросника пунктов №5 и №7. В результате получена 2-факторная модель со следующими показателями: критерий Бартлетта: $\chi^2 = 496$, $df = 28$, $p < 0,001$. *RMSEA* 90% CI (*RMSEA* = 0,0215; *Мин* = 0,0678, *Макс* = 0,0346). Отметим, что значения критерия *RMSEA* между 0,01 и 0,05 означают *хорошее соответствие тестируемой модели эмпирическим данным*.

Полученные факторы самоконтроля в общении естественно интерпретировать следующим образом.

Фактор 1 («Other-Directedness» - Направленность на других)

6. В разных ситуациях и в общении с разными людьми я часто веду себя совершенно по-разному.

10. Я не всегда такой, каким кажусь.

8. Чтобы преуспеть в делах и в отношениях с людьми, я стараюсь быть таким, каким меня ожидают видеть.

4. Другим людям иногда кажется, что я переживаю что-то более глубоко, чем это есть на самом деле.

9. Я могу быть дружелюбным с людьми, которых я не выношу.

Фактор 2 («Acting» - Актерское мастерство)

3. Из меня мог бы выйти неплохой актер.

2. Я бы, пожалуй, мог свалить дурака, чтобы привлечь внимание или позабавить окружающих.

1. Мне кажется трудным искусство подражать повадкам других людей.

(Пункты опросника перечислены в порядке убывания их веса).

Названия факторов взяты из статьи [5], в которой ранее получена 3-факторная структура полной версии опросника Снайдера, состоявшей из 18 пунктов.

Для подтверждения полученной факторной модели проведен конфирматорный факторный анализ. Показатели модели: критерий Бартлетта $\chi^2 = 44,6$, $df = 19$, $p < 0,001$. $RMSEA$ 90% CI ($RMSEA = 0,0268$; $Min = 0,0166$, $Макс = 0,0371$). Значения приведенных критериев подтверждают *хорошее соответствие тестируемой модели эмпирическим данным*.

Доказательство *конструктивной валидности* сокращенной версии опросника проведено проверкой наличия положительных связей самоконтроля в общении с крайне актуальными сегодня свойствами личности – зависимостью от смартфона [2], зависимостью от социальных сетей [3] и отрицательной связи с мотивацией к учебе [1]. Проверка надежности осуществлена по его: 1) внутренней согласованности (однородности) и 2) дискриминативности и 3) повторным тестированием (ретестом).

О *надежности и валидности* сокращенной версии опросника самоконтроля в общении свидетельствует и чрезвычайно высокий, равный 0,957 ($p \leq 0,001$), коэффициент корреляции Кендалла между суммарными показателями исходной и сокращенной версий опросника.

Таким образом, в результате проведенного исследования сконструирована состоящая из 8 вопросов сокращенная версия

опросника самоконтроля в общении, удовлетворяющая основным критериям валидности и надежности и обладающая лучшими психометрическими характеристиками, нежели исходная версия опросника. Построена состоятельная двухфакторная модель самоконтроля в общении.

Литература

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 4. С. 96–107.
2. Шейнов В.П. Связи зависимости от смартфона с состояниями и свойствами личности // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2020. Т. 4. С. 120–127.
3. Шейнов В.П., Девыцын А.С. Взаимосвязи зависимости от социальных сетей с психическими состояниями и свойствами ее жертв // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 566-573.
4. Snyder M. Self-monitoring of expressive behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. V. 30. P. 526–537.
5. Snyder M., Gangestad S. On the nature of self-monitoring: Matters of assessment, matters of validity // Journal of personality and social psychology. 1986. V. 51(1). P.125–139. DOI:10.1037/0022-3514.51.1.125

Принятие самостоятельных решений и цифровизация

Шляховая Е.В.

*ОАНО «МЦШ БИТ», Москва, Россия
elenashlyakhovaya@yandex.ru*

Цифровизация относится к общемировому тренду использования сложных технологий, искусственного интеллекта, а также наличия виртуальной реальности, «цифровых двойников», «умных домов/фабрик» [1; 2 и др.].

При изучении актуальных проблем социальной психологии личности отдельно стоит отметить публикацию А.В. Карпова [5], в которой представлено описание негативного влияния цифровизации, в частности, описан синдромом снижения когнитивности и связанный с ним синдром снижения метакогнитивности. Представленное описание негативного влияния цифровизации соответствует докладу одного из экспертов ИТ-сектора П. Пардалоса, отметившего, что беспокойство вызывают ситуации, когда люди перекладывают на алгоритмы принятие решений [4].

Соотнесение данных публикаций ставит перед социальной психологией серьезную проблему: человек использует алгоритмы для принятия решений по причине высокого к ним доверия или по причине собственной когнитивной слабости, являющейся последствием цифровизации и вынуждающей доверять данным алгоритмам.

В целях изучения специфики принятия решений, в частности, в «эпоху цифровизации» нами была разработана авторская анкета «Принятие решений». Анкета включала вопросы для изучения представлений респондентов о практической пользе нашего авторского метода единых компетенций (МЕК) в ситуации принятия решений, позволяющего применить на практике отдельные положения научного направления самоопределяющегося субъекта А.Б. Купрейченко [6], а также отдельные вопросы из различных методик для изучения результативных, процессуальных и формально-динамических характеристик самоопределения через представления респондентов [3]. Дополнительными, условно контрольными, для нас были: вопрос о важности умения человека самостоятельно и осознанно совершать выбор, несмотря на помощь технологий в принятии решения, а также задание для проверки интегрального показателя общих способностей, заключающееся в составлении утверждения из представленных слов и определения его верности.

Анкетирование проводилось в онлайн-формате на платформе Анкетолог.ру в период 07-08 февраля 2024 года. Выборка состояла из 50 человек (36 женщин и 14 мужчин) в возрасте 25-65 лет, проживающих в России и странах СНГ. Основная часть выборки (39 человек) для прохождения анкетирования использовала смартфоны, остальная часть выборки (11 человек) – персональные компьютеры.

На вопрос №3 нашей анкеты «В современном мире, когда технологии способны помочь в принятии решения, человеку нужно сохранять и развивать умение самостоятельно и осознанно совершать выбор?» ответ «А) Абсолютно необходимо» выбрали 70% респондентов (35 человек), ответ «Б) Необходимо для отдельных ситуаций» выбрали 22% респондентов (11 человек), ответ «Г) Не задумывался(-ась) над этим» выбрали 8% респондентов (4 человека), а ответ «В) В этом нет необходимости» остался без выбора. Полное выполнение задания №10 «Расставьте предлагаемые ниже слова в таком порядке, чтобы получилось утверждение. Если оно правильно, то ответ будет П, если неправильно – Н. Мхом обороты камень набирает заросший» продемонстрировали 26% респондентов (13 человек, группа №1), половину задания (составили утверждение) выполнили 64% респондентов (32 человека, группа №2), составили утверждение, но ошибочно определили его верность 2% респондентов (1 человек), не смогли составить утверждение 8% респондентов (4 человека, группа №3).

При этом в группе №1 на вопрос №3 ответ «А» выбрали 61,5% респондентов, ответ «Б» – 23,1%, ответ «Г» – 15,4% соответственно. Ответ на вопрос №1 о практической пользе авторского МЕК в ситуации принятия решения (готовность использовать все его пять пунктов) выбрали 46,1% респондентов. В группе №2 на вопрос №3 ответ «А» выбрали 72% респондентов, ответ «Б» – 25%, ответ «Г» – 3% соответственно. Ответ о практической пользе авторского МЕК в ситуации принятия решения (готовность использовать все его пять пунктов) выбрали 22% респондентов. В группе №3 на вопрос №3 ответ «А» выбрали 75% респондентов, ответ «Б» – 0%, ответ «Г» – 25% соответственно. Ответ о практической пользе авторского МЕК в ситуации принятия решения (готовность использовать все его пять пунктов) выбрали 0% респондентов.

Таким образом, чем хуже респонденты справляются с заданием на понимание смысла прочитанного, тем больше они уверены в необходимости умения самостоятельно и осознанно совершать выбор, несмотря на способность технологий помочь в принятии решения, и тем меньше они хотят утруждать себя обдумыванием решения, что хорошо заметно по ответам на первый вопрос. Вероятно, часть людей

не понимает возросших требований к когнитивным функциям для сохранения за человеком лидерства в принятии решений, когда технологии могут обладать «тонкими и манипулятивными» настройками.

Литература

1. *Гендина Н.И., Колкова Н.И., Рябцева Л.Н.* Цифровизация в сфере культуры: сущность, нормативно-правовое регулирование, приоритетные направления совершенствования кадрового обеспечения // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. № 50, 2020. С. 183-196.
2. *Данилова Л.Н., Ледовская Т.В., Солынин Н.Э., Ходырев А.М.* Основные подходы к пониманию цифровизации и цифровых ценностей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. Т. 26. № 2 Год, 2020. С. 5-12.
3. *Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б.* Экономическое самоопределение: Теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
4. *Искусственный интеллект – это новое электричество.* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/science/465483344.html> (дата обращения: 24.03.2024).
5. *Карпов А.В.* Цифровизация как детерминанта социализации личности в изменяющемся обществе // Актуальные проблемы современной социальной психологии и ее отраслей. Сборник научных трудов / Отв. ред. Т.В. Дробышева, Т.П. Емельянова, Т.А. Нестик, Н.Н. Хащенко, А.Е. Воробьева. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2023.
6. *Купрейченко А.Б.* Нравственная детерминация экономического самоопределения. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.

К вопросу об организации процесса адаптации в условиях организационных изменений

Шмелева О.В., Ковалева Т.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

olgashmelevaaa@gmail.com, Tkovaleva2007@gmail.com

Вопросы адаптации персонала в организации занимают важное место в кадровой политике многих компаний. Адаптация, как один из стратегически важных бизнес-процессов, во многом влияет на повышение конкурентоспособности компании, в том числе через укрепление бренда работодателя. Некачественная адаптация или полное ее отсутствие влекут за собой негативные последствия, такие как нерациональное использование ресурсов компании, снижение производительности в связи с нехваткой персонала, постоянной сменяемостью новых сотрудников или их недостаточной компетентностью.

Подходы к организации процесса адаптации зависят от различных факторов, в частности, специфики деятельности компании, ее организационной культуры, экономической и политической ситуации в регионе. Существенное значение имеют и личностные особенности сотрудника, его адаптационный потенциал.

В современных реалиях большая часть людей в течение профессиональной жизни регулярно сталкивается со множеством изменений [2]. Однако с учетом постоянных экономических, социальных, политических, культурных преобразований, происходящих во внешней среде, в настоящее время также актуален вопрос адаптации самих компаний к изменениям.

Под организационными изменениями понимается «процесс перехода фирмы из одного устойчивого состояния в новое, при использовании существующих идей и разных концепций» [1]. Для компаний процесс принятия решений становится все сложнее: необходимо учитывать большое количество причинно-следственных связей, оказывающих влияние на результат, при этом поток информации, которую необходимо обрабатывать и учитывать, с каждым годом становится все больше. Происходящие изменения становятся все сложнее прогнозировать и их уже практически

невозможно контролировать. А внешняя среда меняется с такой скоростью, что часто не представляется возможным ориентироваться на предыдущий опыт.

Организациям важно быстро адаптироваться к внешним и внутренним изменениям для того, чтобы получать экономическую прибыль от своей деятельности. Для этого им нужно регулярно пересматривать и корректировать подходы к ведению бизнеса, а вся структура компании должна быть гибкой и настроенной на постоянные изменения.

Можно выделить ряд способов адаптации к изменениям, которые применимы в настоящее время. К ним, в частности, относятся: регулярные технические и технологические новшества, а также совершенствование методов организации работы компании для того, чтобы иметь возможность быстро переориентировать производство с учетом изменений потребительских предпочтений и для расширения рынков сбыта.

Управление изменениями предполагает системный подход к трансформации организации. Существуют различные модели управления изменениями, такие, как ADKAR, 7S, EASIER, модель Курта Левина и т.д. Они представляют собой различные конструкции, включающие основополагающую концепцию, методологию, углубленный подход к достижению целей, а также способствуют принятию и признанию нового желаемого состояния [4].

Серьезным препятствием для реализации каких-либо организационных изменений является сопротивление персонала. Оно может представлять собой как нежелание, так и полный отказ участвовать в процессе изменений. Степень сопротивления зависит от множества факторов: психологических особенностей сотрудника, его интересов, установок, опыта, возраста, стажа работы и т.д. [3]. Мероприятия по реализации изменений обязательно должны включать в себя работу по нейтрализации сопротивления со стороны сотрудников, поскольку ни одно организационное изменение не будет успешно реализовано, если персонал сопротивляется ему.

Важно отметить, что адаптационные мероприятия, проводимые в организациях, ориентированы, в основном, на новых сотрудников. Как следствие, сотрудники, которые уже какое-то время работают в компании, стараются придерживаться пассивной стратегии адаптации,

конформного принятия новых целей и ценностей. Но чаще всего именно эти сотрудники оказываются максимально не приспособленными к новым кризисам и изменениям. Поэтому к адаптационным программам, которые разрабатывают и внедряют компании, в настоящее время должны предъявляться дополнительные требования: они должны быть непрерывными, то есть сопровождать сотрудника в течение всего периода его работы в организации, а также должны учитывать факторы организационных изменений и ориентироваться на них.

Для успешной адаптации к изменяющимся условиям руководству важно обеспечить конкретные действия, в частности, предоставить сотрудникам возможность получать дополнительные знания, поддерживать их инициативы и предложения. Крайне важно наладить процесс получения и анализа обратной связи от сотрудников. Стоит отметить, что в периоды адаптации персонала к организационным изменениям, обратная связь помогает также выявлять уровни вовлеченности и мотивацию сотрудников [5].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что проблема адаптации сотрудников к организационным изменениям требует пересмотра текущих и разработки новых методик и подходов, которые будут учитывать современные тенденции.

Литература

1. *Ерлыгина Е.Г., Учеваткин А.В.* К вопросу внедрения организационных изменений в деятельности организаций // *Journal of Monetary Economics and Management*. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-vnedreniya-organizatsionnyh-izmeneniy-v-deyatelnost-organizatsiy> (дата обращения: 03.03.2024).
2. *Ковалева Т.В.* К вопросу об авторской позиции в построении собственной карьеры в новых реалиях хрупкого мира / *Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (12-13 мая 2022 г.)*. - М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. (С.171-174).

3. Куликова Е.А. Психологические аспекты сопротивления изменениям в организации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2021. – № 10 (октябрь). – 0,9 п. л. – URL: <http://e-koncept.ru/2021/212014.htm>.
4. 10 основных моделей управления изменениями. URL: <https://www.your-mentor.ru/management/107-10-osnovnykh-modelej-upravleniya-izmeneniyami> (дата обращения 25.03.2024).
5. 60% новаций в компаниях проваливаются. Что такое управление изменениями и как оно поможет. URL: <https://skillbox.ru/media/management/chto-takoe-upravlenie-izmeneniyami-i-kak-ono-pomozhet/> (дата обращения 24.03.2024).

Изменения в окружающем мире – трансформации в образовании

Шнейдер Л.Б.

ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия

lshneider@yandex.ru

В современном, напигованном цифровым инструментарием мире перспектива выполнения трудовых операций в мобильном режиме технологически перестраивает производственную и социальную сферу, воздействует на трудовые отношения, обновляет содержание профессиональной деятельности. «Среди технологий, стремительно меняющих повседневную жизнь людей, системы на основе «слабого» искусственного интеллекта занимают особое место и их роль масштабируется» [3, с. 24].

Скорость поглощения и обработки информации в современном мире выступает как главный показатель результативности деловой и образовательной активности, существенным образом перестраивает мыслительный процесс человека, изменяет его речь, восприятие мира и поведенческие паттерны [1, с. 13].

Динамичность современного мира, эпоха «торопливых» или скоростных преобразований формирует и качественно иную школу. О радикальных изменениях и трансформациях в образовательной сфере

свидетельствуют: обсуждение различных концепций обучения и воспитания в общеобразовательной школе; появление различных типов учебных заведений; разработка новых форм обучения и технологий преподавания и пр. Дистанционное образование вытесняет контактное. Для детей, находящихся на длительном лечении, созданы госпитальные школы. Профильное обучение также нашло свои площадки: в учебных заведениях работают математические, театральные, педагогические, психологические, спортивные, инженерные, медицинские, предпринимательские, аэрокосмические, кадетские классы. Развиваются проекты «Медиакласс в образовательной школе», «Академический класс», «ИТ-класс», не менее успешны образовательно-туристские и краеведческие проекты: «По пути великих открытий», «Путь героя». Для обучающихся образовательных организаций проводятся соревнования по фиджитал спорту и др.

В школах и колледжах разрабатываются сценарии проведения массовых мероприятий по следующим знаменательным датам: День туризма, Международный день музыки, День прав человека, День российской науки, Всемирный день театра, Всемирный день здоровья, Всемирный день Земли, День славянской письменности и культуры, День русского языка, День семьи, любви и верности и др. За этим обнаруживается огромный пласт воспитательной работы.

Итак, в образовательных практиках постоянно обновляются ценностные приоритеты, фиксируются новые смысловые акценты обучения, пересматривается набор изучаемых учебных дисциплин, модернизируется технологическая оболочка уроков и воспитательных мероприятий и пр.

Опыт показывает, что цифровая трансформация затрагивает сферу образования вполне явственно. Почти в каждом современном учебном заведении применяются интерактивные доски, заполняются электронные журналы, учителя интегрируют в уроки использование социальных сетей, оставаясь с учениками на связи и консультируя их по домашним заданиям. Появляются виртуальные классы, в которые можно присоединиться из дома, надев VR-очки. Методы, которые невозможно применить при традиционном контактном обучении, воплощаются в реальность с помощью цифровых технологий. Так, ученики могут создавать аудио- и видеоконтент, реализовывать

совместные проекты в виртуальном пространстве. Одним самых перспективных обучающих направлений в данный момент является 3D-моделирование и прототипирование.

Суть цифровой трансформации образования – не просто распространить подключение учебных заведений к интернету, а сформировать новые модели работы образовательных организаций по всей стране.

Кроме этого, на повестке дня четко обозначилась и другая проблематика. Всем понятно, что качественное образование – это потенциал экономического развития страны, личной успешности и благосостояния граждан. Его фактическая реализация зависит от того, насколько система образования соответствует потребностям экономики, насколько она адаптивна к динамике ее запросов [2]. Корреляция между образовательной и экономической неуспешностью высока. Искусственный интеллект, интернет вещей и анализ больших данных являются ключевой частью того пакета цифровых технологий, которые лежат в основе автоматизации, «платформенной экономики» и сдвига границ отраслей. Влияние этих технологий не будет мгновенным, но будет неуклонно нарастать.

Очевидно, что система образования – тот мостик, который должен обеспечить не только российской экономике, но и всему обществу уверенный переход в цифровую эпоху, связанную с новыми типами труда и резким ростом созидательных возможностей человека. Несмотря на это, огромной проблемой современного российского образования является существенное ослабление естественнонаучной и технической составляющей основного образования. Сегодня система образования формирует компетенции цифровой экономики не в полном объеме. Мастерство преподавания в цифровую эпоху обсуждается в большей степени в лозунговом формате, в меньшей – в инструментальном, что отрицательно сказывается как на отдельном человеке, так и на государстве и обществе.

Педагогические инновации особую ценность приобретают в связи с изменением самого ученика, развитие которого происходит в окружении интернета вещей, персональных помощников, тонкой настройки окружающего цифрового мира при помощи самообучающихся алгоритмов. Требуются специальные исследования

того, как эти изменения скажутся на социализации личности. И как реагировать на это?

Для педагогического сообщества сегодня вновь приобретают актуальность исследования конформности и подчинения, однако, в роли авторитетного другого будут выступать киберфизические системы, искусственный интеллект или специалисты по большим данным. Чрезвычайно важно изучить, как все большая «искусственность» управляемой нейросетями повседневной жизни повлияет на фундаментальные психологические феномены.

В связи с этим одной из острых проблем современного образования является задача развития у обучающегося качеств, необходимых для того, чтобы он мог успешно познавать и эффективно действовать, как этого и требует реальная жизнь. Этот образ задается в современном образовании через национальный идеал воспитания, который определяет цель. Однако, как показывает массовая педагогическая практика, этот образ далеко не каждый учитель воспринимает [4].

К настоящему моменту профессия учителя стала массовой, уже нет единичного педагога и единичного ученика. Внимание взрослых центрировано на благополучии ребенка, ожидания и требования родителей превалируют, государственный образовательный стандарт главенствует, ЕГЭ поджимает. В связи с чем возрастают опасения по поводу отнесения педагога, к персоне, сопровождающей ученика в процессе суммирования знаний и информации, а не продвигающего его (движущегося вместе с ним) по пути миропостижения.

Литература

1. *Гусельцева М.С.* Homo digital: трансформации идентичности в информационной культуре// Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Сб. тезисов международной научной конференции. М., 2018.
2. *Мусарский М. М., Сундуков Д.А.* Современное образование: векторы развития образовательной организации в условиях конкурентной среды // Современное образование: векторы развития: матер. междунар. науч.-практ. конф. - М., 2016.

3. *Нестик Т.А.* Внедрение технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь: перспективы психологических исследований// Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. Сб. тезисов международной научной конференции. М., 2018.
4. *Шнейдер Л.Б., Зыкова М.Н.* Философия учительства, или Некоторые размышления об аксиологических основаниях педагогической деятельности // Проблемы современного образования. - 2016. - № 4.

Животные как фактор, опосредующий субъективные свойства домашней среды

Шунак А., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tasia_marker@mail.ru, nkochetkov@mail.ru*

В настоящее время становится чрезвычайно актуальной тема отношения человека к своему жилищу. Домашняя среда играет большую роль в формировании личной и социальной идентичности человека. Это место, где можно развиваться и отдыхать, где обеспечивается защита и уют. Дом является метафорой личности и отражает опыт своего владельца, это главная жизненная среда человека, которая во многом может определить его личность и развить индивидуальность, определить социальные установки и помочь в личностном развитии. При этом не стоит оценивать дом как что-то рациональное, так как в человеческом образе дома слишком много смыслов [2]. Соответственно, важно создавать дружественную домашнюю среду, которая будет способствовать личностному развитию, психологическому благополучию и поможет преодолеть трудные жизненные ситуации.

Под субъективными свойствами домашней среды можно понимать ее релевантность и привязанность к ней. Привязанность – это аффективный компонент отношения к месту, которое человек считает своим домом. Релевантность же отражает отношение личности к дому, опосредованное его потребностями, опытом и смыслами.

Релевантность состоит из ряда составляющих. Начнем с *эргономичности* – она отражает комфортность и удобство домашней среды, уют дома. *Ресурсность* включает в себя поддержку и стабильность домашней среды. *Отчужденность* – неприятие дома, неудовлетворенность функционалом домашней среды. *Самопрезентация* – возможность показать в своей домашней среде личные достижения и идеи. *Приватность* – позволяет фильтровать информацию из внешнего мира и сокращает социальные контакты. *Управляемость* – говорит о том, насколько можно контролировать среду. *Пластичность* говорит о легкости, с которой можно сделать изменения в среде. *Историчность* – о том, как дом связан с историей семьи [2].

Логично предположить, что на субъективные свойства дома влияет не только его «наполненность» вещами, но и «наполненность» людьми. Однако, между «миром вещей» и «миром людей» можно выделить еще один «мир» – «мир животных» [3]. Он оказывается ближе к «миру вещей» в случае объективации природных объектов или же ближе к «миру людей» в случае их субъективации. Восприятие животного как субъекта берется из особенностей воспитания и обучения [1; 3]. Все организмы нуждаются в контакте с природой, а для человека, живущего в условиях отрыва от нее, эти контакты особенно важны. Отсутствие естественной среды обитания может приводить к использованию своеобразных «суррогатных» замен – в настоящее время очень часто в качестве таковых используется погружение в мир виртуальной реальности, однако только живые существа могут дать обратную связь и стимулировать творческий потенциал человека [4].

В современном мире люди приобретают домашних животных в качестве социальных партнеров, их могут воспринимать как полноценных членов семьи, как «значимых других», соответственно, рассматриваемая нами проблематика будет относиться к социально-психологической области исследований.

Цель данной работы заключалась в исследовании роли животных и отношения к ним в формировании субъективных свойств домашней среды.

Гипотезой исследования явились предположение о том, что субъективные свойства домашней среды выражены по-разному в зависимости от наличия домашних животных и отношения к ним.

Исследование было проведено с использованием платформы Google Forms. Выборку составили 186 респондентов, из России и Молдовы, в возрасте от 16 до 70 лет ($M = 24,16$; $SD = 8,7$).

Для проверки выдвинутой гипотезы использовались методики «Релевантность домашней среды (РДС-к)» и «Привязанность к дому» [2]. В качестве статистических методов были выбраны линейная регрессия, U -критерий Манна-Уитни и H -критерий Краскала-Уоллиса. Статистические расчеты выполнены с помощью пакета Jamovi.

Регрессионный анализ показал, что предикторами релевантности домашней среды и привязанности к дому не являются такие контролируемые нами параметры, как пол, возраст, место жительства, направленность профессии, наличие и количество человек, проживающих в доме. Надо заметить, что релевантность среды определяется фактором наличия своей комнаты ($\beta = 5,925$; $p = 0,032$). При этом и в релевантности, и в привязанности в качестве предиктора выступает не наличие дома животных, а любовь к ним. Оба этих показателя определялись прямыми закрытыми вопросами: «Есть ли у вас дома животные?» и «Любите ли вы этих животных?»

Эмпирическое исследование показало, что привязанность к дому ($H = 54,660$; $p = 0,004$) и релевантность ($H = 40,579$; $p = 0,05$) выше у тех, кто любит своих домашних животных. Исходя из этого можно сделать вывод, что животные могут восприниматься как часть домашней среды. Часть, которая привязывает человека к тому месту, где он живет, которая делает дом соответствующим нашим потребностям.

Развитие настоящей работы мы видим во включении в число предикторов наличия дома растений и любви к ним, а также учет фактора этнокультурной принадлежности.

Литература

1. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов н/Д., 1996.

2. Дом и его обитатели: психологическое исследование / Отв. ред. С.К. Нартова-Бочавер. М., 2018.
3. Ясвин В.А. Психология отношения к природе. М., 2000.
4. Wilson E.O. Biophilia: The human bond with other species. 1984.

Специфика психологического консультирования по проблемам ревности в романтических отношениях

Щукина О.Г.

*ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия
olgashchukina.psy@gmail.com*

Ревность в романтических отношениях представляет собой многоаспектную социально-психологическую категорию, которая может быть охарактеризована как негативно окрашенное чувство; как индивидуально-психологическое свойство личности и как компонент межличностных отношений в качестве репрезентации объектного отношения к партнеру.

Подобная сущностная особенность ревности предопределяет специфику работы с данной проблемой в рамках психологического консультирования. В частности, учитывая интерпсихический и интрапсихический характер ревности, мы можем выделить следующие её категории в контексте оказания психологической помощи:

1. *Ревность как индивидуально-психологическое свойство личности*, как устойчивая категория, объединяющая когнитивный, эмоциональный, мотивационный и поведенческий компоненты. Подобная ревность может быть следствием когнитивных искажений и активизации когнитивных схем, продуктом определенных убеждений и установок [2]. Очевидна в данном случае связь ревности с определенными чертами характера, такими как подозрительность, недоверчивость, обидчивость, тревожность, а также с ненадежным типом привязанности и непереносимостью одиночества. Ревность как устойчивая характеристика, как правило, свойственна людям с пограничным расстройством личности, нарциссическим расстройством личности, зависимым расстройством личности, паранойальным радикалом. Частным случаем подобной ревности

является *патологическая ревность*, более известная как бред ревности или синдром Отелло и требующая медикаментозного купирования. При работе с ревностью как с индивидуально-психологическим свойством личности высокую эффективность показывает когнитивно-поведенческая психотерапия, опирающаяся в данном вопросе на теоретические положения А. Бэка и Дж. Бэк, А. Эллиса, В.Г. Ромека [6], а также на теорию привязанности Дж. Боулби [1] и его последователей. В статье Р. Лихи и А.В. Васильевой подробно перечислены психотехники, методы, упражнения и приемы, позволяющие эффективно работать с ревностью разной степени интенсивности. Особое внимание уделяется работе с «ревнивыми мыслями» [2].

2. *Ревность как чувство и состояние, сопровождающее проживание личностью внутреннего конфликта и кризис.* В данном случае сильная ревность к партнеру не является некой устойчивой диспозиционной характеристикой человека. Ее активизация связана с проживанием внутреннего кризиса, общей эмоционально-психологической нестабильностью [3]. Ревность женщины может, например, усилиться в период беременности и быть связанной с гормональными изменениями и социально-психологической трансформацией. Ревность по отношению к партнеру может активироваться во время длительной болезни, потери работы, резкого изменения внешности, при переезде, эмиграции и любых ситуациях, где снижается устойчивость и адаптивность личности и возрастает потребность во внешней поддержке [3]. Так как подобная ревность является только внешним симптомом глубоких внутренних проблем, то форма отреагирования в данном случае может быть совершенно несоизмеримой. В качестве примера можем привести историю Анны Карениной (роман Л.Н. Толстого) и историю госпожи Бовари (роман Г. Флобера), которые закончились суицидом женщин, на первый взгляд, связанным с переживанием чувства ревности, но по факту отражающим масштабные внутренние проблемы. При работе с ревностью как с симптомом внутреннего конфликта личности наиболее результативным видится использование принципов и техник таких направлений, как экзистенциальная психология, в частности – работа с непереносимостью таких экзистенциальных данностей, как одиночество и свобода; гештальт-терапия, предполагающая восстановление внутренних опор и творческого приспособления к

изменяющейся среде, в том числе – отношениям с партнером. Безусловно, сохраняет свою актуальность психоанализ, направленный на обращение к ранним детским воспоминаниям, в частности, к периоду от 1 года до 3 лет. Как отмечала К. Хорни, именно в младенчестве формируется базовое доверие или недоверие к миру, которое во взрослом возрасте может выражаться, в том числе, и в ревности [8]. Нам кажется важным при данном типе ревности постепенно смещать фокус клиента с переживания ревности на его скрытые и глубинные проблемы.

3. *Ревность как симптом кризиса в романтических отношениях* и маркер нарушений межличностной коммуникации, потери доверия в паре. Частным случаем подобной проблемы является *ревность как реакция на фактическую измену партнера*. В данном случае пара сталкивается с ненормативным острым кризисом, который может стать фатальным для романтических отношений или семейной системы [7]. Измена приводит к обесцениванию предшествующего совместного опыта, нарушению баланса системы и потере доверия в паре [4; 7]. Если партнеры принимают решение сохранить отношения, то обострившаяся ревность является естественной реакцией на проживания кризиса и травмирующей ситуации. Ревность в данном случае выполняет ориентировочную, защитную и стабилизирующую функцию, обеспечивая постоянный мониторинг ситуации на предмет повторения измены, однако представляет собой неконструктивный неадаптивный копинг, который в результате приводит только к ухудшению и без того проблемных отношений [5]. Ревность как симптом межличностного конфликта и кризиса в романтических отношениях предполагает работу непосредственно с парой. Эффективными могут быть системная семейная психотерапия [4]; эмоционально ориентированная терапия для пар, также опирающаяся на теорию привязанности [1]; интегративная поведенческая терапия для пар.

Общими рекомендациями в отношении психологического консультирования клиентов с проблемой ревности в романтических отношениях являются формирование и укрепление внутренних опор и Я-концепции (личностной идентичности); работа с доверием к себе, другим и миру; работа с коммуникативными и поведенческими реакциями клиента на ситуацию, вызывающую ревность; отказ от формирования у клиента ложных ожиданий, таких как «мой партнер

обязательно будет мне верен и никогда не изменит», «я смогу предупредить измену», «сохранность наших отношений зависит полностью от меня» и пр.

Таким образом, специфика оказания психологической помощи при переживании ревности в романтических отношениях предполагает учет природы ее возникновения, формы и интенсивности репрезентации во внешнем мире. На индивидуально-психологическом уровне эффективной видится работа в таких направлениях, как когнитивно-поведенческая терапия и психоанализ, через обращение к ранним детским воспоминаниям и типу привязанности. На уровне проживания внутреннего конфликта ревность может быть проработана посредством обращения к экзистенциальной психологии и гештальт-терапии. При работе с ревностью как с симптомом кризиса пары или семейной системы используются системная семейная психотерапия, эмоционально ориентированная и интегративная поведенческая терапии для пар.

Литература

1. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: «Академический Проект», 2006. 238 с.
2. *Лихи Р.* Мишени когнитивно-поведенческой психотерапии при работе с проблемами ревности / Р. Лихи, А.В. Васильева // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева.* 2019. (4–2). С. 104-111.
3. *Лихи Р.* Ревность: как с ней жить и сохранить отношения. СПб: «Питер», 2019. 267 с.
4. *Олифинович Н.И.* Проблема супружеской неверности в семейной терапии / Н.И. Олифинович, Т.Ф. Велента // *Ресурсы развития образовательной среды непрерывного профессионального педагогического образования.* 2017. С. 182-189.
5. Психотерапия непродуктивных копинг-стратегий супругов, переживающих кризис измены / Е.А. Кедярова, М. Ю.Уварова, В.В. Монжиевская [и др.] // *Психиатрия, психотерапия и клиническая психология.* 2022. Т. 13. № 2. С. 201-211.

6. *Ромек В.Г.* Тренинг уверенности в межличностных отношениях: умение приобретать знакомства, уверенность в конфликт. ситуациях, барьеры межличност. общения. СПб.: «Речь», 2005. 174 с.
7. *Спринг М.* Супружеская неверность: терапия после измены / М. Спринг, Д.А. Спринг. М.: «Центрполиграф», 2017. 317 с.
8. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. СПб.: «Питер», 2002. 224 с.

Проблема подчинения в контексте исследований социальной психологии

Щурова А.Л., Калинин И.В.

*ФГБОУ ВО РГУ им. А.Н. Косыгина, Москва, Россия
Arina0199@ya.ru*

В современном обществе существует огромное множество различных феноменов, которые требуют изучения и актуализации. Одним из таких феноменов является проблема подчинения. Так или иначе, человек, живущий в социуме, вынужден соблюдать определенные нормы и правила, следовать заданным установкам, выбирать те модели и способы поведения, которые будут соответствовать ситуации, в которой он находится. То есть, в силу общественных обстоятельств, личность все равно вынуждена подчиняться тем или иным условиям, факторам, причинам или людям, с которыми в дальнейшем приходится взаимодействовать человеку. Исходя из этого, возникает вопрос о том, что подразумевается под понятием «подчинения» на сегодняшний день, какие социально-психологические факторы и характеристики личности могут определять степень и выраженность подчиняемости личности.

Интерес к исследованиям феномена подчинения начали проявлять еще в начале прошлого века. Одними из основоположников, кто ввел данную проблему в науку были С. Милгрэм и Ф. Зимбардо. В своих работах, например, таких как, эксперимент, направленный на подчинение авторитету, С. Милгрэм изучал, как люди могут подчиняться авторитету даже в ущерб своим собственным убеждениям и моральным принципам. Его работы внесли

значительный вклад в понимание феномена подчинения и его влияния на поведение человека. Ф. Зимбардо рассматривает подчинение как процесс, в ходе которого один человек сознательно или неосознанно подчиняется авторитету другого лица и выполняет его указания [4].

В своей работе Е.Б. Князев говорит о том, что проблема подчиняемости в отечественной и зарубежной психологической науке берет свои начала с изучения проблемы социального познания. Именно в данной концепции поднимался вопрос о том, как человек строит свою картину мира и какие факторы влияют на ее формирование, а также что является предиктором осознания человеком реальности. В исследованиях Е.Б. Князева делаются следующие выводы: человек, который способен контролировать происходящие с ним события имеет представление о себе как об авторитарной личности, способной доминировать и подчинять себе окружающих; люди, имеющие представления о распознавании и понимании эмоций тех, с кем взаимодействуют, более надежны и готовы брать на себя ответственность; субъективное восприятие мира как «конкурентного» сопоставляется с низкой подчиняемостью личности; при межличностном взаимодействии, когда личность ощущает себя не способной брать на себя ответственность и проявляет не желание контролировать происходящие с ней события, то для нее характерно стремление подчиниться окружающим; субъективное восприятие и понимание личностью мира как «опасного» взаимосвязано с тем, что человек не способен к конструированию и установлению связей развития ситуаций и событий, в которых он находится [3].

И.В. Калинин, проведя исследования с анализом ассоциаций, возникающих у испытуемых на понятие «подчинение», выделил два направления, по которым разделяют данное слово:

- 1) подчинение как воздействие вышестоящего руководителя на подчиненных на нижних уровнях иерархии, именуемое «сверху-вниз»;
- 2) подчинение как разнообразные формы поведения подчиненных, которые зависят от своих начальников и вынуждены следовать их указаниям, обозначенное как «снизу-вверх» [2].

И.Б. Бовина и М.Е. Сачкова провели анализ социальных представлений по понятиям «подчинение – неподчинение» среди российской молодежи и получили следующие данные. Для понятия

«подчинение» характерны элементы: начальник, власть, доминирование, послушание. Для понятия «неподчинение» характерными элементами являются: свобода и воля, непослушание, бунт и нарушение закона. Далее, проведя сравнительный анализ с выборками из других стран, они пришли к выводу, что социальные представления о «подчинении – неподчинении» имеют культурно-специфический характер, так как в российском обществе представление о власти имеет ярко выраженный личностный компонент, большую роль играет непосредственная личность руководителя как лидера, закон и право больше несет в себе морально-нравственный аспект, чем юридический [1].

Таким образом, вопрос о изучении проблемы подчинения и подчиняемости личности затрагивает многие сферы социокультурной жизни современного общества и поэтому является актуальным для исследований.

Литература

1. *Бовина И.Б., Сачкова М.Е.* Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 76–92.
2. *Калинин И.В.* Стиль подчинения в контексте экопсихологических типов взаимодействия // Экопсихологические исследования-6: экология детства и психология устойчивого развития: сборник научных статей, Москва, 17–18 марта 2020 года. М., 2020.
3. *Князев Е.Б.* Специфика интеграции характеристик социального познания в пространстве дихотомии "доминирование-подчинение" у студентов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Том 17. № 3.
4. *Щурова А.Л.* Развитие исследований подчиняемости в психологии XX-XXI веков // Международная научная конференция молодых исследователей «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации» (Социальный инженер-2023): сборник материалов Часть 8. М., 2023.

Технологии джоб-крафтинга: новый ракурс в повышении социальной компетентности будущих специалистов помогающих профессий

*Юмкина Е.А., Гуриева С.Д.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
gurievasv@gmail.com, ekaterinayum@gmail.com*

*Исследование выполнено за счет Гранта РНФ № 22-18-00452
«Психосоциальный дизайн рабочей среды как фактор субъективного благополучия сотрудника и инновационного потенциала организации».
https://rscf.ru/prjcard_int?22-18-00452*

Востребованность специалистов помогающих профессий в современной ситуации переживает свой пик [4; 5], обуславливая актуальность оценки уровня их компетентности. В структуре профессионально важных качеств специалистов помогающих профессий особое место принадлежит социальной компетентности, в которую, по данным разных авторов, входят: определенные ценности, знания о самом себе и других людях, способность к самоопределению, широкий спектр коммуникативных умений [1; 2]. Несколько иной взгляд на социальную компетентность специалиста предлагает концепция джоб-крафтинга, под которым понимается система действий, направленная на то, чтобы выполняемая работа в наибольшей степени соответствовала способностям, интересам и целям сотрудника [6]. По сути, джоб-крафтинг отражает поведенческий аспект в проявлении субъектной позиции личности по отношению к своей профессиональной деятельности. Такая позиция реализуется на трех уровнях: (1) в эффективном управлении профессиональными задачами (крафтинг задач, КЗ); (2) в грамотном выстраивании межличностных отношений и коммуникаций (крафтинг отношений, КО); (3) в развитой рефлексивной культуре личности (крафтинг смыслов, КС). По данным исследований эти умения коррелируют с высокой удовлетворенностью и производительностью труда, а также с общим уровнем субъективного благополучия [6]. Принципиальное отличие идеи джоб-крафтинга состоит в том, что главная задача человека видится не в стремлении максимально полно

соответствовать должностным обязанностям, а, в том, чтобы найти для себя такую точку приложения, чтобы максимально полно раскрыть свой потенциал на благо компании или общества [3]. В силу того, что от специалистов помогающих профессий, особенно психологов, ожидается трансляция моделей зрелого отношения к профессии и к жизни, то целью нашего пилотного исследования стало изучение как общего уровня выраженности проактивных умений, так и их места в структуре личностных особенностей будущих специалистов.

Процедура и методы. Выборку исследования составили студенты 3 и 4 курсов помогающих специальностей (психологи и социальные работники, $N = 101$), средний возраст 19,2 лет, 80% – девушек, 20% юношей, 41% совмещают работу и учебу. Использовались следующие методики: опросник проактивного конструирования работы (G. Slemp, D. Vella-Brodrik, 2013 в адаптации авторов), сверхкраткая версия Big5 (А.М. Мишкевич и др., 2022), Московская шкала аутентичности (С.К. Нартова-Бочавер, 2022), индекс субъективного благополучия (ВОЗ-5), методика на диагностику мотивации в профессиональной деятельности К. Замфир в адаптации А. Реана, ценностные ориентации С. Шварца.

Результаты и обсуждение.

Общий уровень проактивной направленности в конструировании работы (ПКР) составил $4,00 \pm 0,76$, что является средним с тенденцией к высокому (максимальное значение 6).

По отдельным составляющим были получены следующие данные: $M_{кз} = 4,09 \pm 0,90$; $M_{кс} = 4,36 \pm 1,00$; $M_{ко} = 3,56 \pm 1,04$. Ярче всего у молодежи развиты на данный момент навыки рефлексии значимости своей профессии для общества (КС), а в зону роста входят умения, направленные на выстраивание отношений с коллегами и сокурсниками (КО).

Из совокупной выборки были выделены контрастные группы с целью анализа, какие личностные особенности сопровождают общую направленность будущих специалистов на джоб-крафтинг.

Контрастные группы отбирались по принципу $M \pm SD$. В группу с высокими значениями по джоб-крафтингу вошло 17 человек (Г1), а в группу с низкими – 16 (Г2). С помощью критерия U Манна-Уитни были получены статистически значимые различия по ряду качеств.

Так, в Г1 в сравнении с Г2 молодые люди оценивают себя в большей степени как экстравертов ($Mz2 = 11,4 \pm 2,0$; $Mz1 = 7,7 \pm 2,3$), открытых новому опыту ($Mz2 = 12,2 \pm 1,2$; $Mz1 = 8,9 \pm 2,7$). У них выше показатели субъективного благополучия ($Mz2 = 3,1 \pm 0,8$; $Mz1 = 2,4 \pm 0,8$) и внутренней мотивации ($Mz2 = 4,5 \pm 1,0$; $Mz1 = 3,7 \pm 1,0$) в профессиональной деятельности.

Далее, уже на совокупной выборке была проанализирована структура корреляционных связей (по Спирмена) между исследуемыми параметрами. Оказалось, что чем выше общий показатель ПКР, тем выше значения внутренней мотивации в профессии ($p < 0,01$), экстраверсии ($p < 0,01$), открытости опыту ($p < 0,01$), субъективного благополучия ($p < 0,01$), ценностей творческой самореализации ($p < 0,01$) и общественного благополучия ($p < 0,01$). Таким образом, выраженная проактивность в учебной и рабочей деятельности отражает более зрелую позицию личности.

Полученные результаты подтверждают актуальность развития социальной компетентности будущих специалистов, особенно в части проактивного поведения в профессии. Они легли в основу разработки специального практико-ориентированного обучающего курса, который на данный момент в экспериментальном порядке реализуется в СПбГУ.

Литература

1. *Веселкова Н.В., Прямикова Е.В.* Социальная компетентность взросления. УрГУ им. АМ Горького, 2005.
2. *Гончаров С.З.* Социальная компетентность личности: сущность, структура, критерии и значения // Образование и наука. 2004. 2(26).
3. *Гуриева С.Д., Юмкина Е.А., Таусенева М.С., Марарица Л.В.* Содержательные компоненты концепта «джоб-крафтинг»: подходы к операционализации и механизмы функционирования // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Соц. науки. 2023. 4 (72).
4. *Костарнова Н.* Психологов поднимают по тревоге. URL: [https://www.kommersant.ru/doc/5748777.](https://www.kommersant.ru/doc/5748777)]

5. *Сергачев В.* Забота в цене. В Петербурге растет спрос на услуги социальных работников. URL: <https://spbvedomosti.ru/news/gorod/zabota-v-tsene-v-peterburge-rastet-spros-na-uslugi-sotsialnykh-rabotnikov/#bounce>
6. *Wrzesniewski A., LoBuglio N., Dutton J.E., Berg J.M.* Job crafting and cultivating positive meaning and identity in work // *Advances in positive organizational psychology*. 2013. № 1.

Взаимоотношения сиблингов как предиктор формирования ценностной сферы личности

Юмкина Е.А., Медведева А.А.

*ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
ekaterinayum@gmail.com, annamedvedeva0083@gmail.com*

Ценностные ориентации изучаются в различных научных психологических школах как, возможно, ключевых детерминант становления личности [1]. Межличностные взаимоотношения внутри семьи накладывают большой отпечаток на процесс социализации и развития личности, формируют ее ценностные ориентации. Большинство отечественных исследований, посвященных изучению этих процессов, рассматривают их с точки зрения системы родительно-детских отношений. Однако немалую роль в этом процессе играют взаимоотношения между братьями и сестрами. Поэтому целью нашего исследования стало изучение ценностной сферы сиблингов, исходя из особенностей восприятия ими своих взаимоотношений.

Гипотезы исследования:

- 1) склонность к восприятию сиблингов своих отношений как *понимающих* взаимосвязано с выраженностью у сиблингов *индивидуальных ценностей*;
- 2) склонность к восприятию сиблингов своих отношений как *эмоционально притягательных* взаимосвязано с выраженностью у брата *семейных ценностей* и выраженностью у сестры *индивидуальных ценностей*;

3) склонность к восприятию сиблингов своих отношений как *авторитетных* взаимосвязано с выраженностью у сестры *индивидуальных ценностей* и выраженностью у брата *общечеловеческих ценностей*.

В исследовании приняли участие 82 человека, из которых 52 женщины, у которых есть брат (разница в возрасте от 1 года до 12 лет); 30 мужчин, у которых есть сестра (разница в возрасте от 1 года до 10 лет).

В исследовании использовались следующие методики: «ЦО-36» В.Н. Куницыной (заполнялся за себя и за сиблинга), направлена на изучение ценностной сферы сиблингов; «ПЭА» А.Н. Волковой, направлена на изучение качества взаимоотношений сиблингов (адаптированная).

Математическая обработка включала в себя описательные статистики и корреляционный анализ с применением коэффициента корреляции Спирмена.

Корреляционный анализ показал, что восприятие сестры своих отношений с братом как отличающиеся высокой степенью понимания взаимосвязан с выраженностью у брата ценности авторитетности ($p < 0,05$), при этом, трансляция сестрой понимающего отношения к своему брату взаимосвязана с представлением брата о важности для сестры ценности интеллекта ($p < 0,05$). Восприятие братом своих отношений с сестрой как понимающих взаимосвязано с меньшей выраженностью в важности для сестры ценности интеллекта ($p < 0,05$) и потакания себе ($p < 0,05$), при этом трансляция братом понимающего отношения по отношению к своей сестре взаимосвязана с представлением сестры о важности для брата таких ценностей как самоуважение ($p < 0,05$) и независимость ($p < 0,05$).

Высокий уровень эмоционального притяжения сестры к своему брату взаимосвязан с низкой выраженностью у брата ценности мира прекрасного ($p < 0,05$), при этом брат может считать, что для сестры маловажными являются ценности уважения традиций ($p < 0,05$), терпеливость ($p < 0,05$), честолюбие ($p < 0,05$). В свою очередь, высокий уровень эмоционального притяжения брата к своей сестре взаимосвязан с выраженностью у сестры ценности здоровья ($p < 0,05$). При этом сестра может считать, что брату не столь важна ценность уважения старших ($p < 0,01$).

Корреляционный анализ показал, что высокий уровень авторитетности сестры по отношению к своему брату взаимосвязан с выраженностью у брата такой ценности как социальное признание ($p < 0,01$). В свою очередь, высокий уровень авторитетности брата к своей сестре взаимосвязан с ожиданием сестры от брата в важности уважать традиции ($p < 0,05$).

Таким образом, можно заключить, что в случае понимающих отношений сиблингов можно проследить тенденцию к развитию у них ориентации на независимость. Более теплые и близкие отношения, где сиблинги стремятся проводить время друг с другом, в свою очередь, могут привести к меньшей ориентации на уважение традиций. Авторитетные отношения, которые характеризуются уважением личности своего сиблинга, а также некоторой идеализацией его со стороны сестры способны сформировать у брата потребность получать уважение не только от сестры, но и от окружающих.

Литература

1. Почтарева Е.Ю. Ценностно-смысловая сфера личности: сущность, детерминанты, механизмы развития // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. №4.

Особенности адаптации детей, возвращенных из зон боевых действий

Юрчук О.Л., Дмитриева Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
yurchukol@mgppu.ru, dmitrievann@mgppu.ru

Работа по установлению местонахождения и возвращению на родину несовершеннолетних граждан Российской Федерации, находящихся на территории Республики Ирак и Сирийской Арабской Республики, организована в 2017 году и проводится по поручению Президента Российской Федерации.

Подавляющее число детей, возвращенных из Сирийской Арабской Республики и Республики Ирак (далее – возвращенные дети), не имеют документов о российском гражданстве, их физическое и психическое состояние требует медицинского обследования и лечения, а также оказания психологической помощи [1].

Общая координация данной деятельности осуществляется в соответствии с разработанным Минтрудом России Типовым алгоритмом по организации в субъектах Российской Федерации работы по медицинской и социальной реабилитации, а также по социальной адаптации детей, возвращаемых из зон боевых действий [3], в рамках выполнения Комплекса мер, направленных на выработку единого подхода к организации в субъектах Российской Федерации мероприятий по медицинской и социальной реабилитации, а также по социальной адаптации детей, возвращаемых из зон боев, утвержденного заместителем председателя Правительства Российской Федерации Т.А. Голиковой от 2 декабря 2020 г. № 11491п-П12 (далее – Типовой алгоритм).

В настоящее время, согласно Типовому алгоритму, задача социальной адаптации и психологической реабилитации возвращенных детей является важной и социально значимой проблемой в Российской Федерации. Это необходимо, так как такие дети зачастую испытывают разнообразные сложности: в обучении, в общении (как со сверстниками, так и со взрослыми), в психологической адаптации к ценностным ориентирам новых групп (как в семье, так и в образовательной организации) [5]. Для решения этой проблемы важными факторами являются развитие коммуникативных навыков, социальная гибкость и ревизия и пересмотр жизненных установок и личностных ценностей возвращенных детей [4].

Все это определяет актуальность организации разных форм психологического сопровождения возвращенных детей на региональном и на федеральном уровнях. Специалистами Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (далее – ФКЦ) осуществляется как непосредственная работа с возвращенными детьми, так и

методическое сопровождение специалистов, сопровождающих семьи, принявшие возвращенных детей, – кураторов, педагогов, педагогов-психологов (психологов) образовательных организаций и центров психолого-педагогической медицинской и социальной помощи.

В период с 19 по 24 ноября 2023 г. психологи ФКЦ работали в муниципалитетах Республики Дагестан проводя психологическое обследование возвращенных детей, реализуя обучение и экспертно-методическую поддержку специалистов. Также психологи ФКЦ участвовали в оценке эффективности мероприятий по психологической реабилитации и социально-психологической адаптации, проводимых с несовершеннолетними и их опекунами, совместно со специалистами аппарата Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского.

В рамках выезда проведено 145 скрининговых психологических обследований (в индивидуальном и групповом формате) несовершеннолетних от 5 до 17 лет, основная работа была направлена на выявление актуального психоэмоционального состояния несовершеннолетних, особенностей познавательной, коммуникативной, ценностной сфер, а также изучение особенностей адаптации несовершеннолетних к изменившимся условиям проживания.

По итогам выезда выделены наиболее актуальные проблемы адаптации возвращенных детей в Республике Дагестан. По результатам проведенных мероприятий выявлено, что адаптация большинства несовершеннолетних проходит успешно: улучшается уровень владения русским языком, происходит усвоение социокультурных норм и правил, снижается интенсивность симптомов переживания психотравмирующих событий (расстройства аффективной сферы, фобии), отмечается положительная динамика в ликвидации педагогической запущенности.

Семьи, принявшие возвращенных детей, активно включены в работу с широким кругом специалистов: психологов, педагогов, работников территориальных органов опеки и попечительства, аппарата Уполномоченного по правам детей в Республике Дагестан,

что положительно сказывается на динамике адаптации и ресоциализации несовершеннолетних.

Из выявленных проблем можно отметить следующие.

1. У 70% возвращенных детей наблюдается постепенно корригируемая социально-педагогическая запущенность разной степени тяжести (сложности освоения школьной программы уровня, соответствующего возрасту, обучение на 1 и более классов ниже своего возраста; снижение уровня общей осведомленности, недостаточное развитие высших психических функций).

2. В силу интенсивности пережитых травмирующих событий, у 42% обследованных несовершеннолетних сохраняются психологические трудности различного характера: повышенный уровень тревожности, фобические состояния, нарушения циркадного ритма, патологическое переживание утраты, низкая мотивация к обучению, низкий уровень эмоционального интеллекта, неадекватный уровень притязаний и самооценки, что требует дальнейшего психолого-педагогического сопровождения.

3. У специалистов, участвующих в психологическом сопровождении возвращенных детей, выявляется выраженная потребность в экспертно-методической и психологической поддержке, повышении квалификации, прохождении супервизий (экспертных, обучающих, поддерживающих).

Длительное нахождение в зоне вооруженного конфликта, безусловно, является травмирующим психику ребенка фактором, затрудняющим интеллектуальное, духовное, физическое и нравственное развитие. Большинство возвращенных детей являются сиротами. Все это вызывает глубокие вторичные нарушения физического, психического и социального характера. В связи с этим, в процессе работы по адаптации детей, вывезенных из зон боевых действий, приобретает чрезвычайно важное значение, наряду с организацией воспитательного и образовательного процесса, вопросы раннего выявления у указанной категории детей психических и поведенческих нарушений, профилактика у них постстрессовых расстройств на отдаленных этапах психотравмы и их своевременная и полноценная реабилитация и реинтеграция в общество [2].

Литература

1. Доклад о деятельности уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2019 году: [сайт]. – URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/attachments/article/189/23/87/DOK_LAD_2019.pdf (дата обращения: 30.03.2023)
2. *Захарова Н.М.* Комплекс реабилитационных мероприятий в отношении несовершеннолетних, возвращенных в Россию из зон боевых действий / Н.М. Захарова, А.В. Милехина // Евразийский Союз Ученых. – 2020. – №11-2 (80). – С. 13-18.
3. О медицинской и социальной реабилитации, а также по социальной адаптации детей, возвращаемых из зон боевых действий: Письмо Минтруда России от 30.07.2021 № 27-1/10/П-5707 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Российской Федерации: [сайт]. – URL: <https://legalacts.ru/doc/pismo-mintruda-rossii-ot-30072021-n-27-110p-5707-o-meditsinskoj/> (дата обращения: 28.11.2023)
4. *Ульянина О.А., Вихристюк О.В.* Комплексный подход в сопровождении детей, пострадавших в результате военных действий // Приверженность вопросам психического здоровья: материалы IV Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 5–7 октября 2023 г. / науч. ред. О. Б. Михайлова, М. И. Волк, И. А. Новикова, Е. Б. Башкин. – Москва: РУДН, 2023. С. 440-445
5. *Ульянина О.А.* Социально-психологические особенности детей, возвращенных из зон боевых действий // Актуальные проблемы психологического сопровождения детей, возвращенных из зон боевых действий : сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, Махачкала, ФГБОУ ВО «ДГПУ им.Р.Гамзатова», 23-24 ноября 2023г. / под ред. М.М. Далгатова, У.Ш. Магомедхановой. – Махачкала: Издательство АЛЕФ, 2023. – 256 с

Исследование связи между эмпатией руководителей и эффективностью их деятельности

*Яковлева Л.Е., Климова К.К.
ИОН РАНХуГС, Москва, Россия
yakovlevaliliya7@gmail.com*

Высокий уровень эмпатии способствует пониманию эмоционального состояния других людей, что позволяет человеку лучше осознавать потребности и мотивы поведения окружающих, благодаря чему возможно построение глубоких и доверительных социальных контактов. Соответственно, руководители с высоким уровнем эмпатии понимают эмоциональное состояние своих подчиненных и могут лучше управлять ими, так как понимание эмоционального состояния подчиненных позволяет принимать более эффективные решения, учитывая индивидуальные потребности и особенности каждого человека. С другой стороны, эмпатия может причинять вред, потому что люди с высокой эмпатией могут быть более чувствительны к негативным эмоциям, из-за чего они более глубоко переживают чужие эмоции и даже могут воспринимать чужие проблемы как собственные [6; 7]. Можно сделать вывод, что руководитель с высокой эмпатией будет слишком сильно переживать проблемы и трудности своих подчиненных, что может привести к тому, что руководитель, вовлеченный в переживания своих сотрудников, может принимать важные решения не рационально и взвешенно, а аффективно из-за чрезмерной эмпатии к своим сотрудникам. Руководитель может стать неоправданно лояльным по отношению к сотрудникам, которые испытывают негативные эмоции из-за личных переживаний, что приводит к снижению эффективности деятельности сотрудников и работы всего коллектива в целом.

Проблема: какая связь между уровнем эмпатии руководителя и его эффективностью в управлении коллективом?

Гипотеза: низкий уровень эмпатии руководителей коррелирует с снижением их эффективности, в то же время чрезмерно высокий уровень эмпатии также связан с уменьшением результативности руководителя.

План исследования. Выборкой нашего исследования станут HR-менеджеры РАНХиГС из разных институтов и филиалов с примерно одинаковым опытом работы (расхождение возможно в 1-2 года) и схожими задачами. Мы измерим уровень эмпатии руководителей при помощи опросника эмоциональной эмпатии EETS, а также эффективность руководителей по разным критериям. Методика EETS направлена на выявление уровня эмпатии как личностной черты – способность человека распознавать чувства и эмоции окружающих людей, испытывать к ним сочувствие и определять их эмоциональное состояние. Опросник состоит из 33 вопросов, с которыми респондент должен согласиться или не согласиться, после чего по шкале подсчитывается суммарный балл [4, с. 525-543].

Далее излагаются экспериментальные гипотезы, которые мы планируем проверить в рамках эмпирического исследования.

Экспериментальная гипотеза 1. Используя Методику К. Камерона и Р. Куинна (OCAI), мы измерим коэффициент корреляции между уровнем реальной и воспринимаемой корпоративной культурой. Опросник включает в себя 60 утверждений, с которыми нужно согласиться или не согласиться, проставив цифры от 1 до 5. В рабочей группе, в которой HR-менеджеры обладают низким уровнем эмпатии, будет низкий коэффициент корреляции между уровнем реальной и воспринимаемой корпоративной культуры в компании; в рабочей группе, в которой HR-менеджеры обладают критически высоким уровнем эмпатии, также будет низкий коэффициент корреляции [1, с. 83-85].

Экспериментальная гипотеза 2. Используя опросник лояльности сотрудников ENPS (Employee Net Promoter Score), мы измерим то, насколько работники удовлетворены условиями работы и насколько они порекомендуют ее в качестве места работы. И в рабочей группе, в которой HR-менеджеры обладают низким уровнем эмпатии, и в рабочей группе, в которой HR-менеджеры обладают слишком высоким уровнем эмпатии, будет низкий уровень лояльности сотрудников [5, с. 4-5].

Экспериментальная гипотеза 3. Используя опросник профессионального выгорания (Маслач, Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой), мы сможем оценить эмоциональный тонус сотрудников и то, насколько продуктивно они способны работать. В

рабочих группах, где у HR-менеджеров наблюдается низкий уровень эмпатии, а также в группах с чрезмерно высоким уровнем эмпатии, будет высокий уровень выгорания сотрудников [3, с. 191-201].

Экспериментальная гипотеза 4. Мы измерим количественные результаты эффективности рабочих групп: для этого измерим коэффициент оборачиваемости персонала (Turnover Rate), который показывает соотношение между количеством уволенных и уволившихся сотрудников к их общему числу в компании. Также мы измерим процент успешных наймов (Retention Rate), что позволит нам сделать вывод о том, насколько продуктивно работают HR-менеджеры: чем выше процент успешных наймов, тем больше новых сотрудников было привлечено в компанию в долгосрочной перспективе. Мы предполагаем, что в рабочих группах, где HR-менеджеры имеют уровень эмпатии, стремящийся к низким показателям, и в тех, где HR-менеджеры имеют значения эмпатии, близкие к высшему значению, будет повышенный уровень оборачиваемости персонала и меньший процент успешных наймов сотрудников.

Ожидаемый результат. Мы получим большое количество информации о том, как проявляется связь между уровнем эмпатии руководителей и эффективностью их деятельности и можем сделать вывод, что связь между уровнем эмпатии и эффективностью руководителя нелинейная: у руководителей с уровнем эмпатии, близким к критически низкому значению, будет низкая эффективности; уровень эмпатии, приближенный к экстремуму, также может привести к снижению результативности менеджера.

Литература

1. *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. СПб: Питер, 2001.
2. *Gerdes K., Segal E.* Importance of empathy for social work practice: integrating new science // Soc Work. 2011. № 56(2). С. 142-144.
3. *Maslach C., & Jackson S.* Maslach burnout inventory manual // Consulting Psychologists Press. 1986. С. 191- 201.

4. *Mehrabian A., Epstein N.* A measure of emotional empathy // *Journal of Personality.* 1972. №40. С. 525-543.
5. *Reichheld F.* The One Number You Need to Grow // *Harvard Business Review OnPoint.* 2003. С. 4-5.
6. *Stebnicki Mark A.* Empathy Fatigue Healing the Mind, Body, and Spirit of Professional Counselors. - Springer Publishing Company, 2008.
7. *Waal F.* The Limits of Empathy // *Ethology international journal of behavioural biology.* 2009. №304. С. 383-384.

Эмоционально-личностные особенности детей младшего школьного возраста, воспитывающихся в неполных семьях

Январева А.А., Ерохина В.А.

*ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, Россия
Nastyayanvareva@mail.ru, Verayerokhina@rambler.ru*

Цель нашего исследования: изучение эмоционально-личностных особенностей детей младшего школьного возраста, воспитывающихся в неполных семьях. Предмет – взаимосвязь особенностей воспитания в неполных семьях и эмоционально-личностных нарушений у детей младшего школьного возраста.

Гипотеза исследования: у детей младшего школьного возраста, воспитывающихся в неполных семьях, по сравнению с другими детьми того же возраста, наблюдаются определенные эмоционально-личностные особенности – сниженный эмоциональный интеллект, переживание внутрисемейного напряжения и искаженное восприятие образа значимых взрослых.

Всероссийская перепись населения, проведенная в 2020 году, выявила, что 38,5% семей с детьми являются неполными, большая часть из которых представлена одинокими матерями с ребенком или детьми (31,2% из общего числа опрошенных семей) [2]. Однако вопрос влияния воспитания в неполной семье, как правило, рассматривается вне зависимости от превалирующей роли отца или матери. В отечественной литературе наибольшее внимание уделяется психологическим, эмоционально-личностным и социальным

следствиям воспитания в неполной семье, тогда как в зарубежной – поведенческим, что позволяет классифицировать виды негативного влияния неполной семьи на ребенка следующим образом.

- Эмоционально-личностные нарушения – тревога, болезненные переживания, суицидальные мысли, неуверенность в себе, нерешительность в поведении, повышение рисков развития эмоциональных расстройств.
- Поведенческие нарушения – снижение школьной адаптации и успеваемости, курение, злоупотребление психоактивными веществами и алкоголем, суицидальные попытки, повышение риска развития поведенческих расстройств.
- Нарушения социального взаимодействия – сложности формирования и поддержания контакта, отсутствие непринужденности и гибкости при общении, стремление угодить окружающим.

В рамках актуального исследования изучению подвергалась группа эмоционально-личностных нарушений.

Выборка: контрольная и экспериментальная группы, исследуемые на базе ГБОУ школы № 1321 «Ковчег», 1–4 классы.

- В экспериментальную группу входило 15 детей младшего школьного возраста от 7 до 11 лет, воспитывающихся в неполных семьях одинокими матерями.
- Контрольная группа включала 15 детей младшего школьного возраста от 7 до 11 лет, воспитывающихся матерью и отцом.

Использовались следующие методические инструменты: методика Р. Жилия, «Опросник эмоционального интеллекта» С.Холла, «Рисунок семьи». Для проведения исследования были использованы данные о статистической норме по методике Р. Жилия, методы первичной статистики и непараметрический коэффициент корреляции Манна-Уитни.

Было произведено попарное сравнение 18 шкал по двум методикам. Актуальное исследование не выявило значимых различий при $p \leq 0,01$, принимающем значение $U_{кр} \leq 56$, однако были получены значимые различия при $p \leq 0,05$ ($U_{кр} \leq 72$). Среди таких показателей можно выделить шкалу «Отношение к отцу»: дети из неполных семей, воспитывающиеся одинокими матерями, крайне редко предпочитают отца в качестве поддержки, опоры и собеседника. Подобные

результаты были получены и при анализе шкалы «Отношение к родительской чете», где дети из экспериментальной группы, как правило, не воспринимали фигуры отца и матери как основания, образующие единое семейное целое. Также наблюдался повышенный уровень привязанности детей из неполных семей к учителям и другим значимым взрослым. Например, такие дети в рамках разыгрываемой ситуации по методике Р. Жилия «приглашали» учителей или исследователя на прогулку, проявляли свое желание подарить им подарок, располагали себя рядом с фигурой, которую они определяли как учителя.

Анализ результатов применения методики «Рисунок семьи» показал, что детям из полных семей более свойственно использование деталей и цветов (60% цветных рисунков), что свидетельствует о большей открытости и развитости фантазии; а детям из неполных семей – использование черного цвета или выбор одного из цветов в 66,7% рисунков. Дети, воспитывающиеся в неполной семье, на рисунке чаще изображают животных, посторонних людей (где можно выделить друзей, врагов, известных ребенку персонажей), а также умерших членов семьи, как следствие стремления к компенсации недостаточности общения и эмоциональных связей с близкими людьми. В крайних случаях дети экспериментальной группы отказывались изображать свою семью, рисовали рисунки на отвлеченную тему (даже после повторения инструкции), что может являться проявлением внутрисемейного напряжения и частично подтверждать гипотезу (26,7% отказов у экспериментальной группы при 0% – контрольной). Конфликтные тенденции выявляются и на рисунках, где отсутствуют лица: у детей из неполных семей в 26,7% случаев. При этом на всех рисунках детей из полных семей лица имеются. В то же время для контрольной группы более свойственно отсутствие рисунка себя (20% при 6,7% для экспериментальной группы), что нередко может являться выражением соперничества с изображенными на рисунке [3]. Однако при анализе рисуночных методов значимо провести дополнительное индивидуальное обследование ребенка для подтверждения результатов.

Таким образом, между выборками не наблюдается различий в показателях эмоционального интеллекта, однако было выявлено переживание внутрисемейного напряжения, сильная привязанность к

значимым взрослым у экспериментальной группы и более выраженное стремление к соперничеству – у контрольной.

Литература

1. *Смирнов В.М., Селиванова О.В.* Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. 2023. Т. 10. № 5.
2. *Тейлор К.* Тест «Рисунок семьи» Психологические тесты и упражнения для детей. Книга для родителей и воспитателей. М., 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Абалмасова Анастасия Дмитриевна, преподаватель кафедры теоретических основ социальной психологии факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Абдулина Юлия Александровна, аспирант ИП РАН. Москва, Россия.

Авдеева Наталия Николаевна, профессор кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Авраменко Вера Григорьевна, младший научный сотрудник ГАОУВО МГПУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Агишева Анастасия Андреевна, младший научный сотрудник лаборатории психологии развития субъекта в нормальных и посттравматических состояниях. Институт психологии РАН. Москва, Россия.

Агниязова Динара Нурлановна, студент факультета «Социальная психология». Программа магистратуры «Психология дорожного движения» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Адучиева Валерия Дорджиевна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Айбушев Якуб Камильевич, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Аймаганбетова Ольга Хабижановна, профессор кафедры общей и прикладной психологии факультета философии и политологии, доктор психологических наук. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Алдашева Айгуль Абдулхаевна, ведущий научный сотрудник Лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ИП РАН, доктор психологических наук, Москва, Россия.

Александрова Елена Андреевна, кандидат культурологии, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного

¹ Сведения составлены на основании заявок, поданных на конференцию, и не являются исчерпывающими.

образования факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Алигаева Нигар Назимовна, преподаватель Академии ФСИН России. Рязань, Россия.

Андони Александра Ивановна, аспирант кафедры социальной и педагогической психологии факультета психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия.

Анисимова Екатерина Владимировна, заведующая сектором психологического сопровождения отдела по воспитательной и социальной работе ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Апасова Екатерина Викторовна, сотрудник кафедры социальной психологии развития, кандидат психологических наук ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Арчакова Алина Евгеньевна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Афанасьев Аким Николаевич, студент ФГБОУ ИВО МГГЭУ. Москва, Россия.

Афанасьева Ольга Федоровна, аспирант АНО ВО «Российский новый университет». Москва, Россия.

Бабикова Марина Рашитовна, доцент кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, начальник отдела подготовки и аттестации кадров высшей квалификации, кандидат филологических наук. ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет». Екатеринбург, Россия.

Балина Анастасия Дмитриевна, студент магистратуры факультета психологии. ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Баранова Елена Лазаревна, студент магистратуры «Психология дорожного движения» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Баранова Мария Дмитриевна, тьютор программы «Ресурс России» ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС. Москва, Россия.

Барсуков Алексей Станиславович, студент магистратуры «Психология дорожного движения» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Бащева Анастасия Сергеевна, студент факультета философии и психологии. Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.

Баясева Эльмира Камильевна, студент магистратуры «Психология дорожного движения» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Безменова Ирина Константиновна, преподаватель факультета психологии, кандидат психологических наук ИОН РАНХиГС. Москва, Россия.

Белинская Елена Павловна, профессор кафедры социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Берилова Елена Игоревна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии КГУФКСТ. Краснодар, Россия.

Блохина Мария Артуровна, студент магистратуры СПбГУП. Санкт-Петербург, Россия.

Бобченко Татьяна Григорьевна, доцент Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, кандидат психологических наук. Владимир, Россия.

Богатеева Любовь Игоревна, аспирант ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Богатырев Кирилл Алексеевич, аспирант ОАНО ВО «МПСУ». Москва, Россия.

Богодяж Елизавета Николаевна, студент магистратуры. Программа «Психологическое консультирование и психокоррекция». БГПУ им. М.Танка. Минск, Республика Беларусь.

Болотова Ольга Владимировна, доцент кафедры Р1 «Менеджмент организации», кандидат психологических наук, доцент. БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова. Санкт-Петербург, Россия.

Бордунос Александра Константиновна, ассистент кафедры организационного поведения и управления персоналом. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Бородин Алексей Сергеевич, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Босенко Юлия Михайловна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, кандидат психологических наук. Краснодар, Россия.

Бусарова Ольга Ренатовна, доцент кафедры юридической психологии и права факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Васильева Ирина Евгеньевна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Васькина Мария Андреевна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Веричева Ярослава Игоревна, студент ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (КГУ). Кострома, Россия.

Вильковская Ольга Дмитриевна, руководитель методического отдела АНО ДПО «Пять призм», координатор Центра научных исследований ФПКиН.

Витер Анна Александровна, преподаватель ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет» (КГУ). Кострома, Россия.

Власова Ангелина Даниловна, студент факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Войтко Ольга Константиновна, заведующая кафедрой общей и организационной психологии, УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», кандидат психологических наук, доцент. Минск, Республика Беларусь.

Волков Роман Сергеевич, психолог-исследователь. Москва, Россия.

Волкова Наталья Владимировна, доцент департамента менеджмента НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

Волобуев Александр Александрович, студент ФГБОУ ВО «Юго-Западный Государственный Университет». Курск, Россия.

Воробьева Ирина Владимировна, начальник управления научных исследований и проектной деятельности ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент. Екатеринбург, Россия.

Воронко Елена Валентиновна, заведующая кафедрой психологии и педагогики УО «Гродненский государственный медицинский университет», кандидат психологических наук, доцент. Гродно, Республика Беларусь.

Воронкова Инна Викторовна, доцент кафедры «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова» факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Выродова Александра Владимировна, студент факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Гаврилова Татьяна Павловна, профессор кафедры детской и семейной психотерапии факультета «Консультативная и клиническая психология», кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Гайворонская Александра Александровна, инспектор. Управление научно-исследовательской деятельности (научно-исследовательского института криминалистики) Главного Управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации. Москва, Россия.

Галиуллин Эмиль Эльдарович, студент факультета «Психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Галич Александр Викторович, студент Покровского филиала ФГБОУ ВО МПГУ. Покров, Россия.

Галоян Метакся Сейрановна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология», ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Гаранина Кристина Николаевна, студент кафедры социальной педагогики и психологии. Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых. Владимир, Россия.

Гильманова Азалия Азатовна, студент магистратуры «Практическая этнопсихология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Горелова Дарья Васильевна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Гормоза Татьяна Валерьевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры возрастной и педагогической психологии. УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». Минск, Республика Беларусь.

Городкова Элеонора Александровна, магистр психологии. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС. Москва, Россия.

Горская Галина Борисовна, профессор кафедры психологии, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, доктор психологических наук, профессор. Краснодар, Россия.

Гревцев Иван Артемович, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Грекова Екатерина Александровна, доцент кафедры клинической психологии. ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». Барнаул, Россия.

Григорьева Лейли Дмитриевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Гришель Павел Владимирович, преподаватель кафедры специальной психологии и реабилитологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Гумницкая Анна Сергеевна, независимый эксперт, психолог, бизнес-тренер, магистр психологии, Челябинск, Россия.

Гумницкий Михаил Ефимович, независимый эксперт, психолог, бизнес-тренер, магистр техники и технологии, Челябинск, Россия.

Гуреева Анастасия Олеговна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Гуриева Светлана Дзахотовна, заведующая кафедрой социальной психологии ФГБОУ ВО СПбГУ, доктор психологических наук, профессор. Санкт-Петербург, Россия.

Дамьянович Стефан, аспирант факультета психологии. ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия.

Даниленко Ольга Васильевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Даниленко Ольга Ивановна, профессор кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор культурологии, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

Девицын Антон Сергеевич, старший преподаватель кафедры веб-технологий и компьютерного моделирования. Белорусский государственный университет. Минск, Республика Беларусь.

Делибальт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Демарева Валерия Алексеевна, доцент кафедры социальной безопасности и гуманитарных технологий, заведующая лабораторией киберпсихологии факультета социальных наук. ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия.

Денисенкова Наталия Сергеевна, доцент кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Денисов Александр Александрович, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Диденко Галина Алексеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры прикладной психологии и развития личности. ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет». Херсон, Россия.

Дическул Ольга Муллануровна, студент магистратуры. ФГАОУ ВО ПГНИУ, Пермь, Россия.

Дмитриева Наталия Николаевна, начальник отдела экстренной психологической помощи Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Донская Анна Сергеевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Доронина Наталья Николаевна, доцент кафедры возрастной и социальной психологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат психологических наук, доцент. Белгород, Россия.

Дорофеев Алексей Юрьевич, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Дробышева Татьяна Валерьевна, ведущий научный сотрудник. Лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН, доктор психологических наук. Москва, Россия.

Дудкина Валентина Викторовна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Евланов Роман Алексеевич, студент магистратуры «Психология дорожного движения» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Евсюкова Ольга Александровна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Елесичева Надежда Ивановна, студент магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Еременко Юлия Анатольевна, студент магистратуры. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского. Симферополь, Республика Крым, Россия.

Ерохина Вера Анатольевна, доцент кафедры общей психологии и психологии развития Института клинической психологии и социальной работы, кандидат психологических наук. ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова МЗ РФ. Москва, Россия.

Ершов Сергей Владимирович, аспирант. АНО ВО «Славяно-Греко-Латинская Академия». Москва, Россия.

Ефимов Евгений Николаевич, студент магистратуры «Психологическое благополучие в детско-юношеском возрасте» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ефремов Михаил Александрович, кандидат технических наук, доцент кафедры информационной безопасности ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет». Курск, Россия.

Ефремов Сергей Борисович, психолог, независимый исследователь. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Заболоцкая Светлана Владимировна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Заитова Анастасия Владимировна, студент. Удмуртский Государственный Университет. Ижевск, Россия.

Зайцева Виктория Эдуардовна, студент психологического факультета. Академия ФСИН России. Рязань, Россия.

Зверовская Яна Павловна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Зенчик Стефани Сергеевна, студент экономико-правового факультета. УО «БИП – Университет права и социально-информационных технологий». Минск, Республика Беларусь.

Золотарева Алена Анатольевна, доцент департамента психологии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

Зотов Алексей Николаевич, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Зудилова Ксения Валерьевна, студент магистратуры «Психология интернета». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Иванов Михаил Анатольевич, магистр психологии, бизнес-тренер, основатель и руководитель клуба переговоров «ПЛАН Б», преподаватель на программах MBA, GMP, DBA в бизнес-школах ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО. Москва, Россия.

Иванова Анна Вячеславовна, студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций. Финансовый университет при правительстве Российской Федерации. Москва, Россия.

Иванова Елена Михайловна, доцент кафедры клинической психологии, кандидат психологических наук, доцент. ФГАОУ ВО

«Российский Национальный Исследовательский Медицинский Университет им. Н.И. Пирогова». Москва, Россия.

Иванова Полина Сергеевна, командир отделения, сержант полиции. Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. Москва, Россия.

Игнатенко Ирина Николаевна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Ильин Константин Сергеевич, студент психолого-педагогического факультета. Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». Балашов, Россия.

Исаева Светлана Анатольевна, психолог ГБУ МСПП, аспирант и преподаватель ГБУ РГУ им. А.Н. Косыгина, практикующий психолог, психодраматист, член Ассоциации Психодрамы в России, действительный член Профессиональной Психотерапевтической Лиги. Москва, Россия.

Калашикова Екатерина Александровна, ведущий научный сотрудник лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (ФНЦ ПМИ), кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Каракаш Александра Александровна, студент магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Калинин Игорь Викторович, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Карманова Анна Вячеславовна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Карунин Илья Васильевич, студент ФГАОУ ВО «Российский Национальный Исследовательский Медицинский Университет им. Н.И. Пирогова». Москва, Россия.

Кауенко Ирина Ивановна, доцент факультета социальных наук и образования Независимого Международного Университета Молдовы (ULIM), доктор психологии. Кишинёв, Республика Молдова.

Кириянова Екатерина Вадимовна, студент психологического факультета. Академия ФСИН России, Рязань, Россия.

Киселев Константин Анатольевич, аспирант кафедры социальной психологии, психолог лаборатории юридической психологии, ассистент кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского». Саратов, Россия.

Киселева Екатерина Николаевна, студент магистратуры «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Клементьева Марина Владимировна, профессор ФГБОУ ВО «Финансовый университет при правительстве Российской Федерации», доктор психологических наук. Москва, Россия.

Климова Ксения Константиновна, студент. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС). Москва, Россия.

Ковалева Полина Владиславовна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ковалева Татьяна Вячеславовна, доцент кафедры психологии управления факультета социальной психологии, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Коваленко Ольга Олеговна, психолог сектора экстренного реагирования и психологического консультирования отдела экстренной психологической помощи ФКЦ МГППУ. Москва, Россия.

Ковыльникова Екатерина Александровна, специалист по учебно-методической работе факультета социальной психологии. ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Когай Изольда Александровна, студент. ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия.

Коголова Дарья Сергеевна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кожухарь Галина Сократовна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Козлова Анна Алексеевна, старший преподаватель кафедры, майор внутренней службы. Академия ФСИН России. Рязань, Россия.

Козлова Анна Эдуардовна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Колесникова Ульяна Сергеевна, курсант Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел. Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя. Москва, Россия.

Колесникович Светлана Сергеевна, магистрант. БГПУ им. М.Танка. Минск, Республика Беларусь.

Колоскова Оксана Викторовна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Колтакова Анастасия Олеговна, студент факультета психологии. ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Белгород, Россия.

Кольванова Элина Владимировна, лаборант лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования», студент факультета психологии. МГУ имени М.В. Ломоносова. Москва, Россия.

Кольнер Анат Евгеньевна, студент факультета социальной психологии. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Комарова Тамара Константиновна, доцент кафедры общей и социальной психологии. Гродненский госуниверситет имени Янки Купалы. Гродно, Республика Беларусь.

Кононыхина Василина Борисовна, аспирант кафедры общей психологии и психологии труда. Гуманитарный институт, АНО ВО «РосНОУ». Москва, Россия.

Корж Анастасия Игоревна, студент филологического факультета. Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы. Москва, Россия.

Коржик Анна Сергеевна, старший методист, Институт развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ). Москва, Россия.

Коркина Марина Алексеевна, студент ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова. Москва, Россия.

Косенкова Наталья Михайловна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Косьмина Дарья Геннадьевна, студент факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кочетков Дмитрий Михайлович, студент магистратуры «Психология интернета» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кочетков Никита Владимирович, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Кочеткова Татьяна Николаевна, доцент СЗИУ РАНХиГС , кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Кочетова Татьяна Викторовна, доцент кафедры психологии управления ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Кочетова Юлия Андреевна, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Красмик Юлия Николаевна, докторант PhD. Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан.

Кривцова Анна Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Крисько Наталья Юрьевна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кружкова Ольга Владимировна, заведующая лабораторией перспективных социально-средовых исследований ФГБОУ ВО УрГПУ, кандидат психологических наук, доцент. Екатеринбург, Россия.

Крушельницкая Ольга Борисовна, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Крюкова Татьяна Леонидовна, профессор кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет», доктор психологических наук. Кострома, Россия.

Кудашов Григорий Александрович, студент факультета гуманитарных наук и социальных технологий ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет». Ульяновск, Россия.

Кудряшов Дмитрий Павлович, студент магистратуры «Психология интернета» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кузьмичев Лев Вячеславович, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кузьмичева Надежда Андреевна, преподаватель кафедры психологии, кандидат психологических наук, майор полиции. Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. Москва, Россия.

Кулага Александра Андреевна, студент факультета социально-педагогических технологий. Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка. Минск, Республика Беларусь.

Кулагина Ирина Юрьевна, профессор кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник. Москва, Россия.

Куприянов Роман Владимирович, доцент ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (ФГБОУ ВО «КНИТУ»), кандидат психологических наук. Казань, Россия.

Кухтеня Екатерина Андреевна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кучерова Елизавета Юрьевна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Кучина Анастасия Борисовна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Лаврентьева Евгения Викторовна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Лавринович Елена Васильевна, профессор кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат социологических наук, доцент. Москва, Россия.

Ларионов Иван Викторович, научный сотрудник Лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Москва, Россия.

Латышева Марианна Александровна, студент магистратуры. Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия.

Леви Татьяна Самуиловна, профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии Московского гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Левин Леонид Маркович, аспирант кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Леонов Илья Николаевич, доцент кафедры клинической психологии, конфликтологии и психоанализа Удмуртского Государственного Университета, кандидат психологических наук. Ижевск, Россия.

Лето Лейсан Азатовна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Литвинова Елена Юрьевна, доцент кафедры психологии управления ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Лобза Ольга Валерьевна, доцент кафедры общей и социальной психологии МГИМО МИД России, кандидат психологических наук. Московская область, Одинцово, Россия.

Логачева Маргарита Алексеевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Лукьяненко Алена Евгеньевна, ассистент кафедры. Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия.

Лупуляк Полина Валерьевна, соискатель ученой степени кандидата психологических наук. Санкт-Петербургский Государственный Университет. Санкт-Петербург, Россия.

Лыкова Татьяна Анатольевна, ведущий научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Мадоян Маргарита Анатольевна, доцент. Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат медицинских наук. Рязань, Россия.

Мазаева Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии МГППУ. Москва, Россия.

Мазнева Ольга Андреевна, студент ФГБОУ ВО «Юго-Западный Государственный Университет». Курск, Россия.

Макарова Ирина Вячеславовна, студент магистратуры «Психология дорожного движения» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Максимова Алина Искандаровна, студент ТюмГУ ИПИП. Тюмень, Россия.

Мангасаров Артур Вадимович, методист. Институт развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ). Москва, Россия.

Марарица Лариса Валерьевна, старший научный сотрудник Лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург, Россия)

Маринова Татьяна Юрьевна, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, декан факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат биологических наук, доцент. Москва, Россия.

Маркович Виктория Андреевна, магистр психологических наук, ассистент кафедры педагогики и психологии с курсом клинического

моделирования БГМУ. УО «Белорусский государственный медицинский университет». Минск, Республика Беларусь.

Марьин Константин Алексеевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Матвеева Алена Игоревна, научный сотрудник управления научных исследований и проектной деятельности ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет». Екатеринбург, Россия.

Матвеева Светлана Владимировна, доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского «Балашовский институт (филиал), кандидат психологических наук. Балашов, Россия.

Маштакова Светлана Васильевна, студент ФГБОУ ВО МГУ имени А.И. Куинджи. Мариуполь, Россия.

Медведева Анна Алексеевна, студент Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

Мельничук Андрей Степанович, доцент факультета психологии ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Мещерская-Робустова Елена Витальевна, доцент кафедры гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Покровского филиала МПГУ, кандидат исторических наук. Покров, Россия.

Минеев Глеб Алексеевич, студент магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Михайлова Ирина Викторовна, доцент ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент. Ульяновск, Россия.

Михайлова Ольга Борисовна, доцент кафедры психологии и педагогики филологического факультета РУДН им. П. Лумумбы, кандидат педагогических наук. Москва, Россия.

Моголеева Любовь Владимировна, студент психологического факультета, Академия ФСИН России. Рязань, Россия.

Молчанова Анастасия Юрьевна, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Мороз София Сергеевна, студент магистратуры. Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Владимир, Россия.

Мошина Дина Викторовна, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Мунгалов Владимир Николаевич, доцент кафедры социальной психологии СПбГУП, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Мухина Татьяна Константиновна, доцент кафедры СПП. Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, кандидат психологических наук. Владимир, Россия.

Мястковская Екатерина Юрьевна, студент магистратуры «Практическая психология в образовании и социальной сфере» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Назаров Николай Алексеевич, студент факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия.

Наубетжанова Айнура Айткалиевна, студент магистратуры «Практическая психология в образовании и социальной сфере» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Наумова Ирина Ивановна, студент факультета магистратуры «Психология дорожного движения» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Нестерова Альбина Александровна, профессор кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Нефедова Алла Валерьевна, старший преподаватель. Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ). Владимир, Россия.

Николаева Наталия Олеговна, доцент кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Никулина Мария Юрьевна, студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Нимец Анна Романовна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Новохатская Елена Васильевна, студент факультета психологии и массовых коммуникаций. ФГБОУ ВО МГУ имени А.И. Куинджи. Мариуполь, Россия.

Овсяник Ольга Александровна, профессор кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», доктор психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Ополовникова Алёна Сергеевна, студент магистратуры «Психология в социальной сфере» ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова». Кострома, Россия.

Орлов Владимир Алексеевич, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Орлова Варвара Павловна, студент факультета «Клиническая и специальная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Павлов Александр Олегович, аспирант. Государственный университет управления, Москва, Россия.

Павлова Ольга Сергеевна, заведующая кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат педагогических наук. Москва, Россия.

Панова Софья Игоревна, студент КГУ им. К.Э. Циолковского. Калуга, Россия.

Парфёнова Екатерина Станиславовна, студент магистратуры «Психологическое благополучие в детско-юношеском возрасте» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Пашкова Яна Андреевна, преподаватель кафедры общей и социальной психологии. Воронежский государственный университет. Воронеж, Россия.

Петракова Анастасия Владимировна, старший научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Петрушихина Елена Борисовна, декан факультета психологии образования Института психологии им. Л.С. Выготского ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Пинтелина Наталья Викторовна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Писаренко Аксинья Петровна, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, аспирант кафедры гуманитарных дисциплин. ЧОУ ВО Таганрогский институт управления и экономики. Таганрог, Россия.

Питерский Михаил Юрьевич, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Погодина Алла Васильевна, профессор кафедры психологии управления ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Погодина Елена Константиновна, старший преподаватель факультета социально-педагогических технологий УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». Минск, Республика Беларусь.

Поздняков Ярослав Игоревич, методист. Институт развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ). Москва, Россия.

Поликарпова Екатерина Сергеевна, культорганизатор Санкт-Петербургского ГБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения Московского района». Санкт-Петербург, Россия.

Полина Анжелика Владимировна, доцент кафедры психологии труда и психологического консультирования ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Полякова Оксана Александровна, соискатель. Государственный университет управления, Москва, Россия.

Помуран Наталья Николаевна, доцент кафедры иностранных языков ФГО (ИЯ ГФ) Новосибирского Государственного Технического Университета, кандидат психологических наук, доцент. Новосибирск, Россия.

Попова Татьяна Ананьевна, доцент кафедры психологии развития ФГАОУ ВО ПГНИУ. Пермь, Россия.

Прокушева Марина Ивановна, студент магистратуры «Социально-психологическое консультирование» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Пышинова Алина Игоревна, студент магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Радван София Иссам, студент ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова. Москва, Россия.

Радина Надежда Константиновна, профессор кафедры общей и социальной психологии ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», НИУ «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доктор политических наук. Нижний Новгород, Россия.

Радина Надежда Константиновна, профессор кафедры общей и социальной психологии ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского; старший научный сотрудник Лаборатории теории и практики систем поддержки принятия решений ФГАОУ ВО НИУ «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук, доктор политических наук. Нижний Новгород, Россия.

Распопова Анна Сергеевна, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма; кандидат психологических наук. Краснодар, Россия.

Расходчикова Марина Николаевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Рахмалин Б.Р., студент магистратуры. Казахский Национальный Университет им. аль Фараби, Алматы. Республика Казахстан.

Розалёва Людмила Николаевна, доцент. Уральский Федеральный Университет, кандидат психологических наук. Екатеринбург, Россия.

Рыбина Ольга Владимировна, председатель президиума Ассоциации «Федерация профессиональных коучей и наставников», кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Рынгач Елена Владимировна, заведующая кафедрой практической психологии, научный сотрудник. ФГБОУ ВО МГУ имени А.И. Куинджи. Мариуполь, Россия.

Рябкова Ирина Александровна, доцент кафедры «Дошкольная психология и педагогика» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Рязанцева Дарья Александровна, студент факультета социальной педагогики и психологии. Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (ВлГУ). Владимир, Россия.

Савельева Татьяна Ивановна, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности Академии ФСИИ России, кандидат психологических наук. Рязань, Россия.

Савостьянов Иван Васильевич, студент факультета психологии. ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы». Уфа, Россия.

Саенко Алексей Юрьевич, аспирант. Российский государственный социальный университет. Москва, Россия.

Самигуллин Ринат Рафилевич, старший преподаватель ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы». Уфа, Россия.

Самко Пётр Игоревич, методист. Институт развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ). Москва, Россия.

Самохвалова Анна Александровна, преподаватель кафедры общей и социальной психологии ФГАОУ ВО ННГУ им Н.И.Лобачевского. Нижний Новгород, Россия.

Сачкова Марианна Евгеньевна, профессор кафедры общей психологии ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Светлова Александрина Антоновна, кандидат психологических наук, старший методист, Институт развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ). Москва, Россия.

Семенова Лидия Эдуардовна, профессор кафедры общей и социальной психологии. Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО ННГУ им. Н.И. Лобачевского), доктор психологических наук, доцент. Нижний Новгород, Россия.

Семичев Даниил Максимович, старший методист. Институт развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ). Москва, Россия.

Сергеева Алла Владимировна, профессор кафедры общей, возрастной и дифференциальной психологии Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. Санкт-Петербург, Россия.

Середа Ева Вячеславовна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Сечко Нина Фёдоровна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики. УО «БИП – Университет права и социально-информационных технологий». Минск, Республика Беларусь

Сибекина Анастасия Сергеевна, студент магистратуры «Организационная психология». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Сиворонова Мария Сергеевна, преподаватель кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности. Московский университет МВД Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Симакова Вера Дмитриевна, студент факультета психологии образования, программа «Прикладная психология и педагогика в социальной сфере и образовании».

Синякова Анна Игоревна, студент магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Скалябина Ирина Николаевна, студент магистратуры «Психология дорожного движения». ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Смильгин Диана Аликовна, студент факультета социально-педагогических технологий. Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка». Минск, Республика Беларусь.

Смолякова Евгения Вадимовна, студент магистратуры «Социальная психология». ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Собкин Владимир Самуилович, руководитель лаборатории «Центр социокультурных проблем современного образования» ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» (ФНЦ ПМИ), доктор психологических наук, профессор, академик РАО. Москва, Россия.

Совмиз Зарема Рустемовна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», кандидат психологических наук. Краснодар, Россия.

Суднищикова Алена Владимировна, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО ГИПУ имени В.Г. Короленко. Глазов, Удмуртская Республика, Россия.

Сухарева Лидия Алексеевна, студент БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова. Санкт-Петербург, Россия.

Тарасов Семён Васильевич, научный сотрудник Лаборатории социальной и экономической психологии, Институт психологии РАН. Москва, Россия.

Терехова Елена Андреевна, студент магистратуры психологии управления. ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС. Москва, Россия.

Терехова Елена Сергеевна, аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Терещенко Анна Алексеевна, студент магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Титова Ирина Сергеевна, студент магистратуры «Психологическое благополучие в детско-юношеском возрасте» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Титова Ольга Ивановна, доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, кандидат психологических наук, доцент. Красноярск, Россия.

Титовец Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики БГПУ имени Максима Танка, кандидат педагогических наук, доцент. Минск, Республика Беларусь.

Ткаченко Наталья Владимировна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, кандидат психологических наук ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Токарев Александр Григорьевич, соискатель степени кандидата психологических наук Уральского Государственного Педагогического Университета. Екатеринбург, Россия.

Толстых Наталия Николаевна, заведующая кафедрой «Социальная психология развития», главный редактор журнала «Социальная психология и общество» ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Толчков Глеб Игоревич, студент магистратуры факультета социальных наук, программа «Персонология. Консультативная психология и психотерапия». НИУ «Высшая школа экономики». Москва, Россия.

Трофимова Юлия Владимировна, доцент кафедры клинической психологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент. Барнаул, Россия.

Трушкова Светлана Викторовна, доцент ФГБОУ «Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет», профессор НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Трясунова Евгения Сергеевна, старший преподаватель кафедры анатомии, физиологии и безопасности жизнедеятельности ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет». Екатеринбург, Россия.

Туйчиева Мадина Дилишодовна, студент факультета «Юридическая психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Тычкова Яна Вячеславовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Тюкиль Оксана Викторовна, методист. Государственное бюджетное учреждение Воронежской области «Центр психолого-педагогической поддержки и развития детей». Воронеж, Россия.

Фёдоров Валерий Владимирович, старший преподаватель кафедры «Социальная психология развития» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Фивейская Екатерина Юрьевна, заместитель директора Института развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ). Москва, Россия.

Филина Наталья Александровна, доцент Российского государственного социального университета, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Филиппова Ольга Андреевна, студент магистратуры. Российский государственный социальный университет. Москва, Россия.

Филиппова Ольга Сергеевна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Фокс-Алехин Филипп (Fauquet-Alekhine Philippe), сотрудник Лаборатории субъективной доказательной этнографии психологических и поведенческих наук (SEBE-Lab), Лаборатории исследований в области энергетики (Франция), кафедры психологических и поведенческих наук Лондонской школы экономики. Лондон, Великобритания.

Фокина Мария Владимировна, доцент кафедры гуманитарных дисциплин ОЧУВО «Московский инновационный университет», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Фролова Мария Андреевна, студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при правительстве РФ. Москва, Россия.

Хавыло Алексей Викторович, заведующий лабораторией информационно-психологической безопасности, доцент кафедры общей и социальной психологии, кандидат психологических наук. КГУ им. К.Э. Циолковского. Калуга, Россия.

Хаймовская Наталия Ароновна, доцент кафедры теоретических

основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Харченко Максим Андреевич, заведующий кафедрой психологии управления факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат физико-математических наук, доцент. Москва, Россия.

Хорозова Лариса Фёдоровна, доцент Комратского государственного университета, доктор психологии. Комрат, Республика Молдова.

Цигеман Элина Сергеевна, младший научный сотрудник, Лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, Россия.

Чальшев Александр Михайлович, студент магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Черноярова Татьяна Юрьевна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Черчес Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры общей и организационной психологии БГПУ им. М.Танка, кандидат психологических наук, доцент. Минск, Республика Беларусь.

Чеснова Юлия Владимировна, студент магистратуры «Современные технологии в психологической практике» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Чикер Вера Александровна, доцент кафедры социальной психологии СПбГУ, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Шавкин Игорь Валерьевич, аспирант ФГБОУ ВО «Казанский национальный исследовательский технологический университет» (ФГБОУ ВО «КНИТУ»). Казань, Россия.

Шарапов Никита Александрович, аспирант кафедры общей психологии и психологии труда АНО ВО «Российский новый университет». Москва, Россия.

Шацков Павел Александрович, доцент кафедры педагогики и психологии. Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», кандидат педагогических наук, доцент. Балашов, Россия.

Шебанова Виталия Игоревна, и.о. зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Херсонский аграрный университет», доктор психологических наук, профессор. Херсон, Россия.

Шебанова Светлана Георгиевна, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ФГБОУ ВО «Херсонский аграрный университет», кандидат психологических наук, доцент. Херсон, Россия.

Шевалдина Диана Дамировна, аналитик управления научных исследований и проектной деятельности ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет». Екатеринбург, Россия.

Шейнов Виктор Павлович, профессор кафедры психологии Республиканского института высшей школы, доктор социологических наук, профессор. Минск, Республика Беларусь.

Шипша Анна Андреевна, студент естественнонаучного, биологического факультета. Стокгольмский Университет (Stockholms universitet), Стокгольм, Королевство Швеция.

Шкиндер Тимофей Александрович, студент ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова. Москва, Россия.

Шляхова Елена Вадимовна, педагог-психолог, автор-онлайн проекта «Психологическая студия “Креативность Онлайн”» ОАНО «Мобильная цифровая школа-онлайн школа «БИТ», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Шмелева Ольга Валерьевна, студент магистратуры «Организационная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Шнейдер Лидия Бернгардовна, профессор кафедры психологической антропологии Института детства ФГБОУ ВО МПГУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Шорохова Валерия Альбертовна, старший преподаватель кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Шукишина Людмила Викторовна, профессор ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор философских наук, доцент. Москва, Россия.

Шумакова Наталья Борисовна, профессор кафедры «Возрастная

психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук. Москва, Россия.

Шупак Анастасия, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Шуст Юлия Викторовна, студент факультета психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Санкт-Петербург, Россия.

Шукина Ольга Геннадьевна, аспирант кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», Москва, Россия.

Шурова Арина Леонидовна, аспирант ФГБОУ ВО «Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)», Москва, Россия.

Эйфир Маргарита Михайловна, студент ФГБОУ ВО РЭУ им. Г.В. Плеханова. Москва, Россия.

Юмкина Екатерина Анатольевна, старший преподаватель кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Санкт-Петербург, Россия.

Юрчук Ольга Леонидовна, заместитель руководителя по научно-методической работе Федерального координационного центра по обеспечению психологической службы в системе образования Российской Федерации, кандидат психологических наук. ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Яковлева Елена Константиновна, студент факультета «Клиническая и специальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Яковлева Лилия Евгеньевна, студент РАНХиГС. Москва, Россия.

Январева Анастасия Андреевна, студент ФГАОУ ВО РНИМУ им. Н.И. Пирогова МЗ РФ. Москва, Россия.

Социальная психология: вопросы теории и практики.
Материалы IX Международной научно-практической
конференции памяти М.Ю. Кондратьева
«Социальная психология: вопросы теории и практики»
(15–16 мая 2024 г.)

Электронное издание. Печать по необходимости

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29; тел.: (495) 632-90-77; факс: (495) 632-92-52